ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№1 2026 (ЯНВАРЬ)

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

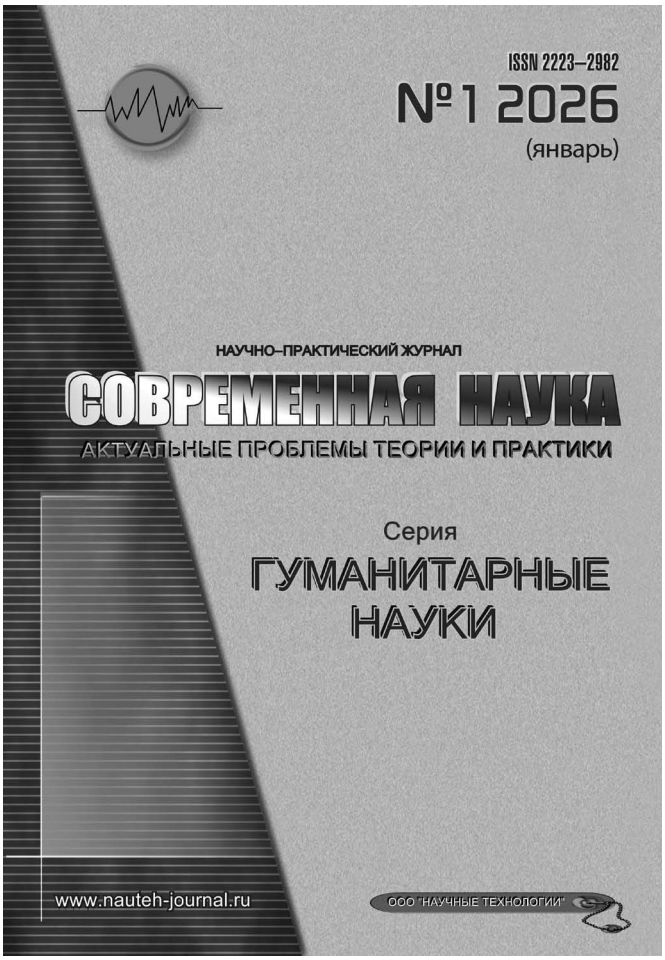
Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.



В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
http: //www.nauteh-journal.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки №1 (январь) 2026 г.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 14.01.2026 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Гуманитарные науки».

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н, доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н.,, Институт экономики РАН, г.н.с.

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н.,, МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

История

Абилов А.И. – Штрихи к биографии тюрколога Али бека Гусейнзаде и роль России в становлении его личности
Abilov A. – Ouches to the biography of turkologist Ali bey Huseynzade and the role of Russia in the formation of his personality 8

Андреев А.Е. – Роль местных учреждений в регионах России во второй половине XVIII века: сопоставление инициатив губернаторов и сенатских указов
Andreev A. – The role of local institutions in Russian regions in the second half of the 18th century: a comparison of governor's initiatives and senate decree 13

Баранова А.Е. – Роль Турции в черноморской политике европейского союза: историческая эволюция дуализма стратегического партнёрства и конкуренции
Baranova A. – Turkey's role in the black sea policy of the European union: the historical evolution of the dualism of strategic partnership and competition 17

Валеев А.Р. – Проблемы в реализации жилищной политики в Республике Татарстан в 1990–1993 гг.
Valeev A. – Problems in the implementation of housing policy in the Republic of Tatarstan in 1990–1993 22

Гавриков Д.А. – Агитация против законов об охоте в Великобритании в 1844–1846 гг.
Gavrikov D. – Agitation against hunting laws in Great Britain in 1844–1846 26

Горбатов Л.В. – Историографическое исследование и эволюция названий болезней в хакасской народной медицине
Gorbatov L. – Historiographic study and evolution of disease names in Khakass folk medicine 31

Ли Сяоминь – Исторические аспекты участия аналитических центров в развитии энергетического сотрудничества между Китаем и Центральной Азией
Li Xiaomin – Historical aspects of think tanks' participation in the development of energy cooperation between China and Central Asia 37

Садым К.Б. – Особенности деятельности национальных объединений в советский период
Sadyim K. – Features of the activities of national associations in the soviet period 42

Тимербулатов Т.А., Юсупов Р.Г. – Исторический опыт развития системы обеспечения информационной безопасности в РСФСР в 1922–1929 годах. Часть 2. Информация, подлежащая защите, и способы защиты информации
Timerbulatov T., Yusupov R. – Historical experience of the evolution of the information security system in Russia in 1922–1929. Part 2. Information to be protected and methods of protecting information 47

Тимохова Е.Г. – Политика содействия международному развитию Японии в Африке: результаты и вызовы
Timokhova E. – Japan's international development assistance policy in Africa: results and challenges 53

Фролов В.Н. – Оскорбления власти как выражение протестных настроений крестьян Псковской губернии 1908–1916 гг.
Frolov V. – Insults to the authorities as an expression of the protest sentiments of the peasants of the Pskov province 1908–1916 58

Халитов А.А., Сухарева И.В. – Социальное предпринимательство в Республике Башкортостан: сравнительно-исторический анализ
Khalitov A., Sukhareva I. – Social entrepreneurship in the Republic of Bashkortostan: a comparative historical analysis 65

Чжан Вэй – Бренд объединённого фронта «попутчики на дороге искусства» как фактор содействия культурному возрождению приграничных этнических территорий
Zhang Wei – The "artist's road" united front brand as a factor in promoting cultural revival in ethnic border areas 70

Шукшин С.И., Востряков Л.Е. – О формировании культурного суверенитета Российской Федерации: история и перспективы
Shukshin S., Vostriakov L. – On the formation of cultural sovereignty of the Russian Federation: history and prospects 74

Педагогика

Антипов О.В., Луцюк В.Е., Гежа Р.В. – Анализ показателей соревновательной деятельности игроков женской студенческой сборной по футзалу
Antipov O., Lutsyuk V., Gezha R. – Analysis of competitive performance indicators of the women's student futsal team players. 80

Антипов О.В., Суханова Е.Ю., Куликова М.В. – Применение системы комплексного контроля двигательных возможностей бегунов на средние дистанции в аграрном вузе
Antipov O., Sukhanova E., Kulikova M. – Application of an integrated motor abilities monitoring system for middle-distance runners in an agricultural university. 84

Бодрова П.Е. – К вопросу о вариативности терминологического описания этноориентированного обучения русскому языку как иностранному
Bodrova P. – On the issue of the variability of the terminological description of ethnooriented teaching of Russian as a foreign language 88

Ван Лэй, Лю Ян, Ли Ияо – Культурный концепт как основа культурной картины мира студентов научно-технических вузов
Wang Lei, Liu Yang, Li Yiyao – Cultural concept as the basis of the cultural picture of the world of students of scientific and technical universities 93

Васиченко К.В. – Проблемы понимания и употребления русских местоимений третьего лица китайскими учащимися в связи с отсутствием грамматического рода в китайском языке
Vasichenko K. – Problems of understanding and using Russian pronouns of the third person by Chinese students due to the lack of grammatical gender in the Chinese language 97

Гордиенко Т.П., Колесник Е.С. – Сущность и структура конкурентоспособности как личностно-профессионального качества специалиста
Gordienko T., Kolesnik E. – Essence and structure of competitiveness as a personal and professional quality of a specialist 100

Евсеева Ю.А., Грошева Т.Ю. – Современные практики подготовки советников директора по воспитанию
Evseeva Yu., Grosheva T. – Contemporary practices of innovative experience in training director's advisors on education in educational organizations. 105

Земсков А.Е., Евсеева Ю.А., Винокурова Н.В. – Коммуникативные технологии в работе советника директора по воспитанию
Zemskov A., Evseeva Yu., Vinokurova N. – The communicative technologies in the work of school principal's advisor for education 111

Зенченков И.П. – Системный подход к формированию физической культуры будущего учителя с учетом междисциплинарной интеграции и непрерывности образовательного процесса
Zenchenkov I. – A systematic approach to the formation of physical culture of future teachers taking into account interdisciplinary integration and continuity of the educational process. 117

Змаженко И.Р., Рыбальченко Ю.Н. – Формирование психологической устойчивости у юных спортсменов в условиях соревновательного стресса: интегративная методика на основе педагогики сотрудничества
Zmazhenko I., Ribalchenko Yu. – Developing psychological resilience in young athletes under competitive stress: an integrative method based on collaboration pedagogy. 123

Зубкова И.В. – Модель психолого-педагогической поддержки эмоционального благополучия младших школьников в объединениях дополнительного образования: IMRAD-исследование
Zubkova I. – A model of psychological and pedagogical support for the emotional well-being of younger schoolchildren in additional education associations: IMRAD-research 127

Ионова А.А. – Использование короткометражных фильмов на занятиях по иностранному языку
Ionova A. – The usage of short films in foreign language lessons 132

Копрева Л.Г. – Наглядность как основной компонент для развития навыков устной речи у обучающихся в военном вузе
Kopreva L. – Visualization as a basic component for the development of students' oral speech skills at a military university.....135

Ли Гэнвэй – Актуальность изучения сленгов и жаргонов русского языка в китайской аудитории
Li Gengwei – The relevance of studying Russian slang and jargon for Chinese learners.....142

Литвин Н.В., Капустина Н.В. – Особенности преподавания физики студентам вузов в условиях цифровизации обучения
Litvin N., Kapustina N. – Specific features of teaching physics to university students in the context of digitalization of education 147

Ма Янь – Влияние музыкально-дидактических игр на развитие музыкальных способностей младших школьников в России и Китае
Ma Yan – Influence of musical and didactic games on the development of musical abilities of younger students in Russia and China 150

Новикова Т.В. – Условия методического обеспечения подготовки профсоюзных кадров в процессе дополнительного профессионального образования
Novikova T. – Conditions of methodological support for the training of trade union personnel in the process of additional professional education 155

Ревуненкова С.Е., Иванова В.А., Лосенко И.В. – Значение подвижных игр в развитии физических качеств человека. актуальные проблемы педагогических подходов в проведении спортивных мероприятий
Revunenkova S., Ivanova V., Losenko I. – The significance of active games in the development of human physical qualities. current challenges of pedagogical approaches in organizing sports events 162

Руденко В.А., Гаянов А.А., Фахретдинова Г.Ф., Чередова Е.А. – Интеграция универсальных и профессиональных компетенций в контексте семинарских занятий, проводимых в вузе
Rudenko V., Gayanov A., Fakhretdinova G., Cheredova E. – Integration of universal and professional competencies in the context of seminar classes at a university 166

Федорова Е.В., Федоров Н.П., Приладышева Л.Н. – Проблемы социальной активности студенческой молодежи как детерминанты формирования социабельности в Запорожской области
Fedorova E., Fedorov N., Priladysheva L. – Problems of social activity of student youth as determinants of the formation of sociability in the Zaporizhia region.....172

Хань Сюэтин, Назарова Е.О. – Методические особенности изучения творчества Ши Гуннаня в контексте патриотического воспитания студентов творческих вузов Китая
Han Xueting, Nazarova E. – Methodological features of the study of Shi Gongnan's creativity in the context of patriotic education of students at creative universities in China.....178

Янь Ли, Чжэн Сяньлан – Исследование уровня цифровой грамотности магистров международного обучения китайскому языку в университетах Синьцзяна
Yan Li, Zheng Xianlang – A study of the digital literacy level of international Chinese language teachers at Xinjiang universities 183

Филология

Богатырева Т.Б. – Смысловые доминанты и поэтика лирического цикла Н.Л. Трауберг «Венок сонетов»
Bogatyreva T. – Semantic dominants and poetics of N.L. Trauberg's lyrical cycle "A wreath of sonnets" 189

Ван Аньци – Сравнительный анализ культурных нарративов Китая и России в эпоху новых медиа
Wang Anqi – Comparative analysis of cultural narratives of China and Russia in the era of new media 195

Власова Л.К. – Вербальные средства информационно-психологического воздействия в современном политическом медиадискурсе (на материале португальских СМИ)
Vlasova L. – Verbal means of information and psychological influence in contemporary political media discourse (based on portuguese media materials).....200

Гурова Л.Д., Курбанов И.А. – Средства реализации функций коммуникативной категории толерантности в американском политическом дискурсе
Gurova L., Kurbanov I. – Means of implementing the functions of the communicative category of tolerance in American political discourse 205

Карпенко А.В. – Фрейм «выигрыш» как тип лексического концепта в дискурсе русской литературы I-ой половины XIX века
Karpenko A. – Frame "win" as a type of lexical concept in the discourse of Russian literature 1st half of the 19th century 210

Лапко А.В., Айнулова С.Е. – Гибридный нарратив как инструмент конструирования социально значимых трендов (на примере интернет-издания Lenta.ru)
Lapko A., Aynulova S. – Hybrid Narrative as an Instrument for Shaping Social Trends: The Case of Lenta.ru.....215

Лянь Бинбин – Концептуальная система поэмы А. Ельтмана «Муромские леса»: структурно-семантический анализ доминантных концептов
Lian Bingbing – Conceptual system of A. Veltman's poem "Murom forests": structural-semantic analysis of dominant concepts 220

Малахова Е.В. – Актуализация категории персональности в ситуации эмотивной каузативности
Malakhova E. – Actualization of the category of personality in a situation of emotive causation.....225

Плотников М.А. – Гендерные различия в языковой самопрезентации иностранных абитуриентов (на материале мотивационных писем в НИУ «МЭИ»)
Plotnikov M. – Gender differences in the linguistic self-presentation of international applicants: a case study of motivation letters at the national research university "MPEI".....231

Сидорова Н.А., Ларюхина Н.Б. – Диалогический дискурс как интеракция ценностей в рамках межкультурного общения
Sidorova N., Laryukhina N. – Dialogic discourse as an interaction of values in intercultural communication.....236

Соколова О.К. – Стилистические инновации Густаво Адольфо Беккера: от романтической риторики к модернистской поэтике
Sokolova O. – Stylistic innovations of Gustavo Adolfo Bécquer: from romantic rhetoric to modernist poetics 239

Цораева О.И. – Сопоставительное исследование гиперо-гипонимических отношений в семантическом поле "Успех" в английском и русском языках
Tsoraeva O. – A comparative analysis of hyper-hyponymic relations in the semantic field "Success" in English and Russian languages 243

Чжан Чэньтун – Сопоставление лингвокультурологического поля концепта МОЛОДОСТЬ/青年 в русском и китайском языковом сознании
Zhang Chentong – A comparison of the linguocultural field of the concept YOUTH/青年 in Russian and Chinese linguistic consciousness 248

Шакирьянов Л.М. – Механизм формирования значения на различных языковых уровнях (на примере антонимии)
Shakiryanov L. – Mechanism of formation of meaning at different language levels (based on antonymy) 255

Информация

Наши авторы. Our Authors.....260

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале.....262

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.01

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ТЮРКОЛОГА АЛИ БЕКА ГУСЕЙНЗАДЕ И РОЛЬ РОССИИ В СТАНОВЛЕНИИ ЕГО ЛИЧНОСТИ

OUCHES TO THE BIOGRAPHY OF TURKOLOGIST ALI BEY HUSEYNZADE AND THE ROLE OF RUSSIA IN THE FORMATION OF HIS PERSONALITY

Abilov Azer Imamverdi Oglu

Summary: The article examines the role of Russia in the formation and development of the personality of the outstanding Azerbaijani turkologist, philosopher, ideologist, scientist, encyclopedist, poet, artist, doctor, teacher Ali bek Huseyn oglu Huseynzade (Ali Turan). The article briefly analyzes his years of study at St. Petersburg University (1885-1889) at the Faculty of Physics and Mathematics, as well as free visits to the university's Oriental studies department. To enhance his artistic skills, Ali bek was an active visitor to the St. Petersburg Academy of Arts. The article emphasizes that Russia certainly had an important beneficial influence on the development of Ali bek Huseynzade's personality throughout his life.

Keywords: Ali bek, Turkologist, scientist, university, Islamic civilization, literature, European literature, Oriental studies, triad.

Абилов Азер Имамверди Оглу
кандидат филологических наук, главный редактор газеты «Адабийят», Азербайджанская Республика, г. Баку
a_turan63@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается роль России в формировании и становлении личности выдающегося азербайджанского тюрколога, философа, идеолога, учёного-энциклопедиста, поэта, художника, врача, педагога Али бека Гусейн оглу Гусейнзаде (Али Турана). Вкратце анализируются его годы учёбы в Санкт-Петербургском университете (1885–1889) на физико-математическом факультете, а также свободные посещения востоковедческого направления университета. Для повышения своих художнических навыков Али бек был активным посетителем Санкт-Петербургской Академии художеств. В статье особо подчёркивается, что Россия, безусловно, оказывала важное благотворное влияние на развитие личности Али бека Гусейнзаде на протяжении всей жизни.

Ключевые слова: Али бек, тюрколог, учёный, университет, исламская цивилизация, литература, европейская литература, востоковедение, триада.

Али бек Гусейн оглу Гусейнзаде (Али Туран) родился 24 февраля в 1864 году в Азербайджане, в городе Сальяне. Его отец – молла Гусейн Гусейнзаде преподавал в Тифлисской мусульманской школе, мать – Хадиджа ханум была дочерью Шейхуль-ислама Кавказа ахунда Ахмеда Гусейнзаде (1812–1884). Потерявшего родителей в раннем возрасте Али бека воспитывал дедушка ахунд Ахмед Гусейнзаде. Он был незаурядным человеком, духовное образование получил в Ираке, в городе Наджафе, в сорокалетнем возрасте (1852) стал шейхуль-исламом Кавказа и, наряду с религиозной деятельностью, серьёзно занимался развитием национальной идеологии. Шейх считал делом своей жизни рассказывать миру о великих представителях тюркской нации, письменности древних тюрков, золотом периоде литературы тюркского джигатайского племени, уйгурском языке, Алишере Навои…

Он написал «Историю тюркской литературы», «Народы Кавказского края» и другие произведения, которые свидетельствуют о его обширной эрудиции. Долгие годы дружил с видным философом-материалистом Востока, первым азербайджанским драматургом Мирзой Фатали Ахундовым (1812–1878), а так же выпускником физико-математического факультета МГУ, издателем первой азербайджанской национальной газеты «Экинчи» – «Сеятель» (1875) Гасан беком Зардаби (1837–1907) и поэтом-просветителем, сатириком Сеидом Азимом Ширвани (1835–1888). Все они высоко ценили просвещённость и подвижничество шейха. Он призывал мусульман к изучению не только религиозных учений, но и параллельно светских наук. Великий Мирза Фатали Ахундов чётко охарактеризовал шейха Ахмеда Гусейнзаде: «В области астрономии, географии, математики, истории, философии, теологии на Кавказе нет равных шейхуль-исламу. Он философски настроенный человек, либеральных взглядов и любитель прогресса, искусный оратор» [1].

Начальное образование Али бек Гусейнзаде получил в Тифлисской мусульманской школе, а среднее – в 1-й Тифлисской классической гимназии (1875–1885).

Али бек Гусейнзаде высшее образование получил на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета (1885–1889). Учиться именно в России, в таком престижном высшем учебном заведении, как Санкт-Петербургском Императорском университете завещал ему ещё при жизни знаменитый дедушка шейх Ахмед Гусейнзаде. В университете Али бек «изучал следующие предметы: физику, математику,

химию, зоологию, сравнительную анатомию, ботанику, минералогию, физическую географию, в совершенстве освоил французский и английский языки, а по немецкому языку сдал особый экзамен» [2].

В Петербургском университете Али беку преподавали выдающиеся русские учёные: Дмитрий Иванович Менделеев (1834–1907), Николай Александрович Меншуткин (1842–1907), Егор Егорович Вагнер (1849–1903) и Николай Николаевич Бекетов (1827–1911), в то же время он слушал лекции востоковеда-ираниста, профессора Валентина Алексеевича Жуковского (1858–1918) на факультете востоковедения этого университета. Получая образование в Петербургском университете, Гусейнзаде участвовал в занятиях Академии живописи, совершенствуя свои навыки в области живописи.

В те годы в столице Российской империи молодёжь, особенно студенты, были политически очень активными. Они предъявляли различные требования властям. Али бек в 1905 году вспоминая свои студенческие годы писал: «…Хорошо помню. Однажды в университете было организовано студенческое шествие. Студенты от властей требовали некоторые конкретные решения. Главным требованием было – избрание ректора университета происходило не по велению властей, а по желанию профессоров и преподавателей. Министр просвещения Делянов (Делянов Иван Давыдович (1818–1897), государственный деятель Российской империи армянского происхождения; министр просвещения – (1882–1897)) прибыл в университет и собрал студентов для выяснений обстоятельств. Во время беседы он сказал студентам, что государство имеет три-четыре миллиона воинов. Вы горстка студентов, что можете сделать? Лучше успокойтесь и занимайтесь своей учёбой, а ваше требование, по мере возможности, рассмотрим…» [3]

Надо отметить, что в студенческие годы Али бек Гусейнзаде сблизился со своим однокурсником, со старшим братом Ленина Александром Ульяновым, казнённым 20 мая в 1887 году за участие в покушении на императора Александра III.

В Санкт-Петербурге среди студенческой молодёжи начались тщательные проверки, аресты. На летние каникулы 1887 года оставаться в столице Российской империи было не безопасным, и Али бек Гусейнзаде провёл лето в Азербайджане, в городе Шамахы в семье близкого родственника Мирзы Мухаммеда Таги. В связи с этим обстоятельством, ещё при жизни Али бека распространялись слухи о его окончательном побеге из Санкт-Петербурга и не оконченном высшем образовании. Но по сообщению самого Али бека, по возвращению в Санкт-Петербург в университете от него брали письменное обязательство о неучастии, ни в каких неразрешённых мероприятиях и подпольных организациях, датированное 25 августом 1887 годом, а также отвергая, эти необоснованные слухи в 1907 году он собственноручно, сообщает в редакцию газеты «Бакинец» следующие сведения: «Я никуда не убежал. По возвращению, в августе 1887 года в университете с меня брали письменное обязательство, и я продолжил учёбу. Я среди своих документов до сих пор храню вместе с заграничным паспортом «Диплом», выданный мне физико-математическим факультетом Санкт-Петербургского университета, как память о прошедших днях» … [4]

Али бек Гусейнзаде, будучи студентом физико-математического факультета, проявлял неподдельный интерес к медицине. В 1889 году в Санкт-Петербурге получив диплом о высшем образовании и положительную характеристику за номером 157, поехал в Стамбул и поступил на военно-медицинский факультет Стамбульского университета (1889–1895). Революционная атмосфера, демократическое настроение царившие в студенческие годы Али бека Гусейнзаде в таких крупных городах Российской империи как Санкт-Петербург, Москва, Казань глубоко повлияли на формирование его личности и сыграли незабываемую роль на всю жизнь. Характеризуя годы учёбы Али бека Гусейнзаде в Стамбульском университете, известный тюрколог, писатель, идеолог тюркского мира Юсуф Акчура (1876–1935) писал: «Поступление кавказца эфенди Али бека Гусейнзаде в Стамбульский университет… явилось как бы дуновением доброго европейского воздуха культуры. В этом учебном заведении большинство студентов, которого были выходцами из далёких уголков Анатолии, Али бек засверкал как северное сияние. Будучи знаком с греческой и латинской литературами, он немало читал и русскую, немецкую, английскую литературу. Исследовал творчество авторов Востока с точки зрения европейского востоковедения. Был художником и музыкантом, играл на скрипке. Все его товарищи знали имена и работы литераторов древнего периода лишь понаслышке и совершенно были не знакомы с русской литературой. О западных мыслителях и литераторах многие узнавали от французских лекторов, представлявших лишь отрывочные сведения. В Стамбульском университете Али бек сделал больше, чем профессора, пропагандируя западную философию, западную литературу, науку и культуру» [5].

До переезда в Стамбул Али бек Гусейнзаде, помимо родного азербайджанского, в совершенстве владел персидским, арабским, русским, французским, английским, греческим, немецким и латинским языками. Он рассказывал своим друзьям-студентам о разных тюркских народах, проживающих в разных географических пространствах мира, о научном открытии – периодическом законе химических элементов своего преподавателя Дмитрия Менделеева, о разных студенческих подпольных деятельностях, шествиях и митингах, о хитром методе организации молодёжных кружков и группах в

Санкт-Петербургском университете. В те годы полиция и жандармы России запрещали любое объединение, группировки свыше семи человек. Поэтому студенты создавали ячейки из шести человек, и один из этой ячейки входил в состав следующей группы из шести человек, благодаря чему, обеспечивали цепочную, бесконечную связь между создаваемыми группами, и таким образом, спокойно действовали. Конечно, такая информация очень заинтересовала студентов Стамбульского университета. Один из знаменитых основателей национальной идеи Турецкой Республики, идеолог тюркизма в молодой республике Зия Гёкальп (1876–1924) в своём главном труде «Основы тюркизма» писал о роли Али бека Гусейнзаде в области распространении тюркизма среди студентов: «Приехавший из России в Стамбул Али бек Гусейнзаде в медицинском факультете разъяснял основы тюркизма. Его стихотворение «Туран» являлось первым проявлением идеи туранизма, идеологии тюркизма» [6].

Али бек Гусейнзаде в Стамбульском университете сам обучался медицинским наукам, и учил своих турецких товарищей-студентов, ближе знакомя их с общественно-политической атмосферой России и Запада, а также с Российской и Западной культурой. Он часто и увлекательно говорил своим тихим голосом о произведениях русских поэтов и писателей, о культурных богатствах Петербургских музеев. Вдохновенно вспоминал о Западной оценке известного русского востоковеда Валентина Жуковского персидских поэтов Омара Хайяма (1048–1131), Хафиза Ширази (1320–1390) и др. Али бек много рассказывал о произведениях Гомера (VIII–VII вв. до н.э.), Алигьери Данте (1265–1321), Уильяма Шекспира (1564–1616), Джорджа Байрона (1788–1824), к которым сам приобщался в оригинале. В годы учёбы в Стамбульском университете по инициативе Али бека Гусейнзаде группа студентов организовала общество «Иттихад ве Терегги» («Единение и Прогресс»). Среди идеологов «Единения», готовивших модель перехода Турции к демократической республике, Али бек занимал особое место.

По окончанию Стамбульского университета в 1895–1897 годах Али бек работал дерматологом в солдатском госпитале Гейдарпаша. В 1897–1900 годы был военным врачом при Тесалийском сражении во время греко-турецкой войны, а после окончания войны на конкурсной основе избрался доцентом Стамбульского университета.

В 1903 году Али бек Гусейнзаде возвратился в Баку, вместе с Ахмед беком Агаоглу (1869–1939) сначала редактировал газету «Хаят», а в 1906–1907 годах – журнал «Фуюзат». В то же время он был главным редактором газеты «Каспий», заменив А.М. Топчубашева (1862–1934), которого лишили ряда прав из-за поддержки «Выборгской декларации», появившейся в связи с разгоном I Государственной Думы России в 1907 году.

В составе делегации мусульман Кавказа, отправившейся в Петербург в 1905 году находились Али бек Гусейнзаде, Ахмед бек Агаоглу, Алимардан бек Топчубашев, Адиль хан Абульфат хан оглу Зиядханов (1870–1957) и Фаррух бек Хамид бек оглу Везиров (1861–1920). Делегация встретилась с премьер-министром России С.Ю. Витте (1849–1915), и добилась принятия Председателем Правительства большинство их требований.

В бакинский период жизни (1903–1910) Али бек Гусейнзаде исследовал и анализировал самые разнообразные общенациональные вопросы в своих статьях, которые публиковал в таких печатных органах, как «Хаят», «Фуюзат», «Каспий» и «Терегги». А также он часто бывал на разных общественно-политических мероприятиях, проводимых в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Москве, Казане.

В эти годы самой большой исторической заслугой Али бека стало создание новой системы идеологии азербайджанско-тюркской нации, т.е. выдвижение единой триады – тюркизация, исламизация, европеизация.

Юсуф Акчура в 1924 году писал: «Тюркизация. Исламизация. Европеизация… Настоящим отцом этой триады, ставшей программой для тюркистов, является Али бек Гусейнзаде. Именно Али бек обосновал возможность объединения в этой политической триаде понятий, на первый взгляд, коренным образом отличающихся друг от друга, и в одном из номеров «Фуюзат» рекомендовал соединить три идеала «тюркизм, исламизм, европеизацию» [7]. Зия Гёкальп вполне солидарен был с мнением Юсуфа Акчура: «Триада Али бека Гусейнзаде открыла новые горизонты для тюркского мира».

Основатель Азербайджанской Демократической Республики, политический, общественный деятель, учёный-востоковед М.Э. Расулзаде (1884–1955) в своё время писал: «Эфенди Али бек Гусейнзаде говорил: тюркская кровь, исламская вера и европейский внешний вид – это является предметом его устремлений».

Впоследствии, основываясь на принципах интернациональной демократии, созданная 28 мая 1918 года Азербайджанская Демократическая Республика выбрала цвета азербайджанского флага: голубой, красный, зелёный – как суть культурных традиций Азербайджана. Голубой цвет – символ тюркства, зелёный – ислама, а красный – отражение современности. В своё время уважаемый публицист в журнале «Фуюзат» определил свою теорию так: «Тюркская кровь, исламская вера, французский разум…» [8].

И западные тюркологи едины во мнении, что внедрение в тюркскую национальную идеологию и философию формулы «тюркизация, исламизация, европеизация»

принадлежит Али беку Гусейнзаде. Яркий пример, известный французский тюрколог Франсуа Жоржон (1942) в знаменитой книге «У истоков тюркского национализма», повествующей о Юсуфе Акчура, писал: «На самом деле эту формулу разработал русский тюрок с азербайджанскими корнями Али бек Гусейнзаде в 1907 году. И оказалась она в центре внимания после публикации в журнале «Фуюзат», распространяемом в Баку» [9].

Ильданиз Гуртулан в статье «Али бек Гусейнзаде – идеолог трёх главных факторов, выявляющих суть азербайджанского флага», комментируя вопрос об отношении к национальному государственному знамени, пишет: «Якобы, принципы «тюркизация, исламизация, европеизация», выявляющие суть цветов азербайджанского флага, впервые выдвинул Зия Гёкальп. Это неверно, потому что все три фактора как единый принцип привнёс в нашу жизнь великий идеолог Али бек Гусейнзаде… Именно с того периода азербайджанский тюркизм решительно перешёл от общинной эпохи к эпохе возрождения национального самосознания… Великому учёному, первому тюркскому просветителю Али беку Гусейнзаде выпала честь принципиально определить в виде тезиса, антитезиса и синтеза понятия «тюркизация, исламизация и современность» [10].

Переселившийся по приглашению своих друзей в Стамбул в 1910 году Али бек Гусейнзаде всё своё личное имущество передал бакинской женской школе «Саадат». Избранный вначале доцентом медицинского факультета Стамбульского университета, а затем и профессором, Али бек Гусейнзаде исполнял эту должность до 1933 года.

В 1911 году Али бек Гусейнзаде женился на Адхийя ханум – дочери полевого командира по происхождению черкеса Шамсаддин бека. От этого брака родились две дочери: Саида ханум Сантур и Фейзавер ханум Алпсар, сын – Селим Туран – один из создателей нового направления в турецкой живописи.

В том же году 1 сентября образовалось общество «Тюрк юрду» («Родина тюрков»). Али бек Гусейнзаде был в одном ряду с создателями этой организации – национальным поэтом Турции Мехмет Эмином Юрдакулом (1869–1944), Ахмедом Хикмет беком (1870–1927), Агаоглу Ахмед беком, Акилом Мухтар беком (1877–1949), Акчураоглу Юсуфом (впоследствии место Ахмеда Хикмета в президиуме занял Зия Гёкальп).

В 1913 году Али бек Гусейнзаде избрался членом тюрковедческой комиссии академического типа в Турецком научном обществе, возглавляемом Джалалом Сахири (1883–1935), в том же году стал членом «Просветительского общества кавказских тюрков».

Последний раз Али бек Гусейнзаде побывал в Баку лишь в феврале 1926 года, как делегат I съезда тюркологов. На этом форуме вместе с президентом Королевского общества Дании, знаменитым тюркологом Вильгельмом Томсеном (1842–1927) и народным комиссаром просвещения СССР Анатолием Луначарским (1875–1933) он был избран в президиум. К сожалению, в стенограмму съезда не включили выступление Али бека. Однако есть сведения о целой тетради примечаний, сделанных Али беком на съезде. Турецкий учёный Хильми Зия Улькен (1901–1974) сообщал о хранении этой рукописи в его личной библиотеке. С другой стороны, часть учёных считает, что изданное в тот год в Баку произведение «Тюрки в двух дастанах Запада» не что иное, как текст доклада Али бека на съезде. Напомним, что в произведении «Тюрки в двух дастанах Запада» Али бек, в основном, исследует отношение Запада к тюркам-мусульманам, изложенное португальским поэтом Луисом де Камоэнсом (1524–180) в «Лузиаде» и итальянским поэтом Торквато Тассом (1544–1595) в труде «Освобождённый Иерусалим».

Али бек Гусейнзаде, избранный в дни работы съезда тюркологов почётным членом Союза писателей Азербайджана, покинул Баку 25 марта 1926 года. После возвращения из Баку – 4 мая 1926 года Али бек Гусейнзаде избрался профессором Стамбульского университета.

В 1928 году высветился другой, отличительный аспект научной деятельности Али бека. Он перевёл с французского языка произведение видного шотландского философа Адама Смита (1723–1790) «Исследование о природе и причинах богатства народов», написанное им в 1776 году и изданное в Париже в 1881 году. Рукопись была передана дочерьми Али бека в одну из библиотек Турции. Эта редкая книга показала, что Гусейнзаде являлся не только выдающимся учёным в области политики и экономики, но и прекрасным знатоком французского языка.

В том же, 1928 году, Али бек Гусейнзаде был одним из составителей «Энциклопедического медицинского словаря», имеющий важное значение, и по сей день. Достаточно сказать, что только на букву «А» в энциклопедии дано пояснение к около 600 терминам.

В 1936 году А. Гусейнзаде участвовал в III тюркском съезде языковедов, а спустя четыре года – в учредительном собрании Общества кожных и венерических заболеваний.

Али бек Гусейнзаде проявлял свой необыкновенный дар и в области перевода. Он переводил с английского, немецкого, греческого, персидского языков, отрывки из «Потерянного рая» Джона Милтона (1608–1674), «Фауста» Иоганна Гёте (1749–1832), «Закованный Прометей» Эсхила (525–455 до н.э.), «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси (935–1020), ряда произведений Фридриха Шиллера

(1759–1805). А. Гусейнзаде является также переводчиком ряда трудов с русского, арабского и китайского языков.

Али бек великолепно проявил себя и в сфере медицины, его перу принадлежат «Холера и её микробы», «Сифилис» и другие труды.

Али бек Гусейнзаде был ещё и художником. Созданный в 1884 году «Портрет шейхуль-ислама» и другие его произведения позволяют считать его одним из основоположников азербайджанской школы живописи. По признанию самого Али бека, картина «Турецкие воины в Тесалии», исполненная акварелью и подписанная «Сальяни» была вручена Османскому султану Абдул Хамиду II (1842–1918), а портрет героя Плевны Осман Паши, выполненный масляной краской, подарен шаху Музаффереддину Каджару (1953–1907). За последнюю работу Гусейнзаде удостоился ордена «Шири-Хуршид» Каджарского Ирана. Кстати, в 1908 году Али бек Гусейнзаде был художником-оформителем первой на Востоке оперы «Лейли и Меджнун» Узеира Гаджибекова (1885–1948).

Седобородый, светлолицый, с красивыми глазами поэт, художник, музыковед, философ, газетчик, профессор, доктор, переводчик… действительно, один из источников гуманистических идей большого исторического периода, гордость тюркского мира, воспитанник Санкт-Петербургского университета, автор триады «тюркизация, исламизация, европеизация» и «идеолог трёх основных факторов, делающих многозначительным азербайджанский флаг», Али бек Гусейнзаде, живший квартирантом в стамбульском квартале Ускюдар Эхсанийе, переселился в мир иной в воскресный день 17 марта 1940 года. На надгробной плите на кладбище Гараджаахмед скромно написано: «Кожный профессор медицинского факультета Гусейнзаде Али Туран».

ЛИТЕРАТУРА

1. М.Ф. Ахундов. Сочинения. Баку, «Элм», 1962 (на азербайджанском языке). В III томах. Том III, стр. 266.
2. Мираббас Асланов. Напишем правду. «Халг газети» («Народная газета») (на азерб. языке), 19 мая 1992.
3. А. Гусейнзаде. «Революционные методы Российского народа». Газета «Хаят» («Жизнь») (на азерб. языке). 1905, №111.
4. А. Гусейнзаде. «Письмо в редакцию газету «Бакинец» (на азерб. языке). 1907, №119.
5. Юсуф Акчура. «История тюркизма» (на азерб. языке). Баку, «Хан», 2006. Стр.232-233.
6. Зия Гёкальп. «Основы тюркизма» (на азерб. языке). Баку, «Маариф», 1991. Стр. 28.
7. Франсуа Жоржон. «У истоков турецкого национализма: Юсуф Акчура» (на турецком языке). Стамбул, «Исторический Фонд», 1999. Стр. 118.
8. М.Э. Расулзаде. «Азербайджанские культурные традиции и современная азербайджанская литература» (на турецком языке). Анкара, 1984. Стр. 37.
9. Франсуа Жоржон. «У истоков турецкого национализма: Юсуф Акчура» (на турецком языке). Стамбул, «Исторический Фонд», 1999. Стр. 103.
10. Ильданиз Гуртулан. «Али бек Гусейнзаде – идеолог трёх главных факторов, выявляющих суть азербайджанского флага» (на азерб. языке). Баку, газета «Адабийят», № 24, 12.06.1992.

© Абилов Азер Имамверди Оглу (a_turan63@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.02

РОЛЬ МЕСТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА: СОПОСТАВЛЕНИЕ ИНИЦИАТИВ ГУБЕРНАТОРОВ И СЕНАТСКИХ УКАЗОВ

Андреев Алексей Евгеньевич
ФГБОУ ВО МИРЭА - Российский Технологический Университет, г. Москва
rabotasss@internet.ru

Аннотация: Статья анализирует роль местных учреждений Российской империи во второй половине XVIII века через сопоставление инициатив губернаторов и сенатской указной практики. В центре внимания – нормативная рамка «Учреждения для управления губерний» 1775 года, «Устава благочиния» 1782 года и «Жалованной грамоты городам» 1785 года, а также надзорные механизмы Сената (департаменты, прокуратура, ревизии). Показано, что губернаторские инициативы в финансово-хозяйственной, полицейской и социальной сферах развивались в пределах имперской законности и отчётности, формируя «смешанную» модель управления. Делается вывод о том, что взаимодействие центра и регионов, при всех противоречиях, способствовало административной модернизации и укреплению управляемости губернского пространства.

Ключевые слова: Российская империя, Екатерина II, Правительствующий Сенат, департаменты Сената, прокуратура, генерал-губернатор.

THE ROLE OF LOCAL INSTITUTIONS IN RUSSIAN REGIONS IN THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY: A COMPARISON OF GOVERNOR'S INITIATIVES AND SENATE DECREE

A. Andreev

Summary: This article analyzes the role of local institutions in the Russian Empire in the second half of the 18th century through a comparison of gubernatorial initiatives and Senate decrees. It focuses on the regulatory framework of the 1775 "Institution for Governance of the Provinces," the 1782 "Charter of Decency," and the 1785 "Charter to the Cities," as well as the Senate's oversight mechanisms (departments, prosecutor's office, audits). It is shown that gubernatorial initiatives in the financial, economic, police, and social spheres developed within the framework of imperial legality and accountability, forming a "mixed" governance model. It is concluded that the interaction between the center and the regions, despite all the contradictions, contributed to administrative modernization and strengthened the governability of the provincial space.

Keywords: Russian Empire, Catherine II, Governing Senate, Senate departments, prosecutor's office, governor-general.

Во второй половине XVIII века система местного управления в империи была радикально перестроена: Манифест и «Учреждение для управления губерний» от 7 (18) ноября 1775 г. ликвидировали промежуточные провинции и утвердили двухзвенное деление «губерния–уезд» с нормировкой по числу «душ» (в губернии – 300–400 тыс., в уезде – 20–30 тыс.), что должно было укрепить полицейско-фискальную управляемость и снизить риск «черни» и крестьянских бунтов после Пугачёвщины. Одновременно оформилось наместническое устройство: несколько губерний объединялись в генерал-губернаторство, во главе которого стоял государев наместник (генерал-губернатор), контролировавший губернаторов и надзирающий за «поведением сословий», а каждая губерния получила корпус учреждений – наместническое (губернское) правление, казённую палату и приказ общественного призрения [5, с. 122].

Судебная часть была отделена от администрации и построена по сословному принципу: для дворян – уездный и верхний земские суды, для городских обывателей – городовой и губернский магистраты, для государственных крестьян – нижняя и верхняя расправы; над сословными судами стояли губернские палаты уголовного и гражданского суда, а высшим судебным органом оставался Сенат; учреждался и бессословный совестный суд. Исполнительная вертикаль в уездах была замкнута на нижний земский суд во главе с капитан-исправником, а в городах – на городничего; в 1782 г. «Устав благочиния» учредил управы благочиния, подведомственные губернатору и губернским палатам, с разветвлённой полицейской и распорядительной компетенцией. Городская реформа завершилась «Жалованной грамотой городам» 1785 г., оформившей «городское общество» и органы самоуправления, согласованные с губернскими учреждениями.

К концу века, указами 12 и 31 декабря 1796 г., Павел I упразднил наместничества и должности наместников, вернув общее обозначение «губерния» и сократив число уездов, что скорректировало, но не отменило заложенную при Екатерине II модель многоуровневого управления.

Во второй половине XVIII века инициативы губернаторов становились главным движителем «практической политики» на местах: именно они переводили нормы «Учреждения для управления губерний» 1775 г. в ежедневные управленческие процедуры через губернское правление, казённую палату и приказ общественного призрения, а полицейскую составляющую опирали на управы благочиния по «Уставу благочиния» 1782 г.

Финансово-хозяйственный блок губернаторских инициатив концентрировался вокруг казённой палаты: здесь сводились сметы доходов и расходов по уездам, организовывались подряды и торги, контролировались питейные и иные сборы, а также откупные операции; через этот узел губернатор воздействовал на состояние дорог, мостов и подпитку казённых запасов. В результате «нового устройства» ведомственные функции бывших коллегий частично «спускались» на губернский уровень, что расширяло поле для местной экономической политики [9, с. 55].

Социальная и медицинская сферы были институционально закреплены за приказами общественного призрения – губернскими учреждениями, которые под председательством высшего чиновника губернии (де-факто под контролем губернатора) создавали и содержали народные училища, больницы, богадельни, сиротские дома, а также аптеки, работные и смирительные дома; для устойчивого финансирования им разрешалось принимать вклады и выдавать ссуды под недвижимость и государственные бумаги. На практике это означало, что губернатор мог запускать проекты просвещения, благочиния и здравоохранения «в долгую», а также оперативно реагировать на бедствия, эпидемии и нищету [2, с. 8].

Градостроительная и коммутативная политика тоже имела ярко выраженное «губернаторское лицо». Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы, подведомственная Сенату, с 1760–1780-х годов разрабатывала генеральные планы более чем для трёхсот городов империи, а реализация на местах – межевание, разбивка кварталов, регламентация линий застройки и размещение общественных зданий – лежала на губернских властях, отчёты которых направлялись в центр. Примером стали регулярные планы Новгорода (утверждён 16 июня 1778 г.), после чего под руководством местной администрации были возведены новые кварталы и общественные сооружения, что придало губернской столице современный регулярный облик. Полицейский контроль над порядком, нравами и исполнением законов в городах обеспечивали управы благочиния, подчинённые губернатору и губернским палатам.

Особенно показателен южный вектор – Новая Россия и Таврида. Генерал-губернатор Г.А. Потёмкин, действуя как наместник, совмещал функции военного, административного и хозяйственного устроителя: под его эгидой основаны ключевые города и военно-морские опорные пункты – Екатеринослав (1776), Херсон (1778), Севастополь (1783), Николаев (1789); после присоединения Крыма (манифест 8 апреля 1783 г.) началось административное оформление Таврической области и ускоренная колонизация побережья. «Инициативы по заселению, созданию портовой и верфейной инфраструктуры и организации Черноморского флота сделали регион из «степного кордона» зоной активного хозяйственного роста» [4, с. 29].

Не менее выразительны губернаторские инициативы во «внутренних» губерниях. Тамбовский и ранее Олонецкий губернатор Г.Р. Державин использовал полномочия для упорядочения продовольственного снабжения и административной коммуникации: при нём учреждена вольная типография (конец 1787 г.) и запущена первая провинциальная газета «Тамбовские известия» (1 января 1788 г.), где регулярно печатались сенатские указы, распоряжения наместнического правления, сведения о ценах на хлеб и объявления о подрядах – инструмент «публичного управления» рынком и чиновничьей отчётностью. Параллельно губернатор занимался закупками и поставками хлеба в столичные запасные магазины, вмешиваясь в злоупотребления комиссионеров и наводя порядок в хозяйственном обороте. Эти практики показывают, как губернатор мог соединять правовое предписание с инициативной информационной и снабженческой политикой.

Полицейско-правовая составляющая губернской инициативы проявлялась в применении «Устава благочиния»: управы благочиния подчинялись губернатору и губернским палатам, принимали его указы и посылали репорты; тем самым губернатор получал действенный инструмент надзора за «благочинием, добронравием и порядком» – от регулирования рынков и ремёсел до санитарных предосторожностей и противопожарных мер. «Приказы общественного призрения и управы благочиния вместе позволяли выстраивать связку «социальная опека – полицейский присмотр», что заметно влияло на повседневную жизнь городских обществ» [6, с. 332].

Правительствующий Сенат выступал главным регулятором местной администрации, сочетая функции верховного суда и надзорного органа за исполнением

императорских повелений «на местах». Ключевым шагом стало переустройство Сената в 1763 г.: дела были распределены по шести департаментам, причём Первый департамент специально предназначался для надзора за местным управлением и выполнял роль органов административной юстиции; во главе департаментов стояли обер-прокуроры, что подчёркивало контрольный характер сенатского присутствия. Тем самым Сенат получил институциональные рычаги системного влияния на губернские правления, казённые палаты, приказы общественного призрения и городские магистраты.

Надзорная вертикаль Сената опиралась на прокуратуру, учреждённую указами Петра I 1722 г.: генерал-прокурор – «око государево» – должен был «сидеть в Сенате» и «смотреть накрепко, дабы Сенат свою должность исправно отправлял», а прокуроры при коллегиях и в провинциях рапортовали ему о законности действий местных органов. При Екатерине II именно через эту сеть обеспечивались проверка делопроизводства и пресечение злоупотреблений в губернских и уездных учреждениях. «В «Учреждении для управления губерний» 1775 г. эта вертикаль была закреплена институционально: при наместническом (губернском) правлении, при палатах и судах прямо определялись губернские прокуроры и стряпчие, замыкавшие контроль на Сенат через генерал-прокурора» [3, с. 207].

Личное управление Екатерины II усилило сенатский контроль посредством фигуры генерал-прокурора. Назначенный в 1764 г. А.А. Вяземский получил «секретнейшее наставление» императрицы и на протяжении почти трёх десятилетий фактически координировал сенатский надзор за финансовыми и административными делами, что делало прокуратуру практическим инструментом дисциплинирования губернских учреждений и чиновничества.

Нормативная роль Сената проявлялась и в том, что многие акты обнародовались «из Сената» и обращались к исполнению на местах (включая распоряжения о снабжении, полицейском порядке, судопроизводстве). Такая форма публикации и рассылки превращала сенатский указ в обязательный ориентир для губернских правлений и городских магистратов, а донесения и рапорты о ходе исполнения поступали по установленным каналам в канцелярию Сената.

«К средствам прямого вмешательства относились сенаторские ревизии – чрезвычайные «обозрения губерний» с полномочиями проверять суд, полицию, казённые сборы, ведение дел и порядок исполнения указов; в екатерининскую эпоху они применялись эпизодически, но именно как средство расследования злоупотреблений и наведения порядка в отдельных губерниях. Итоги ревизий становились основанием для представлений Сената и последующих высочайших повелений» [10, с. 163].

Наконец, в логике губернской реформы 1775 г. генерал-губернатор – как надстройка над губернаторами – находился под непосредственным контролем императрицы и Сената, что «замыкало» местную вертикаль на верховный орган и позволяло Сенату через департаменты, прокуратуру и ревизии корректировать практику управления: от финансов казённых палат до полицейского «благочиния» и городского самоуправления. В совокупности эти механизмы делали Сенат не просто каналом распространения закона, но активным модератором и арбитром региональной администрации, устанавливавшим рамки для губернаторской инициативы и обеспечивавшим единообразие правоприменения по всей империи.

К сопоставлению инициатив губернаторов и сенатских указов во второй половине XVIII века подводит сама нормативная рамка: «Учреждение для управления губерний» 1775 г. допустило широкое маневрирование на местах, но подчинило его имперской законности и отчётности. Реформа Правительствующего Сената 1763 г. придала указной практике устойчивые механизмы – департаменты и прокуратуру под надзором генерал-прокурора, что обеспечивало единообразие правоприменения и возможность опротестования местных распоряжений. В полицейско-городской сфере «Устав благочиния» 1782 г. замкнул управы благочиния на губернаторе, а «Жалованная грамота городам» 1785 г. оформила органы «городского общества», задав линию согласования между самоуправлением и губернским правлением. На практике противоречия возникали вокруг пределов усмотрения в хозяйственных мерах, распределения повинностей и трактовки полицейских предписаний: губернаторы, опираясь на местные нужды, расширяли толкование компетенций, тогда как Сенат через указы, толкования и истребование дел возвращал управление в рамки общего порядка. Взаимодействие складывалось как постоянный обмен рапортами и резолюциями: инициативы «снизу» становились испытательным полем для нормативов, а сенатская указная практика – инструментом согласования и ограничения, поддерживавшим целостность имперской административной системы.

Таким образом, во второй половине XVIII века сложилась «смешанная» модель местного управления, где инициативы губернаторов, опираясь на губернское правление, казённую палату, приказы общественного призрения и управы благочиния, придавали живое содержание имперским нормам, а Правительствующий Сенат через департаменты, указы и прокуратуру зада-

вал пределы усмотрения и обеспечивал единообразие правоприменения. Противоречия возникали на стыке хозяйственных мер, полицейского надзора и распределения повинностей, но механизм рапортов, толкований и ревизий превращал их в канал согласования центра и периферии. В результате усиливалась управляемость губерний, ускорялась градостроительная и социальная модернизация, формировались практики публичного администрирования. Заложенные тогда институты и нормы стали предпосылкой дальнейших преобразований начала XIX века и долговременного равновесия между местной инициативой и верховным контролем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов А.В. Реформа города Екатерины II: замысел, процесс реализации и результаты (по материалам губерний Центральной России) // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. 20, № 3. С. 29–45.
2. Видова Т.А. Губернская реформа 1775 года и создание бюрократического аппарата Рязанской губернии // Гуманитарные исследования. 2023. № 1 (36). С. 5–11.
3. Гергилёв Д.Н. Губернская реформа Екатерины II в контексте проблем административно-территориальной структуры России (на примере Сибири) // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 203–212.
4. Екатерина II. Грамота на права и выгоды городам Российской империи («Жалованная грамота городам»). СПб.: Сенат. тип., 1785. 48 с.
5. Екатерина II. Устав благочиния, или полицейский. СПб.: Императорская тип., 1782. 274 с.
6. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 2001. 575 с.
7. Коновалов И.А., Шиманис Б.Б. Организация городской полиции по «Уставу благочиния или полицейскому» 1782 г. // Правоприменение. 2017. Т. 1, № 2. С. 31–37.
8. Мигунова Т.Л. Административные реформы Екатерины Великой (исторические предпосылки и результаты): монография. Нижний Новгород: Нижегор. акад. МВД России, 2001. 147 с.
9. Упоров И.В. Правовая эволюция полиции и следственно-розыскных структур в период правления Екатерины II до Устава благочиния 1782 года // Журнал российской правовой истории. 2022. № 3. С. 50–61.
10. Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб.: Сенат. тип., 1906. 386 с.

© Андреев Алексей Евгеньевич (rabotasss@internet.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.05

РОЛЬ ТУРЦИИ В ЧЕРНОМОРСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ДУАЛИЗМА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЁРСТВА И КОНКУРЕНЦИИ

Баранова Анна Евгеньевна
аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва
annbaranovaa@mail.ru

Аннотация: История международных отношений в Черноморском регионе демонстрирует особую динамику взаимодействия между Турцией и Европейским союзом. С конца XX – начала XXI века регион выступает как ключевой центр геополитических трансформаций, где формируются пересечения интересов Европейского союза, организаций Североатлантического альянса, Российской Федерации, Турции и ряда других региональных и глобальных игроков. После 2022 года значение региона резко возросло: он превратился не только в зону военно-политического противостояния, но и в пространство переориентации энергетических и торговых маршрутов. Цель данного исследования – провести историко-политический анализ эволюции роли Турции в черноморской политике Европейского союза: от стратегического партнера по обеспечению безопасности и энергетической стабильности до тактического конкурента, отстаивающего собственную «стратегическую автономию».
Особое внимание уделено применению Конвенции Монтрё о режиме проливов 1936 года как исторически сложившегося механизма контроля Турции над режимом Черноморских проливов, а также анализу энергетического и дипломатического потенциала Анкары в контексте послевоенной и посткризисной политики Европейского союза. Результаты исследования показывают, что дуализм «партнер – конкурент» является не временным феноменом, а закономерным следствием исторической эволюции турецкой внешней политики в отношении Европы.

Ключевые слова: история международных отношений, черноморский регион, Турция, Конвенция Монтрё, Европейский Союз, энергетическая политика, стратегическая автономия, зерновая инициатива, конкуренция.

TURKEY'S ROLE IN THE BLACK SEA POLICY OF THE EUROPEAN UNION: THE HISTORICAL EVOLUTION OF THE DUALISM OF STRATEGIC PARTNERSHIP AND COMPETITION

A. Baranova

Summary: The history of international relations in the Black Sea region demonstrates the special dynamics of cooperation between Turkey and the European Union. Since the end of the XX – beginning of the XXI century, the region has been acting as a key center of geopolitical transformations, where the interests of the European Union, the organizations of the North Atlantic Alliance, the Russian Federation, Turkey, and several other regional and global players are forming. After 2022, the region's importance has increased dramatically: it has become not only a zone of military and political confrontation, but also a space for reorientation of energy and trade routes. The purpose of this study is a historical and political analysis of the evolution of Turkey's role in the Black Sea policy of the European Union: from a strategic partner in ensuring security and energy stability to a tactical competitor defending its own "strategic autonomy". Special attention is paid to the application of the 1936 Montreux Convention on the Regime of the Straits as a historically established mechanism for Turkey's control over the regime of the Black Sea Straits, as well as to the analysis of Ankara's energy and diplomatic potential in the context of the post-war and post-crisis policies of the European Union. The results of the study show that the partner–competitor dualism is not a temporary phenomenon, but a natural consequence of the historical evolution of Turkish foreign policy towards Europe.

Keywords: history of international relations, Black Sea region, Turkey, Montreux Convention, European Union, energy policy, strategic autonomy, grain initiative, competition.

Введение

Черноморский регион на протяжении XX–XXI вв. последовательно переходил из периферийной зоны интересов европейских держав в один из ключевых узлов мировой политики, где переплетаются процессы деколонизации, холодной войны, постбиполярных трансформаций и современных конфликтов [2, 3, 7, 11, 15]. Турецкая Республика (далее – Турция, Анкара) в этом контексте выступает не только географическим, но и историко-политическим узлом системы (речь идет прежде всего о контроле над проливами, закрепленном в Конвенции Монтрё о режиме проливов (далее – Конвенция Монтрё)) [12], а членство в Организации Североатлантического договора (далее – НАТО), амбивалентные отношения с Европейским союзом (далее – ЕС, Брюссель) и устойчивые связи с Российской Федерацией (далее – Россия) формируют особую конфигурацию её внешней политики, сложившуюся в процессе исторического развития отношений с европейскими державами,

Россией и институтами международной системы.

После 2022 года значение Черноморского региона вновь резко возросло, и Турция получила возможность актуализировать заложенный многими годами ранее ресурс контроля над проливами и морской инфраструктурой [6, 8, 9]. Одновременно Анкара продолжила политику, направленную на превращение в энергетический хаб, усилив роль проектов Трансанатолийского газопровода – Трансадриатического газопровода (далее – TANAP–TAP)[4] и трубопроводов «Турецкий поток» и «Голубой поток», а также выступила медиатором в Черноморской зерновой инициативе (далее – зерновая инициатива), что позволило ей в ходе исторического развития сочетать в своей внешней политике функции партнера и конкурента ЕС, формируя многогранную и динамичную позицию.

В этой связи исследование дуализма роли Турции в черноморской политике ЕС в исторической перспективе дает возможность не только проанализировать современное политическое устройство, но и проследить, как институты и практические механизмы, заложенные в 1930–1950-е годы, продолжают влиять на стратегические возможности и внешнеполитические ограничения как Анкары, так и Брюсселя.

Методология исследования

Методологическая основа работы строится на принципе историзма, предполагающем рассмотрение роли Турции в Черноморском регионе в динамике – от межвоенного периода до современности. В исследовании применяется историко-сравнительный метод, который позволяет сопоставить различные этапы черноморской политики Турции (межвоенный период, холодная война, постбиполярный этап, кризис после 2014 года и период после 2022 года) и их корреляцию с подходами ЕС и его институтов. Черноморский регион рассматривается системным подходом как целостная подсистема международных отношений, где изменения в сфере безопасности (военно-морское присутствие, режим проливов) взаимосвязаны с энергетическими и торговыми процессами. Методы анализа и синтеза используются для декомпозиции роли Турции на компоненты стратегического партнерства, посредничества и конкуренции, а затем для синтеза этих элементов в модель управляемого дуализма. Индукция применяется для прослеживания конкретных практик применения Конвенции Монтрё, реализации энергетических проектов и посреднических инициатив, а дедукция используется для проверки гипотезы о том, что дуализм роли Турции является устойчивым историческим феноменом, а не результатом одномоментного кризиса 2022 года.

Результаты и обсуждение

Роль Турции как ключевого субъекта регулирования Черноморских проливов институционально оформляется Конвенцией Монтрё 1936 года, которая заменила Лозаннский мирный договор 1923 года и закрепила за Анкарой суверенный контроль над военным судоходством в мирное и военное время. Именно этот документ заложил долгосрочный фундамент для будущего дуализма: Турция одновременно становится гарантом свободы торгового судоходства и арбитром по допуску военных кораблей нечерноморских держав.

С исторической точки зрения Конвенция Монтрё превратила Черноморский регион в пространство ограниченной милитаризации, где контроль Турции служил своеобразным «предохранителем» от внезапного усиления внешнего присутствия, в том числе держав, ассоциируемых с ЕС [17, 18]. Именно поэтому и в последующие десятилетия, включая холодную войну и постбиполярный период, любые попытки пересмотра этого режима встречали устойчивое сопротивление Анкары, которая видела в Конвенция Монтрё один из немногих международных инструментов сохранения автономии.

После вступления в НАТО в 1952 году [5] Турция стала восточным форпостом западного блока на границе с СССР, что придало её роли в Черноморском регионе новое измерение. С точки зрения истории международных отношений, именно в этот период оформляется модель, при которой Турция – формальный союзник Запада, но все равно действует в рамках ограничений Конвенции Монтрё, не допуская полной интеграции Черного моря в атлантическую систему безопасности.

Такая «двойственность» – членство в НАТО при сохранении самостоятельности в вопросах проливов – стала одним из ранних проявлений того дуализма, который в XXI в. будет переосмыслен в терминах «стратегической автономии» и «управляемой конкуренции» с ЕС [16].

Распад СССР и расширение ЕС на восток в 1990–2000-е годы трансформировали черноморскую повестку: на смену жесткому блоковому противостоянию пришли проекты регионального сотрудничества, в которых Турция стала важным участником. Анкара активно подключилась к инициативам Черноморского экономического сотрудничества и одновременно развивала диалог с ЕС в рамках политики расширения и европейской политики соседства, что усилило её роль как моста между Европой, Кавказом и Ближним Востоком [1, 14].

На этом этапе дуализм проявлялся в сочетании курса на европейскую интеграцию (переговоры о членстве, сближение правовых норм, модернизация таможенно-

го союза) с намерением сохранить самостоятельность во внешней политике, включая отношения с Россией и странами постсоветского пространства.

Украинский кризис 2014 года и события 2022 года придали черноморской политике новый масштаб: регион стал пространством прямой конфронтации между Россией и западными странами. В этих условиях Турция, опираясь на исторический ресурс Конвенции Монтрё, ограничила проход военных судов и тем самым предотвратила «размывание» режима Черного моря усилением постоянного присутствия сил НАТО.

Именно в 2022 году дуализм Турции проявился наиболее отчетливо: Анкара, оставаясь союзником по НАТО и партнёром ЕС, применяет положения Конвенции Монтрё для сдерживания распространения конфликта и одновременно выступает медиатором в зерновой инициативе, а параллельно углубляет энергетическое сотрудничество с ЕС и сохраняет проекты с Россией.

Такая «двойственность» – членство в НАТО при сохранении самостоятельности в вопросах проливов – стала одним из ранних проявлений того дуализма, который в XXI в. будет переосмыслен в терминах «стратегической автономии» и «управляемой конкуренции» с ЕС.

История применения Конвенции Монтрё показывает, что Турция использует её не только как юридическую норму, но и как политический ресурс, позволяющий регулировать степень вовлеченности внешних держав в Черном море. В разные периоды Анкара по-разному интерпретировала и акцентировала положения Конвенции Монтрё, однако неизменно сохраняла её как фундаментальный элемент своей внешнеполитической идентичности в регионе.

После 2022 года Турция, ссылаясь на статью 19 Конвенции Монтрё, ограничила проход военных кораблей сторон конфликта и нечерноморских держав, что было воспринято как шаг по снижению риска эскалации и выхода конфликта за пределы Украины. Для ЕС это означало сохранение доступа к Черноморскому региону в контролируемом формате, а для России – ограничение возможностей наращивания присутствия внешних сил. В обоих случаях Турция выступила исторически закрепленным гарантом безопасности.

Вместе с тем, в историко-политическом измерении Конвенция Монтрё – это и потенциальный инструмент давления: Турция может варьировать степень строгости интерпретации режима проливов, сигнализируя Брюсселю и России о границах допустимого вмешательства. Такой подход усиливает дуализм: Турция одновременно транслирует образ ответственного хранителя статус-кво и демонстрирует возможность переопределения параметров доступа в Черное море в зависимости от своих интересов.

Однако ключевой осью, по которой эволюция роли Турции в отношениях с ЕС проявилась наиболее явно, стала энергетика. С начала 2000-х годов Анкара реализует стратегию превращения в транзитный узел между ресурсными регионами Каспия и Ближнего Востока и потребителями в ЕС, а основу этого курса составляют проекты Южного газового коридора, включающие TANAP и TAP.

Запуск TANAP–TAP позволил поставлять азербайджанский газ в ЕС, обходя традиционные российские маршруты, что придало Турции новый статус в ЕС. Так, из периферийного партнёра Турция превратилась в ключевого участника стратегии диверсификации поставок. После 2022 года значимость этих маршрутов резко возросла в контексте реализации плана Европейской комиссии по отказу от потребления российского ископаемого топлива (далее – REPowerEU) [13], направленного на снижение и замещение импорта российского газа.

Одновременно с этим Турция исторически выстраивала глубокую энергетическую связку с Россией: магистрали «Голубой поток» и «Турецкий поток» обеспечивали стабильные поставки газа, а проект АЭС «Аккую» укрепил долгосрочное технологическое и инвестиционное присутствие России. В результате Турция оказывается в уникальном положении: она участвует в европейской стратегии диверсификации и одновременно остается важным рынком и транзитным звеном для российских энергоресурсов [1, 10].

С точки зрения истории международных отношений это означает переход от модели прямой зависимости (классический потребитель – поставщик) к конфигурации многосторонней взаимозависимости, в которой Турция выступает посредником и балансирующим игроком. Конкуренция с Россией на энергетическом рынке ЕС сочетается с сохранением глубокой взаимозависимости, что позволяет Анкаре использовать энергетику как инструмент расширения переговорных позиций в отношениях с Брюсселем и Москвой.

Энергетический фактор усилил значение Турции в дискурсе о модернизации таможенного союза с ЕС, поскольку Анкара стремится конвертировать роль энергетического хаба в расширение доступа к внутреннему рынку ЕС и смягчение визового режима. Для ЕС же Турция становится одновременно необходимым партнёром в достижении целей REPowerEU и потенциальным источником рисков из-за автономной политики Анкары в отношении России, Ближнего Востока и постсоветского

пространства.

Таким образом, в энергетике дуализм проявляется как «управляемая конкуренция»: Турция содействует диверсификации маршрутов ЕС, частично вытесняя российские поставки, но не разрушает, а трансформирует собственную взаимозависимость с Россией, используя это как ресурс влияния.

Зерновая инициатива, реализованная при участии Турции и при участии Организации Объединенных Наций (далее – ООН), стала новым элементом в истории международных отношений в Черноморском регионе, сочетающим военно-политическую и гуманитарно-экономическую повестку. Анкара выступила медиатором между Россией и Украиной, обеспечив временное разблокирование экспорта зерна и удобрений, что стабилизировало мировые продовольственные рынки и снизило риски глобального кризиса.

Историческое значение этой инициативы заключается в том, что Турция переопределила свое посредническое амплуа: если в XX в. она в основном выступала военно-политическим балансирующим фактором между блоками, то в XXI в. добавилось измерение гуманитарного и продовольственного посредничества. Это расширяет инструментарий внешней политики Анкары и усиливает её переговорные позиции как перед ЕС и НАТО, так и перед Россией.

Однако, прекращение действия зерновой инициативы продемонстрировало ограничения в стабилизирующей роли Турции, заключающиеся в том, что без политической воли ключевых сторон даже усиленная историческими ресурсами посредническая функция не может устранить структурные противоречия. Тем не менее, опыт зерновой сделки закрепил за Турцией образ незаменимого переговорного узла, что усилило её роль в архитектуре черноморской безопасности.

Исторический анализ показывает, что дуализм роли Турции в черноморской политике ЕС является результатом длительного и сложного процесса, в котором накладываются друг на друга разные временные пласты. Так, Конвенция Монтрё создаёт долгосрочный институциональный каркас, позволяющий Турции выступать гарантом статус-кво и контролировать военное присутствие отдельных стран. Холодная война сформировала умение Турции как политического игрока балансировать между союзническими обязательствами и сохранением автономии в вопросах проливов. Постбиполярный период укрепил экономические и институциональные связи Турции с ЕС, но не отменил стремление к собственной региональной повестке.

Кризисы после 2014 и 2022 гг. вскрыли потенциал Турции как одновременно стабилизатора (ограничение прохода военных судов, посредничество в зерновой инициативе) и тактического конкурента (энергетическая автономия, сотрудничество с Россией, развитие альтернативных региональных форматов).

В совокупности это позволяет говорить о «стратегически выверенном» дуализме: Анкара не отказывается ни от партнёрства с ЕС, ни от конкуренции с ним, а использует исторически накопленные инструменты (Конвенцию Монтрё, энергетические маршруты, посредничество) для постоянного пересогласования баланса интересов.

Заключение

В статье проведен историко политический анализ эволюции роли Турции в черноморской политике ЕС, позволяющий рассматривать её дуализм «стратегический партнер – тактический конкурент» как устойчивый, исторически сформированный феномен, а не как следствие одномоментных кризисов XXI века. Показано, что ключевые элементы внешнеполитического инструментария Турции, такие, как Конвенция Монтрё, участие в энергетических проектах и посреднических инициативах выстраиваются в непрерывную линию от межвоенного периода до современности, трансформируясь, но не теряя своего значения.

Конвенция Монтрё одновременно закрепляет за Турцией функцию стабилизатора и предоставляет ресурс для тактического давления на внешних игроков на политической арене, включая ЕС, посредством регулирования военно морского присутствия. Энергетический хаб, построенный на сочетании проектов TANAP–TAP, «Турецкий поток» и АЭС «Аккую» усиливает переговорные позиции Анкары в вопросах модернизации Таможенного союза и доступа к рынку ЕС, но не отменяет, а реорганизует взаимозависимость с Россией.

Таким образом, историческая перспектива позволяет увидеть в черноморской политике Турции не хаотичный набор противоречивых шагов, а последовательную стратегию, опирающуюся на институциональное наследие XX века и адаптирующуюся к новым вызовам XXI века. Для России понимание этой эволюции имеет принципиальное значение: позволяет оценивать не только текущие, но и потенциальные сценарии изменения баланса сил, режимов доступа в Черное море и конфигурации энергетических потоков в условиях дальнейшего развития политики ЕС и Турции в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гюзалтан О.С. Отношения Турецкой республики и Российской Федерации в свете реалистичного подхода к концепции многополярности // Русская политология. 2024. №1 (30). С.65-71
2. Ирхин А.А, Москаленко О.А, Демешко Н.Э. «Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2024. №1. С.7-22
3. Ирхин А.А. Модели функционирования режима Черноморских проливов: 1783-2018 гг. И национальные интересы России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. №3. С.70-80
4. Марков А.А., Терехова А.В. Россия и Турция: энергетический вектор сотрудничества // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. №2–1 (101). С.125-128
5. Мошкин С.В. «Рука Москвы» в истории вступления Турции в НАТО // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. 2009. Т. 5. № 4. С. 245–253.
6. Мошкин С.В. Дипломатическая война за черноморские проливы в 1944-1946 годах // Дискурс-Пи. 2016. №1. С.112-116
7. Наринский М.М. Советское руководство: проблема границ и сферы влияния СССР в 1941–1946 годах // Вестник МГИМО. 2008. №3. С.3-13
8. Поспелов Н.В. Проблема Черноморских проливов в отношениях России и Турции: история и современность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. №2 (855). С. 63–67
9. Рощина Л.Н., Солёная С.В., Дыхлин Е.Ю. Морские порты как субъекты международной конкуренции в черноморском регионе // Вестник РГЭУ РИНХ. 2025. №1. С.183-193
10. Сатылмыш М.Г. Энергетическая политика Турции в Черноморском регионе // Международные отношения. 2025. №2. С.112-124
11. Челикпала М., Татлыоглу Э. Черноморская политика Турции в области энергетической безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. - 2023. - Т. 23. - №4. - С. 748–761.
12. Монтрё, 20.07.1936 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51475/ (дата обращения: 14.12.2025)
13. REPowerEU Plan. European Commission. 2022. Электронный ресурс. Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_3537 (дата обращения: 16.12.2025).
14. Turkey's Evolving Geopolitical Strategy in the Black Sea / Foreign Policy Research Institute. 2024. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.fpri.org/article/2024/12/turkeys-evolving-geopolitical-strategy-in-the-black-sea/ (дата обращения: 14.12.2025).
15. Atlantic Council. A Sea of Opportunities: Exploring cooperation between Turkey and the West in the Black Sea Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/385695763_A_Sea_of_Opportunities_Exploring_cooperation_between_Turkey_and_the_West_in_the_Black_Sea (дата обращения: 14.12.2025).
16. EU Strategic Approach Black Sea Strategy. European Commission. 2025. Электронный ресурс. Режим доступа: https://enlargement.ec.europa.eu/document/download/170d9b3a-d45f-4169-80fa-9adb753c0921_en?filename=EU+Strategic+Approach+Black+Sea+Strategy.pdf (дата обращения: 15.12.2025).
17. Desurmont J.M. Montreux Convention, Bosphorus Strait and the Making of Naval Power in the Black Sea. BISI. 2025. Электронный ресурс. Режим доступа: https://bisi.org.uk/reports/montreux-convention-bosphorus-strait-and-the-making-of-naval-power-in-the-black-sea (дата обращения: 15.12.2025).
18. Marian Karagyozov. Turkey's energy strategy for the Black Sea. Электронный ресурс. Режим доступа: https://balkanresearchers.net/publications/turkey-energy-strategy-for-the-black-sea.pdf (дата обращения: 16.12.2025).

© Баранова Анна Евгеньевна (annbaranovaa@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.08

ПРОБЛЕМЫ В РЕАЛИЗАЦИИ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН В 1990–1993 ГГ.

PROBLEMS IN THE IMPLEMENTATION OF HOUSING POLICY IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN IN 1990-1993

A. Valeev

Summary: The article is devoted to topical issues of the implementation of housing policy in the Republic of Tatarstan. Much attention is paid to the state of the housing stock, social and housing programs that were adopted and implemented in Tatarstan to eliminate the dilapidated housing stock and provide citizens with new, comfortable housing.

Keywords: Republic of Tatarstan, dilapidated housing, housing policy, affordable housing, social housing program.

Валеев Адель Раисович
Кандидат исторических наук, доцент,
Университет Управления «ТИСБИ», г. Казань
Valeev.adel2@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальным вопросам реализации жилищной политики в Республике Татарстан. Большое внимание уделяется состоянию жилищного фонда, социальным и жилищным программам, которые были приняты и реализованы в Татарстане для ликвидации ветхого жилого фонда и обеспечения граждан новым, комфортным жильем.

Ключевые слова: Республика Татарстан, ветхое жилье, жилищная политика, доступное жилье, социальная жилищная программа.

С 22 октября по 24 октября 2024 года в городе прошло грандиозное международное мероприятие - саммит стран участниц объединения БРИКС, который без преувеличения можно назвать самым представительным форумом в истории организации. В Казань на саммит БРИКС приехали 22 главы государства. Среди них были почти все лидеры непосредственных стран-участниц клуба — Китая, Индии, ЮАР, а также присоединившихся с 1 января 2024 года Египта, Ирана, ОАЭ и Эфиопии. Приехали также лидеры Азербайджана, Армении, Монголии, Белоруссии, Конго, Лаоса, Киргизии, Казахстана и других государств. Кроме того, Казань посетил генсек ООН Антониу Гутерриш и президент Турции — Реджеп Тайип Эрдоган, ранее сообщивший о намерении своей страны присоединиться к БРИКС [1].

14 декабря 2023 года во время итоговой пресс-конференции Президент Российской Федерации Путин В.В. пояснил, что выбор города Казани в качестве площадки для проведения саммита БРИКС был связан с высоким уровнем развития города и Татарстана в целом: «Татарстан развивается хорошо, а Казань – один из наилучших примеров такого развития. Прежний президент и нынешний – Минниханов – работают хорошо. Мы видим результат. Я помню, я с Минтимером Шариповичем приезжал, мы ходили в дома, вы знаете, меня тогда что порадовало: домами-то назвать нельзя было, землянки. Это было в начале 2000-х годов. Землянки в полном смысле этого слова, но так чистенько все было. У меня до сих пор сохранилось это чувство уважения к людям, которые в таких скромных условиях жили, но так все содержали, на таком уровне. Уровень внутренней культуры народа вызывает уважение. С этим связано и достаточно уверенное развитие Татарстана, города Казани» [2].

Без продуманной и успешно реализованной властями Республики Татарстан в начале 90-х гг. жилищной политики проведение в Казани международных саммитов, спортивных соревнований и иных важных мероприятий было бы невозможным, о чем сейчас мало кто задумывается.

Нельзя не отметить важное для Татарстана политическое событие, определившее дальнейшее развитие республики, результаты которого мы можем наблюдать и по сей день. Так, 30 августа 1990 года Верховным советом республики была принята Декларация о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики №334-XII от 30.08.1990 г. [3, с.125-128]. С принятием данного документа жилищная политика Татарстана обрела принципиально новые экономические и политические основы для своего развития. Новая политическая реальность позволила республике сохранить мощный промышленный потенциал, оставшийся с советских времен, тем самым устоять в период распада СССР в 1991 году. Кроме того, у республики появилась политическая самостоятельность в принятии решений, а социально-экономические реформы позволили начать глубокие экономические преобразования.

Вместе с тем, объявив о своем суверенитете, Татарстан столкнулся с тем, что пришлось самостоятельно решать накопившиеся с советских времен жилищные проблемы жителей республики и города Казани. Как вспоминал бывший мэр Казани К.Ш. Исхаков: «Во время

Великой Отечественной войны в Казань эвакуировали много разных заводов, в результате чего население города удвоилось, но ни жилой фонд, ни коммунальная, ни социальная, ни культурная сферы не изменились. Это привело к катастрофическому износу всей городской инфраструктуры, а когда Казань просила помощи у руководства страны, все считали, что это нормально, ничего особенного» [4].

Действительно, жилищный вопрос как в республике, так и по стране в целом оставался одним из сложных на протяжении последних десятилетий. Советская система, в которой государство обеспечивало граждан бесплатным жильем, рухнула, взамен ей пришли рыночные отношения, однако, не все граждане могли позволить себе приобрести новое и комфортное жилье, зачастую оставаясь жить в трущобах, в ветхих и аварийных домах. Ветхий жилой фонд Республики Татарстан размещался главным образом в городе Казани, как правило в его центре в исторической части города. Основной объем его был сосредоточен на территории современного Вахитовского района, частично в Авиастроительном (Ленинском) и в Приволжском районах города Казани.

Обветшание жилого фонда привело к образованию в Казани и других старинных городах Татарстана городских «трущоб». Об этом свидетельствовал тот факт, что в среднем каждый шестой гражданин, обратившийся с заявлением в Верховный Совет Татарстана, поднимал вопрос о жилищном хозяйстве, а по Казани – каждый четвертый. Так, в коллективном письме жильцы №21а по ул. Клары Цеткин города Казани указывали: «Наш дом – деревянный, двухэтажный, постройки 1903 года, который ни разу не ремонтировался, находится в санитарно-промышленной зоне предприятия. Так, где же конституционный закон, защищающий интересы народа?» [5, с.82-83]. Из-за отсутствия средств на капитальный и текущий ремонт старые дома ветшали, что часто приводило к их обрушению. К примеру, в 1990 году в Казани обрушился жилой дом №16 по ул. Парижской Коммуны, обвалилась часть первого этажа, обнажив гнилые балки второго. Частично дом обрушился в конце марта, затем – в ночь на 10 апреля 1990 г. Его жители писали во многие инстанции о том, что «состояние дома угрожает опасностью жильцам», но получали лишь формальные отписки. Например, от Казанского исполкома они получили справку: «Износ дома составляет 74 процента» [6, с.2]. Очередная комиссия, оценивая состояние полуразрушенных домов, прибавляла несколько процентов износа, но в целом ситуация не менялась.

Общественно-политическая обстановка в Татарстане хорошо отражена в жалобах и письмах жителей республики в местные Советы народных депутатов 1992–1993 гг. Их анализ показывал, что большая их часть была связана с проблемами жилищного и коммунального хозяйства, торгового обслуживания, социальной защиты. Так, в Верховный Совет Республики Татарстан в 1992 г. поступило 5077 устных и письменных обращений, из них 825 обращений относились к жилищному хозяйству. В то же время следует обратить внимание на одну особенность развития взаимоотношений власти и ее электората. Так, в 1992 г. общее количество обращений во властные структуры, по сравнению с 1991 г., уменьшилось на 20,5%, в частности, по проблемам жилищного хозяйства – на 16,2% (в 1991 г. – 21,5%) [7, с.83].

В обществе постепенно усиливалось недовольство по поводу действий властей и общая апатия. Одной из форм пассивного сопротивления властям было бойкотирование выборов и различных мероприятий местных органов власти. Особенно отчетливо это проявлялось среди жителей ветхого фонда, которые, например, отказывались участвовать в выборах. Так, в поселке Савиново (Савинка), который был расположен на территории современного Ново-Савиновского района города Казани – процент проголосовавших на выборах в Верховный Совет ТАССР, прошедших 4 марта 1990 г., был весьма низок [8, с.3].

Все это означало, что часть жителей Татарстана больше не верила действующей власти и не надеялась, что обретет комфортное жилье. Были такие случаи, когда жители ветхих домов, особенно пожилые люди, поставленные на очередь на получение новой квартиры, не дождавшись нового жилья, умирали. В Казани, например, по состоянию на 1992 г. ветхое жилье в городе составляло 1 млн 534 тыс. кв. м, в нем проживало более 34 тыс. семей [9, л.860]. Многие горожане безуспешно боролись за то, чтобы их жилье было признано ветхим. Очередь на снос составлялась на долгие годы вперед, и включить в нее другие дома было очень сложно. Все чаще в окнах ветхих домов, особенно в центре города Казани можно было увидеть плакаты с надписью: «Долой трущобы!!!».

По воспоминаниям журналиста и депутата Казанского горсовета Р.А. Мустафина: «Как все депутаты я вел прием граждан по личным вопросам. Подавляющее большинство жителей приходят по одному-единственному вопросу: об улучшении жилищных условий. Почти вся центральная часть города Казани представляла из себя сплошные трущобы: двух, трехэтажные деревянные и кирпичные дома, с покосившимися окнами и дверьми, развалившимися деревянными лестницами. Люди жили здесь из поколения в поколение. Сначала топили дровами, потом провели тепло, газ и водопровод. Иногда этим домам делали косметический ремонт. И все это было в центре города. И стоило приезжим, гуляющим по центральной части города заглянуть во дворы, они натыкались на ужасающую грязь и антисанитарию» [10, с.20].

Таким образом, одной из самых острых и нерешен-

ных социальных проблем в начале 1990-х гг. продолжала оставаться жилищная проблема. Это признавали не только журналисты и депутаты местных исполнительных советов, но и руководство города Казани и Татарстана в целом. Так, на заседании Верховного Совета Республики Татарстан глава администрации г. Казани Исхаков К.Ш. докладывал: «Характеризуя жилищную проблему города Казани, следует отметить, что по состоянию на 1992 г. весь жилой фонд города составляет 16,6 млн. кв. м общей площади жилья, или 4185 домовладений…. в городе эти вопросы постоянно находятся под вниманием, и дело идет на некоторое улучшение. Тем не менее, несмотря на все принимаемые меры, состояние жилищного фонда в настоящее время вызывает серьезную озабоченность городской общественности и администрации города. В последнее десятилетие заметно ускорился процесс обветшания зданий. Благоустройство жилья в целом по городу достигло центральным отоплением – 83,4%, водопроводом – 79,9%, канализацией – 79,2%, горячим водоснабжением – 54,2% и газом – 82%» [11, л.860].

Для ликвидации трущоб, наряду с чрезвычайными мерами, была необходима сбалансированная государственная программа сноса ветхого жилья и строительства нового. Однако в начале 1990-х гг. в Татарстане отсутствовала единая государственная политика, которая существенно изменила бы ситуацию в строительной индустрии. В строительной отрасли наблюдался спад, стоимость строительных материалов стремительно росла, строительные организации сидели без заказов и работы. В 1989–1990 гг. исполнительный комитет Казанского городского Совета совместно с предприятиями города принял меры по ускорению переселения граждан из ветхого жилого фонда в новые благоустроенные квартиры. В результате принятых мер, несмотря на объективное снижение объемов жилищного строительства, городским властям удалось увеличить количество переселяемых из ветхого жилья горожан. Так, в 1990 г. в Казани было переселено 675 семей, в 1991 г. – 1123 семьи, а в 1992 г. – около 1000 семей. Всего за эти годы новые квартиры получили около 3 тыс. семей. Важной особенностью переселения граждан из ветхого жилья стало то, что им предоставлялись квартиры во вновь построенных домах, а не из вторичного жилого фонда, а в 1993–1994 гг. было введено в эксплуатацию 1295,7 и 1227,3 тыс. кв. м жилой площади, т.е. меньше уровня 1992 г. соответственно на 10,8% и 15,5% [12, л.862-863].

Важно подчеркнуть, что в Татарстане предпринимался ряд целенаправленных мер для решения вопросов, связанных с ликвидацией ветхого жилого фонда. Так, еще в 1992 г. Верховным Советом Республики Татарстан было принято постановление «О запросе группы народных депутатов Республики Татарстан о внесении на рассмотрение Верховного Совета Республики Татарстан вопроса о мерах, принимаемых Кабинетом Министров Республики Татарстан по ликвидации в республике ветхого жилья и сносу поселка «Калининский» в г. Казани». На пленарном заседании Верховного Совета Татарстана были заслушаны доклады заместителя премьер-министра республики В.Д. Стекольщикова и главы администрации г. Казани К.Ш. Исхакова о выполнении Кабинетом Министров Республики Татарстан и администрацией г. Казани мер по ликвидации ветхого жилья в республике и сносу поселка «Калининский» в г. Казани. Из их докладов следует, что в этом направлении была проведена значительная работа. По данным Верховного Совета Республики Татарстан, в 1992 г. на снос ветхого жилья из бюджета республики было выделено 600 млн. руб. На эти средства планировалось построить 80 тыс. кв. м жилья, в том числе 70 тыс. кв. м в Казани. Причем в 1991 г. на эти цели было затрачено около 1 млрд. руб., что позволило переселить из ветхого жилья 1062 семьи, в том числе в Казани – 850 [13, с.37]. Однако тогда ни Кабинет Министров Республики Татарстан, ни администрация г. Казани своевременно не внесли на утверждение Верховного Совета Татарстана комплексную программу ликвидации ветхого жилья в республике и Казани.

Наконец, 21 мая 1993 года Верховным Советом Татарстана была принята «Программа ликвидации ветхого жилья в Республике Татарстан на 1993–1995 гг. и на период до 2002 года», постановлением Верховного Совета Татарстана было решено выделить из бюджета республики на 1993 г. целевым назначением отдельной строкой 4 млрд. руб. на снос ветхого жилья [14, с.37].

Представленная властями республики программа имела целью разработку мероприятий и определение средств реализации этих мероприятий для улучшения жилищных условий граждан, проживавших в ветхом жилье. В то же время с самого начала ее реализации возникли серьезные трудности вследствие недоработки отдельных структурных моментов. Положение усугублялось еще и тем, что изменились условия реализации программы, связанные с отпуском (либерализацией) цен и переходом республики к регулируемой рыночной экономике. Ограниченность бюджетных средств, направляемых на улучшение условий граждан, проживающих в ветхом жилье, потребовало поиска других источников финансирования. Кроме того, в эти годы значительно вырос объем непроизводственных расходов жилищно-строительных организаций, который, например, по итогам 1993 г., составлял 59% (151 млрд. руб.) от всех капитальных вложений, направленных в жилищное строительство [15, с.2]. Все это негативно сказалось на темпах жилищного строительства. В течение трех лет с момента принятия указанной программы было снесено 203 тыс. кв. м ветхого жилья, что составляло 22% от объемов, предусмотренных программой за эти годы – 925 тыс. кв. м и 11% от объема всей программы – 1826 тыс. кв. м [16, с.4].

Вместе с тем расчеты властей Татарстана на быструю ликвидацию ветхого жилого фонда в республике не оправдались. Несмотря на действенные меры по интенсификации ввода новых жилых домов, они оказались недостаточными для настоящего прорыва в сфере жилищного строительства. Судьба программы ликвидации ветхого жилья была предрешена самим ходом социально-экономического развития республики, но нельзя не видеть, какое сильное давление оказывали на нее старые, так называемые «социалистические» способы хозяйствования. Особенно это чувствовалось в банковско-кредитной сфере, финансирующей программу ликвидации ветхого жилого фонда. Именно эта сфера экономической жизни оказалась не в состоянии проводить крупномасштабные финансовые операции, заставив строительных подрядчиков и субподрядчиков в возрождающихся рыночных условиях искать иные источники финансирования для строительства нового жилья.

В то же время следует отметить, что в ходе реализации самой первой программы ликвидации ветхого жилья, принятой в 1993 году, жители некоторых поселков города Казани, например, поселка Савиново (Савинка), получили новые благоустроенные квартиры, однако центр города практически оказался нетронутым.

Таким образом, в первой половине 1990-х гг. в жилищной политике Татарстана произошли определенные положительные изменения, в первую очередь они коснулись жителей ветхого фонда, определенная часть которых получила благоустроенные квартиры. Другим позитивным вектором того периода явилось принятие комплексной республиканской программы ликвидации ветхого жилья, направленной на снос трущоб и предоставление населению, проживающему в них, нового жилья. Однако системный кризис в экономике республики, либерализация цен и переход к рыночным отношениям, приведший к скачку цен и инфляции, помешали реализации этой комплексной программы и свели ее некоторые положения на нет. В результате еще больше обострилась как жилищная, так и социальная ситуация в Татарстане, особенно в городе Казани.

ЛИТЕРАТУРА

1. Забродин А. Казанский сбор. [Электронный ресурс] // «Коммерсантъ». 23.10.2024. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7249833?ysclid=mhb3hazm ru351547013 (дата обращения 30.10.2025).
2. Кондреева О. Путин объяснил, почему Казань выбрали для проведения саммита БРИКС. [Электронный ресурс] // «RG.RU». 14.12.2023. URL: https:// rg.ru/2023/12/14/reg-pfo/putin-obiasnil-pochemu-kazan-vybrali-dlia-provedeniia-sammita- briks.html?ysclid=mhdjaw1npb4957482 (дата обращения 30.10.2025).
3. Декларация о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики // Ведомости Верховного Совета ТССР. – Казань, 1990. - №15 (специальный). – С.125-128.
4. Завалишина Т., Мухаметрахимов А. Камиль Исхаков: «Мы с Минтимером Шариповичем загибали пальцы и говорили: «Это успеваем!». [Электронный ресурс] // «БИЗНЕСОНЛАЙН». 28.08.2025. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/681385?ysclid=mhdjyr13li536105901 (дата обращения 30.10.2025).
5. Об обращениях граждан в Советы народных депутатов Республики Татарстан в 1992 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Татарстан. – 1993. – №7. – С.82-83.
6. Магсумова Р. Обвал // Вечерняя Казань. – 1990. – 23 апреля. – С.2.
7. Об обращениях граждан в Советы народных депутатов Республики Татарстан в 1992 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Татарстан. – 1993. – №7. – С.82-83.
8. Сабиров А. О ходе реализации программы «Жилье» // Советская Татария. – 1990. – 16 августа. – С.3.
9. Государственный архив Республики Татарстан. Ф.Р-3610.Оп.1. Д.2143. Л.860.
10. Мустафин Р. Переселение народов // Татарстан. 2004. №12. С.20-22.
11. Государственный архив Республики Татарстан. Ф.Р-3610.Оп.1. Д.2143. Л.860.
12. Государственный архив Республики Татарстан. Ф.Р-3610.Оп.1. Д.2143. Л.862-863.
13. Постановление Верховного Совета Республики Татарстан «О комплексной программе ликвидации ветхого жилья в Республике Татарстан» // Ведомости Верховного Совета Республики Татарстан. – 1993–№5. – С.37-39.
14. Там же.
15. Корнеева Т. Квадратные метры потерь // Известия Татарстана. – 1993. – 12 февраля. – С.2.
16. Иванычева О. 8000 квартир для трущобников до конца года – это реально // Казанские ведомости. – 1995. – №223. – С.4.

© Валеев Адель Раисович (Valeev.adel2@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.13

АГИТАЦИЯ ПРОТИВ ЗАКОНОВ ОБ ОХОТЕ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1844–1846 ГГ.

AGITATION AGAINST HUNTING LAWS IN GREAT BRITAIN IN 1844-1846

D. Gavrikov

Summary: From the beginning of 1844, the the Anti-Corn Law League launched an active campaign against the hunting laws in force in Great Britain at that time. These laws granted landowners the exclusive privilege of hunting wild game, which caused widespread discontent among the rural population and especially tenant farmers, who suffered serious losses as a result.

The article focuses on an agitation campaign against hunting laws organized by the Anti-Corn Law League in 1844-1846 to gain support in rural districts. The League attributed most of rural crime to hunting laws, accusing landowners of removing land from production to preserve game and of imposing economic conditions by class legislation that led to poaching. This study provides a deeper look at an often-overlooked aspect of the broader campaign to repeal the Corn Laws.

Keywords: Great Britain, John Bright, Game Laws, Corn Law League, Richard Cobden, free trade, Corn Laws, free traders.

Гавриков Данила Андреевич
Аспирант, Рязанский государственный университет имени им. С.А. Есенина
Gavrikov.danila@yandex.ru

Аннотация: С начала 1844 года «Лиги борьбы за отмену хлебных законов» развернула активную кампанию против действовавших в то время в Великобритании законов об охоте. Данные законы закрепляли за землевладельцами исключительную привилегию на охоту на дикую дичь, что вызывало широкое недовольство со стороны сельского населения и особенно фермеров-арендаторов, которые терпели вследствие этого серьезные убытки.

В центре настоящей статьи – агитационная кампания против законов об охоте, организованная Лигой в 1844–1846 гг. с целью заручиться поддержкой в сельских округах. Лига борьбы за отмену хлебных законов приписывала большую часть сельской преступности законам об охоте, обвиняя землевладельцев в изъятии земли из производства для сохранения дичи и в навязывании классовым законодательством экономических условий, которые приводили к браконьерству. Данное исследование позволяет глубже взглянуть на часто упускаемый из виду аспект более широкой кампании по отмене хлебных законов.

Ключевые слова: Великобритания, Джон Брайт, законы об охоте, «Лига борьбы за отмену хлебных законов», Ричард Кобден, свободная торговля, хлебные законы, фритредеры.

«Лига борьбы за отмену хлебных законов» – одна из наиболее успешных групп политического давления в истории Великобритании. Основанная в 1839 г. в столице суконной промышленности, г. Манчестере и возглавляемая видными английскими промышленниками, наиболее известными из которых являлись Ричард Кобден и Джон Брайт, Лига выступала за полную и немедленную отмену высоких пошлин, установленных на ввозимое в Великобританию иностранное зерно. Указанные пошлины (по состоянию на 1839 г. составляли 81 шиллинг за квартер[1]), в свою очередь, привели к росту цен на хлеб, ухудшению положения населения, увеличению стоимости рабочей силы и сельскохозяйственного сырья для промышленности.

Таким образом, стремясь защитить землевладельцев от конкуренции, сохранить их доходы, британское правительство проигнорировало интересы промышленников и большей части населения. В результате быстрый рост промышленности, который принес бы пользу всему обществу, тормозился ради сохранения прибыльной конъюнктуры сельскохозяйственных поместий. Данное обстоятельство делало хлебные законы в понимании членов Лиги не просто пагубной с экономической точки зрения мерой, но символом устаревшего, нежелательного и даже аморального прошлого – земельной аристократии, получившей несправедливые экономические привилегии и пользовавшейся ими в ущерб интересам остальных слоев населения. Как следствие, социально-политическое противостояние Лиги и сторонников хлебных законов следует воспринимать не просто как битву за таможенные пошлины, но как борьбу за политическое влияние и социальное равенство между земельной аристократией и крупными промышленниками[2].

Значимость обозначенной цели предопределила масштаб деятельности «Лиги борьбы за отмену хлебных законов». Так, Лига отправляла в разные уголки страны своих лекторов и делегации, издавала и распространяла десятки трактатов, брошюр, листовок, циркуляров и

1 Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь: В 86 т. – СПб: ПОЛРАДИС, 1993. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/110/110351.htm (дата обращения: 25.05.2025 г.)

2 Kemp B. Reflections on the Repeal of the Corn Laws // Victorian Studies. – 1962. – № 5(3). – P. 194.

книг, выпускала ряд собственных газет (самая известная – «Циркуляр против хлебных законов»[3]), организовывала дебаты, публичные лекции, массовые собрания, а также проводила весьма успешные кампании по сбору петиций и агитацию за своих сторонников в ходе парламентских выборов[4]. При этом, несмотря на то, что официально Лига сосредоточила свои усилия на борьбе за отмену хлебных законов, ее лидеры также проявляли значительный интерес к множеству других «смежных» социальных проблем 1830-х и 1840-х гг., критика которых потенциально могла привлечь на их сторону еще больше новых сторонников из числа сельскохозяйственных рабочих и фермеров-арендаторов. Одним из таких вопросов, которому уделялось значительное внимание в «Лиге борьбы за отмену хлебных законов, была аристократическая привилегия законов об охоте.

Законы об охоте представляли собой свод законодательных актов, оставлявшими право охоты на дичь за владельцами земли и предусматривавшими суровые уголовные наказания за браконьерство. Наиболее известными из таких законов были «Закон о ночном браконьерстве» 1828 г., установивший наказания за незаконную добычу дичи (например, заключение в тюрьму на два месяца за первое нарушение, на шесть месяцев – за второе, и на семь лет – за третье) и «Закон об охоте» 1831 г., определивший закрытые сезоны для добычи определённых видов дичи (например, фазанов, куропаток, тетеревов), а также требовавший наличие лицензии на охоту.

Эти законы вызывали огромное раздражение у фермеров, которые ежегодно теряли часть своего урожая из-за зайцев и птиц, численность которых им было запрещено регулировать, не говоря о том, что запрет на отстрел дичи был препятствием для тех, кто хотел с помощью охоты пополнить свой скудный рацион, особенно во времена следовавших друг за другом неурожайных лет.

Газеты Лиги публиковали статьи с жалобами на законы об охоте. В этих статьях указывался ущерб сельскохозяйственному производству, причиненный дичью, предпринимались попытки показать связь между сельской преступностью и законами об охоте, а также критиковались наказания, налагаемые на осужденных. Законы об охоте были охарактеризованы как наследие норманнского ига и как яркий пример аристократических привилегий и землевладения[5].

«Законы об охоте», – жаловались в одной статье Лиги: «Сделали диких животных частной собственностью землевладельцев, давая им дополнительный доход от продажи дичи. Землевладельцы имеют личный денежный интерес в защите дичи, потому что, чем больше дичи, тем больше для них прибыли, и это тем более достойно восхищения, потому что разведение дичи не сопровождается увеличением расходов, все они ложатся на фермеров. Зайцы и кролики, фазаны и куропатки питаются зерном фермера, но он не осмеливается тронуть ни одного из них, хотя они и травят его урожай. Землевладелец заявляет, что дичь, будь то птица или зверь, является его собственностью. Английский землевладелец, по сути, является человеком, который собирает то, что посеял другой, беря то, что другой выкормил, объявляет это своей собственностью, отправляет это на рынок и кладет деньги, полученные от продажи, в свой карман. Это представление землевладельца о справедливости, правосудии и честном обращении»[6].

Принимая во внимание значение законов об охоте с точки зрения возможности дискредитации интересов землевладельцев и укрепления позиций Лиги в деревне[7], один из ближайших соратников Р. Кобдена – Дж. Брайт лично возглавил масштабную информационную кампанию, призванную изобличить их антиобщественную суть. С этой целью он в течение года (начало1844-1845 гг.) провел целые месяцы в сельских районах Великобритании, собирая доказательства, что производительность сельского хозяйства была значительно подорвана законом 1831 г., часто представляемого законом об охране исчезающих видов дикой природы[8].

В этот период Брайт опрашивал фермеров, птицеводов, торговцев дичью и фермеров и получал «от тридцати до шестидесяти писем в день по теме законов об охоте». Он провел эксперименты, чтобы продемонстрировать, что «четыре с половиной кролика потребляют столько же еды, сколько овца», и утверждал, основываясь на таких расчетах, что в период 1839–1842 годов дичь поглотила «столько же продукции сельхозугодий Англии, сколько и все то, что было импортировано из-за границы»[9].

3 McGilchrist J. Richard Cobden, the apostle of free trade. His political career and public services, a biography. – New York, Harper, and Bros., 1865. – P. 50.

4 Spall Jr R. F. Landlordism and Liberty: Aristocratic Misrule and the Anti-Corn-Law League // The Journal of Libertarian Studies. –1987. –T. 8. № 2. –P. 218.

5 Spall Jr R. F. Op. cit. –P. 221.

6 Spall Jr R. F. Op. cit. –P. 221.

7 Kirby C. The attack on the English Game Laws in the Forties // The Journal of Modern History. – 1932. – Vol 4. №1. – P. 24.

8 Osborne H. John Bright's Poacher: Poaching, politics, and the illicit trade in live game in early Victorian England // Agricultural History Review. – 2018. – Vol. 66. № 2. – P. 225.

9 Trevelyan G.M. The life of John Bright. – Boston; New York: Houghton Mifflin Co, 1913. – P. 125-126.

27 февраля 1845 года в ходе двухчасовой речи, которой предшествовало представление петиций от фермеров-арендаторов по всей стране, Брайт призвал к созданию Специального комитета по законам об охоте. Выступая за создание Комитета, Брайт привел множество примеров ущерба, нанесенного дичью урожаю арендаторов[10]. Один из таких случаев относился к ситуации с зайцами и кроликами, сложившейся в графстве Честер.

«Порода этих животных, в той степени, в которой она поощряется в некоторых частях этого графства, начинает вызывать общественное сочувствие к тем, кто действительно страдает от их размножения. В одном поместье, в нескольких милях отсюда, еженедельно уничтожается 300 пар кроликов, помимо большого количества зайцев и когда, кроме того, сообщается, что их отвозят на ближайший рынок и владелец поместья получает от этого большую прибыль, неудивительно, что это вызывает возмущение, особенно на фоне того, как несколько арендаторов были вынуждены покинуть свои фермы из-за разрушений, причиненных дичью, без адекватной компенсации за убытки. Нам сообщили, что для предотвращения вторжения кроликов на соседнюю ферму или поле, дорогу или изгородь, разделяющую фермы, следует время от времени посыпать газовой смолой. Подсчитано, что четыре зайца съедят столько же, сколько одна овца», – приводит Брайт слова корреспондента газеты «Stockport Advertiser»[11].

Также оратор заявил, что по свидетельству одного из фермеров из местечка Клэр в графстве Саффолк, потери земледельцев часто превышают ренту за арендуемую землю, а неспособность нанять необходимую рабочую силу для ухода за полями вызывает бурный дух недовольства, существующий между работодателями и наемными работниками.

«Посмотрите на наши недавние поджоги», – цитирует фермера Брайт: «Значительный рост ставок в графстве Саффолк можно проследить по той же причине. Просматривая газеты Саффолка за последнюю неделю, я обнаружил, что более половины обвинительных приговоров вынесены по законам об охоте. Многие арендаторы в приходе находятся в состоянии неплатежеспособности, и это исключительно из-за ущерба, нанесенного дичью. Я знаю, что они – уравновешенные, честные и трудолюбивые люди, но всякий раз, когда подается жалоба на потравы, доставляемые дичью, им говорят, что они могут оставить свое занятие, если захотят. Я заметил, где дичь охраняется наиболее стойко – в этом районе было больше всего поджогов. Мой брат владеет фермой в Ланшолле, и он сказал мне, что ущерб, нанесенный ему дичью на менее чем 100 акрах, составил не менее 50 фунтов. Он обязан получить лицензию на охоту, чтобы предотвратить более серьезный ущерб»[12].

Показательным являлся также приведенный Брайтом случай из Сассекса. Он был взят из газеты, издаваемой в этом графстве, и изложен как случай мистера Хейворда с фермы Маршалла. М-р Хейворд сказал, что из-за большого ущерба, который был нанесен ему дичью, он написал три письма своему землевладельцу, но, не получив ответа, опубликовал эти письма в газете. В них фермер указал, что разделил свою землю на наиболее поврежденную сторону и лучшую сторону. В результате на лучшей стороне около 18¼ акров дали 327 бушелей, в то время как на другой стороне около 14 акров дали всего 53 бушеля и что ущерб, подсчитанный компетентным оценщиком, составил 129 фунтов 11 шиллингов, за которые фермер не получил никакой компенсации[13].

Помимо конкретных примеров, Дж. Брайт, с целью усилить эмоциональных эффект от своего выступления также использовал в своей речи отдельные общесоциальные и человеческие посылы. «Мы, как и все люди считаем, – отметил он, – что для сельскохозяйственного рабочего очень важно иметь красивый сад вокруг своего дома. Но представьте себе случай рабочего, который встает с восходом солнца, на два часа раньше обычного, чтобы посвятить их, прежде чем он пойдет на работу, своему саду. Он работает с радостью и надеждой. Он возвращается со своего дневного труда и снова трудится на своем участке, в то время как в течение дня, возможно, его жена и дети выполняют там те работы, которые соответствуют их умению и силе. Но когда то, что он посеял, начинает появляться над землей, его пожирает дичь какого-нибудь крупного землевладельца, который, стоя на возвышенности в стороне, не может видеть размеров своих поместий, настолько они необъятны. Я заявляю, что не одобряю чувства любого человека, который сознает, что дичь наносит этот жестокий и обширный вред, разрушая надежды и подавляя энергию честного и трудолюбивого работника, и все же равнодушен к этому вопросу. Говоря о работниках, есть еще одно важное

10 Ibid.

11 Game Laws // Hansard Parliamentary Debates, House of Commons, 27 February 1845. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://hansard. parliament.uk/commons/1845-02-27/debates/8dfc0d45-6290-4230-bc73-5ce7b357cbbe/ GameLaws (дата обращения: 25.05.2025 г.)

12 Game Laws // Hansard Parliamentary Debates, House of Commons, 27 February 1845. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://hansard. parliament.uk/commons/1845-02-27/debates/8dfc0d45-6290-4230-bc73-5ce7b357cbbe/ GameLaws (дата обращения: 25.05.2025 г.)

13 Там же.

соображение. Все фермеры согласны, и я думаю, что все землевладельцы, положа руку на сердце, также скажут, что разведение дичи наносит наибольший вред сельскому хозяйству как занятию. Я говорю не о фермерах, а о возделывании земли как таковом», – отметил в своем выступлении Дж. Брайт[14].

Брайт также предположил, что, поскольку многие члены палаты общин были землевладельцами, они должны испытывать «очень сильную симпатию к этим земледельцам», и «не должно быть никаких возражений против изучения этой части вопроса». Отдельно им были подчеркнуты и другие социальные пороки, вытекающие из законов об охране дичи и законов об охоте, утверждая, что в течение нескольких последних лет значительное число обвинительных приговоров, особенно на малых сессиях в сельскохозяйственных округах, было вынесено за их незначительные нарушения. Сотни и тысячи бедных людей были оштрафованы и заключены в тюрьму... имели место самые жестокие бесчинства, самые страшные и жестокие столкновения между егерями и браконьерами, которые нередко заканчивались смертью одной из сторон[15].

«С начала этой сессии поступила жалоба на бедствие среди фермеров в некоторых местностях, и были направлены депутации к достопочтенному баронету во главе правительства, чтобы попросить его рассмотреть эту ситуацию. В тот момент в числе материалов палаты было предложение о том, что следует отказаться от сокращения налогообложения в пользу другого решения, которое, могло бы дать большее облегчение арендатору. Но он спросил бы землевладельцев, нельзя ли было оказать их арендаторам большое, да – щедрое, облегчение, отказавшись от этой самой губительной и абсурдной системы и позволив своим арендаторам, когда они берут землю, быть единственными владельцами всего живого на ней и единственными владельцами всего, что их земля должна производить?», – задается вопросом оратор.

Подводя итог, приведенным выше примерам и рассуждениям, Дж. Брайт заявил: «Я пришел к такому выводу, что там, где есть строгая охрана дичи, не может быть хорошего земледелия, а если нет хорошего земледелия, не может быть того разумного количества труда для рабочих, на которое они имели право рассчитывать и которое им было необходимо иметь. Если бы я был землевладельцем, видя, что рабочие растут вокруг моей собственности, нет ничего, что я бы выдвинул больше, чем меры по предоставлению им большей занятости и вознаграждения, чтобы увеличить их физические удобства; ибо только на этой основе может быть построено любое моральное образование или религиозное совершенствование».

Сдержанная и изобилующая живыми примерами речь Брайта вызвала много похвал, даже от политических противников. Министр внутренних дел сэр Джеймс Грэм, отвечая на его предложение, заявил, что «я не вижу никаких недостатков ни в тоне, ни в характере его речи». Премьер-министр Роберт Пиль последовал его примеру, признав, что он «не ожидал… столь сдержанной речи от достопочтенного члена от Дарема, как та, которую он произнес». Эдмонд Вудхауз, член от Восточного Норфолка, также признал, что «проявленная умеренность резко контрастировала с характером, который он (Брайт) демонстрировал в предыдущих случаях». Вудхауз добавил, что «он и его друзья не возражали против этого расследования» и что «ничто… не окажется более беспочвенным, чем другие заявления, которые ежедневно делают некоторые достопочтенные джентльмены, о том, что домовладельцы – эгоистичные люди, заботящиеся только о себе, а не о своих арендаторах»[16].

Ричард Кобден позже вспоминал, что Брайт превосходно выполнил свою работу и завоевал отличные отзывы со всех сторон. Его речь застала сквайров-землевладельцев врасплох. Сильная реакция на нее поставила Брайта в выгодное положение, показала, что он обладает значительной общественной, и это привлечет еще большие симпатии фермеров-арендаторов к Лиге. Последнее осуждение, казалось, сильно тяготило сквайров[17].

Пиль обошел стороной главное оправдание Брайта в пользу Комитета, утверждая, что «свидетельства об увеличении браконьерства и очевидная связь преступности с законами об охоте представляют собой законную причину» для его создания. В то же время он сообщил, что было бы «неразумно питать… ожидания… каких-либо изменений» в законах об охоте, и далее утверждал, что «предубеждения против законов об охоте возникли из-за чрезмерного сохранения дичи в определенных районах». Там, где «дичь существовала в умеренном ко-

14 Game Laws // Hansard Parliamentary Debates, House of Commons, 27 February 1845. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://hansard. parliament.uk/commons/1845-02-27/debates/8dfc0d45-6290-4230-bc73-5ce7b357cbbe/ GameLaws (дата обращения: 25.05.2025 г.)

15 Game Laws // Hansard Parliamentary Debates, House of Commons, 27 February 1845. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://hansard. parliament.uk/commons/1845-02-27/debates/8dfc0d45-6290-4230-bc73-5ce7b357cbbe/ GameLaws (дата обращения: 25.05.2025 г.)

16 Osborne H. Op. cit. – P. 226.

17 Trevelyan G.M. Op. cit. – P. 127.

личестве», продолжил Пиль, «не было большого количества преступлений, и существующие законы об охоте работали хорошо»[18].

Премьер-министр также опроверг утверждение Ричарда Кобдена о том, что именно из-за «чувства, созданного на улице» кампанией Лиги по вынесению вопроса на рассмотрение палаты общин, «правительство было неохотно вынуждено согласиться на создание этого комитета». Пиль, как он сообщил палате общин, воспользовался «возможностью посовещаться в тот же день с очень большой частью членов сельскохозяйственного сектора и другими членами парламента, заседающими на правительственной стороне палаты, и было единодушное мнение, что расследованию не следует сопротивляться»[19]. Это было не совсем то же самое, что поддержка, но элементы ответа Пиля на предложение Брайта потенциально соответствовали как его постоянной обеспокоенности «предусмотрительными мерами предосторожности против взрывов общественных настроений», так и его непоколебимой решимости не уступать публично внешнему давлению, в данном случае – давлению Лиги борьбы против хлебных законов, в формировании парламентской повестки дня[20].

Как отмечают современные британские исследователи, нападки Лиги на законы об охоте еще раз подчеркивают, как кампания против хлебных законов пересекала границы города и страны, промышленности и сельского хозяйства, вокруг которых часто формируются и воображаются популярные представления о борьбе за отмену.

Агитация по поводу отмены законов об охоте и охране дичи была тактическим приемом, направленным на то, чтобы поставить в неловкое положение земельные интересы и поддержать импульс предвыборной кампании в то время, когда поддержка отмены хлебных законов в парламенте была слабой, к тому же она воплощала последовательную критику экономического и морального обоснования протекционизма. Это было центральное место в кампании Лиги по ослаблению поддержки хлебных законов в сельских округах и было направлено конкретно на то, чтобы подорвать электоральную лояльность фермеров-арендаторов к кандидатам-землевладельцам. Агитация Лиги против законов об охоте с одной стороны удерживала аристократию в обороне в критический момент и, таким образом, способствовала более широкой агитации против протекционизма, а с другой –сделала фермеров-арендаторов более склонными прислушиваться к доводам фритредеров по защите свободной торговли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь: В 86 т. – СПб: ПОЛРАДИС, 1993. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/110/110351.htm
2. Cardwell E. and Earl Stanhope (eds.) Memoirs by the Right Honourable Sir Robert Peel, Part I. – London: J. Murray, 1857. – 399 p.
3. Game Laws // Hansard Parliamentary Debates, House of Commons, 27 February 1845. [Электронныйресурс]. – Режимдоступа: URL: https://hansard.parliament.uk/commons/1845-02-27/debates/8dfc0d45-6290-4230-bc73-5ce7b357cbbe/ GameLaws.
4. Kemp B. Reflections on the Repeal of the Corn Laws // Victorian Studies. – 1962. – № 5(3). – P. 189-204.
5. Kirby C. The attack on the English Game Laws in the Forties // The Journal of Modern History. – 1932. – Vol 4. №1. – P. 18-37.
6. McGilchrist J. Richard Cobden, the apostle of free trade. His political career and public services, a biography. – New York, Harper, and Bros., 1865. – 304 p.
7. Osborne H. John Bright's Poacher: Poaching, politics, and the illicit trade in live game in early Victorian England // Agricultural History Review. – 2018. – Vol. 66. № 2. – P. 215-237.
8. Spall Jr.R.F. Landlordism and Liberty: Aristocratic Misrule and the Anti-Corn-Law League // The Journal of Libertarian Studies. – 1987. – Vol. 8. № 2. – P. 213-236.
9. Trevelyan G.M. The life of John Bright. – Boston; New York: Houghton Mifflin Co, 1913. – 480 p.

© Гавриков Данила Андреевич (Gavrikov.danila@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

18 Osborne H.Op. cit. –P. 226.

19 Game Laws // Hansard Parliamentary Debates, House of Commons, 27 February 1845. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://hansard. parliament.uk/commons/1845-02-27/debates/8dfc0d45-6290-4230-bc73-5ce7b357cbbe/ GameLaws (дата обращения: 25.05.2025 г.)

20 Cardwell E. and Earl Stanhope (eds.) Memoirs by the Right Honourable Sir Robert Peel, Part I. – London: J. Murray, 1857. – P. 116.

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.14

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ НАЗВАНИЙ БОЛЕЗНЕЙ В ХАКАССКОЙ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ

Горбатов Леонид Васильевич
Кандидат исторических наук, научный сотрудник, МАУК Музей-заповедник «Хуртуях тас»
gorbatovl@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена теме историографического исследования хакасской народной медицины и его лексемы. Статья содержит первую в хакасоведении попытку комплексного и обобщенного освещения такой важной сферы культурного наследия хакасов, как народная медицина. Помимо этнографической актуальности изучения народной медицины есть также сугубо практическая актуальность, исходящая из стремления современного общества к поиску понимания природы болезней и рациональных способов воздействия на организм человека. В научный оборот вводятся принципиально новые сведения, собранные в результате опроса пожилых информантов, практиковавших традиционные методы лечения. Настоящее исследование может позволить систематизировать присутствующие в хакасском языке народные названия болезней и болезненных состояний. Все они имеют прямое отношение к образу жизни и особенностям мышления хакасов. Что касается уже произошедшей адаптации народных названий болезней и болезненных состояний к современным понятиям, то она осуществлялась по принципу идентификации клинических проявлений, т.е. как бы ни называлась болезнь в хакасском и русском языке, симптомы ее у заболевших будут схожими. Это позволяет признать лексемы равнозначными. Новизной работы является факт того, что автором впервые вводятся в оборот новые сведения, названия болезней и их сравнения.

Ключевые слова: хакасы, народная медицина, названия болезней, термины здоровья, термины нездоровья, называния болезненных состояний, историография изучения названий болезней у хакасов.

HISTORIOGRAPHIC STUDY AND EVOLUTION OF DISEASE NAMES IN KHAKASS FOLK MEDICINE

L. Gorbatov

Summary: This article is devoted to the topic of historiographical research of Khakass folk medicine and its lexemes. The article contains the first attempt of comprehensive and generalized coverage of such an important sphere of the cultural heritage of the Khakass as folk medicine. In addition to the ethnographic relevance of the study of traditional medicine, there is also a purely practical relevance arising from the desire of modern society to search for an understanding of the nature of diseases and rational ways of influencing the human body. The scientific circulation is introduced fundamentally new information collected because of a survey of elderly informants who practiced traditional methods of treatment. The present study may make it possible to systematize the folk names of diseases and painful conditions present in the Khakas language. All of them are directly related to the way of life and peculiarities of thinking of the Khakass. As for the adaptation of the popular names of diseases and disease states to modern concepts, it was carried out on the principle of identifying clinical manifestations, that is. Whatever the name of the disease in Khakas and Russian, its symptoms in patients will be similar. This makes it possible to recognize lexemes as equivalent. The novelty of the work is the fact that the author first introduced into circulation new information, names of diseases and their comparisons.

Keywords: khakass, traditional medicine, names of diseases, terms of health, terms of ill health, names of painful conditions, historiography of the study of names of diseases in khakass.

Лексика, отражающая названия болезней и болезненных состояний, в хакасском языке сформировалась на основе диалектов этнических групп хакасов - сагайского, качинского, кызыльского и шорского [1]. Поэтому нередко в источниках одно и то же заболевание может иметь несколько разных наименований. Данная лексико-тематическая группа в хакасском языке не изучена. Соответственно нет какого-либо исследования, посвященного названиям заболеваний. Кроме того, не рассматривались пути отождествления хакасских медицинских лексем с русскими. В настоящей работе восполняется существующий информационный пробел и приводится первичная систематизация названий, обозначающих различные болезни человека.

В этнографических источниках XVIII–XIX вв. хакасские названия болезней практически не упоминаются, в основном использованы их русские эквиваленты. П.С. Паллас (1788) упоминает – *нутреные* припадки, поносы, лихорадочные немочи, французскую болезнь (*котур*), оспу (*чечьяк*) [2]; Г.И. Спасский (1818) – понос и лихорадку [3]; Н. Попов (1884) – раны, лихорадки, ревматизм [4]; Н. Мартьянов (1893) – водянку, раны, ревматизм, бели, зубную боль [5]; П. Островских (1895) - излом костей, боль в животе, лихорадку [6]; Н.Ф. Катанов (1899) - лишай в виде пузырьков (*тимиро*), лишай в виде красного пятна (*камджо*), нарывы (*сис*), ревматизм (*кол азак сыстаны*) [7]; Н.Ф. Катанов (1899) - трудные роды, укусы, нарывы, лишаи, паршу, ревматизм, зубную боль, кашель, бессонницу, болезни горла, тиф [8].

В середине XX в. были составлены хакасско-русский

и русско-хакасский словари [9]. В них вошло большое количество слов, заимствованных из русского языка, включая медицинские лексемы: напр., *русск*. рахит – *хак*. рахит; *русск*. рак – *хак*. рак и т.д. Во второй половине XX в. в трудах В.Я.Бутанаева (1986, 1999) были приведены названия более 50 болезней и болезненных состояний на хакасском и русском языках [10]. Но наибольшее их количество (более 170) содержится в тематическом словаре А.Д. Каксина и М.Д. Чертыковой в разделе «Болезни, повреждения тела» [11]. Сюда входят названия болезней и болезненных состояний, включая их синонимы из других хакасских диалектов. Ряд названий, таких как ларингит, миокардит, рак, склероз, экзема, эмфизема, энцефалит и др., в словаре представляют современную хакасскую медицинскую терминологию. Образовались устойчивые словосочетания-кальки, например: *миис тамырларының слерозы* - склероз сосудов головного мозга, *чӱрек-тамыр ағырии* - сердечно-сосудистые заболевания, *чӱрек склерозы* - склероз сердца и др.

В результате объединения имеющихся литературных сведений названия болезней и болезненных состояний были разделены на 5 тематических групп, выделенных на основании отождествления медицинских лексем и понятий в хакасском и русском языках.

В первую группу вошли базовые термины, отражающие состояние *нездоровья*. В хакасском языке слово *ағырығ*, производное от *ағыр-* (*ағырарға*), эквивалентно русскому - *болезнь, заболевание, хворь*. В основе его лежит понятие *боль* – физическое и/или эмоциональное страдание, иногда используемое как синоним слова *болезнь*. Отсюда возникает ряд языковых соответствий: рус. **больной, болезненный, нездоровый** – хак. *хазых чох* – букв. здоровья нет; **болезни обострение** – *ағырығ улғаатханы*, также, диал. *салбы*; **болезнь хроническая** – *чазылбас ағырығ* – букв. не заживающая, не выздоравливающая болезнь, также *чӧрес* - букв. блуждающая; **болезни усиление, рецидив, обострение** – *сам*; *самнан-* (*самнанарға*) – разболеться, воспалиться (о ране, болячке); **болезнь неизлечимая** (рак, запущенный сифилис и пр.) – хак. *сызых ағырығ*; **боль ноющая** – *сыстапча* - букв. ноющая. В то же время о болезни хакасы могут сказать - *тӱсхах* – букв. опустилась, прилетело, припало; или *кірді* - букв. грязный дух, от *кір* - грязь.

Во вторую группу вошли общие названия болезней, имеющие полное сходство в разных языках благодаря указанной локализации: **болезни желудка** – *хорсах ағырии, хурсах ағырығлары*; **болезни легких** – *ӧкпе ағырығлары*; сюда входят – воспаление легких – *ӧкпе ағырча*; плеврит – *ӧкпе ағырии*; пневмония – *ӧкпе ағырии*; **болезни почек** – *пӱӱрек (пӱгӱрек) ағырығлары*; **болезни сердца, боли в сердце** – *чӱрек ағырии*; **болезни ушные** – *хулах ағырығлары*; **болезнь глаз** – *харах ағырии*; **болезнь десен** (пародонтоз – поражение околозубной ткани) – *көгбелер ағырча* – болезнь десен; *көгбе ағырии* – боли в деснах; **болезнь кожная** – *теер ағырығлары*, также *хычытхах* – букв. зудящее; **болезнь мочевого пузыря** – *хоох ағырии*; **болезнь печени** – паар ағырии; **боли в желудке** – *хорсах ағырча*; *ӧс ағырығлары*, где *ӧсте- (ӧстирге)* – стонать, кричать, *ӧстег* – стон, вопль; **боли в животе** – *істі-харын ағырии* – букв. внутренности болят; **боли в спине** - *пил ағырча* – поясница болит; **боли в суставах** – *чӱстер ағырии* – суставы болят; **боль в ушах** – *хулах ағырча*; **боль головная** – *пас ағырии* – букв. болезнь головы; **боль зубная** – *міс ағырии,* кариес – *міс чызааны* - гниение зуба.

Третью группу составляют названия болезненных состояний, имеющие сходство в хакасском и русском языках, основанное на характерных симптомах: **воспаление** – *хапчы* - держащий, не отпускающий; **жар (повышенная температура)** – *иді ізіг* – букв. тело жаркое; *ит ізеені* – тело горячее; **лихорадка** – *ізіг ағырыг* – горячая болезнь; *иді ізіпча* (*ханы хайнапча*) – букв. тело горячее (кровь закипает); *тӱсхах* – букв. опустилась, прилетело, припало; *кӱні астыг ағырыг* – ежедневная, постоянно не отпускающая болезнь; **озноб** – *сыырых-ханы*, где *сыырых-* замерзать, мерзнуть, зябнуть, знобить, лихорадить; **потение** – *тирлеені* – от *тир* – пот, испарина; **приступ болезни (внезапный), обморок** – *урунҷахха хаптырарға* – букв. заболеть внезапно, внезапное недомогание; где *урун-* натолкнутся на кого/что либо, *хаптыр-* от *хап-* схватить кого/что либо; **приступы боли, бешенства** – диал. *тутчах* – приступ, припадок; **сердцебиение частое** – *чӱрек талбырааны*; *талбыра* (*талбырирға*) – учащенно биться; **слабость, переутомление, усталость** – *сағ чохтанча* – букв. сила отсутствует; также – *майых парды, майыл парды* – от *майых-* и *майыл-* уставать, утомляться; также *салыхханы* – вялость, *майыхханы* - усталость, *сағ чохтанғаны* – обессиливание; **сонное состояние человека** – *харан* – незаметно, исподтишка (видимо, неожиданное состояние), отсюда – *харанчых*; также *уйархапча* – букв. засыпание, от *уйғу* – сон; **судороги** (устар. – **корчи**) – *сиир тартханы,* где *сиир* – жилы, *тарт* – тянуть, тащить; также *тартхы* – скобель – инструмент для снятия коры с дерева; отсюда – *сиир тартханы* - букв. жилы сдирает; диал. *хурусхах*; **тошнота** – *хусхах*; *хустурча* – тошнит; *кӧҥні айланғаны*, где *кӧҥні* – душа, дух, сердце; *айлан-* вращаться, вертеться, кружится.

Четвертая группа объединяет 4 подгруппы, включающие инфекционные, онкологические, и другие трудноизлечимые заболевания, вызываемые, как полагали в народе, болезнетворными духами. В русском языке им соответствий нет, поэтому хакасские названия были, некогда соотнесены с медицинскими терминами исходя из клинических проявлений болезней.

Подгруппа 1: эпидемии – *аар чорых* – тяжелая бо-

лезнь, поветрие; *тӱскін* – падёж; *хырғын* – резня, бойня; и поветрия - *чорых аалчы* - букв. гуляющий гость. К эпидемическим заболеваниям относятся: **грипп** – *кискек пӱӱзі*, *кискек тӧзі* – дух инфекционной болезни; саг. *сыбырт* – поветрие; **корь** – *кӧӧр*, *көгӧр* (*кугур*) – повторяющийся, с неба спускающийся, т.е. приходящая в гости; *кӱӱр ӧрекен* – старуха *кӱӱр,* дух-хозяйка болезни; *кӧӧр аалхы* – *кӧӧр* гость; *кічіг аалчы* - малый гость; **оспа** – *улуғ аалчы* – большой гость; кыз. *чічік*, *чичек* – цветки, здесь вероятно имеется ввиду сыпь (папулы), образующаяся на теле при определенной стадии заболевания; *хооҷах* – пустулы оспы, ветрянки, оспины; **оспа ветряная**, **ветрянка, красная сыпь от ветряной оспы** – *сыбырған* – букв. поветрие; также *кічіг аалчы* – «малые гости»; **тиф** – *кизім* – эпидемия; *харан аалчы* – букв. черный гость, *кизім аалчы* – букв. эпидемия гость; также *істі агырии иді хайнапча* – букв. живот болит тело горячее; *ізіг аалҷы* – букв. горячий гость, т.е. горячка **чума** – *сырха*, возможно от *сырың* – поветрие.

Подгруппа 2: неизлечимые болезни – *сызых ағырығ*. Сюда входят онкологические в венерические заболевания, без указания на локализацию: **рак, сифилис** – *чабал агырыг* – злое заболевание, дух болезни не оставляет тело человека, не слушается шамана; *чабал ағырығ сымыл* – злая болезнь нечистого духа; где *чабал* – плохой, гадкий, скверный, дурной, зловредный, злой; также *хамыл, самыл, шыбыл* – нечистый дух.

Подгруппа 3: связана с незримым духом болезнетворного *ветра*: **паралич** – *чил сапхан* – букв. ветром ударенный*; тан* – легкий ветерок (дуновение Ирлик-хана); *тан чапхан* – букв. летящий, невидимый дух ударил; *чабал тан* – плохой ветер; шор. *салғын ағырығ* – болезнь ветра.

Подгруппа 4: включает названия как инфекционных, так и неинфекционных заболеваний, насылаемых их духами-хозяевами: **астма** – *айартым* - имя духа бронхиальной астмы; **бельмо (лейкома)** – *хоначы* – букв. ночной (гость); **гепатит (желтуха)** – *сарығ харан* – желтая нечисть; *сары хат* – желтая женщина: по имени духа болезни имеющего женские очертания; **герпес (на губах)** – *ӱзӱт охсансалганы* – букв. поцелуй *ӱзӱта* (духа мертвого); **молочница** (**кандидоз** или **кандидомикоз**) - *апсыл, ахсыл* – по имени дух-хозяина заболевания *Апсыл хана*; **панариций** (гнойно-воспалительное заболевание пальцев) – *хартығас, көртігес,* диал. *пӧртігес* – имя духа-хозяйки болезни, имеющей вид маленькой старушки; для лечения этого заболевания строили из веточек маленький шалашик, засовывали туда палец и приглашали боль перейти туда, после чего домик шалашик сжигали; в хакасском языке *көртіс* (*көртізерге*) – показывать, указывать на кого-либо или на что-либо; возможно помещение пальца в шалашик напоминало указание направления, что отразилось в имени духа болезни; **стоматит** – *апсыл*, *ахсыл* – *Апсыл хан* – имя духа-хозяина заболевания.

Пятая группа объединяет в себе русские и хакасские названия болезней, связанных с определенными органами тела, жидкостями организма, травмами, психикой и пр. Некоторые из них, особенно диалектные, не имеют переводов. С русскими медицинскими терминами они были некогда соотнесены исходя их клинических проявлений болезней. Имеющиеся переводы названий порой весьма точно отражают причину возникновения заболевания, особенности его проявления, или внешний вид, например: **обморожение** – *сооххa хаптырған* – букв. мороз его схватил; **сотрясение головного мозга** – *пас тӱскені* – букв. голова упала; **истерика** – *сай* – букв. буйное, неконтролируемое; **мозоль (жидкая), волдырь** – *тошпах* – пухлый, полный, толстый, выпуклый, выпученный.

Глаза (*харах*) – **бельмо (лейкома)** – ах тастаан (тастап) харах; **близорукость** – *харо харахтар* – возможно «жадные» глаза, *ырахха хомай көргені* – букв. далеко не видит; **дальнезоркость** – *чағынға хомай көргені* – букв. близко не видит; **зрение слабое** – *харах оды уйан* – букв. огонь в глазах угас, у хакасов есть поверье, что в глазах человека отражается как огонь жизненная сила, если взгляд становится тусклым, то говорят, что огонь погас, огонь живет в хрусталике, чаще всего при потускнении хрусталика старики говорят *одым успарии* - огонь в моих глазах угасает; **конъюнктивит** (воспаление слизистой оболочки глаза) – *пур* – возможно это имя духа-хозяина болезни, в заклинаниях его называли – *ах пур* – белый пур*, хызыл пур* – красный пур*, көк пур* – зеленый пур*, хара пур* – черный пур; **косоглазие –** *сырғай харах* – косые глаза, *хыйыр харах* – кривые глаза, *хойрых харах* – искривленные глаза; **куриная слепота** – *маған харах* – подслеповатый; **слепота** - *харах көрбеені* – глаза не видят, *харах чох полғаны* – незрячий; **трахома** – *сылбах*; **ячмень (на глазу)** – *тірсек*.

Уши (*хулах*) – **глухота** – *хулах тунғаны*, *тун-* (*тунарға*) – глохнуть, терять слух.

Горло (*тамах, ніске*) – **ангина** (острый тонзиллит) – *тамах ағырии* – болезнь горла, глотки. кач. *ніске* – горло, другой перевод – *ніске* - узкое.

Легкие (*ӧкпе*) – **астма** – *тыны хысханы* - нехватка дыхания, где *тын* – дыхание, *хысха* – короткий, краткий; **бронхит** – *холға тӧзі* – букв. дух бронхов *тӧс, тӧзі – дух, душа, холға* – бронхи; **кашель** – *чиділ* / *чидір*, *чидіріг*, саг. *хатығ чидіріг*- тяжелый надрывный кашель, *хатығ чидір* – твердый, упорный кашель, кач. хазо чидір – острый с болью кашель, *хағырых чиділ/чидір* – отхаркивающий кашель, *хағырыг* – хруст, скрежет, *хуруғ чидір* – сухой кашель, *көксӧ* / *көксі* – грудь, грудная клет-

ка, *көксөре-* (*көксөрирге*) – покашливать; **одышка** - *тыны хысханы* – свистящее дыхание, кыз. *хыылаң* – свистящее; **простуда** – *соохха алдыртханы* – схватил холод, мороз, *соох кіргені* – холод принял, саг. *кискек* – болезнь, поветрие.

Желудок (*хорсах)* – **желудка улучшение работы** – *хорсахты чахсылындырары*; **изжога** – *сарыг килче* - букв. желчь идет; также *төс көйгені*: *төс* – дух, *көйген* – горит; **отрыжка** - *кигірік*; **язвенная болезнь** – *істі ағырча* - букв. живот болит.

Печень (*паар*) - **гепатит (желтуха)** – *сарығ ағырығ* – желтая болезнь; *суғлач ан ағырыг* – болезнь, требующая обливания водой (так лечили от желтухи хакасские шаманы и лекари); *хаас ағырии* – букв. «качинская болезнь».

Кишечник, внутренности (*істі-харын*) – **запор** – *істі хатханы*, *істі хатпарган* - букв. живот затвердел, также *тығынчах* – накопленное, переполненное; **кишечника усиление работы** – *істін тогындырары*; **кишечное заболевание** – *істі ағырии, ічеге ағырии*, *істі агырча*; **колики кишечные, резь** – *чанхых*; **метеоризм** – *озыртча* – букв. газообразование, *озырык* – кишечный воздух; **понос** – *істі сурча* – букв. с живота несет, также *чычах* – кал, экскременты.

Почки (*пүүрек*) – **камни в почках** – *пүгүректегі тас*.

Мочевой пузырь (*хоох*) – **мочеиспускание затрудненное** – *сідіп полбинча;* **мочи недержание** – *сідікчі* – человек страдающий недержанием мочи; **камни в мочевом пузыре** – *хоохтагы тастар.*

Кожа (*теер*) – **абсцесс, флегмона, фурункул (чирей), карбункул** – *сіс* – букв., *пасчин сіс* (с головкой), *ізіч,ен, сіс* (с повышением температуры); *сіс* (*сізерге*) – опухать, пухнуть, вздуваться, отекать, кыз. *кейлең*, кач. *хус хузуруғы*; бельт. *чулхум сіс*; **бородавки** – *сөөл* - букв. нарост; **крапивница** (**крапивная лихорадка, крапивная сыпь**) – *іскіт, іскін, іміскін* – букв. собачий след, также *адай іміскені* – собачьи следы когтей (царапины) на земле; **лишай** – *тимірө* – вероятно, название возникло из-за того, что лишай лечили металлическими (*тимір*) опилками, смешанными с маслом, саг. *тибірее*, *тирбе*, также *ходыр*; лишай пузырьковый – *суғлығ тимірө* – букв. водяной лишай; лишай стригущий – *хамчо* (см. пиодермия), лишай сухой – *тас, тас ходыр* – букв. каменный лишай, также *тас* – плешивый; **мозоль (жидкая), волдырь** – *торсылаң*; *тошлаң/тошлаңа*: *тошла- (тошлтрга)* – образовываться (о мозолях), выступить (о сыпи), от *тошпах* – пухлый, полный, толстый, выпуклый, выпученный; **парша, короста** (**дерматомикоз**) – *ходыр, чодыр,* короста сухая – тас ходыр, букв. каменная короста, короста мокрая – *суғлығ ходыр*, букв. водяная короста – *Ходыр ээзі* – имя духа-хозяина болезни; **перхоть** – *хағдан*; **пиодермия** (**гнойно-воспалительное поражение кожи**) **– летучий огонь** – *хамчо, хамчаа, хағчо* (*камджо*) – кресало, поскольку болезнь лечили высеченными из огнива искрами, кроме того – *хамчы* – плеть, нагайка, кнут, бич; **прыщ** – *сіміс*, прыщи – *сіміске, сіміске*; **свищ** – *оғро*; **струп** – *хахпас* – кора; **струп раны** – палығ хахпазы; **сыпь** – *сабылпарган*, саг. *сыбырған*; **чесотка** – *хычин,а*, *хычытхах* – букв. чешется, зудит; **язва** – *чызығ палығ* – гниющая рана; **язва разъедающая** – *чеек* – букв. кровеносная, разбухающая, гниющая, зловонная.

Кровь (*хан*) – **анемия** – *ас ханнығ полғаны* – букв. малое количество крови сделалось; **давление высокое** – *хан пөзік* – букв. кровь высокая – определяли это при кровопускании, кровь из разрезанной артерии била много и сильно; **давление низкое** – *ханы тўс парған* – букв. кровь падает, также *ханы чабыс* – кровь низкая, при кровопускании кровь не шла или шла очень слабо; **крови разжижение** – *ханын чымчатханы,* где *чымча* – диал. смягчаться, размягчаться; букв. кровь размягчается; **кровотечение** – *хан ахханы*, также *хан ойлааны* – букв. кровь бежит, также *хан чайылғаны* – кровь вытекает, также *хан тохтабин (тастына) ахханы*, где *тохтабас* – непрерывный, неугомонный; *тасты* – наружный, внешний, *ах* – течь, протекать, литься; т.е. кровь непрерывно наружу льется.

Опухоли, грыжи, отеки (*көбіг, сізіг, сіс, ур*) – **грыжа** (любой локализации) – *аар хапсалған*, где *аар* – тяжелый, тяжесть, *хапса-* болеть; **грыжа детская** – *уру* – букв. пучение; **нарост (на теле)** – *пағыр*; кыз. *пэс – пағыр* – шершавый, саг. нарост на стволе дерева; **опухоль злокачественная** – *хорғыстығ сіс*, букв. ядовитое опухание, где *хорған* – яд из почерневшего загнившего сала; **отек, припухлость, опухоль** – *сіс* – опухать, пухнуть, вздуваться, отекать, *сізіг* – опухоль, отек, опухший, отекший, *көбіг аалчы* – букв. «гость опухоль», также *толған парды,* где *толған* – наполненный, *тізек сіспарды* – опухшие колени, *азахсіс* – опухшие ноги; **рак** – *хомай ағырығ* – плохая, скверная болезнь; **саркома** – *чазылбас ағырығның сізігі* – незаживающая опухолевая болезнь; **узел лимфатический (воспаление)** – *мирт* – желвак.

Инфекция (зараза) – *хоғда* – букв. прилипла, *хоғдыра килген* – вместе увязалась; болезни инфекционные – *чуғынхах ағырығлар* – букв. липкие, заразные болезни. Среди них: **бешенство** – *алоханы* – букв. с ума сошел; **герпес (на губах)** – *ылбырт* – букв. вспенилось, разложилось; **грипп** – *тымо, тумаа, тыбаа* – болезнь, нездоровье, поветрие, насморк, считали, что болезнь приходит из холодной северной страны *тума* (*дубо, тама*), но после прихода русских, болезнь стали называть *хазах ағырии* – русская болезнь, также саг. *кискек* – болезнь, поветрие, кыз. *теенчек* – букв. касающийся, переходящий; и *чорых ағырыг* – букв. путешествующая болезнь; **дизентерия** – *істі сүргені* – букв. с живота не-

сет, чычых, чычах - кал, экскременты (понос); **золотуха (наружный туберкулез)** – *көдö*, возможно название болезни произошло из-за схожести накожных проявлений с *көде* – гриб-мозговик (бластомикоз), кожная болезнь у лошадей; **коклюш** - *ööс тартхыс,* где *ööс* – горловина; *тарт-* тянуть, тащить; **малярия** – *иді ізіпча* - букв. тело горячее, *суғлач ан ағырығ* - болезнь, требующая обливания водой, *тудан, тудун* - дым, туман, влажный воздух (возможно, что усматривали происхождение заболевания от тумана), *сарығ тудан* - желтый *тудан*, потому как тело человека болеющего малярией, желтеет; **молочница** (**кандидоз** или **кандидомикоз**) – *істік*, от *істі* – внутренняя часть, живот, брюхо, форма молочницы, поражающая внутренние органы ребенка, также – *позыни* – букв. своя; **рожа** - *тÿкÿрчен ағырығ* – болезнь, которую лечат плевками; свинка (паротит эпидемический) – *сағо, сағаа*; **скарлатина** – *хызамых*; в хакасском языке *хазамдых*, *хазамзых* – красноватый; одним из признаков заболевания, является ярко-малиновый румянец на щеках и такого же цвета язык; **туберкулез** – *öкпе ағырии* – болезнь легких, *хазах ағырии* - русская болезнь, до прихода русских, болезнь называли *сойан кискен ағырии* - тувинская болезнь; ткаже *көксö*, *кÿксее* – покашливать, *тахыл*, бельт. *тахал* – кашлять.

Воспалительные заболевания: ревматизм – *азаххол ағырии* – болезнь рук-ног, *чÿл ағырии* – болезнь суставов, также *соох кір парды* – букв. застудил, или холод проник; **ревматоидный артрит** – *сыстааны* – букв. ноющая; **тендовагинит** (воспаление сухожилий) – *хобых*, *хобых парган* – букв. сустав сбился с места.

Венерические заболевания: сифилис – шор. *сöök палии* – букв. костяная рана.

Неврологические заболевания: мигрень – *пастың пір сархинің ағырии* – половинка головы болит; **радикулит** – *пил агырча* – букв. спина болит; **сумасшествие (безумие)** - *алахпарган, аалынган, аалынча* – букв. ушел в гости, *алын пардыı* – букв. с ума сошел, поменялся, изменился, также *сағызы чох* – нет ума, *ізі чох* – неудобный, *алыр, алах парган* (*кізі*); **эпилепсия** – *талғах, талч,ах, талча, талпарча, талчан* – припадок, приступ, также *хам ағырии* – букв. падает без сознания, шаманская болезнь

Нарушение обмена веществ: дистрофик – *хабых* - букв. шелуха, оболочка; *кузі саа чох* – не имеет жизненной силы; **рахитик** – *кибее, кибее харын* – букв. большой живот.

Паразиты: глисты – *хыны, хынылар*.

Травмы: обморожение – *соохха хаптырган* – букв. мороз его схватил; **ожог** – *кöйіг* – горение, горелый, по смыслу - обожжённая рана; **перелом костей** – *сыных*; **порок (физический)** – *кинег, кинек* – калека, урод, *киремет* – увечный; саг. *чіг*; **рана** – *палығ*; *чарых ит*, где *ит* – мясо, тело, *чарых* – разрез, надрез, *пöртік* – рана растревоженная; **растяжение** – хобыхпарган – к суставам, *сöлін парған* – растяжение; **сотрясение головного мозга** - *пас тÿскені* – букв. голова упала; **травма (вывих, ушиб, перелом, растяжение)** – *пиртік*, также *хынч,ыхханы*, от *хынч,ых-* (*хынч,ығарға*) – ушибить сустав, растянуть сухожилия, связки, вывихнуть что-либо; **укус хищника** – *хаптырсалган*, **укус человека** – *ізіртсалган*; **укус змеи, пчелы, паука** – *сагыбысхан*; **уплотнение в результате удара (ушиб)** – *сап*, от *сап-* (*сабарға*) – бить, ударять; **ушиб** – *сабылпарган* – ударившийся; **царапина** – *тырбах*; **шрам** – *сорып*.

Психика: бессонница – букв. *узубасха урун пардыı-* не может спать; **истерика** – *сай* – букв. буйное, неконтролируемое; **сна улучшение** – *уйғуны чахсылындырары*.

Женское (*ипчі*) – **женские заболевания** – *ипчілердің ағырии*; **бесплодие** – *пала таппас* – букв. не может родить; **выкидыш** – *ара тастаан ниме* – букв. вынесенное наружу, изганное, отторгнутое; *ара тастабысхан* – во вне вытолкнула, отторгла; **мастит** – *имчек сапталпарды* – букв. грудь загноилась; **половая слабость** – *ірні киреқсебинча* – мужчину не желает; **половое влечение** – *ирсек*.

Мужское (*ир*) – **повышение потенции** – *ир кузі хозылғаны*, где *ир* – мужчина, *кÿс* – сила, *хозылганы* – прибавление; **половая слабость** – *ходах турбинча* – член не поднимается; **половое влечение** – *ирсек*; также *хатсырах* – букв. бабник.

Таким образом, настоящее исследование может позволить систематизировать присутствующие в хакасском языке народные названия болезней и болезненных состояний. Все они имеют прямое отношение к образу жизни и особенностям мышления хакасов. Однако лексемы имеют отношение в основном к прошлому, поскольку начиная с середины XX века начал меняться состав языка, появились многочисленные иноязычные заимствования, касающиеся, в том числе, медицинской терминологии. Современная приборная диагностика позволяет установить причину заболевания, выявляя патологические процессы в организме больного, не ограничиваясь только поверхностным осмотром и выслушиванием жалоб, как это было прежде. В этих условиях переход на российский и международный медицинский язык общения вполне закономерен. Что касается уже произошедшей адаптации народных названий болезней и болезненных состояний к современным понятиям, то она осуществлялась по принципу идентификации клинических проявлений, т.е. как бы ни называлась болезнь в хакасском и русском языке, симптомы ее у заболевших будут схожими. Это позволяет признать лексемы равно-

значными. Отсюда следует, что **определение состояния *нездоровья*** является в разных языках идентичным – хак. *ағырығ*, означает то же что и русск. *болезнь, заболевание, хворь*. **Общие названия болезней** также являются схожими благодаря указанной локализации, напр., хак. *пас ағырии*, то же что и русск. *боль головная*. Это касается и **названий болезненных состояний**, напр., хак. *урунҷахха хаптырарға* – заболеть внезапно, внезапное недомогание – русск. *приступ болезни (внезапный), обморок*. Но нет схожести в хакасских **названиях болезней, происходящих от имен болезнетворных духов** с русскими. Однако, они были соотнесены, исходя из клинических проявлений болезней, например хак. *кӱӱр ӧрекен* – старуха *кӱӱр,* дух-хозяйка болезни – русск. *корь*. На этом же основании между хакасскими и русскими названиями **конкретных видов заболеваний,** таких как бельмо, глухота, бронхит, бесплодие и многие др., некогда были проведены параллели.

В целом, медицинские лексемы, важнейшая часть народной медицины, требуют дальнейшего изучения и сохранения как историко-культурного наследие хакасского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медведева М.А. О некоторых особенностях терминов родства и свойства в диалектах хакасского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 1. - С. 139–142.
2. Паллас Петр Симон. Путешествие по разным провинциям Российской Империи / [соч.] П.С. Палласа, медицины доктора, натуральной истории профессора, Санктпетербургской Императорской Академии Наук и Вольного Экономического Общества, Римской Императорской Академии, Королевского Аглинского собрания и Берлинского естествоиспытательного общества члена. Часть третья. Половина первая. 1772–1773. Санктпетербург: Императорская Академия Наук, 1788. - С. 483–484.
3. Спасский Г.И. Народы, кочующие вверху Енисея // Сибирский вестник. СПб., 1818. - Ч. 1. - С. 29 (182)-40 (193).
4. Попов Н. Поверья и некоторые обычаи качинских татар / Качинские татары Минусинского округа // Известия Русского географического общества т. 20. 1884. С.-Петербург: типография А.С. Суворина, 1885. – С. 652.
5. Мартьянов Н. Каталог народно-медицинских средств, находящихся в Музее: Доложено Обществу врачей Енисейской губернии в очередном заседании 15 дек. 1892 г. Красноярск: тип. А.Д. Жилина, 1893. – С. 2–26.
6. Островских П. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края. (Отчет о поездке 1894 г.) // Живая старина. Выпуски III и IV, год пятый. С.-Петербург, 1895. - С. 334–335.
7. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке в Минусинский уезд Енисейской губернии, совершенный летом 1899 года. Казань, Типо-литография Императорскаго Университета. 1900. - С. 46–48.
8. Катанов Н.Ф. Народные способы лечения у сагайцев (Минусинского уезда Енисейской губ.) // Деятель. 1899. № 10. - С. 394–395.
9. Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.И. Хакасско-русский словарь. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. - 488 с.; Чанков Д. И. (ред.) Русско-хакасский словарь. - М.: ГИИНС, 1961. - 968 с.
10. Бутанаев В.Я. Хакасская народная медицина. // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986. – С. 94–113; Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999. – 240 с.
11. Хакасско-русский и русско-хакасский тематический словарь (разделы «Человек», «Флора и фауна») / Хакас-орыс паза орыс-хакас тема хоостыра пӧлілген сӧстік («Кізі», «Ӧзімнер паза чир-чайаандағы тіріг нимелер» чар-дыхтар) / А.Д. Каксин, М.Д. Чертыкова. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2020. - 224 с.

© Горбатов Леонид Васильевич (gorbatovl@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.26

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ В РАЗВИТИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ КИТАЕМ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ

Ли Сяоминь
Аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва
hbsdlixiaomin@163.com

Аннотация: В статье исследуется историческая эволюция роли аналитических центров в формировании и развитии энергетического сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии. На основе историко-политологического анализа выявлены и охарактеризованы ключевые этапы данного процесса: от зарождения диалога в 1990-е годы до комплексной институционализации в рамках инициативы «Пояс и путь». Автор рассматривает трансформацию функций аналитических центров от поставщиков экспертизы и оценок рисков до активных участников публичной дипломатии и конструкторов нарративов сотрудничества. Особое внимание уделяется специфике китайской и центральноазиатских моделей аналитических центров, а также механизмам их влияния через прямые, косвенные и сетевые каналы. Статья вносит вклад в изучение негосударственных акторов в международных энергетических отношениях, демонстрируя, как экспертно-аналитические структуры опосредуют взаимодействие интересов, формируют повестку дня и обеспечивают легитимацию стратегических проектов на разных этапах.

Ключевые слова: аналитические центры, энергетическое сотрудничество, Китай и центральная Азия, историческая эволюция, механизмы влияния.

HISTORICAL ASPECTS OF THINK TANKS' PARTICIPATION IN THE DEVELOPMENT OF ENERGY COOPERATION BETWEEN CHINA AND CENTRAL ASIA

Li Xiaomin

Summary: This article examines the historical evolution of the role of think tanks in the formation and development of energy cooperation between China and Central Asian countries. Using historical and political science analysis, key stages of this process are identified and characterized: from the inception of dialogue in the 1990s to its comprehensive institutionalization within the Belt and Road Initiative. The author examines the transformation of think tanks' functions from providers of expertise and risk assessments to active participants in public diplomacy and constructors of cooperation narratives. Particular attention is paid to the specifics of the Chinese and Central Asian think tank models, as well as the mechanisms of their influence through direct, indirect, and network channels. This article contributes to the study of non-state actors in international energy relations by demonstrating how expert and analytical structures mediate the interaction of interests, shape the agenda, and provide legitimacy for strategic projects at different historical stages.

Keywords: think tanks, energy cooperation, China and Central Asia, historical evolution, mechanisms of influence.

Введение

Энергетическое сотрудничество Китая и стран Центральной Азии представляет собой структурный элемент современной международной политики, напрямую воздействующий на параметры региональной безопасности, экономической интеграции и конфигурацию трансконтинентальных логистических систем [1]. Его развитие выходит за рамки сугубо коммерческих проектов, приобретая выраженное геополитическое и геоэкономическое измерение, что подчеркивается его интеграцией в масштабную инициативу «Пояс и путь». В этом контексте анализ движущих сил и механизмов формирования данной кооперации требует внимания не только к государственным институтам и корпоративным стратегиям, но и к менее очевидным акторам, оперирующим в сфере идей и экспертного знания. К числу таких акторов относятся аналитические центры, чья деятельность, будучи инструментом «мягкой силы» и интеллектуального обеспечения политики, способна оказывать существенное влияние на процессы принятия решений, формирование повестки дня и легитимацию конкретных проектов. Научная литература накопила значительный массив работ, посвящённых энергетическому взаимодействию Китая и Центральной Азии, а также теоретическим аспектам деятельности аналитических центров в мировой политике. Вместе с тем их синтез остаётся недостаточно разработанным: аналитические центры чаще рассматриваются фрагментарно, без учёта исторической динамики их вовлечённости в энергетическую сферу. В результате формируется исследовательская лакуна, связанная с отсутствием комплексного историко-политологического анализа эволюции роли экспертно-аналитических структур в развитии китайско-центральноазиатского энергетического партнёрства.

Цель статьи заключается в выявлении этапов и механизмов влияния китайских, центральноазиатских и

российских аналитических центров на формирование энергетического сотрудничества. Для её достижения предполагается уточнение понятийного аппарата с учётом региональной специфики, периодизация энергетического взаимодействия, анализ трансформации функций и тематических приоритетов аналитических центров, а также оценка их роли как инструментов неофициальной дипломатии.

Теоретико-методологические основы изучения роли аналитических центров в международных энергетических отношениях

Концептуализация роли аналитических центров в международных отношениях, в частности в сфере энергетического сотрудничества, требует опоры на междисциплинарный теоретический фундамент. В классической и современной политологической мысли аналитические центры рассматриваются как значимые негосударственные акторы, функционирующие на стыке знания и власти [2]. Их влияние часто ассоциируется с концепцией «мягкой силы», поскольку они формируют интеллектуальную и нормативную среду, в которой принимаются политические и экономические решения. Они выступают трансляторами интересов, переводя корпоративные или государственные цели в формат экспертных оценок, стратегических прогнозов и политических рекомендаций, тем самым легитимируя их в глазах профессионального сообщества и широкой публики. Исследование их деятельности лежит в плоскости анализа того, как идеи и дискурсы, продуцируемые в экспертной среде, материализуются в конкретных международных соглашениях и практиках сотрудничества.

Ключевым аспектом теоретического осмысления является институциональная специфика аналитических центров в различных политических контекстах. Китайская модель характеризуется глубокой институциональной интеграцией экспертно-аналитических структур в государственно-партийный аппарат и корпоративный сектор. Понятие «аналитических центров с китайской спецификой» отражает их системную функцию по обеспечению научного обоснования стратегических курсов Коммунистической партии Китая и Государственного совета. Их связь с госкорпорациями, такими как CNPC или Sinopec, создает уникальный симбиоз, где анализ непосредственно обслуживает оперативные и долгосрочные интересы национальных энергетических чемпионов, проецируя их на международную арену. В странах Центральной Азии постсоветская эволюция привела к формированию гетерогенного ландшафта. Здесь присутствуют государственные институты, унаследовавшие традиции академической науки, квазинезависимые центры, финансируемые зачастую из внешних источников, университетские лаборатории идей, а также филиалы международных исследовательских сетей. Эта разнородность обусловливает множественность нарративов и подходов к энергетическому сотрудничеству, делая центральноазиатское экспертное поле ареной конкуренции различных влияний.

Для операционализации исследования влияния аналитических центров применяется ряд концептуальных моделей. Модель «производства идей» фокусируется на их способности генерировать новые концепции, парадигмы и политические формулы, формирующие основу для межгосударственного диалога. Модель «политических сетей» рассматривает аналитические центр как узлы в сложных сетях взаимодействия, соединяющие государственных чиновников, парламентариев, бизнес-элиты и журналистов, обеспечивая неформальный обмен информацией и лоббирование конкретных решений [3]. Просветительско-медийная модель акцентирует роль центров в формировании общественного мнения и профессионального дискурса через публикации, конференции и взаимодействие со СМИ, что создает благоприятный климат для реализации тех или иных политических курсов. Применительно к энергетическому сотрудничеству Китая и Центральной Азии эти модели позволяют анализировать, как через производство экспертного знания, построение транснациональных сетей и работу с информацией конкретные центры воздействовали на процессы принятия решений, контур повестки дня и восприятие взаимных интересов на разных исторических этапах.

Зарождение энергетического диалога (1990-е – начало 2000-х гг.): роль аналитических центров в формировании повестки

Период 1990-х – начала 2000-х годов стал фундаментальным для становления энергетического диалога между Китаем и государствами Центральной Азии, определив его базовые контуры и логику. Исторический контекст этого этапа характеризовался высокой степенью структурной неопределенности и взаимного познания. Распад Советского Союза привел к формированию новых суверенных политических и экономических субъектов в Центральной Азии, которые столкнулись с задачей построения международных связей и монетизации своего ресурсного потенциала [4]. Параллельно бурный экономический рост Китая, вступившего в фазу активной индустриализации, сформировал устойчивый и растущий спрос на внешние энергоресурсы, подталкивая Пекин к диверсификации поставок и поиску новых, стабильных партнеров за пределами Ближнего Востока. Однако отсутствие общих исторических, политических и инфраструктурных связей создавало существенный информационный и коммуникационный барьер [5].

Функционально аналитические центры этого периода выступали в роли первооткрывателей и архитекторов

концептуальных основ. Их работа обеспечила накопление критически важной экспертизы, которой изначально не обладали ни китайские госкомпании, стремящиеся к глобальной экспансии, ни правительства центральноазиатских республик, искавшие надежных покупателей [6]. Китайские институты, такие как Китайская академия общественных наук (CASS) и специализированные исследовательские подразделения при CNPC, выполняли роль «интеллектуального тыла», систематизируя информацию о регионе, разрабатывая сценарии и подготавливая аналитические обоснования для политического руководства. Именно их отчеты заложили основу для понимания стратегической ценности центральноазиатского направления. Со стороны Центральной Азии и России эту роль взяли на себя первые независимые или квазинезависимые аналитические структуры, такие как фонды или центры при ведущих университетах и академиях наук. Они не только занимались оценкой китайских возможностей и намерений, но и, что особенно важно, стали платформами для установления первых неформальных контактов между экспертами двух сторон. Через совместные семинары, публикации и индивидуальные консультации происходил медленный процесс взаимного «прощупывания» и выработки общего языка [7]. Таким образом, аналитические центры на этапе зарождения диалога выполнили незаменимую миссию по преодолению информационного вакуума, первичной оценке взаимных интересов и формулировке базовых принципов будущего взаимодействия, создав интеллектуальный фундамент для последующих практических решений.

Институционализация сотрудничества и расширение повестки (2010-е – настоящее время): аналитические центры в условиях новой сложности

Период с 2010-х годов ознаменовался качественной трансформацией китайско-центральноазиатского энергетического сотрудничества, которое перешло от этапа реализации отдельных инфраструктурных мегапроектов к фазе комплексной институционализации и диверсификации [8]. Исторический контекст этой фазы был определен запуском инициативы «Пояс и путь» в 2013 году, которая предоставила всеобъемлющую концептуальную и институциональную рамку для всего спектра взаимодействия. Энергетика, оставаясь стержнем, перестала быть исключительно трубопроводной. Повестка дня расширилась, включив в себя сотрудничество в области сжиженного природного газа (СПГ), возобновляемых источников энергии (ВИЭ), атомной энергетики, повышения энергоэффективности и создания региональных объединенных энергосистем. Такое усложнение взаимосвязей потребовало принципиально иного уровня экспертно-аналитического сопровождения, способного оперировать на стыке технологий, финансов, геополитики и экологии.

Тематическая направленность исследований ведущих аналитических центров претерпела соответствующую эволюцию, отражая новую реальность. Фокус сместился с вопросов первоначального обоснования проектов на проблемы обеспечения долгосрочной безопасности и устойчивости энерготранзита в условиях растущей геополитической турбулентности. Исследования стали анализировать не только внутренние риски стран-партнеров, но и динамику многосторонней конкуренции в регионе с участием России, США, ЕС и Турции. Параллельно, в ответ на глобальные тренды и национальные стратегии декарбонизации, значительный объем экспертной работы был посвящен «зеленому переходу»: оценке потенциала ВИЭ в Центральной Азии, возможностям технологического трансфера, адаптации китайских стандартов «зеленых» финансов [9]. Цифровизация топливно-энергетического комплекса и вопросы кибербезопасности критической инфраструктуры также выдвинулись в ряд приоритетных тем. Многосторонние форматы, прежде всего Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), стали рассматриваться аналитическими центрами как важные платформы для гармонизации регуляторных подходов и выработки общих принципов энергетического взаимодействия, что породило целый пласт исследований, посвященных эффективности этих институтов.

В условиях новой сложности аналитические центры Китая и Центральной Азии стали выполнять функцию, выходящую далеко за рамки технического консалтинга, превратившись в ключевые площадки публичной дипломатии и активные агенты конструирования нарративов. Китайские аналитические центры, тесно координируя свои действия с официальной линией, целенаправленно продвигали в региональном экспертном дискурсе концепцию «сообщества единой судьбы человечества», представляя энергетическое сотрудничество как практический вклад в его построение. Через публикации, международные конференции и совместные исследования с местными институтами они работали над смягчением глубоко укорененных в некоторых кругах Центральной Азии и России опасений относительно «китайской угрозы» или «неоколониализма». Вместо этого предлагался нарратив взаимной выгоды, синергии, совместного развития и технологической модернизации [10]. Со своей стороны, центральноазиатские аналитические центры, участвуя в этом диалоге, получили возможность транслировать собственные видения национальных интересов и опасений, тем самым влияя на формирование более сбалансированной и учитывающей местную специфику общей повестки. Таким образом, в современный период аналитические центры выступают не просто производителями знаний, но и архитекторами смыслового пространства, в котором происходит интерпретация интересов, нейтрализация конфликтных нарративов и формирование разделяемо-

го видения энергетического будущего региона. Их роль стала интегративной, соединяющей технико-экономический анализ с тонкой работой по построению доверия и управлению восприятием в условиях высокой геополитической и тематической сложности.

Каналы и механизмы влияния аналитических центров на энергетическую политику: историческая ретроспектива

Эффективность воздействия аналитических центров на процесс формирования и реализации энергетической политики в сфере китайско-центральноазиатского сотрудничества исторически определялась комбинацией используемых каналов и механизмов, эволюционировавшей параллельно с усложнением самой повестки. Прямые, или официальные, каналы всегда обладали высокой значимостью, особенно в китайском контексте, где грань между государственной и экспертной сферой прозрачна. Участие ведущих исследователей в закрытых рабочих группах при министерствах и ведомствах, подготовка специальных аналитических справок (докладных записок) для высшего партийного и государственного руководства, а также непосредственная экспертиза текстов межправительственных соглашений и инвестиционных контрактов обеспечивали аналитическим центрам доступ к центрам принятия решений. Эти механизмы позволяли трансформировать концептуальные наработки и оценки рисков в конкретные политические курсы и юридические формулировки, минуя публичную дискуссию. На ранних этапах сотрудничества данный канал был доминирующим для китайских институтов, таких как академические структуры при CASS или CNPC, чьи заключения напрямую ложились в основу переговорных позиций.

Опосредованное влияние через косвенные каналы, обращенные к более широкой аудитории, служило цели создания благоприятной интеллектуальной и общественной среды. Публикация результатов исследований в авторитетных академических журналах, отраслевых изданиях и деловой прессе формировала экспертный консенсус по ключевым вопросам. Организация и проведение международных конференций, семинаров и круглых столов выступали не только площадкой для обмена мнениями, но и инструментом формирования транснациональных коалиций заинтересованных специалистов. Включение представителей центров в образовательные программы для госслужащих и менеджеров корпораций способствовало распространению определенных аналитических подходов и ценностных ориентиров среди будущих практиков. Активная работа с традиционными и цифровыми медиа позволяла тиражировать ключевые нарративы, влияя на восприятие сотрудничества в публичном поле. Эффективность этих каналов возрастала по мере институционализации диалога, когда кроме обоснования проектов возникла необходимость в их общественной легитимации и дискурсивном закреплении.

Особую роль в контексте трансграничного сотрудничества приобрели механизмы, реализуемые через международные сети. Создание совместных исследовательских платформ под эгидой многосторонних структур, например, в рамках Энергетического клуба ШОС, институционализировало постоянный экспертный диалог. Двусторонние проекты, соединяющие интеллектуальные ресурсы китайских и центральноазиатских аналитических центров, способствовали выработке разделяемого понимания проблем и поиску взаимоприемлемых решений, выполняя функцию «Трек-II» дипломатии. Сравнительная эффективность различных каналов исторически варьировалась. В 1990-е – начале 2000-х годов, в условиях дефицита доверия и информации, неформальные сети и личные контакты экспертов, устанавливаемые часто через те же конференции, могли быть не менее значимы, чем официальные справки. В период реализации масштабных инфраструктурных проектов на первый план выходили прямые каналы экспертизы и лоббирования. В современную эпоху комплексной повестки и геополитической конкуренции наблюдается синергия всех каналов: прямые используются для продвижения конкретных инициатив в области «зеленой» энергетики или цифровизации, косвенные для формирования соответствующего публичного дискурса и нейтрализации критики, а сетевые для поддержания постоянного диалога и координации в условиях нестабильности. Таким образом, многоканальность и адаптивность остаются отличительными чертами механизмов влияния аналитических центров на данное стратегическое направление.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует эволюцию роли аналитических центров как важного негосударственного фактора в становлении и развитии энергетического сотрудничества между Китаем и Центральной Азией. Историческая ретроспектива позволяет выделить последовательную смену парадигм их участия: от преодоления информационного вакуума и формирования первоначальной повестки в 1990-е годы через аналитическое сопровождение конкретных инфраструктурных проектов в 2000-е к выполнению комплексной функции стратегического планирования, публичной дипломатии и конструирования нарративов в период после запуска инициативы «Пояс и путь». Функционально аналитические центры трансформировались из относительно скромных поставщиков экспертных данных в институты, осуществляющие полный цикл интеллектуального обеспечения от генерации идей и оценки рисков до легитимации проектов и управления восприятием.

Ключевой вывод заключается в том, что эти структуры исторически выступали незаменимым связующим звеном и транслятором, обеспечивая взаимную адаптацию интересов и моделей поведения сторон в сложной, меняющейся среде. Их вклад выходит за рамки технического консалтинга, оказывая прямое влияние на формирование политического языка, институциональных рамок и долгосрочных ориентиров сотрудничества. Научная значимость работы состоит в углублении понимания механизмов влияния экспертного знания на практику международных энергетических отношений, где формальные дипломатические и коммерческие решения все чаще опираются на сложные аналитические конструкции. Практическая ценность исследования связана с возможностью более точного прогнозирования динамики сотрудничества через призму эволюции экспертных дискурсов и сетей. Перспективными направлениями для дальнейших изысканий видятся анализ влияния цифровизации на методы работы и коммуникационные стратегии аналитических центров, изучение их адаптации к вызовам глобальной энергетической трансформации, а также сравнительное исследование эффективности различных национальных моделей аналитических центров в странах Центральной Азии в контексте взаимодействия с внешними акторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zhou Yuanbing, Zhang Rui, Xiang Junyong. "Research on the Construction of a Global Cooperation Mechanism in Energy Interconnection." Journal of North China Electric Power University. 2021. Vol. 2, No. 3, Pp. 15–21.
2. Wu Yandong, Wu Xingde. "The Path of American Think Tanks' Participation in National Ideological Governance and Its Implications for Building New Think Tanks with Chinese Characteristics." Journal of Chongqing University. 2020. Vol. 26, No. 2, Pp. 96–107.
3. Qian Zaijian, Wang Li. "Research on the Impact of New Think Tanks with Chinese Characteristics on Government Decision-Making: A Theoretical Analysis Based on a Multidimensional Theoretical Perspective." Jianghan Academic Journal. 2020. Vol. 39, No. 2, Pp. 100.
4. Garbuzarova E.G., "Central Asia in the Context of the Transformation of the World Order," SPE. 2022. Vol. 5, No. 4, Pp. 42.
5. Yang Yu, Yu Hongyuan, Lu Gang, et al., "A Century of Change in Global Energy and National Energy Security," Journal of Natural Resources. 2020. Vol. 35, No. 11, Pp. 2803–2820.
6. Tang Qingpeng. "On the Logic of the Growth of Modern Think Tanks and Its Consequences for My Country," Socialist Studies. 2015. No. 1, Pp. 139–147.
7. Shen Wenqing. The Tension between Localization and Internationalization of Chinese Social Sciences within the Core-Periphery Model: A Historical Comparative Analysis // Journal of East China Normal University (Pedagogical Sciences Publishing House). 2025. Vol. 43, No. 6, Pp. 1.
8. Hou Meifang, Li Limin, Yang Yixuan, et al. Practical Effectiveness of China's New Energy Security Strategy and Measures to Counteract the Energy Revolution // Gas Industry. 2025. Vol. 45, No. 8, Pp. 39–47.
9. Gorbacheva N.V. Global Challenges and Assistance to Environmental Interests // Global Challenges and Assistance to Environmental Interests. 2023. Pp. 5.
10. Zhang Qian. International Law and Improving China's International Voice, Guided by the Concept of a Community with a Shared Future for Mankind // Journal of North China University of Electric Power (Social Sciences Press). 2023. Vol. 4, No. 2, Pp. 72–81.

© Ли Сяоминь (hbsdlixiaomin@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.36

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

FEATURES OF THE ACTIVITIES OF NATIONAL ASSOCIATIONS IN THE SOVIET PERIOD

K. Sadyim

Summary: The article examines the characteristics of the activities of national associations and forms of interethnic communication in the Kuban and Black Sea regions during the Soviet period. It analyzes the implementation of Soviet national policy from the establishment of Bolshevik power to the 1970s. Particular attention is paid to the work of the Subdepartment for the Education of National Minorities (Natsmen), the development of a network of national schools, the functioning of cultural and educational sections and clubs, as well as the formation of national districts and local self-government bodies. The study demonstrates that during the 1920s the policy of korenizatsiya promoted education in native languages, expanded cultural rights of ethnic minorities, and contributed to the emergence of elements of local autonomy. However, in the 1930s Soviet national policy underwent a sharp transformation, shifting toward repression and the dismantling of national institutions, which resulted in the closure of clubs, the elimination of national districts, and the deportation of entire ethnic groups. The article highlights the impact of repressive measures on the demographic and social structure of ethnic communities in the region. Special attention is given to the period of partial liberalization during the Great Patriotic War, when religious organizations resumed their activities and became important centers of interethnic communication. The processes of rehabilitation of repressed peoples in the postwar period and migration trends in the 1960s–1970s are also analyzed. The author concludes that national associations and religious institutions played a crucial role in preserving ethnocultural identity and maintaining interethnic ties under conditions of strict state control.

Keywords: national policy, national minorities, Natsmen, Kuban region, Soviet period, korenizatsiya, repression, national districts, interethnic communication, religious organizations.

Садым Каринэ Борисовна
кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО Кубанский государственный медицинский университет, г. Краснодар
karinakor@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности деятельности национальных объединений и форм межнациональной коммуникации на территории Кубани и Черноморья в советский период. Анализируется процесс реализации национальной политики советской власти, начиная с первых лет после установления большевистского режима и заканчивая 1970-ми годами. Особое внимание уделяется деятельности подотдела просвещения национальных меньшинств (Нацмен), созданию и развитию сети национальных школ, функционированию культурно-просветительных секций и клубов, а также формированию национальных районов и органов местного самоуправления. Показано, что в 1920-е годы политика коренизации способствовала активному развитию образования на родных языках, расширению культурных прав этнических меньшинств и формированию элементов автономии на местном уровне. В то же время в 1930-е годы происходит резкий поворот национальной политики в сторону репрессий и сворачивания национальных институтов, что приводит к закрытию клубов, ликвидации национальных районов и депортациям целых народов. Отдельно рассматривается влияние репрессивной политики на численность и социальную структуру этнических групп региона. Освещается период частичной либерализации в годы Великой Отечественной войны, связанный с возобновлением деятельности религиозных объединений, которые стали важными центрами межнациональной коммуникации. Анализируются процессы реабилитации репрессированных народов в послевоенное время и особенности миграционных процессов в 1960–1970-е годы. Делается вывод о том, что национальные объединения и религиозные структуры играли ключевую роль в сохранении этнокультурной идентичности и межнациональных связей в условиях жёсткого государственного контроля.

Ключевые слова: национальная политика, национальные меньшинства, Нацмен, Кубань, советский период, коренизация, репрессии, национальные районы, межнациональная коммуникация, религиозные объединения.

С приходом большевиков на Кубань и Черноморье здесь начинается процесс национализации и советизации всех общественно-культурных и образовательных учреждений. Начинают происходить кардинальные перемены не только в политико-экономической жизни общества, но и в социально-культурной сфере. 11 мая 1918 г. было принято постановление о создании Наркомнаца, а в октябре 1919 г. окончательно разработан «Проект положения об организации при комитетах РКП(б) отделов агитации и пропаганды среди национальных меньшинств». В 1920 г. при областном отделе народного образования был организован подотдел Просвещения Национальных Меньшинств (Нацмен), главной задачей которого стала борьба с неграмотностью. Была разработана программа в области просвещения этнических меньшинств, в которой одним из основных критериев являлось право обучения на родном языке [1]. Граждане всех национальностей, проживающих в области, получили право организации обучения родному языку в Единой Трудовой Школе. Все расходы

на содержание школ брали на себя подотделы просвещения нацменьшинств, в ведении которых к июню 1920 г. находилось 313 школ. Ещё в апреле 1920 г. вышло постановление Кубчероблревкома о создании школ национальных меньшинств, подписанное Я. Полуяном. Граждане всех национальностей, проживающих в области, получили право организации обучения родному языку в Единой Трудовой Школе (ЕТШ). Школы открывались там, где было не менее 25 учащихся одной национальности (в то же время существовало Положение о том, что 15 человек – минимальное количество учащихся, необходимое для открытия школы) [2]. Следует отметить, что в рамках советской многоукладной школьной системы, именно ЕТШ стала центральным звеном довузовского образования. В ЕТШ обучались дети в возрасте от 8 до 17 лет. Существовали школы I и II ступеней (I ступень – дети 8 – 12-летнего возраста, и II – дети 12–17 лет). Школа II ступени состояла из двух законченных циклов обучения (3 года и 2 года) [3]. Согласно «Положению об организации просвещения народов нерусского языка», в Нацмене обязательным стало введение в школах преподавания на 1–2 году обучения на родном языке, привлечение в детские учреждения национальных работников просвещения, введение в школах учебников на родном языке и перевод самых распространенных из них, открытие национальных детских учреждений, созыв национальных съездов, конференций, издание газет. В Нацмене были образованы украинская, немецко-латышско-эстонская, армянская, польская, греческая, еврейская, литовская, чешская, грузинская, азербайджанская секции. В 1921 г. были организованы бюро, которые руководили работой секций, информировали обо всех событиях, проводили мероприятия среди национальных меньшинств [4].

Сразу после открытия основной деятельностью членов секций стал сбор статистического материала о численности представителей разных народов, населяющих регион, взятие на учет национальных школ и их обследование. Вообще, развитие сети национальных учебных заведений можно считать приоритетным направлением в деятельности Нацмена. В 1921 г. Отделу народного образования региона подчинялась 291 национальная школа. Все расходы на содержание этих школ брали на себя подотделы просвещения нацменьшинств. В последующем сеть национальных общеобразовательных учреждений в регионе продолжала расширяться. Во все населенные пункты Кубани постоянно посылали инспекторов из Подотдела Национальных Меньшинств, которые следили за количеством обучающихся, уровнем подготовки педагогов, материальным и техническим обеспечением учебных заведений. В своих отчетах они писали о необходимости открытия большего числа школ, недостаточном количестве учебников на национальном языке, низкой подготовке педагогического состава и в целом слабой материальной поддержке учебных заведений [5].

В 1923 г. в городах Кубани стали создаваться рабочие клубы Нацмен, представляющие собой объединенный центр разных национальностей. Подобные клубы функционировали в Армавире, Краснодаре, Майкопе, Новороссийске, Туапсе и Сочи. Сфера деятельности национальных секций была разноплановой: на общих собраниях зачитывались лекции по национальной проблематике, доклады на общественно-политические темы, проходили беседы, ставились спектакли и концерты, проводились показы кинофильмов.

В 1925 г. в соответствии с постановлением III съезда Советов на Кубани начинается широкомасштабная кампания по украинизации, результатом которой стало усиление надзора за исполнением национальной политики власти в рамках деятельности секций Нацмена [6].

Руководство СССР в национальной политике подчеркивало необходимость применения широкого местного самоуправления; областного самоуправления для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения. Таким образом, решение национального вопроса для руководства СССР лежало в плоскости территориального разграничения, что, собственно, и претворилось на практике в 1920 - 30-е гг. В этот период в СССР были созданы национальные автономии - республики, области, округа, районы и сельские советы.

На Кубани в середине 1920-х гг. также происходит создание Армянского, Греческого, Шапсугского и Немецкого национальных районов, а также многочисленных национальных сельских советов. Система управления в национальных районах осуществлялась согласно «Положению о районах национальных меньшинств, входящих в округа и автономные области Северо-Кавказского края», утвержденному в августе 1926 г. Национальные районы управлялись местными съездами советов, а в промежутке между ними – райисполкомами. Административно-территориальные изменения могли осуществляться только с согласия окружного и районного исполкомов. Этот пункт на практике не применялся, а перекраивание границ зачастую вело к изменению соотношения отдельных народов. Национальные райисполкомы обладали правом прямого сношения с президиумом краевого исполнительного комитета, но, ставя в известность об этом аналогичный окружной орган. В случае же несогласия с распоряжением вышестоящей управленческой структуры исполнительный комитет района под свою ответственность мог приостановить его реализацию на подконтрольной территории. В последующем данный вопрос рассматривался в президиуме крайисполкома, который выносил окончательное заключение. В ведении районного исполнительного комитета находилась также кадровая сфера, даже кандидатуры на должность заведующего военного отдела, народного судьи и сле-

дователя, назначаемых распоряжением вышестоящих организаций, местной властью могли быть отведены. Из вышеприведенных данных можно сделать вывод, что национальным районам были присущи некоторые черты автономии [7]. Процесс национализации здесь получил широкое распространение. Прежде всего, это характеризовалось переводом делопроизводства на национальные языки, в сношениях с вышестоящими органами власти использовался русский. Документы местного значения были двуязычными. В районах существовала сеть школ с преподаванием родного языка [8], издавались газеты на языках национальных меньшинств, повсеместно существовали фольклорные коллективы [9].

В 1930-е гг. национальная политика советской власти претерпевает серьёзные изменения. От лояльной политики «коренизации», создания национальных районов власть переходит к преследованиям и репрессиям в отношении отдельных этнических групп.

С конца 1930-х гг. клубы Нацмен стали закрываться, так как власти решили, что основная их функция - борьба с неграмотностью - была реализована, а дальнейшая деятельность могла перерасти в поиск новых форм национальной государственности. На Кубани закрываются и культовые учреждения.

Перед войной нарастающая волна репрессий охватила всю страну. К этому времени относится Постановление Политбюро ЦК ВК(б), в котором, в частности, предписывается НКВД СССР «...продолжить до 15 апреля 1938 г. операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев и др.». Кроме того, такая политика во многом определялась позицией И. Сталина, который такие народы, как поляки, греки, немцы, болгары, евреи, курды, хемшилы, относил к «текучим национальным группам», в большинстве своём не имеющим определенной классовой структуры и определенной территории. Такой подход открывал широкие возможности использовать различные противоречия, прибегать к антиконституционным манипуляциям в отношении этих народов: у «национальной группы» нет исторической территории, значит, её можно легко переселить [10]. В результате репрессий, которые носили национальный характер, численность многих этнических групп значительно сократилась. И хотя результаты переписи 1939 г. были искажены, но и они дают возможность наглядно оценить масштабы репрессивных мер: численность некоторых народов сократилась вдвое [11].

Политика по возобновлению функционирования религиозных объединений, проводившаяся советским руководством во второй половине Великой отечественной войны, справедливо получила название «сталинский религиозный «ренессанс»». Регламентирование деятельности церковных структур возлагалось на два правительственных органа – Совет по делам Русской Православной церкви и Совет по делам религиозных культов при Совете министров СССР. Последний был образован согласно Постановлению Совета Народных Комиссаров № 628 от 29 мая 1944 г. Совет по делам религиозных культов (далее – Совет) должен был выполнять следующие задачи: предварительное рассмотрение вопросов, возбуждаемых руководителями религиозных объединений, требующих разрешения правительства СССР; разработка проектов постановлений по вопросам религиозных культов; наблюдение за правильным и своевременным проведением в жизнь законов и постановлений Правительства СССР, относящихся к религиозным культам и т.д. В структуру Совета входили три отдела: отдел по вопросам старообрядческих и сектантских церквей; отдел по вопросам мусульманского, иудейского и буддийского вероисповеданий и отдел по вопросам армянской, католической и лютеранской церквей [12]. Граждане СССР вновь получили возможность выражать свободу исповедания. В Краснодарском крае стали появляться религиозные объединения: общины Армянской Апостольской церкви (тогда её называли «григорианской») в Краснодаре (1945 г.) и в Армавире (1947 г.) [13], общины иудейского вероисповедания в Новороссийске и Краснодаре, бесчисленное количество баптистских, евангелистских, адвентистских и других сектантских объединений. Группа граждан х. Ново-Эстонского Отрадненского района еще в 1943 г. сразу после освобождения хутора от немецко-фашистской оккупации образовала религиозное общество лютеран, избрала пастора, молитвенные собрания проводила в доме одного из верующих [14]. Чтобы образовать религиозное общество необходимо было двадцати человекам учредить его, выбрать председателя и служителя культа, исполнительный комитет и ревизионную комиссию. Служитель культа представлял заявление Уполномоченному Совета по делам религиозных культов (который был в каждом административно-территориальном образовании) и другие документы (автобиографию, список двадцати учредителей и т.д.). Последний чиновник, собрав всю необходимую документацию, посылал её в Москву, где Совет принимал решение по регистрации конкретного религиозного общества. В это время религиозные учреждения становятся центрами межнациональной коммуникации населения.

В районах Краснодарского края с преобладанием польского населения действовали отделения антифашистской организации «Союз польских патриотов» (СПП). В декабре 1944 г. краевое правление СПП (председатель П. Гольдкраут) просило заместителя председателя Краснодарского крайисполкома товарища Макарова помочь в организации концерта польской музыки в Краснодаре [15].

Частичная правовая реабилитация репрессированных народов была осуществлена в марте 1956 г. Указом

Президиума Верховного Совета СССР. Это позволило некоторой, правда, незначительной части депортированных вернуться в места их прежнего проживания, но большинство же из них было вынуждено оставаться в местах ссылки.

Позже в «интересах дела» была принята и такая куда более значительная мера – Указ Президиума Верховного Совета СССР (№3521-VIII от 3 ноября 1972 г.) «О снятии ограничения в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан». Он распространялся на большую часть репрессированных народов, которые со всеми получали право избирать место жительства на всей территории СССР в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме. Это в некоторой мере стимулировало возвращение многих семей в места прежнего проживания, в том числе и на территории края. Последовавший за постановлением период отмечен широкой волной миграций в край многих народов [16]. Так в 1970-е гг. стали возвращаться домой немцы. Приезжали сюда не только кубанские немцы, но и те, чьи дома после депортации оказались заняты. Вообще, в то время немцам было очень сложно. До 1970 г. их отказывались брать на учебу в высшие учебные заведения, они не могли продвигаться по служебной лестнице. Повлияла депортация и на браки в немецких семьях - если до 1939 г. в немецких поселениях был только 1% смешанных браков, то в 1989 г. - 85% [17].

Многочисленные попытки представителей национальных меньшинств Краснодарского края по созданию религиозных или культурных общественных объединений в 1960-70-е гг. не находили понимания у местных властей. В это время наиболее активной частью национальных диаспор стало студенчество. Молодые люди, составив устав будущего общества, шли с ним в местные горкомы, но чиновники видели в их действиях истоки космополитизма и всячески (вплоть до угроз) пытались не допустить создания подобных обществ. Имеется множество таких примеров. Результатом этого стало лишь более пристальное внимание органов власти к представителям национальных диаспор.

После неудачных попыток создания национальных организаций студенты собирались полулегально. Создавались кружки, в которых изучали родной язык, культуру, историю, литературу [18]. Кроме этого, силами активных членов национальных диаспор создавались греческие, армянские, адыгейские фольклорные коллективы в местных Домах Культуры, власть не чинила препятствий их деятельности. На протяжении многих лет в стенах Краснодарских ВУЗов студентами проводились национальные вечера [19].

Итак, национальная коммуникация в период Советской власти обрела новые формы. Для просвещения национальных меньшинств на некоторое время в 1920-е гг. открылись клубы Нацмен. Но уже в конце 1930-х гг. они закрываются, как и многие церкви. Религиозный «ренессанс» происходит во второй половине Великой Отечественной войны, когда стали открываться религиозные объединения: общины Армянской Апостольской церкви, общины иудейского вероисповедания, лютеранские церкви, бесчисленное количество баптистских, евангелистских и прочих сектантских заведений. Они становятся центрами коммуникации представителей национальных меньшинств на Кубани. В 1960-е гг. они прекратили свою деятельность и единственным каналом коммуникации становятся межсемейные связи. Создание национальных общественных организаций в то время в СССР было невозможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 570. Л. 2.
2. Мирук М.В. Реформирование системы образования // История Кубани XX век: Очерки. Краснодар, 1998. С. 57.
3. ГАКК. Ф. Р.-365. Оп. 1. Д. 408. Л. 31.
4. ГАКК. Ф. Р.-365. Оп. 1. Д. 571. Л. 1–3.
5. ГАКК. Ф. Р.-365. Оп. 1. Д. 812. Л.10-15.
6. ГАКК. Ф. Р.-365. Оп. 1. Д. 579. Л. 40.
7. ГАКК. Ф. Р.-365. Оп. 1. Д. 430. Л. 3.
8. ЦДНИКК. Ф. 1774 а. Оп. 7. Д. 2502. Л. 148.
9. ГАКК. Ф. Р.-890. Оп. 1. Д. 820. Л. 56–57.
10. Колесов В.И. Польские национальные школы в Кубано-Черноморской области: образование и идентичность // Поляки в России. Краснодар, 2006. С. 259.
11. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1940. С. 125.
12. Серова Н.К. Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР в 1953 г. Российское государство и общество XX век. М.; Изд-во МГУ. 1999. С. 188–189.
13. ГАКК. Ф.Р.-1519. Оп.2. Д.431. Л. 118.
14. ГАКК. Ф.Р-1519. Оп.1. Д.40. Л. 40.

15. Бридня О.П. Польские этюды: поляки на Кубани в Х1Х-ХХ вв.// Поляки в России. Краснодар, 2006. С.267.
16. Бугай Н.Ф. Депортационные процессы на Кубани: их последствия // Северный Кавказ: национальные отношения (историография проблемы). Майкоп, 1992. С. 167.
17. Из интервью с председателем немецкого общества А. Баумунком (23.10. 07).
18. Из интервью с председателем армянского общества В.Г. Кукуяном (4.05.15).
19. Из интервью с представителем чешского общества С.Ф. Гдрличка (5.02.07).

© Садым Каринэ Борисовна (karinakor@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.39

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РСФСР В 1922–1929 ГОДАХ. ЧАСТЬ 2. ИНФОРМАЦИЯ, ПОДЛЕЖАЩАЯ ЗАЩИТЕ, И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ

HISTORICAL EXPERIENCE OF THE EVOLUTION OF THE INFORMATION SECURITY SYSTEM IN RUSSIA IN 1922–1929. PART 2. INFORMATION TO BE PROTECTED AND METHODS OF PROTECTING INFORMATION

T. Timerbulatov
R. Yusupov

Summary: Ensuring information security is a complex process, combining legal, organizational, scientific, technical, and other aspects of state activity. Of scholarly interest is the question of whether the Soviet state's activities in the information sphere were systemic in the 1920s, the period when the USSR was formed and when its economic development was a subject of debate and a factor in the intra-party struggle for power. Part 2 of this article examines issues related to the organization and methods of information protection. It is established that considerable attention was devoted to the formation of the institution of state secrets. Various organizational and technical methods of information protection were employed—the state fully defined the areas of protective activity and clarified the appropriate procedures. However, the information security system was not fully developed. Financial problems played a negative role. Funding was prioritized for organizations engaged in scientific and technical development of the information sphere, while censorship bodies, for example, received minimal funding, especially at the local level. Technological lag Western countries also played a role. At the same time, the 1920s can be considered a period of formation of the organizational and personnel foundation of Soviet science and technology. Overall, information security was an area whose importance, given the changing domestic political conditions of the 1920s, was not subject to revision, and its provision was developed systematically.

Keywords: USSR, information, system, information protection, information security.

Тимербулатов Тагир Алифович
кандидат исторических наук, доцент, Башкирский институт социальных технологий (филиал), Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования Академия труда и социальных отношений
timerbulatov.t.a@yandex.ru
Юсупов Рахимьян Галимьянович
доктор исторических наук, профессор, Уфимский университет науки и технологий
yusupovr.g@yandex.ru

Аннотация: Обеспечение информационной безопасности – процесс сложный, объединяющий правовое, организационное, научно-техническое и иные направления деятельности государства. Научный интерес представляет вопрос, носила ли деятельность советского государства в информационной сфере системный характер в 1920-е годы, в период, когда был образован СССР и когда путь его экономического развития являлся предметом дискуссий и одним из факторов внутрипартийной борьбы за власть. В части 2 настоящего исследования изучены вопросы, связанные с организацией и способами защиты информации. Установлено, что большое внимание было уделено формированию института государственной тайны. Использовались различные организационные и технические способы защиты информации – государство в полной мере определило направления защитной деятельности и разъяснило, как следует действовать. Однако система защиты информации не приобрела законченный вид. Негативную роль сыграли финансовые проблемы. В приоритете финансирования находились организации, занятые научно-техническим развитием информационной сферы, в то время как, например, органы цензуры финансировались минимально, особенно на местах. Сказалось также технологическое отставание от западных стран. Вместе с тем 1920-е годы можно назвать периодом формирования организационного и кадрового фундамента советской науки и техники. В целом информационная безопасность являлась сферой, значение которой в меняющихся внутриполитических условиях 1920-х годов пересмотру не подлежало, а ее обеспечение развивалось системно.

Ключевые слова: СССР, информация, система, защита информации, обеспечение информационной безопасности.

Введение

В настоящей статье исследуется вопрос, носила ли деятельность советского государства в информационной сфере системный характер после образования СССР в условиях внутрипартийной борьбы за власть. В части 1 изучались такие элементы этого процесса, как система субъектов обеспечения информационной безопасности и правовые нормы, регулирующие отношения в информационной сфере. В части 2 рассмотрим вопросы организации защиты информации.

Становление института тайны

В период, предшествовавший созданию СССР, слож-

но складывалось представление о сведениях, нуждающихся в защите, т.е. составляющих тайну. С 1918 г. в официальных документах фигурировали понятия «военная цензура» и связанная с ней «военная тайна». Иные виды цензуры и тайны до начала 1920-х годов не упоминались. Изменения начали происходить с 1921 г., когда СНК РСФСР утвердил Положение о военной цензуре ВЧК (из названия понятно, что военная цензура передавалась в ведение ВЧК) и Перечень сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению. Подчеркнем, уже не военную тайну, но еще не государственную, хотя в документе перечислялись сведения как военного, так и экономического характера. Объем понятия «цензура» официально расширился летом 1922 г. в связи с учреждением Главного управления по делам литературы и издательства (Главлита), которому, согласно Декрету СНК от 6 июня 1922 г., вверялось «объединение всех видов цензуры печатных произведений» на предмет выявления сведений, содержащих военную тайну, антисоветских, националистических, лживых и иных сведений, запрещенных к распространению [1]. Как мы видим, на правовом уровне закреплялась не только военная цензура (хотя без уточнений), а о государственной тайне речь по-прежнему не шла.

Сведения, имеющие «характер государственной тайны», впервые упоминаются в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. в ст. 66 о преследовании за шпионаж [2]. Но к Уголовному кодексу не прилагался перечень соответствующих сведений, т.е. с точки зрения права вопрос остался открытым. После образования СССР в Постановлении ЦИК и СНК СССР «О шпионаже, а равно о собирании и передаче экономических сведений, не подлежащих оглашению»(1925) было закреплено понятие «специально охраняемая государственная тайна» и в отдельную категорию выделены экономические сведения, «не составляющие по своему содержанию специально охраняемую государственную тайну, но не подлежащие оглашению по прямому запрещению закона или по распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий»[3] (фактически документ разделил государственную и служебную тайну, значимую для государства, начавшего отход от нэпа; причем не названная, но подразумеваемая служебная тайна, как и государственная, являлась объектом уголовно-правовой охраны). В Постановлении отмечалось, что специально охраняемая государственная тайна – это сведения, перечисленные в особом перечне, утверждаемом СНК СССР. Но перечень к тому времени СНК СССР не утвердил. Перечень был утвержден в апреле 1926 г. и включил три раздела: а) сведения военного характера; б) сведения экономического характера и в) иного рода сведения. К последней категории были отнесены сведения о внешней политике и внешней торговле, о мерах борьбы с контрреволюцией и шпионажем, а также о государственных шифрах и содержании шифрованной переписки. Еще один важный момент – в число государственных тайн экономического характера вошли среди прочего «открытия, изобретения, технические усовершенствования», имеющие для страны особое значение (юридическим основанием для придания научно-технической информации государственного секретного статуса являлись соответствующие постановления Совета труда и обороны или Президиума Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР) [4].

В исследуемый период началось формирование института служебной тайны, но понятие не было определено, а не подлежащие распространению служебные сведения под разными названиями брались под защиту уголовным и гражданским законодательством.

Итак, в исследуемый период в официальных документах закрепилось понятие «специально охраняемая государственная тайна». Содержание понятия отражалось в обновляемых перечнях не подлежащих распространению сведений. В отдельную категорию были выделены сведения, не составляющие специально охраняемую государственную тайну, но также не подлежащие распространению по решению руководства «ведомств, учреждений и предприятий», т.е. тайну, имеющую служебное значение. Ответственность за нарушения в обоих случаях определялась уголовным законодательством. Понятие «служебная тайна» без разъяснений, по существу, включило гражданское законодательство. Иными словами, государственная тайна как объект защиты находилась в стадии развития, служебная – в стадии становления.

Организационные меры защиты информации

При любом подходе к терминологии государству необходимо было создать эффективный системный механизм ЗИ. Согласимся с мнением Г.А. Куренкова: «Система защиты информации должна быть именно системой, а не простым набором случайных средств и организационных мероприятий» [5]. Утверждение автора логично, т.к. цель создания защитной системы – преградить доступ к конфиденциальной информации лицам, которым она не предназначена. А доступ – явление неоднородное, и защитная деятельность может быть эффективной, если она проводится в отношении всех возможных каналов. В качестве таких каналов специалисты рассматривают 1) открытые источники, 2) людей – носителей информации и 3) технические средства [6, с. 4]. В плане защиты доступа к информации одинаково важны самые разнообразные меры, от грамотной организации секретного делопроизводства и цензуры до контроля за деятельностью секретных работников или неблагонадежных лиц и использования современных технических средств. Собственно, Г.А. Куренков и представил ЗИ как организационные и иные мероприятия, образующие систему на

принципах централизации и взаимосвязанности. В систему он включил несколько звеньев: правовое регулирование и организацию секретного делопроизводства на единой правовой основе, контроль за соблюдением законодательно установленных требований к режиму секретности и секретному делопроизводству, цензуру, использование технических средств и пр. [5].

Остановимся на организационных мерах ЗИ и некоторых особенностях их реализации на местах.

Правовая база ЗИ в 1920-е годы в целом перестала быть слабым местом ОИБ. Относительно целостно удалось сформировать представление о защищаемой информации (тайне). Еще в 1922 г. были разработаны инструкции, определяющие порядок обращения секретных документов в партийной и военной сферах, а затем – во всероссийском масштабе. Общесоюзные инструкции составлялись вместе с общесоюзным законодательством. В 1926 г. было принято несколько инструкций по отдельным вопросам организации и обороту секретной документации, а именно: по ведению секретного и шифровального делопроизводства; по сдаче дел в органы Центрархива и ведению архивного делопроизводства; по наблюдению местными органами ОГПУ за постановкой секретного и мобилизационного делопроизводства; о порядке ведения и хранения секретной переписки; о порядке стенографии на секретных совещаниях; о порядке подготовки дипломатической корреспонденции. В 1928 г. изменился фундамент этой схемы – секретное и шифровальное делопроизводства были отделены друг от друга. Соответственно, появились отдельные инструкции по секретному делопроизводству и по шифровальному делопроизводству [7, с. 4].

Что касается контроля за соблюдением законодательно установленных требований к режиму секретности и секретному делопроизводству, то централизованный подход к его организации был применен еще в 1921 г., когда в структуре ВЧК был создан Специальный отдел. Отдел создавался прежде всего в качестве центра, объединяющего и направляющего «деятельность шифровальных органов различных ведомств», оттого вошел в историю как первая криптографическая служба РСФСР. К криптографическим функциям вернемся позже. Здесь отметим, что Спецотдел состоял из семи отделений, и с шифрами была связана деятельность только трех из них, т.е. Спецотдел не являлся исключительно шифровальной службой. Так, функциями 1-го отделения являлись «разработка руководящих и нормативных документов, регламентирующих различные стороны организации защиты государственной тайны в целом по стране» и «наблюдение за всеми государственными учреждениями, партийными и общественными организациями по сохранению государственной тайны» [8]. Эти задачи не замкнулись только на Спецотделе ВЧК (ГПУ, ОГПУ). Они не выходили из поля зрения ЦК РКП(б), где решались многие острые проблемы секретного делопроизводства, относящиеся и к партийной, и к государственной сфере. Впрочем, на высшем партийном уровне в основном совершенствовались механизмы ЗИ, а принятые решения ложились в основу инструкций и циркуляров [5]. Наблюдение за исполнением принятых решений сохранялось за ОГПУ, о чем свидетельствуют Инструкция местным органам ОГПУ по наблюдению за постановкой секретного и мобилизационного делопроизводства (1926) и Инструкция местным органам ОГПУ по наблюдению за состоянием секретного и мобилизационного делопроизводства учреждений и организаций (1929).

Разновидностью контроля за движением информации являлась цензура. Цензурный контроль военной информации существовал со времен гражданской войны, в т.ч. в системе ВЧК (Особый отдел по борьбе с контрреволюцией и шпионажем в Красной Армии). Как отмечено выше, в 1921 г. вступило в силу Положение о военной цензуре ВЧК, к которому прилагался Перечень сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению. Напомним, что этот документ включал сведения не только военного, но и экономического характера. Как пишет С.А. Дианов, в том же году при Секретно-оперативном управлении (СОУ) ВЧК был организован Отдел политического контроля (ПК) (с февраля 1922 г. в составе СОУ ГПУ, с ноября 1925 г. в составе Отдела информации и политконтроля ОГПУ)[9, с. 62]. С 1922 г. «все виды цензуры печатных произведений» были сконцентрированы в Главлите, учрежденном при Наркомпосе РСФСР. В исследованиях Главлит чаще упоминается как политический ограничитель творческих свобод и процессов, что не имеет отношения к нашей теме. Для нас интерес представляет тот факт, что учредительный акт вверил Главлиту выявление сведений, содержащих военную тайну. Полагаем, не только военную – иная, как мы выяснили, в публикуемых официальных документах не упоминалась.

Сухие факты без уточнений могут создать впечатление, что в издательской сфере функции Отдела ПК ГПУ и Главлита дублировались. В литературе также высказывалось мнение, что на местах органы ГПУ взяли под руководство цензоров подразделений Главлита. Но детальное изучение документов из ряда уральских архивов позволило С.А. Дианову сделать другие выводы. Выделим наиболее, на наш взгляд, важные. Первое. Уральские областные и уездные литы и органы ПК взаимодействовали. Второе. Цензор осуществлял предварительный контроль материалов для печати, а орган ПК – последующий (контроль исполнения указаний цензора и только во вторую очередь качество его работы). Третье. В распоряжении уполномоченных ГПУ имелись особые средства получения оперативной информации о ситуации на контролируемой территории, и они в определенных случаях могли вклиниваться в сферу литов,

но не для ущемления их прав, а для своевременного и эффективного «упреждения возможных контрреволюционных "прорывов" в печать»[9, с. 63–67]. Выводы автора сделаны на основании материалов только уральских архивов, однако, полагаем, представленная им модель взаимоотношений не могла входить в принципиальное противоречие с центральным курсом. В логике исследуемого времени цензурирование не могло обойтись без партийного звена. Установлено, что «по партийной линии цензурную политику проводил Агитационно-пропагандистский отдел ЦК» [5] (центральный аппарат и сеть агитпропов на местах были созданы в 1920 г.). Заметим, что проводить цензурную политику и осуществлять цензурную деятельность – не одно и то же. Кроме того, здесь мы рассматриваем проблему ЗИ, а агитационно-пропагандистская инфраструктура партии имела более широкий ареал задач с уклоном на агитацию и пропаганду. Что же касается ЗИ, то в литературе документально подтверждена руководящая роль ЦК РКП(б) (ВКП (б)). На самом высоком уровне партийной иерархии разбирались факты утечки в печать информации, не подлежащей разглашению, и серьезная причина возникновения таких фактов – недостаточная конкретизация сведений, составляющих в текущий период тайну. Перечни таких сведений постоянно уточнялись и сначала проходили этап обсуждения в ЦК партии, в т.ч. межведомственными комиссиями [5]. Утверждались же перечни на разных уровнях, от СНК до Главлита [7, с. 7]. В период свобод нэпа партия сохраняла роль координатора в информационной сфере, но напрямую в цензурную деятельность не вмешивалась. Во второй половине 1920-х годов проявилось стремление Политбюро ЦК «взять цензуру в свои руки» [10]. Но эта тенденция касалась в основном идеологической стороны проблемы. Защита тайны попрежнему базировалась на партийно-государственном взаимодействии при формировании перечней секретной информации, и роль участников процесса принципиально не менялась.

Собранные материалы о секретном документообороте и цензуре демонстрируют концептуальный подход к формированию организационного механизма ЗИ в 1920-е годы. Но реальность невозможно оторвать от местного фактора. А на местах воплощение решений, принятых на самом высоком уровне, не во всем с ними совпадало. Кратко укажем проблемы, выявленные как наиболее типичные. В провинциальных органах цензуры остро стояла проблема кадров, имевшая сложную природу. Во-первых, сказывался финансовый фактор. Главлит финансировался минимально, и обеспечение его подразделений легло на небогатые плечи местных властей. Средства для трудоустройства цензоров находились не везде. Нередко функции цензоров делегировались другим работникам системы просвещения (напомним, Главлит был создан при Наркомпосе). Во-вторых, сказывался фактический дефицит кадров, отвечавших требованиям к цензорам, допущенным в силу профессиональных обязанностей к секретной информации. Распространены были случаи, когда к обязанностям цензора допускались беспартийные работники ОНО, что являлось грубейшим нарушением. Обнаруживались и другие нарушения, от отсутствия сейфа для хранения секретных документов до использования общей с ОНО пишущей машинки. Проверки ОГПУ осуществлялись, меры принимались, но до конца 1920-х годов в недофинансированной сфере выявлялись одни и те же отклонения от прописанных норм [9, с. 69–70; 11, с. 395–396]. Мы опираемся на материалы исследований по отдельным губерниям и не можем утверждать, что так складывалась ситуация во всей стране. Тем очевиднее, что региональный аспект поднятой темы актуален для составления объективной картины и требует дальнейшего изучения.

Криптографические и технические методы защиты информации

Особое место в системе ЗИ издавна занимали тесно связанные друг с другом криптографические и технические методы защиты. К этому блоку применительно к исследуемому периоду отнесены «проведение мероприятий по созданию систем технической передачи и защиты информации, создание специальной техники, создание шифров и кодов, организации шифр-работы в целом» [5]. Тема обширная. Здесь ситуацию обозначим тезисами (подробнее – в отдельной статье).

Криптографические разработки со времен гражданской войны до второй половины 1920-х годов особого успеха не имели. С 1927 г. в СССР стали использовать одноразовые шифр-блокноты. Метод трудоемок в исполнении, но обладает (до сих пор) важным преимуществом – абсолютной криптостойкостью. Он использовался два десятка лет, и в этот период перехватчики западных спецслужб утратили возможность читать советскую засекреченную переписку [5].

1920-е годы – особый период в развитии в СССР научно-технической инфраструктуры и технических методов ЗИ. По этой подтеме отметим следующее.

Первое. Пришедшие к власти большевики большое внимание уделяли науке и образованию. Становление советской научной и образовательной сферы происходило под влиянием идеологического фактора, но в отношении научно-педагогической общественности власть проводила взвешенную политику, стремясь сохранить старые научные школы и кадры. Процесс был сложный и небыстрый, но тотальных потерь удалось избежать.

Второе. В условиях идеологической трансформации и глубокого экономического кризиса государство объективно не могло обеспечить одинаково достойную

поддержку всей научной инфраструктуре, поэтому действовал принцип приоритетов. Этот принцип на старте преобразований применялся разнопланово. Интересная информация о приоритетах в распределении интеллектуальных ресурсов: в вузах преподавательская деятельность даже крупных ученых с неблагонадежной партийной биографией (эсеров, меньшевиков) не приветствовалась, что не мешало их работе в советских научных организациях. Приоритеты были обозначены и в собственно научной сфере. Как писал в 1926 г. академик С.Ф. Ольденбург, В.И. Ленин еще в 1921 г. дал ему пояснения финансового порядка: «В первую голову внимание государства будет обращено на те науки, которые помогают нам выявлять и применять наши естественные богатства, нужные разоренной войнами стране, т. е. науки математические, естественные и экономические. Это не значит, конечно, чтобы государство не признавало других наук и не понимало их значения для строительства культурной жизни. Но сейчас рассчитывать на особенное их процветание мы не можем» [12, с. 68, 70]. Приоритеты, безусловно, распространялись шире и касались информационной безопасности. Еще В.И. Ленин инициировал выявление изобретений, имеющие народно-хозяйственное и военное значение. Для авторов изобретений в приоритетном порядке изыскивались средства, помещения и пр. В 1920-е годы имели место случаи, когда лаборатории и техбюро, созданные под изобретения, вырастали в крупные научные центры. По тому же принципу взращивались небольшие ведомственные лаборатории. Речь идет в том числе об организациях, развивающих средства связи и одновременно средства защиты передаваемой ими информации, а также актуальную в текущий период шифровальную технику [13, с. 27–28; 14, с. 45 и др.]. В целом в 1920-е годы СССР, достигнув определенных успехов в решении проблем технической ЗИ, находился в уязвимом положении догоняющего субъекта научно-технической эволюции.

Третье. Руководство СССР проблему технологического отставания осознавало и поощряло международное научное сотрудничество со странами, лидирующими в научно-технической сфере. Государство изыскивало средства на научные мероприятия, а также на закупку за рубежом необходимой аппаратуры и приборов, выпуск которых отечественная промышленность еще не наладила. Как утверждал академик В.А. Котельников, «новинками и секретами технического оснащения никто на Западе делиться с СССР не собирался» [15, с. 75]. Тем не мене торговля шла. Более того, как отметил научный сотрудник Музея криптографии Е. Ефремов, в 1920-е годы СССР удавалось закупать даже иностранные образцы шифромашин [16].

Таким образом, государство использовало различные способы поддержки советской науки и техники, в т.ч. сферы ЗИ. В 1920-е годы успехов было меньше, чем у западных стран. Но именно в этот период в стране приоритетно и компетентно формировалась научно-техническая, в т.ч. образовательная инфраструктура. Результативность была вопросом времени.

Заключение

Обеспечение информационной безопасности – системный процесс, и мы ставили перед собой задачу ответить на вопрос, носила ли деятельность государства в информационной сфере системный характер в 1920-е годы. Обобщая изложенное в частях 1 и 2 настоящей статьи, заключаем, что информационная безопасность являлась сферой, значение которой в меняющихся внутриполитических условиях 1920-х годов пересмотру не подлежало, а ее обеспечение развивалось в рамках продуманной системы. Вместе с тем реализация не всех мер осуществлялась эффективно. Так, не приобрела законченный вид система защиты информации. Негативную роль сыграли финансовые проблемы. В приоритете финансирования находились организации, занятые научно-техническим развитием информационной сферы, в то время как, например, органы цензуры финансировались минимально, особенно на местах. Имелись и другие проблемы. В 1920-е годы шел поиск путей их преодоления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декрет СНК от 6 июня 1922 г. «Положение о Главном Управлении по делам литературы и издательства (Главлит)» // Известия ВЦИК. 1922. 23 июня.
2. Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. 1922. Отд. 1. № 15. Ст. 153.
3. Постановление ЦИК и СНК СССР от 14 августа 1925 г. «О шпионаже, а равно о собирании и передаче экономических сведений, не подлежащих оглашению» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1925. Отд. 1. № 52. Ст. 390.
4. Постановление СНК СССР от 27 апреля 1926 г. «Об утверждении перечня сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1926. Отд. 1. № 32. Ст. 213.
5. Куренков Г.А. От конспирации к секретности: монография. М.: Аиро-XXI, 2015. 255 с. [Электронный ресурс] // Itexts: сайт. URL: https://itexts.net/avtor-gennadiy-aleksandrovich-kurenkov/274787-ot-konspiracii-k-sekretnosti-gennadiy-kurenkov/read (дата обращения: 29.09.2025).
6. Каторин Ю.Ф., Разумовский А.В., Спивак А.И. Защита информации техническими средствами: учебное пособие. СПб: НИУ ИТМО, 2012. 416 с.

7. Яковец Е.Н. Организационно-правовая защита государственной тайны в СССР в период первых пятилеток и подготовки к войне // История государства и права. 2016. № 1. С. 3–8.
8. Столпаков Б. В начале столетнего пути [Электронный ресурс] // Национальный технологический центр шифровой криптографии: сайт. URL: https://digitalcryptography.ru/publications/istoriya-kriptografii/v-nachale-stoletnego-puti/ (дата обращения: 29.07.2025).
9. Дианов С.А. Развитие местных органов Главлита на Урале в 1922–1938 гг.: структура, функции, кадры: дис. … докт. ист. наук. Пермь, 2011. 415 с
10. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект-Пресс, 2001. 367 с. [Электронный ресурс] // Evartist: библиотека: сайт. URL: https://evartist.narod.ru/text9/38.htm#з_16 (дата обращения: 02.10.2025).
11. Хрусталева А.В. Провинциальная печать и цензура в годы НЭПа (на примере Саратовской, Самарской губерний и АССР НП) // StudiaLitterarum. 2020. Т. 5. № 3. С. 392–411.
12. Митин В.В. Трансформация организационной и научной деятельности РАН в 1917–1925 гг. // Метаморфозы истории. 2013. № 4. С. 59–78.
13. Ларин Д.А. Этапы криптографической деятельности в России // Вестник РГГУ. Серия: Информатика. Защита информации. Математика 2011. № 13 (75). С. 11–37.
14. Корляков В.В. Всероссийскому научно-исследовательскому институту радиотехники – 95 лет (от Остехбюро до АО «ВНИИРТ» акционерного общества «Концерн ВКО «Алмаз – Антей») // Вестник Концерна ВКО Алмаз-Антей. 2016. № 2. С. 44–64.
15. В.А. Котельников. Судьба, охватившая век. В 2 т. Т. 2. Н.В. Котельникова об отце. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2011. 412 с.
16. Летувет О. Рассекретили легендарную советскую шифрмашину // Вечерняя Москва. 2024. 16 декабря.

© Тимербулатов Тагир Алифович (timerbulatov.t.a@yandex.ru), Юсупов Рахимьян Галимьянович (yusupovr.g@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.40

ПОЛИТИКА СОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАЗВИТИЮ ЯПОНИИ В АФРИКЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫЗОВЫ

Тимохова Екатерина Григорьевна
Аспирант, Московский Государственный Лингвистический Университет
timokhova.catherine@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу политики содействия международному развитию Японии в Африке в XXI веке в рамках механизма ТИКАД (Токийская международная конференция по развитию Африки). Актуальность исследования обусловлена растущей геополитической и экономической значимостью африканского континента, обострением конкуренции между глобальными и региональными державами за влияние в Африке, а также необходимостью переосмысления традиционных подходов к международному развитию в условиях новых вызовов — климатических изменений, цифровой трансформации и постпандемийного восстановления. Рассматриваются эволюция японской стратегии на африканском континенте, основные направления помощи развитию, включая инфраструктурные проекты, развитие человеческого капитала и передачу технологий. Особое внимание уделяется конкуренции с другими внешними игроками, прежде всего Китаем, Индией и странами Персидского залива. Анализируются сравнительные преимущества японской модели «каизен», ориентированной на качество, институциональное развитие и устойчивость, а также структурные ограничения: финансовые возможности, консервативность частного сектора, коррупция и политическая нестабильность в африканских государствах. Автор делает вывод о необходимости адаптации японской стратегии с акцентом на цифровую экономику, климатическую адаптацию и усиление координации между правительственными программами и бизнесом для повышения конкурентоспособности японского присутствия в Африке.

Ключевые слова: Япония, международная помощь, развитие Африки, экономическое сотрудничество, социально-экономический рост, инвестиционная политика, внешняя политика, конкуренция, безопасность, сотрудничество.

JAPAN'S INTERNATIONAL DEVELOPMENT ASSISTANCE POLICY IN AFRICA: RESULTS AND CHALLENGES

E. Timokhova

Summary: This article analyzes Japan's international development assistance policy in Africa in the 21st century within the framework of the Tokyo International Conference on African Development (TICAD). The relevance of this study stems from the growing geopolitical and economic importance of the African continent, intensifying competition between global and regional powers for influence in Africa, and the need to rethink traditional approaches to international development in the face of new challenges—climate change, digital transformation, and post-pandemic recovery. The article examines the evolution of Japan's strategy on the African continent and the main areas of development assistance, including infrastructure projects, human capital development, and technology transfer. Particular attention is paid to competition with other external players, primarily China, India, and the Gulf states. It analyzes the comparative advantages of the Japanese "kaizen" model, which focuses on quality, institutional development, and sustainability, as well as structural constraints: financial capacity, private sector conservatism, corruption, and political instability in African countries. The author concludes that Japan's strategy needs to be adapted with a focus on the digital economy, climate adaptation, and increased coordination between government programs and businesses to enhance the competitiveness of Japan's presence in Africa.

Keywords: Japan, international aid, African development, economic cooperation, socioeconomic growth, investment policy, foreign policy, competition, security, cooperation.

Введение

Африканское направление японской внешней политики приобрело особую актуальность в постбиполярный период, когда Токио начал активно позиционировать себя в качестве глобального игрока в сфере содействия международному развитию [1]. Предметом данного исследования является политика Японии в области официальной помощи развитию (ОПР) африканским государствам в период с 1993 по 2024 год. Хронологические рамки обусловлены началом функционирования Токийской международной конференции по развитию Африки (ТИКАД) как основного механизма японо-африканского взаимодействия и современным этапом трансформации глобальной архитектуры помощи развитию [2].

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, возрастающее геополитическое и экономическое значение африканского континента в условиях глобальной конкуренции великих держав. Во-вторых, трансформация японской внешней политики в сторону более активного глобального участия, включая сферу безопасности. В-третьих, необходимость осмысления эффективности альтернативных моделей содействия развитию в условиях усиления китайского присутствия в Африке. Цель статьи – проанализировать достижения японской стратегии содействия развитию на африканском континенте и выявить ключевые вызовы, с которыми сталкивается Токио в реализации данного курса.

Институционализация японо-африканского сотруд-

ничества. Качественный поворот в отношениях Японии со странами Африки произошел после Второй мировой войны, когда африканский континент стал рассматриваться как источник сырьевых ресурсов и перспективный рынок сбыта. Нефтяные кризисы 1973 и 1979 годов усилили стратегическое значение африканских поставщиков углеводородов для энергетической безопасности Японии [3].

Однако системный характер взаимодействие приобрело лишь в начале 1990-х годов. Распад биполярной системы создал для Японии возможность расширить своё присутствие в регионах, ранее находившихся в сфере влияния сверхдержав. Африканские государства, составляющие значительную часть членов Генеральной Ассамблеи ООН, превратились в важную составляющую японской дипломатической стратегии, включая претензии на постоянное членство в Совете Безопасности ООН.

В этом контексте инициирование в 1993 году конференции ТИКАД стало стратегическим решением, направленным на институционализацию японского присутствия в Африке. Первая конференция собрала представителей 48 африканских государств и определила основные принципы японо-африканского партнерства: диалог на равных, национальная ответственность африканских стран за развитие и мобилизация международной поддержки [4].

За три десятилетия функционирования механизма ТИКАД Япония последовательно наращивала объемы финансовой помощи. На конференции ТИКАД V в 2013 году Япония обязалась предоставить 32 миллиарда долларов помощи в период 2013-2017 годов, а ТИКАД VI в Найроби (2016) представила инвестиционный пакет в 30 миллиардов долларов на период 2016-2018 годов [5].

Япония концентрировалась на развитии транспортной и энергетической инфраструктуры, модернизации систем здравоохранения и образования, повышении продовольственной безопасности. В отличие от китайского подхода, японская стратегия делала акцент на передаче технологий, развитии человеческого капитала и укреплении институциональных возможностей африканских государств.

Измерение безопасности в японской стратегии. Специфическим направлением японской политики в Африке стало участие в миротворческих операциях, что представляет особый интерес с учетом конституционных ограничений военной деятельности Японии. Статья 9 японской конституции, принятой в 1947 году, запрещает создание «сухопутных, морских и военно-воздушных сил, равно как и других средств ведения войны», что на протяжении десятилетий ограничивало возможности Токио в сфере международной безопасности [6]. Однако постепенная переинтерпретация конституционных норм создала правовую основу для участия Сил самообороны в международных операциях под эгидой ООН.

Кризис в Южном Судане, начавшийся в декабре 2013 года как внутриполитическое противостояние между президентом Сальвой Кииром и его бывшим заместителем Риеком Машаром, быстро трансформировался в масштабный гуманитарный кризис, вызвавший перемещение более двух миллионов человек. Этнический компонент конфликта между народами динка и нуэр усугубил ситуацию, приведя к массовым насильственным действиям и разрушению инфраструктуры молодого государства, получившего независимость в 2011 году [7].

Япония направила около трехсот военнослужащих Сил самообороны в состав миссии ООН в Южном Судане (UNMISS), где они осуществляли строительство инфраструктурных объектов и поддержание коммуникаций. Японский контингент занимался восстановлением дорог, строительством мостов и обеспечением водоснабжения в столице Джубе и прилегающих районах. Это участие стало крупнейшим развертыванием японских военнослужащих за рубежом со времени создания Сил самообороны в 1954 году.

Принятие японским парламентом в 2016 году законодательных поправок, расширивших полномочия Сил самообороны в рамках миротворческих операций и закрепивших право на коллективную самооборону, отразило эволюцию японского подхода к обеспечению безопасности. Новое законодательство, получившее название «Закон о мире и безопасности», разрешило японским военнослужащим использовать оружие для защиты иностранных военных и гражданских лиц, находящихся под совместной защитой. Это стало качественным изменением мандата японского военного присутствия за рубежом [8].

Для африканского направления это означало возможность более активного участия Токио в стабилизации конфликтных ситуаций, хотя масштабы японского военного присутствия остаются ограниченными по сравнению с традиционными участниками миротворческих операций – Индией, Пакистаном, Бангладеш и африканскими государствами. Тем не менее, опыт Южного Судана продемонстрировал готовность Японии использовать инструменты жесткой силы для защиты своих интересов и поддержки международной безопасности в регионах приоритетного присутствия.

Вывод японского контингента из Южного Судана в 2017 году был обусловлен ухудшением обстановки безопасности и внутриполитическими дебатами о рисках для японских военнослужащих [9]. Однако сам факт многолетнего присутствия заложил основу для будущего уча-

стия Японии в африканских миротворческих операциях. Кроме того, Япония активизировала вклад в борьбу с пиратством у берегов Сомали, направив корабли морских Сил самообороны в район Аденского залива и создав военную базу в Джибути в 2011 году – первую зарубежную военную базу послевоенной Японии.

Конкурентные вызовы японской стратегии. Основным вызовом для японской политики содействия развитию в Африке стала интенсификация китайского присутствия на континенте. Китайско-африканский товарооборот вырос с 10 миллиардов долларов в 2000 году до более чем 200 миллиардов долларов к 2020 году, многократно превысив масштабы японо-африканской торговли [10].

Форум китайско-африканского сотрудничества (FOCAC), созданный в 2000 году, стал альтернативным механизмом взаимодействия, предлагающим африканским партнерам значительно большие финансовые ресурсы. На Пекинском саммите FOCAC в 2018 году Китай объявил о выделении 60 миллиардов долларов на развитие Африки. Включение африканских государств в инициативу «Один пояс, один путь» создало системную альтернативу японской модели сотрудничества. К 2024 году более 40 африканских государств подписали меморандумы о взаимопонимании в рамках этой инициативы [11].

Японии приходится конкурировать не только в финансовом измерении, но и в сфере привлекательности моделей развития. Китайский подход, ориентированный на быструю реализацию крупных инфраструктурных проектов без жестких условий в области управления и прав человека, находит отклик у африканских элит. Япония же традиционно делает акцент на качестве управления, устойчивости проектов и социальных стандартах, что требует более длительных сроков реализации. Помимо китайской конкуренции, Япония сталкивается с растущим присутствием других азиатских игроков — Индии, Турции, Южной Кореи и стран Персидского залива [12].

Структурные ограничения и адаптация стратегии

Эффективность японской помощи развитию сталкивается с системными проблемами африканских государств: коррупцией, слабостью институтов и политической нестабильностью. По данным международных организаций, африканские страны ежегодно теряют десятки миллиардов долларов из-за коррупции и незаконных финансовых потоков [13].

Реализация инфраструктурных проектов часто затягивается из-за бюрократических препятствий. Япония, в отличие от некоторых других доноров, настаивает на соблюдении процедурных стандартов и прозрачности, что в условиях слабого государственного управления создает дополнительные трудности.

Политическая нестабильность создает риски для долгосрочных проектов развития. Военные перевороты в Мали (2020, 2021), Гвинее (2021), Буркина-Фасо (2022), Габоне (2023) и Нигере (2023) продемонстрировали хрупкость политических систем в регионе. Вооруженные конфликты в Сахеле, зоне Великих Африканских озер и районе Африканского Рога угрожают безопасности японских специалистов и устойчивости реализуемых проектов [14].

Демографические и экономические трансформации африканского континента требуют от Японии пересмотра приоритетов содействия развитию. Быстрый рост населения, интенсивная урбанизация и структурные сдвиги в экономике меняют потребности африканских партнеров. Население Африки увеличилось с примерно 630 миллионов человек в 1990 году до более 1,4 миллиарда к 2024 году, и прогнозы ООН предполагают рост до 2,5 миллиардов к 2050 году [15].

Нигерия, население которой увеличивается примерно на два процента ежегодно и превысило 220 миллионов человек, демонстрирует типичные вызовы растущей нагрузки на городскую инфраструктуру и социальные службы. Лагос, крупнейший город Африки с населением более 15 миллионов человек, сталкивается с острым дефицитом жилья, транспортным коллапсом и недостаточным водоснабжением. Подобные проблемы характерны для Каира, Киншасы, Джоханнесбурга и других мегаполисов континента.

Японская стратегия должна учитывать эти трансформации, переориентируясь на поддержку устойчивого городского развития, создание рабочих мест для молодежи и содействие диверсификации экономики. Молодежный бум в Африке – более 60% населения континента моложе 25 лет – создает одновременно возможности и риски. При правильной политике молодое население может стать двигателем экономического роста, но неспособность создать достаточное количество рабочих мест грозит социальной нестабильностью [14].

Япония начала адаптировать свои программы к этим вызовам. Инициатива «Партнерство Японии с Африкой на устойчивое и стабильное развитие» (IPPAS), представленная на ТИКАД VII в 2019 году, акцентировала внимание на «качественной инфраструктуре», цифровой трансформации и развитии человеческого капитала. Токио стал больше инвестировать в образовательные программы, включая инициативу «Африканский институт бизнеса и образования для молодежи» (ABE Initiative), направленную на обучение африканских студентов и молодых специалистов в Японии с последующим трудо-

устройством в японских компаниях, работающих в Африке.

Климатические изменения добавляют еще один уровень сложности. Засухи в регионе Сахель, наводнения в Восточной Африке, повышение уровня моря, угрожающее прибрежным городам, требуют включения климатической адаптации во все проекты развития. Япония, обладающая передовыми технологиями в области возобновляемой энергетики и устойчивого управления ресурсами, может предложить африканским партнерам эффективные решения, но это требует дополнительных инвестиций и политической воли.

Экономическое измерение и частный сектор. Одним из ключевых вызовов японской африканской стратегии остается ограниченное участие частного сектора. В отличие от Китая, где государственные компании активно осваивают африканские рынки при поддержке правительства, японский бизнес демонстрирует осторожность в отношении африканских инвестиций. Прямые иностранные инвестиции Японии в Африку составляют лишь около 1% от общего объема японских ПИИ, значительно уступая инвестициям в Азию, Северную Америку и Европу [15].

Японские компании озабочены рисками, связанными с политической нестабильностью, слабой правовой защитой инвесторов, недостаточной инфраструктурой и ограниченными размерами местных рынков. Даже крупные корпорации, такие как Toyota, Mitsubishi или Marubeni, ограничивают африканское присутствие определенными секторами и географическими нишами. Большинство японских малых и средних предприятий вообще не рассматривают Африку как приоритетное направление.

Правительство Японии предпринимает усилия по стимулированию частного сектора через механизмы государственно-частного партнерства и финансовые гарантии. Японский банк международного сотрудничества (JBIC) и Японское агентство страхования торговли Nippon Export and Investment Insurance (NEXI) предоставляют инструменты снижения рисков для компаний, выходящих на африканские рынки. Кроме того, в рамках ТИКАД созданы специальные платформы для содействия бизнес-диалогу между японскими и африканскими предпринимателями [12].

Однако результаты этих инициатив остаются скромными по сравнению с динамикой китайского бизнес-присутствия. Структурные факторы – консервативная корпоративная культура японских компаний, языковые барьеры, недостаток знаний об африканских рынках – продолжают сдерживать экономическую экспансию. В отличие от китайских государственных компаний, которые реализуют африканские проекты как часть национальной стратегии при масштабной государственной поддержке, японский бизнес руководствуется преимущественно коммерческими соображениями и оценкой рисков.

Перспективным направлением становится сотрудничество в области цифровых технологий и инноваций. Африканский континент переживает цифровую революцию, с быстрым ростом проникновения мобильной связи и интернета. Кенийская система мобильных платежей M-Pesa, охватывающая десятки миллионов пользователей, стала глобальным примером финтех-инноваций. Японские технологические компании могут найти новые ниши в этом динамично развивающемся секторе, но пока их присутствие ограничено.

Энергетическая безопасность остается важным аспектом японской заинтересованности в Африке. Несмотря на диверсификацию источников энергии и развитие возобновляемых технологий, Япония продолжает импортировать значительные объемы углеводородов, включая сжиженный природный газ из африканских стран. Нигерия, Ангола, Алжир и Мозамбик остаются важными партнерами в энергетической сфере.

Заключение

Политика содействия международному развитию Японии в Африке за три десятилетия функционирования механизма ТИКАД продемонстрировала как значительные достижения, так и существенные ограничения. Токио удалось создать устойчивую институциональную платформу для диалога с африканскими партнерами, реализовать сотни инфраструктурных и социальных проектов, сформировать позитивный имидж ответственного донора, ориентированного на качество и устойчивость развития.

Японская модель, основанная на партнерстве, передаче технологий и развитии человеческого капитала, представляет альтернативу более транзакционным подходам других внешних игроков. Однако масштабная китайская экспансия, ограниченное участие японского частного сектора и структурные проблемы африканских государств создают серьезные вызовы для эффективности японской стратегии.

В условиях растущей геополитической конкуренции за влияние в Африке Японии необходима дальнейшая адаптация стратегии с акцентом на сферы сравнительных преимуществ. Африка останется важным направлением японской внешней политики, но успех этого курса будет зависеть от способности Токио предложить конкурентную альтернативу другим игрокам, сохраняя приверженность принципам качественного партнерства и устойчивого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добринская О.А. О некоторых аспектах эволюции внешней политики Японии / О.А. Добринская // Японские исследования. — 2018. — № 2. — С. 23–37. — DOI: 10.24411/2500–2872-2018-10009.
2. Буланакова М.А. Политика содействия международному развитию стран северо-восточной Азии на африканском континенте в XXI в. / М.А. Буланакова // Управленческое консультирование. — 2015. — № 11 (83). — С. 142–156.
3. Ohno K. The History of Japanese Economic Development: Origins of Private Dynamism and Policy Competence / K. Ohno. — 2017. — DOI: 10.4324/9781315444048.
4. The Second Tokyo Conference on African Development (TICAD-II). African Development Towards the 21st Century: The Tokyo Agenda for Action // United Nations: [сайт]. — URL: https://www.un.org/esa/africa/ticad2.html (дата обращения: 01.12.2025).
5. Japan pledges $32 billion aid for Africa to boost investment // Reuters. — 01.06.2013. — URL: https://www.reuters.com/article/business/japan-pledges-32-billion-aid-for-africa-to-boost-investment-idUSBRE95002H/ (дата обращения: 01.12.2025).
6. Исибаси М. Невооруженный нейтралитет / М. Исибаси; пер. с япон. Б.П. Лаврентьева, Л.З. Левина. — М.: Прогресс, 1984. — 264 с.
7. Keitany P. The African Union Mission in South Sudan: A case Study of South Sudan: research project submitted in partial fulfillment of the Degree of Master of Arts in International Studies / P. Keitany; supervisor Dr. W. W. Wairimu; University of Nairobi, Institute of Diplomacy, and International Studies. — Nairobi, 2015. — 74 p.
8. Gill T.D. The Use of Force in the Wider Legal Landscape / T.D. Gill, K. Tibori-Szabó // The Use of Force and the International Legal System. — Cambridge University Press, 2023. — P. 247–390.
9. Kolmaš M. Japan's Security and the South Sudan Engagement Internal and External Constraints on Japanese Military Rise Reconsidered / M. Kolmaš // Central European Journal of International and Security Studies. — 2019. — Vol. 13. — P. 61–85. — DOI: 10.51870/CEJISS.A130103.
10. Barnett S. Growing Institutional Relationships / S. Barnett, Li Xiangming // China's Economic Relations with Africa. — Washington: International Monetary Fund, 2016. — P. 34–52.
11. Kuo L. Kenya's $3.2 billion Nairobi-Mombasa rail line opens with help from China / L. Kuo // Quartz: [сайт]. — 2022. — 20 July. — URL: https://qz.com (дата обращения: 01.12.2025).
12. Ganapathy N. India widens diplomatic footprint amid growing diaspora and political ambitions / N. Ganapathy // The Straits Times. — URL: https://www.straitstimes.com/asia/south-asia/india-widens-diplomatic-footprint-amid-growing-diaspora-and-political-ambitions (дата обращения: 01.12.2025).
13. Illicit financial flows cost Africa $88 billion annually // Global Health Justice / University of Washington. — 2025. — 11 Sept. — URL: https://depts.washington.edu/globalhealthjustice/illicit-financial-flows-cost-africa-88b-annually/ (дата обращения: 01.12.2025).
14. Филиппов В.Р. Кризис в Нигере: причины и последствия военного переворота 2023 года / В.Р. Филиппов // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. — 2024. — Т. 15, № 2. — С. 147–170. — DOI: 10.31862/2500–2988-2024-15-2-147-170.
15. Stanley A. African Century / A. Stanley // Finance & Development. — 2023. — September. — P. 16–18. — (F&D Picture This).

© Тимохова Екатерина Григорьевна (timokhova.catherine@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.42

ОСКОРБЛЕНИЯ ВЛАСТИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ КРЕСТЬЯН ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 1908–1916 ГГ.[1]

Фролов Виталий Николаевич
Ассистент, ФГБОУ ВО Псковский государственный университет
rector@pskgu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются оскорбления власти и ее представителей как ненасильственной формы выражения протестных настроений. Целью исследования является анализ крестьянского нелегального протеста (оскорбления власти) в Псковской губернии 1908–1916 гг. Материалами исследования стали уголовные дела и официальные рапорты губернатору, фиксировавших случаи оскорблений власти, церкви, веры. Большинство из оскорблений совершались в состоянии алкогольного опьянения и носило ситуативный или «карнавальный» характер. На основе анализа определяется наличие прослойки недовольных властью крестьян, чьи протестные настроения отражали утрату сакрального статуса власти, ассоциируемой с царём как её верховным символом. В статье также отмечается правоприменительная практика в отношении оскорблений власти, делается вывод о более строгом наказании за оскорбление религиозных символов и священнослужителей по сравнению с оскорблениями власти. В целом, исследование демонстрирует, что период 1908–1916 гг. в Псковской губернии был временем относительного спокойствия, однако процесс накопления и выражения протеста создавали предпосылки для последующих революционных событий 1917–1918 гг.

Ключевые слова: оскорбления власти, крестьянский протест, протестные настроения, Николай II, крестьяне.

INSULTS TO THE AUTHORITIES AS AN EXPRESSION OF THE PROTEST SENTIMENTS OF THE PEASANTS OF THE PSKOV PROVINCE 1908–1916

V. Frolov

Summary: This article examines insults to the authorities and their representatives as a non-violent form of expressing protest sentiments. The aim of the study is to analyze illegal peasant protests (insults to the authorities) in the Pskov province from 1908 to 1916. The study includes criminal cases and official reports to the governor, which recorded instances of insults to the authorities, the church, and faith. Most of these insults were committed while intoxicated and were situational or "carnival-like" in nature. The analysis reveals the presence of a stratum of peasants dissatisfied with the authorities, whose protest sentiments reflected the loss of the sacred status of the authorities, associated with the tsar as their supreme symbol. The article also notes law enforcement practices regarding insults to the authorities, concluding that insults to religious symbols and clergy were met with harsher penalties than insults to the authorities. Overall, the study demonstrates that the period 1908–1916 was characterized by a marked increase in the number of peasants. In the Pskov province there was a time of relative calm, but the process of accumulation and expression of protest created the preconditions for the subsequent revolutionary events of 1917–1918.

Keywords: insults to the authorities, peasant protest, protest sentiments, Nicholas II, peasants.

Введение

Псковская губерния 1908–1916 гг. представляла собой аграрную потребляющую губернию, более 90% населения которой было крестьянами. Особенностью губернии в данный период была ее спокойная репутация. Чаще всего крестьяне прибегали к ненасильственным формам выражения протестных настроений. Первая российская революция и крестьянское движение имели место здесь лишь в 1905–1906 гг., тогда как 1907 г. обстановка в губернии характеризовалась как спокойная. Крестьянское движение даже в пиковый для губернии 1906 г. имело весьма ограниченный размах, в сравнении с движением в черноземье или центральных губерниях [41; 42]. Межреволюционный период исследования 1908–1916 гг. является «затишьем перед бурей» и характеризуется в источниках как спокойный, поэтому при изучении крестьянских протестных настроений необходимо сфокусироваться на анализе оскорблений власти и ее представителей – как на важной предпосылке уже революционных событий на Псковщине в 1917–1918 гг.

1 Исследование выполнено в рамках реализации гранта ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет» по мероприятию «Выполнение прикладных научных и научно-методических исследований (проектов) молодыми учеными по приоритетным направлениям Программы развития университета на 2025–2036 годы» (приказ № 0905–001 от 05.09.2025).

Материалы и методы

Материалами исследования послужили уголовные дела об оскорблении представителей власти, в том числе императорской семьи, хранящиеся в Государственном архиве Псковской области (ГАПО). Данные источники крайне ценны для анализа протестных настроений крестьян, т.к. несут в себе отражение общекрестьянских стереотипов и образов власти. Для достижения цели исследования был проведен их анализ. Методологией исследования является принцип историзма и объективности, признание принципа крестьянской субъектности. Протестные настроения разделены на насильственную и ненасильственную форму выражения. Насильственная – на умеренный и радикальный протест. Ненасильственная – на легальный и нелегальный протест. Оскорбления представителей власти классифицируются как нелегальный протест ненасильственной формы выражения протестных настроений.

Литературный обзор

Проблема оскорблений власти со стороны общества волнует многих исследователей с конца 1950-х гг. Однако нельзя сказать, что к ней обращаются часто. Советская историография обратила внимание лишь на источниковедческую сторону оскорблений власти, хотя и отметила, что уголовные дела как источник несут в себе высокий потенциал для изучения крестьянских настроений [36]. Стоит отметить, что в контексте исследований общественных настроений крестьян в 1977 г. авторский коллектив И.М. Волкова, В.П. Данилова и В.П. Шерстобитова обозначил общественные настроения одним из перспективных направлений для исследования [3]. Однако развитие изучения настроений связывается с принятым курсом на деидеологизацию науки и с отказом от многих социально-исторических представлений. Советская ученые указывали на высокую политическую сознательность крестьян. Конечно, на развитие историографии не могло не повлиять и осознание белых пятен вместе с накоплением обширного материала.

Одним из ключевых исследователей оскорблений власти крестьянами на постсоветском этапе является Б.И. Колоницкий. В отличие от советских предшественников, ученый считал, что оскорбления чаще всего носили стихийный «карнавальный» характер, а не осознанный классовый. Исследователь доказал типичность ругательных практик и разработал классификацию крестьянских оскорблений [37]. Отдельно стоит упомянуть и В.Б. Аксенова, который сосредоточился на правоприменительной практике статей за оскорбления и обратил внимание на его влияние на десакрализацию самой власти в эпохи двух последних войн Российской империи: Русско-японской (1904–1905 гг.) и Первой мировой (1914–1917 гг.). Автор выделил сходства и различия обсценного дискурса и отметил, что во время Первой мировой ругань власти стала более разнообразной и эмоциональной [1].

На региональном уровне историографии настроения крестьян Псковской губернии и их оскорбления власти не подвергались специальным исследованиям, однако тема ненасильственного протеста косвенно изучалась Н.В. Патраш в ее работах о судопроизводстве в губернии в годы Первой мировой [39; 40], а также тему ненасильственного протеста крестьян Псковской губернии во второй половины XIX – начала XX в. в контексте исследования общины касались Л.В. Алиева [2] и Н.П. Никитина [38].

Результаты

В период с 1908 по 1916 гг. в Псковской губернии было зафиксировано множество случаев сквернословия в сторону местной власти, духовных лиц, императора и его семьи. Необходимо начать с оскорблений в сторону органов власти, местных ее представителей.

Примером оскорблений суда может стать случай, произошедший 27 марта 1908 г. Степан Николаев из села Посадниково (Посадниковская волость, Новоржевский уезд) произнес: «Это не суд, а собарня» [10, л. 5]. Вину не признал. По его словам, он действительно увидел собаку. Сначала волостной суд приговорил за это к семи суткам ареста, затем крестьянин подал жалобу, и дело отправили в уездный съезд, который вынес оправдательный приговор, т.к. крестьянин эти слова произнес после суда, а не во время [10, л. 37].

Другой похожий случай имел место 18 апреля 1911 в Липецком волостном суде (Великолукский уезд) во время разбирательства за потраву овса. Причем случай, судя по всему, вышел курьезным. Крестьянин Иван Волофеев в нетрезвом виде произнес слова: «Какой это суд» и затем обругал состав суда матерной бранью [16, л. 5]. Крестьянин отмечал, что свидетели могут показать, что произнес он эти слова не лично суду, а соседям под воздействием сильного эмоционального возбуждения от новости о штрафе в 5 рублей [16, л. 13]. Выругался он, решив, что решение было не в его пользу, на самом же деле – это ему присудили 5 рублей с оппонентов. Некоторые свидетели указывали, что он был внутри помещения и ругал суд. Несмотря на курьез, преступление имело место и поэтому крестьянина приговорили к аресту на пять дней [16, л. 19].

Случай оскорбления представителя власти был 21 сентября 1909 г. Крестьянина Михаила Степанова задержали в г. Торопец за «буйство». Крестьянин оскорбил полицейского «кровопийцей» и попытался сорвать погон. Вину полностью отрицал и просил о свидетелях, которые подтвердят невиновность. Приговорили к шести

месяцам тюрьмы [20, л. 51].

Другой эпизод оскорблений представителей власти произошел 23 августа 1910 г., когда крестьянин Николай Ельчнинов (Старинская волость, Торопецкий уезд) был приговорен к семи суткам ареста за нарушение спокойствия. 17 января 1911 г. он подал земскому начальнику жалобу с апелляцией и оскорблениями: «Разгневанный писарь настрочил протокол, подговорил кандидата старшины подписаться»; «я много слышал о неправосудности в волостных судах»; «решение земского начальника является убийственным»; «каково было смотреть совершенно трезвому человеку» и др. Утверждал, что намерения оскорбить кого-либо не имел. За такую апелляцию он был приговорен на один месяц ареста.

2 июля 1915 г. крестьянин нанес оскорбления порховскому городовому за поборы, назвав его грабителем и подлецом. Апелляцию оставили без последствий [7, л. 18]. В апелляции крестьянин писал, что не оскорблял городового, а возмутился внезапным требованием заплатить не 20 копеек, а 40 [7, л. 11]. Крестьянин намеревался оспаривать решение Съезда и написал на него кассационную жалобу в Присутствие [7, л. 21].

Неуважение к верховной власти так же высказывалось некоторыми крестьянами. Например, 28 сентября 1909 г. Алексей Федотов из села Сущево (Новоржевский уезд) рассказывал, что служил в армии, но «нисколько не почитал и не уважал царя. Крестьянин продолжал: «Да его и почитать не следует, потому что он ничего не дал и не даст». Затем в пьяном виде кричал рабочим, выходившим из лесопильного завода: «Ребята, долой Царя, мы сами будем править!» [9, л. 4] По итогу крестьянин признал вину, но в защиту говорил, что был слишком пьян. Приговорили к аресту на один месяц [9, л. 48].

Можно привести другой пример зафиксированного неуважения к власти в общем. В ноябре 1909 г. крестьянин Кузьма Зиновьев деревни Лысцево (Горицкая волость, Великолукский уезд) научил детей петь антиправительственные песни. Материалы дела свидетельствуют: «Крестьянские дети Федор Егоров, 10 лет, Петр Егоров, 8 лет, публично пели преступную песню следующего содержания: «Вся Россия торжествует, Николай вином торгует, Саша булки продает. По России слух прошел, Николай с ума сошел. Стражи нам не надо, и полиция не почем, мы царя за член повесим» [11, л. 5]. Отрицал вину. Приговор не сохранился.

Другие антиправительственные песни распевались 7 ноября 1910 г., крестьянином поселка Великолукский Ям (Великолукский уезд) Авксентием Леуськовым в пивной лавке. Он кричал такие частушки: «Приказал царь Трепову издать манифест: «мертвым свободу, живых под арест»; а также изволил говорить следующие слова: «Бога нет, скоро возьмут Москву»; «Москва и Петербург скоро исчезнут, а Царя не будет»; «Бога нет, а есть только один Христос»; «Составляется какой-то союз, что скоро развалятся Петербург и Москва». Более того, крестьянин просил скрипача в пивной сыграть революционный гимн: «Отречемся от старого мира», дополняя песню «крестьянским» припевом: «И от водки и пива» [22, л. 5, 84–85]. Крестьянин не признал вину. Стоит отметить, что исполнявший должность судебного следователя не нашел состава преступления в этих высказываниях [22, л. 93], однако суд приговорил его к аресту на три месяца [22, л. 31].

Случаи пения оскорбительных и неуважительных частушек фиксировались и позднее. Губернатору А.В. Адлербергу 10 января 1911 г. приходили сообщения, что 6 января на ярмарке в деревне Кушнерево (Липецкая волость, Великолукский уезд) пели: «Бога нет, царя не надо… Губернатора убьём и в солдаты не пойдём».

За пение песен революционного содержания 1 февраля 1911 г. был задержан крестьянин Петр Васильев из г. Великие Луки. В канцелярии пристава он указал на портрет царя и произнес, что его арестовали «за этого Кольку» [19, л. 5]. После крестьянин вину отрицал и утверждал, что был пьян и ничего не помнит. Приговорили на два месяца ареста [19, л. 88]. Слова «за этого Кольку» отражают взаимосвязь в крестьянском сознании между верховной властью и личностью царя. Крестьянин распевал революционные песни и для самого себя он выступал «против Кольки».

Прямо революционные воззрения показал крестьянин Павел Мальгин. 21 апреля 1913 г. он был задержан и во время разговора в квартире полицейского урядника был пьян. При свидетелях он произнес: «В ясных пуговицах надо всех повесить и расстрелять, подождите, голубчики, не долго вам всем остается царствовать, выберем своего государя и тогда будет наша воля!» [6; 8, л. 15].

Прямые оскорбления личности царя составляют значительную часть сквернословий в сторону власти и выделены отдельно.

Ругали царя и словом «дурак». Например, Иван Захаренков из г. Новоржев 12 декабря 1909 г. произнес: «А наш царь, ей Богу, дурак» [12, л. 5]. Иван не признал вину, утверждал, что был пьян и ничего не помнит. Приговорили на один месяц ареста [12, л. 34].

Крестьянин деревни Васильево (Дворицкая волость, Новоржевский уезд) Иван Жук пел: «Сдадут в солдаты, служить не буду Николаю-дураку». Иван говорил, что пел по своей глупости [35, л. 6]. Приговорили к аресту на семь дней [35, л. 38].

Зосим Орлов из села Михайлево (Торопацкая волость, Холмский уезд) 20 декабря 1909 г. произнес: «Го-

сударь все пропил, да прогулял, так что теперь воевать не на что: бутылками не повоюешь, а орудий нет [14, л. 5]. Утверждал, что был пьян и ничего не помнит. Приговорили к аресту на два месяца [14, л. 30].

Родион Пирогов из погоста Посадниково (Новоржевский уезд) 31 марта 1910 г. произнес о царствующей семье: «Бросьте этих бесей, 9 мая их будут крошить» [13, л. 4]. Крестьянин скрылся от правосудия.

Судили крестьян и за действия в сторону изображений императора. Так, 6 декабря 1910 г. в пылу домашней ссоры крестьянин деревни Велихново 2-е (Аксеновская волость, Новоржевский уезд) Михаил Трофимов бросил на пол икону и портрет царя, в результате чего они разбились. Крестьянин был приговорен к аресту на три месяца [18, л. 44].

Из рапорта псковского уездного исправника от 5 февраля известно, что во время свадьбы в помещении домохозяина Егора Ильина, проживавшего в деревне Заполье (Палкинская волость, Псковский уезд) неизвестным был разрезан портрет государя [19, л. 6–7].

Другой случай был 16 августа 1911 г., когда крестьянин Иван Титов в состоянии алкогольного опьянения сорвал карту Российской империи с изображением царя, а также портрет царя, царицы и наследника и разорвал со словами: «Здесь собачьей шкуре висеть нечего» [23, л. 5]. Категорически не признал вину. Суд не смог доказать виновность крестьянина и оправдал его [23, л. 42].

Не обходилось и без «буйств» отдельных крестьян, находившихся в алкогольном опьянении, сопровождавшимся погромами лавок и оскорблениями власти. 26 декабря 1910 г., к крестьянину деревни Анюшкино (Клинская волость, Великолукский уезд) явились крестьяне соседних деревень Волково и Малахово (Встеселовская волость, Торопецкий уезд) и потребовали дать им водку. После отказа крестьяне «произвели там буйство». Когда потерпевший стал уговаривать прекратить потасовку, предупреждая, что они могут случайно разбить иконы, то крестьянин Дмитриев назвал иконы «простыми досками, оклеенными бумагой» и произнес: «Бога нет, я твоих Богов выгоню вон!» – После этого он схватил полено и бросил в угол, где весели иконы. Полено угодило в икону преподобной Ефросинии и разбило её. Дмитриев говорил: «За это в Сибирь не загонят, да к тому ли Сибирь наш царь проиграл и нам Псков дал», а другой буйствующий крестьянин Фадеев в это время распевал: «Государь наш водкой торгует, а мужик, ходя горюет, мы, не стесняясь водку пьём и все рамы перебьём!». Слова «Государь наш водкой торгует» и «Сибирь наш царь проиграл» – ясно свидетельствуют о разочаровании крестьян во внешней и внутренней политике Николая II. Мнение о царе как о «виноторговце» отражает падение авторитета самодержавия после введения винной монополии: персона самодержца приравнена к лавочнику-торговцу спиртным. Вину крестьяне категорически не признали. Были приговорены к аресту на шесть месяцев [21, л. 67].

Из рапорта от 1 февраля 1911 г. известно, что в Торопецком уезде один крестьянин назвал императора «виноторговцем» [19, л. 3–5].

Очередной зафиксированный случай оскорбления царя «виноторговцем» было 21 июля 1911 г. на народном гулянии. Играя на балалайках, крестьяне пели: «Наш государь Николай торжествует, в кабаке вином торгует, а государыня б… [торгует телом – В.Ф.]» [16, л. 13–14]

В рапорте от 4 августа 1911 г. докладывали о поимке дезертира. Бывший солдат-крестьянин из Холмского уезда в качестве причины своего ухода со службы называл политические причины: «Всё равно хотя и поймали опять меня, но служить Николаю не буду, Николай водкой торгует, а Россия голодует» [16, л. 12]. И снова видно выражение мнения по крайней мере части крестьянства о царе как о виноторговце.

В феврале 1913 г. так же сохранялась алкогольная тематика в отношении части крестьян к царю. В селе Скоково (Вязовская волость, Великолукский уезд) крестьянин обозвал стражников собаками, когда те сделали ему замечание: он лез вне очереди покупать вино. В ответ те возразили, что служат царю и отечеству. На это он ответил: «Царь такой же прохвост, как и вы, открыл кабаки, а войти в них нельзя» [5].

Фиксировались в документах и невосторженные высказывания крестьян. Например, 18 февраля во время службы в храме заупокойной панихиды по императору Александру II крестьянин Карл Данилов сказал, исходя из рапорта исправника губернатору: «За покойного государя императора Александра II помолимся, а за настоящего Николая – не нужно. Не за что молиться» [19, л. 10–11].

В январе–феврале 1913 г. крестьянине разных Новоржевского, Островского, Псковского и Порховского уездов говорили про царя: «подлец, обижающий крестьян», «Какой ты бродяга – так и Государь, который принял вас на службу» [8, л. 1–7, 8, 25, 31].

Крестьянин деревни Клин (Дорогостицкая волость, Порховский уезд) Игнатий Федеров в мае 1915 г. оскорбил царя словами: «Ты служишь не государю, а бесу» [8, л. 128–135],

Особо интересными представляются крепкие ругательства в сторону императора и его семьи. Крестьянин из села Горки (Великолукский уезд) Степан Тимофеев Воронов 28 февраля 1911 г. в чайной лавке Ковалева оскорбил царя во время спора о земле: «И ты и царь оди-

наковые х..» [половой член – В.Ф.], обращаясь к тестю [15, л. 5]. Утверждал, что был пьян и ничего не помнил. Приговор: арест на три недели [15, л. 32].

Эпизод неуважительных и оскорбительных высказываний зафиксирован, когда 19 ноября 1911 г. крестьянин деревни Алол (Кудеверская волость, Новоржевский уезд), Семен Буланкин, произнес: «разъе… [уничтожить – В.Ф.] хотел вашего государя» [25, л. 5]. Утверждал, что хотя и был пьян, но помнил, что не говорил. Приговорили к аресту на три месяца [25, л. 32].

Другой похожий случай имел место 14 июля 1912 г., когда крестьянин деревни Мелехово (Максимовская волость, Великолукский уезд) Андрей Игнашенков заявил, что ни за что не пойдет в солдаты. Возражение полицейского стражника, что солдаты необходимы в службе императору, встретило такой ответ: «Сегодня и завтра е... [совершаем половой акт – В.Ф.] Государя императора и теперь вся Россия идет против Государя и ожидается только восстание войск» [24, л. 5, 46]. Категорически не признал вину, заявив, что он не оскорбления говорил, а сделал стражнику замечание, что тот в пьяном виде не имеет прав носить царское оружие [24, л. 5]. Приговорили к трем месяца ареста [24, л. 32].

Некоторые солдаты хулили Николая II. Например, рядовой 14 стрелкового сибирского полка Андрей Корольков родом из Туровской волости (Торопецкий уезд), который в разговоре с секретарём заявил о царе: «Его недостойно называть «ваше превосходительство», – а затем небрежно ударил кулаком по портрету и добавил: «мать его е..». За это солдата выгнали вон, а позднее – поставили на учёт.

Крестьяне ругали бога и веру. Так, 12 ноября 1911 г. крестьянин Иван Снетков в г. Новоржев произнес: «Бог х. и х.. его зовут». Обвинение: «Возложил хулу на славимого в Единосущной Троице бога» [29, л. 5]. Утверждал, что был пьян и ничего не помнит. Приговорили к аресту на пять месяцев [29, л. 44].

Другой показательный случай произошел 26 марта 1912 г., когда крестьянин деревни Шмани (Серебреницкая волость, Великолукский уезд) Александр Петров произнес об иконе: «Это не бог, и не икона, а х ...» [28, л. 5]. Утверждал, что был пьян и ничего не помнит. Приговорили на шесть месяцев [28, л. 30].

Еще один эпизод случился 10 мая 1913 г., когда крестьянин села Осипово (Локонская волость, Холмский уезд) Алексей Дергачев произнес: «Это не икона, а доска»; затем ткнул в икону св. Николая папиросой со словами: «Надо его угостить… надо покурить, на, покури, какой это бог, видишь, не берет», затем поднес к иконе водку со словами: «Пей, видишь, не пьет, а еще сегодня его праздник» [32, л. 5]. Крестьянин отрицал вину. Приговорили к аресту на шесть месяцев [32, л. 23].

Конфликт религиозного и светского сознания показывает случай, имевший место 24 ноября 1913 г., когда крестьянин деревня Бослаки (Кудеверская волость, Новоржевский уезд) Василий Бослак опроверг хвалу богу за полученную работу: «Если-бы я спал, то и не заработал бы», – и далее нецензурная брань: «я е.. не хотел вашего бога и вас с ним вместе» [34, л. 3]. После он утверждал, что был пьян и не знает, что говорил. Приговорили к аресту на четыре месяца [34, л. 34]. Крестьянин запросил отсрочку в исполнении приговора, т.к. он устроен плотником и его работа необходима для постройки земского училища [34, л. 53], но отсрочку не дали и привели в исполнение [34, л. 68].

Иногда ругань веры сопровождалась с руганью царя. Так, 18 декабря 1911 г. крестьянин Николай Лебедев в деревне Метлино (Баранецко-Озерецкая волость, Торопецкий уезд) произнес: «Бога не чтем, царя е..». О мотивации он говорил так: «Хожу из-за вас, хотим, чтобы вам земли дали… вы хотите, чтобы вам больше жалования платили да уменьшили число рабочих часов». Лебедев оказался участником «беспорядков в городе С-Петербурге» в 1905 г. Помимо прочего он говорил: «Какой у нас государь, мать его ети, он пастух, хуже пастуха, его убить надо… мы государя сменим, мать его ети, и выберем другого». На вопрос крестьянина-оппонента, а не на пьяницу ли заменят, ответил, что выберут крестьяне, как выбирают волостного старшину [26, л. 5]. Утверждал, что был пьян и ничего не помнит. Крестьянин был амнистирован в связи с манифестом 21 февраля 1913 г. [26, л. 27].

Конфликт представителя церкви и крестьянина отразил случай 9 декабря 1912 г. В тот день крестьянин Михаил Красногородский из погоста Медведово (Медведовская волость, Великолукский уезд), согласно обвинительному акту, подошел к священнику Александру Яхонтову в храме для выслушания резолюции Псковской духовной консистории о наложении на него эпитимии. Священник потребовал чаще посещать церковь. На это крестьянин ответил: «Вы сами почаще служите и поменьше валяйтесь в канавах». Обозвал священника «обиралой» и «слепыми вожжами» [30, л. 5]. Крестьянин написал прошение, где был не согласен с обвинительным актом: ругался он не из-за эпитимии. Крестьянин также просил об адвокате и о свидетелях, которые докажут, что священник был пьян и лежал в канаве, крестьянин просил в свидетели тех, кто вытаскивал священника из канавы. Крестьянин доказывал: «Я вовсе не имел в виду нанести ему оскорбление, а сказал лишь одну правду» [30, л. 17]. Приговорили на четыре месяца ареста [30, л. 36]. Прошение-жалоба крестьянина была оставлена без последствий [30, л. 56].

Акт глумления над церковными обрядами был за-

фиксирован в марте 1913 г., когда крестьяне погоста Нишавицы (Пожинская волость, Торопецкий уезд) Иван Яковлев и София Бурлакова самостоятельно во время великого поста совершили «акт причастия» в издевательской форме. Яковлев взял полотенце, надел шапку и спросил её: «Водку пьёшь? Халву ешь?» Бурлакова ответила: «Пью, ем». На слова Яковлева «ведь нельзя же» ответила: «А мне бог позволил». Яковлев накинул на нее полотенце и произнес: «Отпускаются грехи твои», налил ей водки и «причастил» [30, л. 5]. Вину не признали. Данные крестьяне подавали заявление и прошение о невиновности [30, л. 39, 44]. Приговорили к месяцу ареста [30, л. 38].

Среди крестьянок так же были недовольные. Устный протест и в Псковской губернии выражался в агрессивной форме. 1 ноября 1910 г. крестьянка деревни Ново-Сокольники (Великолукский уезд) Анна Николаева в состоянии алкогольного опьянения произнесла: «Хоть бы этого Царя убили, он кровопийца» [17, л. 5]. Дело против нее прекратили, т.к. она была осуждена за более тяжкое преступление (кражу) [17, л. 18].

Другой случай произошел 22 января 1912 г., когда крестьянка Ирина Владимирова в погосте Речан (Хворостьевская волость, Торопецкий уезд) в церкви оскорбила священника «свиньей», «дураком», «г…» [экскременты – В.Ф.] и, плюясь, вышла из церкви [27, л. 5]. Утверждала, что была пьяна и ничего не помнит. Приговорили к аресту на 1 месяц [27, л. 39].

Намерение убить императора высказывала и крестьянка деревни Гороватка (Горицкая волость, Великолукский уезд) Анастасия Мазина. В мае 1915 г. она сказала: «Будь бы царствующий император поближе ко мне, то я застрелила бы его из ружья сама». Кроме того, называла его змеем, идолом, глотом, демоном, забастовщиком, посадским, дураком [35, л. 3]. Приговорили на два месяца ареста [35, л. 50]. Однако Государь помиловал её [35, л. 60].

Обсуждение

Необходимо отметить, что здесь приведены все зафиксированные правоохранителями случаи оскорблений органов власти и власти в целом имевших место в губернии 1908–1916 гг. Их небольшое количество за столь обширный период свидетельствует об общих спокойных умонастроениях крестьян в межреволюционный период. Однако все же представляется возможным выделить в крестьянстве Псковской губернии прослойку недовольных властью или ее представителями. Именно выразители мнения данной прослойки были зафиксированы в источниках и несли уголовную ответственность.

Принято расценивать устные крестьянские оскорбления в сторону власти и ее представителей до 1915 г. как протест «пьяный» [1, с. 87]. Нельзя не согласиться, что оскорбления и в Псковской губернии 1908–1916 гг. выражались в основном в пьяном состоянии. При этом многие крестьяне указывали на невозможность вспомнить, о чем они говорили и категорически отрицали вину.

Если оскорбления представителей власти или органов суда имели характер ситуативный, то оскорбления власти верховной посредством частушек и песен несли скорее «карнавальный» характер.

Переходя к образам власти, следует принять факт наличия у русских крестьян начала XX в. патерналистского сознания и мышления. В связи с этим, у крестьян в виду специфики их сознания власть всегда ассоциируется с ее верховным выразителем, в нашем случае – с царем, поэтому некоторые эпизоды с упоминанием царя в оскорбительном контексте были отнесены именно к оскорблениям верховной власти, но не конкретно личности царя, т.к. смысл ругани был не в оскорблении царя лично, а в выражении неуважения к власти в общем смысле. Через анализ уголовных дел и рапортов губернатору видно, как часть крестьян уже перестала видеть власть «своей», власть в ее глазах уже потеряла сакральный статус.

В рамках Псковской губернии 1908–1916 гг. нельзя точно определить оказывалось ли снисхождение к крестьянам со стороны суда, оскорблявшим власть в пьяном виде или нет, поскольку практически все осужденные были пьяны во время совершения преступления. С другой стороны, ясно видно, что поругание веры, обрядов, оскорбления священников наказывалось строже, чем оскорбление личности царя.

В Псковской губернии женщинами выражалось желание лично убить царя. В этой связи нельзя не согласиться с выводами В.Б. Аксенова о более эмоциональных и образных угрозах расправ с царем от женщин.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ крестьянского нелегального протеста (оскорбления власти) в Псковской губернии 1908–1916 гг. позволил разбить оскорбления на несколько видов: оскорбления органов и представителей власти, выражение неуважения к верховной власти, личные оскорбления императора и его фамилии (как устные, так и через порчу изображений), оскорбления церкви и ее обрядов, оскорбление веры. Обнаруженные в источниках эпизоды оскорблений представителей власти, церкви, царской семьи и их анализ показал существование в крестьянской среде Псковской губернии 1908–1916 гг. прослойки крестьян, явно недовольных сложившимися порядками, настроенных к власти негативно, воспринимающими ее как не «свою», а как «чужую».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов В.Б. Война и хула: уголовные дела об оскорблениях императорской семьи в годы Русско-японской и Первой мировой войн как исторический источник // Петербургский исторический журнал. 2025. № 3. С. 86–101.
2. Алиева Л.В. Крестьянская поземельная община Северо-Запада России: 1906–1930-е гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Псков, 2004. 314 с.
3. Волков И.М., Данилов В.П., Шерстобитов В.П. Проблемы истории советского крестьянства // История СССР. 1977. № 3. С. 3–18.
4. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 2908. Л. 9.
5. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3021. Л. 10.
6. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3022. Л. 2.
7. ГАПО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 71. Л. 21.
8. ГАПО. Ф. 262. Оп. 1. Д. 3. Л. 135.
9. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 112. Л. 77.
10. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 113. Л. 99.
11. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 115. Л. 30.
12. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 126. Л. 46.
13. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 127. Л. 61.
14. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 128. Л. 75.
15. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 138. Л. 82.
16. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 139. Л. 79.
17. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 140. Л. 67.
18. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 141. Л. 80.
19. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 142. Л.106.
20. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 143. Л.153.
21. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 145. Л. 130.
22. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 150. Л.110.
23. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 151. Л. 94.
24. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 152. Л. 88.
25. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 153. Л. 81.
26. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 155. Л. 86.
27. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 160. Л. 67.
28. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 164. Л. 69.
29. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 165. Л. 70.
30. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 178. Л. 90.
31. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 180. Л. 72.
32. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 181. Л. 70.
33. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 190. Л. 60.
34. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 274. Л. 85.
35. ГАПО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 275. Л. 85.
36. Иванов Л.И. Дела о привлечении крестьян к ответственности по 103-й и 246-й статьям как источник для изучения крестьянских настроений кануна первой русской революции // Проблемы источниковедения. 1959. Т. VIII. С. 119–134.
37. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. 657 с.
38. Никитина Н.П. Крестьянская поземельная община Северо-Запада России, 1861–1906 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Псков, 1999. 254 с.
39. Патраш Н.В. Организация судопроизводства Псковской губернии в условиях Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Псковской области) // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы II Всероссийской научной конференции, Самара, 15 декабря 2015 г. / Под ред. Е.Ю. Семеновой. Вып. 2. Самара: Самарский государственный технический университет, 2015. С. 157–160.
40. Патраш Н.В. Судебные учреждения Псковской губернии и их деятельность в годы Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. [Место защиты: Брян. гос. ун-т им. акад. И.Г. Петровского]. Псков, 2019. 255 с.
41. Фролов В.Н., Алиева Л.В. Динамика крестьянских выступлений в Псковской губернии в период Крестьянской революции // Клио. 2024. Вып. 1 (205). С. 137–144.
42. Фролов В.Н., Алиева Л.В. Формы выражения протестных настроений крестьянством Псковской губернии в 1902–1913 гг. // XVII Машеровские чтения: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 20 октября 2023 г.: в 2 т. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2023. Т. 2. 372 с. С. 353–356.

© Фролов Виталий Николаевич (rector@pskgu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.43

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: A COMPARATIVE HISTORICAL ANALYSIS

A. Khalitov
I. Sukhareva

Summary: The purpose of this scientific work is to conduct a comparative historical analysis of charity in Ufa province and social entrepreneurship in the modern Republic of Bashkortostan to identify common features and distinctive characteristics. The methods used are a comparative historical method that allows us to identify common and different terms between two terms that are similar in their activities. The analysis of charitable activities in Ufa province covers the period from 1865 to 1922, when social entrepreneurship was not yet developed. In the period of globalization and digital transformations, the relevance of studying the definition and status of social entrepreneurship is increasing due to innovative approaches and prospects of social business in solving social problems. The scientific novelty of the study is to compare the economic and social contexts of the development of charity and social entrepreneurship in Bashkortostan. A comparison of classical charity and social business based on modern methods allows us to identify the key differences between the two concepts.

Keywords: charity, social issues, social entrepreneurship, innovation.

Халитов Айбулат Айратович
аспирант, ФГБОУ ВО Уфимский государственный нефтяной технический университет
aibulattttt@mail.ru
Сухарева Ирина Виталиевна
доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО Уфимский государственный нефтяной технический университет
ira.sarigel@yandex.ru

Аннотация: Целью настоящей научной работы является проведение сравнительно-исторического анализа благотворительности в Уфимской губернии и социального предпринимательства в современной Республике Башкортостан для выявления общих признаков и отличительных характеристик. В качестве методов использован сравнительно-исторический метод, позволяющий выявить общее и отличное между двумя схожими по осуществляемой деятельности терминами. Анализ благотворительной деятельности в Уфимской губернии охватывает период с 1865 по 1922 год, когда социальное предпринимательство еще не было развито. В период глобализации и цифровых трансформаций актуальность изучения определения и статуса социального предпринимательства возрастает в связи с инновационными подходами и перспективами социального бизнеса в решении общественных проблем. Научная новизна исследования заключается в сравнении экономических и социальных контекстов развития благотворительности и социального предпринимательства на территории Башкортостана. Сравнение классической благотворительности и социального бизнеса, основанного на современных методах, позволяет выделить ключевые отличия между двумя концепциями.

Ключевые слова: благотворительность, социальные проблемы, социальное предпринимательство, инновации.

Введение

Благотворительность в Уфимской губернии в XIX — начале XX века играла значимую роль в решении социальных проблем. В этот период на территории Уфимской губернии действовали благотворительные организации и общества, которые оказывали помощь нуждающимся, оказывали содействие в мерах по развитию медицины, образования и культуры, а также касалась и других сфер общественной жизни [1].

В современное время на территории Республики Башкортостан функционирует множество благотворительных фондов и организаций, которые занимаются поддержкой различных социальных групп, активно разрабатываются и развиваются проекты по помощи людям в трудной жизненной ситуации, а также инициативы, направленные на поддержку образования и медицины. Сегодня в решении общественных проблем принимает участие не только благотворительные организации и органы власти, но и предприниматели. Деятельность социального предпринимательства сказывается на экономику региона и качество жизни людей. Социальное предпринимательство участвует в создании новых рабочих мест, в том числе для людей с ограниченными возможностями, предоставлении социальных услуг для студентов, пенсионеров, малоимущих и сирот, реабилитации больных алкогольной зависимостью и наркоманией, детей-инвалидов, поддержке образования и здравоохранения. Социальный бизнес в Республике Башкортостан характеризуется ростом числа социальных предпринимателей, поддержкой социальных инициатив государственными мерами в виде льгот на аренду недвижимости, финансовой и консультативной помощи, регулированием законодательными органами, созданием условий для развития социального предпринимательства в сфере экологии, образования, медицины [2]. Благотворительность и социальное предпринимательство

ство в Республике Башкортостан активно развиваются и имеют положительную динамику, однако сталкиваются с современными вызовами и проблемами. Социальное предпринимательство, как относительно недавно сформировавшийся вид деятельности, не обладает четким определением в общественном восприятии, полной научно-теоретической базой, нормативно-правовыми основами регулирования и методами комплексной оценки социального эффекта [3].

Постановка проблемы

В 2019 году был принят закон, закрепивший термин «социальное предпринимательство». В соответствии с этим законом, социальным предпринимательством признается деятельность, направленная на решение социальных проблем, и осуществляемая с использованием бизнес-моделей [4]. Результаты опроса, проведенного исследовательской группой «Циркон» в 2016 году, демонстрируют низкую информированность населения о социальном предпринимательстве, и большинство опрошенных имеют ошибочную интерпретацию понятия, ассоциируя социальный бизнес с волонтерской деятельностью, благотворительностью, некоммерческими организациями [5]. Основной причиной неполной научно-теоретической и нормативно-правовой базы является отсутствие методологической базы оценки социального эффекта социального предпринимательства и его статуса в обществе. Важно сформулировать четкие границы между социальным предпринимательством и смежными видами деятельности, проводить исследования в разрезе всех сфер жизни общества, разных хронологических и территориальных рамок [6]. Сравнительно-исторический анализ благотворительности в период, когда социальное предпринимательство еще не переплеталось с общественной жизнью в Уфимской губернии, позволяет выделить ключевые отличия и общие признаки между двумя схожими понятиями [7].

Степень научной разработанности

Изучению благотворительности в Уфимской губернии в конце XVIII начала XX века посвящена работа Галины Фатыховны Сафиной «Развитие меценатства в дореволюционном Башкортостане в XIX – начале XX века». Данная работа представляет собой ценное исследование, которое не только освещает историю благотворительности на территории современного Башкортостана, но и предоставляет систематизированный анализ факторов, повлиявших на ее развитие. Работа способствует более глубокому пониманию роли благотворительности в обществе и её значимости в контексте исторической трансформации Уфимской губернии [8]. Книга Александры Александровны Московской, изданная в 2021 году НИУ «Высшая школа экономики», представляет собой глубокий анализ социального предпринимательства как явления, рассматриваемого в контексте как России, так и мировых тенденций. В своем исследовании автор акцентирует внимание на совместимом сосуществовании социальных целей и бизнес-целей и приводит описание, как социальное предпринимательство может быть использовано для решения социальных и экономических проблем [9].

Основные результаты исследования

Благотворительные организации Уфимской губернии оказывали значительную помощь людям, оставшимся без места жительства, малообеспеченным семьям, сиротам и бедным. Например, Уфимский попечительский о бедных комитет заботился о финансовой поддержке семей, обеспечивал нуждающихся местом работы и заработка, вещественными пособиями и продуктами питания [10]. Благотворительные организации принимали участие в создании образовательных учреждений, помогая в организации сбора пожертвований на строительство школ и училищ. Особенно важно то, что благотворительные учреждения оказывали материальную и моральную помощь оказавшимся в чрезвычайной ситуации людям: раненным воинам, семьям погибших солдат, потерпевшим стихийные бедствия. Деятельность благотворительных организаций Уфимской губернии выражалась в нескольких формах: сбор денежных пожертвований, назначение именных и юбилейных стипендий, поддержка со стороны меценатов, содействие религиозным объединениям, учреждение фондов, направленных на определенные слои общества, содержание приютов и столовых для нуждающихся, закупка медикаментов для лечебниц, организация культурно-просветительских мероприятий, проявление социальных инициатив [11].

Деятельность «Дамского благотворительного отделения» Уфимского попечительного о бедных комитета Императорского человеколюбивого общества в Уфимской губернии была главным образом направлена изыскание средств и их целесообразную реализацию на нужды благотворения, содержание приютов, оказание помощи нуждающимся. Средства поступали не только от пожертвований, пособий и взносов, но и с процентов от капитала, выручки учениц школы кройки, шитья и рукоделий при приюте, постановок спектаклей и праздничных мероприятий [12]. Данная система организации поступления финансовых средств сопоставима с признаками деятельности социального предпринимательства. В деятельности «Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в низших и начальных училищах Уфимской губернии» финансовые средства общества складывались из взносов и пожертвований, процента с капитала, публичных чтений и организации лекций, спектаклей, концертов и вечеров [13].

Таким образом, цели благотворительности в Башкортостане в разные периоды включали помощь различным категориям населения, поддержку в развитии просвещения, культуры и здравоохранения. Деятельность благотворителей была направлена в основном на общественные нужды, заботу о сиротах, инвалидах, бездомных, заключённых и других категориях обездоленного населения. Из методов благотворительности можно привести в пример организацию бесплатных учебных заведений для малообеспеченных, в которых педагоги работали безвозмездно. Для стимулирования пожертвований городскими властями социальным учреждениям присваивались имена основных спонсоров, награждали за общеполезную деятельность и вклад в поддержку благотворительности званием почётного гражданина города, присваивали стипендиям и пособиям имена внесших вклад в благотворительную помощь. Согласно исторической характеристике благотворительности, в Республике Башкортостан с XVII века существовали благотворительные общества, которые оказывали помощь различным категориям населения, ко второй половине XIX века деятельность подобных организаций получила более динамичное развитие, и благотворительность стала приобретать новые признаки, формы и виды. Современные тенденции благотворительности в Башкортостане связаны с развитием и поддержкой институтов благотворительности, движения волонтеров, некоммерческих организаций. Они становятся одними из значимых приоритетов современной социальной политики [14].

Социальный бизнес имеет цели, связанные не только с извлечением дохода, но и с решением общественно-значимых проблем, повышением качества жизни, противодействием экономическим и экологическим вызовам. Например, среди предпринимателей и организаций Республики Башкортостан, ведущих деятельность в сфере социального предпринимательства, «Лечебно-диагностический центр естественного оздоровления «Доктор ОЗОН» предоставляет широкий спектр медицинских услуг населению, «Центр развития ребёнка «Умники и умницы» осуществляет социальное предпринимательство в сфере дошкольного образования, «Центр социального обслуживания населения «Азатлык» предоставляют возможность получить консультации с врачами, психологами и юристами, оказывает помощь с возможностью выезда на дом людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации в связи с финансовыми или иными проблемами. В середине 2020 г. Федеральной налоговой службой России в Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства были внесены сведения о наличии у предпринимателя или организации статуса «социального предприятия», что демонстрирует положительную динамику в развитии нормативно-правового регулирования данного вида предпринимательской деятельности [15].

Основные проблемы, на решение которых направлено социальное предпринимательство связаны с доступностью и качеством образования, уходом за пожилыми и инвалидами, созданием рабочих мест для людей с особыми потребностями, культурно-досуговыми мероприятиями для людей с ограниченными возможностями здоровья. Решение проблем достигается с помощью создания бизнес-моделей, финансированием и самоокупаемостью, управлением и оценкой социальной и экономической эффективности [16]. Социальное предпринимательство возникло на стыке социальной и экономической систем, его приоритетом на всех этапах становления являлось не извлечение прибыли, а решение или внесение вклада в решение существующих социальных проблем. Современные тенденции социального предпринимательства включают расширение в сферах деятельности, использование технологий, изменения в законодательстве и механизмах финансирования проектов. Эти тенденции связаны с относительной самостоятельностью социального предпринимательства и распространением тренда на стабильное развитие, который требует решения социальных проблем с помощью инновационных решений [17].

В таблице 1 представлены основные результаты, полученные в ходе исследования.

Заключение

Таким образом, в ходе проведенного сравнительно-исторического анализа выявлены основные отличия и признаки социального предпринимательства и благотворительности на территории Республики Башкортостан, приведены их исторические характеристики и современные тенденции. Социальное предпринимательство и благотворительность имеют множество сходств: целевой аудиторией является социально-уязвимая часть населения, осуществляется вклад в решение социально-значимых проблем, результатом деятельности является социальный эффект. Одним из ключевых аспектов социального предпринимательства является использование бизнес-моделей для решения социальных проблем, что позволяет улучшать качество жизни в регионе и создавать новые рабочие места. Благотворительность в Уфимской губернии и социальное предпринимательство в Республике Башкортостан представляют собой разные подходы к решению социальных проблем, каждый из которых имеет своё историческую характеристику, способы развития и современные тенденции. Оба направления имеют важное значение для улучшения качества жизни населения и могут взаимодействовать, создавая синергетический эффект в решении социальных вопросов. Исследование изменений и осо-

Таблица 1.

Сравнение благотворительности в Уфимской губернии и социального предпринимательства в Республике Башкортостан

Характеристика	Благотворительность в Уфимской губернии	Социальное предпринимательство в Республике Башкортостан
Цель	Осуществление помощи нуждающимся	Решение общественных проблем посредством бизнес-моделей
Основные направления	Помощь детям, пожилым, бедным и больным гражданам	Создание рабочих мест, решение социальных проблем
Методы	Пожертвования, взносы, благотворительные мероприятия	Инновационные подходы, рыночные механизмы и получение прибыли
Историческая характеристика	Тесная связь с религиозными и культурными традициями	Формирование в условиях рыночной экономики
Современные тенденции	Активное волонтерское направление, благотворительные акции	Развитие социальных предприятий, разработка социальных проектов, поддержка со стороны государства

бенностей в социальном предпринимательстве помогает адаптировать законодательство к новым условиям и вызовам, таким как технологические изменения или условия глобализации [18].

Проведенный сравнительно-исторический анализ может быть применен в разработке программ поддержки социальных предпринимателей, дополнении учебных программ в образовательных учреждениях Республики Башкортостан, опираясь на методы, которые оказали существенный эффект на общественные проблемы и имеют положительный опыт в прошлом, и учитывая региональные социальные, экономические и культурные особенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская благотворительность в конце XIX–XX вв. (на примере Уфимской губернии) // Политика и общество, 2013. № 3 (99). С. 345–349.
2. Приказ Автономной некоммерческой организации «Агентство Республики Башкортостан по развитию малого и среднего предпринимательства» от 18.01.2024 № 9 «Об утверждении Регламента оказания услуг Центром «Мой бизнес».
3. Нетесова М.С. О развитии законодательства в сфере социального предпринимательства // Научный журнал «Modern Science». – 2019. - № 9–2. С. 115–120.
4. Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие» // СЗРФ. 29.07.2019. № 30. С. 4147.
5. Ежегодный доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций за 2016 г. М., 2016. С. 5. URL: https://nb-forum.ru/useful/researches/nuzhdaetsya-li-sotsialnoe-predprinimatelstvo-v-obschestvennom-doverii (дата обращения: 19.09.2025).
6. Полтавская М.Б. Развитие социального предпринимательства в России: проблемы определения и основные характеристики // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 4696–4700.
7. Принцип историзма в познании социальных явлений, М. - 1972. - С. 187–199.
8. Сафина Г.Ф. Развитие меценатства в дореволюционном Башкортостане в XIX – начале XX века / Г.Ф. Сафина. // Правовое государство: теория и практика. 2012. №3. С. 109–111.
9. Московская А. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2021. – С. 273–284.
10. Отчет Уфимского попечительного о бедных комитета ведомства Императорского человеколюбивого общества за 1909 г. Уфа: Печатня т-го д-ма Н.К. Блохин и К, 1910. С. 6–7.
11. Буравцов В.Н. Благотворители земли уфимской // Бельские просторы. – 2013. №5 (174). С. 123–129.
12. Отчет о деятельности Уфимского комитета Всероссийского Союза Городов помощи больным и раненым воинам за время с начала возникновения Комитета по 1 ноября. Уфа – 1915. - С. 4–5.
13. Устав Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в низших и начальных училищах Уфимской губернии. Уфа. - 1909. - С. 7–8.
14. Ахметов В.Я., Садыков Р.М. Благотворительная деятельность и социальное предпринимательство в Республике Башкортостан: исторический опыт и современное состояние // ЭНОЖ «История» – 2023. – Том 14. – №5 (127)
15. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: https://ofd.nalog.ru/ (дата обращения: 08.02.2025).
16. Сидоров, Н.И. Социальное предпринимательство и предпринимательство в социальной сфере. М.: Изд. дом ФГБОУВПО «ГУУ», 2015. 80 с.
17. Волкова М.С. Становление социального предпринимательства // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 5. С. 24—29.

18. Социальное предпринимательство: учебное пособие/ А.О. Зубова, Н.А. Волкова, М.О. Скивко. – Самара: Издательство Самарского университета, 2023. – 112 с.

© Халитов Айбулат Айратович (aibulattttt@mail.ru), Сухарева Ирина Виталиевна (ira.sarigel@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.46

БРЕНД ОБЪЕДИНЁННОГО ФРОНТА «ПОПУТЧИКИ НА ДОРОГЕ ИСКУССТВА» КАК ФАКТОР СОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУРНОМУ ВОЗРОЖДЕНИЮ ПРИГРАНИЧНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ[1]

THE "ARTIST'S ROAD" UNITED FRONT BRAND AS A FACTOR IN PROMOTING CULTURAL REVIVAL IN ETHNIC BORDER AREAS

Zhang Wei

Summary: This article examines the role of the "Artist's Road" united front brand, initiated by Heihe University, as a catalyst for the cultural revival of ethnic border areas. Key mechanisms and methods are analyzed, including the integration of the university's resource advantages and innovative activity formats focused on arts education, creativity, cultural heritage preservation, and social service. Particular attention is paid to the practical results of the brand's implementation, demonstrating its social, branding, and demonstration effects in the context of strengthening national unity and promoting sustainable development in ethnic areas.

Keywords: Heihe University, united front, cultural revival, ethnic border areas, arts education, social service, national unity.

Чжан Вэй
профессор, Хэйхэский университет, г. Хэйхэ, КНР
hhxytzb@163.com

Аннотация: В статье рассматривается роль бренда единого фронта «Попутчики на дороге искусства», инициированного Хэйхэским университетом, в качестве катализатора культурного возрождения приграничных этнических районов. Анализируются ключевые механизмы и методы работы, включая интеграцию ресурсных преимуществ университета и инновационные форматы деятельности, направленные на художественное образование, творчество, сохранение культурного наследия и социальное служение. Особое внимание уделяется практическим результатам реализации бренда, демонстрирующим его социальный, брендинговый и демонстрационный эффекты в контексте укрепления национального единства и содействия устойчивому развитию этнических территорий.

Ключевые слова: Хэйхэский университет, единый фронт, культурное возрождение, приграничные этнические районы, художественное образование, социальное служение, национальное единство.

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрастающей значимостью задач по гармонизации межнациональных отношений и сохранению культурного разнообразия в условиях современных вызовов глобализации [1]. Особую важность эти процессы приобретают в приграничных регионах, где вопросы укрепления общенациональной идентичности и одновременного сохранения уникального этнокультурного наследия стоят наиболее остро. В Китае данная проблематика находит своё отражение в реализации масштабной государственной политики, направленной на комплексное развитие этнических территорий, возрождение сельских районов и сохранение нематериального культурного наследия [2]. В этом контексте образовательные организации, в частности высшие учебные заведения, располагающие значительным научным, кадровым и творческим потенциалом, выступают ключевыми акторами социокультурного развития [3].

Хэйхэский университет, являясь единственным вузом на китайско-российском приграничье, реализует уникальную модель взаимодействия с этническими сообществами через создание и продвижение бренда единого фронта «Попутчики на дороге искусства». Данный проект представляет собой практический инструмент интеграции университетских ресурсов в процесс культурного возрождения территорий, что определяет необходимость его системного анализа и обобщения полученных результатов.

Цель работы – анализ механизмов и результатов реализации бренда единого фронта «Попутчики на дороге искусства», инициированного Хэйхэским университетом, для выявления его роли в содействии культурному возрождению, сохранению нематериального наследия и устойчивому развитию приграничных этнических рай-

1 Данная статья представляет собой результаты фундаментального научно-исследовательского проекта провинциальных высших учебных заведений, проведенного Департаментом образования провинции Хэйлунцзян "Исследование теоретических инноваций Объединенного фронта Коммунистической партии Китая после 18-го Национального конгресса" (номер проекта: 2021-KYYWF-0703).

онов.

Объектом исследования выступает деятельность Хэйхэского университета в сфере культурного возрождения приграничных территорий. Предметом является комплекс мероприятий, реализуемых в рамках бренда единого фронта «Попутчики на дороге искусства».

Практическая значимость работы заключается в возможности использования представленной модели и выявленных эффектов для разработки аналогичных программ другими вузами, находящимися в сходных социокультурных условиях.

Выявление и интеграция ресурсных преимуществ

Хэйхэский университет позиционирует развитие сферы литературы и искусства в качестве стратегического направления, нацеленного на стимулирование этнических сел в регионе Хэйхэ. Вузом была разработана и внедрена первая в провинции серия университетских брендов «Попутчики на дороге искусства», а также создан бренд «1246», ориентированный на содействие культурному возрождению приграничных этнических территорий.

Хэйхэский университет, будучи единственным высшим учебным заведением на китайско-российской границе, реализует миссию по подготовке кадров, руководствуясь требованиями к работе единого фронта в новую эпоху. Концентрируясь на тематике сплочения и консолидации, университет точно определяет свою позицию, интегрируется в социально-экономическое пространство Хэйхэ, учитывает региональную специфику, акцентирует дух «служения приграничному региону», реализует университетские функции, включая культурную трансляцию и преемственность, и интегрирует создание бренда единого фронта «Попутчики на дороге искусства» в учебно-воспитательный процесс. Последовательно устанавливаются связи с этническими сёлами, такими как маньчжурско-даурское село Ваньли вдоль реки в городе Суньу и орочонский посёлок Синьшэн, где создаются базы учебной практики, педагогические практики и студенческих стажировок.

Накоплен опыт проведения более 50 мероприятий по «направлению искусства в деревни». Опираясь на научно-исследовательскую базу нематериального культурного наследия провинции Хэйлунцзян, образовательную базу по нематериальному культурному наследию, «Студию Тао Даньдань» и иные площадки, привлекаются наследники нематериального культурного наследия, открываются курсы по орочонской музыке, танцам и музыкальным инструментам. Заявлено и утверждено свыше 100 научно-исследовательских проектов, посвящённых охране традиционной культуры и социально-экономическому развитию, проводятся форумы, посвящённые орочонам, развивается искусство бересты. Осуществляется эффективная работа по сохранению и защите нематериального культурного наследия, что способствует активизации культурной жизни этнических групп в сельской местности Хэйхэ.

Инновации в механизмах работы

Университет фокусируется на укреплении самосознания китайского национального сообщества, консолидирует внутренние и внешние ресурсы, ориентируясь на три института – Институт искусства и дизайна, Институт музыки, Институт гуманитарных наук и медиакоммуникаций, усиливает координацию и взаимодействие, подчёркивая дисциплинарные и специализированные преимущества. Устанавливаются партнёрские отношения с Даляньским университетом национальностей, Отделом единого фронта Муниципального комитета КПК г. Хэйхэ и местными школами для реализации совместных проектов и создания синергетического эффекта. Определены четыре цели: популяризация искусства и художественного образования, художественное творчество и инновации, сохранение и продвижение культуры, социальное служение и вклад.

«Учиться вместе единым сердцем» – идеологическое лидерство. Реализуется роль теоретиков и культурных работников; лекционные группы проводят в этнических сёлах теоретические занятия, популяризируя достижения, историю, китайский дух, национальную политику. Через «единый урок нравственного воспитания», волонтёрскую деятельность, летние социальные практики осуществляется интеграция нравственного воспитания в школах, способствуя консенсусу и объединению усилий.

«Чтение единым сердцем» – воспитание книжной культурой. В ответ на национальную инициативу по чтению укрепляется межвузовское сотрудничество, создаются базы волонтёрской службы, запускаются инициативы по чтению, проводятся акции «отправка книг в школы» для обеспечения молодёжи этнических сел литературой. На основе местной истории и культуры проводятся чтения эссе, углубляя политический консенсус и усиливая культурное влияние единого фронта.

«Концентрический взгляд» – отражение действительности. Используются профессиональные преимущества в области медиа; творческая практика интегрируется с фото- и видеосъёмкой. Проводятся мероприятия по съёмке в этнических сёлах по темам «Национальное единство», «Экология», «Результаты возрождения села», «Совместное развитие», что способствует патриотическому и локальному патриотизму воспитанию.

«Концентрическое творчество и живопись» – художественное оформление. Удовлетворяются потребности этнических сел в развитии; проводятся исследования, интервью, местная этническая культура и художественные ресурсы интегрируются в произведения живописи, скульптуры, дизайна. Разрабатываются упаковка и логотипы с этнической спецификой для местной продукции, повышая её визуальную привлекательность и рыночную конкурентоспособность.

«Пойте и наслаждайтесь единым сердцем» – музыкальное просвещение. Используется сила музыки для поддержки сельского образования. Совместно со школами приграничных районов проводятся благотворительные концерты, создаются музыкальные классы, организуются занятия по развитию музыкальности, хору, народным танцам, что позволяет школьникам познавать музыкальную культуру.

«Охраняя единым сердцем» – художественное наследие. Изучается наследие орочонской культуры. Опираясь на существующие платформы, проводятся исследования языка, песен, танцев, костюмов, обычаев орочонов, искусства бересты. Продолжается учебная практика, участие в культурных мероприятиях с демонстрацией традиционных ремёсел и исполнением песен и танцев, что способствует популяризации нематериального культурного наследия.

Анализ результатов работы

Создание бренда оптимизирует использование университетских ресурсов, активизирует работу на местах, привлекает внепартийную интеллигенцию к участию в деятельности университета и социальном строительстве Хэйхэ, содействуя развитию образования приграничных сел, консолидируя максимально широкие силы [4].

Эффект бренда связан с повышением художественной грамотности населения, создание баз художественного образования, созданием выдающихся произведений на этническую тематику, содействие сотрудничеству и инновациям в сфере искусства [5].

Также проводятся исследование, сохранение и продвижение уникальных культурных традиций через выставки, перформансы, лекции и оказание интеллектуальной поддержки и духовной мотивации для культурного возрождения [6].

Демонстрационный эффект связан с активным распространением опыта и лучших практик бренда; использованием искусства в качестве связующего элемента для усиления эффекта бренда; вовлечением персонала для расширения влияния и охвата, повышения уровня осведомлённости, вовлеченности и доверия к бренду. Разработанные механизм и модель брендинга предоставляют базовые идеи для создания брендов единого фронта в вузах.

Заключение

Проведённый анализ позволяет констатировать, что деятельность Хэйхэского университета по реализации бренда единого фронта «Попутчики на дороге искусства» представляет собой комплексную и эффективную модель содействия культурному возрождению приграничных этнических территорий. В рамках данной модели органично сочетаются образовательная, исследовательская и социально-культурная функции вуза.

Реализация проекта позволила достичь ряда значимых результатов. Во-первых, была обеспечена системная интеграция ресурсов университета с культурным потенциалом этнических районов, таких как орочонский посёлок Синьшэн. Во-вторых, апробированы инновационные форматы работы, сфокусированные на ключевых направлениях, что способствовало как идеологическому сплочению, так и практическому развитию художественной грамотности и сохранению уникального культурного наследия.

Социальный эффект проекта выразился в активизации участия внепартийной интеллигенции в развитии региона, а брендинговый, в создании устойчивой платформы для художественного образования, творчества и популяризации культуры. Демонстрационный эффект заключается в разработке реплицируемой модели бренда единого фронта, которая может быть адаптирована другими вузами, расположенными в аналогичных социокультурных контекстах.

Таким образом, бренд «Попутчики на дороге искусства» доказал свою эффективность в качестве катализатора устойчивого культурного развития, выступая связующим звеном между академической средой и запросами этнических сообществ, и вносит существенный вклад в укрепление национального единства и сохранение культурного разнообразия приграничных регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. О мерах по содействию развитию сельских районов в новую эпоху: постановление Гос. совета КНР от 01 янв. 2023 г.
2. О дальнейшем укреплении работы единого фронта в высших учебных заведениях: циркуляр ЦК КПК от 28 февр. 2022 г.
3. О сохранении и развитии нематериального культурного наследия этнических меньшинств Китая: постановление Гос. совета КНР от 12 авг. 2021 г. № 32.

4. Ли В., Чжан С. Стратегии культурного брендинга университетов в контексте регионального развития // Высшее образование в Китае. – 2022. – № 5. – С. 45–52.
5. Культурная политика и управление наследием в Китае: современные вызовы и практики / под ред. Цзян С. – Пекин: Издательство социальных наук, 2021. – 278 с.
6. Чжан Л. Роль университетов в сохранении нематериального культурного наследия: на примере провинции Хэйлунцзян // Культурология и искусствоведение. – 2023. – Т. 15, № 2. – С. 88–95.

© Чжан Вэй (hhxytzb@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.49

О ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ON THE FORMATION OF CULTURAL SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORY AND PROSPECTS

S. Shukshin
L. Vostriakov

Summary: The purpose of the work is to analyze the formation of cultural sovereignty, which is one of the most important directions of the state cultural policy and at the same time one of the expected results of its implementation. Cultural sovereignty, implemented through state policy, includes protection from external influences and the development of national cultural values, traditions, language, and identity, as well as the preservation of cultural heritage for future generations of Russians. Ensuring the cultural sovereignty of Russia is considered by the authors in the context of the ideology of conservative realism, articulating values that can ensure the further development of the potential of society and the individual, the preservation of civic unity, the protection of national interests, and the achievement of national development goals of the Russian Federation. The research methodology provides for the application of systematic, axiological, and comparative historical approaches, as well as the historical principle of objectivity. Special attention is paid to the analysis of the fundamental documents of Russia's strategic management. The historical analysis of the development of the concept of cultural sovereignty allows the authors to identify the stages of its development, to assert that cultural sovereignty has always been an integral part of the struggle for political and cultural independence, and to argue that in the context of the formation of a multipolar world, the importance of cultural sovereignty increases many times to strengthen the all-Russian civic identity and adapt to civilizational challenges.

Keywords: conservative realism, cultural sovereignty, all-Russian civic identity, spiritual and moral values, threats to the security and sovereignty of the country.

Шукшин Сергей Иванович
кандидат юридических наук, доцент, первый проректор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры
mo21shukshin@mail.ru
Востряков Лев Евгеньевич
доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры
lev-vostriakov@yandex.ru

Аннотация: Цель работы заключается в анализе формирования культурного суверенитета, выступающего одним из важнейших направлений государственной культурной политики и одновременно одним из ожидаемых результатов ее реализации. Культурный суверенитет, реализуемый через политику государства, включает в себя защиту от внешних воздействий и развитие национальных культурных ценностей, традиций, языка и идентичности, а также сохранение культурного наследия для будущих поколений россиян. Обеспечение культурного суверенитета России рассматривается авторами в контексте идеологии консервативного реализма, артикулирующей ценности, способные обеспечить дальнейшее развитие потенциала общества и личности, сохранение гражданского единства, защиту национальных интересов, достижение национальных целей развития Российской Федерации.

Методология исследования предусматривает применение системного, аксиологического и сравнительно-исторического подходов, а также исторический принцип объективности. Особое внимание уделяется анализу основополагающих документов стратегического управления России. Проведенный исторический анализ развития концепции культурного суверенитета позволяет авторам выделить этапы его развития, утверждать, что культурный суверенитет всегда выступал неотъемлемой частью борьбы за политическую и культурную независимость, аргументировать, что в условиях формирования многополярного мира значение культурного суверенитета многократно возрастает для укрепления общероссийской гражданской идентичности и адаптации к цивилизационным вызовам.

Ключевые слова: консервативный реализм, культурный суверенитет, общероссийская гражданская идентичность, духовно-нравственные ценности, угрозы безопасности и суверенитету страны.

В Указе Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» поставлена задача «укрепления государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета», основанного на «традиционных российских духовно-нравственных ценностях и принципах патриотизма, приоритета человека, социальной справедливости и равенства возможностей, обеспечения безопасности государства и общественной безопасности, открытости внешнему миру, экономического развития, основанного на честной конкуренции, предпринимательстве и частной инициативе, высокой эффективности и технологичности» [8]. Способность сохранять суверенитет для такой страны, как наша, «является самым важным», – подчеркнул Президент России В. В. Путин на встрече с сотрудниками атомной отрасли в августе 2025 г., а 2 октября на заседании клуба «Валдай» отмечал, что культурно-историческая, цивилизационная специфика сегодня играет «большую роль, чем когда-либо».

Понятие «суверенитет» – это фундаментальная ха-

рактеристика государства, символизирующая его политико-правовую самостоятельность и независимость, исключительное верховенство государственной власти на всей её территории, а также в международных коммуникациях. Между тем, в XXI веке суверенитет претерпевает важные трансформации. Современная политическая мысль давно вышла за пределы содержания этого понятия времен Жана Бодена (1530–1596) и создает условия для его переформатирования.

С одной стороны, ширится многообразие несостоявшихся государств и территорий, которые становятся объектами формирования нового империализма и утрачивают свой суверенитет, с другой стороны увеличивается количество сфер социальных отношений, которые требуют применения понятия суверенитета. Первоначально суверенитет связывается с понятием монарха и означал полноту его власти в определенных границах. Затем суверенитет характеризует определенный статус народа, и далее нации-государства. Суверенитет проявляется внутри государства в полновластии государственной власти, и вовне государства в его независимости от всякого внешнего источника власти.

В пространстве международных отношений понятие суверенитета соотносится с понятием доминирования. Неравноправные государственные отношения выстраиваются с опорой на такие значимые сферы как: вооруженные силы, экономика, технологии, культура. Доминирование в этих сферах обеспечивает формирование политического влияния на наиболее важные социальные страты общества, особенно молодежь. Противодействие этому влиянию системным образом возможно через обеспечение суверенитета в указанных сферах. Наряду с экономическим суверенитетом в политической системе должен формироваться технологический суверенитет, а также культурный суверенитет. И если первый вид суверенитета очевиден, то последний требует глубокого и тщательного осмысления. Отметим, что проблемы культурного суверенитета интересуют как отечественных, так и зарубежных исследователей [3; 6; 12; 14; 15 и др].

С учётом интеллектуального и индустриального развития общества, глобализации и неизбежной трансформации устоявшихся понятий, в т. ч. «суверенитет» на первый план выходит новый термин – «культурный суверенитет». Это понятие можно охарактеризовать как концепцию, означающую независимость и автономию культуры на национальном уровне. Культурный суверенитет включает в себя защиту национальных культурных ценностей, традиций, языка и идентичности от внешних воздействий, а также сохранение культурного наследия для будущих поколений.

Суверенитет является атрибутом государства. Если анализу подвергается суверенитет, то носителем культурного суверенитета также должно быть и государство-нация-народ, и государство-цивилизация. Нация-народ, являясь источником государственной власти, выступает и источником культуры, формирующей ценности, характер и способ не только своей жизни, но и государства в целом. Культура нации-народа нуждается в своём развитии и защищенности. Культурный суверенитет, реализуемый через политику государства и призван обеспечить культуре защиту и развитие.

Подобно делению суверенитета на внешний и внутренний, можно допустить различение в культурном суверенитете внутреннего и внешнего аспектов. Внутренний культурный суверенитет воплощает верховенство национальных ценностей, репрезентирующих идентичность и традиции национальной культуры. Внешний культурный суверенитет, представляет независимость, уникальность и самобытность национальной культуры.

Исторический аспект понимания культурного суверенитета раскрывает его как важнейшую составляющую национальной идентичности и политической автономии. В разные исторические периоды эта концепция служила инструментом борьбы за независимость, сохранение культурных традиций и защиты от внешних воздействий.

Рассматривая концепции исторического суверенитета, можно выделить следующие этапы его развития:

1. Древний и античный мир

В древних государствах античности (например, Древней Греции, Риме) существовало осознание необходимости защиты уникальной культуры, языка и традиций. Создание уникальной культурной идентичности было ключевым фактором формирования городов-государств. Защита своего языка, традиций и религиозных обрядов имела важное значение для сохранения самобытности.

2. Средневековье

В эпоху феодализма и христианства концепция культурного суверенитета включала защиту религиозных ценностей и культурных традиций церквями и монархами, что способствовало объединению населения вокруг общего духовного наследия. Главным было сохранение церковных и национальных ценностей в условиях междоусобных войн и интервенций.

3. Эпоха национальных государств (XVI–XIX века)

В XVII–XIX веках с формированием национальных государств сформировалось понятие культурной иден-

тичности как неотъемлемой части политической независимости и основы национального суверенитета. В этот период происходила стандартизация языка, литературы, и истории как способ укрепления национальной самобытности, национальной идентификации и сопротивления внешней экспансии (например, борьба за культурную автономию Ирландии, Франции, Германии).

4. Колониализм и борьба за деколонизацию

В XIX–XX веках борьба за культурный суверенитет становилась частью борьбы за политическую независимость. Колониальные империи экспортировали свою культуру, что радикально усиливало необходимость защиты собственной культурной идентичности. Колонизированные народы стремились восстановить и сохранить свои культурные корни, противостоя культурной экспансии колониальных держав. Важной задачей стало восстановление национальных традиций и языка после деколонизации (пример: страны Африки и Азии в XX веке).

5. Современность, глобализация и культурный гегемонизм

В эпоху глобализации наблюдается усиление рисков культурной унификации и появляется необходимость защиты локальных культурных особенностей от унификационных процессов. Страны стремятся регулировать культурную политику, чтобы сохранить свою уникальность и своё культурное наследие. В ответ вызовам современности государства ставят задачу сохранения культурного суверенитета через создание программ поддержки национальных культур, защиты языков и национальных традиций. Эта борьба проявляется в принятии законов, регулировании культурной политики, создании культурных институтов.

Столкновение с чужими культурами требует особой политики. Государство, обладающее культурным суверенитетом, может осуществлять экспансию своей культуры, обеспечивая доминирование на определенном пространстве, либо защищать ее от внешнего воздействия. Экспансия культуры носит, по меньшей мере, двойственный характер. Во-первых, может осуществляться трансляция ценностей, формирующих образцы всемирной культуры. Во-вторых, могут распространяться образцы феноменов массовой культуры, обладающие особой притягательностью.

Вопрос об укреплении культурного суверенитета в нашей стране был поставлен еще в Стратегии национальной безопасности, утвержденной Президентом России в декабре 2015 г., где «обеспечение культурного суверенитета Российской Федерации посредством принятия мер по защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия, осуществление контроля в информационной сфере и недопущение распространения продукции экстремистского содержания, пропаганды насилия, расовой, религиозной и межнациональной нетерпимости» [10] было выделено в ст. 82 среди инструментов, способствующих укреплению национальной безопасности в области культуры.

И, если в ст. 12 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, которую Президент утвердил в декабре 2016 г., о причинах укрепления культурного суверенитета говорилось довольно дипломатично: это «расширение масштабов ... информационного воздействия [со стороны спецслужб отдельных государств, зарубежных средствах массовой информации и др.] на население России, в первую очередь на молодёжь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [4], то уже в ст. 87 обновленной редакции Стратегии национальной безопасности 2021 г. субъекты, осуществляющие «активные нападки на российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности» были названы предельно конкретно: это – «США и их союзники» [11].

Обновленная Стратегия государственной культурной политики предлагает целый комплекс мер, направленных на укрепление культурного суверенитета России как факторов, обеспечивающих устойчивое развитие, территориальную целостность и национальную безопасность страны, включая «защиту российского общества от деструктивного иностранного информационно-психологического воздействия, распространения псевдо гуманистических и иных неолиберальных идеологических установок, создающих угрозы безопасности и суверенитету страны в сфере культурного развития» [9].

И это не случайно: еще в стратегии национальной безопасности США 2017 г. Россия была названа «ревизионистской державой», которая согласно заявлению представителя администрации президента США, «желает изменить сложившийся в мире статус-кво». В статье, опубликованной 1 октября 2024 года в журнале «Внешняя политика», ее автор – в ту пору государственный секретарь США Энтони Дж. Блинкен откровенно утверждал, что, по его мнению, цель России «бросить вызов Соединённым Штатам и международной системе», следовательно, мировому гегемону и их союзникам «нужно действовать решительно, чтобы предотвратить такой исход». Годом ранее, Блинкен заявлял, что «руководствуясь чувством *просвещенного* личного интереса, которое уже давно вдохновляет руководство США в его лучших проявлениях», американское правительство берет под контроль международные организации, из которых Россия «будет вытесняться … на обочину».

Россия, несомненно, не собирается «бросать вызов США», более того, формирование нового миропорядка – процесс объективный. «Государства мирового большинства, частью которого является и Россия, как отмечал В.В. Путин, – убеждены, что всеобщий мир и всеобъемлющее развитие могут быть обеспечены только на основе учёта мнения каждого народа, при уважении права каждого государства на свой суверенный курс, на своё мировоззрение, на свои традиции и религиозные представления».

Тем не менее, откровения высокопоставленного американского чиновника свидетельствуют, насколько обоснованно в Стратегии национальной безопасности 2021 г. указаны факторы, которые усиливают угрозу утраты Российской Федерацией как своего внутреннего, так и внешнего культурного суверенитета. Первые – это «насаждение чуждых идеалов и ценностей, осуществление без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений реформ в области образования, науки, культуры, религии, языка и информационной деятельности» [11]. Они «разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности» (ст. 86) [11]. А вторые: «информационно-психологические диверсии и "вестернизация" культуры» (ст. 88) [11].

В обновленной в 2023 году редакции Основ государственной культурной политики, впервые дается определение культурного суверенитета, который рассматривается как «совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищенными от деструктивного идеологического и информационного воздействия, сохранять историческую память, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (разд. III) [7]. При этом «обеспечение культурного суверенитета» объявлено одной из целей государственной культурной политики (разд. IV) [7] и одновременно одним из ожидаемых результатов ее реализации (разд. VIII) [7].

Подобное повышение значения культурного суверенитета в настоящее время, по оценке известных отечественных политологов, следует рассматривать как важнейшую тенденцию первой фазы деглобализации современного мира, а в условиях пост глобального мира культурный суверенитет станет «одним из наиболее важных компонентов национального суверенитета» [5, с. 130, 141]. А потому исследователи прогнозируют возрастание значения «механизма реализации "идеологического" наполнения» [5, с. 132] культурного суверенитета, прежде всего, такой его составляющей как цивилизационная идентичность.

В российской политической системе, согласно Конституции РФ, идеология не может носить государственного характера. Но, поскольку в обеспечении культурного суверенитета особую роль играет идеологическая составляющая, то «ничто не мешает ей существовать и развиваться в форме живого духовного образования, набирающего силу, определенность, устойчивость в противоборстве с реально конкурирующими идеологиями в коммуникативном дискурсе» [1, с. 17].

Государственная культурная политика провозглашает своей целью «формирование гармонично развитой личности, разделяющей традиционные российские духовно-нравственные ценности, и укрепление единства и сплоченности российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития», «передачу от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения» [7]. Именно это позволяет защищать их в качестве ценностных и нравственных ориентиров общества и государства.

Подобный подход, на наш взгляд, в полной мере соответствует тому, что имел в виду Президент, когда в сентябре 2013 года в интервью Первому каналу и агентству Ассошиэйтед Пресс назвал себя «прагматиком с консервативным подходом» и пояснил, что «консерватизм – это совсем не значит застой. Консерватизм – это значит опора на традиционные ценности, но с обязательным элементом, нацеленным на развитие». А, выступая на XVIII ежегодном заседании международного дискуссионного клуба «Валдай», подчеркнул, что «консервативный подход – не бездумное охранительство, не боязнь перемен и не игра на удержание, тем более не замыкание в собственной скорлупе». Наоборот, «это прежде всего опора на проверенную временем традицию, сохранение и приумножение населения, реализм в оценке себя и других, точное выстраивание системы приоритетов, соотнесение необходимого и возможного, расчётливое формулирование цели, принципиальное неприятие экстремизма как способа действий». И это принципиальная концептуальная позиция.

Несмотря на то, что «цивилизованный Запад» пытается навязать всему миру модель тоталитарного либерализма, распространяющую практику запретов «на политику, культуру, образование, искусство – на все сферы общественной жизни в западных странах», «народы большинства стран не хотят такой жизни и такого будущего, а действительно стремятся не к формальному, декоративному, а к содержательному, настоящему суверенитету». Консерватизм, напротив, признает глубокую социальную обусловленность мышления и различных типов рациональности, связанных с культурными и историческими обстоятельствами. Для него значимыми остаются духовные феномены и события, которые не

поддаются утилитарному приспособлению к современным нуждам.

Идеология консервативного реализма осознанно артикулирует ценности, которые обеспечивают культурный суверенитет нашего государства [1]. Стержнем новой государственной культурной политики становится утверждение центрального положения культуры в развитии общества, «обеспечить дальнейшее развитие потенциала общества и личности, сохранение гражданского единства, защиту национальных интересов, достижение национальных целей развития Российской Федерации» [7]. В современной многонациональной и многоконфессиональной России учитывая неизбежные процессы социально-политических изменений вопрос взаимоотношений между государством, обществом и религиозными объединениями (традиционными конфессиями) приобретает особенно важную роль. Придание этому вопросу высокого значения связано с тем, что срочно, уже сегодня требуется решать задачи историко-культурного характера, политико-правовых и мировоззренческих аспектов жизни нашего государства и общества [13].

С учётом безусловной значимости вопросов сохранения культурного суверенитета необходимо определить следующие цели культурной политики:

— защита и развитие национальных культурных традиций и языка;
— поддержка культурных инициатив и сферы искусства;
— обеспечение доступа к культурным ресурсам для всех граждан;
— популяризация и сохранение культурного наследия;
— формирование гражданской идентичности через культурные программы.

В процессе своей реализации государственная политика должна стать основанием для развития других сфер деятельности и институтов государства: «государственная культурная политика призвана обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны, укрепление общероссийской гражданской идентичности, единства и сплоченности российского общества, повышение качества жизни в Российской Федерации» [7].

Исторический опыт показывает, что культурный суверенитет всегда связывался с вопросами политической и идентичностной независимости, был неотъемлемой частью борьбы за политическую и культурную автономию. Он служил инструментом национального самосохранения и укрепления идентичности, особенно в периоды политических и социальных перемен. В условиях современных трансформаций формирования многополярного мира его роль усилилась, став важнейшей целью государственной культурной политики для укрепления национальной самобытности и адаптации к цивилизационным вызовам.

Именно поэтому формирование российской гражданской идентичности выступает в качестве приоритетной ценностной ориентации специалистов социально-культурной деятельности, подготовка которых ведется на базе вузов культуры и искусства, в том числе и в Санкт-Петербургском государственном институте культуры. Способность будущих выпускников идентифицировать себя в национально-культурном и социальном плане, разделять ключевые ценности отечественной культуры, осознавать культурный код российской цивилизации и доминировать в борьбе за культурный суверенитет, идеологические позиции государства задает вектор подготовки менеджеров социально-культурной деятельности, прежде всего, как активных субъектов социокультурной инициативы и государственной культурной политики [2, с. 19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Востряков Л.Е., Волков В.А. Консервативное измерение вектора культурной политики // Культура и образование. 2023. № 3. С. 15–22.
2. Востряков Л.Е. Сохранение традиционной народной культуры – вектор государственной культурной политики // Сборник статей Круглого стола «Традиционная народная культура как приоритет региональной культурной политики». – Мурманск, 2024. С. 13–21.
3. Голобородько А.Ю., Понеделков А.В., Стеценко В.В. Актуальные направления государственной культурной политики в контексте укрепления культурного суверенитета современной России: монография. – Ростов-на-Дону, 2019. 140 с.
4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 05 декабря 2016 г. №646 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.
5. Евстафьев Д.Г., Межевич Н.М. Постфестфальский суверенитет в постглобальном мире / Д.Г. Евстафьев, // Политическая наука. 2022. № 4. С. 121–144. – DOI: http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.06
6. Малахов В.С. Национальное государство, Национальная культура и культурный суверенитет // Вопросы философии. 2011. №9. С. 87–95.
7. О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808: утв. Указом Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. №5. Ст. 777.
8. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: утв. Указом Президента РФ от 07 мая

2024 г. № 309 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584.
9. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. №2501-р. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. №38. Ст. 5715.
10. Стратегия национальной безопасности: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. №683 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1, ч. 2. – Ст. 212.
11. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27. Ст. 5351.
12. Черняховский С.Ф., Черняховская Ю.С. Вызовы и угрозы культурному суверенитету Российской Федерации и меры по противодействию им // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации. Сборник материалов круглого стола. – Москва, 2021. С. 657–669.
13. Шукшин С.И. Гражданско-патриотическое воспитание в парадигме традиционных конфессий // Гражданско-патриотическое воспитание: потенциал, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Саранск, 2023. С. 244–251.
14. Bayefsky A.F. Cultural Sovereignty, Relativism, and International Human Rights: New Excuses for Old Strategies // Ratio Juris. An International Journal of Jurisprudence and Philosophy of Law Founded by Enrico Pattaro. 1996. Vol. 9. № 1. P. 42–59. – DOI: https://doi.org/10.1111/j.1467-9337.1996.tb00225.x
15. Mulcahy K.V. Cultural Imperialism and Cultural Sovereignty: U.S.-Canadian Cultural Relations // The Journal of Arts Management, Law, and Society. 2002. V. 31. № 4 P. 265–278. – DOI: 10.1080/10632920209597929

© Шукшин Сергей Иванович (mo21shukshin@mail.ru), Востряков Лев Евгеньевич (lev-vostriakov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.03

АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИГРОКОВ ЖЕНСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ СБОРНОЙ ПО ФУТЗАЛУ

ANALYSIS OF COMPETITIVE PERFORMANCE INDICATORS OF THE WOMEN'S STUDENT FUTSAL TEAM PLAYERS

O. Antipov
V. Lutsyuk
R. Gezha

Summary: This article presents the results of an analysis of competitive performance indicators for players of a women's university futsal team. The data were obtained using digital sensors embedded in shin guards. The findings of the study can be used by coaches of student teams to optimize training planning, manage workload during the competitive period, and foster the individual development of players' physical fitness and technical skills based on objective quantitative data.

Keywords: football, digital sensors, futsal, competitive activities, university sports.

Антипов Олег Владимирович
кандидат биологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА имени К.И. Скрябина
antipov_ov@bk.ru
Луцюк Владимир Евгеньевич
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
lustyk@mail.ru
Гежа Роман Валерьевич
старший преподаватель,
ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА имени К.И. Скрябина
gezha.r@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены результаты анализа показателей соревновательной деятельности игроков женской студенческой сборной по футзалу, полученных с помощью цифровых датчиков, встроенных в щитки. Результаты исследования могут быть использованы тренерами студенческих команд для оптимизации планирования подготовки, управления нагрузкой в соревновательном периоде и индивидуального развития физической подготовленности и технических навыков игроков на основе объективных количественных данных.

Ключевые слова: футбол, цифровые датчики, футзал, соревновательная деятельность, студенческий спорт.

Современный спорт, включая студенческий и любительский, характеризуется интенсивным применением различных технологий в процессе подготовки и анализа к соревнованиям. Футзал, будучи динамичным и интенсивным видом спорта, имеющий ограниченное пространство и постоянно меняющиеся игровые ситуации, предъявляет к игрокам особые требования к скорости и силе, координации, технико-тактическому мышлению и функциональной подготовленности [1,3,6].

Традиционные методы визуального наблюдения, педагогического контроля и ручного хронометража зачастую не обладают достаточной объективностью, полнотой и оперативностью для анализа сложной игровой нагрузки и отдельных технических действий. Поэтому внедрение беспроводных носимых датчиков, предоставляющих высокочастотные данные в режиме реального времени, открывает новые возможности для объективной диагностики и управления тренировочным процессом [4].

В последние годы цифровые технологии, такие как глобальные системы позиционирования (GPS, ГЛОНАС), инерциальные измерительные устройства (IMU) и локальные системы позиционирования (LPS), стали стандартом в профессиональном футболе для мониторинга нагрузок. Однако их применение в футзале, особенно на студенческом уровне, сопряжено с рядом специфических проблем и остаётся недостаточно изученным [10].

Основные проблемы заключаются в особенностях площадки, характере нагрузок, техническом арсенале и организационных возможностях [7]. Небольшие игровые пространства и высокая интенсивность изменения направления движения ограничивают эффективность систем GPS в помещениях, делая актуальным технологии на основе IMU-датчиков [11]. В футзале преобладают короткие взрывные спринты, резкие остановки, прыжки и удары, что требует анализа не только метрических, но

и кинетических параметров. Ключевое значение приобретает оценка асимметрии (работа левой и правой ноги), точность и сила ударов, которые ранее были доступны только в лабораторных условиях [6].

Студенческий спорт часто имеет ограниченные ресурсы, поэтому важна практическая применимость и экономическая эффективность технологий, таких как специализированные умные щитки с датчиками [9].

Влияние представленных технологий на тренировочный и соревновательный процессы многогранно. Во время учебно-тренировочных занятий они позволяют индивидуализировать тренировочные нагрузки на основе объективных данных, контролировать утомление и предотвращать перетренированность, оценивать эффективность конкретных упражнений, стимулировать мотивацию спортсменов благодаря мгновенной обратной связи [8].

В соревновательном процессе анализ данных позволяет выявлять индивидуальные и командные паттерны результативности, оценивать реализацию плана игры в реальных условиях, проводить послематчевые разборы на основе цифровых данных, создавать базу данных для долгосрочного отслеживания прогресса игроков [2,5].

Цель исследования – провести комплексный анализ показателей соревновательной деятельности игроков женской студенческой сборной по футзалу с использованием цифровых датчиков, встроенных в щитки.

Гипотеза исследований предполагала, что целенаправленная модернизация тренировочного процесса с использованием цифровых датчиков позволит выявить корреляционные связи между различными цифровыми показателями и эффективностью игровых действий.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось на базе студенческого спортивного клуба Московской ветеринарной академии. В исследовании приняло участие 16 студенток, входящих в состав сборной по футзалу, в возрасте от 18 до 22 лет. Все участники дали информированное согласие.

Все испытуемые не имели противопоказаний к интенсивным физическим нагрузкам. Продолжительность исследования составила 10 игровых недель.

Применялись «умные» щитки с датчиками, которые рассчитывают следующие показатели: дистанция, средний темп, максимальная скорость, количество спринтов, баланс использования ног, количество резких поворотов, высота прыжков, сила удара. Датчики крепились в специальное отверстие на щитках, данные фиксировались с помощью приложения на телефоне.

Статистическая обработка агрегированных показателей осуществлялась с помощью программного пакета Statistica.

Результаты и их обсуждение

Показатели соревновательной деятельности игроков женской студенческой сборной по футзалу представлены в таблице 1. Данные собраны в течение 10 официальных матчей университетской лиги.

Анализ результатов показал высокую вариативность в зависимости от амплуа. Вратари и защитники показали меньшее значение, а универсалы и нападающие - большее. В среднем за матч игроки преодолевали дистанцию свыше 3500 м. Небольшая общая дистанция компенсируется очень высоким средним темпом и большим количеством взрывных действий.

Средний темп был на уровне 85 м/мин. Это обусловлено небольшим пространством и уровнем интенсивности женского студенческого футзала.

Максимальная скорость была на уровне 6,5 м/с, что обусловлено ограниченным пространством и необходимость постоянной смены движения. Количество резких поворотов у каждого игрока за матч доходит до 45.

Анализируя баланс использования ног, можно сделать вывод о том, что имеется явный перевес в сторону ведущей ноги (у левшей более выражено). У правшей соотношение – 70 % к 30%, а у левшей – 85 % к 15%. Явный дисбаланс в использовании ног подтверждает необходимость целенаправленной тренировки слабой ноги для повышения вариативности игры.

Таблица 1.

Показатели соревновательной деятельности игроков женской студенческой сборной по футзалу (средние значения за матч, n=16).

1	Дистанция (общая), м	3550,0 ± 450,0
2	Средний темп, м/мин	85,2 ± 10,1
3	Максимальная скорость, м/с	6,2 ± 0,3
4	Количество спринтов	25,0 ± 8,0
5	Баланс использования ног (правши/левши), %	70/30 85/15
6	Количество крутых поворотов	43,0 ± 11,0
7	Высота прыжков (средняя/максимальная), см	18,2 ± 3,1 / 31,4 ± 5,6
8	Максимальная сила удара, кг	142,8 ± 14,4

Хотя в футзале реже используются длинные передачи, игроки все же играют головой и ведут верховую борьбу. Высота прыжков в среднем была на уровне 18 см, а максимальные значения доходили до 30 см.

Показатели крутых поворотов и высоты прыжков являются уникальными для футзала и должны стать важной составляющей для специальной физической подготовки.

Сила удара зависела от частоты передач мяча и количества ударов по воротам. В среднем максимальная сила удара превысили 140 кг.

Целенаправленная модернизация тренировочного процесса с использованием цифровых датчиков позволила выявить корреляционные связи между различными цифровыми показателями и эффективностью игровых действий.

Заключение

Анализ показателей соревновательной деятельности игроков женской студенческой сборной по футзалу заключался в применении комплексной системы датчиков на щитках для одновременной оценки как двигательной, так и технической нагрузки непосредственно в условиях соревнований по футзалу среди студенток. Полученные данные позволят сформировать научно обоснованные профили нагрузок, характерные для женского студенческого футзала.

Результаты исследования могут быть использованы тренерами студенческих команд для оптимизации планирования подготовки, управления нагрузкой в соревновательном периоде и индивидуального развития технических навыков игроков на основе объективных количественных данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипов О.В. Влияние занятий футболом на личностные и психофизиологические характеристики студентов непрофильного вуза / О.В. Антипов. – Москва: Академия Принт, 2024. – 132 с. – ISBN 978-5-605-31862-0. – EDN TBRQUG.
2. Антипов О.В. Интегральный показатель величины воздействия тренировочных нагрузок в процессе подготовки студентов-футболистов аграрного вуза / О.В. Антипов, А.М. Сурков, Л.А. Нюрксне // Актуальные проблемы ветеринарной медицины, зоотехнии, биотехнологии и экспертизы сырья и продуктов животного происхождения: Сборник трудов 3-й Научно-практической конференции, Москва, 28 июня 2024 года. – Москва: ООО "Издательство "Сельскохозяйственные Технологии", 2024. – С. 560–561. – EDN LDXYFT.
3. Антипов О.В. Особенности психофизиологических характеристик студентов, занимающихся футболом в непрофильном вузе / О.В. Антипов, Т.А. Сидоренко, М.С. Лукова // Культура физическая и здоровье. – 2022. – № 3(83). – С. 53–57. – DOI 10.47438/1999–3455_2022_3_53. – EDN KZPLRF.
4. Антипов О.В. Оценка интегрального уровня физической подготовленности девушек непрофильного вуза, занимающихся футболом / О.В. Антипов, А.М. Сурков, Е.Ю. Суханова // Состояние, проблемы и перспективы развития физической культуры и спорта в аграрных вузах России : Сборник материалов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию образования Алтайского государственного аграрного университета, Барнаул, 21–22 сентября 2023 года. – Барнаул: Алтайский государственный аграрный университет, 2023. – С. 9–12. – EDN VDYSST.
5. Антипов О.В. Показатели соревновательной деятельности студентов-футболистов непрофильного вуза / О.В. Антипов, Л.А. Нюрксне, Л.С. Карсека // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук: сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 13–14 сентября 2022 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2022. – С. 7–10. – EDN UYMPBM.
6. Антипов О.В. Применение разновидностей футбола в процессе физического воспитания студентов аграрного вуза: методические рекомендации / О.В. Антипов, Р.В. Гежа, М.В. Куликова. – Москва: ООО «Академия Принт», 2025. – 40 с. – EDN YPEIPO.
7. Антипов О.В. Структура тренировочных нагрузок в подготовительном периоде сборной команды аграрного вуза по футболу / О.В. Антипов, В.Е. Луцюк, Ю.Л. Першин // Актуальные проблемы ветеринарной медицины, зоотехнии, биотехнологии и экспертизы сырья и продуктов животного происхождения: Сборник трудов 3-й Научно-практической конференции, Москва, 28 июня 2024 года. – Москва: ООО "Издательство "Сельскохозяйственные Технологии", 2024. – С. 557–559. – EDN JPGTQV.
8. Антипов О.В. Уровень физической подготовленности студентов-футболистов непрофильного вуза / О.В. Антипов, Л.А. Нюрксне // Перспективные направления в области физической культуры, спорта и туризма аграрных вузов России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Орел, 24–26 октября 2018 года. – Орел: Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина, 2018. – С. 17–21. – EDN YNDZEL.
9. Антипов О.В. Формирование личности студента при помощи игровых видов спорта (на примере футбола) / О.В. Антипов, Е.Ю. Суханова, Р.В. Гежа // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 3. – С. 32–37. – DOI 10.37882/2223–2982.2021.03.02. – EDN NFARCL.
10. Антипов О.В. Цифровые технологии в студенческом футболе / О.В. Антипов, Е.Ю. Суханова, В.Е. Луцюк // Право, история, педагогика и современность: Сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 30–31 января 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2024. – С. 18–21. – EDN OZMCPA.
11. Другова А.Р. Применение современных технологий в студенческом футболе / А.Р. Другова, Ю.А. Ковалева // Актуальные вопросы современных научных

исследований: сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 февраля 2024 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. – С. 254–256. – EDN GHNLME.

© Антипов Олег Владимирович (antipov_ov@bk.ru), Луцюк Владимир Евгеньевич (lustyk@mail.ru),
Гежа Роман Валерьевич (gezha.r@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.04

ПРИМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО КОНТРОЛЯ ДВИГАТЕЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ БЕГУНОВ НА СРЕДНИЕ ДИСТАНЦИИ В АГРАРНОМ ВУЗЕ

APPLICATION OF AN INTEGRATED MOTOR ABILITIES MONITORING SYSTEM FOR MIDDLE-DISTANCE RUNNERS IN AN AGRICULTURAL UNIVERSITY

O. Antipov
E. Sukhanova
M. Kulikova

Summary: This article presents the results of implementing an integrated motor abilities monitoring system for middle-distance runners at an agricultural university. The application of this system allows for the individualization of training loads and the optimization of the work-to-recovery ratio. In the context of combining athletic and academic activities, this approach helps prevent overtraining and promotes the growth of athletic performance.

Keywords: running, middle-distance, integrated monitoring, motor abilities, agricultural university.

Антипов Олег Владимирович
кандидат биологических наук, доцент, ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА имени К.И. Скрябина
antipov_ov@bk.ru
Суханова Елена Юрьевна
кандидат биологических наук, доцент, ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА имени К.И. Скрябина
lena.suxanova@yandex.ru
Куликова Мария Викторовна
преподаватель, ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина marikulikova93@gmail.com

Аннотация: В статье представлены результаты применения системы комплексного контроля двигательных возможностей бегунов на средние дистанции в аграрном вузе. Применение системы позволяет индивидуализировать тренировочные нагрузки, оптимизировать соотношение работы и восстановления, что в условиях совмещения спортивной и академической деятельности способствует предотвращению перетренированности и росту спортивных результатов.

Ключевые слова: бег, средние дистанции, комплексный контроль, двигательные возможности, аграрный вуз.

Современная подготовка в циклических видах спорта, к которым относится бег на средние дистанции, характеризуется высокой интенсивностью тренировочных нагрузок и необходимостью их тонкой индивидуализации. Эффективность тренировочного процесса напрямую зависит от точности оценки текущего состояния спортсмена и его адаптации к нагрузке. Традиционные формы контроля (учет объемов и интенсивности, текущее хронометрирование) часто носят констатирующий характер и не всегда отражают глубинные адаптационные изменения в организме [2,3].

Анализ современных исследований подтверждает, что прогресс в видах спорта на выносливость достиг предела, за которым экстенсивное наращивание объемов тренировочной нагрузки перестает давать адекватный прирост спортивного результата и существенно повышает риск возникновения состояния перетренированности. Это актуализирует поиск качественных, индивидуализированных подходов к управлению подготовкой. В контексте бега на средние дистанции, требующего уникального сочетания мощных аэробных и анаэробных возможностей, экономичной техники и высокой нервно-мышечной эффективности, задача контроля становится особенно многогранной [5,6].

В научно-методической литературе достаточно глубоко разработаны частные аспекты контроля. Так, методы оценки аэробной производительности (МПК, ПАНО) с использованием газоанализатора и лактатометрии являются «золотым стандартом» в физиологии спорта. Исследования в области биомеханики подчеркивают важность контроля экономичности бега и параметров шага [1,8].

Биомеханический аспект контроля заслуживает отдельного рассмотрения, так как именно техника бега определяет эффективность преобразования метаболической энергии в поступательное движение. Исследования в области спортивной биомеханики доказывают тесную связь между экономичностью бега и такими параметрами, как жесткость опорно-двигательного аппа-

рата, минимальные вертикальные колебания общего центра массы, оптимальное соотношение длины и частоты шага. Контроль этих параметров позволяет выявлять технические погрешности, ведущие к излишним энерготратам, что критично для дистанций, где результат решают секунды [6,9].

В то же время, работы, посвященные подготовке бегунов в условиях вуза, в том числе аграрного, часто фокусируются на общих вопросах физического воспитания и оздоровительной тренировки, оставляя без внимания специфику построения тренировочного процесса для спортивного совершенствования в избранном виде легкой атлетики [1,4,7].

Таким образом, в теории и практике существует противоречие между объективной потребностью в комплексной системе контроля, объединяющей физиологический, биомеханический и функциональный компоненты подготовки бегуна на средние дистанции, и преобладанием фрагментарных, узкоспециализированных протоколов оценки, а также недостатком исследований по адаптации таких систем к условиям учебно-тренировочного процесса в вузе, где спортсмены совмещают нагрузку с академической деятельностью.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью разрешения данного противоречия. Системный подход, интегрирующий данные физиологической, биомеханической и функциональной диагностики в единый управленческий алгоритм, рассматривается как перспективный путь оптимизации подготовки.

Целью исследования явилось теоретическое обоснование и экспериментальная проверка эффективности системы комплексного контроля двигательных возможностей в подготовке бегунов на средние дистанции в условиях аграрного вуза.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось в течение 6 месяцев на базе Московской ветеринарной академии. В нем приняли участие 20 студентов-бегунов на средние дистанции (возраст 19–24 года). Спортсмены методом попарного отбора (по результату, опыту, возрасту) были разделены на контрольную (КГ) и экспериментальную (ЭГ) группы по 10 человек в каждой. Тренировочные объемы и общая направленность нагрузок в группах были идентичны. Отличие заключалось в том, что для ЭГ применялась разработанная система комплексного контроля, данные которого использовались для еженедельной коррекции микроциклов с учетом академической нагрузки.

В работе использовались следующие методы исследования:

1. *Теоретические*: анализ и обобщение научно-методической литературы.
2. *Педагогические*: педагогическое тестирование - контрольные беговые упражнения (КБУ) – 600 м, 1000 м, 2000 м; тест «6 х 300 м» с фиксацией времени и ЧСС восстановления; прыжковые тесты (прыжок вверх с места, «drop jump» для оценки реактивной силы).
3. *Медико-биологические*: эргоспирометрия на тредмиле с определением МПК, ПАНО, экономичности бега; лактатометрия в покое и после ступенчатой нагрузки; мониторинг вариабельности сердечного ритма (ВСР) для оценки состояния регуляторных систем.
4. *Биомеханические методы*: высокочастотная (240 Гц) видеосъемка техники бега на беговой дорожке или стадионе при стандартной субмаксимальной скорости (соответствующей индивидуальному ПАНО). Последующий анализ для определения длины (L) и частоты шага (f); расчет индекса вертикальных колебаний (ИВК) как отношение вертикального смещения отметки на тазе (по видеоанализу) к длине шага (%); оценка жесткости пружинного аппарата косвенно через результат в тесте «drop jump» (высота отскока).
5. *Методы математической статистики*: проверка нормальности распределения с помощью критерия Шапиро-Уилка; для сравнения данных внутри групп (до и после) применялся t-критерий Стьюдента для зависимых выборок, для сравнения между группами – для независимых выборок.

Результаты и их обсуждение

В результате педагогического эксперимента была разработана и внедрена система комплексного контроля, основанная на структурной модели, включающей четыре взаимосвязанных блока: специальная выносливость, скоростно-силовые возможности, биомеханическая эффективность, функциональное состояние.

Динамика ключевых показателей в контрольной (КГ) и экспериментальной (ЭГ) группах до и после 16-недельного тренировочного мезоцикла представлена в таблицах 1–3.

Анализ данных свидетельствует о более выраженной положительной динамике всех ключевых показателей в экспериментальной группе (контрольные тестирования, МПК и ПАНО, уровень лактата). Результат тестирования на 800 м в конце опыта в экспериментальной группе улучшился на 1,6%. Более чем на 4% улучшились показатели МПК и ПАНО. Уровень лактата после тестирования 6х300 м в конце исследования в экспериментальной группе был ниже, чем в контрольной на 0,7 ммоль/л.

Таблица 1.

Динамика показателей специальной выносливости и спортивного результата у бегунов КГ и ЭГ (M ± SD).

Результат теста на 800 м, с	КГ	117,6 ± 1,9	116,9 ± 1,7	-0,6%
	ЭГ	117,4 ± 1,8	115,6 ± 1,5*	-1,6%
МПК, мл/мин/кг	КГ	67,9 ± 3,5	68,8 ± 3,1	+1,3%
	ЭГ	68,1 ± 3,2	71,3 ± 2,9*	+4,7%
Скорость на уровне ПАНО, м/с	КГ	4,70 ± 0,23	4,78 ± 0,20	+1,7%
	ЭГ	4,72 ± 0,21	4,91 ± 0,18*	+4,0%
Уровень лактата после теста 6х300 м, ммоль/л	КГ	10,8 ± 1,2	10,5 ± 1,1	-2,8%
	ЭГ	0,9 ± 1,3	9,8 ± 0,9*	-10,1%

Примечание: * статистически значимые различия между группами в конце эксперимента (p <0.05).

Таблица 2.

Динамика показателей скоростно-силовых возможностей и функционального состояния (M ± SD).

Прыжок вверх с места, см	КГ	48,2 ± 3,1	49,1 ± 2,9	+1,9%
	ЭГ	47,9 ± 3,3	51,8 ± 2,7*	+8,1%
Индекс реактивной силы (Drop Jump), у.е.	КГ	1,52 ± 0,15	1,55 ± 0,14	+2,0%
	ЭГ	1,51 ± 0,16	1,65 ± 0,12*	+9,3%
Показатель SDNN (ВСР), мс	КГ	65,0 ± 12,0	62,0 ± 10,0	-4,6%
	ЭГ	64,0 ± 11,0	75,0 ± 9,0*	+17,2%
Время восстановления ЧСС после нагрузки, с	КГ	125,0 ± 15,0	120,0 ± 14,0	-4,0%
	ЭГ	126,0 ± 16,0	108,0 ± 12,0*	-14,3%

Примечание: * статистически значимые различия между группами в конце эксперимента (p <0.05).

Таблица 3.

Динамика биомеханических показателей техники бега на скорости ПАНО (M ± SD).

Длина шага (L), м	КГ	1,85 ± 0,08	1,87 ± 0,07	+1,1%
	ЭГ	1,84 ± 0,09	1,92 ± 0,06*	+4,3%
Частота шага (f), Гц	КГ	3,12 ± 0,10	3,10 ± 0,09	-0,6%
	ЭГ	3,13 ± 0,11	3,14 ± 0,08	+0,3%
Индекс вертикальных колебаний (ИВК), %	КГ	8,5 ± 1,2	8,3 ± 1,1	-2,4%
	ЭГ	8,6 ± 1,3	7,4 ± 0,9*	-14,0%
Скорость на ПАНО (V), м/с	КГ	4,70 ± 0,23	4,78 ± 0,20	+1,7%
		4,72 ± 0,21	4,91 ± 0,18*	+4,0%

Примечание: * статистически значимые различия между группами в конце эксперимента (p <0.05).

По итогам анализа показателей скоростно-силовых возможностей и функционального состояния студентов-бегунов можно сделать вывод о том, что прыжка в длину с места в ЭГ был выше в среднем на 5%, чем в КГ, как и индекс реактивной силы (на 0,1 у.е.). В конце проведенного исследования спортсменам ЭГ время восстановление требовалось меньше, а вариабельность сердечного ритма повысилась на 17,2%, что указывает на улучшение адаптивности организма.

Улучшение реактивной силы способствовало как росту длины шага, так и, вероятно, снижению времени контакта с опорой. Система контроля позволила эффективно дозировать нагрузку и избегать кумулятивного утомления, что особенно важно в условиях совмещения спорта и учебы в вузе.

Биомеханические данные дают качественное объяснение всем улучшениям. У спортсменов ЭГ произошла значимая оптимизация структуры бегового шага: длина шага на стандартной скорости (ПАНО) увеличилась на 4,3% при сохранении частоты, что указывает на рост силового компонента отталкивания. При этом индекс вертикальных колебаний снизился на 14,0%, что демонстри-

рует повышение эффективности техники. Увеличение скорости на уровне ПАНО (V) в ЭГ при снижении ИВК и увеличении длины шага прямо свидетельствует о росте экономичности бега.

Полученные результаты подтверждают эффективность разработанной системы комплексного контроля. Более выраженный прирост результатов в экспериментальной группе обусловлен не просто большим объемом работы, а ее целенаправленной коррекцией на основе объективных данных.

Заключение

Увеличение длины шага и снижение вертикальных колебаний напрямую коррелирует со снижением лактата после стандартной интервальной работы и повышением скорости на ПАНО. Это подтверждает, что улучшение биомеханической эффективности (экономичности) привело к снижению метаболической стоимости бега.

Рост прыжковых показателей в ЭГ является следствием контроля за этим компонентом и своевременного включения в микроциклы соответствующих упражнений. Улучшение реактивной силы способствовало как росту длины шага, так и, вероятно, снижению времени контакта с опорой.

Положительная динамика показателей ВСР и времени восстановления ЧСС в ЭГ (при тенденции к ухудшению в КГ) свидетельствует, что система контроля позволила эффективно дозировать нагрузку и избегать кумулятивного утомления, что особенно важно в условиях совмещения спорта и учебы в вузе.

Предложенная система, основанная на комбинации доступных методик (пульсометрия, видеосъемка, простые педагогические тесты), показала свою применимость в условиях аграрного вуза без необходимости в дорогостоящем оборудовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипов О.В. Особенности повышения уровня физической подготовленности студентов бегового клуба вуза / О.В. Антипов, В.Е. Луцюк, М.В. Куликова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – № 9–2. – С. 47–50. - DOI 10.37882/2223–2982.2025.09–2.03.
2. Антипов О.В. Бег как значимый социокультурный феномен в современной России / О.В. Антипов, Р.В. Гежа // Ветеринарное благополучие и управление генетическими ресурсами в животноводстве: Сборник трудов 1-й Научно-практической конференции, Москва, 17 октября 2025 года. – Москва: ООО Издательство "Сельскохозяйственные Технологии", 2025. – С. 856–859. – EDN SRLMIV.
3. Антипов О.В. Использование бега по пересеченной местности в процессе физического воспитания студентов аграрного вуза / О.В. Антипов, Р.В. Гежа, М.В. Куликова // Актуальные проблемы ветеринарной медицины, зоотехнии, биотехнологии и экспертизы сырья и продуктов животного происхождения: Сборник трудов 4-й Научно-практической конференции, Москва, 16 мая 2025 года. – Москва: Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии - МВА им. К.И. Скрябина, 2025. – С. 439–441. – EDN WDGWAD.
4. Антипов О.В. Организационно-методические условия повышения эффективности двигательной активности студентов высшей школы / О.В. Антипов, Ю.Л. Першин, Р.В. Гежа // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 10–1. – С. 33–37. – DOI 10.37882/2223–2982.2023.10.04. – EDN UDUGKM.
5. Антипов О.В. Организация занятий в беговом клубе в аграрном вузе: методические рекомендации / О.В. Антипов, Р.В. Гежа, М.В. Куликова. – Москва: ООО «Академия Принт», 2025. – 36 с. – EDN URTJGP.
6. Антипов О.В. Подготовка бегунов на средние дистанции с использованием системы комплексного контроля их двигательных возможностей / О.В. Антипов, М.В. Куликова, Д.Л. Миронов // Актуальные проблемы ветеринарной медицины, зоотехнии, биотехнологии и экспертизы сырья и продуктов животного происхождения : Сборник трудов 4-й Научно-практической конференции, Москва, 16 мая 2025 года. – Москва: Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии - МВА им. К.И. Скрябина, 2025. – С. 444–445. – EDN ANWKQI.
7. Антипов О.В. Профилактика травматизма на занятиях физической культурой и спортом в вузе / О.В. Антипов, А.М. Сурков, Р.В. Гежа // Российская наука в современном мире: Сборник статей XIX международной научно-практической конференции, Москва, 30 декабря 2018 года. Том Часть I. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Актуальность. РФ", 2018. – С. 158–159. – EDN VTNQEC.
8. Гежа Р.В. Особенности контроля двигательных возможностей студентов, занимающихся в беговом клубе / Р.В. Гежа, М.В. Куликова, Д.Л. Миронов // Актуальные проблемы ветеринарной медицины, зоотехнии, биотехнологии и экспертизы сырья и продуктов животного происхождения: Сборник трудов 4-й Научно-практической конференции, Москва, 16 мая 2025 года. – Москва: Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии - МВА им. К.И. Скрябина, 2025. – С. 462–463. – EDN EFVGCI.
9. Куликова М.В. Анализ физиологических и биомеханических показателей студентов бегового клуба / М.В. Куликова, О.В. Антипов // Ветеринарное благополучие и управление генетическими ресурсами в животноводстве: Сборник трудов 1-й Научно-практической конференции, Москва, 17 октября 2025 года. – Москва: ООО Издательство "Сельскохозяйственные Технологии", 2025. – С. 853–855. – EDN ZWMXXR.

© Антипов Олег Владимирович (antipov_ov@bk.ru), Суханова Елена Юрьевна (lena.suxanova@yandex.ru), Куликова Мария Викторовна (marikulikova93@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.07

К ВОПРОСУ О ВАРИАТИВНОСТИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЭТНООРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Бодрова Полина Евгеньевна
Ассистент, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва
bodrova-pe@rudn.ru

Аннотация: Актуальность этноориентированного подхода в обучении русскому как иностранному неуклонно растет ввиду расширения контингента иностранных обучающихся в РФ и необходимости повышения эффективности освоения русского языка как иностранного разными этническими группами в рамках поликультурного образования. Данная работа нацелена на изучение и сравнение различных точек зрения авторов на проблему описания термина «этноориентированное обучение».

В данной статье обоснованы и проанализированы различные определения этноориентированного подхода в рамках обучения русскому языку как иностранному, обнаружены разночтения исследователей, проведен сравнительный анализ понятий в исторической ретроспективе. Определено, что ряд терминов «этноориентированное обучение», «национально-ориентированный подход», «лингвоориентированное обучение», «этнометодика», «этнопедагогика» не является синонимичным.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, терминология, этнометодика, этноориентированный подход, национально-ориентированное обучение.

ON THE ISSUE OF THE VARIABILITY OF THE TERMINOLOGICAL DESCRIPTION OF ETHNOORIENTED TEACHING OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

P. Bodrova

Summary: The relevance of the ethnocentric approach within the framework of Russian as a foreign language study is steadily growing due to the foreign student's contingent expansion in the Russian universities and the need to increase the effectiveness of education process by different ethnic groups in the framework of multicultural education. This work is aimed at studying and comparing the different points of view of the authors on the problem of describing the term "ethnocentric approach".

This article substantiates and analyzes various definitions of an ethnocentric approach in the framework of teaching Russian as a foreign language, reveals terminological dissimilarity among researchers, and provides a comparative analysis of studied definition in historical retrospect. It is determined that several terms "ethnocentric approach", "nationally oriented approach", "linguocentric learning", "ethnomethodics", "ethnopedagogy" is not the synonymous group.

Keywords: Russian as a foreign language, terminology, ethnomethodics, ethnocentric approach, nationally oriented learning.

В рамках глобальной интернационализации, неукротимо возрастающим уровнем академической мобильности студентов и, как результат, процесса обучения, организованного в условиях поликультурных групп, актуальным представляется внедрение элементов этноориентированного подхода в процесс обучения или создание курса изучения иностранного языка на основе идей этноориентированного обучения в целом. Проблема внедрения элементов этноориентированного подхода в процесс обучения не теряет свою актуальность на арене образовательного пространства. Данный вопрос исследуют с середины 20 века. В работах В.Н. Вагнер [9], И.Е. Бобрышевой [7], Т.М. Балыхиной [4], Ч. Юйцзян [4], Е.В. Невмержицкой [16], И.А. Пугачёва [20] и других исследователей описаны как основные положения и принципы этноориентированного подхода в обучении русскому языку как иностранному, так и заложены концептуально новые идеи построения и реализации процесса обучения с использованием принципов этнометодики. На данный момент проблема внедрения элементов этноориентированного подхода в процесс обучения остается открытой и не вполне реализуемой на практике. Более того, существует острая необходимость рассмотрения особенностей отдельных этнических групп и их обучения в РФ, так как контингент отдельных стран в университетах России расширяется с каждым годом и количество иностранных обучающихся непрерывно растет.

Идеи этноориентированного подхода в образовании начали формироваться в середине 20 века. В США это было связано с борьбой за гражданские права и осознанием культурной идентичности социальных меньшинств. Одним из ключевых моментов в развитии этноориентированного подхода стало появление концепции мультикультурализма. Идея мультикультурализма в обучении олицетворяла важность разнообразия культур и необходимость их интеграции в образовательные про-

граммы. В это время начали появляться исследования и публикации, которые подчеркивали важность культурной релевантности в обучении, включая работы таких ученых, как Джеймс А. Бэнкс и Глория Ладсон-Биллингс [1; 2, с. 465–491].

В отечественной науке идеи об этноориентированном подходе в обучении появились в этот же период (1960-1970-е годы). В 1962 году Геннадием Никандровичем Волковым был предложен термин «этнопедагогика», Г.Н. Волков выражает идею о том, что этнопедагогика – это система народного воспитания. Этнопедагогика является «педагогикой национального развития, подъема, возрождения, одновременно педагогикой этнического самовоспитания, национальной гордости и национального спасения». Основу этнопедагогики образуют любовь к ребенку, матери, предкам [11].

В 1970-х Лев Владимирович Щерба в работе «Преподавание иностранных языков в школе. Общие вопросы методики» пишет, что для эффективного освоения русского языка иностранными студентами необходим учёт их родного языка [26, с. 112].

Анализ диссертаций, монографий и статей современных исследователей и их предшественников выявил, что ныне существует широкое разнообразие терминологического описания этноориентированного обучения.

Обратимся к истории появления этноориентированного подхода в рамках методики преподавания русского языка как иностранного. Необходимо подчеркнуть, что термин «этноориентированный подход» в данной работе используется в качестве собирательного понятия. Этноориентированный подход изначально существовал в качестве элемента национально-ориентированного подхода, который в свою очередь базировался на принципах национально-языковой ориентации. В 70-е годы 20 века данная проблематика нашла отклик в работах В.Н. Вагнер, вклад которой мы не можем упомянуть, так как её научная работа условно послужила отправной точкой для исследований в области этнометодики [9, 10, 12].

В этот же период (1960–1980 гг.) появляются работы других исследователей, которые используют термин «национально-ориентированная методика», популяризируя это понятие вместо привычного на тот момент термина «сознательно-сопоставительный метод». Исследователи подчеркивают, что национально-ориентированная методика может быть реализована только на основе сопоставления русского и родного языка учащегося [27, с. 158].

Со временем концепция национально-ориентированной методики расширилась. В её понятие начали включать не только важность сопоставления родного и неродного языков обучающихся, но и сопоставление культур. В итоге появился термин «национально-ориентированный подход», который включал в себя как сопоставление языка и культуры, так и учёт особенностей учебно-познавательной деятельности, специфику восприятия, когнитивные способности, характерные для той или иной этнической группы учащихся.

Ныне исследователи сталкиваются с разночтениями в понятиях «этноориентированное обучение», «этноориентированный подход» [13], «национально-ориентированный подход», «лингвоориентированный подход» [9], «этнометодика» [4] «этнопедагогика», «народная педагогика» [6].

В данной работе мы нацелены выявить различия в терминологии по указанной теме, так как идеи этноориентированного подхода являются актуальными для теоретических исследований и, в особенности, с практической точки зрения для реализации данного подхода в реалиях современного поликультурного образования.

Необходимо подчеркнуть, что большинство терминов являются сложносоставными, поэтому считается обратиться к термину «этнос». В толковом словаре С.И. Ожегова этнос определяется как «исторически сложившаяся этническая общность - племя, народность, нация. При этом, понятия этноса и нации не являются тождественными. Определение «национальный» является производным от слова «нация». Понятие «нация» намного шире понятия «этнос», так как существует множество полиэтнических наций, например, россиянами считаются представители многих этнических групп (русские, татары, чеченцы, башкиры и другие). Характерными признаками этноса являются культура, самосознание, наличие общих интересов и ментальных установок. Таким образом, понятия «этнический» и «национальный» не являются синонимичными, особенно если принять во внимание тот факт, что Ю.В. Бромлей определяет нацию как «этносоциальный организм, обладающий экономической и политической общностью» [8].

Вернемся к исследованию В.Н. Вагнер, которая активно использует термин «методика этноориентированно-языковой ориентации». Она описывает методику преподавания РКИ англо- и франкоговорящим обучающимся. В.Н. Вагнер в своей работе приводит сравнительный анализ языковых особенностей разных этнических групп, исследует типичные ошибки англо- и франкоговорящих студентов. Её работа основана на принципах психолингвистики [9, с. 59, 87].

Позже Вера Николаевна Вагнер выдвигает идеи лингвоориентированной методики [9]. На тот момент исследователи соглашаются с тем, что изучение языка без

изучения особенностей культуры представляется неэффективным и недостаточным для реализации полноценного поликультурного диалога. Появляются новые научные работы, которые дополняют теоретическую базу и расширяют понятие этноориентированного подхода или, как говорилось ранее, лингвоориентированной методики. [7, 4, 16, 17, 19, 20].

В 2004 году вышла крайне важная научная работа Ирины Евгеньевны Бобрышевой. Её работа внедряет новый компонент в понятие этноориентированного обучения. И.Е. Бобрышева исследует когнитивный этностиль обучающихся. Она анализирует психологическую составляющую стиля учебно-познавательной деятельности: фоновую парадигму (ощущения, эмоции, регуляционные процессы / волевая регуляция, интуиция) и центральную парадигму (восприятие, память, мышление). Она рассматривает коллективный субъект (этногруппу) с точки зрения психологического и культурного своеобразия [7, с. 43–56]. Теоретическая и практическая значимость её работы определяют направление дальнейших исследований в области этноориентированного обучения и подчеркивают неоспоримую актуальность данной проблемы.

Т.А. Кротова определяет этноориентированое обучение как обучение, основанное на «понимании этноса как общности людей, связанных генетическим родством, общностью происхождения и исторического пути, единством языка, территории и культуры, традиций и самосознания, имеющих оригинальный стереотип мышления и поведения…» [14, с. 54]. Отличием этноориентированного обучения от традиционной национально-ориентированной методики является опора на данные социологии, социолингвистики, этнопсихологии и этнографии.

Также стоит обратить внимание на термин «этнометодика», который часто используется как синоним «этноориентированного обучения». Т.А. Кротова выделяет принципиальное отличие: этноориентированное обучение основывается на данных «этнолингвистики, социологии, этнопсихологии и этнографии» [4, с. 46]. С.А. Хавронина и О.Д. Митрофанова подтверждают, что этнометодика – это область педагогики, направленная на использование этноориентированной модели обучения РКИ, построенной на основе изучения этносоциопсихологических и этнокультурных особенностей иностранных учащихся [23].

Обратимся к терминам «этнопедагогика» и «народная педагогика», которые непосредственно связаны между собой. Этнопедагогика - наука, предметом изучения которой является народная педагогика как традиционная практика воспитания и обучения, исторически сложившаяся у различных этносов [18, с. 14–15]. Этнопедагогика, по мнению Г.Н. Волкова, «исследует систему народного воспитания и является педагогикой национального развития, подъема, возрождения, одновременно педагогикой этнического самовоспитания, национальной гордости и национального спасения».

Считаем необходимым подвести итоги и разграничить некоторые понятия. Национально-ориентированное обучение включает особенности учебно-познавательной деятельности студентов, национально-языковую специфику восприятия, сопоставление и анализ степени различий родного и изучаемого языков и сопоставление культур. Этноориентированное обучение основано на понимании этноса как общности людей, оно базируется на данных социологии, социолингвистики, этнопсихологии и этнографии, включая исследование этнокультурного стиля учебно-познавательной деятельности. Лингвоориентированная методика основывается на принципах психолингвистики, предполагает сопоставление языков и анализ типичных ошибок иностранных студентов. Некоторые исследователи включают понятия этно- и лингво-ориентированного подходов в понятие «национально-ориентированного обучение» [2, с. 27–28].

В рамках поликультурного образования данная проблематика является весьма актуальной. Среди исследователей прослеживаются разночтения в терминологическом описании этноориентированного обучения. Олнако приведенный анализ подчеркивает взаимодополняемость терминов. В рамках исторического ретроспективного анализа каждое следующее исследование наследует уже существующие на тот момент идеи. Несмотря на то, что все понятия этноориентированного подхода в обучении нельзя назвать синонимичными, можно подчеркнуть, что в понятие этого концепта входят важные составляющие: учёт национальных, культурных, языковых и когнитивных особенностей представителей разных этнических групп. Целесообразно полагать, что вопрос вариативности терминологического описания этноориентированного обучения может значительно влиять на концепцию научной работы, что является актуальным для исследователей, включая авторов и читателей. Однако стоит также отметить, что существующая терминологическая вариативность подчеркивает актуальность настоящего исследования и раскрывает сущность рассмотренного понятия.

Подведем общий итог работы словами Светланы Григорьевны Тер-Минасовой: «Каждый урок иностранного языка — это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием …представление о мире» [22, с. 30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Banks J.A. Educating citizens in a multicultural society / A. Banks. James. New York and London: Teachers College Press, 2007. 199 p.
2. Kazhuro D.V., Denisultanova V.D. Professionally and Nationally Oriented Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language / Kazhuro D.V., Denisultanova V.D. / Higher Education Today. 2023. №3. P. 24-28. URL: https://hetoday.ru/node/75
3. Ladson-Billings G.J. Toward a theory of culturally relevant pedagogy. American Education Research Journal, 1995. V.35, p. 465–491. URL: http://ereserve.library.utah.edu/Annual/ECS/6950/Calderon/ecs6950cited.pdf
4. Балыхина Т.М., Чжао Юйцзян От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы пути их преодоления: монография; 2-е изд. М.: РУДН, 2010, 344 с. URL: https://journals-altspu.ru/5-floor/article/view/1626/1512
5. Беженарь О.А. Этноориентированный подход как средство повышения мотивации в процессе обучения русскому как иностранному вне языковой среды (на примере италоязычных учащихся) / Беженарь О.А., Поморцева Н.В. // Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность. 2017. С. 67–71. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=32565849
6. Бережнова Л.Н. Этнопедагогика: учебное пособие / Л.Н. Бережнова, И.Л. Набок, В.И. Щеглов. Москва: Академия, 2007. 240 с. - ISBN 978-5-7695-2974-0. URL: https://library.tou.edu.kz/fulltext/buuk/b1193.pdf
7. Бобрышева И.Е. Культурно-типологические стили учебно-познавательной деятельности иностранный учащийся в методике обучения русскому языку как иностранному: Дис. ... д. пед. наук: 13.00.02. М.: РГБ, 2005 (Из фондов Российской Государственной библиотеки) – 400 с.
8. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с. URL: https://static.iea.ras.ru/books/Bromley_ocherki_teorii_etnosa.pdf
9. Вагнер В.Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим: автореферат дис. ... доктора педагогических наук. М., 2001. 200 с.
10. Вагнер В.Н. Применение сопоставительного метода при обучении русскому языку учащихся с родственным языком (словацким) - на материале морфологии: 10.02.20 / Вагнер Вера Николаевна; Москва, 1970. – 224 с.
11. Волков Г.Н. Этнопедагогика: Учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 1999. 168 с. URL: https://pedlib.ru/Books/1/0078/1_0078-1.shtml
12. Всеволодова М.В., Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Клобукова Л.П. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы [Текст]: становление специальности "Русский язык как иностранный" / Э.И. Амиантова, Г.А. Битехтина, М.В. Всеволодова, Л.П. Клобукова // Вестник Московского университета. Сер.9, Филология. 2001. №6. Библиогр.: с. 231–233. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalno-kommunikativnaya-grammatika-i-russkaya-yazykovaya-kartina-mira.pdf
13. Кротова Т.А. Этноориентированная система лингвокультурной адаптации арабских учащихся в практике обучения РКИ: 13.00.02 / Кротова Т.А.; Москва, 2015. 243 с. URL: http://dissovet.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php?id=21&mod=dis&dis_id=497
14. Кротова Т.А. Этноориентированная система лингвокультурной адаптации арабских учащихся в практике обучения РКИ: 13.00.02 / Кротова Т.А.; Москва, 2015. – 243 с. URL: http://dissovet.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php?id=21&mod=dis&dis_id=497
15. Куликова Е.Ю. Энометодическая модель обучения русскому языку трудовых мигрантов из Республики Таджикистан: 13.00.02: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Куликова Екатерина Юрьевна; Российский университет дружбы народов, 2019. 25 с.
16. Невмержицкая Е.В. Этно-ориентированная методика обучения иностранному языку в системе среднего профессионального образования / Невмержицкая Е.В.; 2011. 715 с.
17. Невмержицкая Ю.П. Этнопедагогическое обеспечение этноидентификационных механизмов в образовательном процессе / Невмержицкая Ю.П. // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации. – 2017. – С. 193–197. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=32799313
18. Петрова Т.Н. Этнопедагогика Г.Н. Волкова как сокровищница народной жизни / Т.Н. Петрова // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. 2005. № 2 (45). С. 14–16. URL: http://www.nbchr.ru/PDF/jd_volkov_1.pdf
19. Пугачев И.А. Лингвоориентированный подход в обучении русскому языку как иностранному и как неродному / Пугачев И.А. // Текст культуры и культура текста. 2017. С. 728–731. URL: https://ropryal.ru/wp-content/uploads/2017/03/pugachev-1.pdf
20. Пугачёв И.А. Этноориентированная методика в поликультурном преподавании русского языка как иностранного [Текст]: монография / И.А. Пугачёв. М.: РУДН, 2011. 284 с. URL: https://ropryal.ru/wp-content/uploads/2017/03/pugachev-2.pdf
21. Румянцева Н.М. Этноориентированное обучение - важная составляющая методики преподавания русского языка как иностранного / Румянцева Н.М., Рубцова Д.Н. // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. № 1. С. 196–207. URL: https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/1254/1234.
22. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Москва: Издательство Московского университета, 2008. 352 с. URL: http://www.ffl.msu.ru/research/publications/ter-minasova-lang-and-icc/ter-minasova-yazik-i-mkk-BOOK.pdf
23. Хавронина С.А. Этнометодика как одно из перспективных направлений преподавания РКИ / Хавронина С.А., Митрофанова О.Д. // Уроки русской словесности. 2017. С. 72–73. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=30347368
24. Шабаайти И. Этноориентированное обучение в системе методики преподавания РКИ / Шабаайти Илихаму, Гао Лия // Kant. 2021. № 2. С. 441–446. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnoorientirovannoe-obuchenie-v-sisteme-metodiki-prepodavaniya-rki

25. Шабаайти И. Этноориентированное обучение русскому языку уйгуров в вузах КНР / Шабаайти Илихаму; 2023. 202 с. URL: https://www.rudn.ru/storage/media/science_dissertation/0b47c33b-e26e-471a-b79f-0e01a7351edf/la77flPSVLNsfrQdSajOUmRs5nUqTUg2ulCgNo7V.pdf
26. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. Изд. 2-е. М., «Высш. школа», 1974. 112 с.
27. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 512 с. URL: URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=575255

© Бодрова Полина Евгеньевна (bodrova-pe@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.09

КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ КАК ОСНОВА КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА СТУДЕНТОВ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ[1]

CULTURAL CONCEPT AS THE BASIS OF THE CULTURAL PICTURE OF THE WORLD OF STUDENTS OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL UNIVERSITIES

Wang Lei
Liu Yang
Li Yiyao

Summary: The relevance of the study is due to the need to integrate humanitarian knowledge into the educational process of technical universities to form a holistic cultural picture of the world of students, contributing to their professional and social adaptation. The purpose of the study is to identify and systematize cultural concepts that form the cultural picture of the world of students of scientific and technical universities. the specifics of the cultural picture of the world of students of technical universities; determining the role of cultural concepts in the formation of a given picture of the world.

Research methods: analysis of scientific literature, synthesis, generalization, systematization.

As a result of the study, the following conclusion was formulated: cultural concepts play a key role in the formation of the cultural picture of the world of students at technical universities, determining their value orientations, worldview, and behavioral models.

Keywords: cultural concept, cultural picture of the world, students at technical universities, humanitarian education, value orientations.

Ван Лэй
доктор филологических наук, старший преподаватель, Харбинский научно-технический университет, г. Харбин, Китайская Народная Республика
Лю Ян
Профессор, Хэйлунцзянский научно-технический университет, г. Харбин, Китайская Народная Республика
Ли Ияо
Хэйлунцзянский научно-технический университет, г. Харбин, Китайская Народная Республика
wanglei1156874430@163.com

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена необходимостью интеграции гуманитарного знания в образовательный процесс технических вузов для формирования целостной культурной картины мира студентов научно-технических вузов.

Цель исследования состоит в выявлении и систематизации культурных концептов, формирующих культурную картину мира у студентов научно-технических вузов.

Задачи исследования: анализ теоретических подходов к определению культурного концепта; выявление специфики культурной картины мира студентов технических вузов; определение роли культурных концептов в формировании культурной картины мира у студентов научно-технических вузов.

Методы исследования: историографический анализ научной литературы, синтез, обобщение, систематизация, формально-логический анализ.

В результате проведенного исследования был сформулирован следующий вывод: культурные концепты играют ключевую роль в формировании культурной картины мира студентов технических вузов, определяя их ценностные ориентации, мировоззрение и поведенческие модели.

Ключевые слова: культурный концепт, культурная картина мира, студенты технических вузов, гуманитарное образование, ценностные ориентации.

Введение

Актуальность исследования культурных концептов как основы культурной картины мира студентов научно-технических вузов обусловлена тем, что в современных условиях наблюдается возрастающий спрос на специалистов, обладающих компетенциями, выходящими за рамки узкопрофильных знаний. Особую значимость на сегодняшний день приобретают следующие качества: развитое гуманитарное сознание, аналитическое мышление, навыки эффективного межкультурного взаимодействия и способность к принятию обоснованных решений, учитывающих сложность современных социотехнических систем [2, с. 52]. При этом

1 Данная статья подготовлена в рамках проекта провинции Хэйлунцзян по гуманитарным и социальным наукам – Исследование теорий культурных концептов в России (Номер проекта: 23YYC311); в рамках проекта «Исследование и практика реформы смешанного обучения по курсу "Экономический и торговый русский язык" в контексте новых гуманитарных наук» в рамках Программы реформы преподавания высшего образования провинции Хэйлунцзян на 2024 год (Номер проекта: SJGYB2024549); в рамках проекта Языковой комиссии провинции Хэйлунцзян по исследованию языка – Исследование культурного измерения системы внешних дискурсов Хэйлунцзяна с позиции семиотики концептов (Номер проекта: G2025Q002); в рамках Основного исследовательского проекта экономического и социального развития провинции Хэйлунцзян – Исследование создания системы внешних дискурсов с характеристиками провинции Хэйлунцзян с точки зрения культурной самоуверенности. (Номер проекта: WY2025105); в рамках проекта «Исследование стратегий высококачественного трудоустройства выпускников вузов провинции Хэйлунцзян, основанных на новой производительной силе» в рамках Научно-исследовательской программы по педагогике провинции Хэйлунцзян на 2025 год (Номер проекта: ZHE1425013).

традиционная парадигма технического образования, которая ориентирована преимущественно на подготовку узкопрофильных специалистов, зачастую нивелирует значение гуманитарных дисциплин, что, на наш взгляд, приводит к формированию у студентов технических специальностей фрагментарного мировоззрения, которое препятствует их социальной и профессиональной адаптации.

Современные исследователи в области когнитивной лингвистики и культурологии утверждают, что культурные концепты являются фундаментальным элементом в формировании восприятия действительности и детерминации поведенческих моделей [1, с. 27]. Изучение культурных концептов, содержащихся в языке и культуре, должно быть нацелено на более глубокое понимание смыслов и ценностей, лежащих в основе культурной идентичности и формирующих мировоззрение личности. Кроме того, адекватное понимание данных концептов, как показывают эмпирические исследования, способствует оптимизации коммуникативных процессов и минимизации риска межкультурных разногласий [9, с. 75].

Анализ современной научной литературы свидетельствует о повышенном внимании исследователей к вопросам формирования культурной картины мира у студентов различных направлений подготовки. В частности, в работах таких авторов, как Л.Ю. Мухаметзянова [3, 4], А.В. Норманская, О.В. Резник [5], Л.Х. Самситова [6], О.И. Шкуропий, А.П. Литовский [7], изучаются особенности формирования культурных концептов в различных дисциплинарных контекстах, включая лингвистику, литературоведение, историю и философию.

Вектор исследований таких зарубежных авторов, как А. Читлак [8], А.

Джашари [9], А. Юрт [10], Лю Цзяньхуэй [11], направлен на разработку методических подходов для расширения культурного кругозора студентов и развитию гуманитарного мышления. Полученные данные демонстрируют, что интеграция в учебные планы технических вузов дисциплин по истории культуры, философии и социологии, способствует расширению кругозора студентов и формированию у них более целостного представления о мире.

Вместе с тем, несмотря на очевидный прогресс в исследовании данной проблематики, остается недостаточно изученным вопрос о специфике культурных концептов, лежащих в основе культурной картины мира студентов, обучающихся в научно-технических вузах. Необходимы дальнейшие исследования для определения наиболее значимых культурных концептов для данной категории студентов, анализа механизмов их формирования в процессе обучения и оценки их влияния на профессиональную деятельность и социальную адаптацию.

Культурная картина мира как структурированная система представлений студентов научно-технических вузов о реальности

Культурная картина мира, рассматриваемая как иерархически организованная система представлений о действительности, конституируется под влиянием социокультурных факторов, определяющих мировосприятие индивида. В центре данной системы располагается культурный концепт – ментальная структура, интегрирующая знания и ценностные ориентиры, релевантные конкретной культуре. Анализ и интерпретация культурных концептов являются необходимым условием для постижения специфики мировосприятия и формирования культурной идентичности студентов естественнонаучного и инженерного профиля.

Система культурных представлений о реальности, сформированная у студентов, проходящих обучение в высших учебных заведениях научно-технической направленности, представляет собой комплексную и структурированную модель восприятия окружающей среды. Данная модель, обозначаемая в научном дискурсе термином «культурная картина мира» [10, с. 16], детерминируется совокупностью культурных концептов, выступающих в роли ее фундаментальных элементов.

Таким образом, культурный концепт, в рамках предлагаемой интерпретации, представляет собой *многоаспектное ментальное образование, аккумулирующее в себе когнитивные структуры, эмпирический опыт, аксиологические установки и ассоциативные связи, характерные для определенной культуры или субкультуры*. Культурный концепт выполняет роль своеобразного «узла», интегрирующего различные грани культурного опыта и обеспечивающего основу для интерпретации и понимания окружающего мира. Следовательно, концепт в сфере культуры представляет собой как абстрактную категорию, так и эмоционально и когнитивно насыщенное знание о мире.

С точки зрения когнитивного подхода, *культурный концепт – это ментальная репрезентация культурно значимых смыслов и ценностей, основа индивидуальной культурной картины мира*. В данной интерпретации концепт представляет собой дискретную единицу знания, отражающую атрибуты объектов и явлений, обеспечивающую их идентификацию и классификацию. В культурологическом анализе концепт расширяется, охватывая предметные, аксиологические, этические и эстетические измерения.

Судя по имеющимся исследованиям, культурные концепты играют роль структурообразующих элементов культурной картины мира, непосредственно воздей-

Таблица 1.

Примеры культурных концептов и их краткая характеристика.

Культурный концепт	Описание	Примеры проявления в культуре
Время	Восприятие времени как линейного, цикличного или многомерного ресурса.	Пунктуальность в немецкой культуре, ориентация на прошлое в традиционных обществах, концепция «здесь и сейчас» в некоторых восточных философиях.
Пространство	Представления о личном пространстве, общественном пространстве, границах и территориальности.	Различия в дистанции между собеседниками в разных культурах, архитектурные решения, отражающие иерархию и статус.
Семья	Роль и значение семьи, отношения между членами семьи	Различия в структуре семьи (нуклеарная, расширенная), гендерные роли в семье, ритуалы.
Труд	Отношение к труду как к обязанности, средству самореализации или источнику дохода.	Культурные представления о престиже определенных профессий, отношение к сверхурочной работе, баланс между работой и личной жизнью.
Коммуникация	Способы обмена информацией, вербальные и невербальные аспекты.	Прямая и непрямая коммуникация, использование юмора, сигналы тела.
Уважение	Выражение почтения, статуса и иерархии.	Поклоны в японской культуре, обращение по имени отчеству в русской культуре, титулование.
Индивидуализм/ Коллективизм	Степень, в которой культура подчеркивает индивидуальные достижения или групповую гармонию.	Конкуренция в американской культуре, акцент на сотрудничестве в китайской культуре.
Религия	Система верований, ритуалов и моральных принципов.	Празднование религиозных праздников (Рождество, Ураза-байрам), соблюдение постов, моральные нормы и запреты.
Образование	Процесс передачи знаний, навыков и ценностей от одного поколения к другому.	Различия в образовательных системах (формальное, неформальное), акцент на практическом или теоретическом обучении, доступность образования.

ствуя восприятие индивидом таких категорий, как время, пространство, социальные отношения, моральные принципы и эстетические идеалы [11, с. 62]. В свою очередь, специфика культурных концептов оказывает непосредственное влияние на процессы познания и интерпретации информации, поступающей извне. При этом расхождения в культурных концептах могут обусловливать существенные различия в понимании одних и тех же явлений представителями разных культурных групп.

Концепт коммуникации, определяемый как процесс обмена информацией между индивидами или группами, проявляется в культурах в виде разнообразных стратегий вербальной и невербальной интеракции.

В современной образовательной среде первостепенное значение приобретает становление всесторонне развитой личности, способной к продуктивной профессиональной деятельности и успешной интеграции в глобальное социокультурное пространство, что особо актуально для научно-технического образования, где будущим инженерам и исследователям необходимы глубокие предметные знания и развитая культурная компетентность. Необходимо признать, что культурная картина мира, формируемая у студентов в ходе учебного процесса, оказывает ссущественное влияние на их профессиональное и гражданское становление.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что влияние культурных концептов на мировоззрение студентов научно-технических вузов проявляется в нескольких аспектах. В частности, студенты, овладевшие концептами научного познания, логического рассуждения и критического анализа, демонстрируют большую компетентность в решении профессиональных задач и адаптивность к изменениям [6, с. 177]. Культурные концепты формируют систему ценностей и моральных принципов, влияющих на поведение студентов в профессиональной и социальной сферах. Концепты ответственности, честности, справедливости и уважения к культурному разнообразию способствуют становлению этически зрелого и социально ответственного специалиста. Культурные концепты также влияют на формирование идентичности и самосознания студентов: например, осознание принадлежности к культурной группе, понимание исторических и культурных традиций, а также уважение к другим культурам способствуют формированию целостной и гармоничной личности.

Резюмируя, можно отметить, что формирование и развитие культурных концептов у студентов научно-технических специальностей – сложный процесс, требующий системного подхода. Гуманитарные дисциплины играют большую роль в процессе знакомства студентов с различными культурными традициями, историческими периодами и философскими концепциями, расширяя кругозор и развивая критическое мышление. Внеучебные мероприятия также позволяют студентам

возможность применять знания на практике, развивать коммуникативные навыки и взаимодействовать с представителями различных культур.

В контексте научно-технического образования особое внимание следует уделить формированию концептов инновационной деятельности, технологического прогресса и устойчивого развития. В контексте теории устойчивого развития студенты технических и инженерных специальностей должны осознавать, что научно-технические достижения, помимо экономического роста, должны служить повышению качества жизни, сохранению окружающей среды и обеспечению социальной справедливости. Формирование этих концептов возможно на основе интеграции гуманитарных и технических знаний, а также с помощью вовлечения студентов в решение актуальных общественных проблем.

Выводы

По итогу проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы: культурная картина мира, создающаяся в процессе усвоения и интеграции культурных концептов, является не просто абстрактным философским построением, но также критически важным элементом профессиональной подготовки студентов научно-технических вузов. На наш взгляд, осмысление такой системы представлений о реальности позволит будущим инженерам и исследователям эффективно ориентироваться в сложном, многообразном мире, а также даст возможность адаптироваться к динамичным изменениям реальности и принимать обоснованные решения.

В настоящее время развитие культурной компетентности у студентов научно-технического профиля способствует их личностному росту и повышает конкурентоспособность на глобальном рынке труда. Внедрение в образовательный процесс инновационных педагогических методик, направленных на развитие критического мышления, эмпатии и межкультурной коммуникации, представляется перспективным направлением в контексте подготовки высококвалифицированных специалистов для научно-технической сферы.

Таким образом, формирование структурированной системы представлений о реальности, основанной на глубоком понимании культурных концептов, становится неотъемлемой частью стратегии обучения студентов научно-технических вузов. Инвестиции в развитие культурной компетентности студентов являются как вкладом в их личное благополучие, так и стратегическим преимуществом, обеспечивающим инновационное развитие и глобальную конкурентоспособность отечественной науки и техники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозор А.Ф., Овчинникова Н.Д. К вопросу об отражении духовных ценностей в культурно-языковой картине мира // Инновационные процессы в лингводидактике. Сборник научных трудов. – Воронеж, 2024. – С. 26–30.
2. Бец Ю.В. Культурные смыслы лексико-тематической группы «быт» как элементы картины мира языковой личности // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2021. – № 26–2. – С. 50–53.
3. Мухаметзянова Л.Ю. Трансформация художественных концептов нобелевских лауреатов русской словесности в личностные концептосферы студентов // Казанский педагогический журнал. – 2018. – № 3 (128). – С. 93–99.
4. Мухаметзянова Л.Ю. Художественный инструментарий формирования гуманистической концептосферы студентов в контексте когнитивной парадигмы филологической науки // Когнитивное моделирование в профессиональном образовании: формы, методы, технологии. Сборник статей. Под редакцией Е.Ю. Левиной. – Казань, 2018. – С. 64–82.
5. Норманская А.В., Резник О.В. Роль досуговых практик в формировании культурной картины мира студенческой молодежи // Культурная жизнь Юга России. - 2019. - № 3 (74). - С. 83–86.
6. Самситова Л.Х. Культурный концепт как общечеловеческая и культурно-национальная ценность // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 12–3. – С. 175–180.
7. Шкуропий О.И., Литовский А.П. Концепт «мужество» в российской культурной традиции // Научный потенциал вуза – производству и образованию. Сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Б.Л. Розинга. Кубанский государственный технологический университет, Армавирский механико-технологический институт, Кафедра гуманитарных дисциплин. – 2020. – С. 119–122.
8. Citlak A. Socrates and Jesus: Between the Honour-Shame Cultural Code and the Twardowski School // Beyond WEIRD: Psychobiography in Times of Transcultural and Transdisciplinary Perspectives. – 2023. – P.149-166.
9. Jashari A. Albanian and English Colour idioms as a means of reflecting cultural identity and national mentality // Fan Noli University. – 2025. – № 3. – P. 74-85.
10. Jurt A. Person in the artistic picture of the modern world: artist, picture, viewer // January 2024Central Asian Journal of Art Studies. – 2024. – № 8(4). – P. 13-26.
11. Liu Jianhui. The Utility of Picture Postcard: Another Cultural Content That Establishes the Image of the "Other" in Modern Japan // Border Crossings. The Journal of Japanese-Language Literature Studies. – 2023. – № 17(1). – P. 59-77.

© Ван Лэй, Лю Ян, Ли Ияо (wanglei1156874430@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.11

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ РУССКИХ МЕСТОИМЕНИЙ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА КИТАЙСКИМИ УЧАЩИМИСЯ В СВЯЗИ С ОТСУТСТВИЕМ ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

PROBLEMS OF UNDERSTANDING AND USING RUSSIAN PRONOUNS OF THE THIRD PERSON BY CHINESE STUDENTS DUE TO THE LACK OF GRAMMATICAL GENDER IN THE CHINESE LANGUAGE

K. Vasichenko

Summary: The article is devoted to the analysis of the difficulties faced by Chinese students in mastering Russian personal and possessive pronouns of the third person ("he", "she", "it", "his", "her"). The main reason for errors is the complete absence of a grammatical gender category in Chinese, where the pronoun t remains gender- and gender-neutral in oral speech, and possessiveness is expressed by the unchangeable particle de. This leads to persistent interference: substitution of "he"/"she", incorrect use of "it", ignoring the coordination of possessive pronouns according to the gender of the possessed object and loss of reference in texts with several antecedents. Based on the contrasting comparison of the Russian and Chinese languages, typical errors were identified and methodological techniques for overcoming them were proposed: parallel translation, correspondence tables, color coding of the genus, working with mini texts of multiple reference. The need for a systematic contrastive approach is emphasized throughout the entire stage of teaching RCT to a Chinese audience.

Keywords: pronouns, grammatical gender, interference, Chinese students, contrastive approach, reference.

Васиченко Кристина Владимировна
Старший преподаватель, Доктор философии,
Сианьский университет иностранных языков, Китай,
Провинция Шэньси, город Сиань
3166154848@qq.com

Аннотация: Статья посвящена анализу трудностей, с которыми сталкиваются китайские учащиеся при освоении русских личных и притяжательных местоимений третьего лица («он», «она», «оно», «его», «ее»). Основной причиной ошибок признается полное отсутствие категории грамматического рода в китайском языке, где местоимение tā в устной речи остается родо- и гендерно-нейтральным, а притяжательность выражается неизменяемой частицей de. Это приводит к устойчивой интерференции: подмене «он» / «она», неверному употреблению «оно», игнорированию согласования притяжательных местоимений по роду обладаемого объекта и потере референции в текстах с несколькими антецедентами. На основе контрастивного сопоставления русского и китайского языков выявлены типичные ошибки и предложены методические приемы их преодоления: параллельный перевод, таблицы соответствий, цветовая кодировка рода, работа с мини-текстами множественной референции. Подчеркивается необходимость системного контрастивного подхода на всем этапе обучения РКИ китайской аудитории.

Ключевые слова: местоимения, грамматический род, интерференция, китайские учащиеся, контрастивный подход, референция.

Введение

Изучение русского языка как иностранного представляет собой сложный процесс для носителей китайского языка, поскольку эти языковые системы существенно различаются по грамматической структуре. Особую трудность вызывает освоение местоимений третьего лица в русском языке, которые различаются по грамматическому роду: «он» для мужского, «она» для женского, и «оно» для среднего. В китайском языке, напротив, грамматическая категория рода полностью отсутствует, а местоимения третьего лица представлены единой формой «tā», которая в устной речи не несет гендерных различий, хотя в письменной форме может варьироваться в зависимости от контекста. Это фундаментальное несоответствие приводит к интерференции, когда китайские учащиеся переносят привычки родного языка на русский, что проявляется в путанице форм местоимений и ошибках в их согласовании с существительными. Такие проблемы не только затрудняют понимание текстов и речи, но и влияют на общую коммуникативную компетенцию, вызывая недоразумения в диалоге. Актуальность темы обусловлена растущим интересом к русскому языку в Китае, где тысячи студентов ежегодно начинают его изучение, сталкиваясь с подобными барьерами. Исследование этих трудностей позволяет разработать более эффективные методики преподавания, ориентированные на контрастивный анализ языков и

минимизацию негативного влияния интерференции.

Материалы и методы исследований

В основу анализа положены публикации по контрастивной лингвистике и методике преподавания РКИ китайской аудитории. Использованы работы, посвященные сопоставлению систем личных и притяжательных местоимений русского и китайского языков [6] [8], а также исследованиям типичных трудностей и интерференционных ошибок китайских учащихся при освоении русских местоимений [9] [10]. Применялся контрастивный метод выявления зон интерференции и прогнозирования ошибок, анализ проводился исключительно на качественном уровне с опорой на текстовые примеры из научной литературы, без количественных данных.

Результаты и обсуждения

В русском языке личные местоимения третьего лица являются одним из центральных механизмов грамматического согласования, обеспечивая обязательное соответствие по роду, числу и падежу между местоимением и замещаемым существительным, что гарантирует связность текста и однозначность отсылки к ранее введенному референту [6]. Формы «он», «она», «оно» жестко привязаны к морфологическому роду антецедента: «мужчина сказал – он сказал», «женщина ответила – она ответила», «ребенок плачет – оно плачет», «окно открыто – оно открыто» [8]. В китайском языке аналогичная референциальная функция реализуется принципиально иначе: в устной речи существует только одна форма tā, которая полностью нейтральна по отношению к полу, одушевленности и грамматическому роду; в письменности различаются иероглифы 他 (для лиц мужского пола), 她 (женского пола) и 它 (для неодушевленных объектов и животных), однако произношение остается идентичным, и в живом общении никакого родового маркирования не происходит [9]. Это фундаментальное типологическое различие создает устойчивую зону интерференции: китайские учащиеся, чья грамматическая компетенция сформирована в условиях полной родовой нейтральности, испытывают систематические затруднения как при восприятии русскоязычного текста, так и при самостоятельном продуцировании высказываний с местоимениями третьего лица [6].

Ошибки проявляются на разных уровнях. Прежде всего, это свободное чередование «он» и «она» без учета рода антецедента, особенно в связных текстах, где присутствуют персонажи разного пола; нередко учащиеся выбирают форму по семантике пола лица, а не по грамматическому роду существительного, что приводит к комичным или смыслонеправильным конструкциям типа «*девочка… он пошел*» [8]. Еще сложнее обстоит дело с местоимением среднего рода «оно», которое китайские студенты склонны использовать исключительно для неодушевленных предметов, тогда как в русском языке оно регулярно замещает существительные среднего рода, обозначающие детей, животных и абстрактные понятия: «это дитя – оно спит», «это событие – оно произошло» [9]. Особую трудность представляют притяжательные местоимения «его», «ее» (возвратно-притяжательное «свое» также вызывает проблемы), поскольку их выбор определяется родом обладаемого объекта, а не обладателя. Для носителя китайского языка эта логика остается глубоко чуждой: в китайском притяжательность выражается неизменяемой постпозитивной частицей de (我的书 wǒ de shū «моя книга», независимо от пола владельца и рода объекта), поэтому учащиеся часто используют «его» как универсальную форму или механически копируют китайскую нейтральность [9].

Глубина интерференции обусловлена тем, что в китайской морфологии отсутствуют не только родовые окончания у существительных, но и любое морфологическое маркирование пола или одушевленности в местоименной системе; разграничение осуществляется исключительно лексически и контекстуально [2]. В результате при чтении или слушании русскоязычных текстов с несколькими референтами китайские учащиеся теряют ориентацию: они не могут мгновенно восстановить связь между местоимением и антецедентом, поскольку привыкли полагаться на контекст, а не на грамматический маркер [6]. Хрестоматийный пример: предложение «Мама купила дочери платье и повесила его в шкаф». Русскоязычный читатель однозначно понимает, что «его» относится к «шкафу» (мужской род), тогда как китайский студент нередко соотносит местоимение с «платьем» или даже с «дочерью», потому что в китайском эквиваленте «Māma gěi nǚ'ér mǎile yī jiàn qúnzi, ránhòu bǎ tā guà zài yīguì li» форма tā остается полностью неоднозначной и требует дополнительного контекстуального или лексического уточнения [8]. Та же амбивалентность возникает при работе с абстрактными существительными среднего рода: «это желание – оно осуществилось», где «оно» для китайских учащихся звучит неестественно, поскольку в их языковом сознании абстрактные понятия не требуют родового маркирования [9].

В методическом отношении описанные трудности требуют целенаправленного и длительного контрастивного тренинга. Эффективными оказываются упражнения с параллельным переводом, где рядом размещаются русское и китайское предложения с визуально выделенными родовыми маркерами; составление таблиц соответствий «русское существительное – род – местоимение»; работа с мини-текстами, в которых намеренно создается несколько референтов разного рода; использование цветовой кодировки (синий – мужской, красный – женский, зеленый – средний) при подстановке местоимений; упражнения на трансформацию прямой речи в

косвенную с сохранением правильного родового согласования [4]. Только постоянное и осознанное противопоставление двух систем позволяет постепенно разрушить привычку к родовой нейтральности и сформировать новое грамматическое чутье. Таким образом, проблемы освоения русских местоимений третьего лица китайскими учащимися носят не локальный, а глубоко системный характер, затрагивая базовые категории языкового мышления, сформированные родным языком, и требуют последовательного, многоэтапного и строго контрастивного подхода на всем протяжении обучения.

Выводы

Проблемы понимания и употребления русских местоимений третьего лица китайскими учащимися коренятся в фундаментальном отсутствии грамматического рода в китайском языке, что вызывает интерференцию и типичные ошибки в согласовании форм. Это несоответствие не только замедляет освоение грамматики, но и влияет на общую беглость речи, подчеркивая необходимость контрастивного подхода в преподавании. Для эффективного обучения рекомендуется интегрировать упражнения на распознавание рода через контекстуальные примеры и параллельные сравнения с китайскими конструкциями, что поможет минимизировать негативный перенос. В итоге осознание этих лингвистических различий позволит повысить мотивацию студентов и улучшить качество подготовки в русскоязычной коммуникации, способствуя более гармоничному двуязычию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова И.И. Персуазивность и авторизация при выражении модальности возможности / невозможности в русском и китайском языках И.И.Акимова // International Research Journal. — 2020. — №6 (96). — URL: [object Object] (Accessed date 02.12.2025). — DOI: 10.23670/IRJ.2020.96.6.098
2. Бурмистрова Т.А. (2024). Грамматические особенности русского и китайского языков: сопоставительный аспект. Язык и текст, 11(3), 5–14. https://doi.org/10.17759/langt.2024110301
3. Ван С. Особенности обучения лингвистической терминолексике китайских учащихся / С. Ван, Д.С. Труханова // В мире русского языка и русской культуры : Сборник тезисов V Международной студенческой научно-практической конференции, Москва, 23 апреля 2021 года / Отв. редакторы С.Г. Персиянова, В.М. Филиппова. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. – С. 29–31. – EDN KILDHK.
4. Ма Д. Методические приемы и принципы преодоления грамматической интерференции при обучении русскому языку в китайской аудитории / Д. Ма // Вестник Таджикского национального университета. – 2020. – № 10. – С. 284–288. – EDN VNLLAM.
5. Политова Л.В. Наиболее трудные аспекты обучения китайцев: что, почему, как / Л.В. Политова // Наука и культура России. – 2023. – Т. 1. – С. 139–141. – EDN FBZQQW.
6. Терских Т.Ф. Функционирование личных местоимений в русском и китайском языках / Т.Ф. Терских, Е.В. Захарова, Е.В. Демина // Вестник педагогических наук. – 2023. – № 5. – С. 20–25. – EDN RVQXIK.
7. Фриауф А.А. Лингводидактические проблемы при изучении китайцами русской фонетики / А.А. Фриауф // Язык и межкультурная коммуникация: Сборник статей XIII Международной научно-практической конференции, Астрахань, 07 октября 2020 года / Редакционная коллегия: О.Б. Багринцева (гл. редактор), Л.Д. Кривых, Н.И. Кривых, Н.М. Колоколова, М.В. Пителина, М.А. Симоненко. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2020. – С. 162–167. – EDN BROBXW.
8. Чжан, Ц. Особенности употребления личных и притяжательных местоимений в русском и китайском языках / Ц. Чжан // Молодость. Интеллект. Инициатива: Материалы XI Международной научно-практической конференции студентов и магистрантов. В 2-х томах, Витебск, 21 апреля 2023 года / Редколлегия: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. Том 1. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2023. – С. 381–382. – EDN CKWDEY.
9. Шао С. Сложности освоения русских местоимений китайскими учащимися / С. Шао // Русский язык как иностранный: новый взгляд и перспективы: материалы II Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Майкоп, 15 марта 2024 года. – Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2024. – С. 47–51. – EDN GSJZCJ.
10. Юсупова З.Ф. Теория и практика изучения русских местоимений китайскими студентами-филологами / З.Ф. Юсупова, Ю. Люй // Язык и культура. 2017. № 39. С. 75–83. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000619214

© Васиченко Кристина Владимировна (3166154848@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.15

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ КАК ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КАЧЕСТВА СПЕЦИАЛИСТА

ESSENCE AND STRUCTURE OF COMPETITIVENESS AS A PERSONAL AND PROFESSIONAL QUALITY OF A SPECIALIST

T. Gordienko
E. Kolesnik

Summary: The article presents various approaches to defining the content of the concept of competitiveness of a specialist; based on the analysis of definitions, the key features of this concept are identified, and the author's interpretation of the term is presented. In addition, the structure of competitiveness of a specialist is outlined. It is concluded that in modern studies, competitiveness is considered as a two-level structure consisting of professional and supra-professional components. It is noted that at the present stage the dynamics of changes in society, production and economy are so great that a specialist cannot be considered competitive without adaptability skills. The role of digital competencies in the process of developing and maintaining a high level of competitiveness of a specialist is outlined.

Keywords: competitiveness, competitiveness of a specialist, professional qualities, cross-professional qualities, soft skills, digitalization, adaptation.

Гордиенко Татьяна Петровна
доктор педагогических наук, профессор, проректор, ГБОУ ВО РК Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова
tatgordienko@gmail.com
Колесник Екатерина Сергеевна
старший преподаватель, Крымский юридический институт (филиал), Университет прокуратуры Российской Федерации
ekaterinakolesnik258@gmail.com

Аннотация: В статье представлены различные подходы к определению содержания понятия «конкурентоспособность специалиста»; на основе анализа дефиниций были выявлены ключевые признаки данного понятия и представлена авторская интерпретация термина. Кроме того, обозначена структура конкурентоспособности специалиста. Сделан вывод о том, что в современных исследованиях конкурентоспособность рассматривается как двухуровневая структура, состоящая из профессионального и надпрофессионального компонентов. Отмечается, что на современном этапе динамика изменения общества настолько велика, что специалист не может считаться конкурентоспособным без навыков адаптивности. Обозначена роль цифровых компетенций в процессе развития и поддержания высокого уровня конкурентоспособности специалиста.

Ключевые слова: конкурентоспособность, конкурентоспособность специалиста, профессиональные качества, надпрофессиональные качества, «мягкие» навыки, цифровизация, адаптация.

В текущих условиях развития общества и образования понятие конкурентоспособности становится одним из наиболее актуальных. Если ранее данный термин применялся лишь в отношении успешности функционирования предприятия, то сегодня он также актуален и на уровне конкретных специалистов. Изменилось само понимание конкурентоспособности, что определенным образом влияет и на систему подготовки кадров, и на самосознание самих работников [15, с. 78].

Актуальность изучения понятия «конкурентоспособность специалиста» обусловлена также и тем фактом, что выпускники учреждений образования, не способные конкурировать на рынке труда, занимают рабочие места более низкой квалификации или становятся безработными. Подобная тенденция приводит к негативным последствиям как для самого специалиста, так и для социально-экономической системы в целом. Так, в частности, снижаются темпы прироста интеллектуального капитала страны [5, с. 2].

Проблема конкурентоспособности специалиста находится в фокусе внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей, в связи с чем наблюдается устойчивый рост числа научных публикаций, посвящённых раскрытию содержания, структуры и факторов формирования конкурентоспособности специалиста.

В современной научной литературе и периодике единства мнений в отношении содержания понятия «конкурентоспособность специалиста» пока не наблюдается. Рассмотрим некоторые из существующих дефиниций (Таблица 1).

Анализ дефиниций, представленных выше, позволяет сделать вывод о следующих аспектах, включаемых авторами в понятие «конкурентоспособность специалиста»:

— ***интегративный характер***: в большинстве дефиниций подчеркивается целостность и комплексность конкурентоспособности как инте-

гративной формации, состоящей из личностных и профессиональных качеств, взаимосвязанных психологических, когнитивных, ценностно-смысловых и деятельностных характеристик личности.
- ***адаптивность***: конкурентоспособность включает в себя умение адаптироваться в рамках динамичной профессиональной среды.
- ***востребованность на рынке труда***: в ряде определений востребованность специалиста называется ключевым индикатору конкурентоспособности.
- ***результат проектирования***: конкурентоспособность представляется результатом целенаправленного формирования ключевых профессиональных, личностных и непрофессиональных компетенций, а также связывается с желанием и возможностью непрерывного профессионального роста и саморазвития.

Таким образом, конкурентоспособность специалиста можно определить как интегративную и целенаправленно формируемую совокупность характеристик личности, включающую когнитивные, мотивационно-ценностные, коммуникативные и деятельностные компоненты, детерминирующую востребованность специалиста на рынке труда и его способность к эффективной профессиональной деятельности в условиях динамических изменений внешней среды.

Рассмотрим более подробно качества и параметры, которые входят в понятие конкурентоспособности. В отношении структуры данной категории существует несколько подходов. Так, А.Н. Кара и Т.А. Журавлева предлагают двухуровневую структуру конкурентоспособности специалиста: (1) профессиональные компоненты и (2) внепрофессиональные компоненты – «личностные характеристики, которые будут способствовать полноценной и разносторонней самореализации их в профессиональной среде и обществе» [3, с. 173].

Н.Б. Шайхисламова с соавт. также считает внепрофессиональные качества неотъемлемым компонентом конкурентоспособности. В перечень внепрофессиональных качеств специалиста авторы включают ценностные

Таблица 1.

Подходы к определению содержания понятия «конкурентоспособность специалиста».

Дефиниция	Автор(ы)
Интегративная совокупность качеств личности, обеспечивающая ее жизнеспособность, развитие и самоактуализацию в динамичных условиях внешней среды.	Н.Б. Шайхисламова, А.А. Булатбаева, Г.М. Акбаева, Б.Ж. Абилдаев [15, с. 80].
Результат целенаправленного проектирования личности человека с учетом индивидуальных физиологических и психологических особенностей. Конкурентоспособность выражается в уровне востребованности специалиста – наличия спроса на его труд.	Е.В. Молчанова, И.И. Сердюк [7, с. 210].
1) Стратегическое качество личности, позволяющее функционировать в условиях конкуренции на рынке труда; 2) совокупность интегрированных качеств – личностных, профессиональных и полипрофессиональных; ключевых компетенций.	Н.И. Дунаева, О.В. Суворова [2, с. 4].
Фактор эффективности трудовой деятельности, а также наличие лидерских и профессионально значимых качеств, умение решать рабочие задачи в изменяющихся условиях.	И.В. Саттарова, О.Ю. Шибаршина [11, с. 555].
Интегративная характеристика личности специалиста, обеспечивающая ему высокий профессиональный статус, рейтинговую позицию на отраслевом рынке труда, высокий спрос на его услуги; конкурентоспособность детерминирована как качеством профессиональной деятельности, так и качеством личности специалиста. Показателем конкурентоспособности выступает востребованность на рынке труда.	М.Б. Богус [1, с. 31].
1) Способность выдержать конкуренцию за счет активной направленности и успешности в профессиональной деятельности; 2) характеристика личности, которая порождает такую способность; 3) совокупность общих и профессиональных специальных знаний, умений, навыков, широкого кругозора; 4) направленность личности на творческую самореализацию; 5) способность к качественному оказанию профессиональных услуг; 6) умение ориентироваться в меняющемся пространстве, адаптироваться, поддерживать высокую динамику профессиональной деятельности.	Е.В. Мялкина [8, с. 115].
Совокупность конститутивных характеристик специалиста, направленных на достижение и удержание его конкурентного статуса, в т.ч. посредством повышения квалификации и переподготовки.	А.Н. Кара, Т.А. Журавлева [3, с. 174].
1) Качество личности, характеризующего наличие конкурентных преимуществ по отношению к коллегам, способностей победить в конкурентной борьбе за вакансию и востребованность на рынке труда; 2) степень соответствия личностных качеств и профессиональных знаний, умений и навыков объективным требованиям профессиональной деятельности.	С.А. Хазова [14, с. 255–256].

Примечание: источник – собственная разработка автора на основе [15]; [2]; [7]; [11] и др.

ориентации, трудолюбие, креативность, способность к риску, автономность, парадигмальность мышления, склонность к непрерывному саморазвитию, профессиональный перфекционизм [15, с. 79].

Зарубежные авторы придерживаются аналогичного подхода: И. Катане и И. Кристовске, к примеру, приводят следующий перечень: самооценка, решительность, склонность к риску, упорство, саморегуляция, стрессоустойчивость, рефлексия, «дружественное мышление», коммуникабельность [17].

В. Шаповалов представляет структуру конкурентоспособности специалиста несколько по-иному, опираясь на функциональный критерий: (1) парадигмально-прогностический компонент (идентификация специалистом индивидуальных перспектив конкурентоспособного поведения); (2) информационно-содержательный компонент (комплекс знаний, связанный с определением стратегии повышения конкурентоспособности); (3) операционально-деятельностный компонент (совокупность умений и навыков познавательного, коммуникативного, регулятивного характера, детерминирующих востребованность специалиста); (4) мотивационно-ценностный компонент (ценностные ориентации, стремление к самосовершенствованию, самоактуализации, саморазвитию); (5) эмоционально-волевой компонент (ответственность, самостоятельность, инициативность, эмпатия, самоконтроль) [16, с. 97].

Хронологический анализ отечественной и зарубежной литературы, посвященной рассматриваемой нами области, позволяет сделать вывод о том, что изначально исследователи рассматривали конкурентоспособность лишь как набор профессиональных знаний и качеств, отождествляя таким образом, качество квалификации и конкурентоспособность. В более современных исследованиях конкурентоспособность стали рассматривать чаще как двухуровневую структуру, состоящую из профессионального (основной) и надпрофессионального (дополнительный) компонентов. На сегодняшний день специалисты склонны акцентировать значимость надпрофессионального компонента в структуре конкурентоспособности. В новейших публикациях априорным считается тот факт, что надпрофессиональные параметры играют не меньшую роль, чем профессиональные.

При этом современная система профессиональной подготовки несколько запаздывает в этом отношении. Как справедливо отмечает Л.П. Петухова с соавт., современная система профессионального образования ставит акцент на развитии профессиональных компетенций специалистов, тогда как надпрофессиональные качества остаются на периферии внимания функционеров сферы образования [10, с. 281].

Тогда как содержание профессиональных компетенций, формирующих конкурентоспособность, является вполне понятным, в отношении надпрофессиональных качеств существуют различные точки зрения. В.Г. Лизунков с соавт. понимает под надпрофессиональными качествами «универсальные знания, умения и навыки, качества и способности выпускника, обеспечивающие его конкурентоспособность и социальную адаптацию в условиях рынка труда», а также коммуникативные способности, адаптивность, ценности, инициативность, креативность [6, с. 147].

И.А. Неводова приводит следующий перечень: самоорганизация, тайм-менеджмент, пунктуальность, умение быстро и качественно реагировать на поставленные задачи, ответственность [9, с. 527]. Безусловно, «мягкие» навыки, ранее незаслуженно считавшиеся факультативными, обретают такую же значимость, как и навыки «жесткие». Современная парадигма управления человеческими ресурсами во главу ставит интегративную модель профессиональной компетентности, в которой «жёсткие» и «мягкие» навыки взаимодополняют друг друга. Более того, при найме работодатели все чаще проверяют не только уровень профессиональной квалификации, но и оценивают сформированность soft skills.

Понятия «профессиональная компетентность», «конкурентоспособность специалиста», «востребованность» постепенно трансформируются, дополняются новыми аспектами. Базовые основы содержания данных категорий, как правило, остаются в неизменном виде (общенаучные и специальные знания, навыки и умения). При этом все большую значимость имеет адекватная адаптация к изменениям рынка труда и способов выполнения профессионально-трудовых обязанностей [4, с. 135]. Как неоднократно отмечалось выше в статье, адаптивность многими авторами включается в перечень надпрофессиональных компетенций, которые определяют уровень конкурентоспособности специалиста на рынке труда.

На современном этапе динамика изменения общества настолько велика, что специалист не может считаться конкурентоспособным без навыков адаптивности, которая должна проявляться на разных уровнях функционирования [12, с. 28]. Г.Н. Тугускина с соавт. говорит об устаревании отдельных профессий, изменении содержания, условия труда, и, следовательно, об устаревании профессиональных компетенций. В подобных условиях только тот специалист, который обладает адаптивностью и склонностью к саморазвитию, способен сохранить высокий уровень конкурентоспособности [13, с. 113].

Еще один аспект, который интересует исследователей, связан с цифровизацией общественных отношений. Цифровизация, по мнению В.А. Клименко, представляет собой не только технико технологическую, но и социаль-

но-технологическую и интеллектуально гуманитарную трансформацию общественных отношений [4, с. 133]. В условиях стремительной цифровизации всех сфер социальной жизни наличие у специалиста цифровых навыков становится не просто конкурентным преимуществом, а необходимым условием профессиональной востребованности.

Цифровые компетенции, таким образом, следует включить в содержание понятия «конкурентоспособность специалиста». В их число можно включить: умение осуществлять поиск, оценку и обработку цифровой информации; коммуникативные навыки в электронной среде, создание цифрового контента, навыки в области обеспечения кибербезопасности,

С учетом вышеизложенного представляется необходимым расширить представленную выше дефиницию понятия «конкурентоспособность специалиста» следующим образом:

Конкурентоспособность специалиста можно определить как интегративную и целенаправленно формируемую совокупность характеристик личности, включающую когнитивные, мотивационно-ценностные, коммуникативные и деятельностные профессиональные и надпрофессиональные компоненты, детерминирующие востребованность специалиста на рынке труда и его способность к адаптации и эффективной профессиональной деятельности в условиях динамических изменений внешней среды, в т.ч. цифровой.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

Анализ научных источников позволяет заключить, что современное понимание конкурентоспособности специалиста выходит за пределы профессиональных компетенций и охватывает более широкий спектр личностных и надпрофессиональных параметров. «Мягкие» навыки приобретают статус значимого компонента профессиональной компетентности. Их наличие обеспечивает способность специалиста к эффективной коммуникации, адаптации, работе в неопределённости, что в совокупности существенно повышает его конкурентоспособность на рынке труда. Следовательно, профессиональное развитие невозможно без целенаправленного формирования как профессиональных, так и надпрофессиональных (социально-коммуникативных, эмоциональных и регулятивных) компетенций, действующих во взаимосвязи и взаимодополнении.

На основе научной литературы можно представить следующее определение понятия «конкурентоспособность специалиста»: интегративная и целенаправленно формируемая совокупность характеристик личности, включающая когнитивные, мотивационно-ценностные, коммуникативные и деятельностные профессиональные и надпрофессиональные компоненты, детерминирующие востребованность специалиста на рынке труда и его способность к адаптации и эффективной профессиональной деятельности в условиях динамических изменений внешней среды, в т.ч. цифровой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богус М.Б. Конкурентоспособность молодых специалистов: современные вызовы и перспективы развития // Ярославский педагогический вестник. 2023. №3 (132). С. 28–35.
2. Дунаева Н.И. Проблема конкурентоспособности личности студента в условиях образовательной среды вуза в отечественных и зарубежных исследованиях // Вестник Мининского университета. 2020. №1 (30). 11 с.
3. Кара А.Н. Конкурентоспособность на рынке труда // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2023. №2. С. 171–179.
4. Клименко В.А. Профессиональная компетентность специалиста в условиях дигитализации современного общества // Социологический альманах. 2021. №12. С. 131–141.
5. Кутейницына Т.Г. Конкурентоспособность специалиста: критическое прочтение отечественных публикаций // Russian Journal of Education and Psychology. 2011. №4. 24 с.
6. Лизунков В.Г. Формирование надпрофессиональных компетенций выпускников технических вузов, востребованных на особых зонах экономического развития // ПНиО. 2021. №2 (50). С. 145–161.
7. Молчанова Е.В. Проблемы востребованности и конкурентоспособности специалистов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №11. С. 209–211.
8. Мялкина Е.В. Сущность и структура конкурентоспособности специалистов // Наука и школа. 2010. №4. С. 114–116.
9. Неводова И.А. Развитие профессиональных и личностных компетенций как фактор повышения конкурентоспособности молодого специалиста // ЕГИ. 2023. №4 (48). С. 524–531.
10. Петухова Л.П. Особенности формирования конкурентоспособности студентов цифровой эпохи // Ученые записки университета Лесгафта. 2021. №10 (200). С. 280–286.
11. Саттарова И.В. Профессиональный портрет конкурентоспособного молодого специалиста // ЕГИ. 2023. №4 (48). С. 554–557.
12. Тарасьева Т.В. Тенденции развития рынка труда молодых специалистов с высшим образованием // Экономика науки. 2023. №3. С. 27–46.

13. Тугускина Г.Н. Дополнительное профессиональное образование как условие повышения конкурентоспособности специалистов на рынке труда // ИТС. 2022. №1 (106). С. 111–129.
14. Хазова С.А. Конкурентоспособность специалистов как акмеологическая категория // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2009. №3. С. 255–262.
15. Шайхисламова Н.Б. Формирование конкурентоспособности будущих педагогов в системе университетского образования // Педагогика и просвещение. 2022. №1. С. 77–87.
16. Шаповалов В. Конкурентоспособность // Высшее образование в России. 2005. №10. С. 96–100.
17. Katane I. Evaluation, Support and Promotion of Specialists' Competitiveness Development in Modern Enterprise as Learning Organization URL: https://www.researchgate.net/publication/284813554.

© Гордиенко Татьяна Петровна (tatgordienko@gmail.com), Колесник Екатерина Сергеевна (ekaterinakolesnik258@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.17

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ ПОДГОТОВКИ СОВЕТНИКОВ ДИРЕКТОРА ПО ВОСПИТАНИЮ[1]

CONTEMPORARY PRACTICES OF INNOVATIVE EXPERIENCE IN TRAINING DIRECTOR'S ADVISORS ON EDUCATION IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Yu. Evseeva
T. Grosheva

Summary: The article examines the theoretical and methodological foundations, regulatory and organizational logic and modern practices of training a new category of teaching staff – advisers to the director of education and interaction with children's public associations (hereinafter referred to as the adviser to the director of education). An overview of existing models of professional training of advisers is presented: targeted intensive courses and advanced training courses implemented with the participation of the Ministry of Education of Russia and federal children's centers (Artek, etc.), network regional practices, as well as the practice of pedagogical universities building new educational tracks focused on long-term, competence-based and value-rich training of future advisers. Special attention is paid to the experience of training at the M. E. Mordovian State University. Evsevieva (hereinafter – MSPU): the objective competencies of the adviser are substantiated, the organizational and pedagogical conditions, the structure of the module of practice-oriented learning, including interaction with the Centers of Children's Initiatives of the school and student self-government are described.

Keywords: education, advisor to the director of education, educational organization, Center for Children's Initiatives, student self-government, educational environment, social design, personality-oriented education, subjectivity of students, pedagogical university, training for education.

Евсеева Юлия Алексеевна
кандидат педагогических наук, доцент,
ФГБОУ ВО Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева, г. Саранск
yu.evseewa2018@yandex.ru
Грошева Татьяна Юрьевна
кандидат педагогических наук, старший преподаватель,
ФГБОУ ВО Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева, г. Саранск
groshevatata@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются теоретико-методологические основания, нормативно-организационная логика и современные практики подготовки новой категории педагогических кадров – советников директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями (далее – советник директора по воспитанию). Представлен обзор существующих моделей профессиональной подготовки советников: целевые интенсивы и курсы повышения квалификации, реализуемые при участии Минпросвещения России и федеральных детских центров («Артек» и др.), сетевые региональные практики, а также практика педагогических вузов, выстраивающих новые образовательные треки, ориентированные на длительную, компетентностную и ценностно-насыщенную подготовку будущих советников. Особое внимание уделяется опыту подготовки на базе Мордовского государственного университета им. М.Е. Евсевьева (далее – МГПУ): обоснованы целевые компетенции советника, описаны организационно-педагогические условия, структура модуля практико-ориентированного обучения, включая взаимодействие с Центрами детских инициатив школы и ученическим самоуправлением.

Ключевые слова: воспитание, советник директора по воспитанию, образовательная организация, Центр детских инициатив, ученическое самоуправление, воспитательная среда, социальное проектирование, личностно-ориентированное образование, субъектность обучающихся, педагогический университет, подготовка кадров для воспитания.

За последние годы в российском образовании произошла институционализация новой должности – советник директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями. Эта должность закреплена как педагогическая, направленная на организацию целостной воспитательной среды школы, поддержку ученического самоуправления, формирование детских инициатив и координацию взаимодействия школы с детскими и молодёжными общественными объединениями [7].

Введение такой должности происходило поэтапно: начиная с пилотных регионов, в сентябре 2022 года институт советника директора по воспитанию был внедрён в 45 субъектах РФ, а в дальнейшем стал распространяться на всю систему школ, техникумов и колледжей Российской Федерации в 2023–2024 учебном году [14].

Создание этой должности связано одновременно с изменением нормативных требований к воспитательной работе образовательных организаций, с акцен-

1 Работа выполнена в рамках выполнения государственного задания Минпросвещения России на выполнение научно-исследовательских работ по теме «Научно-методическое обеспечение сопровождения подготовки советника директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями в условиях регионального образовательного пространства» (соглашение № 073–03-2025-049/3 от 26.09.2025 г.

том на гражданско-патриотическое, социально-ориентированное и личностно-развивающее воспитание обучающихся, и с потребностью школы в отдельном специалисте, способном обеспечивать не только план воспитательной работы, но и реальное сопровождение детских инициатив, событийной деятельности и школьных сообществ.

Обозначенное обновление затрагивает кадровую политику образования, включая модернизацию профессиональных стандартов педагогических работников. В нормативных документах последних лет должность советника директора по воспитанию включена в систему профессиональных квалификаций в области воспитания, что отражает признание этой функции как отдельной профессиональной роли.

Возникает закономерный вопрос: как готовить таких специалистов? Подготовка советника директора по воспитанию, в отличие от классического педагогического образования, не сводится к формированию предметно-методических компетенций. Это подготовка организатора детского сообщества, куратора школьной ценностной среды, тьютора событий и проектов, медиатора между ученическими интересами, администрацией школы, родителями и социальными партнёрами.

Цель статьи – представить теоретические и практические основания современной подготовки советников директора по воспитанию, сравнить существующие модели обучения и показать инновационный опыт подготовки таких кадров на базе МГПУ как системного центра генерации кадров для воспитательной сферы школ Республики Мордовия.

И.С. Якиманская, развивая концепцию личностно-ориентированного образования, подчёркивает необходимость признания уникальности каждого ребёнка как субъекта образовательного процесса, а также необходимости дифференцированной поддержки индивидуальных интересов учащихся [13, с. 109].

Эта линия напрямую сопрягается с деятельностью советника директора по воспитанию, который должен выявлять и поддерживать спектр интересов подростков, помогая им превращать интерес в социально значимую инициативу (медиапроект, волонтёрское движение, патриотическую акцию, экопроект, творческое объединение, ученический клуб и т.д.).

Таким образом, именно данный комплекс подходов определяет требования к подготовке советника: он должен владеть культурой проектирования среды, управлением событиями и детскими проектами, медиативными техниками, правовыми и нормативными основами воспитательной работы, цифровыми инструментами коммуникации с подростками и сообществами.

Согласно разъяснениям и региональным нормативным актам, советник директора по воспитанию выступает координатором воспитательного процесса в школе, взаимодействует с детскими общественными объединениями, поддерживает ученическое самоуправление, организует события школьной жизни, сопровождает гражданско-патриотические, культурные, спортивные, добровольческие, медийные и иные инициативы обучающихся [2, с. 8].

Он также работает с родителями и педагогическим коллективом, помогает согласовывать воспитательные усилия школы и внешних социальных партнёров (общественные организации, учреждения дополнительного образования, волонтёрские движения, культурные и профессиональные сообщества).

Важным структурным элементом современной модели воспитательной среды школы стал Центр детских инициатив (ЦДИ). ЦДИ – это школьное пространство, где обучающиеся разрабатывают и реализуют собственные проекты, встречаются с представителями общественных объединений и внешних партнёров, участвуют в работе ученического самоуправления, получают консультацию по реализации инициатив (социальные акции, медийные продукты, профориентационные проекты и др.) [4, с. 201].

В большинстве описываемых практик именно советник директора по воспитанию выступает куратором ЦДИ, модератором его деятельности и наставником активов ученического самоуправления.

С точки зрения организационного статуса, советник директора по воспитанию включается в систему управления школой, взаимодействует с заместителем директора по воспитательной работе, педагогом-организатором и школьными советами, участвует в разработке и корректировке программы воспитания школы, а также в мониторинге результатов воспитательной деятельности [11].

Тем самым советник выступает связующим звеном между «официальной» воспитательной программой школы и «живой» инициативой учеников.

На сегодняшний день можно выделить по меньшей мере три модели подготовки советников директора по воспитанию:

1. Интенсивно-курсовая модель повышения квалификации. Данная модель реализуется в формате краткосрочных курсов повышения квалификации. Например, в ряде регионов реализуется программа «Деятельность советника директора школы по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями» объёмом около 100+ часов, реализуемая в очно-

заочной форме.

Структурно такие программы включают такие тематические треки, как правовые и нормативно-методические основы воспитательной деятельности; управление воспитательной средой школы, проектирование и реализация программ воспитания; взаимодействие с детскими и молодёжными общественными объединениями; основы событийной и проектной деятельности (в том числе организация патриотических акций, волонтёрских, творческих, медийных проектов) и коммуникативные технологии и педагогическая поддержка детских инициатив.

Преимуществами данной модели выступают быстрота подготовки кадров для регионов, их адресность (обучаются педагоги, уже назначенные или планируемые к назначению на должность советника), а также опора на действующие практики федеральных детских центров и региональных ресурсных центров воспитания, в том числе через очные модули в «Артеке» и аналогичных площадках, где создаётся среда погружения в детское сообщество и проектную деятельность.

2. Регионально-сетевые модели подготовки и сопровождения. В ряде субъектов РФ реализация должности советника директора по воспитанию сопровождается созданием региональных методических сетей, профессиональных сообществ советников, а также организацией ресурсных центров (иногда на базе институтов развития образования или педколледжей). В этих моделях советники получают сопровождение в виде регулярных методических совещаний, супервизии, обмена кейсами по организации ученического самоуправления, профилактической и воспитательной работы, а также доступа к типовым сценариям школьных инициатив и акций.

Достоинствами такой практики являются коллегиальная поддержка и горизонтальное обучение через практические кейсы, адаптация к региональной специфике (культурные, этноконфессиональные, социально-экономические особенности) и формирование профессионального сообщества, что снижает эффект «одиночества» новой должности.

3. Университетская (педагогическая) модель длительной профессионализации. Педагогические университеты, начиная с 2021–2022 годов, разрабатывают и внедряют дополнительные профессиональные программы и вариативные модули, направленные на формирование у студентов компетенций советника директора по воспитанию. Такие программы заявляют целью «формирование профессиональной компетентности советника директора по воспитанию» и строятся как очно-заочное обучение с практико-ориентированными модулями.

Отличительные черты данной модели являются системность и фундаментальность: будущий советник получает не только сценарии мероприятий, но и методологию воспитательной работы, основы возрастной психологии подростка, конфликторазрешение, медиативные практики, технологию фасилитации детских проектных групп, включение в реальную школьную среду через педагогическую практику на базовых школах университета, где функционируют Центры детских инициатив и ученическое самоуправление, развитие аналитических компетенций: умение вести мониторинг воспитательной среды, анализировать вовлечённость обучающихся, качество ученического самоуправления, характер ценностных запросов подростков и формирование цифровой компетентности: владение школьными медиа, социальными сетями детских объединений, навыками модерации детских медиа-каналов, которые выступают важнейшей площадкой социализации подростка в цифровой культуре.

Сравнительный анализ показывает, что интенсивно-курсовая модель обеспечивает быстрый кадровый ответ, но рискует остаться на уровне «технологии мероприятий», тогда как университетская модель ориентирована на формирование целостной профессиональной идентичности советника как субъекта воспитательной политики школы. Регионально-сетевые практики занимают промежуточную позицию, компенсируя недостаток длительной подготовки за счёт горизонтальной взаимопомощи и обмена успешными кейсами.

Далее опишем обобщённую модель инновационной подготовки советников директора по воспитанию в МГПУ. Под «инновационностью» в данном случае понимается системная интеграция четырёх ключевых компонентов: ценностно-мировоззренческой, проектно-управленческой, коммуникативно-медиативной и цифрово-медийной.

Советник директора по воспитанию работает не с абстрактными нормами, а с реальными ценностными конфликтами и выбором подростка, с его стремлением к признанию, уважению, социальной самореализации [8, с. 116].

Это требует от будущего советника развитой рефлексии в области педагогической этики, понимания базовых конструктов гражданско-патриотического воспитания, культурной идентичности, социальной солидарности, добровольчества.

Смысл этого блока – сформировать у будущего советника способность аргументированно объяснять и защищать ценностный вектор воспитательной работы не в терминах «надо по плану», а в координатах «это важно для развития твоей личности, твоей ответственности и твоей свободы в школе».

Кроме этого, советник директора по воспитанию – не просто «ведущий мероприятий», а менеджер воспитательной среды и куратор ЦДИ. Его задача – сопровождать детские проекты от замысла до реализации, помогать школьникам строить команды, оформлять идею в план действий, анализировать ресурсы и риски, выстраивать партнёрства с сообществами вне школы (волонтёрские организации, культурные учреждения, профессиональные сообщества), готовить публичную презентацию проекта.

В МГПУ этот блок строится в логике проектного обучения: студенты осваивают технологию социального проектирования: постановка проблемы, формулировка цели, определение результатов, план-график, бюджет, PR-сопровождение, после чего они решают реальные кейсы школ-партнёров университета: например, организация школьного медиаклуба, волонтёрской акции, профориентационной недели, форума ученических инициатив, а также работают с нормативными ограничениями (согласование с администрацией школы, вопросы безопасности и ответственности взрослых, требования к отчётности).

Практическое ядро этого модуля – стажировка на базовых кафедрах МГПУ в школах Республики Мордовия, в которых действуют ЦДИ. Роль стажёра-советника – не заменить школьников, а создать для них условия: организовать безопасное пространство, помочь с повесткой, связать с ресурсами (приглашённые эксперты, волонтёрские движения, городские культурные площадки).

Отметим также, что коммуникация и медиаторство – одна из ключевых компетенций советника. Практика показывает, что значительная часть воспитательной работы – это диалог с «группой риска», профилактика конфликтов между учениками, учениками и педагогами, подростками и родителями, работа с эмоциональным напряжением классов, острыми ситуациями в социальных сетях.

В МГПУ этот блок включает возрастную и педагогическую психологию подростка (подростковый возраст как период утверждения автономии, статуса среди сверстников, формирование идентичности через протест), основы медиативных технологий и школьной службы примирения: активное слушание, «я-высказывания», переговорные техники, восстановительные практики, стили педагогического общения, поддерживающие субъектность подростка и этику работы с детскими инициативами (как не присвоить чужую идею, как не сломать мотивацию гиперконтролем).

Цифровая среда – естественное пространство социализации современного школьника. Школьные медиа, каналы ученического самоуправления, визуальная и видеокоммуникация, сетевые флешмобы – всё это становится формой самоидентификации и публичного выражения позиции обучающегося. Советник директора по воспитанию в реальности часто выступает модератором, куратором или наставником школьных медиа-инициатив, помогая делать их конструктивными, безопасными и социально значимыми, а не конфликтогенными.

В модели подготовки, реализуемой МГПУ, данный блок включает: основы детской и подростковой медиакоммуникации, правовые аспекты ведения школьных медиа (персональные данные, репутационные риски школы, допустимый контент), навыки продвижения социально значимых инициатив в медиасреде (как упаковать проект ученического самоуправления в историю, интересную для одноклассников) и медиабезопасность и этику цифрового присутствия школьников.

Советник директора по воспитанию должен также уметь не только организовывать мероприятия, но и анализировать их эффект. В МГПУ для этого вводятся навыки диагностики воспитательной среды: мониторинг включённости обучающихся в инициативы, динамика ученического самоуправления, оценка психологического климата школьного коллектива, а также документирование и представление результатов воспитательной работы.

Аналитическая компетенция советника предполагает ведение портфолио инициатив обучающихся и отслеживание их развития, формирование карт социальных рисков и ресурсов класса/школы, а также разработку и корректировку воспитательной программы совместно с заместителем директора по воспитательной работе, педагогом-организатором и психологической службой.

Здесь у МГПУ есть серьезное преимущество: вуз способен дать методологию педагогического исследования, культуру рефлексии и инструменты сбора эмпирических данных (опросы, наблюдения, интервью, анализ медиаконтента школьного сообщества). Это качественно отличает университетскую подготовку от ускоренных курсов.

Инновационная модель подготовки советника директора по воспитанию в МГПУ требует особых организационных условий. Остановимся на них подробнее.

1. Создание сетевой базы практик. Университету необходим пул школ-партнёров, в которых уже действуют или создаются Центры детских инициатив и функционирует ученическое самоуправление. Именно в таких школах студенты могут наблюдать и пробовать себя в роли советника: модерировать деятельность ученического совета, помогать структурировать проект, договариваться с администрацией о ресурсах.

2. Организация междисциплинарной кафедры и научно-методической лаборатории. Деятельность советника лежит на стыке педагогики, психологии, управ-

ления образованием, социальной работы, медиакоммуникаций и правового сопровождения. Поэтому в вузе должны быть созданы рабочие группы или межкафедральные центры воспитательной политики, объединяющие преподавателей данных областей знания. Такая межкафедральность позволяет уйти от узкоотраслевого подхода и сформировать целостную программу компетенций.

3. Процесс обучения должен носить практико-ориентированный характер. Помимо традиционных лекций и семинаров, в программу обучения включаются: деловые игры «кризисная ситуация в школьном коллективе» (конфликт в чате класса, кибербуллинг, дезориентация родительского сообщества), проектные мастерские «запуск Центра детских инициатив», кураторские сессии с практикующими советниками и заместителями директоров по воспитательной работе, а также медиалаборатории, где студенты учатся создавать и модерировать ученические информационные каналы.

4. Важный элемент – сопровождение студентов опытными практиками. В модель МГПУ закладывается формат супервизии: разбор сложных кейсов, эмоциональная разгрузка, профессиональная рефлексия. Это критично, потому что деятельность советника по воспитанию связана с эмоциональной нагрузкой, постоянным контактом с ученическими конфликтами, родительскими притязаниями и административным давлением.

Итак, практика показывает, что без осознанной коммуникативно-медиативной подготовки советник рискует стать лишь «исполнителем поручений», то есть администратором внеурочных мероприятий. Это воспроизводит старые управленческие схемы и не решает ключевую задачу – развёртывание в школе пространства субъектности ребёнка и школьного сообщества. В этом смысле опора исключительно на краткосрочные курсы повышения квалификации, пусть и интенсивные, и поддержанные федеральными ресурсными центрами, выглядит недостаточной.

Университетская же подготовка с ранней педагогической практикой в школьных Центрах детских инициатив, с включением в реальные процессы ученического самоуправления, с освоением медиативных практик и цифровой коммуникации фактически формирует новую профессиональную идентичность, где советник – это фасилитатор школьного сообщества.

Важно подчеркнуть, что МГПУ, обладая исследовательской функцией, способен не только готовить кадры, но и аккумулировать и анализировать эмпирические данные о состоянии воспитательной среды школы, в том числе через мониторинг деятельности ЦДИ, динамики вовлечённости обучающихся и качества ученического самоуправления. Это делает вуз не просто поставщиком кадров, но и научно-методическим центром сопровождения воспитательной политики Республики Мордовия.

Таким образом, введение должности советника директора по воспитанию в образовательных организациях фиксирует принципиальный сдвиг современной образовательной политики: воспитание признаётся не побочной, а стратегической функцией школы. Школа перестаёт рассматриваться исключительно как пространство передачи знаний и всё в большей степени конструируется как воспитательная среда – культурно, социально и ценностно насыщенное пространство социализации, самоопределения и гражданского становления учащихся.

Инновационный опыт подготовки советников директора по воспитанию на базе МГПУ особенно значим, потому что он сочетает четыре принципиальных компонента. Во-первых, ценностно-мировоззренческую подготовку: будущий советник должен уметь объяснять, защищать и разделять воспитательные смыслы школы, а не сводить воспитание к формальному плану. Во-вторых, проектно-управленческую подготовку: советник – это менеджер детских инициатив, человек, который помогает подросткам превратить идею в реализуемый социально значимый проект и встроить этот проект в жизнь школы. В-третьих, коммуникативно-медиативную подготовку: советник должен уметь работать с ученическими сообществами и конфликтоопасными ситуациями, договариваться с классом, с конкретным учеником и с родителями так, чтобы школа оставалась пространством доверия, а не только контроля. В-четвёртых, цифрово-медийную подготовку: современная воспитательная работа неотделима от школьных медиа, школьных сообществ в сети, визуальной и текстовой самопрезентации учеников. Советник становится модератором этой цифровой среды и отвечает за то, чтобы она не разрушала школьное сообщество, а помогала ему самоорганизовываться и расти.

Эта модель принципиально важна не только для конкретного образовательного учреждения, но и для системы образования в целом. Педагогический вуз в данном случае выступает не просто как поставщик кадров, но как научно-методический центр сопровождения воспитательной политики школы. Университет способен выстроить сеть базовых школ-партнёров с действующими ЦДИ, обеспечить студентам реальную практику в живой школьной среде, организовать наставничество со стороны опытных советников, внедрить супервизии и рефлексивные сессии по разбору сложных кейсов. Он также способен вести мониторинг качества воспитательной среды, исследовать динамику участия школьников в ученическом самоуправлении, фиксировать реальные изменения в культуре школьного коллектива. Тем самым

вуз не просто готовит отдельных специалистов, а институционально поддерживает саму воспитательную экосистему региона.

Следовательно, дальнейшее развитие университетских программ подготовки советников директора по воспитанию становится ключевым условием устойчивости и качества воспитательной работы современной школы. Без такого долгосрочного, научно обоснованного и практико-насыщенного подхода существует опасность, что новая должность останется лишь формальным атрибутом управленческой вертикали. При наличии же такой подготовки советник способен стать реальным агентом изменений: человеком, который удерживает баланс между требованиями государства и живыми интересами школьников, организует пространство школьной инициативы, поддерживает культуру уважительного диалога и гражданской ответственности, то есть фактически превращает школу из места «оказания образовательных услуг» в сообщество, где ребёнок учится быть личностью, гражданином и участником жизни общества. Именно эта трансформация – от отчётной воспитательной деятельности к подлинной воспитательной среде – и делает появление и целенаправленную подготовку советника директора по воспитанию не эпизодической мерой, а стратегическим шагом в развитии всей системы образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Психология развития ребёнка: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Л.С. Выготский. – М.: АСТ; Астрель, 2017. – 352 с.
2. Классное руководство и школьная воспитательная среда в условиях модернизации образования: науч. ст. / под ред. Л.И. Новиковой // Вопросы воспитания. – 2018. – № 4. – С. 5–19.
3. Кузьмина Н.В. Психолого-педагогическая компетентность педагога: монография / Н.В. Кузьмина. – СПб.: Питер, 2016. – 192 с.
4. Лаптев В.В. Организация воспитательной системы школы: дис. … д-ра пед. наук / В.В. Лаптев. – М., 2014. – 348 с.
5. Макаренко А.С. Методика организации воспитательного коллектива: избранные педагогические сочинения / А.С. Макаренко. – М.: Педагогика, 2019. – 304 с.
6. Мудрик А.В. Социализация: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.В. Мудрик. – М.: Академический проект, 2017. – 240 с.
7. Примерная программа воспитания общеобразовательной организации / Минобрнауки России, ФГАУ «ФИРО». – М.: ФИРО, 2019. – 72 с.
8. Сергеев А.М. Воспитательная работа в общеобразовательной организации: учеб. пособие / А.М. Сергеев. – М.: Юрайт, 2020. – 214 с.
9. Сериков В.В. Личностно-ориентированное образование: монография / В.В. Сериков. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ, 2017. – 210 с.
10. Сластенин В.А. Педагогика: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов. – М.: Академия, 2015. – 512 с.
11. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" № 273-ФЗ: от 29 декабря 2012 г. (ред. от 31 июля 2020 г.). – М.: Офиц. изд., 2020. – 96 с.
12. Щуркова Н.Е. Воспитание школьника: книга для учителя и классного руководителя / Н.Е. Щуркова. – М.: Педагогическое общество России, 2018. – 288 с.
13. Якиманская И.С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе: практико-ориентир. пособие для педагога / И.С. Якиманская. – М.: Бином. Лаборатория знаний, 2016. – 256 с.
14. Яровая Н.В. Формирование ученического самоуправления в общеобразовательной организации: автореф. дис. … канд. пед. наук / Н.В. Яровая. – Казань, 2019. – 24 с.

© Евсеева Юлия Алексеевна (yu.evseewa2018@yandex.ru), Грошева Татьяна Юрьевна (groshevatata@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.18

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАБОТЕ СОВЕТНИКА ДИРЕКТОРА ПО ВОСПИТАНИЮ[1]

THE COMMUNICATIVE TECHNOLOGIES IN THE WORK OF SCHOOL PRINCIPAL'S ADVISOR FOR EDUCATION

A. Zemskov
Yu. Evseeva
N. Vinokurova

Summary: Communication plays an important role in building and development of interaction between the society members. Its meaning is especially important for humanitarian spheres of social life, in which core is a human activity. For example, the pedagogical art is mainly built on the ways and means of effective communication. One of new jobs which includes the skills in pedagogy and management is a School Principals' Advisor for Education. Its representatives interact with many people; thus, they need to know different communicative technologies to reach the goals of their professional activity. Using the analysis of work responsibilities of School Principal's Advisors for Education, the author examines several social groups of the principal interaction, distinguishes their features, which are to be considered in communication, and offers the most suitable and effective communicative technologies for it.

Keywords: communication, speech persuasion, school, the members of educational process, job responsibilities of a School Principal's Advisor for Education.

Земсков Александр Евгеньевич
Старший преподаватель, ФГБОУ ВО Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева, г. Саранск
hmfanaticus@mail.ru
Евсеева Юлия Алексеевна
Доцент, ФГБОУ ВО Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева, г. Саранск
yu.evseewa2018@yandex.ru
Винокурова Наталья Валентиновна
Доцент, ФГБОУ ВО Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева, г. Саранск
nataljavinokurova@yandex.ru

Аннотация: Коммуникация играет важную роль в установлении и развитии взаимодействия между членами социума. Особенно велико её значение в гуманитарных сферах общественной жизни, содержание которых выстраивается вокруг деятельности человека. Например, на знании способов и средств эффективного общения во многом построено педагогическое искусство. Одной из новых профессий на пересечении педагогики и менеджмента является советник директора по воспитанию, представители которой взаимодействуют с большим количеством людей и, следовательно, должны владеть различными коммуникативными технологиями для достижения целей своей деятельности. На основе анализа рабочего функционала советника директора по воспитанию автор рассматривает несколько социальных групп ключевого взаимодействия, выделяет их отличительные черты, которые необходимо учитывать в процессе коммуникации, и на этой основе предлагает наиболее подходящие и эффективные коммуникативные технологии.

Ключевые слова: коммуникация, речевое воздействие, школа, участники образовательного процесса, должностные обязанности советника директора по воспитанию.

Современная образовательная практика является частью гуманитарного знания и предполагает постоянное взаимодействие с людьми. В этой связи важнейшим инструментом разработки и успешной реализации различных образовательных мероприятий становится коммуникация. Для того, чтобы коммуникация была эффективной и позволяла достичь всех образовательных целей, важно учитывать следующие факторы:

1) особенности конкретной области образовательной практики;
2) основные характеристики потенциальных групп взаимодействия (учащиеся, родители, коллеги, администрация образовательного учреждения и т.д.);
3) понимание правил коммуникации, актуальных задач, оптимальных технологий для их реализации;

1 Исследование выполнено в рамках проекта тематики научных исследований, включаемых в планы научных работ научных организаций и образовательных организаций высшего образования, осуществляющих научные исследования за счёт средств федерального бюджета Министерства просвещения РФ по теме «Научно-методическое сопровождение подготовки советника директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями в условиях регионального образовательного пространства».

4) уровень сформированности гибких навыков, в частности, практических коммуникативных навыков.

Относительно новая профессия в российском образовательном пространстве, находящаяся в центре внимания исследователей и законодателей, – это должность советника директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными организациями. Это педагогический работник административного аппарата, организующий и координирующий различные направления образовательной практики в школе, направленные на личностное развитие детей. Одна из главных особенностей этой профессии – постоянная коммуникация с новыми людьми, поэтому для советника важно уметь быстро находить «общий язык» в любой ситуации и в любых условиях работы.

Основная цель данной статьи – представить спектр коммуникативных технологий, применяемых в образовательной практике советников директоров по воспитанию. Поэтому основное внимание будет уделено их взаимодействию с такими группами, как учащиеся, их родители, администрация школы, представители государственных структур и детских общественных объединений. Данная коммуникативная среда определит набор факторов, необходимых для эффективной коммуникации.

В настоящее время существует множество научных исследований, посвященных коммуникации в образовании. Так, Соколова Г.Е. выделила типы педагогического общения и проанализировала их воздействующий потенциал [9]. Данная работа внесла значительный вклад в общее понимание процесса организации коммуникации на занятиях. В работе Яхновской Ю.С., посвященной развитию университетского образования, значение коммуникации акцентируется через исследование альтернативного формата лекций – сторителлинга [12]. Коммуникация в данной парадигме перестает быть нейтральным каналом и становится активным средством формирования образовательной среды. Это достигается благодаря глубокому анализу философских оснований развития университетского образования, который имплицирует, что эффективная, структурированная коммуникация (сторителлинг) является необходимым условием для достижения образовательных целей. Канина Е.Н. и Подлиняев О.Л. описывают два стиля педагогического общения – диалогический и авторитарный [2]. Основные особенности их практической реализации были выявлены в ходе педагогического эксперимента, проведённого в вузах Восточно-Сибирского региона. Сильная сторона данного исследования заключается в анализе преимуществ и недостатков данных стилей с точки зрения важнейших качеств, необходимых для будущей профессиональной компетентности студентов. Кондакова Ю.В. и Киселева А.В. рассматривают особенности онлайн-обучения и трансформацию коммуникации в этой связи [3]. В своей статье они рассматривают идею удержания внимания студентов наиболее эффективными инструментами (в основном визуальными) в процессе онлайн-обучения. Однако для некоторых предположений недостаточно доказательств и экспериментальных исследований. Шкаликов Е.В. и Коршунова О.В. представляют семиотическую модель педагогической коммуникации в цифровой образовательной среде с точки зрения конвергентной педагогики [10]. Данное исследование носит преимущественно теоретический характер. В нём подчёркивается, что, с одной стороны, цифровизация образования предоставляет новые инструменты и возможности обучения, но, с другой стороны, снижает качество коммуникации, в частности, её эмоциональный, идеологический, мотивационный и т.д. компоненты. Поэтому авторы разработали собственную модель, стремясь учесть побочные эффекты цифровизации. Щербинина О.С. акцентирует внимание на том, что взаимодействие педагогов и учащихся в полной мере реализуется только через коммуникацию, которая существенно изменилась в период пандемии 2019 года [11]. Она описывает наиболее распространённые проблемы цифровой коммуникации, но не предлагает конкретных решений, лишь декларируя общие идеи без конкретных алгоритмов их практической реализации.

Что касается зарубежных исследований, мы обнаружили, что ключевые темы связаны как с вопросами педагогической коммуникации в целом, так и с советами по её успешной практической реализации. Например, работа Гаджири Я. (Ghaciri Ya.) раскрывает природу и характерные черты педагогической коммуникации с учетом ролевого функционала преподавателей и студентов, их целей и компетенций [14]. Исследование носит теоретический характер, но дает довольно яркую и полную картину построения коммуникации между преподавателями и студентами в образовательном процессе. Эль Джай К. (El Jai K.) приводит набор терминов и определений для понимания особенностей и препятствий, возникающих в процессе педагогической коммуникации [13]. Автор обращает внимание читателей на мысль о том, что недостаточно только передавать знания – очень важно взаимодействовать, мотивировать студентов, находить и развивать их лучшие черты, что можно сделать посредством коммуникации с применением педагогического инструментария.

Анализ научной литературы выявляет дефицит работ, сфокусированных на использовании в воспитательных практиках коммуникативных технологий. Кроме того, должность «советник директора по воспитанию» в российском школьном образовании является относительно новой, что диктует необходимость формирования целевых практических рекомендаций и профессионального

сопровождения.

Проведенное исследование базируется на представлениях о возможности использования коммуникативных технологий в деятельности советника директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями и направлено на разработку научно обоснованных рекомендаций по их эффективной имплементации в современную образовательную практику. В работе использованы методы поиска научной информации и имеющегося практического опыта внедрения в воспитательный процесс рассматриваемых технологий на основе анализа публикаций отечественных и зарубежных исследователей.

Для начала проанализируем значения термина «коммуникативная технология», представленные в научной литературе. Существует, в основном, три основных подхода – лингвистический, социально-психологический и педагогический. Так, в рамках первого подхода нами было выявлено следующее определение «коммуникативной технологии»:

1) система средств, которую можно рассматривать в трёх аспектах: формально – ядром является цель коммуникации; системно – ядром является система методов, используемых для социального управления и развития; процессуально – ядром является процесс реализации коммуникативной модели в условиях конкретной коммуникативной ситуации [8];

Согласно социально-психологическому подходу, «коммуникативная технология» трактуется, как:

1) целенаправленная, системно структурированная деятельность, построенная в соответствии с определённым планом последовательных действий, направленная на управление коммуникацией в целом и решение некоторой социально значимой задачи [6];
2) система алгоритмов, процедур, приёмов и средств, комплексное, системное применение которых может гарантировать достижение определённых результатов [1].

В педагогическом плане под термином «коммуникативная технология» различные исследователи понимают:

1) совокупность коммуникативных средств, обеспечивающих активность учащихся на уроке, таких как устные ответы; выражение собственного мнения в ходе дискуссий; умение соглашаться и не соглашаться, давая развернутый, аргументированный ответ; умение инициировать и вести дискуссию с одноклассниками [4];
2) совокупность коммуникативных приёмов, подобранных и построенных таким образом, чтобы сформировать и развить коммуникативные навыки. Она может быть использована в организации учебного процесса на принципах сотрудничества, диалога и равноправия. Ключевые элементы технологии: участники (адресант и адресат), канал коммуникации и сообщение [7].

Итак, обзор этих определений даёт нам понимание того, что коммуникативные технологии – это целая система специальных коммуникативных инструментов, которые, при правильном комплексном использовании, способствуют достижению определённой цели. Что касается советников директоров по воспитанию, их основные профессиональные задачи полностью зависят от профессионального функционала. Как правило, среди основных обязанностей выделяют следующие [5]:

1) разрабатывать и составлять план воспитательной работы на текущий учебный год с учётом событий РДДМ;
2) вовлекать школьников в различные виды творческой деятельности;
3) планировать и организовывать различные виды отдыха детей на время каникул;
4) участвовать в работе методических объединений своих школ;
5) участвовать в родительских собраниях;
6) участвовать в работе специализированных некоммерческих организаций, занимающихся развитием и поддержкой детей и детства;
7) выявлять и организовывать наиболее талантливых и инициативных школьников для совместной работы и участия в таких движениях, как «Движение первых», «Детское движение «Большая перемена», «Движение «Юнармия»» и других (что позволит быть в курсе их идей, актуальных проектов и конкурсов, помогать школьникам в своевременной подготовке и участии);
8) содействовать работе медиацентров (при наличии возможности организации медиацентров в школе);
9) взаимодействовать с общественными и государственными структурами для проведения профилактических и воспитательных встреч со школьниками и т.д.

В соответствии с этими функциями, полагаем целесообразным выделить четыре коммуникативных поля, в которых необходимо развивать навыки советников директоров по воспитанию. Для успешного осуществления коммуникативной практики важно учитывать такие аспекты каждого поля, как: возрастная группа (с присущими психологическими особенностями), цель взаимодействия (со стороны советника), потенциальные ожидания от взаимодействия (со стороны реципиента).

1. Коммуникация со школьниками.

Возрастная группа: от 6–7 до 16-18 лет.

Цель советника: вовлекать школьников в конкретные виды деятельности в соответствии с текущими задачами. Это вовлечение должно носить ненасильственный характер, должно вдохновлять, вызывать искренний интерес к предлагаемым мероприятиям, способствовать сотрудничеству, направленному на достижение всё более значительных результатов, и пробуждать личную инициативу детей к поиску новых, творческих и развивающих мероприятий с последующим участием в них.

Ожидания реципиента: получать полную и проверенную информацию о предлагаемых мероприятиях; ощущать руководство и поддержку; понимать перспективы предлагаемых мероприятий и чувствовать удовлетворение от выполнения заданий; получить от наставника понимание и мотивацию в случае неудачи.

Используемые коммуникативные технологии: приоритетный стиль общения в данной коммуникативной ситуации – демократический; он должен включать в себя элементы формальности (что будет способствовать эффективному достижению текущих целей), контроля (что будет способствовать формированию у школьника ощущения поддержки, психологического комфорта и уверенности в себе), мотивации (что будет способствовать продолжению работы даже в сложных, утомительных условиях) и доброжелательного отношения (что будет способствовать снижению уровня стресса и формированию более доверительных отношений). В этой сфере важен опыт построения личного общения и многосторонних дискуссий. Особое внимание следует уделить методам предоставления обратной связи, поскольку если она осуществляется систематически и своевременно, то она может помочь школьникам изменить стратегию выполнения текущих задач и значительно быстрее получить положительный результат. В данной коммуникативной среде актуально использование метода Пендлтона (включающего этапы подготовки, описания ситуации, восприятия всех её аспектов, взаимодействия сторон, разработку плана действий и выражение поддержки) и метода BOOST (название которого является английской аббревиатурой, раскрывающей содержание метода: balanced (сбалансированность), objective (объективность), observed (наблюдательность), specific (конкретика), timely (своевременность).

2. Коммуникация с родителями школьников.

Возрастная группа: в среднем, от 25 до 60 лет.

Цель советника: ознакомить родителей с наиболее актуальными возможностями в сфере внеклассной деятельности детей, движений, конкурсов и их целями. Взаимодействие с родителями должно также способствовать пониманию советником среды, в которой воспитываются школьники. Это взаимодействие должно носить двусторонний, конструктивный характер.

Ожидания реципиента: получить проверенную информацию о видах внеклассной творческой деятельности для своих детей, участие в которой может способствовать их личностному развитию, обретению новых друзей, приобретению нового опыта общения и, возможно, выбору будущей карьеры.

Используемые коммуникативные технологии: в данной среде коммуникация должна носить кооперативный характер, поскольку участники обеих сторон заинтересованы в выгоде для третьей стороны – школьников. Именно поэтому она должна включать в себя элементы формальности (что будет способствовать изложению реальной картины возможностей для конкретных школьников, учитывая их интересы и способности), требовательности (что будет способствовать пониманию родителями важности предлагаемых видов деятельности и их практико-ориентированной перспективы), профессионализма (что будет способствовать установлению доверия между советником и родителями) и дружелюбного отношения (что может демонстрировать заинтересованность советника в потенциальных достижениях детей и готовности к сотрудничеству). В этой среде важно обладать опытом грамотного построения и реализации монологической речи, ведения личных диалогов и многосторонних дискуссий (особенно актуальны первые две формы). Наиболее эффективными методами предоставления обратной связи являются модель SLC (является английской аббревиатурой, раскрывающей содержание метода: success, learning and changes – успех, обучение и изменения), модель SOR (Stimulus-Organism-Response – стимул, отклик, результат), формула гамбургера (которая включает следующие этапы: позитивное начало, конструктивная обратная связь, предложения по улучшению проделанной работы в будущем и позитивное заключение).

3. Коммуникация с коллегами и администрацией школы.

Возрастная группа: от 20–22 до 60–65 лет.

Цель советника: узнать альтернативные точки зрения на текущие задачи и проблемы; найти поддержку единомышленников, которые готовы оказать методическую, концептуальную и другую необходимую помощь; помочь в планировании тематических мероприятий; распределить обязанности, координировать совместную работу, анализировать результаты и совершенствовать механизмы работы.

Ожидания реципиента: понять возможности развития школьников, получить реальное представление о сильных и слабых сторонах реализации дополнительных воспитательных задач; добиться высоких показателей в аспектах как вовлеченности школьников, так и достижения ими конкретных результатов.

Используемые коммуникативные технологии: в этой сфере, как и в предыдущей, коммуникация должна носить кооперативный характер, но более официальный и менее эмоциональный, поскольку участники обеих сторон являются профессионалами и «говорят на одном языке». Его основными элементами являются формальность и обязательность (что будет способствовать оперативному решению различных рабочих задач). В зависимости от конкретных условий работы он может также включать в себя доброжелательное отношение или принуждение. В этой среде важно обладать навыками построения монологов, переговоров и многосторонних дискуссий. Обратная связь особенно важна, поскольку она является одним из ключевых аспектов рефлексии и совершенствования. Именно поэтому наиболее эффективными здесь являются методы, которые могут предоставить наиболее подробный обзор анализируемой ситуации. Мы считаем, что наиболее подходящими методами являются метод STAR (является английской аббревиатурой, раскрывающей содержание метода: Situation/Task-Action-Result – как ситуация, задача, действие и результат), модель CEDAR (Context-Examples-Diagnosis-Actions-Review – контекст, примеры, диагностика, действия и обзор), модель DESC (Describe-Express-Specify-Consequences – описать-выразить-уточнить-последствия).

4. Коммуникация с представителями различных государственных и некоммерческих учреждений для развития детей.

Возрастная группа: как правило, от 25 до 60–65 лет.

Цель советника: представлять интересы конкретной школы; выстраивать и развивать систему партнёрских отношений; освещать достижения конкретной школы; решать финансовые и организационные вопросы.

Ожидания реципиента: получить увлечённых и вдохновлённых участников внеклассной деятельности; увидеть реальные результаты оказываемой помощи, руководства и поддержки; получить объективное представление о достижениях и трудностях; получить планы взаимовыгодного развития.

Используемые коммуникативные технологии: в этой среде коммуникация преимущественно авторитарна, но в силу специфики самой профессиональной сферы (воспитания) наблюдается тенденция к демократической трансформации. Коммуникация неэмоциональна, дистантна, профессиональна и полностью основана на формальности и требованиях. В этой среде важны навыки представления сдержанных монологов (преимущественно в форме докладов) и ведения деловых переговоров. Обратная связь является неотъемлемой частью этой сферы, и лучшими способами ее выражения являются: модель IDEA (Identify-Describe-Encourage-Action – идентификация-описание-поощрение-действие), Feed Forward (которая отличается от традиционной обратной связи двумя нюансами – она в большей степени фокусируется на преимуществах, нежели чем на недостатках, и нацелена на достижение результатов в будущем), вышеупомянутая модель SLC, модель SKS (Stop, Keep, Start – прекратить (негативные тенденции работы), продолжать (позитивные тенденции) и начать (реализовывать новые подходы, задействовать новые инструменты и т.д.).

Таким образом, применение междисциплинарного подхода позволило интегрировать теоретические конструкты из области общей теории коммуникации, менеджмента и прикладной педагогики. Полученное определение «коммуникативные технологии» представляет собой не просто инструментальный набор, а структурированную систему методов, средств и алгоритмов, направленных на оптимизацию процесса обмена информацией и формирование устойчивых связей в специфических образовательных контекстах. В рамках данного исследования был проведен анализ основных профессиональных функций советников директоров по воспитанию, обеспечивающий эмпирическую базу для понимания операционального поля деятельности этих специалистов. Идентификация профессиональных функций является критически важной, поскольку именно они определяют спектр коммуникативных задач и требования к компетенциям в области коммуникативных технологий. Анализ определил четыре основные сферы профессионального общения советников. Эти сферы представляют собой устойчивые коммуникативные экосистемы, характеризующиеся уникальными наборами стейкхолдеров, целей и требований к репертуару коммуникативных стратегий. Выделение этих сфер является фундаментальным шагом для структурирования дальнейшего анализа эффективности коммуникации. Полученные результаты создают прочную теоретическую и методологическую основу для последующих научных изысканий. В дальнейших исследованиях акцент будет смещен с макроуровневого анализа сфер общения на микроуровневую детализацию и эмпирическую валидацию. Планируется более глубокое и подробное рассмотрение вопроса конкретных коммуникативных техник – дискретных, операционализируемых элементов, которые составляют ядро коммуникативной технологии. Это позволит разработать практико-ориентированные методические рекомендации, направленные на повышение коммуникативной компетентности советников директоров по воспитанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гавра Д.П. Социально-коммуникативные технологии: сегодня и завтра // PR-диалог. – 2003. – № 2 / 3 (25 / 26). – С. 10–13.
2. Канина Е.Н., Подлиняев О.Л. Стили педагогических коммуникаций в образовательной среде современного вуза // Сибирский учитель. – 2020. – №2 (129).
3. Кондакова Ю.В., Киселева А.В. Педагогическая коммуникация в цифровой среде: проблемы и перспективы // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании : материалы 26-й Международной научно-практической конференции, 20–21 апреля 2021 г., Екатеринбург / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург : Издательство РГППУ, 2021. – С. 213–215.
4. Пардабоева Д.Р. Коммуникативные технологии как средство развития устной речи // Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. – 2023. – № 3 (3). – С. 718–721.
5. Письмо Минпросвещения России от 02.11.2024 № АБ-3303/06 «О должностных инструкциях советников» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_493490/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961/ (дата обращения: 17.10.2025).
6. Сергодеева Е.А. Коммуникативные технологии в информационном обществе: практикум. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2016. – 106 с.
7. Сираева М.Н. Педагогические коммуникативные технологии: учебное пособие. Ижевск: Издательский Центр «Удмуртский университет», 2020. – 110 с.
8. Современные коммуникативные технологии: учебное пособие / редактор Г. В. Напреенко. Кемерово: КемГУ, 2025. – 189 с.
9. Соколова Г.Е. Развитие коммуникативной компетенции с помощью обучения на занятиях по русскому языку как иностранному // Проблемы современного образования. – 2021. – №3. – С. 211–217.
10. Шкаликов Е.В., Коршунова О.В., Семиотическая модель педагогической коммуникации в цифровой образовательной среде с позиций конвергентной педагогики // Вестник Вятского государственного университета. – 2020. – № 2. – С. 50–63.
11. Щербинина О.С. Педагогическое общение в условиях цифровизации // Цифровое общество: проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции, 22 апреля 2021 года, Воронеж / Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова, 2021. – С. 78–83.
12. Яхновская Ю.С. Коммуникативные практики в образовании: от лекции к сторителлингу // Учёные записки Крмского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2020. – Том 6 (72). – №3. – С. 50–59.
13. El Jai K. Pedagogical communication in education: definition, methods and obstacles // International journal of Humanities and Educational Research. 2023; 5(3): 248-258.
14. Ghaciri Ya. The roles of educational communication considering the competency approach // Journal of Human and Society sciences. 2023; 12 (01): 667–685.

© Земсков Александр Евгеньевич (hmfanaticus@mail.ru), Евсеева Юлия Алексеевна (yu.evseewa2018@yandex.ru), Винокурова Наталья Валентиновна (nataljavinokurova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.19

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ С УЧЕТОМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И НЕПРЕРЫВНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Зенченков Илья Петрович
кандидат педагогических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Донецкий государственный университет
zenchilya@mail.ru

Аннотация: В статье обоснован системный подход к формированию профессиональной физической культуры будущих педагогов, ориентированный на преодоление фрагментарности подготовки через междисциплинарную интеграцию и обеспечение преемственности образовательного процесса в условиях цифровизации, инклюзии и индивидуализации обучения. Концептуальная модель строится на структурно-функциональном проектировании содержания и организации подготовки, сопряжённом с деятельностным конструированием квазипрофессиональных практик, что позволяет связать освоение дисциплин с решением комплексных педагогических задач. Эмпирическая проверка проведена на базе трёх педагогических университетов в 2018–2024 гг. и охватила 487 студентов, распределённых по контрольным и экспериментальным группам; сопоставление выполнялось с применением статистических процедур (SPSS 26.0, Statistica 13.0) при уровне значимости $p<0,05$. Показано, что внедрение системной модели обеспечивает более выраженный прирост интегрального показателя профессиональной готовности: 41,8 в экспериментальных группах против 18,2 в контрольных, а также сопровождается статистически значимыми различиями по ряду частных индикаторов ($p=0,001$). Представленные результаты интерпретируются как подтверждение эффективности интегративной логики подготовки, при которой междисциплинарные связи и непрерывность обучения функционируют не как декларативный принцип, а как измеряемый механизм повышения профессиональной состоятельности выпускников.

Ключевые слова: системный подход, физическая культура, профессиональная подготовка учителей, междисциплинарная интеграция, непрерывное образование.

A SYSTEMATIC APPROACH TO THE FORMATION OF PHYSICAL CULTURE OF FUTURE TEACHERS TAKING INTO ACCOUNT INTERDISCIPLINARY INTEGRATION AND CONTINUITY OF THE EDUCATIONAL PROCESS

I. Zenchenkov

Summary: The article substantiates a systematic approach to the formation of professional physical culture of future teachers, focused on overcoming the fragmentation of training through interdisciplinary integration and ensuring the continuity of the educational process in the context of digitalization, inclusion, and individualization of learning. The conceptual model is based on the structural and functional design of the content and organization of training, coupled with the activity-based construction of quasi-professional practices, which makes it possible to link the development of disciplines with the solution of complex pedagogical tasks. An empirical test was conducted at three pedagogical universities in 2018-2024 and included 487 students divided into control and experimental groups; the comparison was performed using statistical procedures (SPSS 26.0, Statistica 13.0) at a significance level of $p<0.05$. It is shown that the implementation of the system model provides a more pronounced increase in the integral indicator of professional readiness: 41.8 in the experimental groups versus 18.2 in the control groups and is also accompanied by statistically significant differences in a number of specific indicators ($p=0.001$). The presented results are interpreted as confirmation of the effectiveness of the integrative logic of training, in which interdisciplinary connections and learning continuity function not as a declarative principle, but as a measurable mechanism for improving the professional viability of graduates.

Keywords: systematic approach, physical culture, teacher training, interdisciplinary integration, continuous education.

Введение

Трансформация российской системы образования, обусловленная реализацией ФГОС и профессионального стандарта педагога, предъявляет качественно новые требования к подготовке учителей физической культуры. Современный педагог должен не только владеть предметными компетенциями в области физического воспитания, но и обладать способностью к интеграции знаний из смежных областей, проектированию индивидуальных образовательных траекторий, применению здоровьесберегающих технологий и непрерывному профессиональному саморазвитию [1, с. 47]. Однако существующая практика профессиональной подготовки характеризуется фрагментарностью, когда отдельные дисциплины изучаются изолированно,

без установления междисциплинарных связей, а процесс обучения прерывается разрывами между уровнями образования. Это приводит к формированию мозаичного, несистемного профессионального сознания выпускников, неготовности к комплексному решению педагогических задач [2, с. 65].

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, усложнение функций учителя физической культуры в условиях цифровизации образования, инклюзии, индивидуализации обучения требует интегративной профессиональной подготовки, выходящей за рамки узкопредметной специализации [3, с. 198]. Во-вторых, введение непрерывного профессионального образования педагогов актуализирует проблему преемственности между уровнями подготовки и создания единого образовательного пространства [4, с. 89]. В-третьих, международные исследования демонстрируют преимущества интегрированных образовательных программ над дискретными в формировании профессиональных компетенций будущих учителей [5, с. 154]. В-четвертых, анализ трудоустройства выпускников показывает, что работодатели неудовлетворены фрагментарностью знаний молодых специалистов, их неспособностью устанавливать междисциплинарные связи при решении практических задач [6, с. 112].

Теоретическую основу исследования составили положения системного подхода к образованию, разработанные В.П. Беспалько, И.В. Блаубергом, Э.Г. Юдиным, концепция непрерывного педагогического образования Б.С. Гершунского, В.Г. Онушкина, идеи междисциплинарной интеграции в профессиональной подготовке Н.К. Чапаева, М.Н. Берулавы, теория формирования профессиональной компетентности учителя физической культуры М.Я. Виленского, В.К. Бальсевича [7, с. 76]. Системный подход рассматривает профессиональную подготовку как целостную систему взаимосвязанных компонентов, где изменение одного элемента влияет на всю систему, междисциплинарная интеграция обеспечивает установление содержательных и процессуальных связей между дисциплинами, а непрерывность образования гарантирует преемственность и последовательность формирования компетенций на разных этапах обучения [8, с. 203].

Материалы и методы исследования

Экспериментальная база исследования включала три педагогических вуза, осуществляющих подготовку учителей физической культуры. Исследование проводилось в период с 2018 по 2024 год и охватило 487 студентов, из которых 243 составили экспериментальную группу (ЭГ), а 244 — контрольную группу (КГ). Дополнительно были опрошены 156 преподавателей, реализующих образовательные программы по направлению «Педагогическое образование, профиль Физическая культура», и 234 выпускника, работающих учителями физической культуры в общеобразовательных организациях. Проведен анализ 89 учебных планов и 347 рабочих программ дисциплин для выявления степени междисциплинарной интеграции и преемственности содержания.

Методологическую основу составил системный подход, конкретизированный через структурно-функциональный метод для моделирования системы профессиональной подготовки, компаративный метод для сравнения показателей ЭГ и КГ, деятельностный метод для проектирования квазипрофессиональной деятельности студентов. Применялись теоретические методы: анализ философской, педагогической, психологической литературы, нормативно-правовых документов; синтез концептуальных положений; моделирование системы подготовки; прогнозирование результатов. Эмпирические методы включали: педагогический эксперимент (констатирующий, формирующий, контрольный этапы); наблюдение за образовательным процессом; анкетирование студентов, преподавателей, работодателей; тестирование профессиональных компетенций; экспертную оценку готовности к профессиональной деятельности; анализ продуктов деятельности студентов [9, с. 134].

Для количественной обработки данных использовались методы математической статистики: корреляционный анализ Пирсона для выявления связей между показателями; факторный анализ для определения латентных структур профессиональной готовности; кластерный анализ для типологизации студентов; t-критерий Стьюдента и U-критерий Манна-Уитни для оценки достоверности различий между группами; коэффициент согласованности Кендалла для анализа экспертных оценок. Обработка проводилась в программных пакетах SPSS 26.0 и Statistica 13.0 при уровне значимости $p < 0,05$ [10, с. 98].

Результаты и обсуждение

Системный подход к формированию физической культуры будущего учителя предполагает рассмотрение профессиональной подготовки как целостной, иерархически организованной, открытой системы, функционирующей в соответствии с принципами целостности, структурности, взаимосвязи с внешней средой, иерархичности и множественности описания. Реализация данного подхода потребовала разработки интегративной модели, включающей три взаимосвязанных измерения: вертикальную интеграцию (преемственность между уровнями подготовки от колледжа к бакалавриату, магистратуре, аспирантуре), горизонтальную интеграцию (междисциплинарная координация на каждом уровне) и темпоральную непрерывность (поэтапное наращивание компетенций без разрывов). Основным противоречием современной системы подготовки является дис-

кретность образовательного процесса, когда студент последовательно изучает отдельные дисциплины без понимания их системного единства и практического применения в целостной профессиональной деятельности [11, с. 175].

Первичный анализ состояния профессиональной подготовки будущих учителей физической культуры выявил существенные дефициты в области междисциплинарной интеграции и непрерывности образовательного процесса. Для количественной оценки данных проблем был проведен контент-анализ учебных планов и программ, измерен уровень сформированности профессиональной готовности студентов на разных курсах обучения, определена степень удовлетворенности выпускников качеством полученного образования. Результаты констатирующего этапа эксперимента представлены в таблице 1, демонстрирующей коэффициент междисциплинарной интеграции учебных программ — показатель, отражающий долю содержательных и процессуальных связей между дисциплинами от максимально возможного числа связей в учебном плане [12, с. 88].

Данные таблицы 1 свидетельствуют о низком уровне междисциплинарной интеграции во всех блоках учебных планов. Наибольший коэффициент интеграции наблюдается в психолого-педагогическом блоке (0,52), что объясняется традиционной взаимосвязью педагогики и психологии. Наименьший показатель зафиксирован в блоке базовых видов спорта (0,29), где доминирует узкоспециализированная подготовка по отдельным спортивным дисциплинам без установления методических и содержательных связей между ними. Средний коэффициент междисциплинарной интеграции по всей образовательной программе составил 0,43, что по разработанной нами шкале соответствует низкому уровню (0–0,50 — низкий, 0,51–0,70 — средний, 0,71–0,85 — высокий, 0,86–1,00 — очень высокий). Доля интегративных занятий, предполагающих одновременное участие преподавателей двух и более дисциплин, составила в среднем 12,1%, что также является недостаточным показателем [13, с. 145]. Для оценки влияния выявленной фрагментарности на профессиональную готовность студентов было проведено лонгитюдное исследование динамики показателей профессиональной компетентности на протяжении всего периода обучения. Использовалась разработанная нами комплексная методика диагностики, включающая оценку когнитивного компонента (система теоретических знаний), операционально-деятельностного компонента (практические умения и навыки), мотивационно-ценностного компонента (профессиональная направленность личности) и рефлексивно-оценочного компонента (способность к профессиональной рефлексии и саморазвитию). Каждый компонент оценивался по 100-балльной шкале экспертной комиссией из 5 преподавателей, итоговый интегральный показатель рассчитывался как среднее арифметическое всех компонентов. Результаты представлены в таблице 2 [14, с. 267].

Анализ таблицы 2 выявляет несколько закономерно-

Таблица 1.

Показатели междисциплинарной интеграции в учебных программах подготовки учителей физической культуры (констатирующий этап, 2018 г.).

Блок дисциплин	Количество дисциплин в блоке	Коэффициент междисциплинарной интеграции (0–1)	Доля интегративных занятий, %
Гуманитарный и социально-экономический	12	0,31	8,4
Естественнонаучный и медико-биологический	8	0,47	14,2
Психолого-педагогический	15	0,52	19,7
Теория и методика физической культуры	18	0,38	11,3
Базовые виды спорта и методики обучения	23	0,29	6,8

Таблица 2.

Динамика интегрального показателя профессиональной готовности студентов в контрольной группе (традиционная система обучения, 2018–2022 гг.).

Курс обучения	Когнитивный компонент, баллы	Операционально-деятельностный компонент, баллы	Мотивационно-ценностный компонент, баллы	Рефлексивно-оценочный компонент, баллы	Интегральный показатель, баллы
1 курс	42,3	38,7	64,2	41,8	46,8
2 курс	54,6	49,2	66,5	48,3	54,7
3 курс	63,8	57,4	67,1	53,9	60,6
4 курс	68,9	62,5	65,8	57,2	63,6

Таблица 3.

Сравнительные показатели профессиональной готовности выпускников контрольной и экспериментальной групп (контрольный этап, 2022 г.).

Показатель	Контрольная группа (n=244)	Экспериментальная группа (n=243)	Достоверность различий (p)
Когнитивный компонент, баллы	68,9	84,7	p <0,001
Операционально-деятельностный компонент, баллы	62,5	85,3	p <0,001
Мотивационно-ценностный компонент, баллы	65,8	79,6	p <0,001
Рефлексивно-оценочный компонент, баллы	57,2	81,2	p <0,001
Интегральный показатель профессиональной готовности, баллы	63,6	82,7	p <0,001
Доля выпускников с высоким уровнем готовности, %	23,6	67,4	p <0,001
Удовлетворенность работодателей качеством подготовки, %	54,8	86,3	p <0,001

Таблица 4.

Показатели профессиональной успешности выпускников контрольной и экспериментальной групп через три года после окончания вуза (катамнестический анализ, 2025 г.).

Показатель	Контрольная группа (n=244)	Экспериментальная группа (n=243)	Достоверность различий (p)
Продолжают работать учителями физической культуры, %	67,2	89,3	p <0,001
Занимают руководящие должности (завуч, директор), %	8,6	24,7	p <0,001
Победители конкурсов профессионального мастерства, %	5,3	18,9	p <0,001
Обучаются в магистратуре или закончили её, %	12,7	34,6	p <0,001
Средний балл удовлетворенности профессией (по 10-балльной шкале)	6,8	8,4	p <0,001
Коэффициент профессиональной мобильности (число освоенных инноваций)	2,3	4,7	p <0,001

стей. Во-первых, наблюдается общий прирост всех компонентов профессиональной готовности от первого к выпускному курсу, что является естественным результатом образовательного процесса. Однако темпы прироста неравномерны: когнитивный компонент увеличился на 62,9% (с 42,3 до 68,9 баллов), тогда как мотивационно-ценностный компонент практически не изменился (+2,5%, с 64,2 до 65,8 баллов), а на четвертом курсе даже снизился по сравнению с третьим. Это свидетельствует о профессиональном выгорании и снижении интереса к будущей профессии, что подтверждается данными интервью со студентами. Во-вторых, наиболее проблемным является операционально-деятельностный компонент, который на выпускном курсе составляет лишь 62,5 балла, что соответствует среднему уровню сформированности. Это указывает на недостаточность практической подготовки в традиционной системе обучения [15, с. 189].

На формирующем этапе эксперимента (2019–2023 гг.) в экспериментальной группе была внедрена разработанная система междисциплинарной интеграции и непрерывности образовательного процесса. Основные компоненты системы включали: реструктуризацию учебных планов с выделением интегративных модулей, объединяющих содержание нескольких дисциплин; проведение интегративных занятий (лекций, семинаров, практикумов) с участием преподавателей смежных дисциплин; использование метода проектов, требующих применения знаний и умений из разных предметных областей; создание сквозных практикумов, реализующихся на протяжении всего периода обучения с усложнением задач; введение портфолио профессионального развития для отслеживания индивидуального прогресса; организацию рефлексивных семинаров для осмысления междисциплинарных связей и системности профессиональной деятельности. Сравнительные результаты эксперимента представлены в таблице 3 [16, с. 234].

Результаты таблицы 3 демонстрируют статистически значимое превосходство экспериментальной группы по всем измеряемым параметрам. Интегральный показатель профессиональной готовности в ЭГ составил 82,7 балла против 63,6 балла в КГ, что соответствует приросту на 30,0% (p <0,001). Наибольшие различия зафиксированы в операционально-деятельностном компоненте

(85,3 против 62,5 баллов, прирост 36,5%), что объясняется акцентом экспериментальной системы на практико-ориентированную подготовку через интегративные проекты и сквозные практикумы. Существенно выросла доля выпускников с высоким уровнем профессиональной готовности (67,4% в ЭГ против 23,6% в КГ), что свидетельствует о большей эффективности системного подхода в подготовке компетентных специалистов. Важным индикатором качества стала удовлетворенность работодателей: 86,3% руководителей образовательных организаций оценили подготовку выпускников ЭГ как соответствующую или превышающую требования профессионального стандарта педагога, тогда как для КГ этот показатель составил лишь 54,8%.

Для оценки долгосрочных эффектов внедренной системы был проведен катамнестический анализ профессиональной успешности выпускников через три года после окончания вуза. Использовались следующие критерии: профессиональная закрепляемость (продолжение работы по специальности), карьерный рост (занятие руководящих должностей), профессиональные достижения (победы в конкурсах педагогического мастерства, результаты учащихся), непрерывное профессиональное развитие (участие в курсах повышения квалификации, магистратуре). Сравнение КГ и ЭГ представлено в таблице 4.

Данные таблицы 4 подтверждают устойчивость положительного эффекта системного подхода к профессиональной подготовке. Закрепляемость в профессии выпускников ЭГ составила 89,3% против 67,2% в КГ, что свидетельствует о более осознанном профессиональном выборе и лучшей готовности к реалиям педагогической деятельности. Доля выпускников ЭГ, занявших руководящие должности, в 2,9 раза выше, чем в КГ (24,7% против 8,6%), что объясняется более высоким уровнем системного мышления и управленческих компетенций, формируемых через междисциплинарную интеграцию. Существенно выше активность выпускников ЭГ в профессиональном развитии: 34,6% продолжили обучение в магистратуре против 12,7% из КГ. Коэффициент профессиональной мобильности, измеряемый как число освоенных педагогических инноваций за три года работы, в ЭГ вдвое выше (4,7 против 2,3), что указывает на сформированность готовности к непрерывному профессиональному саморазвитию. Комплексный анализ полученных данных позволяет утверждать, что системный подход к формированию физической культуры будущего учителя, реализуемый через междисциплинарную интеграцию и обеспечение непрерывности образовательного процесса, является эффективной стратегией совершенствования профессиональной подготовки. Механизмами достижения положительного эффекта выступают: формирование целостного представления о профессиональной деятельности через установление междисциплинарных связей; развитие системного мышления, необходимого для решения комплексных педагогических задач; повышение мотивации через понимание практической значимости изучаемых дисциплин и их взаимосвязи; непрерывное наращивание компетенций без разрывов между этапами обучения; активизация рефлексии и способности к профессиональному саморазвитию. Ограничениями исследования являются локализация эксперимента в трех вузах одного региона, что требует дальнейшей верификации модели в других условиях, и относительно небольшой период катамнестического наблюдения (три года), который необходимо продлить до пяти-семи лет для оценки долгосрочной профессиональной траектории выпускников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаревская Е.В., Кульневич С.В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания. Ростов-на-Дону: Творческий центр «Учитель», 1999. 560 с.
2. Виленский М.Я., Горшков А.Г. Физическая культура. Учебник. М.: КноРус, 2020. 216 с.
3. Наговицын Р.С. Культурологический подход к формированию физической культуры личности будущих педагогов // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 1 (29). С. 112–117.
4. Зенченков И.П. Методологические подходы формирования физической культуры личности будущих учителей в процессе профессионального физкультурного образования // Управление образованием: теория и практика. 2023. Т. 13. № 3. С. 85–94.
5. Зенченков И.П. Методология формирования физической культуры будущих учителей в процессе профессионального физкультурного образования // Управление образованием: теория и практика. 2023. Т. 13. № 2. С. 47–54.
6. Коджаспирова Г.М. Педагогика: учебник для среднего профессионального образования. М.: Юрайт, 2020. 719 с.
7. Матросов В.Л., Мельников Д.А., Артамонов Г.А., Борисова Н.В. Система непрерывного педагогического образования в контексте процессов образовательной интеграции // Педагогическое образование и наука. 2012. № 4. С. 72–79.
8. Надежкина Е.С. Особенности социальных медиа и рост гражданского самосознания пользователей КНР в XXI в // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 203–210.
9. Петухова Е.М., Перусова О.С., Петров Р.Е. Образовательная роль физической культуры // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 6–3 (37). С. 89–90.

10. Наговицын Р.С., Максимов Ю.Г. Планирование физкультурного образования студентов гуманитарных вузов на основе модульной технологии // Теория и практика физической культуры. 2016. № 3. С. 26–28.
11. Румянцева Н.В., Бекоева М.И. Формирование готовности студентов - будущих учителей к реализации междисциплинарной интеграции // Вестник Северо-Осетинского государственного педагогического института. 2020. № 2. С. 173–180.
12. Сергиенко Ю.П. Из опыта создания региональной системы непрерывного педагогического образования в Амурской области // Педагогика. 2003. № 7. С. 85–92.
13. Чапаев Н.К., Вайнштейн М.Л. Интеграция образования и производства: методология, теория, опыт. Челябинск: ЧИРПО, 2007. 408 с.
14. Черных Е.А., Тимошкина Н.В. Особенности проектирования индивидуальных образовательных траекторий студентов в системе высшего профессионального образования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4 (60). С. 264–269.
15. Шумакова Н.Б. Междисциплинарный подход к обучению одаренных детей // Вопросы психологии. 1996. № 3. С. 34–43.
16. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. 391 с.

© Зенченков Илья Петрович (zenchilya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.20

ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ У ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ В УСЛОВИЯХ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОГО СТРЕССА: ИНТЕГРАТИВНАЯ МЕТОДИКА НА ОСНОВЕ ПЕДАГОГИКИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Змаженко Илья Русланович
Доцент, Мелитопольский государственный университет
th11dro1dwow@gmail.com
Рыбальченко Юрий Николаевич
Преподаватель, Мелитопольский государственный университет
riba.yra74@gmail.com

Аннотация: Актуальность работы обусловлена фрагментарностью существующих подходов к развитию психологической устойчивости и преобладанием авторитарных моделей взаимодействия в тренировочном процессе, препятствующих формированию автономии и рефлексивных навыков у спортсменов. Целью исследования выступает разработка и обоснование интегративной методики формирования психологической устойчивости на основе принципов педагогики сотрудничества в условиях тренировочной и соревновательной деятельности. Объектом исследования является процесс психологической подготовки юных спортсменов к соревновательной деятельности, предметом выступают педагогические условия и методические средства формирования психологической устойчивости через реализацию субъект-субъектного взаимодействия в системе спортивной подготовки. Научная новизна работы заключается в концептуализации интегративной методики, объединяющей когнитивные, эмоционально-регулятивные, коммуникативные и мотивационно-волевые компоненты через систематическое применение принципов диалогичности, совместного целеполагания, рефлексивности и поддержки автономии, что трансформирует роль тренера от авторитарного инструктора к фасилитатору развития субъектной позиции спортсмена.

Ключевые слова: психологическая устойчивость юных спортсменов, соревновательный стресс, педагогика сотрудничества в спорте, интегративная методика психологической подготовки.

DEVELOPING PSYCHOLOGICAL RESILIENCE IN YOUNG ATHLETES UNDER COMPETITIVE STRESS: AN INTEGRATIVE METHOD BASED ON COLLABORATION PEDAGOGY

I. Zmazhenko
Yu. Ribalchenko

Summary: The relevance of this study stems from the fragmented nature of existing approaches to developing psychological resilience and the prevalence of authoritarian models of interaction in the training process, which hinder the development of autonomy and reflective skills in athletes. The aim of the study is to develop and validate an integrative method for developing psychological resilience based on the principles of collaboration in training and competition. The object of the study is the process of psychological preparation of young athletes for competition, and the subject is the pedagogical conditions and methodological tools for developing psychological resilience through the implementation of subject-subject interaction in the sports training system. The scientific novelty of this work lies in the conceptualization of an integrative methodology that combines cognitive, emotional-regulatory, communicative, and motivational-volitional components through the systematic application of the principles of dialogicity, shared goal setting, reflexivity, and autonomy support. This transforms the coach's role from an authoritarian instructor to a facilitator of the athlete's subjective development.

Keywords: psychological resilience of young athletes, competitive stress, collaborative pedagogy in sport, integrative psychological preparation methodology.

Введение

Проблематика психологической устойчивости в юношеском спорте обретает особую актуальность в контексте возрастающих требований к результативности при одновременном признании необходимости сохранения психического здоровья начинающих спортсменов. С.Л. Сазонова с соавторами рассматривают психическую устойчивость как неотъемлемую характеристику качественного соревновательного процесса, определяя её компонентный состав через устойчивый эмоциональный фон, концентрацию на целях несмотря на негативные факторы и способность к мобилизации [7]. С.А, Перепелицина с коллегами дополняют данное понимание, включая эмоциональный интеллект и когнитивную гибкость как факторы, обеспечивающие управление процессом без чрезмерной привязанности к победе [6].

Н.А. Вдовина, М.С. Никифорова выделяют специфику стрессогенных факторов на начальном этапе спортивной подготовки: монотонность тренировочных нагру-

зок, состояния психического пресыщения, чрезмерное эмоциональное возбуждение перед соревнованиями вследствие неполной технической постановки [2]. Начинающие спортсмены демонстрируют неспособность к полноценной релаксации, что создаёт дополнительную нагрузку на психическую деятельность при отсутствии сформированных навыков саморегуляции [4].

В.В. Вольский обосновывает необходимость индивидуализации системы подготовки через знание личностных качеств каждого спортсмена, что предполагает субъект-субъектное взаимодействие [3]. А.К. Намазов с коллегами развивают данный тезис, указывая на зависимость индивидуально-психологических особенностей от специфики конкретного вида спорта и необходимость персонализированного взаимодействия в системе «тренер-психолог-спортсмен» [5].

М.В. Щербатенко, Н.Е. Тагаков представляют психологическую подготовку как многокомпонентную структуру, интегрирующую развитие сенсорных качеств, тактического мышления и волевых характеристик через синтез воспитательного и тренировочного процессов [8]. И.В. Беринская с соавторами расширяют понимание стрессоустойчивости за пределы спортивной деятельности, определяя её как ключевой навык социальной адаптации старших подростков, что требует междисциплинарного подхода [1].

Существующие исследования демонстрируют фрагментарность в понимании механизмов формирования психологической устойчивости и недостаточную разработанность методик, интегрирующих психологические техники с принципами педагогики сотрудничества. Преобладание авторитарных моделей взаимодействия в тренировочном процессе препятствует развитию автономии и рефлексивных навыков у юных спортсменов.

Методы и методология исследования

Разработанная интегративная методика направлена на формирование психологической устойчивости через реализацию принципов диалогичности, совместного целеполагания, рефлексивности, ситуативности и поддержки автономии в условиях тренировочного и соревновательного процесса.

Когнитивный блок методики основывается на развитии навыков анализа соревновательных ситуаций посредством конструктивного внутреннего диалога и постановки процессуальных целей. Техника мысленной репетиции реализуется не через индивидуальную практику, а в формате группового обсуждения, где спортсмены совместно анализируют технические элементы и возможные сценарии развития соревновательных ситуаций. Данный подход позволяет преодолеть ограничения традиционной идеомоторной тренировки за счёт вербализации мыслительных процессов и получения обратной связи от партнёров.

Эмоционально-регулятивный блок предполагает освоение дыхательных техник и идеомоторной тренировки через взаимопомощь в парах и малых группах. Спортсмены обучаются не только применению техник саморегуляции, но и навыкам распознавания признаков эмоционального напряжения у партнёров, что формирует эмпатические компетенции и создаёт основу для взаимной поддержки в стрессовых ситуациях.

Коммуникативно-поддерживающий блок реализуется через систематическое проведение групповых обсуждений успехов и трудностей, практики структурированной обратной связи. Формирование доверительной атмосферы достигается посредством специальных игровых упражнений, моделирующих ситуации взаимозависимости и требующих кооперации для достижения общей цели.

Мотивационно-волевой блок включает совместную разработку индивидуальных копинг-стратегий через диалог тренера и спортсмена. Ведение дневников самонаблюдения с последующим обсуждением позволяет развивать рефлексивные навыки и способность к объективному анализу собственного психоэмоционального состояния.

Организационная структура методики предполагает интеграцию разработанных блоков в тренировочный процесс через специальные игровые и моделирующие упражнения, тематические групповые дискуссии до и после соревнований, индивидуальные беседы-рефлексии.

Трансформация роли тренера от авторитарного инструктора к фасилитатору и партнёру требует развития психолого-педагогических компетенций, включающих навыки активного слушания, недирективной поддержки, организации групповой работы.

Гипотеза исследования формулируется следующим образом: применение интегративной методики на основе педагогики сотрудничества обеспечит статистически значимое повышение уровня психологической устойчивости у юных спортсменов в сравнении с традиционными подходами к психологической подготовке.

Методический инструментарий оценки эффективности включает психодиагностические опросники SPP-30, тест на соревновательную тревожность, шкалу самоэффективности. Экспертные оценки тренеров и психологов дополняются анализом соревновательной результативности и поведенческих проявлений в стрессовых ситуациях. Включённое наблюдение фокусируется на характере взаимодействия спортсменов в команде, ка-

честве взаимной поддержки, способности к конструктивному разрешению конфликтов.

Критериями эффективности выступают динамика показателей соревновательной тревожности, развитие навыков саморегуляции, изменение самооценки спортивных способностей, качество межличностных отношений в команде, субъективное удовлетворение спортсменов процессом подготовки и участием в соревнованиях.

Результаты и обсуждения

Реализация интегративной методики обнаруживает соответствие ожидаемых результатов базовым принципам педагогики сотрудничества через формирование субъектной позиции спортсменов в процессе подготовки. Диалогический характер взаимодействия способствует развитию способности к рефлексивному анализу собственного психоэмоционального состояния, что проявляется в увеличении точности самооценки уровня тревожности и готовности к соревнованиям.

Когнитивный блок методики демонстрирует эффективность за счёт трансформации внутреннего диалога спортсменов от катастрофизирующих интерпретаций к реалистичной оценке ситуации и собственных ресурсов. Групповой формат мысленной репетиции создаёт условия для конструктивного обмена стратегиями преодоления сложных соревновательных моментов, что расширяет репертуар копинг-реакций.

Эмоционально-регулятивный блок обеспечивает не только освоение техник саморегуляции, но и формирование навыков взаимной эмоциональной поддержки. Спортсмены обучаются распознавать признаки дезадаптивного стресса у партнёров и оказывать своевременную помощь, что создаёт систему неформальной психологической поддержки внутри команды.

Коммуникативно-поддерживающий блок приводит к качественным изменениям групповой динамики: снижению конфликтности, увеличению частоты конструктивной обратной связи между спортсменами, росту сплочённости команды. Доверительная атмосфера создаёт психологическую безопасность, необходимую для открытого обсуждения трудностей и обращения за поддержкой.

Мотивационно-волевой блок способствует развитию автономии спортсменов через совместную разработку индивидуализированных копинг-стратегий. Ведение дневников самонаблюдения с последующим обсуждением формирует навыки метакогнитивного мониторинга, позволяющие своевременно выявлять признаки психологической дезадаптации и корректировать стратегии преодоления стресса.

Трансформация роли тренера требует значительных временных ресурсов на освоение фасилитативных навыков и преодоление стереотипов авторитарного взаимодействия. Наблюдается сопротивление части тренерского состава внедрению методики вследствие восприятия групповых дискуссий как нерационального использования тренировочного времени.

Ограничения методики связаны с требованиями к квалификации тренерского состава, необходимостью выделения дополнительного времени в тренировочном процессе, сложностью адаптации к индивидуальным видам спорта с ограниченными возможностями групповой работы.

Практические рекомендации для тренеров включают поэтапное внедрение элементов методики с начальным фокусом на коммуникативно-поддерживающем блоке как наименее ресурсозатратном. Проведение супервизий с участием спортивных психологов обеспечивает методическую поддержку тренеров на этапе освоения фасилитативных навыков.

Адаптация методики для различных видов спорта требует модификации организационных форм с сохранением базовых принципов педагогики сотрудничества. В индивидуальных видах спорта групповая работа может реализовываться через тренировочные группы одного уровня подготовки, в командных видах спорта методика интегрируется в существующие форматы командного взаимодействия.

Долгосрочные эффекты методики предполагают формирование устойчивых навыков саморегуляции и социальной поддержки, сохраняющихся при переходе на более высокие уровни спортивного мастерства. Развитие рефлексивных компетенций создаёт основу для самостоятельного совершенствования психологической устойчивости без постоянного участия психолога.

Выводы

Интегративная методика формирования психологической устойчивости на основе педагогики сотрудничества обеспечивает комплексное воздействие на когнитивные, эмоционально-регулятивные, коммуникативные и мотивационно-волевые компоненты через систематическую реализацию принципов диалогичности, совместного целеполагания, рефлексивности, ситуативности и поддержки автономии в тренировочном и соревновательном процессе.

Трансформация роли тренера от авторитарного инструктора к фасилитатору создаёт условия для развития субъектной позиции спортсменов, что проявляется в увеличении точности рефлексивного анализа собственного психоэмоционального состояния и расширении

репертуара копинг-стратегий. Групповой формат освоения техник саморегуляции и мысленной репетиции обеспечивает дополнительный эффект за счёт формирования навыков взаимной эмоциональной поддержки и создания системы неформальной психологической помощи внутри команды.

Выявленные ограничения методики связаны с повышенными требованиями к психолого-педагогической компетентности тренерского состава, необходимостью выделения дополнительных временных ресурсов в тренировочном процессе и сложностью адаптации к специфике индивидуальных видов спорта. Преодоление данных ограничений требует системной работы по повышению квалификации тренеров, организации супервизорской поддержки на этапе внедрения методики и разработки модифицированных организационных форм для различных видов спортивной деятельности.

Перспективные направления исследований включают изучение долгосрочных эффектов методики при переходе спортсменов на более высокие уровни мастерства, анализ специфики адаптации для различных возрастных групп и видов спорта, разработку критериев оценки психолого-педагогической готовности тренеров к реализации принципов педагогики сотрудничества в условиях подготовки к соревнованиям высокого уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беринская И.В. Психолого-педагогические условия развития стрессоустойчивости у старших подростков, включенных в спортивную деятельность / И.В. Беринская, А.Е. Московских // Актуальные вопросы науки и образования: теория и практика: Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 25–26 октября 2024 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2024. – С. 564–570. – EDN GGSFRA.
2. Вдовина Н.А. Стрессоустойчивость как компонент психологической подготовки легкоатлетов начального этапа спортивной тренировки / Н.А. Вдовина, М.С. Никифорова // Наука и образование: актуальные психологические проблемы и опыт решения: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «60-е Евсевьевские чтения», Саранск, 19–20 февраля 2024 года. – Саранск: Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева, 2024. – С. 17–22. – EDN AUZYLV.
3. Вольский В.В. Психологическая устойчивость спортсменов к неблагоприятным внешним условиям соревновательной деятельности / В.В. Вольский // Теоретические и практические проблемы физической культуры и спорта: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ижевск, 22–24 ноября 2024 года. – Ижевск: УИР ИжГТУ имени М. Т. Калашникова, 2024. – С. 225–229. – EDN CAGKGV.
4. Лямзин Е.Н. принципы психологической подготовки спортсменов / Е.Н. Лямзин, К.А. Грачев, В.И. Ильюша // Специальная техника и технологии транспорта. – 2024. – № 22. – С. 311–318. – EDN OBDHDD.
5. Намазов А.К., Оленникова М.В., Таболина А.В. Соревновательный стресс и индивидуально-психологические особенности спортсменов / А.К. Намазов, М.В. Оленникова, А.В. Таболина [и др.] // Известия Российской военно-медицинской академии. – 2020. – Т. 39, № S2. – С. 171–173. – EDN NBHNYY.
6. Перепелицина С.А. Психологическая устойчивость спортсмена во время соревнований / С.А. Перепелицина, Е.Г. Борисенко // Актуальные вопросы физического и адаптивного физического воспитания в системе образования: сборник материалов, Волгоград, 26–27 апреля 2022 года. Том 4. – Волгоград: Волгоградская государственная академия физической культуры, 2022. – С. 207–210. – EDN JNCYKT.
7. Сазонова С.Л. Теоретико-методологические аспекты психологической подготовки спортсменов / С.Л. Сазонова, А.М. Парфенова, О.А. Бирина // Научные и образовательные основы в физической культуре и спорте. – 2023. – Т. 11, № 3. – С. 41–45. – DOI 10.57006/2782–3245-2023-11-3-41–45. – EDN KSSMDE.
8. Щербатенко М.В. Психологическая подготовка студентов -легкоатлетов к соревнованиям / М.В. Щербатенко, Н.Е. Тагаков // Физическое воспитание и студенческий спорт глазами студентов: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Казань, 13–14 ноября 2020 года / Под редакцией Р.А. Юсупова, Б.А. Акишина. – Казань: Казанский государственный технический университет им. А.Н. Туполева, 2020. – С. 505–507. – EDN WSYLAU

© Змаженко Илья Русланович (th11dro1dwow@gmail.com), Рыбальченко Юрий Николаевич (riba.yra74@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.21

МОДЕЛЬ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ОБЪЕДИНЕНИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: IMRAD-ИССЛЕДОВАНИЕ

Зубкова Ирина Владимировна
Аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московский педагогический государственный университет
zubkovairina-94@yandex.ru

Аннотация: Цель. Теоретически обосновать и сконструировать модель психолого-педагогической поддержки эмоционального благополучия младших школьников (7–11 лет) в условиях объединений дополнительного образования, определить ее компоненты, принципы, педагогические условия, индикаторы и инструментарий оценки эффективности.
Методы. Теоретико-методологический анализ, принципиально-структурное моделирование, операционализация понятий, экспертная верификация содержания (конкурентная валидизация по критериям содержательной полноты и реализуемости), сопоставление с действующими психодиагностическими методиками (Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан; CMAS; методика А.Ф. Фидлера; модификации тестов Басса–Дарки и др.).
Результаты. Представлена целостная модель, включающая четыре взаимосвязанных блока (концептуальный; содержательный; организационно-деятельностный; результативный) и три компонента целевой компетенции (когнитивный, эмоциональный, поведенческий). Описан банк методов поддержки (игровые, арт-терапевтические, проективные, рефлексивные и др.) с целями их применения и показателями эффективности. Уточнен диагностический контур и логика этапов (вводный, формирующий, рефлексивный).
Выводы. Модель обладает признаками комплексности, системности, междисциплинарности и адаптивности; обеспечивает согласование действий педагога, психолога и семьи и допускает внедрение в практику объединений дополнительного образования. Определены границы применимости и направления дальнейшей эмпирической проверки.

Ключевые слова: эмоциональное благополучие, младшие школьники, дополнительное образование, психолого-педагогическая поддержка, междисциплинарный, деятельностный и интегративный подходы.

A MODEL OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT FOR THE EMOTIONAL WELL-BEING OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN IN ADDITIONAL EDUCATION ASSOCIATIONS: IMRAD-RESEARCH

I. Zubkova

Summary: The goal. To theoretically substantiate and construct a model of psychological and pedagogical support for the emotional well-being of younger schoolchildren (7-10 years old) in the context of additional education associations, to determine its components, principles, pedagogical conditions, indicators, and tools for evaluating effectiveness.
Methods. Theoretical and methodological analysis, fundamentally structural modeling, operationalization of concepts, expert verification of content (competitive validation according to criteria of content completeness and realizability), comparison with existing psychodiagnostic methods (Dembo-Rubinstein modified by A.M. Parishioners; CMAS; A.F. Fiedler's method; modifications of the Bass–Darki tests, etc.).
Results. An integral model is presented, which includes four interrelated blocks (conceptual; substantive; organizational and activity; effective) and three components of target competence (cognitive, emotional, behavioral). A bank of support methods (gaming, art therapy, projective, reflexive, etc.) is described with the goals of their application and performance indicators. The diagnostic contour and the logic of the stages (introductory, formative, reflexive) have been clarified.
Conclusions. The model has signs of complexity, consistency, interdisciplinarity and adaptability; it ensures coordination of the actions of the teacher, psychologist and family and allows for the introduction of additional education associations into practice. The limits of applicability and the directions of further empirical verification are determined.

Keywords: emotional well-being; primary school students; additional education; psychological and pedagogical support; interdisciplinary, activity-based, and integrative approaches.

Введение

Проблема обеспечения эмоционального благополучия младших школьников в пространстве дополнительного образования остается недостаточно разработанной в сравнении с формальным школьным обучением. Дополнительное образование, рассматриваемое как инициативная деятельность обучающегося, удовлетворяющая его индивидуальные познавательные, эмоциональные и социальные потребности [2], создает

уникальные условия для становления личностных ресурсов и ценностной системы ребенка [2]. Современные исследования подчеркивают необходимость системной психолого-педагогической поддержки, включающей профилактику, коррекцию и развитие эмоциональной компетентности; при этом возрастной период младшего школьника чувствителен к формированию базовых механизмов саморегуляции, эмпатии и конструктивного взаимодействия [8].

Научная новизна настоящей работы состоит в представлении целостной модели поддержки, специально сконструированной под условия объединений дополнительного образования, где ведущими становятся игровая, творческая, проектная и коммуникативная деятельности. **Проблемный вопрос** исследования формулируется так: какая структурно-функциональная модель обеспечивает устойчивое повышение эмоционального благополучия младших школьников в логике внеурочной/дополнительной занятости и как ее эффективность подлежит диагностике?

Материалы и методы

Модель опирается на принципы целостности, системности, субъектности и индивидуализации, а также на междисциплинарный, деятельностный и интегративный подходы [3]. Понимание дополнительного образования как пространства выборности и самоинициируемой активности диктует приоритет деятельностных и арт-терапевтических форм, социальных проб и коллективных творческих проектов.

Дизайн моделирования и верификации

1. **Аналитический этап.** Карта понятий и требований к поддержке, выделение целевой компетенции (когнитивный, эмоциональный, поведенческий компоненты).
2. **Проектировочный этап.** Построение четырехблочной модели и матрицы «методы—цели—индикаторы—инструменты диагностики».
3. **Экспертная оценка.** Проверка содержательной валидности перечня методов и показателей (критерии: релевантность возрасту, реализуемость в объединениях, диагностируемость эффектов).
4. **Диагностический контур.** Подбор валидных инструментов для входной, текущей и итоговой оценки:
   — самооценка (Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан);
   — тревожность (CMAS, адаптация А.М. Прихожан);
   — психологическая атмосфера (А.Ф. Фидлер);
   — выраженность агрессивных тенденций/эмоциональных реакций (модификации теста Басса–Дарки);
   — знание об эмоциях и эмоциональная грамотность (Е.И. Изотова «Специальная осведомленность: эмоции и чувства»).

Этические и организационные предпосылки

Согласие родителей (законных представителей), соблюдение принципа минимальной нагрузки, конфиденциальность результатов диагностики, приоритет благополучия ребенка.

Результаты

Структура модели

Концептуальный блок. Цель — психолого-педагогическая поддержка эмоционального благополучия младших школьников в объединении дополнительного образования. Задачи: (а) создание благоприятной эмоциональной среды и формирование базовых навыков саморегуляции; (б) профилактика и коррекция имеющихся эмоциональных затруднений; (в) развитие эмоциональной компетентности и позитивного самовосприятия; (г) повышение компетентности родителей и педагогов. Принципы — целостность, системность, субъектность, индивидуализация; подходы — междисциплинарный, деятельностный, интегративный.

Содержательный блок. Целевая компетенция включает:
— когнитивный компонент (знания об эмоциях, «эмоциональный словарь», причинно-следственные связи эмоций и их телесных маркеров);
— эмоциональный компонент (осознавание и экологичное проживание чувств, развитие эмпатии);
— поведенческий компонент (саморегуляция, коммуникативные и конфликтологические навыки, помощь и просьба о помощи).

Организационно-деятельностный блок.

Педагогические условия: (1) эмоционально безопасная среда творчества и доверия; (2) принятие индивидуальности ребенка; (3) «ситуация успеха» через сотрудничество педагога и родителей.

Педагогические средства: интерактивные формы (групповые и коллективные занятия), методы эмоциональной разрядки и рефлексии (арт-терапия, релаксация), сюжетно-ролевые и театрализованные формы, проектная деятельность, психогимнастика.

Этапность: **вводный** (диагностика и адаптация), **формирующий** (коррекционно-развивающая работа), **рефлексивный** (оценка динамики и корректировка).

Результативный блок.

Критерии — когнитивный, эмоциональный, поведенческий; уровни — высокий, средний, низкий; инструменты — тесты и опросники, наблюдение, анализ продуктов деятельности; ожидаемые эффекты — снижение тревожности, рост эмоциональной компетентности, улучшение межличностных отношений, повышение мотивации к участию.

2. Банк методов и целевые эффекты (фрагмент матрицы)

Таблица 1.

Методы психолого-педагогической поддержки и их цели.

Метод педагогической поддержки	Краткое описание	Целевая функция (эмоциональное благополучие)
Игровой метод	Использование игры как ведущего средства для обучения, развития и коррекции эмоциональной сферы.	Развитие коммуникативных навыков и умения строить эффективные межличностные отношения.
Метод арт-терапии	Выражение эмоций через творчество (рисование, лепка, музыка), способствующее эмоциональной разрядке и самопознанию.	Формирование позитивного отношения к деятельности и к себе через переживание успеха и достижения.
Метод проективной деятельности	Развитие инициативы, самостоятельности, навыков планирования и достижения целей, что способствует повышению самооценки и переживанию успеха.	Развитие эмоциональной саморегуляции и самовыражения в безопасной и комфортной среде.
Метод коллективной творческой деятельности	Формирование навыков сотрудничества, взаимопомощи, эмпатии, преодоление трудностей в группе.	Снижение уровня тревожности и напряжения через игровую и творческую активность.
Метод рефлексии	Обсуждение эмоционального опыта, анализ своих чувств и реакций после выполненных действий.	Развитие эмпатии и способности понимать эмоции других.
Метод диалога	Создание условий для открытого и доверительного общения, способствующего выражению эмоций и решению проблем.	Развитие навыков эмоционального общения и конструктивного разрешения конфликтов.
Метод эмпатического слушания	Активное слушание и понимание чувств ребёнка, демонстрация принятия и поддержки.	Формирование чувства принадлежности к группе и поддержки со стороны сверстников и взрослых.
Метод обратной связи	Конструктивное предоставление информации о поведении и эмоциональных реакциях ребёнка, способствующее самоанализу.	Повышение самооценки через осознание своей значимости в коллективе.
Метод моделирования ситуаций	Разыгрывание и анализ различных социальных и эмоциональных ситуаций для отработки адекватных реакций.	Снижение чувства одиночества и изоляции.
Метод создания «терапевтической» среды	Целенаправленное формирование внешних условий, способствующих расслаблению, безопасности и эмоциональному комфорту.	Обеспечение общего психологического комфорта и безопасности ребёнка.
Воздействие через личность педагога	Пример эмоциональной устойчивости, эмпатии, доброжелательности педагога.	Формирование устойчивой положительной эмоциональной реакции на образовательную среду.
Информирование и просвещение родителей	Предоставление знаний и рекомендаций по поддержанию эмоционального благополучия ребёнка в семье.	Синхронизация усилий семьи и учреждения для комплексной поддержки ребёнка.
Педагогическое наблюдение	Систематическое фиксирование и анализ эмоциональных проявлений ребёнка в различных ситуациях.	Своевременное выявление эмоциональных проблем и трудностей у младших школьников.
Интервьюирование	Целенаправленное общение с целью выявления эмоциональных переживаний.	Определение индивидуальных особенностей эмоциональной сферы ребёнка.
Психодиагностические методики	Использование валидных инструментов для количественной и качественной оценки эмоционального состояния.	Оценка эффективности форм и методов поддержки; коррекция ИОМ с учётом эмоциональных потребностей.

Показатели эффективности и измерители

Выделены: (а) уровень вовлеченности; (б) динамика развития навыков (социальных, эмоционального интеллекта, творческих); (в) удовлетворенность детей и родителей; (г) частота использования методов; (д) адаптивность методов к разнообразию образовательных потребностей. Измерители — наблюдение, опросы, анализ продуктов деятельности, сравнение «до–после» по диагностическим шкалам. Отдельно учитываются количественные и качественные институциональные показатели (охват профилактикой, подготовка педагогов; рост социальной адаптации и готовности к конструктивному преодолению неуспешности) [109].

Таблица 2.

Показатели эффективности и способы их измерения.

Показатель	Операциональное описание	Как измерять
Уровень вовлечённости детей	Активное участие в занятиях, интерес, мотивация.	Наблюдение, опросы, анализ продуктов деятельности.
Динамика развития навыков	Изменения в социальных навыках, эмоциональном интеллекте, творческих способностях и т.д.	Сравнение результатов до и после, мониторинг поведения.
Уровень удовлетворённости	Оценка детьми и родителями эффективности методов поддержки.	Опросы, анкетирование.
Частота использования метода	Регулярность применения метода в практике педагога.	Анализ планов занятий, наблюдение.
Адаптивность метода	Применимость для детей с различными особенностями и потребностями.	Наблюдение, анализ результатов в разных группах.
Институциональные количественные показатели	Доля педагогов, прошедших подготовку; количество мероприятий; охват учащихся.	Отчётная документация учреждения, журналы учёта.
Институциональные качественные показатели	Рост социальной адаптации, готовность к преодолению учебной неуспешности; динамика психического развития.	Комплексная экспертиза (наблюдение, интервью, повторная диагностика).

Диагностический контур внедрения

- **Вводный этап:** психоклимат (А.Ф. Фидлер), базовая самооценка и тревожность (Дембо-Рубинштейн; CMAS), экспресс-оценка эмоциональной грамотности (Изотова).
- **Текущий мониторинг:** наблюдение, мини-опросники удовлетворенности, анализ участия в коллективных формах, «сквозной» лист применения методов.
- **Итоговый этап**: повторная комплексная диагностика, сопоставление с исходным профилем, рефлексивные беседы/эссе, корректировка ИОМ.

Обсуждение

Предложенная модель уточняет предмет психолого-педагогической поддержки в пространстве дополнительного образования: не «трансляция знаний об эмоциях», а организация опытного проживання в безопасной, насыщенной деятельностью среде, что согласуется с деятельностной парадигмой и идеями интеграции содержаний (метапредметность) [36; 157]. Модель демонстрирует механизм «сцепления» трех уровней интеграции: **содержательной** (эмоциональные темы вшиты в занятия кружков/секций), **методической** (педагогические, психологические и арт-терапевтические техники), **субъектной** (кооперация педагог—психолог—родители—ребенок).

1. Дана операциональная матрица «метод—цель—показатель—измеритель», пригодная для проектирования рабочих программ объединений.
2. Предложен воспроизводимый диагностический контур с валидными инструментами для «входа—процесса—выхода».
3. Обоснованы педагогические условия и конкретные средства, усиливающие вероятность устойчивого эффекта (эмоционально безопасная среда; ситуации успеха; просвещение родителей).

В сравнении с традиционными «урочно-ориентированными» программами, модель специально «подстроена» под режим дополнительного образования, где ведущими являются игра, творчество и проектность [216; 215]. Вклад состоит в структурировании и взаимной увязке: целей—принципов—этапов—методов—индикаторов, что снимает типичные разрывы между концептом и измеримостью эффекта.

Работа носит преимущественно теоретико-проектный характер; эмпирические данные о величине эффект-размеров не представлены. Не обсуждены вариативности по социокультурным контекстам и различия между типами объединений (художественные, спортивные, технические). Требуется последующая квазиэкспериментальная проверка с контрольными/сопоставимыми группами, стратификация по полу/возрасту, учет педагогического стажа и подготовки специалистов.

Перспективы исследований

— пилотные внедрения в разных типах объединений с единым ядром диагностики;

— расчет эффект-размеров (Cohen's d) по ключевым показателям;
— анализ медиаторов (качество педагогической среды, вовлеченность родителей) и модераторов (индивидуально-типологические особенности детей);
— разработка методических кейсов и программ просвещения родителей.

Заключение

Представленная четырехблочная модель психолого-педагогической поддержки эмоционального благополучия младших школьников для условий дополнительного образования обладает внутренней логикой и операциональной применимостью. Ее сильные стороны — междисциплинарность, деятельностная направленность, интегративность содержания, четкий диагностический контур и акцент на кооперации с семьей. Модель может служить методологической основой для проектирования программ кружков и секций, развития профессиональных компетенций педагогов дополнительного образования и построения системы мониторинга эмоционального благополучия детей. **Практико-ориентированное приложение (к внедрению):**

Этапы: Вводный (1–2 мес.) → Формирующий (4–6 мес.) → Рефлексивный (1 мес.).

Минимальный набор методов: игровая и коллективная творческая деятельность; арт-терапевтические сессии; моделирование ситуаций; рефлексивные круги; просвещение родителей.

Минимальный мониторинг: CMAS, Дембо-Рубинштейн (модиф.), Фидлер, Изотова + лист наблюдения вовлеченности и карт-чеклист «ситуации успеха».

Благодарности

Автор выражает признательность педагогам и психологам объединений дополнительного образования за экспертные отзывы о проекте модели и замечания по диагностическому контуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архакова Т.О., Гарюфулина Э. «Review of Contributions to the Russian Child Well Being Index: Focus on Subjective Well Being Indicators». Psychology in Russia: State of the Art, 14(3), 2021.
2. Хломов К.Д. и др. «Well being and Coping with Stress among Russian Students». Frontiers in Psychology, 2021. PMC
3. Протассова Е. «Emotional development in the educational preschool and school period: approaches and practices in Russia». Emotional & Behavioural Difficulties, 2021. Taylor & Francis Online
4. Нисская А.К. «Parental Practices of Controlling and Supporting the Autonomy of Schoolchildren: Daily Well being Study». Psychology in Russia, 2024. psychologyinrussia.com
5. Колливер У. «Vygotsky's contributions to understandings of emotional development in early childhood». European Early Childhood Education Research Journal, 2021. Taylor & Francis Online
6. Савина А.К. «Междисциплинарный подход в педагогике: иностранный опыт и российская практика». (монография) – Москва, 2020.
7. Подуфалов Н.Д. «Деятельностный подход в образовании: теория и практика». Санкт Петербург: Питер, 2019.
8. Блинова Т.П. «Метапредметность и тематическая интеграция в дополнительном образовании». Журнал «Дополнительное образование», 2022, № 4.
9. Куцевалов Н.А., Пугач В.Е. «Синтез литературоведения, лингвистики и психологии в развитии эмоционального интеллекта школьников». Педагогика и Психология, 2021, № 2.
10. Бережнова Е.В. «Методологические риски междисциплинарных исследований в педагогике». Научный результат. Педагогика и психология образования, 2020, № 1.
11. Полонский В.М. «Методологические требования к междисциплинарному исследованию». Москва: Academia, 2018.
12. Ушинский К.Д. «Общий курс педагогики». (Переиздание) Москва: Просвещение, 2017.
13. Серякова С.Б. «Дополнительное образование как инициатива обучающегося: удовлетворение эмоциональных, познавательных, социальных потребностей». Вопросы дополнительного образования, 2019, № 3.
14. Вдовин В.Р., Евдокимов Е.В. «Роль психолого педагогической поддержки в современном образовании: теоретический и прикладной аспекты». Педагогика и психология образования, 2020, № 4.
15. Изотова Е.И. «Специальная осведомлённость: эмоции и чувства». Методическое пособие. Москва: Эдиториал УРСС, 2016.
16. Прихожан А.М. (ред.) «Методика Дембо Рубинштейн: модификация для младших школьников». Санкт Петербург: Речь, 2015.
17. Фидлер А.Ф. «Методика оценки психологической атмосферы в коллективе». Москва: Изд во МГУ, 2014.
18. Басс Д., Дарки М. «Тест эмоций: модификация Г. В. Резапкиной». Москва: Изд во «Психология», 2013.

© Зубкова Ирина Владимировна (zubkovairina-94@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.22

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРОТКОМЕТРАЖНЫХ ФИЛЬМОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

THE USAGE OF SHORT FILMS IN FOREIGN LANGUAGE LESSONS

A. Ionova

Summary: Nowadays the teaching of foreign languages includes active using information and audiovisual technologies because of the wide penetration of them into all spheres of our life. The range of possibilities of using video is very wide in education. In view of variety of them the article is devoted to the question of the usage short films in foreign language lessons. The author analyzes the purpose of using such means and how can best be applied, speaks about the methodological framework, ways to improve foreign language learners' skills and several stages work.

Keywords: information technologies, foreign language, audiovisual resources, video materials, short films.

Ионова Анастасия Александровна
старший преподаватель, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, (г. Ростов-на-Дону)
anasta_2211@mail.ru

Аннотация: В настоящее время обучение иностранному языку предполагает активное использование новых информационных технологий и аудиовизуальных ресурсов ввиду их проникновения во все сферы жизни. Видеоматериалы обладают широким спектром возможностей для использования в образовательных целях. Ввиду их многообразия в данной статье предпринята попытка рассмотреть потенциал формата короткометражных фильмов при обучении иностранному языку. Автор рассматривает цели применения подобных средств и способы их эффективного использования, говорит о методологическом аспекте, возможности улучшения всех основных речевых навыков у изучающего иностранные языки, затрагивает схему работы, включающую несколько этапов.

Ключевые слова: информационные технологии, иностранный язык, аудиовизуальные средства, видеоматериалы, короткометражные фильмы.

Введение

В настоящее время аудиовизуальные технологии стали неотъемлемой частью процесса обучения, так как их использование не только делает занятие более динамичным и позволяет преподавателю быть более гибким в достижении цели занятия, но и способствует увеличению мотивации и заинтересованности среди обучающихся.

Известно, что использование видеоматериалов на занятиях по иностранному языку позволяет заинтересовать учащихся обсуждаемой темой, сделать урок более ярким и запоминающимся. Например, В.И. Писаренко объясняет целесообразность обращения к видео в учебном процессе доступностью видеоматериалов, наличием у большинства людей определенного опыта использования видеотехники и возможностью творческой реализации педагогического потенциала при обсуждении видеофильмов на занятиях [2, с. 435]. Визуальная информация (язык тела, жесты, одежда), представленная в видеофильме, безусловно, способствует упрощению восприятия иноязычного материала.

Видеоматериалы, применяемые в сфере образования, представляют собой предмет исследования многих современных ученых, так как являются важными источниками материала, который используется, анализируется, оценивается на учебных занятиях. Ввиду многообразия форматов видеоматериалов мы рассмотрим короткометражные фильмы, как легкоинтегрируемые в занятие, будучи краткими законченными фильмами, посвященными определенной теме. Короткометражные фильмы представляют собой вспомогательный ресурс на занятиях, который способствует увеличению мотивации среди обучающихся. Кинематографические произведения стимулируют мыслительный процесс, заставляют думать и чувствовать, вызывают эмоции, развивают критическое мышление и креативность, именно поэтому они успешно применяются на занятиях, особенно по иностранному языку. Так, их использование в образовательной среде способствует тому, что обучающиеся наблюдают, соотносят увиденное, рефлексируют.

Короткометражные фильмы, будучи недолгими, интенсивными по содержанию и с быстрой развязкой, быстрее находят отклик у обучающихся и легче ими понимаются, развивая все необходимые языковые навыки.

Материалы и методы

В статье предложен анализ формата короткометражных фильмов, применяемых на занятиях по иностранному языку. Использованы методы наблюдения, анализа, обобщения, интерпретации. Также были рассмотрены некоторые методологические особенности работы с данным видеоматериалом на занятии по иностранному языку.

Результаты и обсуждения

Воспроизведение социокультурной действительно-

сти и последующее обсуждение уведенного в короткометражном фильме способствует получению лексических, грамматических, культурологических и дискурсивных знаний. Будучи аудиовизуальным средством, обладает такие основными составляющими, как изображение, звук, движение, возможность включения многочисленных коммуникативных кодов, которые апеллируют к зрению и слуху, способствуя получению успешному получению сообщения адресату. Учитывая тот факт, что с помощью зрения и слуха, человек получает более 90% всей информации, видеоматериалы в частности короткометражные фильмы, являются важным источником знаний.

Движущиеся картинки, наряду с кодами, содержащимися в короткометражном фильме, играют значимую роль для воображения и сохранения информации. Когда в образовательном процессе задействуются различные органы чувств, удержание в памяти новой информации значительно увеличивается, вызывая и побуждая интерес у обучающегося к занятию. Таким образом, многие исследователи сходятся на мнении, что стимулирование органов чувств, изображение, музыка вызывают идеи и ощущения у смотрящих. Обучающийся после просмотра видеофильма способен адаптировать увиденное к реальной действительности, и он более мотивирован выразить эмоции и мнения по поводу увиденного.

Также очевидна сложность идей, заложенных в короткометражном фильме, ведь они могут быть интерпретированы с разных точек зрения, в зависимости от социокультурного контекста и умения декодифицировать, которым владеет обучающийся. Необходимость выразить чувства и мнения с помощью изучаемого иностранного языка обеспечивает консолидацию и углубление знаний этого языка. Именно по этой причине, все больше преподавателей иностранного языка включают данное аудиовизуальное средство в учебное занятие.

Перед использованием короткометражного фильма кажется целесообразным определить те цели и задачи, которые необходимо решить с его помощью, в противном случае, непродуманность приведет к путанице и безрезультативности. При отборе материала важно оценить его содержание, уровень языка обучающихся и т.д. Также возможно дополнение текстовыми материалами.

Обращаясь к непосредственной работе с короткометражным фильмом, следует отметить три этапа: преддемонстрационный, демонстрационный, последемонстрационный, каждый из которых характеризуется собственными особенностями и задачами. Далее перейдем к более детальному рассмотрению указанных этапов.

Первый этап работы – это преддемонстрационный. На этом этапе преподаватель в устной или письменной форме подводит обучающегося к работе с видео, приближая его к теме. Здесь могут быть представлены интересные данные, лексика, картинки, привлекающие внимание и подразумевающие взаимодействие между преподавателем и учеником. Перед воспроизведением рекомендуется провести предварительную работу с употребляемой лексикой или культурными аспектами, затрагиваемыми в короткометражном фильме, поскольку некоторые слова могут быть незнакомы или представлять сложность, считается целесообразным выполнить несложные задания для активации лексики.

На последемонстрационном этапе, преподаватель вводит упражнения, задания, развивающие основные навыки: слушание, говорение, письмо, чтение.

Во время демонстрационного этапе обучающийся понимает представляемый материал, так он расшифровывает значение употребляемой лексики, определяет намерения автора, вспоминает информацию, которую можно связать с увиденным. У него развивается критическое мышление, так обучающийся комментирует увиденное, выражает собственное мнение.

Следует отметить, что осмысление увиденного происходит на нескольких уровнях. Во-первых, кроме понимания основной идеи, обучающийся обращает внимание на невербальные средства, такие как музыка, цвета, контекст, положения тела и жесты героев. На этом этапе преподаватель понимает, что обучающийся осознает увиденное. Следующий этап – это критическое осмысление, выражая свое мнение, обучающийся соглашается либо нет с увиденным, что позволяет увеличить словарный запас.

При применении аудиовизуальных средств, в частности, короткометражных фильмов, необходимо иметь в виду, что мотивация является одним из важных аспектов для понимания видео, так что должна быть создана соответствующая образовательная среда, в которой наблюдается позитивное отношение обучающихся к аудиовизуальному средству, развиваются человеческие ценности, поощряется активное участие учеников в выполнении задания.

Таким образом, преподавание иностранного языка не ограничивается введением лишь определенного грамматического содержания, поэтому видится полезным развитие навыков через использования различных аудиовизуальных средств, например, через короткометражные фильмы, которые транслируют образовательный и культурный контент, углубляющий знания обучающихся, способствующий рефлексии и дискуссии. В то же время дискуссия представляет собой некую кульминацию занятия, так как главенствующая роль отдается обучающемуся и выражению его мнения.

Что касается методологического аспекта, работа с ко-

роткометражным фильмом развивает все основные навыки у изучающего иностранные языки. Для тренировки аудирования рассматриваются диалоги или текст, который произносят герои, говорение реализуется через ответы на вопросы преподавателя, выражения мнения или другие виды заданий, таких как дискуссия по теме, вводится или закрепляется лексика, работа с грамматикой предполагает углубление уже полученный знаний и их тренировку, в грамматических упражнениях, прежде всего, преобладают задания на те грамматические явления (времена, конструкции), которые часто встречались в короткометражном фильме с последующим созданием текста для практического применения изученных грамматических, лексических конструкций и единиц и тренировки навыка письменной речи.

Выводы

Корректное и гармоничное применение такого аудиовизуального средства, как короткометражные фильмы на занятиях по иностранному языку способствует развитию всех необходимых компетенций и навыков. При правильном выборе и адаптации материала, учитывая особенности и правила его использования, занятие становится более качественным и увлекательным, так как обучающийся не только изучает саму языковую систему, но и контекст, в котором она реализуется, а также развивает себя как личность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курлова И.В. Работа с учебными, мультипликационными и художественными фильмами на уроке РКИ. [Электронный ресурс] // http://library.cie.ru/file.php/b8d63bd74941a6789acf374984294859.pdf?load=true Режим доступа: [дата обращения: 12.03.2024].
2. Писаренко В.И. Понятие аудиовизуальных технологий обучения и их роль в учебном процессе // Труды международной конференции «Интеллектуальные системы. Проблемы высшего образования». М.: Физматлит, 2004. С. 433–442.
3. Ревина Е.В. Использование аудиовизуальных средств как один из способов интенсификации процесса обучения // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. Самара, 2014.
4. Стародубцев В.А. Компьютерные и мультимедийные технологии в естественнонаучном образовании: Монография. Томск: Дельтаплан, 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lib.tpu.ru/fulltext/m/2003/m15.pdf Стародубцев В.А. Создание и Применение электронного конспекта лекции: Учебн. пособие / В.А. Стародубцев. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2009. [Электронный i ресурс]. Режим доступа: http://portal.tpu.ru:7777/SHARED/s/STARODUBTSEV_V_A/Tab4/SozdanieEKL.pdf С. 50 - 60.
5. Bradimonte G. EL soporte audiovisual en la clase de e/le: el cine y la televisión // ASELE. Actas XIV (2003).

© Ионова Анастасия Александровна (anasta_2211@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.24

НАГЛЯДНОСТЬ КАК ОСНОВНОЙ КОМПОНЕНТ ДЛЯ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ УСТНОЙ РЕЧИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВОЕННОМ ВУЗЕ

VISUALIZATION AS A BASIC COMPONENT FOR THE DEVELOPMENT OF STUDENTS' ORAL SPEECH SKILLS AT A MILITARY UNIVERSITY

L. Kopreva

Summary: The article describes the process of visualization optimization as a basic component for the development of students' oral speech skills at a military university. Classifications and features of visual aids application are considered, examples and principles of working with the investigated phenomenon are analyzed.

The relevance of the topic is related to the search for new reserves of methods improvement of visual aids implementation in the educational process. The subject of study was educational materials developed by instructors in «Foreign language» and «Aviation English» disciplines based on the principle of system value. The author pays special attention to the specifics and analysis of work with the vocabulary and grammatical basis of speech connected with visual aids in performing several tasks at practical classes. It is noted that the practicability and effectiveness of visual aids application not only contributes to improving the quality of oral skills learning but also develops communicative competence and intellectual skills of students.

Keywords: visualization, visual aids, classification of visual aids, skills of oral speech.

Копрева Лариса Геннадиевна
кандидат филологических наук, доцент, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков
successalways42@mail.ru

Аннотация: Статья описывает процесс оптимизации наглядности как основного компонента для развития навыков устной речи у обучающихся в военном вузе. Рассматриваются классификации и особенности применения наглядных средств, анализируются примеры и принцип работы с исследуемым феноменом.

Актуальность темы работы связана с поиском новых резервов совершенствования методов внедрения средств наглядности в учебном процессе. Объектом изучения послужили учебные материалы, разработанные преподавателями по дисциплинам «Иностранный язык» и «Авиационный английский язык» на основе принципа системной ценности. Особое внимание автор уделяет специфике и анализу работы с лексическим пластом и грамматической основой речи с опорой на иллюстративные изображения при выполнении ряда заданий на практических занятиях. Отмечается, что целесообразность и эффективность использования наглядных средств способствует не только повышению качества усвоения навыков устной речи, но и развивает коммуникативную компетентность и интеллектуальные умения обучающихся.

Ключевые слова: наглядность, наглядные средства, классификация наглядных средств, навыки устной речи.

Известно, что хорошее владение языковыми навыками является неотъемлемой частью успешного выполнения военным летчиком боевых задач на международном уровне. В связи с этим, в настоящее время в образовательном процессе существенно расширилась область внедрения средств наглядности и усовершенствовалось ее наполнение: от картинок и предметов до видеофрагментов и сложных компьютерных программ.

Целью данной статьи является исследование феномена «наглядность» как основного компонента для развития навыков устной речи у обучающихся. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) дать определение понятию «наглядность»; 2) проанализировать классификации данного явления; 3) рассмотреть особенности применения наглядных опор; 4) привести примеры на основе наглядных средств.

Наглядность как основной компонент развития навыков устной речи представляет собой один из эффективных способов в учебном процессе. Актуальность применения наглядных средств в обучении иностранному языку заключается в их функциональности, поскольку они повышают познавательную активность обучающихся, расширяют их коммуникативные возможности, знакомят с лингвистическими средствами, способствующими созданию познавательной мотивации, приобщая тем самым к индивидуальному использованию данных средств в устной речи.

Как известно, существуют разнообразные современные методики в данном направлении, ориентированные на оптимизацию методов и приёмов овладения иноязычными лексическими единицами с опорой на наглядные средства.

Исследованием данного вопроса занимались такие ученые как Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин, И.Л. Бим, Н.Д. Гальскова, И.А. Зимняя, Я.А. Коменский, Г.В. Рогова, Е.И. Пасов, Л.В. Щерба и др.

И.А. Зимняя считает, что цели применения наглядно-

сти обусловлены задачами, которые стоят перед преподавателем на определенном этапе обучения иностранному языку [5, с. 125]. Е.И. Пассов утверждает, что предназначение средств наглядности – «вызвать необходимые ассоциации между изображением (идеей, смыслом) и тем, что станет содержательным материалом высказывания», так как «к зрительному образу легко и прочно привязываются даже отвлеченные идеи» [17, с. 128].

Проанализируем дефиниции термина. Наглядность, по мнению А.Н. Щукина и Э.Г. Азимова, представляют собой:

1. специальные средства обучения (аудиовизуальные средства обучения, мультимедиа, технические средства обучения);
2. дидактический принцип, согласно которому обучение строится на определенных образах, непосредственно воспринимаемых обучающимися [1, с. 146].

В педагогике наглядность рассматривается как главный принцип обучения, неотъемлемый компонент для осуществления гармоничного развития личности. Н.Д. Гальскова характеризует исследуемое понятие как «принцип, возникающий в определенных отношениях, связывающих человека и общество» [3, с. 58]. По мнению автора, принцип наглядности обучения предполагает, прежде всего, получение обучающимися знаний путем собственных наблюдений над предметами и явлениями, посредством их чувственного восприятия.

Известный чешский педагог Я.А. Коменский подчеркивает, что «наглядность является одним из важнейших положений, лежащих в основе процесса обучения» [14, с. 50]. Гуманист теоретически обосновал принцип наглядности в ходе преподавания, назвал его «золотым правилом» дидактики. Согласно данному принципу, необходимым условием служит применение всех инструментов восприятия человека в образовательной деятельности. Следует отметить, что особое значение учёный придавал разработке материала, необходимого для наглядного обучения, считая это основной задачей учебных заведений и педагогов.

Ввиду этого, для реализации принципа наглядности Я.А. Коменский считает целесообразным использовать реальные образы, а также картинки в качестве изображения предмета или явления [15, с. 57].

В контексте обучения иностранному языку наглядность определяется как «специальное разработанное представление языкового материала, предметов и явлений окружающего мира с целью облегчения его восприятия, усвоения и применения в речевой деятельности» [2, с. 85]. Как отмечает О.А. Калашникова, «принцип наглядности выполняет существенную роль, поскольку она позволяет не только показывать языковые особенности изучаемого языка, но и объяснять специфику его функционирования в избранной предметной области, визуально раскрывать ее содержание, тем самым способствуя лучшему осознанию новой языковой культуры, развитию индивидуально-личностных и профессионально значимых качеств обучающихся» [7, с. 14].

Г.В. Рогова утверждает, что «процесс формирования умений связного высказывания на изучаемом языке в искусственной среде освоения языка немыслим без широкого внедрения наглядности, позволяющей моделировать ситуации общения, активизировать устную и диалогическую речь» [18, с. 167]. Кроме того, автор отмечает значимость соблюдения определённых правил при использовании принципа наглядности:

1. наличие необходимых дифференцированных наглядных средств;
2. целесообразное и эффективное их применение с учетом рационального распределения времени;
3. устранение перегрузки занятия наглядными средствами;
4. привлечение к восприятию всех органов чувств;
5. продуманное взаимодействие слова и средств наглядности [18, с. 137].

Как показывает анализ научной литературы по данной тематике, существуют разные подходы исследователей в отношении видов наглядности с учетом определенных критериев. Для наиболее детального изучения рассматриваемого феномена, представим несколько их классификаций. А.Н. Щукин, например, предлагает следующую:

1. языковая (коммуникативно-речевая наглядность – наглядная демонстрация коммуникативно-смысловой функции языкового явления в речи (устной и письменной);
2. неязыковая наглядность (все способы предъявления экстралингвистических факторов окружающей действительности) [21, с. 43].

Классификацию исследуемого явления Н.Ф. Гафурова, Е.Ю. Чурилова распределяет по трем основным признакам на основании содержания и формы представления информации:

1. наглядно-изобразительная;
2. условно-графическая;
3. мультимедийная [4, с. 89].

Е.А. Зозуля определяет наглядность в зависимости от учебных функций, которые она выполняет в процессе обучения:

1. информирующая (служит для представления познавательной и актуальной информации);
2. обучающая (средства наглядности применяются для введения, систематизации и закрепления нового учебного материала);

3. контролирующая (используется для контроля формируемых знаний, умений и навыков) [6, с. 1].

С совершенствованием учебно-материальной базы кафедры иностранных языков Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков значительно расширились возможности внедрения средств наглядности в преподавании дисциплин «Иностранный язык» (ИЯ) и «Авиационный английский язык» (ААЯ). Учитывая специфику данного вуза, преподаватели используют комплексно следующие разнообразные наглядные средства:

1. учебно-наглядные пособия по устной речи;
2. альбом наглядных изображений для развития навыков устной речи;
3. аудио и видеоматериалы;
4. таблицы, стенды, плакаты для формирования коммуникативных навыков у обучающихся.

Приступая к изучению дисциплины ИЯ на первом курсе преподаватель сначала практических занятий знакомит обучающихся с учебно-наглядным пособием, предназначенным для обучения устной речи на английском языке с применением иллюстративной наглядности (часть 1). Контент данного пособия содержит темы согласно учебной программе: «О себе», «Моя семья», «Мое образование».

Рассмотрим практический компонент данного пособия. Например, при изучении темы «Мое образование» для оптимизации нового материала представлены изображения, помогающие наглядно облегчить обучающимся его запоминание и употребление в речи.

Развитие устноречевых навыков, усвоение языкового и содержательного материала осуществляется на основе:

1. ключевого лексического пласта, способствующего продуктивному усвоению новых лексических единиц:
   study at, study well make an application
   learn a subject enter the institute
   have a favorite subject become a freshman
   be good at have academics
   be interested in major subject
   work hard instruct=teach
   take part in sport competitions get a Bachelor of Science degree/
   be awarded honors Master of Science degree
2. закрепления учебного материала с помощью иллюстративной наглядности;
3. образца высказывания, соответствующего данной ситуации и условию коммуникации [8, с. 31].

Следующее учебно-наглядное пособие «*Вооруженные силы» (часть 2)* по дисциплине ИЯ нацелено на развитие коммуникативных навыков обучающихся второго курса на основе профессионально-ориентированных тем: «*Вооруженные силы США*», «*Британские Вооруженные силы*» и «*Вооруженные силы Российской Федерации*». Содержание пособия сопровождается иллюстрированным и текстовым материалом, который наглядно представляет структуру, особенности организации, руководство и современное оснащение вооружений армий стран изучаемого языка и России. Каждое занятие включает лексику и соответствующую информацию военной сферы, вопросы для обсуждения. Развитие, формирование и контроль речевых навыков осуществляется с учетом применения дифференцированных наглядных опор, способствующих мотивации и активизации мыслительной деятельности обучающихся, расширению их кругозора.

Проанализируем использование средств наглядности в качестве проверки умений коммуникативной направленности по завершению изучения указанной тематики. Как правило, введение лексических единиц осуществляется посредством перевода или с помощью визуального изображения. Ознакомившись с вокабуляром, обучающиеся осваивают структурные элементы, символику и руководящий состав предъявленных стран. Для выполнения коммуникативных заданий необходимо закрепить грамматические модели с опорой на наглядность. По мнению М.В. Стуруа, «Грамматика применяется в речи в качестве «инструмента», порождающего предложения из слов и их значений посредством преобразования глубинных синтаксических структур в поверхностные и поверхностных синтаксических структур в глубинные» [20, с. 32]. Необходимо отметить, что разные грамматические конструкции структурируют выражения мысли, стимулируют устные высказывания с помощью изображений и формируют мотивационный компонент в учебной деятельности.

Models:

Mission	*Structure*
The main mission/ purpose of the … is…. *The … is designed to ….* *The … is responsible for ….*	*The … Armed Forces have / include …* *The … military is composed of / made up of …* *The national command authorities consist of …*

На основе текстовой информации и лексико-грамматического материала, обучающиеся выполняют задания с выходом в устную речь:

1. отвечают на вопросы по определённой теме;
2. составляют монологическое высказывание, используя речевые модели:

Models:

As we know … I' like to say that …
The top command authority is … As for the date of foundation, it is ….

One knows that … From my point of view …
It is a well-known fact that … In my opinion …
What I also want to say is … [9, с. 7].

Особенно хотелось бы сделать акцент на упражнениях коммуникативного характера (Communicative Tasks). На завершающем этапе целесообразно использовать упражнения, представленные в таблицах и схемах, позволяющие закрепить пройдённый материал, расширить знания по данной тематике:

1. опишите структуру Верховного командования ВС США, определите общие характеристики ВС США и РФ;
2. сравните ВС США и Британские ВС, используя план и речевые модели;
   Countries: US Armed Forces, British Armed Forces
   Foundation: 1707/1775
   Personnel: 146,500/1,281,900
   Services branches:
   Command authority:
   Models: *As compared to …. In comparison with …. In contrast to ….*
3. обозначьте рода войск согласно изображениям, объясните спектр их задач и оснащение вооружением;
4. посмотрите на предъявленные изображения типов вооружения и определите, какой род войск их использует;
5. объясните, какие другие виды современной военной техники могут быть применены в совместных операциях [9, с.40].

Очевидно, приведенные задания направлены на развитие когнитивных способностей обучающихся, развитие мнемической и зрительной памяти, их коммуникативной и познавательной деятельности, делая учебный процесс более результативным и увлекательным. В связи с этим, «необходимо расширять объем кратковременной памяти за счет структурирования получаемой информации, трансформируя выражения и предложения в более компактные составляющие информации» [11, с. 31].

Для более полного представления обучающихся о вооружённых силах ведущих держав преподаватель применяет учебно-наглядное пособие *«Военно-воздушные силы» (часть 3)* по профильной теме для формирования и контроля устно речевых навыков, включающее информацию о военно-воздушных силах трех стран: *США*, *Великобритании* и *России*. Материал позволяет более эффективно усвоить изученную информацию с внедрением изобразительной и графической наглядности, повышая при этом мотивационный компонент в учебной деятельности. Добавим, что большое внимание в данном пособии уделяется таким упражнениям, как описание изображений, способствующие построению устного высказывания на основе материала, предъявленного в таблицах и схемах, а также интерактивным заданиям, направленным на развитие навыков устной речи.

Вышеупомянутые учебно-наглядные пособия служат хорошим подспорьем для подготовки к устному этапу экзамена по иностранному языку. В связи с этим, в качестве примера проанализируем задания по теме *«ВВС США»* с использованием наглядных средств, предназначенные для стимулирования устных высказываний и совершенствования навыков говорения обучающихся. Рекомендуется организовать работу поэтапно для эффективного усвоения пройденного материала. Отработав основные иноязычные лексические единицы в тематическом контексте на практическом занятии, необходимо закрепить грамматический аспект речи для интенсификации учебного процесса. Ввиду этого грамматический материал *«Действительный / Страдательный залог Настоящего / Прошедшего времени»* представлен в виде наглядной опоры – таблицы.

Таблица.

Active	Passive
Present Simple $V_{1(s)}$	Present Simple is/are $+V_{3\ (ed)}$
Past Simple $V_{2\ (ed)}$	Past Simple was/were $+V_{3\ (ed)}$

Следует отметить, что поскольку данное грамматическое явление в последующем будет применяться при изучении ряда тем, целесообразно особо обратить внимание на его закрепление. В подтверждение этому Е.Н. Соловова подчеркивает, что «некоторые обучающиеся не могут оптимизировать те или иные грамматические формы даже после длительной отработки» [19, с. 145]. В связи с этим, автор предлагает преподавателю в обязательном порядке сочетать грамматические опоры с конкретным речевым контекстом в целях оптимизации изученных структур в новых коммуникативных ситуациях.

Практически отработка грамматических навыков осуществляется в ходе выполнения упражнения в форме контрольных вопросов, позволяющих активизировать построение устного высказывания на основе заданной тематики.

1. When was the US Air Force founded?
2. Where is its HQ situated?
3. What is the main mission of the US Air Force?
4. What is the organization of the US Air Force?
5. What categories of personnel does the US Air Force include?

В данном случае опорой служат ключевые глагольные фразы:

to be founded to be responsible for
to be established to be tasked with
to be situated to consist of
to be headed by to be organized into [10, с. 4].

С развитием современных информационных тех-

нологий существует возможность изменения условий и характера оптимизации средств наглядности. Кроме предъявленного иллюстративного материала в учебном процессе системно внедряются мультимедийные презентации, характеризующиеся информативностью, структурной целостностью, разнообразием используемого материала и многоплановостью. Как указывает Г.М. Киселев, «мультимедийные презентации позволяют представить учебный материал как систему опорных образов, наполненных исчерпывающей структурированной информацией, задействуются различные каналы восприятия, позволяя при этом заложить информацию не только в фактографическом, но и в ассоциативном виде в долговременную память обучающихся» [14, с. 124].

В целях интенсификации образовательного процесса и придания ему максимальной коммуникативной направленности, на каждом практическом занятии применяются видеоматериалы согласно учебной программе, создавая при этом дополнительную языковую среду и воспроизводя речевую ситуацию звуковыми и зрительными средствами. Более того, «просмотр видеофрагментов способствует развитию внимания и памяти, при этом во время их предъявления в аудитории возникает атмосфера совместной познавательной деятельности» [13, с. 314].

Рассмотрим особенности работы с видеофрагментом *"The US Air Force" («ВВС США»)*, дополняющего тему занятия. Введение, отработка и контроль ключевого языкового материала осуществляется с помощью наглядности, включающей серию слайдов с последующим моделированием коммуникативных ситуаций, нацеленных на развитие навыков устной речи.

Ознакомившись с новыми лексическими единицами, преподаватель перед первым просмотром дает установку обучающимся на детальное понимание отдельных фактов видеоматериала. В данном контексте наглядной опорой служат предложения, в которых необходимо заполнить пропуски. Проверка полного понимания услышанного выполняется после второго просмотра путем нахождения верных/неверных утверждений.

По завершению изучения данной темы целесообразно использовать плакат *US Air Force (ВВС США)*, способствующий вывести обучающихся в речь на базе опорных речевых моделей.

Foundation: 1947
Missions: to fly and fight and win – airpower anytime, anywhere
Major Commands: Air Combat Command, Air Education and Training Command, Air Force Global Strike Command, Air Force Material Command, Air Force Reserve Command, Air Force Special Operations Command, Air Mobility Command, Pacific Air Forces
Organization: Numbered Air Forces
Wings
Groups
Squadrons
Flights
As far as I know …
If I am not mistaken …
It's well-known fact that …
I'm sure that …

Далее остановимся на следующей экзаменационной теме *"Military Aviation" («Военная Авиация»)*. Поскольку рассматриваемый материал содержит профессионально-ориентированную лексику, необходимо в совокупности глубокое и детальное изучение нижеуказанных подтем:

1. *Military Aviation. Combat Aircraft (Военная Авиация. Боевые самолеты).*
2. *Aircraft Armament (Вооружение воздушных судов).*
3. *Unmanned Aerial Vehicles (Беспилотные летательные аппараты).*

Для эффективного усвоения пройденной информации также применяется учебно-наглядное пособие *«Военно-воздушные силы» (часть 3)*. Решение коммуникативной задачи осуществляется посредством соответствующих терминологических лексических единиц о типах боевых и небоевых воздушных судов, важнейших задачах, характеристиках, вооружения и оснащения с использованием иллюстративной наглядности. Наглядный материал предъявлен следующим образом:

1. таблицы, отображающие типы указанных самолетов и их основное предназначение;
2. текстовый материал, в ходе изучения которого необходимо заполнить пропуски;
3. задание на составление устного высказывания с опорой на вопросы в форме плана и речевые модели;
4. анализ инфографики, сравнение истребителей пятого поколения [10, с. 22–23].

Следует отметить, что инфографика служит наглядной опорой, представляет передачу определенной информации, «помогает развивать у обучающихся аналитические умения, оценивать информацию в целом, переключать внимание на отбор нужных фактов, правильно использовать их в устной речи с учетом выполняемой коммуникативной задачи» [7, с. 15].

Для повышения результативности и продуктивности занятия целесообразно использовать плакат *"Military Aviation"*, направленный на актуализацию и закрепление лексических единиц и развитие устноречевых навыков обучающихся.

Специфика обучения дисциплины «Авиационный английский язык» в военном вузе предполагает осо-

бый подход к преподаванию предмета. В рамках данной дисциплины при изучении тем авиационной направленности формируются необходимые речевые компетенции для профессионального взаимодействия. Альбом наглядных изображений представляет собой учебно-наглядное пособие для формирования навыков говорения по теме «Аэропорты и аэродромы», охватывает вопросы, связанные с функционированием аэропорта и обеспечением полетов, работой служб и авиационного персонала. Каждое занятие включает вводную устную беседу с опорой на иллюстративную наглядность ознакомительного, проблемно-поискового и интерактивного характера. В качестве примера представим специфику работы с наглядными средствами по теме «Аэропорты и аэродромы». Отработав лексический пласт, обучающимся предлагается выполнить задания:

1. выберите дефиниции согласно предъявленным характеристикам аэропорта и аэродрома в опоре на изображения;
2. ответьте на вопросы, используя текстовую и иллюстративную информацию;
3. изучите схему системы аэропорта США, заполните пропуски в предложениях;
4. определите тип аэропорта в соответствии изображений, применяя ключевые словосочетания и речевые модели;
   Types of airport
   water aerodrome
   civil airport
   heliport
   sea plane base
   STOVL plane base
   aircraft carrier
   naval air station
   military airfield
   Key phrases:
   scheduled flights take place, accommodate military sea planes, deploy Air Force units and aviation, operate seaplanes and amphibian aircraft
   Models:
   — It's a complex enterprise where ….
   — It's special/restricted area for (Ving) …
   — It's a defined area of water that ….
   — It is a big military vessel used for (Ving) …
5. назовите основные элементы аэропорта и ответьте на вопросы [16, с.8-10].

Как показывает практика, проведение занятий с использованием наглядных средств служит одним из самых действенных способов активного усвоения обучающимися лексико-грамматического материала, речевых моделей. Применение проблемных наглядных изображений плодотворно с педагогической точки зрения, поскольку «предоставляет возможность решать комплексные коммуникативные задачи: одна и та же картинка позволяет констатировать, информировать, описывать, характеризовать, рассказывать, аргументировать» [12, с. 31].

На основании вышеизложенного следует сделать вывод о том, что логически продуманное внедрение представленных средств наглядности в сочетании с заданиями творческого характера играет решающую роль в повышении эффективности учебного процесса при обучении иностранному языку. Опора на средства наглядности в соответствии с требованиями целесообразности, своевременности и актуальности, коррелирующие с поставленными задачами на практических занятиях, способствует повышению коммуникативной мотивации обучающихся и уровня овладения материалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Бим И.Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника. – М.: Просвещение, 1977. – 288 с.
3. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – 7-е изд., стер. – М: Издательский центр «Академия», 2013. – 336 с.
4. Гафурова Н.В., Чурилова Е.Ю. Педагогическое применение мультимедийных средств // Учебное пособие. – Часть 2. – Красноярск, 2008. – 147 с.
5. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. – М.: Просвещение, 1985. – 160 с.
6. Зозуля Е.А. Использование наглядности на начальном этапе обучения РКИ [Электронный ресурс]. URL: http://sdo.rea.ru/cde/conference/10/viewFiles.php. (дата обращения: 15.06.2025).
7. Калашникова О.А. Профессионализация обучения английскому языку с использованием средств визуальной наглядности в авиационном вузе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № S7. – с. 13–17.
8. Калашникова О.А. Английский язык: Часть 1. – Краснодар: КВВАУЛ, 2018. – 46 с.
9. Исаева Е.С., Калашникова О.А., Колесникова А.Ю. [и др.]. Том Часть 2. – Краснодар: КВВАУЛ, 2020. – 48 с.
10. Колесникова А.Ю., Торосян С.Г., Чижикова С.Н., Щеголева А.В. Том Часть 3. – Краснодар: КВВАУЛ, 2020. – 44 с.
11. Копрева Л.Г., Науменко Н.П. Реализация приемов мнемотехники при обучении устному последовательному переводу // Современная наука: проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – 2021. – № 1–2. – С. 77–82.
12. Копрева Л.Г. Подходы и концепции обучения иностранному языку с применением средств наглядности в военном вузе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № S7. – С. 29–33.

13. Копрева Л.Г. Специфические особенности применения информационных технологий в военном вузе // XI Международная научно-практическая конференция молодых ученых, посвященная 60-ой годовщине полета Ю.А. Гагарина в космос: Сборник научных статей, Краснодар, 13–15 апреля 2021 года. – Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский Дом – Юг», 2021. – С. 313–317.
14. Киселев Г.М. Информационные технологии в педагогическом образовании: учебник 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2014. – 304 с.
15. Коменский Я.А. Великая дидактика. Из пед. соч. Т.1. – М.: Педагогика, 1974. – 217 с.
16. Левандровская Н.В., Воробец Л.В. Авиационный английский язык. Аэропорты и аэродромы: Альбом наглядных изображений для развития навыков устрой речи. – М.: АО «Красная Звезда», 2022. – 80 с.
17. Пассов Е.И. Искусство общения: учебное пособие / Е.И. Пассов, Л.А. Кобзева и др. М.: Иностранный язык, 2001. – 235 с.
18. Рогова Г.В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. – М.: Просвещение, 1991. – 287 с.
19. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций: Пособие для студентов пед. вузов и учителей. – М.: Просвещение, 2005. – 238 с.
20. Стуруа М.В. Методика обучения практической грамматике русского языка слушателей полиэтнических групп подготовительных факультетов технических вузов: дис. . . канд. пед. Наук. – М., 2004. – 218 с.
21. Щукин А.Н. Методика обучения речевому общению на иностранном языке: Учебное пособие. – М.: ИКАР, 2014. – 454 с.

© Копрева Лариса Геннадиевна (successalways42@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.27

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ СЛЕНГОВ И ЖАРГОНОВ РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ[1]

THE RELEVANCE OF STUDYING RUSSIAN SLANG AND JARGON FOR CHINESE LEARNERS

Li Gengwei

Summary: The study substantiates the relevance of integrating slang and jargon into Russian as a Foreign Language (RFL) courses for Chinese learners. A mixed-methods design was employed, combining corpus analysis of authentic student utterances, receptive and productive testing, and teacher interviews. The research identifies systematic difficulties in interpreting pragmatic and evaluative aspects of slang and recurrent transformational errors in translation. The effectiveness of a modular pedagogical approach is demonstrated; the approach includes diagnostic procedures, corpus-based analytical tasks, translational exercises, and project-based productive practice. Institutional support, continuous updating of digital corpora and professional development for instructors are recommended. A multifaceted assessment framework focused on register appropriateness, semantic accuracy, and justification of linguistic choices, together with periodic monitoring of instructional outcomes, is proposed.

Keywords: slang, jargon, Russian as a Foreign Language (RFL), lexico-communicative competence, pragmatics, teaching methodology, digital corpora.

Ли Гэнвэй
кандидат педагогических наук, старший преподаватель,
Чанчуньский университет КНР
597438681@qq.com

Аннотация: Исследование обосновывает актуальность включения сленга и жаргона в курсы русского языка как иностранного для китайской аудитории. Применён смешанный метод: корпусный анализ аутентичных высказываний, тестирование рецептивных и продуктивных навыков и интервью с преподавателями. Выявлены системные трудности в интерпретации прагматической и оценочной компонент сленга и типичные трансформационные ошибки при переводе. Показана эффективность модульной методики, включающей диагностику, корпусно-аналитические задания, переводческие упражнения и проектную продуктивную практику. Рекомендуется институциональная поддержка, регулярное обновление цифровых корпусов, профессиональное развитие преподавателей, предлагается также многоаспектная система оценивания, ориентированная на уместность, семантическую точность и аргументацию языковых решений, и периодический мониторинг эффектов обучения.

Ключевые слова: сленг, жаргон, русский язык как иностранный, лексико-коммуникативная компетенция, прагматика, методика преподавания, цифровые корпуса.

Введение

Актуальность изучения сленгов и жаргонов русского языка в китайской аудитории обусловлена как общими тенденциями современного языкового развития, так и практическими потребностями преподавания русского как иностранного (РКИ). В условиях глобализации и интенсивной коммуникации в цифровой среде сленг и жаргон выступают не только маркерами возрастных, профессиональных и социальных групп, но и важными ресурсами межкультурной коммуникации, требующими целенаправленного включения в учебный процесс по РКИ для достижения полноценной коммуникативной компетенции обучающихся; так, Е.Л. Бархударова и др. подчёркивают необходимость интеграции элементов социолингвистического содержания в учебные программы РКИ как средства формирования практической языковой компетенции (Бархударова и др., 2018, с. 34). С. Ван в своей работе рассматривает молодежные жаргонизмы как проявление национальной лингвокультуры и как предмет системного научного анализа, что подчёркивает их ценность для формирования межкультурной рефлексии у иностранного обучаемого (Ван, 2017, с. 250). В то же время практические исследования применения молодежного сленга в учебной среде, фиксируют ряд проблем методического, лексико-компетентностного и психолингвистического характера, требующих системного теоретико-практического осмысления (Актуальные проблемы..., 2024, с. 18).

Цель настоящего исследования — теоретически и эмпирически обосновать актуальность и форму включения сленговой и жаргонной лексики в процесс обучения РКИ китайской аудитории, опираясь на современные концепции и предложить методические рекомендации для преподавателей, ориентированных на формирова-

1 Данная научная статья является результатом одного из этапов научно-исследовательского проекта Чанчуньского университета «Исследования в сленгах и жаргонах современного русского языка». Номер проекта:2023JBE03W07.

ние лексической и коммуникативной компетенции в условиях билингвальной и кросскультурной среды.

В российской и международной педагогической традиции вопросы преподавания специфической лексики — жаргона и сленга — рассматриваются с разных позиций: социолингвистической, психолингвистической, методической и трансляционной. П.Д. Аверкиева акцентирует внимание на функциях сленгизмов в образовательной среде и отмечает особенности их функционирования у китайских студентов, что предполагает необходимость диагностики и мониторинга употребления данной лексики в учебных взаимодействиях (Аверкиева, 2020, с. 7).

Исследования Е.Г. Латышевой показывают, что использование молодежного сленга может выступать инструментом формирования лексической компетенции при условии целенаправленной методической работы и адекватного отбора материалов, поскольку без педагогической рефлексии сленг может закреплять ошибочные модели употребления (Латышева, 2021, с. 157).

Я. Хэ и В.С. Елистратов вводят концепцию культурноязыковой личности как ключевого результата РКИ: сленг в их трактовке — *ресурс для конструирования идентичности и межкультурного понимания*, а не исключительно «артефакт» разговорной речи, что требует развития у студентов навыков прагматической интерпретации и соотнесения ценностей (Хэ, Елистратов, 2025, с. 4). С. Ван, в свою очередь, подчёркивает практические трудности перевода интернет-сленга и фиксирует широкую вариативность переводческих стратегий, что указывает на образовательную потребность в обучении трансформационным и стратегическим приёмам перевода для инофонов (Ван, 2023, с. 256). Аналитический вклад А.В. Курьянович раскрывает интерпретационные проблемы, возникающие у китайских инофонов при осмыслении русских жаргонных форм: автор указывают на разницу прагматических норм и культурных скриптов как причину коммуникативного недопонимания (Курьянович, 2018, с. 82).

О.В. Павлова и Л.К. Раджабова представляют эмпирический анализ словообразовательных механизмов формирования сленговых выражений в китайском языке, что даёт методологически значимую параллель для сопоставительного подхода при обучении русскому сленгу (Павлова, Раджабова, 2022, с. 561). В. Чжан обращает внимание на практические проблемы применения молодежного сленга на уроках РКИ в Китае и выдвигает ряд методических ограничений и возможностей: необходимость моделирования учебных ситуаций и учёта ценностной составляющей высказываний (Чжан, 2020, с. 216).

Монографические источники МГИМО дают широкую картину методических вызовов и предлагают интеграционные подходы к содержанию дисциплины «Русский язык как иностранный», включая модульную структуру и междисциплинарные связи, а также фиксируют современные традиции и новации в преподавании РКИ и подчёркивает важность цифровых ресурсов и кейс-методов при работе с живой разговорной лексикой (Проблемы преподавания русского языка как иностранного в современном вузе..., 2022, с. 101). (Проблемы преподавания..., 2022, с. 45; Проблемы преподавания русского языка как иностранного в современной образовательной парадигме..., 2018, с. 12). И. Кан в рамках своего диссертационного исследования предлагает конкретные методические решения по обучению предметно-культурной лексике и подчёркивает необходимость уровня-тестирования и дифференцированного подхода для уровней от B1 до C1 при работе с культурно-специфической лексикой (Кан, 2022, с. 14).

Таким образом, обзор литературы выявляет согласие между исследователями в том, что сленг и жаргон — значимый компонент коммуникативной компетенции, требующий специализированного методического сопровождения и исследований, ориентированных на целевые группы обучающихся, в частности на китайскую аудиторию.

Методы

В настоящем исследовании использован смешанный методологический подход, включающий теоретический анализ авторских концепций и подходов, контент-анализ учебных материалов и корпусный лингвистический анализ реальных высказываний китайских студентов в аудиториях РКИ.

Концептуальная часть опирается на сопоставление авторских позиций, представленных в отобранных работах, и их систематизацию по критериям: роль сленга в формировании лексической компетенции, проблематика интерпретации и перевода, методические рекомендации для преподавателя и практические модели интеграции в учебный курс. В эмпирической части использованы следующие приёмы: сбор корпусного материала (аудиозаписи студенческих дискуссий, письменные форумы, сообщения в социальных сетях, связанные с учебной деятельностью), лексико-семантический анализ наиболее частотных сленговых единиц, тестирование продуктивности их усвоения и интервью с преподавателями РКИ о методических практиках. Выбор китайской аудитории обусловлен наличием репрезентативного количества студентов, изучающих русский язык в университетах Санкт-Петербурга и Чанчуня; выборка включала 120 студентов уровня B1–C1 и 12 преподавателей РКИ.

Для анализа переводческих стратегий применялась методика, рекомендованная С. Ван для исследования интернет-сленга, с учётом трансформационных методов перевода (Ван, 2023, с. 256). Методика контроля и оценки результатов включала диагностические задания на понимание контекста, продуктивные задания на использование сленговых форм и ситуационные кейсы, предложенные в диссертационной методике И. Кана для уровня B1–C1 (Кан, 2022, с. 46). Этические аспекты работы с данными обеспечены анонимизацией и информированным согласием участников, как рекомендовано в методических пособиях по РКИ (Актуальные проблемы..., 2018, с. 20).

Результаты

Теоретико-методологический синтез показал, что включение сленговых и жаргонных элементов в программы РКИ имеет три взаимосвязанных измерения: *диагностическое* (определение исходного уровня и потребностей), *методическое* (подбор форм и средств обучения) и *оценочное* (критерии успешности включения).

Практические наблюдения подтвердили многие постулаты обзорной литературы: во-первых, наличие значимых различий в интерпретации жаргонной лексики у китайских студентов, что проявлялось в частых прагматических ошибках и неверной оценке социального статуса высказываний, что подтверждается наблюдениями С. Ван и А.В. Курьянович о культурных скриптах и интерпретационных пробелах.

Во-вторых, корпусный анализ показал устойчивые словообразовательные модели, характерные для сленга, которые совпадают по типологии с выводами О.В. Павловой и Л.К. Раджабовой о продуктивных словообразовательных механизмах в китайском сленге; это позволило определить трансляционные и педагогические точки пересечения при сравнительном обучении.

В-третьих, экспериментальная часть продемонстрировала, что целенаправленная работа с материалами, моделирующими реальные коммуникативные ситуации и предполагающими рефлексию над ценностным содержанием высказываний, повышает уровень осознанного употребления сленга на 18–24 % по объективным тестовым показателям, что согласуется с результатами, представленными в монографии под редакцией Е.Л. Бархударовой и др., где подчёркивается роль контекстуализации и коммуникативной тренировки. Интервью с преподавателями подтвердили, что большинство из них осознают важность сленга для развития межкультурной компетенции, но отмечают недостаток методических пособий и тренировочных материалов.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют сделать ряд практико-теоретических выводов применительно к обучению РКИ китайской аудитории. Во-первых, теоретическая модель культурно-языковой личности, предложенная Я. Хэ и В.С. Елистратовым, служит адекватной рамкой для осмысления роли сленга в образовательной траектории: сленг необходим не для формального воспроизведения «разговорных элементов», а для формирования навыков интерпретации ценностных и социокультурных маркеров высказываний.

Во-вторых, методические рекомендации И. Кана по дифференцированному обучению лексике уровня B1–C1 позволяют интегрировать сленговые блоки в модульное содержание курсов — через кейсы, проектную деятельность и проблемно-ориентированные задания, что даёт возможность снизить риски некорректного усвоения и повысить продуктивность коммуникативных навыков.

В-третьих, с учётом анализа О.В. Павловой и Л.К. Раджабовой, целесообразно вводить параллельный сравнительный блок, направленный на сопоставление словообразовательных механизмов русского и китайского сленга, что помогает использовать дистанционные переносы как диагностический ресурс и снижать интерференцию. Практически ориентированные выводы указывают на необходимость сочетания тренингового формата и рефлексивных обсуждений, в которых студентам предоставляется пространство для осмысления оценки уместности сленговых форм в разных коммуникативных регистрах. Методологически важным представляется внимание к цифровым форматам обучения: материалы интернет-корпусов и социально-сетевые кейсы дают релевантный контент, однако требуют методической верификации и адаптации, что отмечено в работах о переводе интернет-сленга (Ван, 2023, с. 256) и в сборниках по новым практикам РКИ.

Практические рекомендации

Для интеграции сленговой и жаргонной лексики в курсы РКИ целесообразно опираться на поэтапную модель обучения, ориентированную на развитие лексико-коммуникативной компетенции в её рецептивных и продуктивных аспектах. Начальным этапом должна быть диагностическая процедура, включающая как количественные инструменты (корпусный анализ, задания на распознавание и интерпретацию высказываний), так и качественные (опросы, рефлексивные записи обучающихся), что позволит выявить исходный уровень прагматической осведомлённости и отношение студентов к неформальной лексике. На основе диагностики разрабатывается дифференцированная траектория обучения: для групп с низкой прагматической готовностью ак-

цент делается на рецептивных задачах и аналитических упражнениях; для более подготовленных групп — на продуктивных заданиях и проектной деятельности.

Методическая структура модуля включает корпусную вводную с аутентичными материалами, аналитический блок с разбором словообразовательной и прагматической структуры единиц, переводческий компонент, тренирующий трансформационные стратегии, и продуктивную практику в формате ролевых сценариев и проектных заданий. При отборе лексики критериями являются частотность в целевых коммункативных пространствах, степень стилистической маркированности и риск интерференции с китайским языком; предпочтение отдается устойчивым репрезентативным единицам, демонстрирующим различные механизмы словообразования и функционирования в речи.

Задания на перевод и трансформацию выполняются по многоступенчатой схеме: рецепция и анализ исходного высказывания, выбор стратегии передачи, продукция и последующее обсуждение результатов, что формирует переводческую компетенцию и метаязыковую рефлексию. Продуктивная часть строится на имитационных и проектных формах, предполагающих моделирование аутентичных коммуникативных ситуаций и обязательную аргументацию языковых решений со стороны обучающихся; такие формы способствуют интеграции лексических, прагматических и социокультурных компонентов компетенции.

Оценивание усвоения сленгового компонента должно быть многоаспектным: формирующая оценка реализуется через регулярную обратную связь, рефлексивные записи и промежуточные задания; суммарная — через ситуационные тесты и портфолио. Рубрики оценивания должны включать критерии уместности по регистру, семантической точности, переводческой адекватности и обоснованности выбора, что обеспечивает прозрачность и направляет учебную рефлексию. Методическая верификация цифрового контента и инструменты защиты от некорректных переносов являются обязательными элементами, обеспечивающими качество материалов и минимизацию коммуникативных рисков.

Основные ограничения практической концепции связаны с высокой динамичностью неформальной лексики и ограниченной репрезентативностью учебных корпусов: без регулярной актуализации материалы быстро теряют релевантность. Межъязыковая интерференция и региональная вариативность у представителей разных китайских сообществ также ограничивают универсальность единой методики, что требует механик локальной адаптации и диагностической ретроспективы перед масштабированием. Ресурсное обеспечение является значимым фактором: разработка модульных и проектных форм требует доступа к корпусам, инструментам автоматизированного анализа и времени на подготовку и оценку продуктивных работ, что может быть проблематично при больших потоках студентов.

Перспективы дальнейших исследований включают лонгитюдные оценки эффективности предложенных методик, сравнительные исследования между различными демографическими и региональными группами китайских обучающихся, а также экспериментальную апробацию симуляционных и виртуальных сред для тренировки прагматической интерпретации. Технологические направления развития предполагают создание адаптивных цифровых платформ с функциями актуализации корпусов и автоматизированной предварительной оценки продуктивных заданий, что позволит оперативно обновлять содержимое курсов и снизить нагрузку на преподавателя. Междисциплинарные исследования, объединяющие методы когнитивной науки, социолингвистики и педагогики, могут пролить свет на механизмы усвоения неформальной лексики и роль мотивации и медийных практик в формировании репертуара сленга у инофонов.

Заключение

Системный, диагностически ориентированный и дифференцированный подход к включению сленга и жаргона в учебные курсы РКИ для китайской аудитории представляет собой необходимое направление модернизации содержания обучения, направленное на формирование полноценной лексико-коммуникативной и межкультурной компетенции. Такой подход требует баланса между корпусной аутентичностью и педагогической адаптацией, между рецептивной подготовкой и продуктивной тренированностью, а также сочетания формирующего сопровождения и проверки результатов. При наличии институциональной поддержки и доступа к адекватным цифровым ресурсам предложенные методические решения позволяют снизить коммуникативные риски и обеспечить развитие у обучающихся способности критически и рефлексивно использовать неформальную лексику в реальных коммуникативных контекстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверкиева П.Д. Особенности функционирования сленгизмов, используемых китайскими студентами в сфере образования // Репозиторий БГУИЯС. – С. 5–12.
2. Актуальные проблемы преподавания русского языка как неродного / иностранного: российские и зарубежные практики: материалы III Международной науч-

но-методической конференции (Ставрополь, 21–25 октября 2024 г.) / Северо-Кавказский федеральный университет. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2024. – 344 с.
3. Актуальные проблемы теории и практики преподавания русского языка как иностранного в современной образовательной парадигме: коллективная монография / Е.Л. Бархударова, Д.Б. Гудков, Л.П. Клобукова [и др.]. – Москва: ООО «МАКС Пресс», 2018. – 168 с.
4. Ван С. Русские и китайские молодежные жаргонизмы как проявление национальной лингвокультуры и объект научного исследования // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 3. – С. 248–256.
5. Ван С. Трудности перевода интернет-сленга с китайского языка на русский (2018–2020 гг.) // Педагогический журнал. – 2023. – Т. 13. – № 2А–3А. – С. 254–259.
6. Ван С., Курьянович А.В. К вопросу об интерпретации и употреблении русской жаргонной лексики китайскими инофонами // Вестник ТГПУ. – 2018. – № 2 (191). – С. 80–85.
7. Кан И. Методика обучения русской предметной и бытовой культурно-специфической лексике в китайской аудитории (уровень В1–С1): дис. … канд. пед. наук. – Москва, 2022.
8. Латышева Е.Г. Использование молодежного сленга в рамках формирования лексической компетенции (китайский язык) // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. – 2021. – № 4(39). – С. 156–159.
9. Павлова О.В., Раджабова Л.К. Анализ словообразовательных механизмов формирования сленговых выражений молодежной среды в китайском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – № 2. – С. 559–563.
10. Проблемы преподавания русского языка как иностранного в современном вузе: традиции, новации и перспективы: электронный сборник научных статей: к 75-летию кафедры русского языка МГИМО МИД России / сост. и науч. ред. М.В. Беляков; МГИМО МИД России. – Москва: МГИМО-Университет, 2022. – 358 с
11. Хэ Я., Елистратов В.С. Анализ культурно-языковой личности китайских студентов на основе сленга // Философия и культура. – 2025. – № 2. – С. 1–17.
12. Чжан В. Проблемы применения молодежного сленга на уроке русского языка как иностранного в Китае // Образование и право. – 2020. – № 7. – С. 215–217.

© Ли Гэнвэй (597438681@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.28

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЗИКИ СТУДЕНТАМ ВУЗОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ

SPECIFIC FEATURES OF TEACHING PHYSICS TO UNIVERSITY STUDENTS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF EDUCATION

N. Litvin
N. Kapustina

Summary: This article explores the transformation of physics teaching methods in higher education institutions in the context of the widespread digitalization of the educational process. It analyzes the contradiction between the technological possibilities of virtualizing the educational process and the need to preserve the experimental component of physics education, which develops practical skills in working with real-world instruments and phenomena. Blended learning models, the integration of virtual laboratory work, and the changing role of the instructor from knowledge translator to moderator of educational activities in the digital environment are considered. Systemic challenges of digital transformation are identified, including the logistical limitations of universities, the shortage of high-quality Russian-language content, and the risks of replacing meaningful analysis of physical laws with the mechanical execution of algorithms in automated systems. The need to develop criteria for the appropriateness of using digital technologies, taking into account the specifics of specific didactic tasks, is substantiated.

Keywords: digitalization of physics education, virtual laboratory work, blended learning, digital educational environment, transformation of teaching competencies.

Литвин Наталья Владимировна
кандидат технических наук, доцент, Волгодонский инженерно-технический институт (филиал), Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
NVLitvin@mephi.ru
Капустина Наталья Витальевна
старший преподаватель, Волгодонский инженерно-технический институт (филиал), Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
NVKapustina@mephi.ru

Аннотация: Статья исследует трансформацию методики преподавания физики в высших учебных заведениях в контексте массовой цифровизации образовательного процесса. Анализируется противоречие между технологическими возможностями виртуализации учебного процесса и необходимостью сохранения экспериментальной составляющей физического образования, формирующей практические навыки работы с реальными приборами и явлениями. Рассматриваются модели смешанного обучения, интеграция виртуальных лабораторных работ и изменение роли преподавателя от транслятора знаний к модератору образовательной деятельности в цифровой среде. Выявлены системные проблемы цифровой трансформации, включающие материально-технические ограничения вузов, дефицит качественного русскоязычного контента и риски подмены осмысленного анализа физических закономерностей механическим выполнением алгоритмов в автоматизированных системах. Обоснована необходимость выработки критериев целесообразности применения цифровых технологий с учетом специфики конкретных дидактических задач.

Ключевые слова: цифровизация физического образования, виртуальные лабораторные работы, смешанное обучение, цифровая образовательная среда, трансформация преподавательских компетенций.

Введение

Современная трансформация высшего образования неразрывно связана с интеграцией цифровых технологий в учебный процесс, что особенно актуально для естественнонаучных дисциплин. Преподавание физики в технических и профильных вузах претерпевает существенные изменения, обусловленные необходимостью адаптации традиционных методик к требованиям цифровой эпохи. Исследования А.Л. Скобликовой с соавторами демонстрируют комплексный подход к модернизации образовательного процесса через внедрение мультимедийных презентаций, интерактивных моделей и систем дистанционного обучения [6]. Параллельно с этим работы Е.В. Плащевой с коллегами раскрывают специфику применения цифровых инструментов в медицинском образовании, где физика приобретает прикладное значение через изучение ультразвуковых методов, лазерного излучения и биофизических процессов [4].

Фундаментальной особенностью преподавания физики остается необходимость экспериментальной составляющей, которая традиционно формирует физическое мышление и понимание природных закономерностей. Однако техническая база многих образовательных учреждений сталкивается с проблемой устаревания лабораторного оборудования, что стимулирует поиск альтернативных решений. А.Х. Ципинова и М.А. Шебзухова разработали методику проведения лабораторного практикума с использованием современного цифрового оборудования, классифицировав работы на полностью цифровые с программным обеспечением, смешанные с обработкой данных через графические программы и традиционные с возможной цифровизацией отдельных элементов [7]. Такой подход позволяет компенсировать недостатки материально-технической базы без полного отказа от реальных экс-

периментов, сохраняя при этом возможность формирования практических навыков работы с измерительными приборами и обработки экспериментальных данных.

Виртуальные лабораторные работы становятся важным элементом цифровой образовательной среды, обеспечивая наглядность физических процессов и интерактивность обучения. Исследование Е.В. Плащевой, О.В. Иванчук и С.В. Ланиной показало, что студенты экспериментальной группы, работавшие с виртуальными экспериментами и специализированными программами, продемонстрировали более высокий уровень освоения материала со средним баллом удовлетворенности 4,87 по пятибалльной шкале [4]. Виртуализация экспериментов компенсирует дефицит времени и оборудования, создавая условия для многократного повторения опытов и детального изучения физических явлений, недоступных в традиционных лабораторных условиях.

Трансформация роли преподавателя становится закономерным следствием цифровизации образовательного процесса. А.Д. Амиралиев подчеркивает, что в цифровой образовательной среде педагог перестает быть исключительным источником знаний, превращаясь в модератора, тьютора и организатора учебной деятельности [2]. Такое изменение функций требует освоения новых компетенций, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий, разработкой интерактивных материалов и организацией смешанного обучения. Преподаватель должен не только владеть цифровыми инструментами, но и уметь методически грамотно интегрировать их в образовательный процесс, сохраняя баланс между технологическими возможностями и педагогической целесообразностью.

Модель смешанного обучения, реализуемая через сочетание очных и онлайн-сессий, открывает новые возможности для индивидуализации образовательных траекторий. В.Ю. Шурыгин, Л.А. Краснова и А.В. Дерягин исследовали эффективность включения междисциплинарных электронных материалов в курс физики, что привело к повышению среднего балла знаний студентов с 3,8 до 4,3 [8]. Концепция перевернутого класса предполагает самостоятельное изучение теоретического материала через электронные лекции и мультимедийные ресурсы с последующей аудиторной работой, направленной на решение задач, обсуждение проблемных вопросов и выполнение практических заданий.

А.А. Машинян, Н.В. Кочергина и О.В. Бирюкова разработали комплексные средства обучения физике, включающие электронные конспекты, интерактивные тесты и Excel-калькуляторы для лабораторных работ [3]. Цифровая визуализация физических законов и процессов способствует более глубокому пониманию абстрактных концепций, особенно для студентов с преобладающим визуальным типом восприятия информации. Анимации и видеоматериалы демонстрируют динамику физических явлений в реальном времени, что невозможно при традиционных методах преподавания с использованием статичных схем и формул на доске.

Системы автоматизированного контроля знаний обеспечивают объективность оценивания и унификацию требований к студентам. Компьютерное тестирование позволяет оперативно проверить усвоение материала, выявить пробелы в знаниях и скорректировать образовательную траекторию. Однако А.Л. Скобликова и соавторы отмечают проблему недостаточного развития аналитических навыков у студентов, которые при работе с автоматизированными системами склонны к формальному выполнению заданий без глубокого осмысления физической сути явлений [6]. Автоматические расчеты и построение графиков освобождают время для анализа результатов, но одновременно могут приводить к снижению математической культуры и потере понимания связи между экспериментальными данными и теоретическими закономерностями.

Интеграция онлайн-курсов и платформ массового открытого образования расширяет доступ к качественным образовательным ресурсам, созданным ведущими специалистами. Использование облачных сервисов и образовательных платформ типа Google Workspace, Microsoft 365 и LMS Moodle обеспечивает эффективную коммуникацию между преподавателями и студентами, организацию совместной работы над проектами и хранение учебных материалов. О.Д. Азоркина и Е.Н. Кириллова разработали модульную обучающую среду OpenSystem для дистанционного изучения курса физики атомного ядра, которая включает электронные учебники, задачи, тесты и кейсы, обеспечивающие структурирование знаний и контроль усвоения материала [1].

Проблемы цифровизации преподавания физики носят системный характер и требуют комплексного решения. С.В. Ревунов, с соавторами выделяют технические и инфраструктурные ограничения, связанные с недостаточным оснащением аудиторий необходимым оборудованием и программным обеспечением [5]. Цифровое неравенство среди студентов проявляется в различном уровне доступа к современным устройствам и качественному интернет-соединению, что создает барьеры для равноправного участия в цифровом образовательном процессе. Дефицит качественного русскоязычного образовательного контента по физике усложняет задачу создания полноценной цифровой образовательной среды, соответствующей современным стандартам интерактивности и методической проработки.

Цифровизация образовательного пространства высшей школы провоцирует глубокую перестройку методологических оснований преподавания естественнонаучных дисциплин. Физика как фундаментальная область

знания оказывается в эпицентре противоречий между потребностью в сохранении экспериментальной практики и давлением технологических возможностей виртуализации учебного процесса.

Виртуальные лабораторные работы демонстрируют парадоксальную двойственность: повышая формальные показатели удовлетворенности студентов и облегчая визуализацию абстрактных концепций, они одновременно отчуждают обучающихся от непосредственного тактильного опыта взаимодействия с физической реальностью. Статистически зафиксированный рост среднего балла не гарантирует углубления понимания физических закономерностей, поскольку автоматизированные системы обработки данных нередко подменяют осмысленный анализ механическим выполнением алгоритмов. Студент получает готовый график или численное значение, минуя этап критического осмысления погрешностей измерений и границ применимости физических моделей.

Трансформация преподавательской роли от транслятора знаний к модератору учебной активности требует радикального пересмотра системы подготовки педагогических кадров. Преподаватель физики сталкивается с необходимостью совмещать глубокую предметную компетентность с владением постоянно обновляющимся арсеналом цифровых платформ и методик их дидактической интеграции. Модель смешанного обучения с концепцией перевернутого класса переносит центр тяжести на самостоятельную работу студента, что обостряет проблему мотивации и самодисциплины в условиях избыточного информационного шума и конкуренции образовательного контента с развлекательным.

Заключение

Цифровизация преподавания физики обнаруживает фундаментальное противоречие между инструментальной эффективностью технологий и сохранением экспериментальной сущности физического образования. Виртуализация лабораторного практикума не может считаться равноценной заменой натурного эксперимента, сколь бы совершенной ни была программная симуляция. Утрата непосредственного контакта с измерительными приборами и физическими явлениями грозит превратить будущих специалистов в операторов готовых цифровых решений, неспособных к самостоятельному экспериментальному поиску. Задача современного педагога состоит не в тотальной цифровизации учебного процесса, а в выработке критериев целесообразности применения технологий в каждом конкретном дидактическом контексте.

Смешанное обучение требует тщательной методической проработки границ между цифровым и традиционным компонентами, иначе образовательная среда рискует стать технологически насыщенной, но содержательно обедненной. Дефицит качественного русскоязычного контента и материально-технические ограничения вузов указывают на необходимость государственной поддержки создания образовательных платформ и обновления лабораторной базы. Без решения инфраструктурных проблем цифровая трансформация останется декларативным проектом, усугубляющим неравенство образовательных возможностей студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азоркина О.Д. Актуальные вопросы использования информационных технологий в обучении физико-математическим дисциплинам / О.Д. Азоркина, Е.Н. Кириллова // Научно-педагогическое обозрение. – 2022. – № 4(44). – С. 126–134. – DOI 10.23951/2307–6127-2022-4-126-134. – EDN LEWTKO.
2. Амиралиев А.Д. Цифровая образовательная среда вуза как условие подготовки бакалавров по профилям «Физика» и «Математика» / А.Д. Амиралиев // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 1(98). – С. 248–250. – DOI 10.24412/1991–5497-2023-198-248-250. – EDN ZCUTFU.
3. Машиньян А.А. Образовательная среда по общей физике в техническом университете / А.А. Машиньян, Н.В. Кочергина, О.В. Бирюкова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10, № 4. – EDN TGGLXR.
4. Плащевая Е.В. Особенности применения цифровых технологий при изучении физики в медицинском вузе / Е.В. Плащевая, О.В. Иванчук, С.Ю. Ланина // ЦИТИСЭ. – 2023. – № 2(36). – С. 7–15. – DOI 10.15350/2409–7616.2023.2.01. – EDN OANKFB.
5. Ревунов С.В. Применение информационно-коммуникационных технологий в обучении физике / С.В. Ревунов, Е.А. Ковязо, Л.Ю. Важинская // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2021. – Т. 10, № 2(35). – С. 236–239. – DOI 10.26140/anip-2021-1002-0058. – EDN ZFGAFS.
6. Скобликова А.Л. Цифровые технологии в преподавании общей физики в высших учебных заведениях / А.Л. Скобликова, Т.Ю. Яковлева, И.А. Потапова [и др.] // Современное образование: содержание, технологии, качество. – 2022. – Т. 1. – С. 228–230. – EDN GQPFHV.
7. Ципинова А.Х. Особенности проведения лабораторного практикума по физике с использованием цифрового оборудования в условиях цифровой трансформации вузов / А.Х. Ципинова, М.А. Шебзухова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. – 2023. – № 2. – С. 30–42. – DOI 10.18384/2310–7219-2023-2-30-42. – EDN MESRLI.
8. Шурыгин В.Ю. Особенности реализация межпредметных связей в преподавании физики в вузе средствами электронного обучения / В.Ю. Шурыгин, Л.А. Краснова, А.В. Дерягин // Балтийский гуманитарный журнал. – 2023. – Т. 12, № 3(44). – С. 75–78. – DOI 10.57145/27129780_2023_12_03_15. – EDN MXYZVY.

© Литвин Наталья Владимировна (NVLitvin@mephi.ru), Капустина Наталья Витальевна (NVKapustina@mephi.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.30

ВЛИЯНИЕ МУЗЫКАЛЬНО-ДИДАКТИЧЕСКИХ ИГР НА РАЗВИТИЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В РОССИИ И КИТАЕ

INFLUENCE OF MUSICAL AND DIDACTIC GAMES ON THE DEVELOPMENT OF MUSICAL ABILITIES OF YOUNGER STUDENTS IN RUSSIA AND CHINA

Ma Yan

Summary: This publication analyzes in detail the impact of musical and didactic games on the formation and development of musical abilities in younger students in Russia and China. The focus is on how play practices contribute to the development of auditory perception, improving rhythmic feeling, and stimulating the creative activity of younger students. The influence of such techniques on the development of fine motor skills, the ability to imagine, as well as the formation of communication skills in collective musical activity is especially distinguished. Based on the analysis of educational approaches implemented in both countries, a high effectiveness of the introduction of game forms is revealed: their positive impact on the involvement of children in the educational process, increasing their educational motivation, as well as on the quality of mastering musical material is noted. The importance of observing methodological accuracy in organizing music games is emphasized: adapting content to the age and individual characteristics of students, as well as the organic unification of creative and performing aspects in the structure of educational tasks are considered as key factors in the effectiveness of this approach.

Keywords: musical-didactic games, younger students, musical ability, primary music education, Russia, China, teaching practices, game learning.

Ма Янь
Аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
731962219@qq.com

Аннотация: В данной публикации подробно анализируется воздействие музыкально-дидактических игр на формирование и развитие музыкальных способностей у младших школьников в России и Китае. Основное внимание уделяется тому, как игровые практики способствуют развитию слухового восприятия, совершенствованию ритмического чувства и стимулированию творческой активности учащихся младшего возраста. Особо выделяется влияние таких методик на развитие мелкой моторики, способности к воображению, а также формирование коммуникативных умений при коллективной музыкальной деятельности. На основе анализа образовательных подходов, реализуемых в обеих странах, выявляется высокая результативность внедрения игровых форм: отмечается их положительное влияние на вовлечённость детей в образовательный процесс, повышение их учебной мотивации, а также на качество освоения музыкального материала. Подчёркивается важность соблюдения методической точности при организации музыкальных игр: адаптация содержания к возрастным и индивидуальным особенностям учащихся, а также органичное объединение творческих и исполнительских аспектов в структуре учебных заданий рассматриваются как ключевые факторы эффективности данного подхода.

Ключевые слова: музыкально-дидактические игры, младшие школьники, музыкальные способности, начальное музыкальное образование, Россия; Китай, педагогические практики, игровое обучение.

В рамках начального школьного образования занятия музыкой способствуют формированию у младших учеников слуховых умений, развитию ощущения ритма, пробуждению воображения и ценности художественного восприятия. В последние годы широкое распространение в педагогической практике получают игровые методики, в частности использование музыкально-дидактических игр. Это направление педагогики активно обсуждается как в китайской, так и в российской научной литературе. В системе образования Китая игровые приёмы часто становятся структурной основой уроков музыки в начальных классах. Российские исследователи, в свою очередь, выделяют значимость подобных игр для поощрения творческого развития и формирования устойчивых навыков слухового восприятия у детей.

Современные китайские научные работы анализируют преимущественно интеграцию игр в начальное музыкальное образование, рассматривая их как одно из базовых средств для развития ритмических, интонационных, моторных и коммуникативных навыков, а также повышения учебной мотивации. При этом в публикациях представлен широкий спектр игровых форм — от тренировки чувства ритма до мелодических разборов и групповых музыкальных соревнований, что положительно отражается на вовлечённости обучающихся и качестве усвоения новых знаний. В некоторых трудах акцентируется важность комплексного подхода: успешной организации игр способствует синтез интереса, целенаправленности, коллективного взаимодействия и обеспечения безопасности, что предложено в качестве методологических рекомендаций [1].

Стремление к познанию проявляется наиболее ярко у младших школьников, когда образовательный процесс вызывает у них живой интерес. Использование музыкальных игр с насыщенным сценарием, динамичной структурой и значительным уровнем взаимодействия позволяет быстро захватить внимание детей и поддерживать их вовлечённость в освоение музыкального материала. Во время игровых занятий школьники не только слушают объяснения, но и становятся непосредственными участниками музыкальных действий, что обеспечивает эффективное и запоминающееся усвоение новых знаний. Так, при изучении основ ритма интерактивные упражнения, например командная ритмическая эстафета, позволяют учащимся воспроизводить и создавать различные ритмические структуры. Благодаря этим формам занятий дети активно вовлекаются в процесс обучения, лучше понимают структуру ритма и проявляют больше интереса к дальнейшему изучению музыки [7].

Вовлечение младших школьников в музыкальные игры способствует формированию широкого спектра музыкальных способностей. В ходе игровых музыкальных заданий дети учатся различать и осознавать такие характеристики звучания, как ритмический рисунок, мелодическая линия, тембровое окрашивание, что положительно сказывается на развитии слухового восприятия. В качестве форм работы применяются вокальные упражнения, инструментальное исполнение, а также разнообразные элементы танцевального движения, которые расширяют диапазон музыкального самовыражения у детей. Одним из эффективных методов является «Музыкальный пазл», где школьники, манипулируя отдельными звуковыми фрагментами, учатся собирать их в цельное музыкальное произведение — подобная деятельность не только стимулирует понимание структуры музыкального материала, но и формирует творческое мышление.

Кроме развития музыкантских компетенций, подобные игры оказывают существенное влияние на физическое и психоэмоциональное состояние учащихся. Период обучения в младших классах определяет основные тенденции физического, а также психологического формирования. Музыкально-игровые практики создают благоприятную атмосферу для снятия эмоционального напряжения, предоставляют возможности для самовыражения и переживания положительных эмоций. Танцевальные и ансамблевые формы взаимодействия учат детей эффективно работать в коллективе, развивают коммуникативные качества и способность к сотрудничеству. Помимо этого, регулярная моторная активность в рамках музыкальных игр способствует развитию двигательной координации, укрепляет чувство ритма и положительно отражается на общем физическом благополучии ребёнка.

В отечественной педагогической практике музыкально-дидактические игры приобретают статус эффективного инструмента для формирования слуховой чувствительности, ритмического восприятия и развития креативности младших школьников. Российские авторы, опираясь на результаты прикладных исследований и педагогический опыт, отмечают, что игровые методы оказывают значительное влияние на закрепление музыкальных мотивов, усвоение тембровых различий и становление исполнительских умений. Особую роль при этом играет педагогическая структура игр, где ключевыми условиями оказываются логическая встраиваемость целей, оптимальный уровень сложности, правильная последовательность этапов и обязательное наличие рефлексивного компонента, обеспечивающего осмысление полученного опыта учащимися [4].

При рассмотрении зарубежной и российской литературы проявляется определённое сходство как в оценке влияния внедрения игр (включённость, рост интереса, повышение слуховой и ритмической восприимчивости), так и в понимании их развивающего потенциала. При этом обнаруживается различие в акцентах: в Китае в работах часто преобладают описания универсальных, массовых методов и стандартизированного построения игровых форм, тогда как российские специалисты отдают предпочтение гибкости, индивидуальному подходу, а также особое внимание уделяют вербальному и юмористическому содержанию обучающих игр.

В целях всесторонней оценки эффективности музыкально-дидактических игр в образовательной практике России и Китая запланировано использование смешанного подхода, сочетающего количественные и качественные техники сбора и анализа данных. В качестве объектов исследования планируется выбрать по нескольку начальных школ в сходных по социокультурным параметрам регионах двух стран [8].

Синтез материалов научных трудов и практических публикаций позволяет выявить широкую палитру позитивных изменений, которые наблюдаются у младших школьников благодаря использованию музыкально-дидактических игр. Такой подход способствует выраженному росту познавательной активности: игровые методики усиливают заинтересованность в музыкальных уроках и снижают уровень внутреннего сопротивления учащихся, что отмечено как в теоретических, так и в эмпирических исследованиях Китая и России [1]. В ряде экспериментальных работ установлено улучшение ритмических способностей, причём головная роль здесь принадлежит упражнениям с выраженным двигательным компонентом — подобные занятия способствуют формированию координации и ритмической точности [2]. Значительное внимание уделяется вопросам интонационного развития: через игровые формы дети быстрее овладевают ин-

тервалами и осваивают новые мелодические структуры, что рассматривается российской педагогикой как весомый вклад в развитие слуховой чувствительности [4]. Параллельно с этим обучающиеся демонстрируют укрепление кратковременной музыкальной памяти, а также начинают проявлять больше гибкости в импровизации и самостоятельном создании небольших мелодических фрагментов [3]. Дополнительно в совместных игровых занятиях формируются и углубляются навыки коллективного взаимодействия, что способствует развитию коммуникативных умений, самоконтроля и способности брать ответственность за командный результат — эти социальные эффекты регулярно выделяются среди китайских педагогических рекомендаций.

В ходе аналитического обзора подтверждается эффективность музыкально-дидактических игр как средства для формирования важнейших музыкальных способностей у детей младшего школьного возраста. Однако результативность методики напрямую зависит от нескольких условий. Существенное значение имеет, в первую очередь, грамотная педагогическая проработка каждой игровой формы: развитие музыкальных навыков требует осознанных целей, динамичного усложнения заданий и наличия элементов самостоятельного анализа, что особенно подчёркивается в современной методической литературе [1]. Помимо этого, успех в реализации МДИ определяется готовностью и компетентностью учителя — умение адаптировать задания к особенностям группы, а также объективно оценивать достижения школьников рассматривается как обязательное требование. Отмечается, что в Китае приоритет отдается стандартизации и единству практик, в то время как российская педагогика проявляет гибкость, делая ставку на индивидуальный подход и вариативность [2]. Значительную роль играет и образовательная среда — структура учебных программ, наличие досуговых традиций и уровень автономии школ или отдельных педагогов могут существенно влиять на формат и регулярность применения игровых технологий в обучении музыке младших школьников [5].

Интеграция музыкальных игр в образовательный процесс оказывает значительное воздействие на усвоение как теоретических, так и практических аспектов музыки у младших школьников. Применение игровых технологий позволяет преодолеть традиционную абстрактность теоретических понятий, таких как ноты, интервалы и ритмические структуры, превращая их в понятные и освоенные через непосредственную деятельность элементы. Во время занятий, построенных на игровой логике, учащиеся не только лучше ориентируются в названии и местоположении нот, но и эффективно осваивают ритмические паттерны, что способствует формированию прочных основ музыкального мышления. Освоение теоретического материала, происходящее благодаря практическим игровым упражнениям, обеспечивает высокий уровень мотивации и поддерживает автономную активность каждого участника.

Практические занятия по вокальному и инструментальному исполнительству приобретают совершенно иной характер, когда в них включаются игровые методы. Исполнение песен в виде диалога, имитация фраз учителя, а также коллективные музыкальные эксперименты создают поддержку любознательности, а также развивают чувство ансамбля и выразительность. Кроме этого, дети учатся слушать друг друга, что позитивно отражается на умении интуитивно следовать за коллективом, соблюдать интонацию, ритм и настроение музыкальной фразы, а также гармонично сочетать индивидуальное исполнение с групповым звучанием. Особенно значима роль игровых заданий на воспроизведение ритмов и узнавание инструментов, поскольку в таких условиях формируется не только исполнительское мастерство, но и гибкость музыкального слуха, а также умение быстро реагировать на звуковые стимулы окружающей среды.

Аудирование и развитие навыков музыкального восприятия также активно поддерживаются благодаря использованию игровой формы. Когда слушание музыкальных произведений становится частью интерактивного задания, повышается интерес как к самому процессу, так и к содержанию музыки. Воображаемые сценки и ролевые инсценировки, построенные на основе фрагментов знакомых композиций, открывают детям возможности для творческого осмысления услышанного, укрепляя ассоциативное мышление и формируя умение анализировать выразительные средства музыкального искусства [9].

Творческая составляющая музыкального образования реализуется через задачи по компоновке новых мелодий из предложенных фрагментов, сочинение текстов к известным мотивам и развитие элементарных навыков музыкальной композиции. Подобная деятельность не ограничивается простым повторением, а, напротив, формирует способность к самостоятельному поиску выразительных решений, обогащая общее музыкальное воображение ребенка [10].

Эффективное внедрение музыкально-игровых элементов в образовательную деятельность младших школьников значительно повышает не только овладение музыкальными знаниями и умениями, но и общий интерес к предмету, а также формирует атмосферу творчества и исследовательского поиска. При определении структуры учебного процесса важно органично сочетать теоретическую, исполнительскую, перцептивную и созидательную направленности, адаптируя игровые подходы к индивидуальным особенностям учеников. Такой подход позволяет создавать активную и эмоционально

насыщенную среду, способствующую гармоничному музыкальному развитию каждого ребёнка.

Для эффективной организации образовательного процесса с использованием музыкально-дидактических игр педагогам и методистам рекомендуется скрупулёзно определять цель каждого игрового упражнения, соотнося её с развитием определённых музыкальных умений, таких как чувство ритма, слуховая точность или способность к воспроизведению музыкального материала [1]. Успех игровых методов во многом определяется логикой построения занятия: желательно чередовать объяснительные модули, демонстрацию, последовательное наращивание сложности в ходе самой игры, последующее закрепление материала через активное воспроизведение, а завершать занятия кратким обсуждением результатов либо анализом собственных впечатлений. Важным компонентом выступает интеграция движений и звука, поскольку включение моторных заданий (например, ритмических эстафет, работы в небольших ансамблях) заметно активизирует процессы ритмического восприятия и моторной координации [2]. Особое внимание рекомендуется уделять внедрению творческих заданий в игровой контекст: предлагая детям простые упражнения для сочинения мелодий на основе ограниченного набора интервалов или ритмических рисунков, учитель стимулирует музыкальную инициативу и формирует навыки спонтанного создания музыкальных фраз. Оценивание достижений должно носить преимущественно формативный характер; для этого удобно использовать наблюдательные чек-листы, позволяющие отслеживать точность ритма, интонационную выразительность и уровень активности каждого ребёнка, а дополнительно фиксировать прогресс с помощью аудио- или видеозаписей [4]. При подборе песенного материала и сюжета игры важно учитывать культурные и языковые особенности коллектива — обращение к знакомым детям тематическим историям и мотивам усиливает мотивационную составляющую и способствует более глубокому включению в музыкально-игровую деятельность.

Современные исследования, сравнивающие практики музыкально-дидактических игр в России и Китае, обладают рядом ограничений. Прежде всего, отмечается явная нехватка межкультурных квази-экспериментальных и длительных лонгитюдных проектов, что затрудняет комплексную оценку эффективности подходов в двух странах. Еще одним вызовом остаётся вопрос инструментальной базы: на сегодняшний день отсутствуют универсальные и валидированные методики измерения музыкальных способностей, применимые для обеих культур, что снижает сопоставимость результатов. Особого внимания заслуживают современные направления, связанные с внедрением цифровых игр и мультимедийных приложений в музыкальное образование; первые работы по этой тематике уже появляются, однако их число всё еще невелико и требуется расширение эмпирической базы, особенно в отношении интеграции подобных решений с традиционными формами музыкальных игр [6].

Обобщённый анализ свидетельствует о существенном положительном вкладе музыкально-дидактических игр в процесс формирования ключевых музыкальных умений у детей младшего школьного возраста: отмечается увеличение заинтересованности в обучении, улучшение ритмических и интонационных характеристик, а также развитие памяти и креативности. Китайские и российские авторы сходятся во мнении о высокой образовательной ценности игровых технологий, хотя подходы к их внедрению и внутришкольной стандартизации различаются. Для успешного практического развития рекомендуется уделять особое внимание методической систематизации игровых форм, профессиональной подготовке педагогов и внедрению инструментов объективного оценивания результатов освоения музыкальных знаний и навыков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wang F. Study on the Effective Use of Music Games in Primary School Music Classes [Electronic resource]. — CNKI. — Access mode: https://www.cnki.net (accessed: 10.12.2025).
2. Li N. Research on Application of Music Games in Class [Electronic resource] // Proceedings of the 3rd International Conference on Education and Multimedia Technology. — Atlantis Press, 2018. — Access mode: https://www.atlantis-press.com (accessed: 10.12.2025).
3. Chen C. Analysis of the Application of Music Games in Primary School Music Teaching [Electronic resource] // Educational Theory and Application, 2025. — ResearchGate. — Access mode: https://www.researchgate.net(accessed: 10.12.2025).
4. Uzhanova M.E. The Role of Musical-Didactic Games in Developing Students' Musical Abilities [Electronic resource] // CyberLeninka. — Access mode: https://cyberleninka.ru (accessed: 10.12.2025).
5. Musical-Didactic Games as a Means of Developing Creative Abilities in Primary School Children [Electronic resource] // Infourok. — Access mode: https://infourok.ru (accessed: 10.12.2025).
6. Modern Studies on Digital Music Games and Music Pedagogy [Electronic resource] // Frontiers in Psychology, 2025. — Access mode: https://www.frontiersin.org (accessed: 10.12.2025).
7. Zhao Chenxin. Analysis of the Application of Music Games in Primary School Music Teaching [Journal]. Electronic Journal "Encyclopedia Forum", 2020(15):756.
8. Chen Mengting. Analysis of the Application of Music Games in Primary School Music Lessons [Collection]. Proceedings of the Forum on Educational and Teaching

Research, 2023:1-7.
9. Zhang Tingshu. Research on the Application of Gamified Music Teaching in Primary School Classes [Collection]. Proceedings of the 3rd Forum on Innovative Development in Education, 2025:1-5.
10. Xie Jing. Analysis of the Role of Music Games and Strategies for Their Application in Primary School Music Education [Collection]. Proceedings of the 3rd Forum on Educational Construction and Teaching Reform, 2025:1-4.

© Ма Янь (731962219@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.32

УСЛОВИЯ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДГОТОВКИ ПРОФСОЮЗНЫХ КАДРОВ В ПРОЦЕССЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

CONDITIONS OF METHODOLOGICAL SUPPORT FOR THE TRAINING OF TRADE UNION PERSONNEL IN THE PROCESS OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION

T. Novikova

Summary: This article examines the methodological support for training trade union personnel in the context of continuing professional education. An analysis of the regulatory, legal, and scientific literature on the subject matter is conducted. Existing definitions of the term «methodological support» are examined. The components of methodological support for training trade union personnel are identified. Key conditions facilitating the effective training of trade union personnel are identified, the components of methodological support are analyzed, and the results of the study on the topic are presented. A pedagogical model for training trade union personnel is proposed, aimed at improving the quality of the educational process and accelerating the adaptation of trade union personnel to modern challenges. Criteria for the effectiveness of the pedagogical model for training trade union personnel in continuing professional education are formulated.

Keywords: trade union personnel, continuing professional education, methodological support, pedagogical model, learning conditions.

Новикова Татьяна Вячеславовна
аспирант, Новосибирский Государственный Педагогический Университет;
директор, ЧОУ ДПО Сибирский институт профсоюзного движения, (г. Новосибирск)
9137174472@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается методическое обеспечение подготовки профсоюзных кадров в контексте дополнительного профессионального образования. Проведён анализ нормативно-правовой и научно-методической литературы по проблематике исследования. Изучены существующие определения понятия «методическое обеспечение». Определены компоненты методического обеспечения подготовки профсоюзных кадров. Выявлены ключевые условия, способствующие эффективной подготовке профсоюзных кадров, проанализированы компоненты методического обеспечения и представлены результаты исследования. Предложена педагогическая модель подготовки профсоюзных кадров, направленная на улучшение качества образовательного процесса и ускорение адаптации профсоюзных кадров к современным вызовам времени. Сформулированы критерии эффективности педагогической модели подготовки профсоюзных кадров в рамках дополнительного профессионального образования.

Ключевые слова: профсоюзные кадры, дополнительное профессиональное образование, методическое обеспечение, педагогическая модель, условия обучения.

Современные условия труда и социально-экономическая среда требуют от профсоюзных кадров не только теоретических знаний, но и практических навыков. Дополнительное профессиональное образование становится важным инструментом в подготовке высококвалифицированных специалистов. В статье рассматривается методическое обеспечение данного процесса и его влияние на качество кадров. В 2024 году В.В. Путин, выступая на XII съезде Федерации независимых профсоюзов России, говорил о том, что «по прогнозам экспертов, в ближайшее время экономика России, наш рынок труда будут испытывать высокую потребность и даже дефицит кадров. Это относится в равной степени и к государству, и к бизнесу, и, конечно, к деятельности профсоюзов», а также призвал профсоюзы активно принимать участие в Национальном проекте «Кадры», запущенном в 2025 году и направленном на активное переобучение работников профсоюзов [10].

Актуальность представленной статьи определяется необходимостью комплексного подхода к подготовке профсоюзных кадров и отражается в нескольких факторах. Во-первых, за последние годы возрастает роль профсоюзов в области подготовки квалифицированных кадров, что подтверждается высказываниями Президента В.В. Путина. Во-вторых, недостаточная методическая поддержка в области подготовки профсоюзных кадров требует системного обновления программ и образовательных курсов. В-третьих, возникает необходимость пересмотра форматов обучения и образовательного контента в соответствии с современными реалиями рынка труда.

В Федеральном законе от 12.01.1996 № 10-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в статье 18 закреплено право профсоюзов на участие в подготовке и дополнительном профессиональном образовании [12]. Профсоюзы вправе создавать образовательные и научные организации, осуществлять подготовку и дополнительное профессиональное образование профсоюзных работников и членов профсоюза. Проведен анализ Постановления Исполкома ФНПР от 18.11.2020 № 6–9 «О системе профсоюзного об-

разования ФНПР», в котором говорится о целях, задачах, принципах, структуре, основных направлениях и формах реализации процесса подготовки и повышения квалификации профсоюзных кадров и актива [9]. В Концепции профсоюзного образования ФНПР, утверждённой Постановлением Исполкома ФНПР № 3–9 от 03.03.2021, концепция определяет цели, задачи, принципы, структуру, основные направления и формы реализации процесса подготовки и повышения квалификации профсоюзных кадров и актива [4]. Таким образом, можно сделать вывод, что нормативно-правовая база создает необходимые условия для эффективной подготовки профсоюзных кадров, но возникает необходимость в систематическом обновлении данных документов в соответствии с современными условиями жизни общества и государства.

В научно-методической литературе проблемами методического обеспечения подготовки профсоюзных кадров в процессе дополнительного профессионального образования занимались многие исследователи. Приведем в качестве примера некоторые из них. О.А. Кудрина и В.Ф. Бахтиярова в своих научных работах рассматривают концепцию обучения руководителей крупных профсоюзных организаций [5]. Авторы отмечают, что программы такого обучения должны быть ориентированы на удовлетворение специфических потребностей слушателей, среди которых важен интерактивный учебный процесс, включающий обмен опытом [5]. В диссертации М.И. Антонцева на тему «Совершенствование системы подготовки и переподготовки профсоюзных кадров на основе дистанционного обучения» в качестве теоретико-методологической базы используются труды отечественных и зарубежных учёных, посвящённые информационным системам дистанционного образования, а также работы, в которых отражены различные аспекты проблем подготовки, переподготовки и повышения квалификации профсоюзных кадров [1].

По мнению О.Г. Софронова, в книге «Совершенствование профсоюзного обучения» описываются методические подходы к организации курсов повышения квалификации для профработников [11]. В научно-методической литературе отечественные и зарубежные авторы рассматривали многие аспекты деятельности в рамках подготовки профсоюзных кадров, но не затрагивали педагогические условия методического обеспечения подготовки профсоюзных кадров, что является проблематикой заявленного исследования. В соответствии с этим целью данного исследования является определение условий методического обеспечения подготовки профсоюзных кадров в процессе дополнительного профессионального образования. На основании поставленной цели выявим следующие **задачи:** 1. Проанализировать нормативно-правовую и научно-методическую литературу по проблеме исследования. 2. Осуществить контент-анализ определения понятия «методическое обеспечение» и его ключевых компонентов. 3. Разработать педагогическую модель подготовки профсоюзных кадров в процессе дополнительного профессионального образования. 4. Сформулировать критерии эффективности педагогической модели подготовки профсоюзных кадров в процессе дополнительного профессионального образования.

Методическое обеспечение можно определить как совокупность методов, средств и организационно-педагогических технологий, направленных на эффективное обучение профсоюзных кадров. В литературе содержится большое количество определений данного понятия. С точки зрения содержания, по мнению Васильевской Т.С., «Методическое обеспечение – это необходимая информация, учебно-методические комплексы, разнообразные методические средства, оснащающие и способствующие более эффективной реализации программно-методической, научно-экспериментальной, воспитательной, организационно-массовой деятельности педагогических работников…» [2]. Логвинова И.М. и Трубина И.И. считают, что «методическое обеспечение заключается в средствах и учебных комплексах, оснащающих, способствующих более эффективной реализации программно-методической, научно-экспериментальной, воспитательной, организационно-массовой, досугово-развлекательной деятельности педагогических работников системы дополнительного образования детей, направленных на получение и оснащение методическими материалами учреждений» [7].

Проведем контент-анализ и выявим ключевые компоненты понятия (таблица 1).

Обобщив вышеприведённые высказывания, в данной статье сделана попытка формулировки авторского определения понятия с точки зрения тематики нашего исследования.

Методическое обеспечение подготовки профсоюзных кадров в процессе дополнительного профессионального образования определяется как комплекс учебно-методических материалов, педагогических технологий и систем оценки знаний, который создаёт условия для эффективного освоения знаний и практических навыков профсоюзных кадров. Оно включает в себя организационные и психолого-педагогические аспекты, способствующие формированию мотивирующей образовательной среды и адаптационные учебные программы с актуальными требованиями к профсоюзной деятельности.

Ключевыми компонентами определения понятия «методическое обеспечение подготовки профсоюзных кадров» являются: цифровые образовательные технологии (онлайн-платформы, мобильные приложения, инте-

Таблица 1.

Контент-анализ определения понятия «методическое обеспечение» в научно-методической литературе.

Автор	Определение понятия	Ключевые слова
А.В. Леонтович	«совокупность средств и правил, выбор которых позволяет педагогу решать поставленные перед ним задачи» [6].	Совокупность средств, правила, поставленные задачи.
В.А. Скакун	«планирование, разработку и создание оптимального комплекса учебно-методической документации и дидактических средств обучения, необходимых для полного и качественного обучения учащихся» [3].	Планирование, разработка, оптимальный комплекс, методические документы, качественное обучение.
Т.С. Васильевская	«необходимая информация, учебно-методические комплексы, разнообразные методические средства, оснащающие и способствующие более эффективной реализации программно-методической, научно-экспериментальной, воспитательной, организационно-массовой деятельности педагогических работников» [2].	Необходимая информация, учебно-методические комплексы, оснащение, деятельность.
А.М. Новиков	«планирование, разработка и создание учебно-методического комплекса – оптимальной системы учебно-методической документации и средств обучения, необходимых для полного и качественного процесса обучения» [8].	Планирование, разработка, создание, учебно-методический комплекс, средства обучения.

Рис. 1. Компоненты понятия «методическое обеспечение подготовки профсоюзных кадров»

рактивные ресурсы), интерактивные методы обучения (игровые технологии, кейс-метод), персонализированное обучение (адаптация образовательного контента под индивидуальные потребности), менторство и коучинг (программы наставничества), инновационные формы обратной связи (онлайн-опросы, мобильные приложения, виртуальные среды, иммерсивные технологии и платформы), проектная деятельность (обучающиеся работают над реальными задачами, связанными с профсоюзной деятельностью), системы оценки компетенций (комплексные системы оценки знаний, практических навыков, самооценки, коллективной оценки), гибридные форматы обучения (сочетание очных и дистанционных форматов обучения) (рисунок 1). Данные компоненты понятия находятся в тесной взаимосвязи друг с другом и формируются в инновационной образовательной среде посредством внедрения педагогических условий методического обеспечения подготовки профсоюзных кадров. (Рис. 1.)

В исследовании приняли участие 250 респондентов, среди которых работники профсоюзов, прошедшие кур-

сы дополнительного профессионального образования в центре [10]. В рамках исследования применялись следующие методы: анкетирование (участники заполнили анкеты, содержащие закрытые и открытые вопросы о содержании образовательных программ, их актуальности и предпочтениях по форматам обучения); фокус-группа (проведение трех фокус-групп, в которых участники обсуждали свои ожидания от образовательных программ и делились мнениями о необходимых изменениях).

Результаты исследования подтвердили высокую потребность в обновлении содержания программ дополнительного профессионального образования, среди участников 78% респондентов указали на необходимость пересмотра и обновления содержания программ, что свидетельствует о стремлении к актуальным и релевантным курсам [10]. (Рис. 2.)

51% респондентов подчеркнули необходимость пересмотра программы с точки зрения её практической направленности. Участники выразили мнение, что программы должны включать больше практических кейсов, тренингов и семинаров, которые помогут применять полученные знания на практике. 34% респондентов отметили важность психолого-педагогических условий, подчёркивая значимость создания комфортной образовательной атмосферы и разработки механизмов для повышения мотивации к обучению. Участники отмечали, что важно не только передавать знания, но и учитывать эмоциональные и психологические потребности обучающихся. 20% участников выделили доступность методических материалов как важный аспект, требующий внимания. Они отметили, что доступ к современным учебным пособиям, онлайн-ресурсам и методическим рекомендациям стал бы значительным подспорьем в процессе обучения.

Результаты исследования выявили ряд значительных проблем, касающихся качества подготовки профсоюзных кадров в системе дополнительного образования. Прежде всего, 78% респондентов отметили необходимость обновления содержания образовательных программ, что указывает на несоответствие текущих курсов. Также 51% респондентов подчеркнули важность практической подготовки при реализации образовательных программ, что свидетельствует о недостаточной практической подготовке профсоюзных работников и подчёркивает потребность в практико-ориентированных тренингах и кейсах. Респонденты также обратили внимание на значимость создания комфортной образовательной среды и доступности учебно-методического материала, что указывает на необходимость комплексного подхода к улучшению качества образовательного процесса в системе дополнительного профессионального образования.

Учитывая результаты исследования, респонденты отметили потребность в обновлении содержания дополнительного профессионального образования. Построение педагогической модели представляется актуальным (рисунок 3).

Основной целью педагогической модели является оптимизация подготовки профсоюзных кадров через интеграцию образовательных технологий и методического обеспечения для повышения качества подготовки и со-

Рис. 2. Результаты исследования проведённого в Федеральном центре дополнительного профессионального образования работников профсоюзов в 2024 году г. Москва.

Цель модели: оптимизация подготовки профсоюзных кадров через интеграцию образовательных технологий и методического обеспечения с целью повышения качества подготовки и соответствия профессиональным требованиям.

Задачи модели:
1. Разработка учебных курсов с учетом потребностей профсоюзов в специализированных знаниях и навыках.
2. Внедрение систем оценки знаний, которая позволяет фиксировать освоенные знания.

УСЛОВИЯ ВНЕДРЕНИЯ МОДЕЛИ

1. Организационные. Четкое структурирование образовательного процесса, а также создание системы многоуровневой поддержки.

2. Психологические. Разработка мотивационных образовательных программ, таких как рейтинговые системы и награды за достижения.

3. Педагогические. Разработка эффективных образовательных программ с учетом специфики профсоюзной деятельности. Применение инновационные

КОМПОНЕНТЫ МОДЕЛИ

Учебные материалы. Включение разнообразных форматов преподнесение учебных материалов с акцентом на практик ориентированную подготовку.

Система оценки. Проведение систем аттестации для профсоюзных работников.

Поддержка на уровне менторства. Система оценки со стороны опытного педагога-наставника. Предоставление рекомендаций и обратной связи.

Формы и методы. Применение очных и дистанционных форматов обучения, а также организация индивидуальной поддержки в процессе обучения и профессионального развития.

Рекомендации по внедрению модели в образовательный процесс:
1. Постоянное обновление учебных программ.
2. Организация обратной связи от участников.
3. Разработка методических рекомендаций.

Ожидаемые результаты:
1. Повышение качества образования.
2. Устойчивость и адаптивность программы.
3. Эффективное освоение знаний и навыков.
4. Создание поддерживающей образовательной среды.
5. Системное взаимодействие и обмен опытом.
6. Инновационные методики и технологии.
7. Формирование профессиональной идентичности.
8. Увеличение удовлетворенности участников.
9. Долгосрочное профессиональное развитие.

Рис. 3. Педагогическая модель подготовки профсоюзных кадров в процессе дополнительного профессионального образования

Таблица 2.

Критерии эффективности педагогической модели подготовки профсоюзных кадров в процессе дополнительного профессионального образования.

Критерии	Описание	Рекомендации по оценке
Уровень усвоения	Оценивает, насколько хорошо участники усвоили предоставляемый материал и знания. Это может включать в себя как теоретические знания, так и практические навыки. Оценка может производиться через тестирование, финальные проекты или экзамены. Чем выше уровень усвоения, тем больше вероятность успешного применения знаний в профессиональной деятельности.	1. Используйте формативное и суммативное оценивание (тесты, контрольные работ, проекты). 2. Проведите промежуточные тесты для отслеживания прогресса обучающихся. 2. Включите практические задания, которые позволят проверить применение теоретических знаний.
Удовлетворенность	Измеряет степень удовлетворенности участников программами ДПО. Этот критерий может включать в себя разные аспекты: качество образовательных материалов, уровень подготовки преподавателей, удобство формата обучения (очно или дистанционно) и взаимодействие с одногруппниками. Оценка может проводиться через анкеты, опросы или интервью, где участники могут выразить свои мнения и предложения по улучшению программы. Высокий уровень удовлетворенности свидетельствует о том, что программа отвечает потребностям слушателей и способствует их развитию.	1. Разработайте анкеты, включающие как закрытые, так и открытые вопросы для полноценных отзывов. 2. Проведите фокус-группу для более глубокого понимания потребностей и ожиданий участников. 3. Используйте шкалы оценки (например, 1–5), чтобы легче анализировать полученные данные.
Практическое применение	Оценивает, насколько успешно участники интегрируют полученные знания и навыки в свою профессиональную деятельность. Оценка может включать в себя анализ изменений в поведении или результатах работы участников после завершения курса, а также длительное наблюдение за тем, как они применяют новые знания в реальных условиях. Этот критерий критически важен, так как конечной целью образовательных программ является не просто получение знаний, а их применение в практике.	1. Проведите опросы через 6 и 12 месяцев после завершения обучения, чтобы оценить, как участники применяют полученные знания и навыки. 2. Включите экспертную оценку изменений в профессиональной деятельности участников (например, мнение руководителей или коллег). 3. Учитывайте количественные и качественные показатели, такие как изменения в производительности, эффективности или инновации в работе.

ответствия профессиональным требованиям. В соответствии с целью исследования выявлены задачи модели: 1. Разработка учебных курсов для организации повышения квалификации с целью получения специализированных знаний и навыков. 2. Внедрение систем оценки знаний. Создание системы оценивания знаний участников, которая сможет эффективно фиксировать освоенные знания, а также оценивать их применение на практике.

Модель включает в себя три основных условия методического обеспечения подготовки профсоюзных кадров в процессе дополнительного профессионального образования: организационные условия (структурированный учебный план, многоуровневая система поддержки, наставническая система, сетевое взаимодействие); психологические условия (мотивационная готовность, рейтинговая система оценки, создание комфортной образовательной среды, доступ к современным образовательным ресурсам); педагогические условия (разработка инновационных образовательных программ, применение современных методик, использование современных технологий, интеграция дистанционных и смешанных форм обучения).

Основные компоненты модели, находящиеся в тесной взаимосвязи между собой, предполагают наличие разнообразных учебных материалов, инновационной системы оценки и поддержки обучающихся на уровне менторства с целью предоставления качественной обратной связи и рекомендаций.

Для качественного процесса внедрения разработанной педагогической модели следует придерживаться следующих методических рекомендаций:

1. Регулярно пересматривать образовательные программы на актуальность и своевременность, а также адаптировать образовательные курсы в соответствии с изменениями на рынке труда и профессиональными требованиями.
2. Создать систему качественной обратной связи от участников для получения и анализа отзывов с целью корректировки программы обучения.
3. Подготовить методические рекомендации по внедрению инновационных продуктов с учетом уникальных условий методического обеспечения и потребностей профсоюзов.

Для оценки эффективности представленной модели разработаем критериальную базу для проведения качественной оценки (таблица 2).

В соответствии с вышесказанным, можно сделать вывод о том, что процесс подготовки профсоюзных кадров требует комплексного подхода к методическому обеспечению, которое включает в себя организационные, психологические и педагогические условия. Предложенная педагогическая модель позволит оптимизировать процесс подготовки и адаптировать образовательные программы к современным инновационным требованиям. Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на внедрении разработанной модели в образовательный процесс и оценке ее эффективности в реальных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонцев М.И. Совершенствование системы подготовки и переподготовки профсоюзных кадров на основе дистанционного обучения : специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности, в т.ч.: экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами; управление инновациями; региональная экономика; логистика; экономика труда; экономика народонаселения и демография; экономика природопользования; экономика предпринимательства; маркетинг; менеджмент; ценообразование; экономическая безопасность; стандартизация и управление качеством продукции; землеустройство; рекреация и туризм)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Антонцев Михаил Иванович. – Москва, 2004. – 157 с.
2. Васильевская Т.С. Особенности реализации методов обучения в процессе проведения дополнительного профессионального образования / Т.С. Васильевская // Физическая культура, патриотическое воспитание и спорт: Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 07 февраля 2024 года. – Саратов: Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А., 2024. – С. 378–381.
3. Доль О.С. Тенденции развития онлайн-образования в сегменте дополнительного профессионального образования / О.С. Доль, Б.А. Тхориков, В. А. Скакун // Журнал прикладных исследований. – 2022. – Т. 1, № 11. – С. 36–42.
4. Концепция профсоюзного образования ФНПР, утверждённая постановлением Исполкома ФНПР №3–9 от 03.03.2021. – URL: https://fnpr.ru/documents/dokumenty-federatsii/postanovlenie-ispolkoma-fnpr-ot-03-03-2021-3-9.html (дата обращения: 25.10.2025).
5. Кудрина О.А. Особенности методов и технологий обучения профсоюзных кадров и профсоюзного актива / О.А. Кудрина, В.Ф. Бахтиярова // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. – 2022. – № 1–3(62). – С. 257–261.
6. Леонтович А.В. Профессиональное педагогическое сообщество как фактор развития проектного управления научно-практическим образованием в регионах России / А.В. Леонтович, Н.В. Мазыкина // Учебный год. – 2018. – № 4(53). – С. 43–46.
7. Логвинова И.И. Разработка и реализация программ дополнительного профессионального образования в условиях введения ФООП / И.М. Логвинова, И.И. Трубина, И.Н. Добротина [и др.] // Формирование единого образовательного пространства: задачи, решения, перспективы: Сборник научных трудов Юбилейного форума с международным участием, Москва, 16 ноября 2023 года. – Москва: Институт стратегии развития образования, 2023. – С. 211–227.
8. Новикова Т.В. Формирование экспертности при обучении лидеров профсоюзных кадров и актива / Т.В. Новикова // Современный ученый. – 2025. – № 5. – С. 215–221.
9. Постановление Исполкома ФНПР от 18.11.2020 №6–9 «О системе профсоюзного образования ФНПР». – URL: https://fnpr.ru/documents/ dokumenty-federatsii/postanovlenie-ispolkoma-fnpr-ot-18-11-2020-6-9.html (дата обращения: 25.10.2025).
10. Развитие системы профобразования. – URL: https://pravdaosro.ru/construction/power/vladimir-putin-podcherknul-vazhnost-r/ (дата обращения: 25.10.2025).
11. Софронова О.Г. Инновационное обучение профсоюзного актива: из опыта работы / О.Г. Софронова; О.Г. Софронова; Профсоюзная орг. Красноярского гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. – Красноярск: Профсоюзная орг. Красноярского гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева, 2021. – 75 с.
12. Федеральный закон от 12.01.1996 №10-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/ (дата обращения: 25.10.2025).

© Новикова Татьяна Вячеславовна (9137174472@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.34

ЗНАЧЕНИЕ ПОДВИЖНЫХ ИГР В РАЗВИТИИ ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ ЧЕЛОВЕКА. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В ПРОВЕДЕНИИ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

THE SIGNIFICANCE OF ACTIVE GAMES IN THE DEVELOPMENT OF HUMAN PHYSICAL QUALITIES. CURRENT CHALLENGES OF PEDAGOGICAL APPROACHES IN ORGANIZING SPORTS EVENTS

S. Revunenkova
V. Ivanova
I. Losenko

Summary: The article examines the physiological and pedagogical potential of active games as a universal means of physical education. The author analyzes the biomechanical mechanism of the complex impact of game activity on the human body. A critical review of current issues regarding the organization of mass sports events is provided. Modern approaches to modernizing the gaming process are proposed, including the implementation of phygital technologies, the transition from a competitive to a cooperative interaction model, etc.

Keywords: active games, coordination abilities, physical education methodology, mass sports events, pedagogical facilitation, phygital sports, gamification in education.

Ревуненкова Светлана Евгеньевна
Старший преподаватель, Мелитопольский государственный университет
svetlanarevunenkovaschool14@gmail.com
Иванова Вита Анатольевна
Старший преподаватель, Мелитопольский государственный университет
vitazh@mail.ru
Лосенко Ирина Владимировна
Преподаватель, Мелитопольский государственный университет
losenkoirina1982@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается физиологический и педагогический потенциал подвижных игр как универсального средства физического воспитания. Автором проанализирован биомеханический механизм комплексного воздействия игровой деятельности на организм. Проведен критический обзор актуальных проблем организации спортивно-массовых мероприятий. Предложены современные подходы к модернизации игрового процесса, включая внедрение фиджитал-технологий, переход от конкурентной к кооперативной модели взаимодействия и пр.

Ключевые слова: подвижные игры, координационные способности, методика физического воспитания, спортивно-массовые мероприятия, педагогическая фасилитация, фиджитал-спорт, геймификация в образовании.

Парадокс современной физической культуры заключается в том, что при обилии фитнес-технологий и тренажеров мы наблюдаем значительное снижение двигательных способностей у подрастающего поколения. Эволюционно организм человека формировался в условиях постоянной активности — охоты, преследования, бегства. Сегодня же, когда гиподинамия стала нормой жизни, попытки компенсировать дефицит движения через монотонные, строго регламентированные упражнения часто наталкиваются на психофизиологическое сопротивление. Организм, и особенно нервная система, быстро утомляются от рутины. Поэтому на первый план выходит феномен подвижной игры.

С точки зрения физиологии, игра — это полиструктурная деятельность, уникальный тренажер, где организм вынужден мобилизовать ресурсы не по заранее известному алгоритму, а ситуативно, в ответ на мгновенно меняющиеся условия внешней среды. Ни одно циклическое упражнение не способно так комплексно воздействовать на связку «мозг — мышцы», как это делает игровое противоборство. Однако, признавая колоссальный потенциал игрового метода в развитии быстроты, ловкости и общей выносливости, мы сталкиваемся с серьезным методологическим кризисом. Традиционные подходы к организации спортивно-массовых мероприятий, унаследованные еще от советской школы, зачастую перестают работать в современных реалиях. Педагогическое сообщество оказалось перед сложным вызовом: как адаптировать классические подвижные игры под детей с клиповым мышлением, разным уровнем здоровья и совершенно иной мотивацией, не превратив при этом спорт в формальность? В данной работе мы проанализируем не только биомеханическую составляющую влияния игр на физические качества, но и «болевые точки» современной педагогики в вопросах организации спортивной деятельности.

Основоположник отечественной системы физического воспитания П.Ф. Лесгафт рассматривал подвиж-

ную игру как высшую форму физических упражнений. В своих фундаментальных трудах он подчеркивал, что механизм воздействия игры базируется на осознанном управлении своими движениями. По Лесгафту, ценность игры не столько в мышечной работе, сколько в том, что она учит ребенка «владеть собой» — то есть подчинять физические импульсы волевой регуляции и правилам. Он называл это «образованием физическим», противопоставляя его простой дрессировке тела [4].

В.К. Бальсевич в своих трудах критиковал «натаскивание» детей на сдачу нормативов. Он продвигал идею спортизации физического воспитания, где подвижная игра выступает не как пауза для развлечения, а как база для формирования «спортивного стиля жизни». По мнению В.К. Бальсевича, педагогическая ошибка заключается в примитивизации игр. Он настаивал на внедрении в школьную программу элементов сложной тактической борьбы, свойственной большому спорту, но адаптированных под возраст (концепция тренировочного эффекта игры) [1].

М.Я. Виленский рассматривает игру через призму личностно-ориентированного подхода. Он утверждает, что авторитарный стиль педагога («судьи со свистком») уничтожает саму суть игры. В его работах подчеркивается, что педагогическая ценность игры реализуется только при условии субъектности ученика — когда он сам участвует в выборе тактики и даже модификации правил. Виленский указывает на проблему формализма: если игра навязана сверху и лишена эмоциональной свободы, она превращается в обычную рутинную работу и перестает развивать инициативность [3].

Западные и современные отечественные исследователи (например, А.Э. Страдзе) указывают на конкуренцию реального спорта с киберспортом. Педагогическая проблема заключается в том, что дворовые игры исчезли как культурный феномен. Авторы предлагают внедрять в педагогику элементы фиджитал-спорта (physical + digital), где подвижные игры дополняются использованием гаджетов (шагомеров, пульсометров, AR-меток) для повышения мотивации «цифрового поколения» [5].

Изучим механизм воздействия подвижных игр на организм. Физиологическая природа игровой деятельности коренным образом отличается от стандартной тренировки, построенной на многократном повторении упражнений. Ключевым фактором здесь выступает ситуативность нагрузки. Если при циклической работе (бег, плавание) организм достаточно быстро входит в фазу устойчивого состояния и формирует жесткий динамический стереотип, то в подвижной игре этот механизм не срабатывает. Постоянная смена обстановки не позволяет нервной системе перейти в «автоматический режим», вынуждая ЦНС непрерывно перерабатывать потоки сенсорной информации.

Биомеханика игровых действий представляет собой «рваный ритм»: резкие рывки сменяются кратковременными остановками, прыжками или сменой направления. С точки зрения физиологии, это естественная форма интервальной тренировки. Сердечно-сосудистая система вынуждена работать в режиме постоянной адаптации к меняющейся интенсивности, что значительно эффективнее развивает функциональные резервы миокарда, чем монотонная нагрузка. Пульсовая кривая во время игры представляет собой ломаную линию, где периоды анаэробного взрыва (максимальное напряжение) чередуются с фазами относительного восстановления. Глубокий анализ биомеханической природы игры дал физиолог Н.А. Бернштейн. В своей концепции «построения движений» он указывал, что подвижная игра является идеальным тренажером для уровня «С» (уровня пространственного поля). Бернштейн аргументировал это тем, что в игре отсутствует стандартный шаблон движения. Организм сталкивается с необходимостью решать внезапно возникающие «двигательные задачи». Именно эта необходимость экстренного перепрограммирования моторных актов (сенсорная коррекция) и является механизмом развития истинной ловкости, которую невозможно натренировать на тренажерах [2].

С точки зрения В.Г. Яковлева, механизм повышения работоспособности в игре связан с ацикличностью нагрузки. Яковлев указывал, что «рваный» ритм игры, где периоды максимального напряжения чередуются с микропаузами, позволяет организму работать в зоне субмаксимальной мощности дольше, чем при равномерном беге. Это создает уникальные условия для тренировки сердечно-сосудистой системы без риска перенапряжения миокарда, так как паузы возникают естественно [7]. Высокий эмоциональный фон провоцирует выброс гормонов мозгового слоя надпочечников (адреналин, норадреналин). Эти медиаторы не только мобилизуют энергетические депо мышц, но и временно повышают порог чувствительности к усталости. Возникает парадоксальная ситуация: объем выполненной двигательной работы в игре может в 1,5–2 раза превышать показатели скучного тренировочного занятия, при этом субъективное ощущение утомления у занимающихся наступает значительно позже. Организм работает на пределе возможностей, но психика не блокирует эту активность.

В отличие от строго регламентированных упражнений, игра требует от человека комплексной работы анализаторов. Зрительная, слуховая и вестибулярная системы функционируют в режиме гипертонуса. Игрок не просто выполняет движение — он решает тактическую задачу: рассчитывает траекторию мяча, оценивает расстояние до соперника, прогнозирует ситуацию. Происходит тренировка не столько мышц, сколько скорости проведения нервного импульса и лабильности нервных процессов (быстроты смены возбуждения и торможения).

Современные авторы, в частности Ж.К. Холодов и В.С. Кузнецов утверждают, что воздействие игры носит комплексный характер: оно одновременно совершенствует вегетативные системы (дыхание, кровообращение) и сенсомоторные реакции. По их мнению, главная ценность метода в том, что он исключает узкую специализацию, гармонично развивая мускулатуру и нервную систему как единый функциональный блок [6].

Таким образом, подвижная игра выступает не как сумма отдельных движений, а как целостный психофизиологический акт, где физическая нагрузка неразрывно связана с интеллектуальной и эмоциональной активностью.

Сегодняшние ученики – представители поколений Z и Альфа обладают иными механизмами мотивации, нежели их предшественники. Старая парадигма «принуждения к движению» через нормативы окончательно утратила эффективность, уступив место концепции Edutainment (обучение через развлечение) и технологической конвергенции.

Можно выделить три магистральных направления, меняющих облик подвижных игр.

Фиджитал-трансформация (Phygital = Physical + Digital). Рождается направление Exergaming (упражнение-игра), где двигательная активность в реальном мире становится контроллером для виртуальной среды. Суть тренда заключается в использовании носимой электроники (фитнес-браслетов, пульсометров) не просто для мониторинга, а как игровой механики. Например, побеждает команда, которая суммарно набрала больше «баллов активности» (PAI) или удержала пульс в заданной зоне.

Внедрение технологий дополненной реальности (AR), когда обычная игра в «салки» на спортплощадке превращается в квест с виртуальными артефактами, видимыми через смартфон. Это позволяет «взломать» дофаминовую систему ребенка, привыкшего к компьютерным играм, и перенаправить его азарт на беговую работу.

Сухая инструкция «бежим от линии А к линии Б» вызывает у современного ребенка скуку и отторжение. Актуальный тренд — геймификация контекста. Подвижная игра перестает быть набором механических действий и приобретает сюжетную оболочку. Суть тренда состоит в заимствование механик из RPG (ролевых видеоигр). Участники не просто выполняют эстафету, они «прокачивают персонажа», «добывают ресурсы» или «спасают цивилизацию». Эмоциональная вовлеченность в легенду игры позволяет педагогу незаметно повышать плотность нагрузки, избегая психологического сопротивления группы.

Подвижные игры эволюционируют в сторону Dual-tasking (двойных задач) и одновременного выполнения двигательного действия и решение интеллектуальной задачи. Например, игроку нужно не просто поймать мяч, а среагировать только на мяч определенного цвета, параллельно решая арифметический пример в уме. Такие игры базируются на принципах прикладной кинезиологии и нейропсихологии. Они тренируют не мышцы сами по себе, а новые нейронные связи, развивая межполушарное взаимодействие. Это ответ на запрос общества на развитие «гибкого ума» (soft skills) через тело.

Наблюдается отход от жесткой конкуренции (игры с нулевой суммой, где один выиграл — другой проиграл) к кооперативным механикам. Правила конструируются так, что победа невозможна без взаимодействия всех участников. Это отражает глобальный запрос на гуманизацию спорта: игра становится тренингом коммуникации, эмпатии и умения договариваться в стрессовой ситуации.

Таким образом, современная подвижная игра — это уже не просто «физкультура», а сложный психолого-педагогический инструмент, интегрирующий цифровые технологии, нейробиологию и социальную инженерию.

Организация спортивных мероприятий (дней здоровья, эстафет, турниров по подвижным играм) часто страдает от так называемого «организационного формализма». Педагоги и инструкторы нередко фокусируются на внешней атрибутике (построение, рапорт, выявление победителя), упуская из виду физиологическую и психологическую суть процесса.

Самая распространенная методическая ошибка при проведении массовых игр — использование линейных эстафет с большим количеством участников в командах. Когда в команде 10–15 человек, а бежит только один, остальные 90% времени простаивают в ожидании. С физиологической точки зрения, такой режим работы бессмысленен: пульс успевает упасть до значений покоя, разогретые мышцы остывают, исчезает тренировочный эффект. Необходимо дробление крупных команд на микрогруппы, использование круговых методов организации и одновременного старта, чтобы коэффициент полезного времени (моторная плотность) приближался к 70–80%.

Многие классические сценарии подвижных игр базируются на принципе выбывания («Музыкальные стулья», «Третий лишний», классические «Вышибалы»). Но первыми из игры выбывают дети с лишним весом, плохой координацией или замедленной реакцией — то есть именно тот контингент, которому двигательная активность жизненно необходима для коррекции этих недостатков. Мы получаем парадоксальную ситуацию: самые спортивные дети получают максимум нагрузки, а «группа риска» сидит на скамейке запасных, закрепляя свою гиподинамию и чувствуя социальную изоляцию. Требуется полный отказ от правил с удалением игрока. Замена их на систему «штрафных баллов» или выполнение заданий на возвращение, чтобы ребенок оставался в двигательном поле до конца мероприятия.

Спортивные мероприятия часто проводятся под лозунгом «Победа любой ценой». Делается чрезмерный акцент на ранжировании (1, 2, 3 место) и это приводит к агрессии и стрессу. В подвижных играх, где правила менее жесткие, чем в большом спорте, это ведет к многочисленным конфликтам, спорам с судьями и обидам. Педагог, фиксируясь только на результате, упускает воспитательный момент. Мероприятие превращается в гладиаторский бой, где сильные самоутверждаются за счет слабых. Это отпугивает от участия в будущих мероприятиях детей с тревожным типом психики. Необходимо смещение фокуса с результата на процесс. Введение номинаций, не связанных с физическим превосходством («Самая сплоченная команда», «За волю к победе», «За честную игру»), и использование кооперативных игр, где победить можно только общими усилиями.

Инструктор часто ограничивает свою роль функцией арбитра: дал свисток, зафиксировал нарушение, записал счет. Подвижная игра — это зона повышенной эмоциональной турбулентности. Простого судейства недостаточно для удержания дисциплины и позитивного настроя. Требуется переход к модели педагогической фасилитации. Ведущий должен быть активным модератором: гибко менять правила по ходу игры, если видит явный дисбаланс сил, гасить конфликты через юмор или паузы, и активно эмоционально поддерживать отстающих, создавая «ситуацию успеха».

Таким образом, главная проблема современной педагогики в этой сфере — инерционность. Проведение мероприятий «по старинке», без учета психологии современного ребенка и принципов гуманизации, превращает полезную игру в травмирующий опыт. Решение лежит в плоскости адаптации правил и смене критериев успешности мероприятия: от «кто быстрее пробежал» к «сколько детей ушли с улыбкой и желанием вернуться».

Резюмируя проведенный анализ, необходимо признать: подвижная игра в системе современного физического воспитания занимает парадоксальное положение. С одной стороны, с точки зрения физиологии и биомеханики, это наиболее совершенный, эволюционно отточенный инструмент развития психомоторных качеств. Ни один тренажер не способен так эффективно моделировать полиструктурную нагрузку, требующую от человека одновременной мобилизации ловкости, быстроты мышления и функциональной выносливости, как это делает игровая ситуация. Механизм «эмоциональной маскировки утомления» делает игру уникальным средством борьбы с гиподинамией, позволяя преодолевать физические барьеры без психологического насилия над личностью.

С другой стороны, практическая реализация этого потенциала натыкается на методологический консерватизм. Мы видим, что слепое копирование сценариев прошлого века, ориентированных на жесткую селекцию и принцип «победитель получает всё», вступает в острый конфликт с психотипом современных детей и инклюзивными ценностями образования. Формальный подход к организации мероприятий, где игра превращается в сухую проверку нормативов, а слабые участники исключаются из процесса, дискредитирует саму идею оздоровительного спорта.

Таким образом, вектор развития педагогики должен сместиться с «судейства» на «модерацию». Будущее подвижных игр лежит не в усложнении физических требований, а в гибкой адаптации правил (гандикапы, респаун-механики) и интеграции с цифровой средой (фиджитал-технологии). Только превратив игру из зоны стресса и конкуренции в пространство психологического комфорта и социального взаимодействия, мы сможем вернуть ей статус главного средства гармоничного развития человека. Педагог сегодня должен быть не надсмотрщиком, а архитектором игровой среды, способным увлечь «цифровое поколение» радостью живого движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальсевич В.К. Спортивно-ориентированное физическое воспитание: образовательный и социальный аспекты // Теория и практика физической культуры. — 2003. — № 5.
2. Бернштейн Н.А. О ловкости и ее развитии. — М.: Физкультура и спорт, 1991.
3. Виленский М.Я. Физическая культура и здоровый образ жизни студента: учебное пособие. — М.: Гардарики, 2007.
4. Лесгафт П.Ф. Руководство по физическому образованию детей школьного возраста. — М.: Рипол Классик, 2013.
5. Стрaдзе А.Э. Трансформация физической культуры и спорта в условиях цифровизации общества. // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. — 2020.
6. Холодов Ж.К., Кузнецов В.С. Теория и методика физического воспитания и спорта: Учебное пособие для студентов вузов. — М.: Издательский центр «Академия», 2018.
7. Яковлев В.Г., Ратников В.П. Подвижные игры. — М.: Просвещение, 1977.

© Ревуненкова Светлана Евгеньевна (svetlanarevunenkovaschool14@gmail.com), Иванова Вита Анатольевна (vitazh@mail.ru)
Лосенко Ирина Владимировна (losenkoirina1982@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.35

ИНТЕГРАЦИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В КОНТЕКСТЕ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ, ПРОВОДИМЫХ В ВУЗЕ

INTEGRATION OF UNIVERSAL AND PROFESSIONAL COMPETENCIES IN THE CONTEXT OF SEMINAR CLASSES AT A UNIVERSITY

V. Rudenko
A. Gayanov
G. Fakhretdinova
E. Cheredova

Summary: The author explores the features of the organization of the educational process at a university, in particular, the organization of seminar classes. Given the practice-oriented approach, which is reflected in modern Federal State Educational Standards of Higher Education, it is necessary to include as many professional tasks as possible in the training. analysis of educational cases. This is also since the conceptual basis of modern higher education standards is the system-activity approach, which implies learning through activity.

The work emphasizes the importance of the interactive component in the seminar classes. because it is here that universal competencies are improved, and professional ones are formed. By actualizing the knowledge gained in lectures, students can fully test them in the seminar. in individual or group work. The formation of various competencies is one of the most important educational outcomes in higher education, and of course, the process of their development cannot be carried out independently or in an unorganized manner. The author discusses the integration of various types of competencies into a single concept of professional competence, and the importance of university seminars in this regard.

The purpose of this study is to identify the features of integrating various competencies during seminars at a university. The object of the study is the system-activity approach as the basis of the Federal State Educational Standard for Higher Education, and the subject is the integrative characteristics of universal and professional competencies.

Keywords: universal competencies, professional competencies, higher education, field of study, educational outcome, competence, system-activity approach, competence-based approach.

Руденко Виктория Андреевна
Преподаватель, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ
vivat.rudenko1@mail.ru
Гаянов Александр Альбертович
подполковник полиции, старший преподаватель, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
gnktver@mail.ru
Фахретдинова Гульназ Фанзильевна
Старший преподаватель, ФГБОУ ВО Уфимский университет науки и технологий
fahrik48@yandex.ru
Чередова Елена Александровна
Кандидат педагогических наук, доцент ФГБОУ ВО Омский государственный педагогический университет
elena_cheredova@mail.ru

Аннотация: Автор исследует особенности организации образовательного процесса в вузе, в частности, семинарских занятий. Учитывая практико-ориентированный подход, который отражен в современных ФГОС ВО, необходимо включать в обучение как можно больше решения профессиональных задач. разборов учебных кейсов. Это обусловлено еще и тем, что концептуальной основой современных стандартов высшего образования является системно- деятельностный подход, подразумевающий обучение через деятельность, введение в практический курс профессии.

В работе подчеркивается важность интерактивной составляющей в семинарских занятиях. т.к. именно здесь совершенствуются универсальные компетенции и формируются профессиональные. Актуализируя знания, полученные на лекциях, студенты в полной мере могут их апробировать на семинаре, в индивидуальной или групповой работе. Сформированность различного рода компетенций является одним из важнейших образовательных результатов в высшей школе и самостоятельно, неорганизованно, конечно же, процесс их становления осуществляться не может. Автор говорит об интеграции различного вида компетенций в едином понятии профессиональной компетентности и о том, какое значение имеют для этого именно семинарские занятия в вузе. В качестве цели данного исследования конкретиизировано выявление особенностей интеграции различных компетенций в ходе проведения семинарских занятий в вузе. Объектом определен системно- деятельностный подход как основа ФГОС ВО, предметом–интегративные характеристики универсальных и профессиональных компетенций.

Ключевые слова: универсальные компетенции, профессиональные компетенции, высшее образование, направление подготовки, образовательный результат, компетентность, системно- деятельностный подход, компетентностный подход.

Введение

Одной из основных задач современного высшего образования является обучение и воспитание высоквалифицированного, конкурентоспособного специалиста, который обладает всеми необходимыми личностными свойствами и качествами, а также важнейшими знаниями, умениями и навыками, необходимыми в профессиональной и бытовой профессиональной деятельности.

В нынешнем социуме возможности комфортной жизнедеятельности, успешной работы и адаптации в максимальной степени имеются у той личности, которая обладает комплексом личностных характеристик, позволяющих учитывать общественные изменения, высоким уровнем профессиональных навыков и богатым багажом знаний. Подобные требования обуславливают необходимость пересмотра содержания и дидактики высшего образования, включения в него новых методов обучения и совершенствования традиционных, зарекомендовавших себя в качестве эффективных. Ориентируясь на ФГОС ВО поколения 3++, важно говорить о смене образовательных результатов и новом подходе к методике преподавания общих и профессиональных дисциплин. Наряду с этим в педагогической науке и практике актуализировались понятия универсальных и профессиональных компетенций.

Та концептуальная основа, которая заложена в образовательных стандартах, предусматривает обязательность практической подготовки, а это возможно, преимущественно, в ходе проведения семинарских занятий. При этом лекции выступают инструментарием становления теоретических профессиональных компетенций будущих специалистов. Содержательная и методическая взаимосвязь лекций и семинаров способствует созданию специфического образовательного пространства, в котором личность развивается и обучается.

Целью данного исследования определено выявление особенностей интеграции различных компетенций в ходе проведения семинарских занятий в вузе. Объектом конкретизирован системно- деятельностный подход как основа ФГОС ВО, предметом–интегративные характеристики универсальных и профессиональных компетенций.

Для того, чтобы в работе поставленная цель была достигнута, был намечен ряд следующих исследовательских задач:

1. Выявить взаимосвязь универсальных и профессиональных компетенций как образовательных результатов и составляющих общей компетенции;
2. Конкретизировать значимость семинарских занятий для интеграции указанных видов компетенций;
3. Разработать некоторые рекомендации универсального характера для работы по различным дисциплинам на семинарских занятиях.

Решенные задачи не только способствуют достижению поставленной цели, но и позволят определить перспективы дальнейшего исследования по вопросам, касающимся указанной тематики.

Материалы и методы исследования

Безусловно, для работы по этому направлению нам необходимо было изучить множество источников как представителей классической, фундаментальной науки (А.Н. Вырщиков, И.А. Зимняя, А.В. Хуторской), так и публикаций современных авторов, посвященных различным аспектам исследуемой проблематики. В качестве основных можно назвать работы А.С. Верещагиной, А.С. Садулаевой, М.А. Кафтаева, отражающие исследование процесса становления различных компетенций у студентов. И, конечно же, важны публикации З.А. Гагиевой, А.А. Хамикоева, А.А. Томских, С.Е. Старостиной, С.В. Протасовой, посвященных организации и проведению семинарских занятий в вузе, анализу методике работы на различных направлениях подготовки.

Результаты и их обсуждение

Образовательные результаты в современной высшей школе и компетентность специалистов

Повышение уровня высшего образования, наличие стабильных глубоких знаний и навыков у студентов на сегодняшний день является главным направлением государственной образовательной политики. Качество образования можно оценить соответствием достигнутых образовательных результатов сложившимся социальным запросам и ожиданиям настоящего времени. При этом сегодня во многом меняется смысл самого понятия «образовательные результаты», они рассматриваются в современной педагогической психологии и дидактике как развитие мотивационных, операциональных и когнитивных ресурсов личности, которые определяют ее способность к решению значимых для нее познавательных и практических задач [6, с. 14].

А.А. Томских, С.Е. Старостина, С.В. Протасова [9] говорят о качественно новому подходу к оценке образовательных результатов студентов. В целях социальной политики российского государства определено формирование «навыков XXI века» [9, с. 39], что отражает основные педагогические концепции – основу новых ФГОС ВО. Компетентностный подход (А.В. Хуторской) приоритетом определяет получение знаний, умений и навыков, интегрированных в практической деятельности. Поэтому высшее образование должно быть ориентировано не на изучение разрозненных тем, разделов и дисциплин, а на создание нового дизайна образовательных программ в части их базовых и вариативных компонентов, актуализацию в них компетентностных, интегративных результатов, формирование у студентов необходимых метакогнитивных навыков, создание глобальной образовательной экосистемы образовательной организации.

Говорить о компетенциях необходимо, раскрывая две их основные сути: с одной стороны, компетенции являются образовательными результатами по ФГОС высшего образования. Раскрывая содержание стандарта по

любому направлению подготовки [12], мы можем отметить наличие в нем определенных групп компетенций, которыми должен овладеть выпускник вуза. Речь идет об универсальных компетенциях (межкультурное взаимодействие, коммуникация, инклюзивная компетенция, командная работа и лидерство, системное и критическое мышление и пр.), общепрофессиональных компетенциях, которые определяются самостоятельно образовательной организацией в обязательной взаимосвязи с профессиональным стандартом того специалиста, подготовка которого ведется в вузе.

И в соответствии с этим мы говорим о второй характеристике компетенций – как компонентов общей профессиональной компетентности. Причем уже на уровне стандарта можно конкретизировать взаимосвязь универсальных и профессиональных компетенций. И.А. Зимняя [6] по этому поводу пишет, что компетенцию возможно определить, как «интегральный социально-личностно-поведенческий феномен, как результат образования в совокупности мотивационно-ценностных, когнитивных составляющих» [6, с.8]. Подобная многокомпонентная дефиниция обуславливает необходимость изменения и обучения студентов: не только введения новых способов и методов преподавания, но и анализа и трансформации традиционных.

Значимость семинарских занятий для интеграции универсальных и профессиональных компетенций

В вышеуказанных нами федеральных стандартах высшего образования [12] содержатся лишь общие требования к образовательным программам высшей школы и нам необходимо обратиться к исторически сложившимся формам работы преподавателей: лекциям и семинарам. Относительно семинарских занятий М.А. Тахирова [8] замечает, что студенты не только показывают усвоенные ими понятия, определения, но и учатся выявлять причинно-следственные связи между изучаемыми событиями и явлениями, анализировать учебный материал. Разбирая различные ситуации, преподаватель формирует у студентов критическое мышление, умение прогнозировать социальные ситуации. Предлагая сложные и интересные проекты, педагог обучает студентов работе в команде, групповому взаимодействию не ради процесса, а для достижения конкретного результата. В данном случае мы говорим о целеполагании, навыках командной работы и становлении лидерских качеств. Эти личностные характеристики можно назвать основой становления профессиональных компетенций и тех умений, которые будут необходимы в работе. Вот почему в процессе семинарских занятий важно уделять не только содержанию излагаемого студентами материала, но и мотивационной, эмоциональной составляющей: насколько интересна и важна была для них подготовка домашнего задания, ответов. Анализируя подобные показатели, педагог может говорить о профессиональной готовности (неготовности) будущего специалиста, спроектировать траекторию его обучения. Множество авторов, в том числе, Г.М. Тюлю, А.В. Шадрин [10] говорят о том, что именно на семинарах реализуются основные функции учебного процесса: познавательные и исследовательские, позволяющие студентам продемонстрировать то, чему они научились, развить метакогнитивные навыки для осознания своего образовательного уровня, понимания, что необходимо для его повышения и вхождения в профессиональную деятельность.

Практика работы в современном вузе предполагает реализацию множества способов и методов педагогического взаимодействия со студентами в различных форматах и наиболее распространенными и определенными в рабочих программах являются лекционные и семинарские занятия. Последние предполагают практическую направленность, интерактив, самостоятельную подготовку студентов к индивидуальной или групповой работе. Именно семинары, по мнению З.А. Гагиевой и А.А. Хамикоева [4] предоставляют максимальные возможности для интеграции универсальных и профессиональных компетенций в вузе, ввиду приоритетного компонента самостоятельной работы студентов, развития их способностей.

Проанализировав ряд исследований, мы определили некоторые содержательные моменты семинарских занятий, которые помогут в достижении поставленных образовательных целей. Такие авторы как Т.Д. Джишкариани, Е.И. Юдина [5] приоритетными определяют:

- использование заданий, включающих междисциплинарные знания, дисциплины, которые являются смежными либо наоборот, контрастными с изучаемой. Это способствует формированию межпредметных связей между событиями и явлениями, предлагаемыми студентам для работы. Если задание достаточно сложное, то целесообразна организация командная работа. Знания и компетенции каждого члена группы интегрируются для решения комплексных задач;
- включение в работу сквозных кейсов, где не только объединены знания из различных тем, разделов, но и необходимо критическое мышление, креативность–те компетенции, которые включены в блок универсальных. При этом важна мотивация студентов, которая ориентирует их не только на решение учебной задачи, но и на получение необходимого социального опыта, модели поведения, которые пригодятся в дальнейшей жизни;
- реализация совместных проектов, подготовка командных ответов, создание групповых научных и творческих продуктов. Это позволяет аккумулировать общие и специальные, профессиональные знания по различным дисциплинам, тем самым

реализуя аналитические, прогностические компетенции и формировать узкопрофессиональные;
— обязательное использование материала базовых дисциплин даже в самых специфических предметах позволит дифференцировать «базу» и «надстройку» в профессиональной компетентности, понять свое место в образовательном процессе, определить индивидуальные цели обучения, которые у каждого студента свои;
— в соответствии с содержанием рабочей программы дисциплины использование тестов и контрольных заданий, которые включают различные компетенции. Речь идет о фондах оценочных средств, как о компонентах программы. В них обязательно должны быть прописаны диагностируемые компетенции, критерии диагностики и уровни сформированности. Обычно в оценочные средства включены УК (универсальные компетенции), ОПК (общепрофессиональные компетенции), СК (специальные компетенции). Выполнение подобных заданий является, своего рода промежуточным образовательным результатом работы студентов на семинарских занятиях, где «прорабатываются» вопросы, связанные с различного рода компетенциями. Причем, очень важно, чтобы студенты готовили рефераты, эссе, сообщения, участвовали в семинарах в виде дискуссий, коллоквиумов для того, чтобы закрепить полученные теоретические знания и активизировали когнитивный компонент компетенций. Вместе с данными заданиями необходимо выполнять задачи профессионального плана (решение проблемных ситуаций, проведение опытов, лабораторных работ), нацеленные на развитие профессиональных компетенций, закрепление верных моделей деятельности. Наибольший интерес представляют ситуации, максимально приближенные к реальным, которые затем могут встретиться на работе или в повседневной жизни. Студенты не только будут знать какие решения принимать и что делать в этих случаях, но и смогут адекватно среагировать при возникновении проблем, конфликтов, т.к. обладают достаточной теоретической базой знаний и первичными навыками.

В отношении семинарского занятия исследователи [1], [4] и пр. предлагают четкую структуру:

1. Определение целей и задач семинара (этап целеполагания), когда преподаватель определяет данные категории во взаимосвязи с другими темами учебного курса, иными дисциплинами для формирования логических взаимосвязей между разделами различной, но взаимно полезной информации;
2. Формирование методического обеспечения семинара, которое позволяет не только оценить студентов, но и дать им новый материал, разъяснения в контексте подготовленных ответов, сообщений, рефератов, проектов;
3. Обязательный подбор литературы, обогащающий содержание семинарского занятия, позволяет студентам более обширно и глубоко изучить материал. В данном случае развиваются поисковые и исследовательские компетенции, с приобретением специальных знаний формируются компетенции профессиональные;
4. Разработка модели проведения семинара, определение ключевых моментов, этапов работы.

Подобная структура позволяет не только упорядочить ход занятия, но и активизировать деятельность студентов в необходимых направлениях в контексте универсальных и профессиональных компетенций.

Рекомендации для преподавателей вузов по проведению семинарских занятий

Данные рекомендации мы разработали на основе теоретического анализа источников и возможности дальнейшей апробации во взаимодействии со студентами.

Говоря о двух видах компетенций: универсальных и профессиональных, необходимо, прежде всего понимать их функциональное значение:

— первые важны для любой деятельности человека (социально- бытовой, учебной, профессиональной). Они отражают личностные, коммуникативные характеристики личности вне зависимости от того. в какой сфере она задействована;
— профессиональные компетенции имеют непосредственное отношение к виду деятельности в рабочей отрасли и поэтому необходимы к закреплению в чисто специфических, учебных ситуациях, в том числе, на семинарских занятиях.

Основным фактором успешной работы здесь является мотивация и компетентность самого преподавателя, его объем знаний, стремление их передать, умение реагировать на изменение образовательного запроса студентов, объяснить необходимый материал. Семинар должен носить диалогический, дискуссионный характер и не должен быть направлен лишь на выслушивание ответов студентов. Оценивание при этом необходимо проводить в большей степени качественное, нежели количественное, давать конструктивную критику, чтобы обучающиеся могли ее «услышать», исправить ошибки и скорректировать некоторые рабочие моменты.

Активность, как мы уже ранее подчеркнули, должна проявляться как со стороны студентов, так и преподавателя. Дополняя ответы обучающихся интересными фактами, разъясняя непонятную информацию, преподаватель не только повышает уровень знаний обучающихся,

но и выступает наставником, авторитетным и опытным, который имеет более богатый личностный и профессиональный опыт, может быть примером для подражания.

Кроме того, полноценное методическое обеспечение семинарских занятий делает их интересней, насыщенней, мотивирует студентов к качественной подготовке. Формирование профессиональных компетенций студентов невозможно без использования полного комплекса методических средств, научной литературы, а также взаимодействия с преподавателем.

М.А. Тахирова в контексте исследования семинарских занятий апеллирует к тому, что компетенции–это связь науки и практики и главная роль в их формировании принадлежит студентам, повышению их учебной мотивации, увеличению количества самостоятельной работы и сотрудничеству с преподавателем. Вот почему семинарское занятие вышеуказанный и другие авторы определяют, как оптимальное пространство для интегративного формирования универсальных и профессиональных компетенций. При этом семинар не всегда рассматривается как продолжение лекции, а в ряде случаев выступает самостоятельной единицей образовательного процесса.

Выводы

В итоге нашего исследования были сделаны некоторые выводы о значимости семинарских занятий в формировании универсальных и профессиональных компетенций у студентов как будущих специалистов. Говоря об интеграции системно- деятельностного и компетентностного подходов в реализации образовательного процесса в целом и семинарских занятий, в частности, важно подчеркнуть, что они ориентированы на становление профессиональной компетентности. Компетентность как комплексный педагогический феномен предполагает наличие прочной концептуальной базы знаний, которые студенты получают в ходе прослушивания лекций, самостоятельного изучения дополнительного материала. «Своеобразной надстройкой» выступают умения и навыки. которые на основе теории трансформируются в универсальные компетенции. необходимые для различных направлений профессиональной деятельности.

Разбирая ФГОС высшего образования нынешнего поколения, мы приходим к выводу, что он является, своего рода этапом для появления нового качественно нового стандарта, где приоритетное значение отдается компетенциям не только как образовательным результатам, но и как необходимым инструментам осуществления профессиональной деятельности. Именно семинарские занятия, наполненные смыслом и имеющие практическую направленность, являются компонентом образовательного пространства, в котором успешно интегрируются универсальные и профессиональные компетенции. Активное вовлечение максимального количества студентов, индивидуальная и командная работа способствуют становлению креативности, коммуникативности. развитию профессиональных навыков.

В данном контексте актуально говорить о том, что количество часов, отводимых в рабочих программах на семинарские и практические занятия, должно быть практически равноценным лекционным. Подготовка к семинарам, предполагающая самостоятельную работу студентов, и дальнейшие их ответы в полной мере способствуют интеграции различных видов компетенций в единое целое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева М.С. Анализ факторов эффективности балльно-рейтинговой системы, как инструмента мотивации студентов в процессе обучения в вузе / М.С. Алексеева, И.Н. Полумеева // Проектирование. Опыт. Результат. – 2025. № 3. С. 145–152.
2. Верещагина А.С., Садулаева А.С., Кафтаев М.А. Методы формирования исследовательской компетентности студентов на семинарских и лабораторных занятиях // МНКО. 2025. №4 (113). С. 61–64.
3. Вырщиков А.Н. Социально-педагогические аспекты патриотического воспитания // Известия ВГПУ. 2012. №4. С. 50–54.
4. Гагиева З.А., Хамикоев А.А. Методика проведения семинарских занятий в высшей школе // Проблемы современного педагогического образования. 2021. №71–1. С. 95–97.
5. Джишкариани Т.Д., Юдина Е.И. Развитие профессиональных компетенций у будущих педагогов на семинарских занятиях средствами интерактивных технологий // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 4. Эл ресурс: https://science-education.ru/ru/article/view?id=30985.Режим доступа: science-education.ru (Дата обращения 05.12.2025)
6. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Эксперимент и инновации в школе. 2009. №2. С. 7–14.
7. Компетенции в образовании: опыт проектирования: сб. науч. тр. / под ред. А.В. Хуторского. – М.: Научно-внедренческое предприятие «ИНЭК», 2007. - 327 с.
8. Тахирова М.А. Педагогические условия организации семинарских, лабораторных и практических занятий в вузе // Academic research in educational sciences. 2021. №3. С. 535–543.
9. Томских А.А., Старостина С.Е., Протасова С.В. Приоритет-2030: от универсальных компетенций к профессиональному успеху // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2022. №2. С. 39–47.
10. Тюлю Г.М., Шадрин А.В. Управление формированием компетенций студентов в вузе на основе развития интегративных связей // Вестник Череповецкого

государственного университета. 2011. №3 (31). С. 96–99.
11. Шадрин А.В. Интеграция в формировании компетенций студентов в вузе // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2011. №9. С. 277–280.
12. Эл ресурс. https://fgosreestr.ru/oop?page=2&sort=document.date&direction=desc. Режим доступа: fgosreestr.ru (Дата обращения 06.12.2025).

© Руденко Виктория Андреевна (vivat.rudenko1@mail.ru), Гаянов Александр Альбертович (gnktver@mail.ru),
Фахретдинова Гульназ Фанзильевна (fahrik48@yandex.ru), Чередова Елена Александровна (elena_cheredova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.41

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАБЕЛЬНОСТИ В ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ

PROBLEMS OF SOCIAL ACTIVITY OF STUDENT YOUTH AS DETERMINANTS OF THE FORMATION OF SOCIABILITY IN THE ZAPORIZHIA REGION

E. Fedorova
N. Fedorov
L. Priladysheva

Summary: The article is devoted to the analysis of the low level of social activity of the student youth of the Zaporizhia region and the impact of limited infrastructure on the formation of stable social ties. In this regard, the relevance of the research is determined by the need to increase the involvement of students in collective forms of interaction and the development of their sociability in the context of social instability in the region. The data obtained showed a low level of engagement: only 7-8% of students participate in volunteer initiatives, 18% feel influenced by social processes, while 78% receive information mainly from informal sources, which forms the observer's position. The main problems are related to the limited social infrastructure, the low degree of development of social ties and the focus on short-term individual strategies. To increase social activity, it is proposed to expand the network of youth centers, support initiatives, develop volunteerism and programs for the formation of communicative competencies. In conclusion, it should be noted that the identified problems and factors hindering the development of student sociability justify the need to expand the infrastructure of youth interaction, strengthen support for student initiatives and implement programs for the development of communicative competencies.

Keywords: student youth, social activity, sociability, Zaporizhia region, volunteerism, value orientations, subjective well-being; sociability.

Федорова Елена Васильевна
Кандидат педагогических наук, профессор
Мелитопольский государственный университет
helenafedorova1961@mail.ru
Федоров Николай Пантелеевич
Кандидат педагогических наук, доцент Мелитопольский государственный университет
Приладышева Лидия Николаевна
Кандидат педагогических наук, доцент Мелитопольский государственный университет

Аннотация: Статья посвящена анализу низкого уровня социальной активности студенческой молодёжи Запорожской области и влияния ограниченной инфраструктуры на формирование устойчивых социальных связей. В связи с этим актуальность исследования определяется необходимостью повышения вовлечённости студентов в коллективные формы взаимодействия и развития их социабельности в условиях социальной нестабильности региона. Полученные данные показали низкий уровень вовлечённости: лишь 7–8% студентов участвуют в волонтёрских инициативах, 18% ощущают влияние на общественные процессы, при этом 78% получают информацию преимущественно из неформальных источников, что формирует позицию наблюдателя. Основные проблемы связаны с ограниченностью социальной инфраструктуры, низкой степенью развитости социальных связей и ориентацией на краткосрочные индивидуальные стратегии. Для повышения социальной активности предложено расширение сети молодёжных центров, поддержка инициатив, развитие добровольчества и программ формирования коммуникативных компетенций. В заключение следует отметить, что выявленные проблемы и факторы, препятствующие развитию социабельности студенческой молодёжи, обосновывают необходимость расширения инфраструктуры молодёжного взаимодействия, усиления поддержки студенческих инициатив и внедрения программ развития коммуникативных компетенций.

Ключевые слова: студенческая молодёжь, социальная активность, социабельность, Запорожская область, добровольчество, ценностные ориентации, субъективное благополучие, социабельность.

Введение

В условиях развития социального пространства Запорожской области значимым становится участие студенческой молодёжи в общественных и просветительских инициативах. Вовлечение студентов в добровольчество, проектные и самоуправленческие формы деятельности способствует укреплению коммуникативных навыков и формированию опыта коллективного взаимодействия. При этом степень включённости студентов напрямую зависит от доступности инфраструктуры, организованности сопровождения и возможностей для самореализации внутри образовательной среды [1].

Так Н.В. Щербакова подчёркивает, что в условиях нестабильности студенты чаще занимают пассивную позицию, избегая инициативного участия, что ослабляет их включённость в коллективные формы взаимодействия и снижает чувство общности [2]. А.Э. Пилипенко связывает уровень социальной активности с тем, как молодёжь воспринимает собственную роль: ориентация на совместное действие укрепляет социальные связи, тогда как формальная активность их не формирует [3]. В то же время Е.Г. Шурыгина, обращаясь к зарубежной практике, отмечает, что раннее развитие гражданской ответственности и развитая инфраструктура молодёжного участия способствуют устойчивой вовлечённости и расширению

социальных сетей [4]. В свою очередь, И.И. Щемелёва рассматривает социальную активность как результат сочетания личностных и институциональных факторов, при этом высокий уровень вовлечённости непосредственно усиливает способность студентов к взаимодействию и формированию социабельности [5]. Таким образом, авторы едины во мнении, что степень социальной активности определяет качество социальных связей молодёжи, а ограничение возможностей участия снижает потенциал их развития.

Несмотря на наличие структур поддержки и работу молодёжных объединений, в регионе сохраняются ограничения, связанные с недостатком доступных пространств для коллективного участия, неравномерным распределением возможностей участия в городах и сельских территориях, а также слабой внутренней мотивацией студентов к включению в совместную деятельность. В результате социальные связи формируются эпизодически, без устойчивых сетевых взаимодействий, что затрудняет формирование устойчивых социальных связей среди студенческой молодёжи. В связи с этим определение факторов социальной активности студенческой молодёжи и разработка механизмов её повышения являются необходимыми условиями формирования более устойчивого молодёжного сообщества в Запорожской области, что определяет актуальность темы.

Таким образом, цель исследования заключается в выявлении проблем социальной активности студенческой молодёжи Запорожской области и определении мероприятий, способствующих формированию её социабельности в условиях социальной нестабильности.

Материалы и методы

Материалами исследования выступили нормативно-правовые документы Российской Федерации и Запорожской области в сфере молодёжной политики, включая «Стратегию реализации молодёжной политики в РФ до 2030 года» и проект «Стратегии социально-экономического развития Запорожской области на 2024–2034 годы». Эмпирическую базу составили статистические данные Министерства по молодёжной политике Запорожской области за 2023–2024 годы, данные платформы «Добро.РФ» о динамике добровольческой активности, а также результаты всероссийских опросов ВЦИОМ, ФОМ и Росмолодёжи.

В исследовании применялись методы теоретического анализа нормативных документов, контент-анализ отчётных материалов и статистических данных, а также сравнительный анализ уровня социальной активности региона с общероссийскими показателями. Для анализа влияния социальной активности на формирование социабельности применялись структурно-функциональный подход и социально-психологический анализ, что позволило выделить ключевые факторы и тенденции развития социальной активности студенческой молодёжи.

Результаты и обсуждение

Социально-политическая активность студенческой молодёжи Запорожской области остаётся низкой из-за преобладания индивидуальных ориентиров, недостаточного доверия к социальным институтам и ощущения отсутствия влияния на общественные процессы. Опора преимущественно на неформальные источники информации формирует наблюдательную, а не деятельную позицию, тогда как ограниченность площадок и коллективных инициатив снижает возможности для взаимодействия и укрепления социальных связей. В условиях социальной нестабильности молодёжь проявляет осторожность в планировании и снижает уровень инициативности, что замедляет формирование социабельности и устойчивых социальных связей [2]. Следовательно, можно выделить ряд проблем, характеризующих социальную активность студенческой молодёжи региона:

1. Низкий уровень включённости в общественные и гражданские инициативы. Студенты чаще ориентируются на индивидуальные цели, а не на коллективные формы деятельности. По данным Министерства по молодёжной политике Запорожской области, в 2024 году в регионе зарегистрировано около 3000 волонтёров, при этом молодёжная аудитория региона составляет более 40000 студентов и учащихся СПО. Вовлечённость составляет примерно 7–8% от потенциальной аудитории.
2. Ослабленное ощущение влияния на социальные процессы. Слабая вера в значимость собственного участия снижает мотивацию к гражданской активности. Согласно общероссийскому мониторингу, «Индекс участия молодёжи» Минпросвещения РФ (2023), лишь 18% молодёжи на новых территориях считают, что их действия могут повлиять на решения властей. У большинства студентов преобладает ощущение «отсутствия влияния».
3. Преобладание неформальных источников информации и недостаток доверия к официальным каналам. Это приводит к пассивному наблюдательному поведению вместо реального участия. По данным ВЦИОМ (2023), 78% молодёжи в возрасте 18–25 лет получают социально значимую информацию из соцсетей, и только 23% — с официальных госпорталов. Это делает участие «наблюдательным», а не деятельным.
4. Повышенная неопределённость и осторожность в оценке личных перспектив. Социальная нестабильность делает студентов менее инициативными и менее готовыми вступать в новые социальные связи. По данным «Молодёжь России – 2023», 65% молодых людей на территориях с социальной

нестабильностью затрудняются строить планы на период более 2–3 лет, что прямо связано с падением инициативности.

5. Ограниченность социальных площадок и инфраструктуры для совместной активности. Недостаток культурных, волонтёрских и самоуправленческих возможностей сужает условия формирования социабельности. В отчёте Минмолодёжи ЗО за 2024 год указано, что в области работает только 1 региональный Молодёжный ресурсный центр, тогда как стандарт Минпросвещения предполагает не менее 1 центра на каждые 50–100 тыс. молодёжи.
6. Низкая плотность социальных связей и отсутствие опыта коллективного взаимодействия. Слабое включение в сетевые формы общения замедляет развитие навыков взаимодействия внутри группы. По данным платформы Добро. РФ, среднее участие добровольца в регионе составляет 1–2 события в месяц, в то время как в центральных регионах РФ показатель достигает 5–7 событий. Социальные сети взаимодействия формируются медленно и неустойчиво. (Рис. 1.)

Как видно на диаграмме (рис. 1), уровень вовлечённости студенческой молодёжи в волонтёрские и социально значимые инициативы остаётся низким (около 8%), при этом лишь 18% студентов считают, что способны повлиять на общественные процессы. Большая часть молодёжи получает социально значимую информацию через неформальные каналы (≈ 78%), что формирует позицию наблюдения, а не активного участия. Ограниченность инфраструктуры (≈ 25%) и нерегулярность мероприятий (≈ 33%) препятствуют укреплению устойчивых социальных связей и сдерживают развитие социабельности [6].

Следовательно, недостаток условий для совместной деятельности отражается не только на уровне социальных связей, но и на субъективном благополучии студентов. Уровень субъективного благополучия студенческой молодёжи в Запорожской области определяется воздействием внешней нестабильности, что проявляется в тревожности, сужении временного горизонта и снижении уверенности в собственных возможностях. Таким образом, субъективное благополучие во многом зависит от включённости в стабильные социальные связи и совместную деятельность, обеспечивающие эмоциональную поддержку и условия для самореализации. В связи с этим представляется важным рассмотреть конкретные социальные факторы, оказывающие влияние на субъективное благополучие студенческой молодёжи в регионе (см. таблицу 1).

Для подтверждения указанных тенденций обратимся к результатам всероссийских исследований, отражающих эмоциональное состояние и поведенческие реакции молодёжи в условиях нестабильности. Официальные опросы ВЦИОМ, Росмолодёжи и ФОМ показывают, что молодёжь в условиях социальной нестабильности чаще испытывает неопределённость, эмоциональную нестабильность и ориентируется на краткосрочные стратегии (64%, 57% и 22% соответственно). Ограниченность молодёжной инфраструктуры в регионе (1 центр при нормативе 3–4) снижает возможности для форми-

Рис. 1. Показатели социальной активности и условий ее формирования среди студенческой молодежи Запорожской области
Источник: Составлено автором на основании [6]

Таблица 1.

Социальные условия и их влияние на субъективное благополучие студенческой молодёжи Запорожской области.

Фактор	Как проявляется среди молодёжи	Последствия для субъективного благополучия
Социальная нестабильность среды	Ощущение неопределённости будущего, осторожность в планировании	Повышенная тревожность, снижение чувства безопасности
Ограниченность социальных площадок	Нехватка пространств для живого общения и совместной деятельности	Слабые социальные связи, риск социальной изоляции
Низкая включённость в коллективные инициативы	Выбор индивидуальных стратегий вместо групповых форм участия	Снижение чувства принадлежности и значимости
Недостаток доверия к социальным институтам	Склонность опираться на неформальные сети и личные контакты	Сокращение социальной поддержки и взаимного обмена
Ориентация на краткосрочные цели	Отказ от долгосрочных планов из страха нестабильности	Пониженный уровень жизненной удовлетворённости
Эмоциональная неустойчивость из-за внешних условий	Частые переживания стресса, неопределённости, утомления	Ухудшение психологического состояния и субъективного благополучия

Источник: Составлено автором на основании [6]

Рис. 2. Уровень субъективного благополучия молодёжи
Источник: Составлено автором на основании [6]

рования устойчивых социальных связей, что напрямую влияет на уровень субъективного благополучия и социабельности студентов [6]. (Рис. 2.)

В условиях ослабления внешних поддерживающих факторов студенческая молодёжь стремится к личной устойчивости, что снижает её участие в коллективных инициативах и ограничивает формирование социальных связей. Недостаток контроля над собственным будущим и ограниченность инфраструктуры поддержки замедляют развитие социабельности у студентов. При этом участие в волонтёрской и проектной деятельности способствует расширению социальных сетей, усилению открытости и сотрудничества, тогда как ограничение активности рамками индивидуального поведения приводит к замкнутости и снижению включённости в социальное взаимодействие [7, 8]. Таким образом, различия в формах социальной активности определяют характер ценностных ориентаций студенческой молодёжи, что отражено в таблице (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Влияние различных форм социальной активности на ценностные ориентации студенческой молодёжи.

Формы социальной активности	Характерные проявления активности	Преобладающие ценностные ориентации	Влияние на формирование социабельности
Учебно-академическая активность	участие в научных кружках, конференциях, проектах	ценность знаний, развитие компетентности, самореализация	способствует развитию аргументации, взаимодействию в малых научных группах, расширяет социальные контакты
Культурно-досуговая активность	участие в мероприятиях, клубах, творческих объединениях	ценность творчества, эстетического опыта, принятия разнообразия	формирует умение сотрудничать, выражать себя в группе, укрепляет эмоциональные связи
Волонтёрская и общественно-полезная активность	помощь сообществу, инициирование социальных проектов	ориентация на общественное благо, эмпатия, ответственность	усиливает чувство принадлежности и коллективной эффективности, способствует устойчивым социальным сетям
Социально-медийная и сетевая активность	участие в онлайн-сообществах, блогерство, сетевые дискуссии	самоутверждение, признание, коммуникационная открытость	расширяет коммуникативные горизонты, но при отсутствии офлайн-контактов может снижать глубину реальных социальных связей

Источник: Составлено автором на основании [7, 8].

Таблица 3.

Меры развития социальной активности и социабельности студенческой молодёжи.

Мера	Ожидаемый эффект
Создание и расширение сети молодёжных центров и пространств взаимодействия	Рост устойчивых социальных связей и частоты коллективных практик
Поддержка студенческих проектов и инициатив через грантовые конкурсы	Повышение субъективной значимости участия и инициативности
Расширение информационных кампаний и сопровождение участия	Увеличение природной вовлечённости за счёт доступности и прозрачности
Введение программ развития социального интеллекта, стрессоустойчивости, навыков коммуникации	Повышение готовности к сотрудничеству и включению в группы
Внедрение программ наставничества «равный-равному» и «лидер-студент»	Укрепление групповой идентичности и социальной поддержки

Источник: Составлено автором

В результате преобладающая форма социальной активности определяет уровень социабельности студенческой молодёжи: коллективные формы участия усиливают ценности сотрудничества, тогда как индивидуализированные стратегии ограничивают развитие устойчивых социальных связей. В условиях социальной нестабильности особое значение приобретают личностные ресурсы — чувство контроля, эмоциональная регуляция и адаптивность, поддерживающие психологическую устойчивость и готовность к взаимодействию [9]. Следовательно, наиболее выраженный вклад в развитие социабельности обеспечивает добровольческая деятельность, поскольку она расширяет социальные связи, укрепляет групповую идентичность и формирует навыки координации и взаимопомощи [10], что особенно важно в регионах с ограниченной инфраструктурой участия [11].

В связи с этим требуется комплексная поддержка социальной активности студенческой молодёжи, включающая расширение инфраструктуры взаимодействия, поддержку волонтёрских и студенческих инициатив, а также развитие личностных и коммуникативных ресурсов [1]. Эффективность таких мер определяется доступностью социальных пространств и качеством сопровождения молодёжных проектов. Программы развития социального интеллекта и навыков взаимодействия повышают готовность студентов к коллективной деятельности, а регулярное участие в общественных практиках способствует укреплению социальных связей и формированию социабельности (см. таблицу 3).

Таким образом, повышение социальной активности и формирование социабельности студенческой молодёжи в Запорожской области возможно при комплексном развитии инфраструктуры взаимодействия, поддержке студенческих инициатив, расширении добровольческих практик и формировании личностных и коммуникативных компетенций. Реализация данных мер согласуется с федеральными стратегиями и региональными программами молодёжной политики и направлена на укрепление социальной устойчивости и интеграцию молодёжи в общественную жизнь региона.

Заключение

В заключение социальная активность студенческой молодёжи Запорожской области остаётся низкой: в волонтёрских инициативах участвуют лишь 7–8% студентов, при этом только 18% ощущают способность влиять на общественные процессы, а преобладание неформальных источников информации и ограниченность инфраструктуры (1 молодёжный центр при нормативе 3–4) затрудняют формирование устойчивых социальных связей. Для повышения уровня вовлечённости необходимо расширение пространств молодёжного взаимодействия, поддержка инициатив и развитие добровольческих программ. Их дополнение наставничеством и обучением коммуникативным навыкам позволит укрепить личностные ресурсы студентов и повысить их готовность к участию в коллективных практиках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2030 года // Постановление Правительства РФ. – URL: https://docs.cntd.ru/document/1307068392 (дата обращения: 29.10.2025).
2. Филь М.С., Щербакова Н.В. Акценты социально-политического поведения в студенческой среде: сравнительный анализ мнений молодежи Москвы и Запорожской области / М.С. Филь, Н.В. Щербакова // Власть. – 2023. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktsenty-sotsialno-politicheskogo-povedeniya-v-studencheskoy-srede-sravnitelnyy-analiz-mneniy-molodezhi-moskvy-i-zaporozhskoy (дата обращения: 29.10.2025).
3. Пилипенко А.Э., Пантелеев В.Г. Социальная активность студенческой молодежи: опыт исследования смысловых представлений / А.Э. Пилипенко, В.Г. Пантелеев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение. – 2021. – № 3 (284). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-aktivnost-studencheskoy-molodezhi-opyt-issledovaniya-smyslovyh-predstavleniy (дата обращения: 29.10.2025).
4. Шурыгина Е.Г. Социальная активность студенческой молодежи: опыт западных стран / Е.Г. Шурыгина // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 7. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-aktivnost-studencheskoy-molodezhi-opyt-zapadnyh-stran (дата обращения: 29.10.2025).
5. Щемелева И.И. Социальная активность студенческой молодежи: факторный и кластерный анализ / И.И. Щемелева // Социологические исследования. – 2019. – № 4. – С. 133–141. – DOI: 10.31857/S013216250004594-6.
6. Фонд «Общественное мнение». Молодёжь России – 2023 // ФОМ. – URL: https://fom.ru/Obraz-jizni/14964 (дата обращения: 29.10.2025).
7. Баева И.А., Кондакова И.В., Селиков Ю.Н. Детерминанты субъективного благополучия молодежи в условиях социальной нестабильности / И.А. Баева, И.В. Кондакова, Ю.Н. Селиков // Психология человека в образовании. – 2024. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-subektivnogo-blagopoluchiya-molodezhi-v-usloviyah-sotsialnoy-nestabilnosti (дата обращения: 29.10.2025).
8. Шамионов Р.М., Бескова Т.В., Кирикова М.И. Ценностные ориентации как эффекты социальной активности студентов / Р.М. Шамионов, Т.В. Бескова, М.И. Кирикова // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2025. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-kak-effekty-sotsialnoy-aktivnosti-studentov (дата обращения: 29.10.2025).
9. Баева И.А., Лактионова Е.Б., Кондакова И.В., Савенко Ю.С. Личностные ресурсы психологической безопасности студентов, обучающихся на новых территориях Российской Федерации / И.А. Баева, Е.Б. Лактионова, И.В. Кондакова, Ю.С. Савенко // ИТС. – 2024. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-resursy-psihologicheskoy-bezopasnosti-studentov-obuchayuschihsya-na-novyh-territoriyah-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 29.10.2025).
10. Логвинова М.И., Богачева Т.И. Социально-психологические характеристики личности членов различных добровольческих групп / М.И. Логвинова, Т.И. Богачева // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2024. – № 1 (69). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-harakteristiki-lichnosti-chlenov-razlichnyh-dobrovolcheskih-grupp (дата обращения: 29.10.2025).
11. Министерство науки и высшего образования РФ. Доклад о реализации государственной молодежной политики. – 2023. – URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/upload/2024/10/Доклад_ПМ2023_ЭЦП_Петрова1.10.24.pdf (дата обращения: 29.10.2025).

© Федорова Елена Васильевна (helenafedorova1961@mail.ru), Федоров Николай Пантелеевич , Приладышева Лидия Николаевна.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.44

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА ШИ ГУННАНЯ В КОНТЕКСТЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ ТВОРЧЕСКИХ ВУЗОВ КИТАЯ

METHODOLOGICAL FEATURES OF THE STUDY OF SHI GONGNAN'S CREATIVITY IN THE CONTEXT OF PATRIOTIC EDUCATION OF STUDENTS AT CREATIVE UNIVERSITIES IN CHINA

Han Xueting
E. Nazarova

Summary: The study of the work by Shi Gongnan, an outstanding Chinese artist of the 20th century, is of relevance in the context of the modern cultural policy of China, aimed at strengthening national identity and patriotism.

The research goal is to identify and systematize the most effective methods and techniques for analyzing and interpreting Shi Gongnan's works, which allow actualizing their patriotic potential.

To achieve this goal, the following tasks are solved: analysis of theoretical sources on the history of Chinese art and pedagogy, identification of key themes and motifs in the work of Shi Gongnan, reflecting national values and ideals, development of methodological recommendations for the organization of the educational process, including lectures and practical classes, as well as independent work of students.

The main research methods were the formal logical method, the art historical approach, the comparative method, the historical and cultural approach.

The results consist in the fact that the identified methodological features of the study of Shi Gongnian's work in the context of patriotic education of students at creative universities in China are based on the integration of historical and cultural analysis, the study of musical language and critical understanding of the patriotic orientation of works. Systematic application of the developed methodological provisions and interactive teaching methods contributes to the formation of a conscious civic position. The process of improving methodological approaches should be continuous and adaptive, considering socio-cultural changes and modern educational technologies. Orientation to the historical context and critical analysis of ideological aspects forms critical thinking skills. The results of the analysis serve as the basis for further research in the field of music education and patriotic education.

Keywords: Shi Gongnan, patriotic education, Chinese art, creative universities, teaching methods.

Хань Сюэтин
Аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, (г. Санкт-Петербург)
Назарова Елена Олеговна
Кандидат искусствоведения, Доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, (г. Санкт-Петербург)
1850209697@qq.com

Аннотация: Изучение творчества Ши Гуннаня, выдающегося китайского художника XX века, приобретает особую актуальность в контексте современной культурной политики Китая по укреплению национального самосознания и патриотизма.

Целью исследования является систематизация наиболее эффективных методов музыковедческой интерпретации произведений Ши Гуннаня, позволяющих актуализировать их патриотический потенциал.

Для достижения поставленной цели в исследовании были решены следующие задачи: проведено изучение теоретических источников по истории китайского искусства и педагогике, выявлены ключевые мотивы в творчестве Ши Гуннаня, отражающие национальные ценности и идеалы, оценка возможностей применения творчества Ши Гуннаня для патриотического воспитания.

В качестве основных методов исследования были применены: формально-логический метод, искусствоведческий подход, сравнительно-сопоставительный метод, историко-культурный и сопоставительный анализ.

В результате исследования было выявлено, что творчество Ши Гунняня в контексте патриотического воспитания студентов творческих вузов Китая может быть применено для формирования патриотического сознания студентов с помощью интеграции историко-культурного анализа, изучения музыкального языка и критического осмысления патриотической направленности произведений.

Ключевые слова: Ши Гуннань, патриотическое воспитание, китайское искусство, творческие вузы, методика преподавания.

Введение

Актуальность изучаемой темы обусловлена целым рядом факторов развития китайского общества и проводимой руководством страны культурной политики. В первую очередь, следует отметить растущую роль культуры в формировании национальной идентичности и укреплении патриотизма, что находит отражение в государственных программах и инициативах по поддержке и популяризации национального искусства. Как отмечается в докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК, «культура является душой страны и народа.

Расцвет культуры означает расцвет государства, а мощь культуры – мощь нации» [1].

В данном контексте изучение творчества выдающегося китайского композитора Ши Гуннаня приобретает особое значение: его произведения являются ценным источником знаний о национальной истории, культуре и традициях, а также служат мощным инструментом патриотического воспитания. Ши Гуннань, являясь одним из ярких представителей китайской музыкальной культуры XX века, в своем творчестве обращался к темам, отражающим национальный дух и героическое прошлое Китая. Его произведения, наполненные глубоким символизмом и философским содержанием, способны оказывать сильное эмоциональное воздействие на слушателя и формировать у него чувство гордости за свою страну.

По мнению исследователей, изучение творческого наследия Ши Гуннаня позволяет выявить ключевые аспекты его вклада в развитие китайской музыки и его роль в формировании национального самосознания [2, с. 32].

Анализ музыкальных произведений композитора в контексте исторической обстановки XX века выявляет тенденцию к переосмыслению традиционных музыкальных форм и внедрению элементов, отражающих современные реалии и идеологические установки. В частности, прослеживается влияние политики «Большого скачка» (с 1958 по 1960 годы), а «Культурная революция» (с 1966 по 1976 годы) на тематику и особенности музыкальных произведений Ши Гуннаня, что, по мнению исследователей, проявилось в акцентировании коллективистских идеалов и героизации образа рабочего класса через музыкальные средства [3, с. 70].

Использование символики в произведениях Ши Гуннаня требует особого внимания, поскольку она является неотъемлемой частью китайской музыкальной традиции: в своих произведениях композитор широко использовались мотивы народной музыки, традиционные инструменты (например, эрху, пипа), а также определенные ладовые и ритмические структуры, наделенные символическим значением [5, с. 177]. Например, использование пентатоники, характерной для китайской народной музыки, может символизировать связь с традиционными ценностями и патриотическими чувствами. В своих рабатах У Минмин отмечает, что «в китайской музыке пентатоника часто ассоциируется с гармонией и балансом, отражая конфуцианские идеалы» [3, с. 72].

Вклад Ши Гуннаня в китайскую музыку заключается как в создании значительных музыкальных произведений, так и в его активной педагогической деятельности: композитор воспитал целое поколение музыкантов, которые продолжили развивать традиции китайской музыки и внесли свой вклад в укрепление национального самосознания. В частности, его ученики Тань Дунь и Го Вэньцзин стали известными композиторами и внесли значительный вклад в развитие китайской симфонической и оперной музыки XX века.

Патриотический аспект творчества Ши Гуннаня неразрывно связан с его пониманием роли музыки в обществе. Композитор рассматривал свои произведения как средство формирования национальной идентичности и укрепления духа народа, поэтому стремился передать как внешнюю красоту окружающего мира, так и внутреннее величие китайской культуры. Отметим, что такой подход соответствует принципам социального реализма, который был широко распространен в Китае в XX веке и подразумевал использование искусства для пропаганды идеологических ценностей.

Материалы и методы

В качестве методологической основы исследования выступил комплексный подход, включающий анализ искусствоведческой литературы, историко-культурный анализ и сравнительно-сопоставительный метод. Изучение методических трудов таких китайских педагогов-музыкантов, как Хань Сюэтин [4], Хо Цзинсинь [5], Ксин-Ю, Ксен-Ин-Хо Ли [11], позволило выявить доминирующие принципы и формы патриотического воспитания в музыкальном образовании КНР. При этом особое внимание уделялось работам У Минмина, посвященным изучению и интерпретации творчества Ши Гуннаня, как примеру синтеза традиционных и современных музыкальных форм [2, 3].

Некоторые методические аспекты темы представлены в работах таких авторов, как Т.Ю. Хромова, Л.Ф. Филлипович [10], Чэнь Юехань, А.П. Папенина [8], И.С. Бессарабова, Т Лу [9] и др.

В процессе исследования применялись методы музыкально-теоретического анализа, позволяющие выявить и интерпретировать специфические черты музыкального языка Ши Гуннаня, отражающие национальный характер и патриотическую направленность его творчества. Изучение творчества композитора включало анализ мелодики, гармонии, ритма и формы произведений композитора, а также выявление связей с традиционной китайской музыкой и фольклором.

В частности, изучались работы таких исследователей, как Чжан Чжитан, Т.П. Самсонова [6], Чжан Чэнь, Е.В. Смагина [7], которые занимались анализом музыкальных элементов, отражающих патриотизм в китайской музыке.

Результаты исследования

Методические особенности изучения творчества Ши Гунняня в контексте патриотического воспитания

студентов творческих вузов Китая представляют собой многоаспектную задачу, требующую комплексного подхода к формированию мировоззрения будущих деятелей искусства. Исследование опирается на анализ методической литературы, посвященной преподаванию музыкальных дисциплин в ведущих профильных вузах Китая, а именно: Центральной консерватории музыки, Китайской консерватории музыки и Шанхайской консерватории музыки.

В рамках настоящего исследования систематизированы теоретические методические положения, применяемые в указанных вузах, с целью выявления наиболее эффективных стратегий патриотического воспитания через призму изучения творчества Ши Гунняня.

Проведенный анализ показал, что ключевыми элементами являются:

— акцентирование внимания на историческом контексте создания произведений композитора, с особым упором на его вклад в развитие китайской национальной музыкальной культуры в сложные периоды истории;
— сопоставление музыкального языка Ши Гунняня с традиционными китайскими музыкальными формами и жанрами, что позволяет студентам осознать преемственность и взаимосвязь между прошлым и настоящим;
— включение в учебный процесс дискуссий и критического анализа произведений композитора с позиций современного патриотического дискурса.

Особое внимание уделяется методологии преподавания, направленной на развитие у студентов осознания собственной идентичности и ответственности перед обществом, что включает в себя организацию творческих мастерских, где студенты могут экспериментировать с музыкальными формами Ши Гунняня, создавая собственные интерпретации и композиции, отражающие их понимание патриотических ценностей.

Также приветствуется использование таких интерактивных методов обучения, как создание мультимедийных презентаций и организация концертов, посвященных творчеству композитора, что способствует более глубокому усвоению материала и вовлечению студентов в процесс патриотического воспитания. (Таб. 1.)

Совершенствование методических подходов к изучению творчества Ши Гуннаня в контексте патриотического воспитания является непрерывным процессом, требующим постоянного обновления и адаптации к изменяющимся социокультурным условиям.

Методический подход к изучению творчества Ши Гуннаня в контексте патриотического воспитания опирается на три ключевых теоретических положения, каждое из которых требует детальной проработки и интеграции в учебный процесс. Историко-культурный контекст является фундаментом для понимания генезиса и эволюции музыкального творчества композитора. Анализ таких исторических событий, как период «культурной революции» (1966–1976 гг.) в Китае, позволяет выявить влияние политической и идеологической конъюнктуры на формирование художественных взглядов Ши Гуннаня.

Изучение биографии композитора в тесной связи с историческим контекстом, а также анализ текстов его песен с точки зрения отражения эпохи, способствует более глубокому восприятию и пониманию музыкального материала. Например, в работах некоторых авторов подчеркивается влияние социально-политических факторов на творчество, что соответствует принципам историзма в искусствознании [10, с. 58].

Таблица 1.

Ключевые аспекты методического подхода к изучению творчества Ши Гуннаня в контексте патриотического воспитания.

Теоретическое положение	Описание	Пример реализации в учебном процессе
Историко-культурный контекст	Анализ исторических событий и социокультурных факторов, повлиявших на творчество композитора; изучение влияния политической и идеологической ситуации в Китае на его произведения.	Изучение биографии Ши Гуннаня в связи с периодом его жизни и творчества, анализ текстов песен с точки зрения отражения эпохи.
Музыкальный язык и национальный колорит	Выявление элементов китайской народной музыки, используемых в произведениях Ши Гуннаня; анализ гармонии, ритма и мелодики с точки зрения их национального своеобразия; изучение использования традиционных китайских инструментов.	Анализ использования пентатоники в мелодиях, имитация звучания гучжэна в фортепианных произведениях, интерпретация традиционных китайских музыкальных форм.
Патриотическая направленность и идеологическое содержание	Анализ текстов песен и инструментальных программ на предмет отражения патриотических идеалов, любви к Родине и чувства национальной гордости; выявление элементов пропаганды и агитации в произведениях.	Обсуждение идеологической подоплеки произведений, анализ символики и метафор, используемых в текстах песен, интерпретация музыки как выражения национального духа.

Музыкальный язык и национальный колорит выступают в качестве следующего важного аспекта. В данном случае необходимо выявлять элементы китайской народной музыки, интегрированные в произведения Ши Гуннаня. Анализ гармонии, ритма и мелодики с точки зрения их национального своеобразия позволяет раскрыть уникальность музыкального стиля композитора. При этом в работах исследователей особое внимание уделяется изучению использования традиционных китайских инструментов (например, гучжэна, эрху) и их имитации в оркестровых и фортепианных произведениях. Интерпретация традиционных китайских музыкальных форм (например, «гун-чи-пу») способствует формированию у обучающихся представления о преемственности музыкальной культуры [8, с. 47].

Патриотическая направленность и идеологическое содержание произведений Ши Гуннаня являются неотъемлемой частью методического подхода. Анализ текстов песен и инструментальных программ на предмет отражения патриотических идеалов, любви к Родине и чувства национальной гордости позволяет раскрыть идеологическую подоплеку творчества композитора. Выявление элементов пропаганды и агитации в произведениях требует критического осмысления и сопоставления с историческим контекстом. Обсуждение символики и метафор, используемых в текстах песен, а также интерпретация музыки как выражения национального духа, способствуют формированию у обучающихся осознанного отношения к патриотическим ценностям. Необходимо учитывать возможность манипулятивного воздействия идеологических установок, что требует сбалансированного подхода к анализу.

Таким образом, анализ творчества Ши Гуннаня, охватывающего обширный историко-культурный контекст, музыкальный язык и национальный колорит, а также патриотическую направленность и идеологическое содержание, позволяет сформировать у обучающихся целостное представление о творчестве композитора и его роли в культурном пространстве Китая. Последовательное применение обозначенных теоретических положений в учебном процессе способствует эффективному патриотическому воспитанию, основанному на глубоком понимании и уважении к национальным культурным ценностям.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы: методические особенности изучения творчества Ши Гунняня в контексте патриотического воспитания студентов творческих вузов Китая представляют собой интересную научную задачу. Предложенный подход, основанный на интеграции историко-культурного анализа, изучения музыкального языка и национального колорита, а также критического осмысления патриотической направленности произведений, позволяет сформировать у студентов глубокое понимание творчества композитора и его роли в культурном пространстве страны.

На наш, систематическое применение разработанных методических положений, включающее в себя анализ исторических событий, выявление элементов китайской народной музыки и критическое осмысление идеологического содержания, способствует эффективному формированию у студентов осознанной гражданской позиции и чувства национальной гордости.

В итоге можно констатировать, что процесс совершенствования методических подходов к изучению творчества Ши Гунняня в контексте патриотического воспитания должен быть непрерывным и адаптивным. Необходимо учитывать изменяющиеся социокультурные условия и применять современные образовательные технологии для поддержания актуальности и эффективности учебного процесса. Результаты проведенного анализа и представленные методические рекомендации могут служить основой для дальнейших исследований и разработки инновационных программ в области музыкального образования и патриотического воспитания в высших учебных заведениях Китая. Ориентация на исторический контекст и критический анализ идеологических аспектов, позволяют формировать у студентов знания, а также навыки критического мышления, необходимые для осознанного восприятия и оценки культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад Си Цзиньпина на XIX съезде КПК. URL: https://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 15.10.2025).
2. Туфлейкина Н.А., Лопатин Е.А., Крючков В.В., Рабазанов С.И., Лаврентьева И.В. Опыт патриотического воспитания в Китайской Народной Республике // Человеческий капитал. – 2021. – № 2. – С. 11–18.
3. У М. Историко-социальный контекст создания вокального цикла Ши Гуаннаня «Стихи героев революции»: к вопросу о культурных параллелизмах // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. – 2022. – № 1 (63). – С. 30–37.
4. У М. Композитор Ши Гуаннань: к постановке проблемы биографических исследований в китайском музыковедении // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. – 2020. – № 4 (58). – С. 69–75.
5. Хань С. Культурно-воспитательное значение музыки ши гуаннань в контексте современного вокального образования в Китае // Международный жур-

нал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 2–1 (101). – С. 65–69.
6. Хо Ц. Патриотические и военные песни в Китае XX столетия // Вестник музыкальной науки. – 2023. – № 1. – С. 176–185.
7. Чжан Ч., Самсонова, Т.П. Вокальные произведения Ши Гуаннаня как источник развития профессиональных компетенций будущих исполнителей // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 11. – С. 110–116.
8. Чжан Ч., Смагина, Е.В. «Скорбь об ушедшей» Ши Гуаннаня: художественная концепция оперы в контексте национальных и европейских культурных традиций // Культурная жизнь Юга России. – 2024. – № 1 (92). – С. 120–132.
9. Чэнь Ю., Папенина А.Н. Вокальная культура Китая: к вопросу траектории исторического развития // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 8–2 (83). – С. 45–50.
10. Bessarabova I.S., Tse Liu. Development of the idea of patriotic education of students through school songs in China // Research Result Pedagogy and Psychology of Education. – 2022. – № 8(3). – pp. 83-93.
11. Khromova T.U., Filipovich L.F. About the patriotic education of students // Professional Education in Russia and Abroad. – 2025. – № 8. – pp. 56-78.
12. Xin-Yue, Xieln-Ho Lee. A Comparative Study of Korean and Chinese Art Songs: Focusing on the Works of Composers Lee Soo-in and Shi Guangnan // The Korean Society of Human and Nature. – 2025. – № 6(2). – pp. 195-222.

© Хань Сюэтин, Назарова Елена Олеговна (1850209697@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.50

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ МАГИСТРОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ В УНИВЕРСИТЕТАХ СИНЬЦЗЯНА

A STUDY OF THE DIGITAL LITERACY LEVEL OF INTERNATIONAL CHINESE LANGUAGE TEACHERS AT XINJIANG UNIVERSITIES

Yan Li
Zheng Xianlang

Summary: Xinjiang serves as an important platform for training Master's students in international Chinese language teaching, contributing to the promotion of education under the Belt and Road Initiative. A study of five aspects of digital literacy among students revealed that their overall level is quite high, with the best performance in terms of security and ethics, and the weakest performance in terms of digital thinking. Gender, education, economic status, and digital experience have a significant impact. Based on the analysis, measures have been proposed to enhance the digital competencies of students.

Keywords: digital literacy, universities in Xinjiang, Master of International Chinese Language Teaching.

Янь Ли
Доцент, Институт международного культурного обмена Синьцзянского педагогического университета
29237342@qq.com
Чжэн Сяньлан
Аспирант, Институт международного культурного обмена Синьцзянского педагогического университета
1057199011@qq.com

Аннотация: Синьцзян служит важной платформой для подготовки магистров международного преподавания китайского языка, способствуя продвижению образования в рамках инициативы «Пояс и путь». Исследование пяти аспектов цифровой грамотности среди студентов показало, что их общий уровень довольно высок: лучшие показатели отмечены по безопасности и этике, а слабейшие — по цифровому мышлению. Существенное влияние оказывают гендер, образование, экономический статус и опыт пользования цифровыми средствами. На основе анализа предложены меры по развитию цифровых компетенций студентов.

Ключевые слова: цифровая грамотность, университеты Синьцзяна, Магистр международного обучение китайскому языку.

Контекст исследования

Влияние цифровых преобразований охватывает все стороны современной жизни, способствуя совершенствованию экономических процессов, социальной сферы и повседневного комфорта. Одним из важнейших факторов становится развитие цифровых компетенций, существенно определяющее долгосрочную устойчивость страны и её позиции на международной арене. В университетской среде значимую роль приобретают магистранты, осваивающие китайский язык для международного преподавания, ведь их цифровые навыки непосредственно отражаются на конкурентоспособности китайской образовательной системы.

Обзор исследований

Цифровая грамотность — это многомерная, комплексная концепция, которая выходит далеко за рамки простого освоения и использования цифровых инструментов или технологий. С тех пор, как Пол Гилстер в 1997 году определил цифровую грамотность как «способность понимать и получать информацию из различных цифровых ресурсов», она постепенно обогатилась[1]. В 2004 году Йорам Эшет-Алкалай отметил, что цифровая грамотность охватывает не только технические, но и когнитивные, двигательные, социальные и эмоциональные компоненты[2] С того времени учёные и организации предлагали разные профессиональные трактовки цифровой грамотности. В 2006 году Мартин А. и Грудзиецкий Дж. определили её как осознание, отношение и умение применять цифровые технологии, осуществлять управление ресурсами, создавать знания, коммуницировать и инициировать социальную активность в различных ситуациях[3] ; В том же году Сяо Цзюньхун отметил, что цифровая грамотность включает не только технические, но и когнитивные, эмоциональные, социальные и педагогические навыки[4]. Постепенно исследования цифровой

1 Paul Gilster. Digital literacy // New York: Wiley Computer Pub. 1997. C.1-2.

2 Eshet Y. Digital Literacy. A Conceptual Framework for Survival Skills in the Digital Age // Journal of Educational Multimedia and Hypermedia. 2004. №1. pp. 93-106.

3 Martin A, Grudziecki J. DigEuLit. Concepts and Tools for Digital Literacy Development // Innovation in Teaching and Learning in Information and Computer Sciences. 2006. №4. pp. 249-267.

4 Сяо Цзюньхун. Цифровая грамотность // Distance Education In China 2006. №5. С. 32-33.

грамотности становились всё более глубокими. В 2013 году Объединённый исследовательский центр Европейской комиссии рассматривал цифровую грамотность как совокупность уверенности, критического мышления и инновационности при использовании ИКТ для достижения профессиональных, образовательных, личных и социальных целей[5]. В 2017 году Американская библиотечная ассоциация подчеркнула центральную роль познания, утверждая, что цифровая грамотность — это способность находить, оценивать, создавать и обмениваться информацией в сочетании с познанием и навыками[6]. В 2018 году Британский объединённый совет по информационным системам подчеркнул, что владение цифровыми навыками необходимо для полноценной жизни и работы в современном цифровом мире. В начале 2020-х Центральное управление по кибербезопасности и информатизации уточнило, что эти навыки охватывают доступ к цифровым ресурсам, создание контента, вопросы безопасности и этические стандарты. [DONE][7]

В 2022 году Мэтт Макгуайр прорвался через рамки «качества» традиционных «способностей» и предположил, что цифровая грамотность — это гармоничное состояние слияния цифровых навыков, позитивного отношения и хорошего поведения[8].

В условиях стремительного развития ИТ и цифровизации образования международное обучение китайскому языку выдвигает повышенные требования к цифровой компетентности будущих преподавателей. Развитие этих навыков становится важным фактором качества подготовки специалистов. Исследование Ян Чэн и коллег, выполненное с помощью комбинированного анализа среди магистрантов ста крупнейших вузов, выявило неоднородность уровня цифровой грамотности, слабость в сфере цифрового обучения и внедрения инноваций, а также тесную связь цифровых умений с учебным опытом[9] . Фан Цифань и Сюй Цзюань подробно разработали систему оценки цифровой грамотности для магистров и преподавателей международного обучения китайскому языку, включающую 5 основных и 19 уточняющих критериев, что позволяет научно оценивать компетентность, профессиональный рост и стимулирует цифровые инновации в педагогике[10]. В исследовании создана система оценки цифровой грамотности для преподавателей китайского языка с опорой на стандарты ЮНЕСКО и отечественные рекомендации. На основе анализа магистрантов из вузов Синьцзяна выявлены различия в уровне цифровых умений и предложены меры для их повышения.

Дизайн исследования

Объект исследования

В исследовании с использованием онлайн-опроса через Wenjuanxing (WeChat) было разослано 100 анкет, все участники на них ответили. После исключения недействительных опросных листов для анализа были использованы 92 анкеты, что составило 92% от общего числа. В итоговой выборке приняли участие 33 мужчины (35,9%) и 59 женщин (64,1%). (Таб. 1.)

Большинство опрошенных (44,6%) имели опыт работы с цифровыми ресурсами от одного до трех лет, 29,4% — менее года, 14,1% — от трех до пяти лет, 9,8% — более пяти лет и только 2,2% никогда не пользовались такими инструментами. Основную часть выборки составляли лица с образованием уровня бакалавра — 87 человек (94,6%), а также присутствовали специалисты и магистры/аспиранты. По месту проживания были представлены восточные (34,8%), центральные (28,3%) и западные (37%) регионы. В отношении материального положения большинство оценили его как среднее (57,6%), остальные указали на хорошее (29,3%), плохое (8,7%) или отличное (4,4%) финансовое обеспечение семьи.

Инструменты исследования

В исследовании применялся опросник, ориентированный на цифровую грамотность магистрантов по международному обучению китайскому языку в вузах Синьцзяна, включающий две части. Первая часть анализирует текущее положение по пяти направлениям: использование цифровых навыков, цифровое мышление, взаимодействие в цифровой среде, информационная безопасность и этика, а также обучение на протяжении всей жизни. Использовалась шкала Ликерта от 1 до 5, где высокий балл отражает более развитую цифровую компетентность. Вторая часть охватывала демографические данные по семи показателям, среди которых — гендер, учебная специальность, уровень образования, социаль-

5 Ferrari , A. , DIGCOMP. A Framework for Developing and Understanding Digital Competence in Europe // Luxembourg: Publications Office of the European Union. 2013. pp. 15 — 32.

6 ALA. Digital Literacy, URL: https://грамотность. Ала. org/цифровая грамотность. (дата обращения:).

7 Канцелярия Центральной комиссии по киберпространству: План действий по повышению цифровой грамотности и навыков всех граждан URL: http://www. cac. Правительство. cn/2021–11/05/c_1637708867754305. htm. (дата обращения).

8 McGuire M. Empowering Digital Learners to Create a Brighter Future. 2022.

9 Yang C, Wu J, Geng J. Evaluating Digital Competence in Graduate-Level Chinese International Education Programs: A Dual Perspective on Teacher Needs and Training Models // Journal of Education and Learning. 2024. №5. pp. 21-33.

10 Фан Цзифань, Сюй Цзюань. Исследование по созданию системы индексов цифровой грамотности для иностранных преподавателей китайского языка // Journal of Tianjin Normal University (Social Science). 2023. №6. С. 25–33.

Таблица 1.

Анализ исследования.

Измерения	вариант	Частота	В процентах (%)
пол	Мужчины	33	35.87
	Женщина	59	64.13
класс	Выпуск 2021 года	10	10.87
	Выпуск 2022 года	24	26.09
	Выпуск 2023 года	41	44.57
	Выпуск 2024 года	15	16.30
	Другие	2	2.17
специальность	Обучение китайскому языку носителей других языков	57	61.96
	Лингвистика, прикладная лингвистика, китайский язык и литература	11	11.96
	иностранные языки	18	19.56
	Другие специальности	6	6.52
Время использования цифровых ресурсов	Никогда не было	2	2.17
	Менее одного года	27	29.35
	1–3 года	41	44.57
	3–5 лет	13	14.13
	Более пяти лет	9	9.78
Высший уровень образования	специалист	2	2.17
	бакалавр	87	94.57
	магистр или аспирант	3	3.26
Местоположение дома	Восточный регион	32	34.78
	Центральный регион	26	28.26
	Западный регион	34	36.96
Экономическое положение семьи	Плохое	8	8.70
	Среднее	53	57.60
	Хорошее	27	29.35
	Отличное	4	4.35

но-экономический статус и опыт работы с цифровыми ресурсами. Для анализа информации были задействованы методы описательной и выводящей статистики с использованием программного обеспечения SPSS27.0.

Анализ надежности и эффективности

Анализ надежности

В ходе исследования надежность шкалы, используемой для оценки цифровой грамотности магистрантов, обучающихся китайскому языку в университетах Синьцзяна, была подтверждена с помощью пакета SPSS 27. Значения коэффициента альфа Кронбаха по всем разделам и для анкеты в целом оказались выше 0,7, что свидетельствует о высокой внутренней согласованности и даёт основания утверждать, что шкала позволяет объективно измерять цифровые компетенции данной группы обучающихся.

Анализ эффективности

Для проверки пригодности анкеты к факторному анализу были использованы коэффициент KMO и тест сферичности Бартлетта. Значение KMO оказалось равным 0,858, что существенно превышает базовое требование в 0,7 и отражает высокую согласованность данных для анализа. Тест Бартлетта также показал статистическую значимость (χ^2 = 951,067; df = 231; p = 0,000), что подтверждает наличие значимых корреляций между показателями. Таким образом, полученные данные свидетельствуют о высокой структурной валидности выбранного инструмента и его пригодности для дальнейших статистических процедур.

Результат исследования

Анализ общего уровня цифровой грамотности

В ходе исследования, охватившего 92 магистранта, была проведена статистическая оценка уровня цифровой грамотности среди обучающихся международному преподаванию китайского языка в университетах Синьцзяна. Полученные результаты свидетельствуют о среднем уровне развития цифровых компетенций (M = 3,68). Более выраженные умения зафиксированы в сфере цифровой безопасности и этики (M = 4,04), тогда как навыки, связанные с цифровым мышлением и решением задач, находятся на сравнительно низком уровне (M = 3,42). Обнаружена тенденция к сформированности цифровой грамотности, однако внутренняя структура этой компетенции остаётся неоднородной.

Анализ различий в факторах, влияющих на уровень цифровой грамотности

Факторы полов

Согласно результатам исследования, у мужчин более высокие показатели в области владения цифровыми инструментами (M = 3,84 против 3,57) и взаимодействия в цифровой среде (M = 3,92 против 3,60), а также по суммарному уровню цифровой грамотности (M = 84,0 против 79,2; p <0,05) по сравнению с женщинами. При этом различия между полами по критериям цифрового мышления, решения задач, аспектам безопасности, этики и долговременного развития цифровой грамотности статистически не подтверждены.

Факторы класса

Проведённый анализ свидетельствует об отсутствии существенных различий в уровне цифровой грамотности между отдельными классами. Исключение составляет показатель цифрового мышления и навыков решения проблем, по которому у выпускников 2024 года зафиксированы статистически значимо более низкие результаты по сравнению с остальными группами (p <0,05). Для других измеряемых параметров, а также, по интегральной оценке, достоверных различий не выявлено.

Факторы экономического положения семьи

Анализ выявил, что повышение дохода семей напрямую связано с ростом цифровой компетентности участников исследования. Минимальные значения по всем оценочным критериям зарегистрированы у представителей с низким уровнем достатка, а максимальные – у тех, кто отметил отличное финансовое положение. Существенные различия обнаружены по направлениям применения цифровых инструментов, безопасности и этическим аспектам, формированию цифровых умений на протяжении жизни, а также, по общей оценке, (p <0,05–0,01). В целом материальное благополучие определяет возможности развития цифровых навыков.

Время использования цифровых ресурсов

Для выявления различий в цифровой грамотности между участниками с разным стажем использования цифровых технологий в исследовании был применён одномерный дисперсионный анализ. Были сформированы группы: не имеющие опыта, менее года, от одного до трёх лет, от трёх до пяти лет, а также более пяти лет использования цифровых ресурсов.

Анализ результатов показал, что чем дольше человек взаимодействует с цифровыми технологиями, тем выше его цифровая компетентность. Наименьший уровень наблюдается у тех, кто не имеет цифрового опыта, тогда как максимальные показатели фиксируются среди опрошенных со стажем 3–5 лет. Статистически значимые различия получены по компонентам обмена и сотрудничества в цифровой среде, вопросам безопасности и этики, а также по интегральному баллу цифровой грамотности (p <0,05–0,01). При этом после пятилетнего периода использования технологий в ряде аспектов отмечается небольшое снижение характеристик, что указывает на нелинейную динамику цифрового развития.

Выводы и рекомендации исследования

Выводы исследования

Проведённая апробация анкеты, предназначенной для оценки цифровой грамотности магистрантов, специализирующихся на международном преподавании китайского языка в университетах Синьцзяна, продемонстрировала высокую степень надёжности и валидности, что позволяет использовать её для объективного измерения соответствующих умений. Анализ результатов показал, что общий уровень цифровой грамотности студентов оценивается как выше среднего; наибольший прогресс наблюдается в области вопросов цифровой безопасности и соблюдения этических норм, а наименьший — в сфере навыков цифрового мышления и решения задач, что подчеркивает важность дальнейшего развития аналитических и прикладных способностей. Кроме того, установлено, что такие факторы, как пол, учебный курс, социально-экономический статус семьи и опыт взаимодействия с цифровыми технологиями, оказывают значимое влияние на показатели цифровой грамотности, что определяет перспективы дальнейших исследований в этом направлении.

Советы по исследованию

Развивать стремление к обучению на протяжении всей жизни и постоянно обновляйте свои цифровые знания

Студентам магистратуры, обучающимся международному преподаванию китайского языка в университетах Синьцзяна, необходимо рассматривать цифровую грамотность как важнейший навык для профессионального и образовательного роста. Владение современными цифровыми инструментами существенно повышает продуктивность работы с онлайн-материалами, а цифровые компетенции становятся объективным критерием при трудоустройстве в условиях цифровизации. Рост цифровых умений требует постоянного саморазвития, изучения новейших технологий, включая искусственный интеллект, анализ больших данных и виртуальную реальность, а также внимательного отношения к актуальным академическим публикациям и тенденциям отрасли.

Сосредоточение внимания на практическом применении и накопление опыта цифрового обучения

Для будущих преподавателей китайского языка важно не только осваивать цифровые технологии, но и интегрировать их в международную педагогическую практику, используя этот процесс для развития собственных цифровых компетенций. Применение мультимедийных ресурсов и специализированных онлайн-платформ позволяет разнообразить учебные программы, сделать занятия более наглядными и интересными, а также повысить мотивацию обучающихся. Виртуальные образовательные среды снимают ограничения традиционного обучения и предоставляют возможности для глубокого языкового погружения. Постоянная работа с цифровыми инструментами способствует расширению профессионального опыта и обеспечивает рост цифровой грамотности магистрантов.

Совершенствование учебной программы и создание системы развития цифровой грамотности

Для повышения эффективности обучения магистрантов международному преподаванию китайского языка в вузах Синьцзяна рекомендуется уделить особое внимание развитию цифровых компетенций, усилив соответствующие курсы и выстраивая учебный процесс как целостную и многослойную систему. Интеграция цифровых навыков в образовательные цели и профессиональные задачи программы способствует всестороннему развитию будущих специалистов. Универсальные дисциплины, наряду со специальными, обеспечивают базис цифровой подготовки, а организация контроля и итоговой оценки гарантирует овладение ключевыми инструментами и создание прочной базы для последующего профессионального роста.

Усиление подготовки преподавателей и повышение их способности к цифровому обучению

В систему формирования цифровой грамотности магистрантов в университетах Китая особое значение имеет профессиональное влияние научных руководителей. Цифровые умения и подходы наставников оказывают непосредственное воздействие на формирование цифровых установок и навыков у студентов, способствуя развитию их компетентности в этой сфере. С целью повышения эффективности обучения университеты Синьцзяна должны внедрять регулярные программы повышения квалификации для преподавателей, проводить целевые курсы по освоению цифровых технологий и включать оценку цифровых навыков в систему профессиональной аттестации сотрудников. Эти меры поддерживают постоянное профессиональное развитие наставников и гарантируют высокий уровень сопровождения магистрантов в процессе их цифрового становления.

Углубление сотрудничества между университетами и предприятиями, предоставление шансов стажировок и трудоустройства

Развитие партнерских отношений между вузами Синьцзяна и организациями, работающими в сфере международного преподавания китайского языка, направлено на создание практических площадок для подготовки специалистов. Такой подход обеспечивает магистрантам возможность участия во всех этапах цифровых проектов, способствует эффективному объединению теоретических знаний и практического опыта, а также укрепляет цифровые компетенции. Интеграция образовательного процесса с последующим трудоустройством, например, через систему «классов заказов», позволяет университетам и работодателям совместно разрабатывать учебные программы, максимально соответствующие актуальным запросам профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Paul Gilster. Digital literacy // New York: Wiley Computer Pub. 1997. С.1-2.
2. Eshet Y. Digital Literacy. A Conceptual Framework for Survival Skills in the Digital Age // Journal of Educational Multimedia and Hypermedia. 2004. №1. pp. 93-106.

3. Martin A Grudziecki J. DigEuLit. Concepts and Tools for Digital Literacy Development // Innovation in Teaching and Learning in Information and Computer Sciences. 2006. №4. pp. 249-267.
4. Сяо Цзюньхун. Цифровая грамотность // Distance Education In China 2006. №5. С. 32-33.
5. Ferrari A. , DIGCOMP. A Framework for Developing and Understanding Digital Competence in Europe // Luxembourg: Publications Office of the European Union. 2013. pp. 15 — 32.
6. ALA. Digital Literacy, URL: https://грамотность. Ала. org/цифровая грамотность. (дата обращения:).
7. JISC. What is Digital Capability? URL: https:// digitalcapability. jisc. ac. uk /what — is — digital — capability. (дата обращения:).
8. Канцелярия Центральной комиссии по киберпространству: План действий по повышению цифровой грамотности и навыков всех граждан URL: http:// www. cac. Правительство. cn/2021–11/05/c_1637708867754305. htm. (дата обращения:).
9. McGuire M. Empowering Digital Learners to Create a Brighter Future. 2022.
10. Yang C, Wu J, Geng J. Evaluating Digital Competence in Graduate-Level Chinese International Education Programs: A Dual Perspective on Teacher Needs and Training Models // Journal of Education and Learning. 2024. №5. pp. 21-33.
11. Фан Цзифань, Сюй Цзюань. Исследование по созданию системы индексов цифровой грамотности для иностранных преподавателей китайского языка // Journal of Tianjin Normal University (Social Science). 2023. №6. С. 25-33.

© Янь Ли (29237342@qq.com), Чжэн Сяньлан (1057199011@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.06

СМЫСЛОВЫЕ ДОМИНАНТЫ И ПОЭТИКА ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА Н.Л. ТРАУБЕРГ «ВЕНОК СОНЕТОВ»

SEMANTIC DOMINANTS AND POETICS OF N.L. TRAUBERG'S LYRICAL CYCLE "A WREATH OF SONNETS"

T. Bogatyreva

Summary: The author of the article analyzes two parts of N.L. Trauberg's lyric cycle "A Wreath of Sonnets", written in free verse: "Explaining Sonnets" and "Historical and Biographical Sonnets". An analysis of the poetics of these texts leads the author to identify a superplot within this lyric block, which can be described as "the intense expectation of a home by characters who wander through a homeless world inhabited by strangers and alien people". The structural dominant of the cycle turns out to be the antithesis "domestic – homeless". The image of home in the cycle belongs to the existential space, with sensory perceived phenomena serving as the conduit to this space. "Homelessness" is formless and devoid of any trace of eternity. The characteristics of "homelessness" are "anti family", "anti feast" and "anti art". An important characteristic of "home" is "childlikeness" as the embodiment of a merciful heart and nobility. For Trauberg's characters, the main character of Frances Eliza Hodgson Burnett's book "Little Lord Fauntleroy" serves as the model of these qualities.

Keywords: lyrical cycle, N.L. Trauberg, wreath of sonnets, artistic space, antithesis.

Богатырева Татьяна Борисовна
кандидат филологических наук, доцент, Тульский государственный университет, (г. Тула)
tatiana_rudomazina@mail.ru

Аннотация: Автор статьи анализирует две части из написанного верлибром лирического цикла Н.Л. Трауберг «Венок сонетов»: «Объясняющие сонеты» и «Историко-биографические сонеты». Анализ поэтики соответствующих текстов приводит автора к выявлению в этом лирическом блоке сверхсюжета, который можно представить как «напряженное ожидание собственного дома героями, которые скитаются в бесприютном мире, населенном чужими и чуждыми людьми». Структурной доминантой цикла оказывается антитеза «домашний – бесприютный». Образ дома в цикле принадлежит бытийному пространству, проводником в которое становятся чувственно воспринимаемые феномены. «Бесприютность» бесформенна и лишена отблеска вечности. Характеристики «бесприютности» – «антисемья», «антипир» и «антискусство». Важной характеристикой «дома» является «детскость» как воплощение милостивого сердца и благородства, образцом которых для героев Н.Л. Труберг выступает главный герой книги Фрэнсис Бернетт «Маленький лорд Фаунтлерой».

Ключевые слова: лирический цикл, Н.Л. Трауберг, венок сонетов, художественное пространство, антитеза.

В статье речь пойдет о двух заключительных частях четырехчастного «Венка сонетов» Н.Л. Трауберг – «Объясняющих сонетах», написанных от лица матушки, центрального персонажа первых двух частей, Натальи Чепайтене, и «Историко-биографических сонетах», написанных от лица дочери, Марии-Пранцишки Чепайтите. Две первые части, написанные от лица сына Томаса Тристрамаса Чепайтиса, мы разобрали в статье ««Венок сонетов» Н.Л. Трауберг: к вопросу о поэтике и интерпретации» [1]. Там же мы комментировали нулевой сонет, выполняющий функции магистрального для всего цикла, а значит, и для анализируемых в этой статье его частях. В этой статье мы проанализируем смысловые доминанты, структуру и поэтику последних двух частей цикла и постараемся обнаружить объединяющий их сверхсюжет.

Интересующие нас «Объясняющие сонеты» состоят из трех текстов. Каждый из них начинается строкой из магистрального сонета: «Можно жить в коммунальной квартире или на небольшой подмосковной станции // С другой стороны, можно жить в комфортабельной хозяйкиной квартире // И, наконец, можно дождаться помощи» [2, С. 4]. Содержание каждой из этих строф будто разворачивается в триптихе «Обобщающие сонеты», в котором бытие героев, жаждущих домашнего уюта и бережного отношения человека к человеку, противопоставлено безликому и бесприютному быту, где ценится напористость и не принято жалеть. В первом сонете триптиха «Свифтический» [3, С. 14] художественное пространство организовано двумя горизонталям: земной – «холинские улицы», и небесной – «честертоновское небо». И.С. Холин – поэт, его стихи Н.Л. Трауберг определяла как «барачный реализм», которого ей «хватало в самой жизни» [4, С. 35]. Фигура Г.К. Честертона для Н.Л. Трауберг, как известно, знаковая. Любимый писатель ее отца, Честертон стал любимым автором самой Н.Л. Трауберг: «Мы тогда по-настоящему полюбили Честертона, но совершенно не понимали, что он христианский писатель...» [5, С. 36], – вспоминает Н.Л. Трауберг о своей юности. Уважение к человеческому достоинству, гуманизм в его высоком, христианском, смысле – это и есть то небо, которое противопоставлено приземленным «холинским улицам». Есть улицы и Небо, но нет дома. Вместо него – коммунальная квартира.

«Холинские улицы» продолжают тематику «Предродовых сонетов» из первой части «Венка сонетов». Так, анализируемому «Свифтическому» сонету соответствует сонет «В духе современной салонной поэзии» [6, С. 6]: их объединяет «сатирический» пафос и образная система. «Лиловые штаны», «мутные ляжки», «пропотевшие платья» – это характеристика, которую дает обывателю (посетительницы женской консультации) еще не родившийся малыш, от чьего лица написан текст «В духе современной салонной поэзии». «Носить детские прюнелевые туфли, косынки, ватнички, валенки, // Казалось бы – то же, что они!» – это характеристика, которую дает своим антагонистам матушка в «Свифтическом» сонете. Антипатия к ним матушки и малыша вызвана, конечно, не антиэстетчностью (впрочем, она унизительна) их внешнего вида, а их забвением о Небе, их высокомерием, которое идет в разрез с христианской идеей самоумаления. В сонете «В духе современной салонной поэзии» те самые «они» «недоверчиво поджимали губы, не отвечали, презрительно хмыкали», «отрицали капли воды на салатных листьях», «отрицали жалость, высокое счастье поста, дрожащий от чуда воздух». Их видит малыш из утробы, он признается, что за их неправоту жалеет их, за них молится. Потому что малыш – воплощение христианского смирения. В «Свифтическом» сонете во взаимоотношения с ними вступает матушка, которая разделяет с ними скудость быта и готова даже и к юродству («Вообще, надо бы лису и шляпу с резинкой от штанов»). В таком юродстве нет ничего от смирения, а даже наоборот – вызов, что, впрочем, матушка сама и замечает.

Жизни «холинских улиц» матушка противопоставляет умение сохранить «дар удивления» и стремление не осуждать ближних. Однако в этом сонете, недаром он «Свифтический», неприятие филистеров чувствуется острее, чем в сонете «В духе современной салонной поэзии». Малыш будто более терпим. Мы объяснили бы это тем, что матушка вынуждена вступать в тесный контакт с теми, кто отрицает жалость и дрожащий от чуда воздух (ну и малыш в утробе ближе к христианской чистоте): приходится отстаивать себя и «Отвергать молодых и мордатых родственников хозяйки, которых обещали познакомить».

В «Венке сонетов» встречается образ библейского пира, который весь цвет и свет. В «Акмеистическом сонете» [7, С. 5] (из «Предродовых сонетов») этот библейский пир выражен в «темно-кофейных» чашечках с кофе и «темно-золотисто-чайных, довольно прозрачных» чашечках с чаем. В «Татическом» [8, С. 16] сонете из анализируемой части он выражен в образах «чистого, густого, мандельштамовского меда», «белого овального сыра», «круглых овощей», «ягод, фруктов», они «карминовые, лимонные, охряные и нежно-оранжевые…» Это описание домашнего, не коммунального, быта. Этот библейский пир – радость бытия, торжество Любви, семейной близости и искусства. В «Свифтическом» сонете мы видим антипир, антисемью и даже в некотором, субъективном, смысле антиискусство (образ «мордатых родственников» соотносится с образом «мордатых последователей Хемингуэя» из следующего за «Свифтическим» сонетом, который называется «Свифтический же, но и какой-то другой» [9, С. 15]; нам известно, что Н.Л. Трауберг не любила произведения популярного тогда Хемингуэя). Антисемья – навязанные знакомства в коммунальной квартире, антипир – это «Пить у соседей крепленное вино, есть порошковый кисель, консервы повреднее – // Только бы без витаминов и привкус оставался попротивней». Ни цвета, ни поэзии, ни семейной близости. Еще один гастрономический образ в «Свифтическом» сонете – «мелкая макаронная пыль», бесцветная и бесплотная. В сонете «В духе современной салонной поэзии» подобный образ уже появлялся: «простывшие макароны, вылавливаемые из мутной воды». И снова отсутствие цвета, аромата, осязательности. Холодный и мутный казенный мир, где нет своего. И нет человека как единицы, некому испытывать удивление и жалость.

В последней строфе «Свифтического» сонета героиня риторическим вопросом взмывает в честертоновское небо живительной правды и высокой культуры: «Может ли блаженная свобода абсолютной порядочности, // Фаунтлеройская верность друзей, акмеистическая весомость слов на белой, как воздух, странице, // Прорвать серую пленку или хотя бы поддерживать жизнь?». Перед нами «каталог ценностей» лирической героини: порядочность, идеалистическая дружба, которая не приемлет эгоизма, и словА. Аллюзией на любимые Н.Л. Трауберг детские книги Фрэнсис Бернетт, в частности, на роман «Маленький лорд Фаунтлерой», автор сонета возвращает нас к евангельскому призыву «будьте как дети» (Мф. 18:3). Искренность доверия, чистое сердце, жалость к ближнему – этого лишен казенный мир, с которым вступает во взаимодействие мир лирической героини. Первая и последняя строфа начинаются схоже: «Можно жить в коммунальной квартире или на большой подмосковной станции» и «Может ли блаженная свобода абсолютной порядочности». Но в первом случае строфа заканчивается утверждением: в казенном мире можно жить и можно даже «жалеть у ворот больницы оплывших и выжженных баб», хотя ему жалость несвойственна. Последняя же строфа оканчивается вопросительным знаком. Он выражает сомнение в том, что «весомое» слово, любовь к ближнему и порядочность одолеют напористость и инерцию равнодушия. Но он же выражает надежду, что именно троица названных добродетелей сможет хотя бы «поддерживать жизнь», если уж не «прорвать серую пленку», препятствующую свободному дыханию истинной жизни.

Название второго текста анализируемого триптиха указывает на тематическую связь с первым, «Свифтиче-

ским». Сонет называется «Свифтический же, но какой-то другой». Персонажи этого текста тоже противопоставлены матушке, хотя стоят они с ней на одной социально-культурной ступени. Коммунальной квартире из «Свифтического» сонета противопоставлена «комфортабельная хозяйкина квартира» сонета «Свифтического же…». Холинских улиц здесь нет, наоборот, здесь комфорт: «Долго мыться под шлангом пористыми, как мусс, губками чистых цветов». Одеты тут тоже изящнее: здесь не ватнички, валенки, косынки, – здесь «Доминовские дамы и налитые в черные платья нежнокожие нэпманши», и еще «благородные платья джерси». Вызовом убожеству в «Свифтическом» сонете могла стать лиса «и шляпа с резинкой от штанов». В «Свифтическом же…» сонете буржуазной эстетике героиня ничего не противопоставляет, выражая свое отношение к ней «сатирическим» (в соответствии с названием) «нэпманши». «Гастрономические» образы также отличаются: вместо «крепленого вина», «порошкового киселя» и «консервов повреднее» здесь соусы и сухие вина в ресторане, хотя все «такое же вредное».

Быт здесь «культурный»: здесь ходят на лекции по кибернетике и в косметический институт (и то, и то посещает Н.Л. Трауберг: в косметический институт ее отправляла мать, «недовольная ее внешностью», а лекции по кибернетике были модные, и Н.Л. Трауберг посещает их в начале 1960-х [10, С. 37]). И «домкиновские дамы» – это тоже из мира лирической героини (отец Н.Л. Трауберг «мог получить дефицитные билеты на просмотры в Центральном Доме кино» [11, С. 37]). И тем не менее это не ее мир.

Дело не в наличии или отсутствии душа, не в пользе или вреде соусов и сухого вина для физического здоровья. Дело не собственно в эстетике изысканных черных платьев или благородстве платьев джерси. Дело в «домашности» или ее отсутствии. Комфорт вместо уюта, ресторан вместо трапезы, сообщество вместо содружества. Перечисленным пространствам, яствам и нарядам противопоставлено «Пить кофе на чистой кафельной кухне, защищать друзей-голодранцев». Образ «кофе» напоминает нам «Акмеистический сонет» из первой части «Венка сонетов». В нем ощутимым и прекрасным домашний мир становился в том числе, «Когда наливали кофе, чашки становились темно-кофейные, // Тяжелые, маленькие, еще круглей и слишком красивые». А чистота кафельной кухни отсылает к финалу «Свифтического», где возникает надежда, что «акмеистическая весомость слов на белой, как воздух, странице», может «поддерживать жизнь». Вообще, рождается ассоциация белой бумаги и темных букв на ней: «Писать мистические фрагменты» (сонет «Свифтический же…») – это как раз третий компонент трехчастной синтагмы, где первая часть – пить кофе, вторая – защищать друзей-голодранцев. Если в «Свифтическом» сонете ключевой антитезой был «коммунальная квартира – Дом», то в «Свифтическом же…» сонете такой антитезой становится «блестящее / интеллектуальное сообщество – Дом». В «обществе» нет главного – Фаунтлероя: вторую строфу сонета завершает стих «[Домкиновские дамы] Задают вопросы, на которые, по кодексу Фаунтлероев, ответить нельзя». «Дом» – это «содружество», его составляют те, кому ценны идеалы человека с простым благородным и милующим сердцем, как герои детской повести Фрэнсис Бернетт. Завершается сонет «Свифтический же…» образом такси, которое увозит лирическую героиню от друзей. Но именно в такси появляется воздух, он «начинает дрожать кружочками». В «свифтических» сонетах, вообще, мало воздуха, в чужих мирах не дышится, в них лирическая героиня задыхается. Но движение задано, значит, воздух – хлынет.

«И наконец, можно дождаться помощи» – эта строка составляет первую, отдельную строфу «Татического» сонета, который завершает триптих. Последний текст – гимн жизни, обретение домашнего очага после долгих скитаний. Три строфы сонета изображают пространство уюта, внутреннее и внешнее пространства объединены и насыщенны чистым воздухом, цветом, светом, ароматами и радостными звуками. Даже обретаемый, этот мир – мечта, его характеризуют глаголы в будущем времени. В пространстве зазвучит даже тишина. Шнупс и Франя – дети образуют звучащее поле Дома: «Снисходительно и понимающе улыбнется Шнупс» и «Франя кротко задаст натурфилософические вопросы». Многозначность улыбки Шнупса наделяет тишину, так сказать, звуками. Отметим здесь, что Шнупс – это малыш, чьими глазами мы видели мир в первой части «Венка сонетов», он прозорливый и чувствительный: тех, кто «отрицает капли воды на салатных листьях», и утратил дар удивления, он не осуждал, он жалел их, потому неудивительно, что его улыбка и понимающая, и снисходительная. «Умные» детские улыбка и вопросы наполняют семейное пространство тем смыслом и теплом, которого не было ни в коммуналке, ни в комфортабельной квартире. Это пространство приобретает цвет, осязание и вкус и становится пространством пира: разноцветные ягоды здесь и порошковый кисель в коммуналке, овальный сыр здесь и макаронная пыль в продмагах. Главное – это пространство гармонии, мягкости и совершенства, его символом выступает круг (круглые цветы, овальный сыр, круглые овощи); оно не распадается на «холинские улицы» и «честертоновское небо», оно – идиллия (дом станет «реалией с детской картинки»). Пространство человека синхронизировано с пространством природы, эта мысль в сонете акцентирована синтаксическим параллелизмом: «Лимонный и бронзовый лес по дороге мимо Антоколя – из Честертона, // Елки, сосны за домом в снегу, пропеченные травы, ежи и плиты – из первого сонета Фране». И само пространство человека в этом сонете устроено вертикально. Приведем первый элемент из процитированного фрагмента, организованного синтаксическим

параллелизмом: «Мокрый букет березовых троицких веток – сад с белой страницы классика» (речь о Б.Л. Пастернаке [12, С. 38]). Лаконично, кротко, почти незаметно указана традиция Пятидесятницы, а значит, время и пространство «вырастают» в универсальное пространство христианской церкви.

Все это изобилие, считает героиня Н.Л. Трауберг, – «из склада подарков, неожиданных, которых не допросишься, слишком заслуженных, // Чем же?..». На вопрос ответа нет. Можем предположить: заслуженных терпением? ожиданием? Просить подарки – это так по-детски: наивно и капризно, но и чистосердечно, бесхитростно. Дерзновенно? Не желать сухого вина в ресторане или порошкового киселя как воплощения бесприютности и искусственной жизни, а желать настоящих ягод, воплощающих радость истинного бытия. Завершается сонет вопросами. Первый из них ставит под сомнение правомерность такого изобилия радости: «И можно ли, если этого нет у других?». Вторым вопросом героиня снова поводит разделительную черту между ее миром, и тем, другим: «А может, им и не нужно?». Если они не сохранили «дар удивления», одну из главных черт ребенка, или не высоко ценят «домашность», может, им, действительно не нужны все эти драгоценности, позволяющие жить своей простой частной жизнью, освещенной снисходительной и понимающей улыбкой старшего сына, совсем еще маленького?

Заключительная часть «Венка сонетов» «Историко-биографические сонеты» состоит из четырех текстов, написанных от лица дочери – Франи, и представляет собой последовательное импрессионистическое изложение истории семьи: первый «Сонет матушке» [13, С. 20] – история ее жизни, второй «Сонет батюшке» [14, С. 21] – история московской жизни батюшки, третий «Сонет Шнупсе» [15, С. 22] обращен к брату и рассказывает историю соединения матушки и батюшки. Финальный текст – «Сонет всей берлоге» [16, С. 23] – тихая ода «Алисиной норке, щелке других измерений», Литве, где семья обрела дом и возможность спокойной частой жизни. Но первая половина «Сонета всей берлоге» – о том, как все только устраивалось: это «берлога», но «еще без места». Импрессионистическое повествование о том, как все устраивалось, организовано маленьким «каталогом» пространств, среди которых только Литва и Вильнюс названы непосредственно, а остальные, «неуютность пушкинского дома» (московская квартира), «начало в рыльном огороде, в жаре» (дача в Заветах Ильича) названы перифрастически и определяются через мотив неуюта, например, неуютность московской квартиры названа «свистящей, как сарай», что напоминает «холинские улицы» из «Свифтического» сонета. Литва и Вильнюс названы определенно, потому что они точно есть, и жизнь в них точно есть, а остальное – морок, «серая пленка».

«Берлога», жизнь обретших друг друга матушки и батюшки стала пополняться теми пространствами и событиями (ссорами, «пингвинством» – беременностью, куклой Мадлошей, «теплым окном и зайцем после мягких сугробов»), которые составляют художественный мир цикла «Венок сонетов». В «Сонете всей берлоге» так и сказано: «Берлога… // … туго, как наши сонеты, стала набиваться разными вещами». Насыщенность предметами, намеренная «плотскость» которых особенно подчеркнута, – одно из самых выразительных свойств текстов из «Венка сонетов». «Живая» повседневность проступает в жизни его героев через «подсыхающие вильнюсские плиты», прозрачные чашки, окрашивающиеся в цвет напитка – чая или кофе, «лимонное и абрикосовое» маленькие полотенца («Акмеистический сонет»), через «белый лист бумаги», «приветливые глазуньи», «значительную индейку» (первый сонет Фране); через «декабрьский пунш» в «Философском сонете» и «овальный сыр», круглые овощи и разноцветные ягоды в «Татическом» сонете. Эта вещная предметность, наполняющая, казалось бы, горизонтальное пространство, – не про мещанский уют, а про отсвет Божественного бытия в повседневности. В «Дневниках» прот. Александр Шмеман писал: «Мое главное и постоянное ощущение — это ощущение жизни... Может быть, ближе всего к этому ощущению слово «удивление», восприятие каждого момента и каждого состояния как некоего дара (в отличие от «само собою разумеющегося», «самоочевидного»). Все всегда ново, все всегда не просто жизнь, а встреча с жизнью и потому как бы откровение… Этот дар, что это откровение требует внимания, ответа. Что жизнь, иными словами, есть постоянное «приятие» дара жизни…» [17, С. 520]. Из восприятия жизни как дара у героев «Венка сонетов» рождается ощущение «дрожащего от чуда воздуха» («В духе современной салонной поэзии»). Рядом с бытовыми предметами – часто предметы, соединяющие небо и землю, быт и бытие: «чрезвычайно прозрачные окна», важные сосны и чистый воздух в «Акмеистическом сонете»; чистое окно, медленные снежинки, белый лист бумаги (из первого сонета Фране) или «честертоновское небо» из «Свифтического» сонета, о котором мы писали в этой статье. Отношение к жизни здесь и сейчас как к чуду и отличает «берлогу» от их антиподов: те «отрицают капли дождя на салатных листьях». Не «не замечают», а отрицают. Так отрицают чудесное тот, кто верует, что, кроме материи, ничего и нет.

Итак, в «Сонете всей берлоге» прямо указана поэтическая черта цикла: он набит разными предметами. Отдельность каждого из них, осязаемость подчеркнута в «Сонете матушки»: эти предметы определены как «обособленные, весомые и лучшие предметы». И каких только предметов нет в этом сонете! Вся жизнь героини, вся ее биография до встречи с батюшкой – вереница удивительных предметов, максимально осязаемым: «Красные и золотые обложки детских книг за толстеньким стеклом краснодеревого, почти кубического шкафчика»; // Монеты в гли-

няных горшочках, два зимних платья: пледово-клетчатое, в трехмерном западном духе и серое – гретхенское – трикотажное в белых, крестиком снежинках». А также домики Фотанки, «Пиво, Карсавин, Новалис, чистые цвета Средних веков» и т.п. Этому осязаемому, ясному миру противопоставлена «серая паутинная пленка, резиновая логика травли» (речь о травле отца Н.Л. Трауберг как космополита). Образ «серой пленки» мы встречали в «Свифтическом» сонете, она препятствует проникновению бытийного света в повседневность, и прорвать ее, среди прочего, может как раз «акмеистическая весомость слов на белой, как воздух, странице», т.е. синтез фактурного и невесомого. Образ «резиновой логики травли» также отсылает нас к «Свифтическому» сонету, к тому его фрагменту, в котором героиня все же удерживается от «лисы, шляпы и резинки от штанов» как от желаемого протеста против мертвенной действительности.

«Историко-биографические сонеты» резко отличаются от «Объясняющих сонетов» этой густой насыщенностью осязаемыми предметами, которыми из трех «Объясняющих сонетов» наполнен только один, последний, в нем, напомним, герои дождались помощи и обрели свой быт. Отличительной чертой последней части цикла оказывается то, что насыщен осязаемыми предметами только мир матушки. Даже из «Сонета батюшке» о нем мы узнаем только то, что он «ехал в Москву, справедливо уверенный в поддержке гномов» (поэтическое именование нематериального мира, Промысла), встречаем пару его приятелей («кроткий и темный перс, розово-золотистый пуховый литовец // И метерлиновская, как струя воды, чрезвычайно эльфическая (но не гномическая!)» героиня будущих мемуаров»). Мы видим, что, хотя описаны они через выразительную детализацию, она не конкретна. Образ матушки же, как и в предыдущем сонете, создан через предметность: «А растрепанная, желто-серая, как порошок в обертке, матушка // Шлепала плоскими галошками, шуршала ситцевым кринолином…». Вещным представлен матушкин мир и в третьем тексте, «Сонете Шнупсе»: аисты, лопух, черепицы и плитяные тротуары – таков матушкин Вильнюс, для нее похожий на сказки Андерсена [18, С. 47]. Мир радости ощутим и конкретен и тем не похож на «бесформенную трухлявую относительность».

До обретения «берлоги» батюшка живет верой в Промысл, матушка – как лекарственный порошок (аллитерация на «ш» выделяет эти стихи на фоне остального текста, акцентирует внимание на мире героини), «рассыпана», «разобрана». Сейчас ее цвет «желто-серый», он коррелирует с «темно-желтым коммунальном светом», в котором «дрожало, как будто схватился за провод». Напряженное предчувствие, наэлектризованный воздух («Темной зимой… поле дрожало от напряжения»), – настроение «Сонета батюшке», который начинается и завершается упоминанием двух городов: в первом стихе «Ты, батюшка ехал в Москву», в последнем – «Готовились к концу июня, к приезду матушки из Киева». Лексический повтор «дрожало» заставляет вернуться к сонету «В духе современной салонной поэзии», где миру героини принадлежит ощущение «дрожащего от чуда воздуха». Также от напряжения в ожидании значительной встречи дрожит «поле» в «Сонете батюшке». Горизонталь в этом сонете организована направленными друг к друг векторами движения матушки (из Киева) и батюшки (в Москву). Соединение матушки и батюшки преодолеет горизонталь быта, выстроится вертикаль бытия, светом которого озарится быт «берлоги».

Вернемся к завершающему «Венок сонетов» «Сонету всей берлоге». В нем две из четырех строф посвящены Шнупсе, старшему сыну, тому малышу, который в первой части «Венка сонетов» знакомил нас с удивительным миром своей семьи и тем, что этому миру противостояло. Третья строфа, содержащая элементы портрета Шнупсы, заканчивается триадой «… рыцарство, юмор, тонкость», и вместе с заключающей четвертую строфу триадой «… сочетание // мудрости, красоты и благородства» они характеризуют старшего сына, мальчика, который когда-то, только родившись, так удивился высокомерию и равнодушию многих из этого мира, полного нежности и чудес (см., например, «Сонет про роды»), мальчика с огромным сердцем, так похожего на маленького лорда Фаунтлероя.

Таким образом, сверхсюжет третьей и четвертой частей «Венка сонетов» можно представить как «напряженное ожидание собственного дома героями, которые скитаются в бесприютном мире, населенном чужими людьми». Во-первых, эти люди составляют «антисемью» (навязанные знакомства в коммунальной квартире в «Свифтическом сонете», знакомые из мира кино и науки из сонета «Свифтического же…»). Во-вторых, их быт – это «антипир» (например, «порошковый кисель» и «сухие вина» из ресторанов против домашней трапезы, библейского пира из сонета «Татический»), это комфорт, но не уют. В-третьих, им либо не свойственна любовь к искусству, либо свойственна любовь к «антиискусству» (потерянность Хемингуэя против детских книг Фрэнсис Бернетт о добром маленьком лорде Фаунтлерое). Но главное, этот мир «протянут» по горизонтали, поэтому в нем нет воздуха, о чем говорит образ «серой пленки», как будто препятствующий поступлению света и тепла из вечности в посюсторонний мир. «Воздуха» много в мире героев «Венка сонетов», в нем всегда проступает «плоть» бытовых предметов: чашек, черепицы, платьев, аистов и т.п. Они – осязаемы и красивы, явственно присутствуют здесь, а не как «макаронная пыль», которая то ли есть, то ли нет… Герои «Венка сонетов» отличаются от своих антиподов именно острой потребностью «дышать бытием». Движение матушки и батюшки к друг другу (по горизонтали) и соединение их преодолеет горизонталь быта, выстроится вертикаль бытия, светом которого осветится быт семьи, где будет и пир, и милосердие, и искусство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырева Т.Б. «Венок сонетов» Н.Л. Трауберг: к вопросу о поэтике и интерпретации».
2. Трауберг Н.Л. Домашние тетради. Тетрадь первая: Венок сонетов. – СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. – 32 с. – ил.
3. Трауберг Н.Л. Домашние тетради. Тетрадь первая: Венок сонетов. – СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. – 32 с. – ил.
4. Чепайтите. М. Домашние тетради. Тетрадь седьмая: Комментарии. – СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. – 180 с. – ил.
5. Чепайтите. М. Домашние тетради. Тетрадь седьмая: Комментарии. – СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. – 180 с. – ил.
6. Трауберг Н.Л. Домашние тетради. Тетрадь первая: Венок сонетов. – СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. – 32 с. – ил.
7. Трауберг Н.Л. Домашние тетради. Тетрадь первая: Венок сонетов. – СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. – 32 с. – ил.
8. Трауберг Н.Л. Домашние тетради. Тетрадь первая: Венок сонетов. – СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. – 32 с. – ил.
9. Трауберг Н.Л. Домашние тетради. Тетрадь первая: Венок сонетов. – СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. – 32 с. – ил.
10. Чепайтите. М. Домашние тетради. Тетрадь седьмая: Комментарии. – СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. – 180 с. – ил.
11. Чепайтите. М. Домашние тетради. Тетрадь седьмая: Комментарии. – СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. – 180 с. – ил.
12. Чепайтите. М. Домашние тетради. Тетрадь седьмая: Комментарии. – СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. – 180 с. – ил.
13. Трауберг Н.Л. Домашние тетради. Тетрадь первая: Венок сонетов. – СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. – 32 с. – ил.
14. Трауберг Н.Л. Домашние тетради. Тетрадь первая: Венок сонетов. – СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. – 32 с. – ил.
15. Трауберг Н.Л. Домашние тетради. Тетрадь первая: Венок сонетов. – СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. – 32 с. – ил.
16. Трауберг Н.Л. Домашние тетради. Тетрадь первая: Венок сонетов. – СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. – 32 с. – ил.
17. Шмеман А., прот. «Дневники, 1973–1983» / протоиерей Александр Шмеман. – 6-е изд., испр. – Москва: Русский путь, 2021. – 720 с.: ил.
18. Чепайтите. М. Домашние тетради. Тетрадь седьмая: Комментарии. – СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013. – 180 с. – ил.

© Богатырева Татьяна Борисовна (tatiana_rudomazina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.10

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРНЫХ НАРРАТИВОВ КИТАЯ И РОССИИ В ЭПОХУ НОВЫХ МЕДИА

COMPARATIVE ANALYSIS OF CULTURAL NARRATIVES OF CHINA AND RUSSIA IN THE ERA OF NEW MEDIA

Wang Anqi

Summary: The transformation of the media space under the influence of digital technologies has led to the formation of new mechanisms for transmitting cultural narratives that reflect national identity and value orientations of society. China and Russia, being the largest Eurasian powers with similar geopolitical interests, demonstrate fundamentally different approaches to constructing cultural narratives in the digital environment. The relevance of this research lies in the need to understand the mechanisms of public opinion formation in the context of rapid digitalization and growing convergence of media platforms in both countries. The problem is the lack of systematic comparative analysis revealing both common features (state control, patriotic rhetoric) and specific differences in the representation of traditional values, historical memory, and national identity. The purpose of this work is to conduct a comparative analysis of cultural narratives of China and Russia in new media for the period 2020-2023, to identify dominant thematic clusters, mechanisms of their transmission, and features of audience perception.

Keywords: cultural narratives, new media, China, Russia, digital diplomacy, social platforms.

Ван Аньци
Аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
1042248037@rudn.ru

Аннотация: Трансформация медиапространства под влиянием цифровых технологий привела к формированию новых механизмов трансляции культурных нарративов, отражающих национальную идентичность и ценностные ориентиры общества. Китай и Россия, являясь крупнейшими евразийскими державами со схожими геополитическими интересами, демонстрируют принципиально различные подходы к конструированию культурных повествований в цифровой среде. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания механизмов формирования общественного мнения в условиях стремительной цифровизации и растущей конвергенции медиаплатформ обеих стран. Проблема заключается в отсутствии системного сравнительного анализа, раскрывающего как общие черты (государственный контроль, патриотическая риторика), так и специфические различия в репрезентации традиционных ценностей, исторической памяти и национальной идентичности. Цель работы — провести сравнительный анализ культурных нарративов Китая и России в новых медиа за период 2020–2023 годов, выявить доминирующие тематические кластеры, механизмы их трансляции и особенности восприятия аудиторией.

Ключевые слова: культурные нарративы, новые медиа, Китай, Россия, цифровая дипломатия, социальные платформы.

Введение

Стремительная цифровизация медиапространства в первой четверти XXI века фундаментально изменила механизмы формирования и трансляции культурных нарративов, представляющих собой организованные системы символов, смыслов и ценностей, через которые общество интерпретирует свою идентичность и место в мире. Китай и Россия, две крупнейшие евразийские державы с многовековой историей и развитыми культурными традициями, столкнулись с необходимостью адаптации своих культурных посланий к реалиям цифровой эпохи, где доминируют новые медиа — интерактивные, мобильные и основанные на пользовательском контенте платформы [1, с. 79]. Этот процесс приобретает особое значение в контексте геополитической трансформации, усиления стратегического партнерства между двумя странами и растущей потребности в формировании альтернативного западному информационного порядка.

Актуальность данного исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, Китай и Россия представляют собой два различных типа незападных цивилизаций, чьи культурные нарративы активно конкурируют с западной либеральной моделью на глобальной арене. Понимание механизмов конструирования этих нарративов критично для прогнозирования траекторий развития мирового информационного порядка. Во-вторых, новые медиа обеих стран демонстрируют беспрецедентный рост аудитории и влияния: по данным CNNIC, в 2023 году в Китае насчитывалось 1,079 миллиарда интернет-пользователей, а уровень проникновения социальных медиа достиг 74% [2, с. 91], тогда как в России около 90% населения пользуется интернетом, и 73% активно используют социальные сети [3]. В-третьих, несмотря на растущее медийное сотрудничество между Китаем и Россией, включающее запуск совместных телеканалов и обмен контентом [4, с. 610], отсутствует системное понимание того, как культурные нарративы двух стран взаимодействуют, дополняют или конкурируют друг с другом в цифровом пространстве.

Проблема исследования заключается в том, что существующие научные работы рассматривают медиасистемы Китая и России преимущественно изолированно,

фокусируясь либо на механизмах цензуры и государственного контроля, либо на технологических аспектах цифровой трансформации, но не на сравнительном анализе содержательных характеристик культурных нарративов и способов их восприятия аудиторией. Между тем, обе страны, несмотря на различия в культурно-исторических традициях, языках и религиозных основаниях, демонстрируют схожие тренды: усиление патриотической риторики, акцент на традиционные ценности как противовес западному либерализму, использование исторической памяти для консолидации общества [5]. Однако конкретные формы, тематические приоритеты, визуальные коды и риторические стратегии, через которые эти нарративы реализуются в новых медиа, существенно различаются и требуют детального сравнительного анализа. Цель данной работы — провести системный сравнительный анализ культурных нарративов Китая и России в новых медиа, выявить доминирующие тематические кластеры, механизмы их трансляции через различные цифровые платформы, а также особенности восприятия этих нарративов целевыми аудиториями. Исследование позволит не только углубить понимание медийных стратегий двух стран, но и внести вклад в развитие теории цифровой культурной дипломатии и сравнительных медиаисследований.

Материалы и методы исследования

Эмпирическая база исследования формировалась из нескольких взаимодополняющих источников данных, охватывающих период с 2020 по 2023 годы. Первую группу составили материалы ведущих государственных медиа обеих стран: для Китая — публикации газеты «Жэньминь жибао», информационного агентства «Синьхуа» и телевизионной сети CGTN; для России — материалы ТАСС, РИА Новости и телеканала «Россия 1». Анализировались как традиционные публикации, так и контент, специально адаптированный для новых медиа (посты в социальных сетях, короткие видео, интерактивные материалы). Всего в выборку вошел контент из китайских источников и российских.

Вторую группу составили статистические данные о проникновении и использовании новых медиа. Для Китая использовались отчеты Китайского информационного интернет-центра (CNNIC) о динамике пользовательской аудитории, структуре медиапотребления и популярности различных платформ [6, с. 95]. Для России — данные компании Mediascope о медиапотреблении россиян, включающие информацию о среднем времени использования различных типов контента, демографическом составе аудитории и предпочтениях по каналам коммуникации [7]. Также анализировались внутренние статистические показатели ведущих социальных платформ: WeChat, Weibo, Douyin для Китая; ВКонтакте, Telegram, Одноклассники для России.

Третью группу составили академические исследования и аналитические материалы, посвященные культурным нарративам, традиционным ценностям и медиастратегиям Китая и России. Особое внимание уделялось работам, анализирующим концепцию «традиционных ценностей» в официальном дискурсе обеих стран [8], механизмы государственного регулирования медиа [9, с. 202], а также исследованиям восприятия образа одной страны в медиапространстве другой [10]. Методологическая рамка исследования носит междисциплинарный характер и включает несколько взаимодополняющих подходов. Сравнительно-исторический метод применялся для выявления эволюции культурных нарративов в контексте трансформации медиасистем обеих стран, что позволило установить периоды интенсификации определенных тематик и их связь с ключевыми политическими событиями. Контент-анализ с использованием тематического кодирования проводился для выявления доминирующих нарративных кластеров: для каждой единицы контента определялась основная тема (экономическая модернизация, традиционные ценности, историческая память, международные отношения и др.), тональность (позитивная, нейтральная, негативная) и использованные визуальные и риторические приемы.

Статистический анализ применялся для обработки количественных данных о пользовательской активности, включая расчет долей различных типов контента в общем медиапотреблении, корреляционный анализ между типом платформы и тематическими предпочтениями аудитории. Структурно-функциональный подход использовался для исследования особенностей различных медиаплатформ: анализировались их технические возможности, бизнес-модели, степень государственного контроля и интеграции с другими цифровыми сервисами. Такой многоуровневый методологический дизайн позволил получить как детальное понимание качественных характеристик культурных нарративов, так и количественную оценку масштаба их присутствия и влияния в медиапространстве обеих стран.

Результаты и обсуждение

Анализ тематической структуры культурных нарративов в новых медиа Китая и России выявил существенные различия в приоритетах и риторических стратегиях, отражающих специфику национальных идеологических проектов и целей внутренней политики. В китайском медиапространстве доминирует нарратив экономической модернизации и технологического прогресса, представляющий страну как динамично развивающуюся инновационную державу. Этот нарратив тесно связан с концепцией «китайской мечты», провозглашенной Си Цзиньпином и предполагающей достижение национального возрождения через экономическое процветание, научно-технический прорыв и укрепле-

ние международного престижа [11, с. 31]. В российском медиапространстве центральное место занимает нарратив исторической памяти, особенно связанный с Великой Отечественной войной, представляющей собой ключевой элемент национальной идентичности и источник легитимности существующей политической системы.

Количественный анализ тематического распределения контента демонстрирует эти различия с математической точностью. В таблице 1 представлены данные о доле различных тематических кластеров в общем объеме публикаций государственных медиа и их представленности в новых медиа обеих стран.

Данные таблицы 1 наглядно иллюстрируют принципиальную разницу в акцентах культурной политики двух стран в цифровом пространстве. Китайские новые медиа почти в три раза чаще фокусируются на теме экономической модернизации (38,7% против 12,4% в России), что отражает ориентацию китайского государства на демонстрацию материальных достижений как основы легитимности режима. Концепция «китайской мечты», занимающая 27,3% контента, конструируется преимущественно через визуальные образы современных городов, высокоскоростных поездов, космических станций и инновационных технологий, создавая впечатление страны будущего [12, с. 165]. В российском контенте эта доля значительно ниже (18,7%), а акцент смещен в сторону исторической памяти (34,2% против 11,2% в Китае) и традиционных ценностей (29,8% против 14,5%), что свидетельствует о большей опоре на консервативную идеологию и прошлое как источник национальной гордости [13].

Особенно примечательна низкая доля антизападной риторики в обеих странах (8,3% в Китае и 4,9% в России), что может показаться парадоксальным в контексте официальных заявлений о противостоянии западному гегемонизму. Однако это отражает более тонкую стратегию: вместо прямой критики Запада, новые медиа обеих стран фокусируются на позитивной репрезентации собственных достижений и ценностей, имплицитно позиционируя их как превосходящие или альтернативные западным моделям. Это особенно характерно для контента, ориентированного на молодежную аудиторию, которая менее восприимчива к агрессивной пропаганде, но открыта для патриотических сообщений, упакованных в привлекательные визуальные форматы.

Анализ структуры медиапотребления в обеих странах выявляет как универсальные глобальные тренды, так и национальные особенности, связанные со спецификой регулирования и бизнес-моделей платформ. В таблице 2 представлены данные о проникновении ведущих социальных платформ, среднем времени использования и ключевых функциях, определяющих их роль в трансляции культурных нарративов.

Данные таблицы 2 демонстрируют фундаментальные различия в архитектуре цифровых экосистем двух стран. Китайская модель характеризуется высокой степенью интеграции: WeChat функционирует не просто как мессенджер или социальная сеть, но как «супер-приложение», объединяющее коммуникацию, платежи, доступ к государственным услугам, бронирование транспорта и множество других функций [14]. Это подтверждается показателем использования платеж-

Таблица 1.

Тематическое распределение культурных нарративов в новых медиа Китая и России, 2020–2023 гг., % от общего контента.

Тематический кластер	Китай	Россия
Экономическая модернизация и технологический прогресс	38,7	12,4
Концепция национальной мечты / цивилизационная миссия	27,3	18,7
Историческая память и героическое прошлое	11,2	34,2
Традиционные духовно-нравственные ценности	14,5	29,8
Критика западной модели и защита суверенитета	8,3	4,9

Таблица 2.

Структура использования новых медиа в Китае и России, 2023 г.

Показатель	Китай (WeChat / Douyin)	Россия (ВКонтакте / Telegram)
Месячная активная аудитория, млн чел.	1300 / 680	97 / 85
Среднее время использования в день, мин	82 / 88	45 / 38
Доля пользователей, использующих платежные функции, %	87,3 / 41,2	23,1 / 8,4
Доля времени на просмотр коротких видео, %	56,8	42,3
Степень интеграции с государственными сервисами (индекс 0–100)	78	34

ных функций: 87,3% китайских пользователей WeChat регулярно совершают цифровые транзакции через платформу, что в 3,8 раза превышает аналогичный показатель для российского ВКонтакте (23,1%). Такая интеграция создает беспрецедентные возможности для трансляции культурных нарративов: пользователь, оплачивающий коммунальные услуги или заказывающий такси через WeChat, одновременно получает рекомендованный контент патриотической направленности, создавая эффект «окружения» официальными сообщениями.

Российская модель демонстрирует большую фрагментированность: различные функции распределены между несколькими платформами (ВКонтакте для социального взаимодействия, Telegram для новостей и мессенджинга, Яндекс для платежей и навигации), что снижает возможности для создания единого контролируемого информационного пространства. Показатель интеграции с государственными сервисами (34 против 78 в Китае) отражает эту разницу. Однако обе страны демонстрируют конвергенцию в одном ключевом аспекте: доминирование визуального контента, особенно коротких видео. В Китае короткие видео занимают 56,8% времени пользователей, в России — 42,3%, что свидетельствует об универсальности этого формата для передачи эмоционально насыщенных культурных сообщений независимо от культурного контекста [15, с. 26].

Для более глубокого понимания механизмов восприятия культурных нарративов был проведен анализ пользовательского вовлечения в контент различных тематик. Таблица 3 представляет данные о средних показателях вовлеченности (лайки, комментарии, репосты) для контента различных тематических кластеров, что позволяет оценить реальную эффективность различных нарративных стратегий.

Данные таблицы 3 выявляют важнейший парадокс: уровень вовлеченности аудитории не всегда коррелирует с объемом производимого контента. В Китае, несмотря на то что экономическая тематика занимает 38,7% контента (табл. 1), показатель вовлеченности для нее относительно невысок (8,7 усл. ед.), значительно уступая контенту о традиционной культуре (12,3 усл. ед.) и особенно личным историям успеха (15,2 усл. ед.). Это свидетельствует о том, что аудитория более восприимчива к «очеловеченным» нарративам, демонстрирующим конкретные истории реальных людей, достигших успеха благодаря собственным усилиям и возможностям, предоставленным системой. Такой контент органично сочетает официальный месседж о преимуществах китайской модели развития с личным, эмоционально резонирующим повествованием.

В России наблюдается иная картина: максимальное вовлечение вызывает контент, связанный с историческими событиями и памятью (11,7 усл. ед.), что отражает центральную роль исторического нарратива в российской идентичности. Контент о традиционной культуре также показывает высокие результаты (9,8 усл. ед.), тогда как личные истории успеха менее эффективны (7,1 усл. ед.), что может указывать на больший скептицизм российской аудитории в отношении индивидуальных нарративов социальной мобильности на фоне экономических трудностей. Примечательно, что в обеих странах антизападный контент демонстрирует низкое вовлечение (4,1 и 3,9 усл. ед. соответственно), подтверждая гипотезу о том, что негативная риторика менее эффективна, чем позитивное конструирование национальной идентичности.

Синтез данных из всех трех таблиц позволяет сформулировать концептуальную модель различий между китайским и российским подходами к конструированию культурных нарративов в новых медиа. Китайская модель может быть охарактеризована как «нарратив процветания через модернизацию»: она фокусируется на будущем, технологическом прогрессе и материальных достижениях, используя высокоинтегрированные платформы для создания всеобъемлющей цифровой экосистемы, где культурные сообщения органично встроены в повседневные транзакции [16, с. 454]. Российская модель представляет собой «нарратив идентичности через память»: она в большей степени ориентирована на прошлое, традиционные ценности и защиту культурного суверенитета, используя более фрагментированное медиапространство, где культурные послания конкурируют за внимание с коммерческим и развлекательным контентом.

Таблица 3.

Средние показатели пользовательского вовлечения по тематическим кластерам, усл. ед.

Тематический кластер	Китай	Россия
Экономические достижения и инновации	8,7	4,2
Традиционная культура и народные традиции	12,3	9,8
Исторические события и память	6,4	11,7
Личные истории успеха и социальная мобильность	15,2	7,1
Критика западных стран	4,1	3,9

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаньдэ Лю. Новые медиа КНР: специфика контента и особенности функционирования // Век информации (сетевое издание). 2023. Т. 7. № 4 (25). С. 76–90.
2. Сиюй Л. Развитие социальных медиа КНР // Век информации (Медиапотребление в России // Mediascope. 2023. URL: https://mediascope.net (дата обращения: 20.11.2024).
3. Гегелова Н.С., Юйвэй Ду. Сравнительный анализ международных каналов CGTN-English и CGTN-Русский «Китайской глобальной телевизионной сети» // Неофилология. 2023. Т. 9. № 3. С. 607–617.
4. Традиционные российские духовно-нравственные ценности: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.11.2024).
5. сетевое издание). 2023. Т. 7. № 4 (25). С. 91–100.
6. Лексютина Я.В., Селиверстов С.В. Интернет-цензура в современном Китае: жесткий контроль и гибкая система урегулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14. № 2. С. 268–283.
7. Как изменилось медиапотребление в России // AdIndex. 2022. URL: https://adindex.ru/news/researches/2022/05/17/304316.phtml (дата обращения: 19.11.2024).
8. Вильданов Р.Х., Крылова Я.В. Система государственного регулирования интернета в Китайской Народной Республике // Управленческое консультирование. 2021. № 4 (148). С. 109–118.
9. Образ России в китайских СМИ // РИА Новости. 2017. URL: https://ria.ru/20170911/1499895001.html (дата обращения: 21.11.2024).
10. Гаврилова Н.Ю. Эволюция коммуникационной политики Коммунистической партии Китая // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 64. С. 195–203.
11. Чжао Чжэньюань. Особенности продвижения контента в китайских социальных медиа // Медиаскоп. 2021. № 4. URL: http://www.mediascope.ru/2768 (дата обращения: 20.11.2024).
12. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru (дата обращения: 15.11.2024).
13. Использование цифровых ресурсов и информационных технологий для продвижения российских вузов и научных организаций в Китае // РДНКТ. 2024. URL: https://rd-mnts.ru/tpost/f9poex8fd1-ispolzovanie-tsifrovih-resursov-i-inform (дата обращения: 22.11.2024).
14. Ван Фан. Особенности саморегулирования журналистики в России и Китае в период 1991–2023 гг. // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2023. № 4. С. 44–64.
15. Смирнова О.В., Стебловская С.Б., Ван Ф. Ценностные ориентации журналистов России и Китая: сравнительный анализ профессионально-этических кодексов // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. № 4. С. 453–472.

© Ван Аньци (1042248037@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.12

ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОРТУГАЛЬСКИХ СМИ)

VERBAL MEANS OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL INFLUENCE IN CONTEMPORARY POLITICAL MEDIA DISCOURSE (BASED ON PORTUGUESE MEDIA MATERIALS)

L. Vlasova

Summary: The article analyzes verbal means of information and psychological influence in contemporary political media discourse, drawing on materials from Portuguese media outlets (2024–2025) covering foreign policy and international relations. The methodological framework of the study is based on the principles of media linguistics and discourse analysis applied to the investigation of how linguistic means function in political media discourse. To systematize the empirical material, the study employs R.I. Zaripov's classification of levels of information and psychological influence. The analysis demonstrates that at the initial level neutral official-bureaucratic linguistic means prevail, producing an effect of factuality and institutional objectivity, whereas at subsequent levels evaluative and expressive markedness increases through metaphorical and historically conditioned nominations. At the highest levels, the discourse is characterized by the dominance of institutionally marked vocabulary and official forms of linguistic expression that consolidate restrictions on access to alternative sources of information. The findings make it possible to identify regularities in the functioning of verbal means of influence and to clarify their role in shaping interpretations and evaluative attitudes of the mass audience.

Keywords: political media discourse, information and psychological influence, verbal means, evaluative vocabulary, discourse analysis, Portuguese media.

Власова Лидия Константиновна
Адъюнкт, Военный университет имени князя Александра Невского
lidka-super2013@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются вербальные средства информационно-психологического воздействия в современном политическом медиадискурсе на материале португальских СМИ (2024–2025 гг.), освещающих внешнюю политику и международные отношения. Методологическая база исследования основывается на принципах медиалингвистики и дискурс-анализа, применяемых для изучения функционирования языковых средств в политическом медиадискурсе. Для систематизации материала применяется классификация уровней информационно-психологического воздействия Р.И. Зарипова. Показано, что на первом уровне доминируют нейтральные официально-деловые формулы, формирующие эффект фактологичности и институциональной объективности, тогда как на последующих уровнях усиливается оценочная и экспрессивная маркированность за счет метафорических и историко-политически обусловленных номинаций. На высших уровнях фиксируется преобладание институционально маркированной лексики и официально-деловых формул, закрепляющих ограничение доступа к альтернативным источникам информации. Полученные результаты позволяют описать закономерности функционирования вербальных средств воздействия и их роль в формировании интерпретаций и оценочных установок массового адресата.

Ключевые слова: политический медиадискурс, информационно-психологическое воздействие, вербальные средства, оценочная лексика, дискурс-анализ, португальские СМИ.

Введение

В современной лингвистике активно развиваются направления, ориентированные на изучение языка в условиях массовой коммуникации, прежде всего медиалингвистика, дискурсивная и политическая лингвистика. Данные области знания формируются на основе дискурс-анализа, принципов коммуникативной лингвистики и направлены на исследование функционирования языковых средств в социально значимых типах общения. В рамках дискурсивной и медиалингвистической парадигмы сформировалось направление политической лингвистики, ориентированное на анализ языковых механизмов власти, оценки и воздействия в публичной коммуникации, что нашло отражение в работах В.И. Карасика, Н.Н. Болдырева, Н.В. Иванова, М.Н. Федуловой, О.А. Погорецкой, Р.И. Зарипова и других исследователей.

Языковые средства в дискурсе функционируют неравномерно и проявляют различную степень актуализации в зависимости от коммуникативных задач говорящего. В процессе речевой деятельности формируются функциональные оппозиции, в рамках которых одни средства выдвигаются на передний план, тогда как другие сохраняют периферийный статус. Подобное функциональное распределение обусловлено прагматикой дискурса и целенаправленным характером ком-

муникации. Как отмечает Н.Н. Болдырев, «языковая репрезентация носит избирательный характер: говорящий актуализирует те признаки и характеристики, которые соответствуют его коммуникативным целям» [1, с. 58]. В условиях публичного и особенно политического дискурса данная избирательность приобретает стратегический характер, поскольку выбор языковых средств напрямую связан с задачами воздействия на адресата.

Наиболее отчетливо функциональная асимметрия языковых средств проявляется в сфере политической коммуникации, в которой дискурс изначально ориентирован на конкуренцию интерпретаций и столкновение идеологических позиций. В отличие от других типов публичного общения, политический дискурс характеризуется высокой степенью конфликтности и направленностью на формирование и перераспределение интерпретационных и оценочных доминант в публичном пространстве. В этой связи языковой выбор приобретает особую значимость, поскольку становится инструментом не только репрезентации событий, но и формирования оценочного отношения к ним.

В рамках настоящего исследования под информационно-психологическим воздействием понимается целенаправленное формирование интерпретаций и оценочных установок массового адресата посредством вербальных средств политического медиадискурса. Несмотря на то, что элементы оценочности присутствуют в различных типах дискурса, именно в политической коммуникации оценка приобретает особый функциональный статус. В политическом медиадискурсе оценка реализуется через систему вербальных средств и служит одним из ключевых факторов информационно-психологического воздействия, направленного на формирование устойчивых интерпретаций и оценочных установок массового адресата [2].

В условиях современной медиакоммуникации политический дискурс характеризуется усилением оценочной составляющей, что обусловливает активное использование языковых средств воздействия на массового адресата. Оценка в медиатекстах реализуется через совокупность вербальных средств — лексических, семантических и прагматических, — которые направлены на формирование заданного отношения аудитории к событиям, акторам и процессам. В данном контексте вербальные средства политического медиадискурса выступают инструментами информационно-психологического воздействия, обеспечивающими трансформацию интерпретации и оценивания политической реальности. Анализ данных вербальных средств составляет предмет настоящего исследования.

Целью настоящего исследования является анализ вербальных средств информационно-психологического воздействия в политическом медиадискурсе на материале португальских СМИ.

Методология и материалы исследования

Исследование выполнено в русле антропоцентрической парадигмы современной лингвистики с опорой на принципы политической лингвистики, медиалингвистики и теории дискурс-анализа. Политический медиадискурс в работе трактуется как совокупность медиатекстов, тематически и институционально связанных с деятельностью политических акторов и освещением вопросов внешней политики и международных отношений. Методологический фокус исследования направлен на анализ вербальных средств, реализующих информационно-психологическое воздействие на массового адресата.

Теоретической базой исследования послужили положения прагматики и функциональной семантики оценки, разработанные в трудах Н.Д. Арутюновой, а также когнитивная концепция языковой репрезентации Н.Н. Болдырева, согласно которой языковые средства актуализируются в зависимости от коммуникативных целей говорящего. Данные подходы позволяют рассматривать вербальные средства как функционально мотивированные элементы информационно-психологического воздействия, реализуемого в политическом медиадискурсе.

Для систематизации анализируемых вербальных средств используется классификация уровней информационно-психологического воздействия, разработанная Р.И. Зариповым [3]. Данная классификация применяется как аналитический инструмент, позволяющий соотнести используемые в политическом медиадискурсе языковые средства с различной степенью их оценочной, экспрессивной и прагматической нагруженности.

В ходе исследования использовался комплекс лингвистических методов, адекватных поставленной исследовательской цели. Метод дискурс-анализа применялся для выявления связи между отбором вербальных средств и политико-коммуникативным контекстом медиатекстов, а также для учета институциональных и тематических параметров политического медиадискурса. Метод интент-анализа использовался для реконструкции коммуникативных интенций авторов медиатекстов (информирование, убеждение, дискредитация) и анализа трансформации иллокутивной силы высказываний в зависимости от используемых языковых средств. Эмпирическую базу исследования составили материалы португальских средств массовой информации и официальных государственных ресурсов, опубликованные в 2024–2025 гг. и посвященные вопросам внешней политики и международных отношений. В выборку вошли официальные сообщения государственных органов

(сайт Министерства иностранных дел Португалии, Portal das Comunidades Portuguesas), а также новостные и аналитические публикации ведущих португальских изданий (RTP Notícias, Expresso, Público, Observador) и материалы мультимедийного формата, включая новостные видеосюжеты и аудиоподкасты (CNN Brasil, Expresso da Manhã, SIC Notícias).

Отбор медиатекстов осуществлялся по тематическому и дискурсивному признакам, что позволило проанализировать репрезентативные примеры функционирования вербальных средств информационно-психологического воздействия в политическом медиадискурсе.

Результаты

В ходе анализа португальского политического медиадискурса вербальные средства информационно-психологического воздействия были систематизированы в соответствии с классификацией уровней, предложенной Р.И. Зариповым [3, с. 545]. Данная модель используется в работе как аналитический инструмент, позволяющий соотнести конкретные языковые средства с различной степенью их оценочной и прагматической нагруженности. Ниже представлены результаты анализа функционирования вербальных средств на каждом из выделяемых уровней.

Первый уровень информационно-психологического воздействия характеризуется использованием вербальных средств с минимальной оценочной маркированностью. Для медиатекстов данного типа типичны нейтральная номинативная лексика, официально-деловой регистр, безличные и модально-регулятивные конструкции, формирующие эффект фактологичности и институциональной объективности. Так, например, в рекомендациях Министерства иностранных дел Португалии, размещенных на официальном сайте ведомства, используется стандартизированная формула: “Recomenda-se que sejam evitadas deslocações à Rússia e que cidadãos nacionais que se encontram no país, por razões não essenciais, ponderem sair pelas alternativas disponíveis” – «Рекомендуется избегать поездок в Россию, а гражданам, находящимся в стране по несущественным причинам, рассмотреть возможность выезда из страны имеющимися альтернативными способами» [4]. Отсутствие оценочных эпитетов, метафоризации и персонализации событий позволяет отнести данный медиатекст к первому уровню информационно-психологического воздействия.

Второй уровень информационно-психологического воздействия характеризуется включением вербальных средств с умеренной оценочной и эмотивной маркированностью. В медиатекстах данного типа сохраняется опора на фактологическую основу, однако нейтральное изложение дополняется оценочной лексикой, элементами метафоризации и персонализации, что усиливает экспрессивность сообщения и направляет интерпретацию событий в заданное русло. Показательным примером является публикация в издании “RTP Notícias”, в которой при описании российских нефтяных танкеров используется выражение “frota fantasma” (метафорическая номинация, «корабль-призрак») [5]. Лексема “fantasma” обладает выраженным эмоциогенным потенциалом и ассоциируется с сокрытием, нелегитимностью и нарушением норм. Использование данной номинации при сохранении внешне нейтрального новостного формата способствует формированию у адресата негативной оценочной рамки и позволяет отнести данный медиатекст ко второму уровню информационно-психологического воздействия.

Третий уровень информационно-психологического воздействия связан с активным использованием вербальных средств с высокой степенью отрицательной оценочности. Для медиатекстов данного уровня характерны эксплицитные деструктивные установки, обвинительная лексика, демонизирующие номинации и негативные ярлыки, направленные на конструирование устойчивого образа врага. Так, в подкасте “Expresso da Manhã” от 20 февраля 2025 года, озаглавленном “A Rússia já está a colonizar a Geórgia” («Россия уже колонизирует Грузию») [6], используется глагольная номинация “colonizar”, обладающая выраженной историко-политической коннотацией. Данная лексема апеллирует к дискурсу колониального господства и насилия и тем самым формирует однозначно негативную интерпретацию действий государства-актора. Прямолинейность оценочной номинации и отсутствие альтернативных интерпретаций позволяют отнести данный медиатекст к третьему уровню информационно-психологического воздействия.

Четвертый уровень информационно-психологического воздействия представлен медиатекстами, в которых вербальные средства используются в контексте достижения конкретных политических и стратегических целей. Для данного уровня характерны декларативные высказывания, безапелляционные формулы, а также оценочная лексика, ориентированная на демонстрацию политической позиции. Например, в публикации “CNN Brasil” от 15 мая 2024 года, содержащей высказывание министра окружающей среды и энергетики Португалии Марии да Граса Карвалью, используются формулы целеполагания и политической декларации: «busca ampliar as sanções» («стремится расширить санкции»), «endurecimento das sanções» («ужесточение санкций»), а также формула согласования «está alinhado» («находится в русле / согласуется»), фиксирующая включенность национальной политики в наднациональный курс Европейского союза [7]. Данные вербальные средства выражают установку на целенаправленное политическое действие и не предполагают дискуссионного или

альтернативного прочтения. Их прагматическая направленность и безусловный характер позволяют отнести данный медиатекст к четвертому уровню информационно-психологического воздействия.

Пятый уровень информационно-психологического воздействия характеризуется использованием вербальных средств в рамках системных и масштабных информационных практик, направленных на подавление альтернативных источников информации. В медиатекстах данного уровня доминирует институционально маркированная лексика, формулы официального запрета и административного ограничения, а также номинации, легитимирующие исключение оппозиционного дискурса из информационного пространства. Релевантным примером служит сообщение "SIC Notícias" о запрете доступа к ряду европейских СМИ на территории РФ: "Media portugueses proibidos na Rússia em «resposta recíproca» às restrições da UE. O Ministério dos Negócios Estrangeiros da Rússia anunciou a "cessação do acesso aos recursos digitais" de várias empresas de comunicação social da União Europeia (UE) no território da Rússia. Na lista também foram colocados quatro media portugueses – RTP Internacional, Público, Expresso e Observador" – «МИД России объявил о "прекращении доступа к цифровым ресурсам" ряда средств массовой информации Европейского союза (ЕС) на территории России. В список также были включены четыре португальских СМИ – RTP Internacional, Público, Expresso и Observador») [8]. В данном медиатексте используются официально-деловые формулы и институциональные номинации: "cessação do acesso aos recursos digitais" («прекращение доступа к цифровым ресурсам»), «resposta recíproca» («ответная мера» / «взаимный ответ»), «restrições» («ограничения»). Указанные вербальные средства фиксируют действие, направленное на полное исключение медиаресурсов из информационного поля и тем самым отражают пятый уровень информационно-психологического воздействия, при котором языковые средства функционируют как часть масштабной стратегии информационного подавления.

В результате анализ португальского политического медиадискурса показывает, что вербальные средства информационно-психологического воздействия варьируются от нейтрально-информативных форм до языковых средств с высокой степенью оценочной и прагматической нагруженности. Применение классификации уровней позволяет системно описать данные средства и выявить их функциональную роль в формировании интерпретаций и оценочных установок массового адресата.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить специфику функционирования вербальных средств информационно-психологического воздействия в современном политическом медиадискурсе на материале португальских средств массовой информации. Анализ показал, что языковые средства воздействия образуют многоуровневую систему, внутри которой варьируются степень оценочной маркированности, прагматическая направленность и характер институциональной модальности высказываний.

Установлено, что на начальных уровнях информационно-психологического воздействия преобладают нейтрально-информативные языковые средства, ориентированные на фактологическое представление информации и формирование эффекта институциональной объективности. По мере перехода к более высоким уровням наблюдается усиление оценочной и экспрессивной составляющей, актуализация метафорических и персонализированных номинаций, а также использование декларативных форм, направленных на легитимацию политических решений и фиксацию безальтернативной интерпретации событий.

Особое место в структуре политического медиадискурса занимают языковые средства высших уровней информационно-психологического воздействия, функционирующие в рамках системных информационных практик. Для данных медиатекстов характерно использование институционально маркированной лексики и официально-деловых формул, фиксирующих исключение альтернативных источников информации и тем самым ограничивающих дискурсивное пространство интерпретации.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что вербальные средства политического медиадискурса выполняют не только репрезентативную, но и прагматически ориентированную функцию, обеспечивая формирование интерпретаций и оценочных установок массового адресата. Применение классификации уровней информационно-психологического воздействия позволяет системно описать данные средства и выявить закономерности их функционирования в условиях современной медиакоммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. — М.: Изд. дом ЯСК, 2018. — 480 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. — М.: Наука, 1988. — 341 с.
3. Зарипов Р.И. Коммуникативная матрица информационно-психологического воздействия: дис. . . . док. фил. наук: 5.9.8 / Зарипов Руслан Ирикович; Во-

енный университет. — Москва, 2025. — 685 с.
4. Rússia: Conselhos aos Viajantes // Portal das Comunidades Portuguesas : [сайт]. — URL: https://portaldascomunidades.mne.gov.pt/pt/vai-viajar/conselhos-aos-viajantes/europa/russia (дата обращения: 19.11.2025).
5. Mesquita R.M. França investiga navio da frota fantasma russa : Dois detidos após intervenção da Marinha francesa / R.M. Mesquita // RTP Notícias : [сайт]. — 2025. — 1 outubro. — URL: https://www.rtp.pt/noticias/mundo/franca-investiga-navio-da-frota-fantasma-russa-dois-detidos-apos-intervencao-da-marinha-francesa_n1687638 (дата обращения: 19.11.2025).
6. A Rússia já está a colonizar a Geórgia. Uma realidade confirmada pela reportagem da SIC [Электронный ресурс] : аудиоподкаст // Expresso da Manhã / Expresso. — 2025. — 20 февр. — URL: https://podcasts.apple.com/br/podcast/a-r%C3%BAssia-j%C3%A1-est%C3%A1-a-colonizar-age%C3%B3rgia/id1536782080?i=1000694246433 (дата обращения: 5.11.2025).
7. Gonçalves S. Governo de Portugal quer ampliar sanções contra Rússia [Электронный ресурс] / S. Gonçalves // CNN Brasil. — 2024. — 15 may. — URL: https://www.cnnbrasil.com.br/internacional/governo-de-portugal-quer-ampliar-sancoes-contra-russia/ (дата обращения: 10.11.2025).
8. Media portugueses proibidos na Rússia em «resposta recíproca» às restrições da UE [Электронный ресурс] // SIC Notícias. — 2024. — 26 jun. — URL: https://sicnoticias.pt/pais/2024-06-26-media-portugueses-proibidos-na-russia-em-resposta-reciproca-as-restricoes-da-ue-8dc37b52 (дата обращения: 27.10.2025).

© Власова Лидия Константиновна (lidka-super2013@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.16

СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

MEANS OF IMPLEMENTING THE FUNCTIONS OF THE COMMUNICATIVE CATEGORY OF TOLERANCE IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

L. Gurova
I. Kurbanov

Summary: This study analyses the communicative category of tolerance in modern American political discourse, drawing on a corpus of interviews with U.S. politicians from 2024-2025. The research is grounded in the theoretical framework of I.A. Sternin's communicative categories, Yu.V. Yuzhakova's concept of linguistic tolerance, and A.G. Kudryavtsev's classification of the functions of linguistic tolerance. The means of actualising the principles of tolerance have been classified according to their functions. The study identifies and systematises the specific linguistic means and communicative strategies employed to realise these functions.

Keywords: political discourse, American linguaculture, communicative category, tolerance, functions of tolerance.

Гурова Лариса Дмитриевна
Сургутский государственный университет
gurova_ld@surgu.ru
Курбанов Ибрагим Алиевич
Кандидат филологических наук, доцент, Московский технический университет связи и информатики
ibragimkurbanov@mail.ru

Аннотация: Настоящая работа посвящена анализу проявления коммуникативной категории толерантности в современном американском политическом дискурсе на материале интервью американских политиков, опубликованных в 2024–2025 гг. Теоретической основой исследования послужили концепции коммуникативных категорий И.А. Стернина, языковой толерантности Ю.В. Южаковой, а также классификация функций языковой толерантности А.Г. Кудрявцева. В ходе исследования средства актуализации принципов толерантности классифицировались на основе выполняемых функций. Выявлены и систематизированы языковые средства и коммуникативные стратегии, служащие для реализации этих функций.

Ключевые слова: политический дискурс, американская лингвокультура, коммуникативная категория, толерантность, функции толерантности.

Введение

В условиях глубокой поляризации американского общества политическая коммуникация все чаще становится полем скрытого и открытого конфликта. В этой среде особую актуальность приобретает толерантное общение. Под толерантностью мы понимаем поведение, направленное на достижение взаимопонимания и согласование различных установок без подавления человеческого достоинства [4].

Актуальность работы обусловлена, во-первых, его связью с лингвокультурологией, поскольку исследуются как культурная категория толерантность проявляется в речи и языке. Во-вторых, вопрос актуализации категории толерантности в языке характеризуется недостаточной степенью изученности в отечественной лингвистической науке.

Цель статьи состоит в описании выявленных языковых средств реализации языковой толерантности в политическом дискурсе американской лингвокультуры.

Материалом для анализа были выбраны стенограммы интервью американских политиков, опубликованных в 2024–2025 гг. на официальном сайте программы Face the Nation (https://www.cbsnews.com/face-the-nation).

Теоретические основы исследования толерантности как коммуникативной категории

Согласно И.А. Стернину, коммуникативные категории – это «самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления». Толерантность рассматривается исследователями как коммуникативная категория, поскольку толерантность проявляется в отношениях между личностями и в поведении индивидов [4].

Ю.В. Южакова приводит определение толерантности, рассматриваемой в качестве коммуникативного феномена: «коммуникативная стратегия, способствующая эффективному достижению коммуникативной цели путем вуалирования исходных негативных интенций адресанта (ретуширования инструментальной агрессии) или смягчения эксплицируемой отрицательной оценки» [11].

Исследователями также выделяется понятие язы-

ковая толерантность. Ю.В. Южакова определяет языковую толерантность как совокупность средств языка, способствующих актуализации принципа. Толерантность является способом бесконфликтного существования в обществе, средством достижения определенной коммуникативной цели. Проявлению языковой толерантности способствует все, что снижает категоричность, экспрессивность и интенсификацию высказывания [Южакова, 13]. При этом соблюдение принципа толерантности не предполагает конкретных алгоритмов действий участников коммуникации, а требует лишь демонстрации уважения и равноправия, несмотря на возможное негативное отношение друг к другу [10].

Согласно А.Г. Кудрявцеву, основными функциями языковой толерантности являются следующие:

- интегрирующая функция, целью которой является установление и поддержание мира между субъектом и объектом высказывания;
- регулирующая функция, имеющая цель управлять реакцией реципиента: сдержать негативную реакцию, вызванную неприятным сообщением, либо заменить ее на позитивную. Также эта функция состоит в возможности предоставлять конструктивный выход из конфликтных ситуаций;
- референтная функция, посредством которой обеспечивается передача от человека к человеку положительного опыта взаимодействия между индивидами или социальными группами любого порядка, а также выстраивание позитивного мировоззрения. Данная функция редко проявляется в чистом виде. Ее реализацию можно наблюдать в высказываниях, в которых так же реализуются другие функции языковой толерантности [3].
- контактоустанавливающая, имеющая своей целью установление конструктивного общения между представителями социальных групп с разным мировоззрением или разной перцепцией определенной ситуации.

Реализацию контактоустанавливающей функции толерантности можно обнаружить в совместных выступлениях политиков, представляющих разные группы или имеющие разные мнения. Материал настоящего исследования преимущественно включает тексты индивидуальных выступлений политиков, в случаях совместных выступлений политики имели общую позицию по обсуждаемым вопросам. В связи с этим в практической части исследования мы продемонстрируем реализацию трех функций языковой толерантности: интегрирующей, регулирующей, референтной.

На наш взгляд, данная классификация функций применима не только к языковой толерантности, но и к реализации коммуникативной категории толерантности.

Анализ практического материала

Реализацию интегрирующей функции мы можем наблюдать в условиях, когда говорящий говорит на острые темы, являющиеся отражением политического конфликта, и старается сгладить данный конфликт, настроить потенциальных адресатов высказывания на мирное решение.

Одним из часто употребляемых средств реализации этой функции в американском дискурсе – апелляция к двухпартийности США. Целью использования данного средства является ориентирование адресатов сообщения и общество на бесконфликтное существование в условиях идеологического раскола. Пример содержится в высказывании *"We represent the culture and the politics and the hopes and dreams of our districts. And that's what's so – so beautiful about this place when it works well. But this process – and I think this is important for Americans to understand – **this process was serious**. **It was bipartisan.** It was – it was deep. And we did the job that we were asked to do" («Мы представляем культуру, политику, надежды и мечты наших округов. И это то, что делает это место таким прекрасным, когда оно работает хорошо. Но этот процесс – и я думаю, что это действительно важно для понимания американцами – **этом процесс был серьезным. Это было двухпартийное решение**. Оно было глубоким. И мы выполнили работу, о которой нас просили»)* (08.12.2024), которое прозвучало в ходе совместного выступления двух конгрессменов – республиканца Майка Келли и демократа Джейсона Кроу. Они были сопредседателями специальной двухпартийной рабочей группы Палаты представителей, расследовавшей деятельность федеральных силовых структур в связи с событиями января 2021 года (штурм Капитолия).

В другом высказывании, касающегося обсуждению кандидатуры Тулси Габбард на пост директора национальной разведки, чья позиция создала межпартийный конфликт, сенатор Марк Уорнера сглаживает конфликт, также апеллируя к двух партийности США: *"I know there are a number- our committee is the- historically **the most bipartisan. We check our partisan hats at the door**..." (Я знаю, что есть ряд… - наш комитет исторически является **самым двухпартийным**. **Мы снимаем свои партийные шляпы у входа**...)* (02.02.2025). Кроме того, в данном высказывании используется метафора, усиливающая тезис о двухпартийности, создавая образ сознательного отказа от партийной предвзятости при принятии взвешенных решений.

Реализацию интегрирующей функции можно наблюдать в выборе лексики. Например, намеренное использование нейтральной лексики для характеристики лиц, относящейся к противоположной стороне конфликта, можно наблюдать на примере высказывания Роджера Карстенса, спецпосланника по делам заложников в Государственном департаменте США. *"…I mean you would*

almost think that if you were running a country and you wanted to jail your enemies, you'd have one prison, and it wouldn't be secret. But to have, like, 35 or 40 secret prisons, I find that just horrifying, disturbing and yet in a way fascinating. But really the bottom line is that we must help and - or rather work with our ***interim authorities, officials****, to make sure we do a good search…" («...Я имею в виду, что можно подумать, что если бы вы управляли страной и хотели посадить в тюрьму своих врагов, у вас была бы одна тюрьма, и это не было бы секретом. Но наличие, скажем, 35 или 40 секретных тюрем, я нахожу это просто ужасающим, тревожащим и в то же время завораживающим. Но на самом деле суть в том, что мы должны помочь и/или, скорее, сотрудничать с нашими временными властями, официальными лицами, чтобы убедиться, что мы проведем хороший поиск...»)* (22.12.2024) Картенс использует нейтральную лексику, характеризуя Ахмеда аль-Шаара, который по действующему законодательству США считается террористом, кроме того, в высказывании явно содержится ярко-негативная критика его политики, но, тем не менее, мы можем говорить о том, что Картенс ориентирует отношения с действующем сирийским правительством на сотрудничество и уважение.

Другим лексическим средством реализации интегрирующей функции является использование слов с семантикой объединения. Например, фраза сенатора Джона Туна "We have the **same** set of objectives. We want to get to the **same** destination**.** But I think at times there will be differences in how we get there..." *("У нас* ***одинаковые*** *цели. Мы хотим достичь* ***одного и того*** *же пункта назначения. Но я думаю, что иногда будут различия в том, как мы туда доберемся...")* (05.01.2025), произнесенная в контексте обсуждения его прошлых разногласий с президентом Дональдом Трампом, высказывание служит цели смягчения внутрипартийного конфликта. Провозглашая общность стратегических целей, толерантность используется здесь как инструмент политической интеграции для объединения вокруг фигуры лидера и нейтрализации прошлых трений. Стоит отметить использование параллельной конструкции как грамматическое средство оформления высказываний, в которых реализуются функции толерантности в политическом дискурсе.

Реализацию принципов толерантного общения мы можем наблюдать в критических высказываниях, для снижения их категоричности. Тем самым происходит управление реакцией реципиента, что является проявлением регулирующей функции толерантности.

Для смягчения критики могут быть использованы обобщения. Например, в интервью Брайна Фитцпатрика и Томаса Суоззи, членов Палаты представителей, принадлежащих к разным партиям, посвященному обсуждению законопроекта, который был разработан партией Республиканской партии без участия демократов. Брайан Фитцпатрик говорит следующую фразу: *"…And we do lament the fact of any single party bill («…И мы действительно сожалеем о факте принятия какого-либо однопартийного законопроекта»)* (09.03.2025). В данном высказывании содержится критика действий республиканцев. Тем не менее, напрямую не назван объект критики, мы наблюдаем обобщение с помощью слова any (говорящий уходит от прямой критики конкретного действия, вместо этого обобщает явление как таковое). Данное языковое средство способствует снижению категоричности высказывания, тем самым способствуя мирной коммуникации.

В высказываниях Томаса Суоззи также есть смягчение критики путем использования безличной конструкции: *"In the case of this CR, there's been offers to negotiate, and there's been very little negotiation" («В случае с этой продлеваемой резолюцией, были предложения о проведении переговоров, но переговоров было очень мало»).* Также можно наблюдать, что для оформления высказываний, в которых реализована регулирующая функция, может быть использована параллельная конструкция.

Для смягчения критики также могут быть использованы условные предложения. В интервью Марко Рубио можно заметить завуалированную критику действий правительства Израиля: *"…But suffice it to say that,* ***if it was up to us****, every one of these hostages would be home right now, and we want it to happen as soon as possible" («Но достаточно сказать****, если бы это зависело от нас****, каждый из этих заложников был бы сейчас дома, и мы хотим, чтобы это произошло как можно скорее»)* (16.02.2025). Слова Марко Рубио можно интерпретировать как обвинение в медлительности и недостаточной решительности. Тем не менее, эта критика высказана не в явном виде: использование условного предложения смягчает критику и снижает категоричность высказывания, тем самым реализована интегрирующая функция толерантности.

Эта же функция реализуется путем использования риторического вопроса и использования вводной конструкции, выражающей собственное мнение (I think). Пример употребления данных средств можно найти в интервью Сью Гордон, в котором высказывается критика кандидатуры Тулси Габбард: *"And whether she meant it or not, whether she was just ill informed with that, she comes in with strikes against her in the trust perspective.* ***Can we trust her with our most sacred intelligence to represent that in a fair way?*** *So,* ***I think*** *it's a problem, whether it's judgment or any other thing that she has represented there" («И независимо от того, имела она это в виду или нет, была ли она просто плохо информирована об этом, она выступает с обвинениями в отношении ее доверия. Можем ли мы доверить ей наши самые сокровенные знания, чтобы представить это справедливым образом? Так что,* ***я думаю****, это проблема, будь то суждение или что-то еще, что она там представляла»)* (17.11.2024) Данные при-

мы снижают категоричность высказывания, тем самым ориентируя на сохранение уважительного отношения.

Для снижения категоричности критического высказывания также применяется речевая тактика уступки. Рассматриваемый прием содержится в высказываниях сенатора-демократа Эми Клобучар, прозвучавших в контексте критики системы президентских помилований: *"And so I have no doubt* ***there were*** *some righteous pardons in this group, OK, let's say that. I believe that there were.* ***But*** *there were a number that I think make no sense at all". («И поэтому я не сомневаюсь, что в этой группе были праведники, хорошо, допустим, что так. Я верю, что они были. Но некоторые из них, на мой взгляд, вообще не имеют смысла»)* (15.12.2024) Политик сначала отмечает положительные стороны, и лишь потом переходит к критике, что снижает категоричность и ориентирует отношения на уважительный тон.

Регулирующая функция толерантности также выражается в предложении выхода из сложившейся ситуации. Риторический вопрос также может быть использован для конструктивного предложения. В том же интервью Эми Клобучар содержится пример: *"So, instead of doing a whole category,* ***why don't,*** *in a coming year, before the end of a president's term, if that's when they're mostly going to do these… that a board looks at these and looks at them individually, when people petition for them, based on the facts, instead of just in a large group?" (. Итак, вместо того, чтобы заниматься целой категорией,* ***почему бы не*** *сделать это в следующем году, до окончания президентского срока, если именно тогда они в основном будут заниматься этим… что правление рассматривает их и рассматривает по отдельности, когда люди подают ходатайства о них, основываясь на фактах, а не только в большой группе?»)*

В вышеупомянутом интервью Брайна Фитцпатрика и Томаса Суоззи содержится пример реализации данной функции посредством добавления дополнительного субъекта: *"It's not working for our country.* ***People want*** *us to work together to solve problems" (В нашей стране это не работает. Люди хотят, чтобы мы сообща решали проблемы).* В данном примере мы видим, что политик ослабляет категоричность требования совместной работы, вводя в высказывание дополнительного субъекта "People want".

Референтная функция, как уже было отмечено, не употребляется в чистом виде. Наиболее часто употребляемый прием – апелляция к собственному положительному опыту сотрудничества. Например, *"Well, in the last year* ***we've been working with Republicans on bipartisan border*** *security, legislation, with the hope of getting that passed, and then moving on to comprehensive immigration reform." («В прошлом году* ***мы работали с республиканцами*** *над двухпартийной безопасностью границ, законодательством, надеясь, что оно будет принято, а затем перейдем к всеобъемлющей иммиграционной реформе»)* (12.01.2025). Указанный прием сочетается с ранее рассматриваемым приемом реализации интегрирующей функции «апелляция к двухпартинойсти США». Сенатор-демократ Марк Келли прибегает к данному приему в ответ на вопрос о том, почему демократы ранее не поддержали республиканский законопроект Laken Riley Act об ужесточении задержания нелегальных мигрантов. Келли использовал эту фразу как риторический инструмент для перевода дискуссии в плоскость более масштабных двухпартийных усилий. Упоминание о «двухпартийном пограничном законодательстве» служило средством интеграции и сгладить партийный конфликт через апелляцию к конструктивному межпартийному диалогу. Тем самым мы видим как референтная функция толерантности сочетается с интегрирующей.

Посредством референтной функции происходит формирование мировоззрения адресатов сообщения, поэтому мы видим реализацию данной функции также в апелляции к ценностям, например, к ценностям демократии. *"Why would our allies or anybody be irritated by free speech and by someone giving their opinion?* ***We are, after all, democracies****" («Почему наших союзников или кого-либо еще должна раздражать свобода слова и то, что кто-то высказывает свое мнение? В конце концов,* ***мы демократические страны****»).* Фраза была произнесена госсекретарем США Марко Рубио в вышеупомянутом интервью в ответ на вопрос ведущей «не раздражает ли такая позиция союзников США» о выступлении вице-президента США Вэнса на Мюнхенской конференции безопасности. Вэнс раскритиковал «внутренние угрозы» демократии в западных странах, акцентируя проблему «цензуры» консервативных мнений. Помимо риторического вопроса, используемого вместо критики союзников США, Марко Рубио не только управляет реакцией реципиента, но и апеллирует к базовым ценностям демократии. Кроме того, Марко Рубио подчеркивает общность Европейских государств и США. Тем самым, в данном высказывании реализованы сразу три функции толерантности.

Реализацию референтной функции также можно обнаружить в высказываниях, способствующих формированию национального самосознания. Примером служит заявление сенатора-демократа Криса Ван Холлена *"I hope that all of our colleagues, Republicans and Democrats alike, will support disaster relief. We've always had the philosophy,* ***all for one and one for all when Americans get hit by these disasters****. I hope we will stick with that position" («Я надеюсь, что все наши коллеги, как республиканцы, так и демократы, поддержат оказание помощи при стихийных бедствиях.* ***У нас всегда была философия «все за одного и один за всех», когда американцы сталкиваются с этими бедствиями»****)* (24.11.2024). Использование аллюзии «все за одного и один за всех» апеллирует к коллективному опыту и образу американской нации и надпартийной, обще-

национальной идентичности и солидарности, устанавливая общую платформу для мира и сотрудничества.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что толерантность как коммуникативная категория выступает инструментом предотвращения или сглаживания конфликтов. Реализуя функции толерантности, политический дискурс ориентирует его участников на установление и поддержание мира, положительное взаимодействие, а также играет значимую роль в формировании мировоззрения коммуникантов.

На материале стенограмм интервью американских политиков были выявлены и проанализированы конкретные языковые средства и речевые стратегии, актуализирующие принципы толерантного общения.

Основные результаты работы сводятся к следующему:

1. Интегрирующая функция реализуется как языковыми средствами, так и коммуникативными тактиками. К языковым относятся: лексические (слова с семантикой объединения, намеренное использование нейтральной лексики), стилистические (метафоры, аллюзии), грамматические (параллельные конструкции). Коммуникативной тактикой, реализующей данную функцию, является апелляция к двухпартийности США.
2. Регулирующая функция проявляется в двух категориях: смягчение критики для управления реакции реципиента и конструктивное предложение пути решения проблем. На языковом уровне регулирующая функция преимущественно выражается грамматически: использование безличных и условных конструкций, вводных элементов (I think), риторических вопросов, параллельных конструкций. На лексическом уровне применяется использование неопределенных местоимений для обобщения. Также применяется коммуникативный прием – речевая тактика уступки, когда критика сопровождается признанием положительных сторон.
3. Референтная функция редко встречается в чистом виде и чаще комбинируется с другими функциями. Ее основными средствами реализации являются апелляция к позитивному опыту сотрудничества, к ценностям и образу нации как политического субъекта.

Таким образом, толерантность в американском политическом дискурсе выступает в качестве прагматического коммуникативного инструмента. Для определения функции того или иного средства реализации необходимо учитывать экстралингвистический контекст и интенцию говорящего. Политики активно используют широкий спектр языковых средств для реализации функций и принципов толерантного общения с целью снизить напряженность и сохранить мирное, уважительное взаимодействие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Генералова С.Н. Понятие ''политический дискурс" в лингвокультурологической парадигме // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-politicheskiy-diskurs-v-lingvokulturologicheskoy-paradigme (дата обращения: 20.03.2025).
2. Колесникова С.Н. Особенности политического дискурса и его интерпретация // Вестник ЧелГУ. 2011. №33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-politicheskogo-diskursa-i-ego-interpretatsiya (дата обращения: 20.03.2025).
3. Кудрявцев А.Г. Сопоставительное изучение языковой толерантности в политическом дискурсе (на материале русского английского и турецкого языков). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Челябинск, 2012.
4. Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н.А. Купина и О.А. Михайлова — Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2004. – 595 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedic/articles/405/diskurs.htm (Дата обращения: 20.03.2025)
6. Перельгут Н.М., Сухоцкая Е.Б. О структуре понятия «Политический дискурс» // Вестник НВГУ. 2013. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiya-politicheskiy-diskurs (дата обращения: 20.03.2025).
7. Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. – Воронеж, 2000. – 110 с
8. Южакова Ю.В. Лингвистичтический аспект толерантности // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 231–232. ISSN 1993–5552. URL: https://www.gramota.net/article/alm20080247/fulltext (дата обращения: 11.03.2025).
9. Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н.А. Купина и М.Б. Хомяков. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — 542 с. — (Золотая коллекция).
10. Южакова Ю.В. Толерантность массово-информационного дискурса идеологической направленности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.
11. Южакова Ю.В. Толерантность с позиций лингвокультурологии // Язык и культура (Новосибирск). 2014. №10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-s-pozitsiy-lingvokulturologii (дата обращения: 11.03.2025).

© Гурова Лариса Дмитриевна (gurova_ld@surgu.ru), Курбанов Ибрагим Алиевич (ibragimkurbanov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.23

ФРЕЙМ «ВЫИГРЫШ» КАК ТИП ЛЕКСИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА В ДИСКУРСЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ I-ОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

FRAME "WIN" AS A TYPE OF LEXICAL CONCEPT IN THE DISCOURSE OF RUSSIAN LITERATURE 1ST HALF OF THE 19TH CENTURY

A. Karpenko

Summary: The article is devoted to the topic of the frame winnings . The article pays special attention to the linguistic means of expressing the frame. A frame, as a knowledge model, contains information about a recurring situation that reflects the meaning of a certain cultural phenomenon. The study identified the characteristic features of the frame, including its structure. The frame structure is hierarchical, consisting of nodes and slots that contain invariant parameters and variable information. Nodes include concepts that explain the intended situation, and slots (also known as terminals) are represented by special markers that contain variable information based on convention. Based on the model of a card game in the discourse of Russian literature in the first half of the 19th century, five nodes were identified: the player's actions (based on semantic information), the rules of the game (expressed through a syntactic model), the bet and strategy represented by lexemes of slang and professional jargon, and chance. Strategy, chance, and the bet can also be considered as variable information that fills the lower terminal. Additionally, a linguistic analysis of Russian literature texts from the period revealed lexical markers and syntactic patterns that define the properties of the win frame.

Keywords: frame, frame model, top level, bottom level, nodes, terminals, semantic markers.

Карпенко Анна Валентиновна
Аспирант, ФГБОУ ВО Донецкий государственный университет
anna.karpenko2505@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена теме фрейма «выигрыш». Особое внимание в статье уделяется языковым средствам выражения фрейма. Фрейм как модель знания содержит информацию о повторяющейся ситуации, отображающей значение определённого культурного явления. В ходе исследования были выделены характерные признаки фрейма, в том числе определена его структура. Структура фрейма иерархичная: включает узлы и слоты, в которых представлены инвариативные параметры и вариативная информация. Узлы включают понятия, объясняющие предполагаемую ситуацию, а слоты (они же терминалы) представлены специальными маркерами, в которых содержится переменная информация, основанная на условности. Так на основе модели карточной игры в дискурсе русской литературы I-ой половины XIX века были выделены 5 узлов: действия игрока (на основании семантической информации), правила игры (выраженные синтаксической моделью), ставка и стратегия, репрезентированные лексемами жаргонизмов и профессионализмов, и случай. Стратегия, случай и ставка могут быть рассмотрены и как вариативная информация, наполняющая нижний терминал. Также в результате лингвистического анализа текстов русской литературы вышеобозначенного периода были выявлены лексические маркеры и синтаксические модели, определяющие свойства фрейма «выигрыш».

Ключевые слова: фрейм, фреймовая модель, верхний уровень, нижний уровень, узлы, терминалы, семантические маркеры.

Постановка проблемы

Одним из свойств фрейма является типизация ситуации, что позволяет рассматривать его, определяя сходства и различия стереотипных представлений о карточной игре в литературе I-ой половины XIX века. В данной статье мы рассмотрим фрейм «выигрыш», который представляет совокупность определённых ситуаций игровой реальности карточных игр, репрезентированных в текстах вышеобозначенного периода русской литературы. Актуальность исследования обусловлена тем, что, обращаясь к понятию фрейм как к лингвистическому инструментарию, можно объяснить понимание семантических маркеров, определяющих карточный выигрыш. Новизна статьи состоит в изучении пропозиционально-фреймовой структуры концепта «выигрыш». Во время исследования материала были использованы следующие методы: контекстуальный анализ, сравнительный, пропозиционально-фреймовый анализ.

В ходе исследования были поставлены следующие задачи:

- Определить свойства фрейма и выделить его структурные компоненты;
- Описать языковые средства выражения фрейма «выигрыш», позволившие определить семантику карточной игры;
- Выяснить, как когнитивные механизмы помогают раскрыть особенности лингвокультуремы «игра»

Целью данного исследования является описание языковых средств выражения фрейма «выигрыш», представленного в творчестве писателей I–ой половины XIX века.

Определение связи языка и мышления предшествовало появлению разных концепций психолингвистики,

цель которой состоит в объяснении функционирования языка как психического феномена, был сделан вывод: изучение языкового материала невозможно без учёта особенностей носителя языка. Вследствие этого в конце 30-х гг. объектом изучения стали психолингвистические структуры знания: семантический фрейм, когнитивная метафора. В своём исследовании мы рассмотрим семантический фрейм.

Фрейм – это устойчивая когнитивная структура (ячейка), в которой содержится информация, ментальный образ. В XX веке понятие «фрейм» получило широкое применение в различных областях знаний: социальные науки, искусственный интеллект, телекоммуникация, компьютерные сети, программирование, видеографика. В когнитивную лингвистику термин вошёл в 70-е гг. и был адаптирован для неё Ч. Филлмором.

Данный термин был предложен Г. Бейтсоном для указания на контекстуальность некоторого действия и одновременно для определения структурных особенностей повседневной коммуникации [4, с. 146–147]. Позднее он был использован М. Минским для объяснения связи не только между восприятием и мышлением, но и ментальными процессами, которые их сопровождают. По мнению М. Минского, в памяти человека есть некая структура данных, с помощью которой он пытается понять новую ситуацию или объяснить её иначе на основе имеющегося опыта, «с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных частей сделать ее пригодной» для более широкого распространения [9, с. 7]. Так как фрейм – открытая структура, которую можно подвергать изменениям за счёт новой информации, что способствует формированию **концептуальной** картины мира. Согласно утверждению М. Минского, фрейм представляет собой сеть, состоящую из вершинных узлов (суперординатных) и слотов (субординатных). В узлах представлены справедливые, объясняющие предполагаемую ситуацию понятия, вершины-терминалы же (они же слоты) заполняются специальными маркерами с переменной составляющей, определяющей условия для той или иной ситуации. Об иерархичности структуры фрейма также говорит Е.В. Лукашевич: «…вглубь от верхних уровней к нижним, глубинным уровням, а концепт изображается больше в виде полевой модели с ядром и периферией» [8, с. 71].

Среди последователей фреймовой теории М. Минского– зарубежные учёные (Ч. Филмор, Т.А. Ван Дейк, Э. Гоффман) и наши соотечественники (Ж.В. Никонова, Ю.Н. Караулов, Л.А. Нефёдова, Н.Н. Болдырев и др.). Однако их определения фрейма разнятся. К примеру, для Ч. Филмора, фрейм – падежная рамка, структура, в которой отражено языковое сознание говорящего. Для него фрейм – система категорий, которая структурирована в соответствии с контекстом: «Многие слова образуют группы, каждую из которых лучше изучать как единое целое. В каждом случае, для того чтобы понять смысл одного из членов группы, необходимо до некоторой степени понять, что значат они все. Такие группы слов удерживает вместе то, что они мотивируются, определяются и взаимно структурируются особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта, для которых можно использовать общий термин «фрейм» [7]. Фреймы не связаны с контекстами, а хранят элементы социальной памяти, содержащие основную информацию, которая ассоциируется с определённым концептом. Учёный интерпретирует понятие фрейм как «модельную ситуацию», полагая, что текст может быть понят только тогда, когда «мы понимаем ситуацию, о которой идет речь» [2].

Н.Н. Болдырев трактует фрейм как «объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации» [1, с. 36]. Только концепт отражает образ, а фрейм – всю ситуацию. Эту точку зрения разделяет М.В. Никитин, утверждающий, что фрейм – сложный концепт и «что в центре каждого фрейма стоит концепт некой сущности <…>, создающий вокруг себя «поле когнитивного тяготения»» [10, с.62]. Следовательно, текст состоит из фреймов, анализ которых позволяет установить семантические взаимоотношения внутри текста.

В отличие от Т.А. ван Дейка Э. Гоффман считает, что фреймы помогают познать собственный опыт: «могут быть идентифицированы в рамках ситуаций, подчинены определенным принципам, которые отражают социальные события и регулируют участие в них человека». [5, P. 10–11.]. Для Э. Гофмана фрейм является исходным кодом, который служит для объяснения повседневной ситуации с определённой целью. Ф. Шмидт и Х.-Й. Унгерер полагают, что фрейм – это одна из когнитивных моделей, в которой содержатся знания, связанные с повторяющейся ситуацией. Ж.В. Никонова считает, что «фрейм является частью упорядоченной системы опыта отражения сознанием реальной действительности», так как закреплён в словаре за референтной ему структурой. [11, с. 86] По мнению Е.В. Лукашевич, «в научных описаниях фреймовая структура чаще представлена иерархически: вглубь от верхних уровней к нижним, глубинным уровням, а концепт изображается больше в виде полевой модели с ядром и периферией» [8, с. 71].

Таким образом, обобщение всего вышесказанного позволяет констатировать, что **фрейм** – фрагмент памяти, знания о конкретном культурном тексте, который помогает отобразить значение определенного культурного явления. «объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации» [1, с. 36].

Несмотря на множество трактовок фрейма, следует

выделить характерные для него свойства:

- Фрейм отражает сферу знания. По мнению Н.Н. Болдырева, он [фрейм] является «моделью культурно обусловленного, канонизированного знания» [1, с.33]. Причём знание должно быть общедоступным для общества в целом или его части. В целом фрейм может представлять собой структуру знания из любой сферы жизни человека и общества.
- Фрейм моделирует знания о повторяющейся ситуации.
- Для фрейма характерно традиционное начало, которое представлено как постоянная информации, которая заполняет верхние узлы. Но с открытием теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье этот признак может подвергаться изменению: информация верхних узлов может интегрировать в глубинные (условные) терминалы и наоборот: «Образуется новое интегрированное пространство, в котором нейтрализуются одни элементы исходных фреймов, усиливаются другие и создаются новые» [6, с. 46]
- Целостность фреймовой модели обеспечивается за счёт иерархической структуры расположения элементов.

Опираясь на теорию М. Минского, мы попытаемся описать природу фрейма, как познавательного процесса для построения текстовых структур.

Как было сказано выше, фрейм – структурированная когнитивная модель, состоящая из терминальных узлов и отношений. Если узлы содержат инвариативные параметры, то слоты – вариативную непостоянную информацию, которая может содержать как национально-культурные компоненты, так универсальные.

Несмотря на официальные запреты азартной карточной игры в России, в XIX веке она как вид досуга дворян становится субкультурой дворянского общества, где цель выигрыша (если речь не идёт о профессиональном игроке) сводится не к приобретению материальных благ, а к удовлетворению всеобщей страсти, стремлению внести в жизнь непредсказуемость, случайность, разрушив мундирную упорядоченную жизнь: «*Расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты*» [А.С. Пушкин «Пиковая дама»].

Однако не следует отрицать, что в карточной игре многие видели прямой путь к богатству, утратив веру в божественное провидение, полагались на научный расчёт или использовали шулерские приёмы: «*Игроки собирались ко всеночному бдению за карточными столами и там, теряя честь, совесть и любовь к ближнему, приготовлялись обманывать и разорять богатых простачков всякими непозволенными способами*» [Засосов Д.А., Пызин В.И., 2003, с. 62-63]. Данный пример представляет синтаксическая конструкция, которая включает ряды однородных членов, выраженных контекстуальными синонимами: *честь, совесть, любовь*; *приготовились обманывать и разорять* - являются грамматически равноценными, но семантически разноплановыми. Такие нравственные качества игроков, как *честь, совесть*, *любовь к ближнему* в процессе нечестной игры нивелируются, причём смысловая и эмоционально-оценочная значимость показаны как убывающая градация. Субъекты игры – *игроки и простачки* – это контекстуальные антонимы, так как игроки являются шулерами, потому что используют «непозволенные способы» в процессе игры, тем самым обманывая и разоряя честных партнёров по игре.

Карточная игра вторгается в быт дворянского сословия, искушая честного служаку поставить на кон состояние ради внезапного и одномоментного ощущения счастья. Результат карточной игры, в зависимости от её вида – коммерческая или азартная – ориентирован на денежный выигрыш в большей или меньшей степени. Если коммерческая игра была своего рода интеллектуальной дуэлью, исход которой зависел от умения разгадывать стратегию противника, от знания правил той или иной игры, то азартная игра – поединком между игроком и Случаем, где игрок вынужден принимать решение, почти не имея информации.

Обратимся к языковым средствам выражения, которые были обнаруженным в ходе анализа текстов русской литературы, обозначенного ранее периода, которые позволили определить фреймовую структуру «выигрыша» карточной игры, его семантику. Описание переменных основано на следующих элементы:

- наименование признака;
- принадлежность к объекту/ процессу *X*;
- условия применения;

Фрейм «выигрыш» включает верхний и нижний уровни. Верхний уровень (он же **первый узел**) содержит семантическую информацию, связанную с понятием «выигрыш», и синтаксическую модель выражений, которые описывают действия игрока («дождался», «поставил») и определение понятия «выигрыш», как положительный исход карточной игры: «*Германн дождался новой тальи, поставил карту, положив на нее свои сорок семь тысяч и вчерашний выигрыш*» [А.С. Пушкин. Пиковая дама (1833)].

Второй узел верхнего уровня заполняют *правила игры*, которые являются формальной составляющей для любой карточной игры, представляя синтаксическую модель , с помощью которой можно описать действия игрока: «*Старшая карта берет, и число таковых взяток означает выигрыш, на чьей из двух сторон их более, те выигрывают, и выигравшая сторона проигравшей*

дает столько ударов жгутом, сколько превышают набратые взятки. [Н. В. Гоголь. Книга всякой всячины, или подручная энциклопедия / Игры, увеселения малороссиян (1828)]. Согласно представленным лексическим единицам («карта берёт», «взятки отражают») можно определить не только правила игры, но и преследуемую цель, которая отражается в производных «выигрыша»: *выигравшая* сторона противопоставлена *проигравшей* в производимых действиях. Такие коллокации, как «*число взяток», «набратые взятки», «столько <…> сколько*» – выражают неопределённо большое количество.

Третий узел верхнего уровня – *ставка* – взнос обозначенной суммы на кон, а также «денежная сумма или иное имущество, которое игрок вкладывает в игру и теряет при проигрыше» [13, с.69]. Это необходимый элемент игры, который служит стоимостным выражением как выигрыша, так и проигрыша. На концептуальном уровне представлен в качестве узла фрейма, репрезентируемый в следующих примерах: «*И ты ни разу не соблазнился? ни разу не поставил на руте?*» [А.С. Пушкин. Пиковая дама]. Лексема, вербализирующая данный слот «ставка», объясняет такое положение карт как руте, «когда много раз подряд ставят на одну и ту же карту» [3, с.154]. Также примером, подтверждающим инвариативное значение ставки, является следующий: «*Чаплицкий поставил на первую карту пятьдесят тысяч и выиграл соника; загнул пароли, пароли-пе, – отыгрался и остался ещё в выигрыше*» [А.С. Пушкин. Пиковая дама]. В контексте изобилуют профессионализмы, определяющие ставку *(соник, пароли, пароли-пе*), но смысл подтекста (*загнул пароли и отыгрался*) определяет цель игрока: отыграться разорившемуся, чтобы вернуть долг, а не обогатиться, воспользовавшись данной комбинацией карт, что подтверждает принадлежность данного примера к ***терминалу нижнего уровня***, подтверждающему вариативную составляющую фрейма «выигрыш». Также следует отметить, что в отдельно взятых случаях ставкой может определяться любое действие человека (поставить на кон именье, супругу): «*И просит важно позволенья Лишь талью прометнуть одну, Но с тем, чтоб отыграть именье, Иль* «*проиграть уж и жену*» [М.Ю. Лермонтов «Тамбовская казначейша»]. В данном примере понятие «ставка» эксплицируется с женой казначея и его именьем, которых он проиграл за одну партию (талья), что также определяет содержание ***нижнего терминала***. К тому же эта ставка не входит в предмет правового поля, так как не представляет имущественный характер проигрыша.

Четвёртый узел верхнего уровня – *стратегия* — набор навыков игрока, его умение и мастерство, благодаря которым выигрыш возможен вопреки неудачному раскладу карт: «*<…> удивительно, бестия, штосы срезывает: всего каких-нибудь четверть часа посидел и все обобрал — славно играет!*» [Н.В. Гоголь. Ревизор]. Актуализатором синтаксической модели данного узла являются следующие лексемы: жаргонизм («бестия»), профессионализмы («штосы срезывает», «всё обобрал»). Номинативное значение качественной характеристики действия заключается в выражении *«славно играет».* Мастерство игрока в азартные игры противопоставлено игроку, обладающему большими навыками играть в игры коммерческие, чтобы избежать поражения: *«Впрочемъ по добротѣ своей и по дружбѣ къ Аглаеву, Удушьевъ совѣтовалъ ему отнюдь не играть ни въ банкъ, ни въ штосъ, и продолжать только коммерческія игры, въ которыхъ онъ былъ такой мастеръ*» [Д.Н. Бегичев. Семейство Холмских. М., 1833, ч. IV, с. 70—71].

Нижний уровень терминала, определяющий стратегию игры в исключительном случае, представлен в примере: *«Никогда не понтируй <…> всегда будешь в выигрыше»* [Одоевский 1988, с. 366] – предикат «не понтируй», содержит условие для успешной игры и является формированием навыка азартной игры для отдельно взятого случая, что является не фактической игрой , а условием сделки.

Пятый узел верхнего уровня – *случай.* Для азартной игры случай — это непременное условие, так как моделирует игровой процесс, воздействуя на конечный результат. Причём есть игры, которые основаны только на случайности, без учёта стратегии, умения игрока или расчёта. К примеру: *«Лучше в банк или штосс: тут не надобно мастерства, а счастие», — говаривали в то время* [Д. Н. Бегичев. Семейство Холмских. М., 1833, ч. IV, с. 70—71.] Из контекста делаем вывод, что лексема «счастие» аналогична лексеме «случай».

Однако случай так же, как и стратегия игры, может быть рассмотрен в качестве ***терминала нижнего уровня***, где «в совокупности с искусством и сметливостию решают потерю или выигрыш». Герман, полагаясь на расчёт, основанный на знании трёх карт, оказался во власти Случая, сам того, не подозревая*: «…в самом деле, вместо туза у него стояла пиковая дама. Он не верил своим глазам, не понимая, как мог он обдернуться»* [А.С. Пушкин. Пиковая дама]. Под маркером «обдёрнуться» определяется не столько семантическое значение профессионализма – «ошибиться, взяв не ту карту», –а шулерская уловка Случая, закончившаяся для героя плачевно, тем самым подтвердив алеаторный характер азартной игры «фараон».

Выводы

В заключение следует отметить, что анализ текстов, содержащих лексические маркеры и синтаксические модели высказываний, помогли определить структуру семантической модели фрейма «выигрыш», тем самым выявив инвариативные данные, представленные в тер-

минальных узлах, и вариативные – в слотах. Когнитивно-пропозициональная структура выигрыша включает следующие инвариативные составляющие: правила игры, ставка, стратегия, случай; вариативные. Именно слоты отражают особенности лингвокультуремы «игра» и её национально-культурные компоненты. Они же показали потенциальные возможности, раскрывающие языковую актуализацию фрейма.

Посредством семантико-когнитивного подхода, целью которого является изучение семантики языковых и ментальных репрезентантов, была совершена попытка исследовать фрейм «выигрыш» в карточной игре на примере текстов русской литературы I-ой половины XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 25–36.
2. Ван Дейк Т.А. Эпизодические модели в обработке дискурса // Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ. — М.: Прогресс, 1989. — С. 68–110.
3. Вахитов С.В. Карточная терминология и жаргон XIX века – 2006–1
4. Вахштайн В.С. Памяти Ирвинга Гофмана // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2007. № 3 (83). С. 141–151.
5. Goffman E. Frame analysis: An essay on the organisation of experience. N. Y., 1974. P. 10–11.
6. Ирисханова О.К. О теории концептуальной интеграции // Известия АН. Сер. лит. и языка. – 2001. – Т. 60, № 3. – С. 44–49.
7. Лотман Ю.М. «Пиковая дама» тема карт и карточной игры в русской литературе Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. — СПб.: ИскусствоСПБ, 1995. – С. 786–814.
8. Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект. – М. – Барнаул: Издво Алтай. ун-та, 2002. – 234 с.
9. Минский М. Фреймы для представления знаний: пер с англ. / под ред. Ф.М. Кулакова. М., 1979. С. 7.
10. Национальный корпус русского языка. - Режим доступа: www.ruscorpora.ru.
11. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53–64.
12. Никонова Ж.В. Фрейм в контексте лингвистической науки / Ж.В. Никонова // Бестник Вятского государственного гуманитарного университета. - Киров, 2008–№ 4 (2). -С. 86–89 (0,3 пл.)
13. Севбо И.П. Композиционные аспекты автоматизированной генерации текстов // НТИ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. 1991. № 10. С. 26–32.
14. Т.И. Султонова. К вопросу о признаках азартных игр/ Т.И. Султонова. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Гражданское право. – 2014. – Вып. №14. – С. 62–69.
15. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. — Вып. XXIII. — М.: Прогресс, 1988. — С. 52–92.

© Карпенко Анна Валентиновна (anna.karpenko2505@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.25

ГИБРИДНЫЙ НАРРАТИВ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ТРЕНДОВ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯ LENTA.RU)

HYBRID NARRATIVE AS AN INSTRUMENT FOR SHAPING SOCIAL TRENDS: THE CASE OF LENTA.RU

A. Lapko
S. Aynulova

Summary: The article examines the hybrid narrative as a tool for constructing and representing socially significant trends in digital media. Using the special project "Fresh Russian" by the online publication Lenta.ru as a case study, the analysis focuses on a hybrid narrative structure. Central to this investigation is the mechanism that combines the macrostructure of "Petals" with the microstructure of the "Hero's Journey", further complicated by "concentric circles" that explain social dynamics and "fractals" that replicate plot elements across different levels within the narrative. It is argued that this approach transforms personal stories into an instrument for examining socially significant trends.

A content analysis reveals that the storytelling in the "Fresh Russian" project serves to construct a new cultural identity through a dialogue with heritage and the theme of conscious entrepreneurship. Consequently, the hybrid narrative fulfills not only an informational but also a meaning-making function.

Keywords: storytelling, narrative, hybrid narrative, multimedia narrative, storytelling principle, special project, online media, Lenta.ru.

Лапко Анастасия Валерьевна
старший преподаватель, Тихоокеанский государственный университет
reddaktor@mail.ru
Айнулова Светлана Евгеньевна
Тихоокеанский государственный университет
aynulova04@inbox.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию гибридного нарратива как инструмента конструирования и репрезентации социально значимых трендов в цифровых СМИ. На примере спецпроекта «Свежий русский» интернет-издания Lenta.ru анализируется гибридная повествовательная структура. В центре внимания находится механизм сочетания макроструктуры «Лепестков» с микроструктурой «Путешествия героя», усложненные «концентрическими кругами», объясняющими социальную динамику, и «фракталами», воспроизводящими сюжетные ходы на разных уровнях внутри повествования. Доказывается, что данный подход трансформирует частные истории в инструмент исследования ключевых общественных тенденций.

Содержательный анализ выявляет, что сторителлинг в проекте «Свежий русский» служит конструированию новой культурной идентичности через диалог с наследием и тему осознанного предпринимательства. В результате гибридный нарратив реализует не только информационную, но и смыслообразующую функцию.

Ключевые слова: сторителлинг, нарратив, гибридный нарратив, мультимедийный нарратив, принцип повествования, спецпроект, интернет-СМИ, Lenta.ru.

Введение

В условиях цифровой трансформации медиа нарратив перестал быть просто способом изложения событий, а превратился в инструмент осмысления сложных социальных явлений. Гибридный нарратив, объединяющий классические линейные структуры и нелинейные цифровые форматы, позволяет не только привлекать внимание аудитории, но и конструировать новые социальные тренды. В специальных проектах ведущих интернет-изданий такая гибридизация становится стратегией трансформации частных историй в масштабное исследование актуальных социокультурных процессов.

Несмотря на растущий интерес к цифровому сторителлингу, конкретные механизмы гибридизации нарративных моделей и их роль в конструировании социальных трендов в практике российских медиа остаются недостаточно изученными. Поэтому целью данной статьи является выявление и анализ гибридных нарративных моделей как инструмента конструирования социально значимых трендов. В центре внимания находится механизм комбинации и взаимодействия различных сторителлинговых структур, а также их содержательное наполнение.

Материалы и методы исследований

Материалом для анализа стал специальный проект «Свежий русский» интернет-издания Lenta.ru, которое является одним из наиболее последовательных СМИ, реализующих принципы сложного сторителлинга.

Исследование базируется на выявлении и анализе механизмов гибридизации нарративных структур и их роли в конструировании социально значимых смыслов и трендов.

Результаты и обсуждения

Характерной чертой современной интернет-журналистики является нарративизация публикаций, которая

коснулась практически всех медийных жанров, и использование сторителлинга для отражения общественно значимых событий и объяснения сложных концептов. Качественный нарратив, построенный в соответствии с законами сторителлинга, в условиях дефицита внимания аудитории имеет большой потенциал для его привлечения. По мнению А.С. Сумской, срабатывает психологический фактор, поскольку истории выразительны, они увлекают, вызывают эмоциональные переживания, потому способны влиять на действия, поступки и убеждения аудитории [18]. В.С. Варакин называет журналистику «социальной системой сторителлинга», где последний является инструментом порождения и представления смыслов социальной действительности, способом понимания обществом самого себя [2].

В сетевых СМИ наиболее распространенным форматом работы журналиста является цифровой сторителлинг, в котором словесное искусство построения нарратива сочетается с современными мультимедийными техниками передачи истории. Он является все той же историей со своим героем, сюжетом, выстроенной драматургией, но от традиционного его отличает мультимедийный «обвес» [17]. Он позволяет разбить медиатекст на смысловые блоки, структурировать материал, избавить его от монотонности, разнообразить информацию, сделать ее подачу более эффектной и объемной. Потребитель информации переходит на новый уровень вовлеченности, выстраивая свой маршрут освоения материала. Следовательно, сам режиссирует свою навигацию и находит грани личностного измерения истории. Это достигается благодаря свойствам мультимедийного нарратива, где сам нарратив обеспечивает структуру повествования, журналистика – законы содержания, а мультимедиа – форму истории [11].

Цифровой сторителлинг стал одной из ключевых стратегий создания контента в сетевой среде, демонстрирующей эволюцию структурных моделей и раскрывающей внутреннюю логику развития нарратива – от следования классическим канонам к экспериментальным гибридным формам.

Изначально цифровые нарративы часто опирались на унаследованные классические линейные структуры, еще не предлагающие аутентичного ответа на вызовы нелинейности. Преобладали трехактная модель Аристотеля [1] или «Путешествие героя» («Мономиф») Дж. Кэмпбелла [12] и К. Воглера [7], где различные компоненты служили иллюстрацией единой, предопределенной сюжетной линии. Эти модели обеспечивали ясность и драматургическую целостность, но в них отсутствовали интерактивность и многовариантность, характерные для цифровой среды.

Разрывом с классической парадигмой стало формирование нелинейных и интерактивных структурных моделей. Гипертекстовые конструкции, ветвящиеся сюжеты, управляемые выбором пользователя, сместили фокус с авторского монолога на диалог с аудиторией. Повествовательная структура перестала быть фиксированным маршрутом и превратилась в сеть потенциальных путей. Например, модель «Лепестков», где несколько независимых историй («лепестков»), связанных общей темой, персонажем, событием или концепцией («центр» цветка), начинаются и заканчиваются в одной центральной точке, или модель «Мозаичного повествования», где история собирается пользователем из различных фрагментов [20; 10]. Появились и гибридные структурные модели, сочетающие линейность и нелинейность, авторский контроль и участие пользователя.

Эволюция от линейных канонов к гибридным экспериментам является живым процессом, который можно наблюдать в современных мультимедийных спецпроектах, демонстрирующих, как структурные решения влияют на восприятие информации и вовлеченность аудитории.

В спецпроектах интернет-издания Lenta.ru классические техники сторителлинга редко используются в «чистом» виде из-за мультимедийной и интерактивной природы контента. Они адаптируются, фрагментируются и комбинируются для создания сложного, нелинейного опыта.

Спецпроект «Свежий русский» [16] представляет масштабное исследование современного российского предпринимательства в сфере креативных индустрий и ремесленного производства. Его уникальность заключается не только в тематике, но и в сложной сторителлинговой модели, которая превращает бизнес-истории в многослойный культурный, социальный и экзистенциальный нарратив. Серия материалов служит рамкой для более глубокого нарратива – поиска и обретения национальной и личной идентичности через возрождение и переосмысление культурного кода России.

Анализ нарративных моделей, использованных в проекте, позволяет выявить ключевые тенденции в развитии мультимедийного сторителлинга в цифровых СМИ.

В проекте используется гибридная сторителлинговая модель, сочетающая структуру «Лепестков» и классического «Путешествия героя».

Модель «Лепестков» применяется на макроуровне каждого материала, где представлено несколько самодостаточных историй (от трех до пяти), которые раскрывают разные границы центральной темы.

Например, в материале «Россияне бросают работу в офисе, чтобы делать невероятно красивую посуду. Как

керамика помогает им обрести счастье?» [19] – это создание новой локальной идентичности через ремесло. Здесь каждая история героини усложняет предыдущую и реализует глубинную нарративную структуру повествования – от личного хобби к социальной миссии. Все персонажи представляют собой воплощение отдельного архетипа: «хранитель мифов» Ольга Емельянова («Лукоморье») возрождает сказочные образы через керамику; в истории «освобожденного творца» Юлии Никулиной (Julinka) показан переход от корпоративной несвободы к «нескучной» керамике для «внутреннего ребенка»; «социальный инноватор» Наталья Ионова («Маленький фарфоровый завод») формирует локальную идентичность через промышленный дизайн (авангард в «текстильном крае»).

Нарратив выстраивается по принципу расширяющегося воздействия, формируя «концентрические круги» сторителлинговой модели: внутренний – личное преображение, средний – влияние на локальную экономику и культуру, внешний – вклад в национальную идентичность и туризм. Так создается измеримый социальный эффект: от остановки оттока молодежи до создания туристических кластеров. Это не просто «истории успеха», а кейс социального предпринимательства, где вклад каждого персонажа становится инструментом территориального развития. Нарратив балансирует между индивидуальным и коллективным, традиционным и инновационным, локальным и национальным, экономическим и экзистенциальным, что превращает материал о ремесленниках в глубокое исследование о поиске смысла и идентичности в современной России.

Модель «Лепестков», усложненная «концентрическими кругами», позволяет читателю выстроить индивидуальную траекторию восприятия, выбирая наиболее близкую ему историю, а в сумме – получить панорамную картину явления. Такой подход обеспечивает широту охвата и демонстрирует, что описываемый феномен – не единичные случаи, а устойчивый тренд.

На микроуровне, внутри каждого «лепестка», используется модель «Путешествие героя». Повествование выстроено по канонической схеме трансформации. Эта структура придает личным историям драматургическую глубину, эмоциональную напряженность и формирует вдохновляющий нарратив, с которым читатель может себя идентифицировать. Например, в материале о возрождении и трансформации российского ювелирного искусства через призму индивидуального творчества и предпринимательства [8] показана история Андрея Стрельника (Strelnik Jewelry): обычный мир – менеджер, не видевший себя в ювелирном деле; призыв к приключению – случайная находка диоптаза; помощники – отец как носитель традиционного мастерства, жена Юлия – соавтор идей; испытания – создание первого дизайна, освоение производства, поиск своего стиля; награда – первый крупный заказ, создание успешного бренда; возвращение с эликсиром – свобода творчества, управление бизнесом, экспорт в Китай.

Аналогичная структура прослеживается в историях Марии Черных (от реставратора к создателю бренда) и Архипа Щепина (от детского увлечения к участию в профессиональных выставках).

В ряде историй повествовательная модель усложняется «фракталами» – вложенными нарративами. В частности, в упоминаемом выше материале о современном ювелирном искусстве – это общая история ювелирного дела в России (от XIX века до современности); личная история эксперта по ювелирному искусству Елены Веселой как пример потребительского опыта в СССР; краткие упоминания других брендов (Himere, Moonswoon, Fjord), которые добавляют контекст и показывают масштаб явления.

Такая гибридность обеспечивает панорамный обзор явлений, позволяет добиться глубины и эмоционального погружения, создает динамику и многогранность, что является признаком качественного мультимедийного спецпроекта.

Содержательный анализ всех историй позволяет выявить единую сверхзадачу спецпроекта – не просто проинформировать о новых брендах, а превратить рассказ о современном бизнесе в размышление о преемственности, традициях и модернизации, зафиксировать процесс формирования новой культурной и экономической российской идентичности, рождающейся на стыке личного творчества и диалога с наследием.

Тематическое и нарративное единство здесь движется от товаров к смыслам. Это достигается через трансформацию роли предмета, который перестает быть просто объектом потребления. Керамика, одежда, обувь, украшения, мебель, вещи для дома, косметика, парфюмерия, товары для животных становятся артефактами, носителями личной и коллективной памяти, инструментом терапии, способом самоидентификации и выражения культурного кода. Так, неваляшка бренда Asiknova Ceramics в материале о декоре [13] предстает как символ личной травмы (выгорание, перелом), терапевтический инструмент и философский символ, олицетворяющий стойкость и несгибаемость, а чепчик бренда tête bonnet [6] – как связующее звено между поколениями (семейная сага с мастерицами-родственницами) и ироничный модный аксессуар («ирония к себе»).

Все истории выстроены по принципу концентрических кругов, где центральной оппозицией является «личное – коллективное». Они начинаются с личной драмы или поиска отдельного человека (кризис, выгорание,

экзистенциальная неудовлетворенность) и через этап предпринимательства выводят на уровень решения общезначимых проблем: создание локальной идентичности, остановка оттока молодежи, возрождение территорий, терапия коллективных травм, формирование осознанной потребительской культуры. Для усиления посыла нарратив подкрепляется и другими антиномиями и драматургическими контрастами. Например, антиномия «столица и провинция», подчеркивающая аутентичность и связь; «глобальное и локальное», где массовый рынок с безликой продукцией противопоставлен камерным брендам с историей; «наука и природа», демонстрирующая, что натуральность – это не про «бабушкины рецепты», а про научный подход к традиционным ингредиентам; «прошлое и настоящее» – старинные орнаменты в современных флаконах, мифологические сюжеты в актуальном минималистичном дизайне [4].

Сквозным нарративом проекта является тема «русскости», переосмысленной не как этнографический стиль, а как живая традиция, диалог с наследием, формирующая социокультурный контекст. Она придает нарративу аналитичность и глубину, выводя его за рамки простого обзора брендов. Герои активно конструируют новую эстетику, опираясь на фольклор (возрождение сказочных образов через керамику [19]), советское наследие («гобелены с оленями» на корсетах, юбка «Мурзилка», линейка «Советский рейв» Александры Пустыревой [15]), неваляшки Ирины Веселовой, сохранение советского модернизма Дмитрием Майоровым [13]), локальные природные образы (ароматическое присвоение территории и формирование новой «ароматной идентичности» [5]) и ремесленные техники (погружение читателя в производственные процессы как прием драматургии [3]). Это отражает тренд на глокализацию – усиление локальной идентичности в условиях глобализации, вписывание российских практик в общемировой контекст.

Сторителлинг в «Свежем русском» отличается высоким вниманием к языку, который работает на создание конкретных образов и эмоционального отклика. Активно используется «тактильный сторителлинг», описывающий физические ощущения от материалов, чтобы сделать процесс осязаемым («глина была одним из первых материалов, который покорился человеку» [19], «янтарь четыре дня крутится в барабане» [8], «светильник полностью испекся» [13]). На тактильность и визуализацию работают и атмосферные детали – главный инструмент создания доверия и аутентичности, в которых слышны голоса героев и чувствуется происходящее («взъерошенная челка», «черная безразмерная футболка», «счастливый мальчишка в машине с кольцом-поездом» – портрет Архипа Щепина [8], «когда я получил свой первый стул, меня распирало о счастья» – Евгений Аверкин, «Аня поглаживает воображаемый брус» – Анна Панихина [9], «лесная женщина с косметикой из диких трав» – Анна Крассова [4]). В качестве эмоциональных якорей выступают метафоры: «дорожка к русской душе», «запах рая», «кровь, в которой растворен дух авантюризма» [4], «валенки заворожили мир», «волан начал свой полет», «прыжок в эйфорию» [3]. В материале о парфюмерии [5] используется эффект синестезии, где запахи связываются с визуальными образами, звуками и воспоминаниями, наделяющие обыденные явления поэтическим и философским смыслом через их ароматическое воплощение: «ярко-желтые цветы в мутной воде» (зрение и обоняние), «запах первой капели, распускающихся листьев и свежей травы» (звук, тактильность и обоняние, «дымный, древесный, напоминающий баню или осеннее чаепитие в лесу» (обоняние, тактильность и визуальный образ).

Ирония и самоирония выполняют характерологическую функцию, обеспечивая психологическую достоверность и эмоциональную привлекательность персонажей («В жизни Ольги не было никакой сказочной волшебной палочки», «“Надеялась, что обойдемся игрушками”, – улыбается она» [19], «Кто же виноват, что собакам лишь бы перекусить», «шутка превратились в нечто большее» [14]). Прямая речь героев часто содержит афористичные высказывания, которые становятся цитатами-манифестами, смысловыми центрами историй («Я хочу менять моду и ценности» [15], «Делаю только то, что хочется» [8]). Это формирует не просто портрет предпринимателя, а портрет идеолога.

В спецпроекте «Свежий русский» наблюдается эволюция нарративных моделей от классических линейных схем к сложным гибридным конструкциям. Доминирующей стратегией становится сочетание макроструктуры «Лепестков», обеспечивающей тематическую широту и нелинейную навигацию, с микроструктурой «Путешествия героя» внутри каждого элемента. Нарратив «упаковывается» в жизненные сюжеты, что придает историям драматургическую цельность и эмоциональную глубину. Усложнение этой модели «концентрическими кругами» и «фракталами» превращает проект в глубокое исследование о поиске смысла и идентичности в современной России, обеспечивая единство структуры на всех уровнях и создавая целостный и мощный нарратив.

Содержательный анализ подтверждает, что принципы сторителлинга применяются на глубоком концептуальном уровне. История выстраивается не вокруг товара или услуги, а вокруг поиска идентичности, преодоления кризиса и социальной миссии. Каждая вещь становится артефактом личной биографии, носителем исторического кода, инструментом экономического возрождения и символом национальной идентичности. Через мини-истории конструируется метанарратив о «новой русскости», основанной на диалоге с наследием, глокализации через «возвращение к корням» и осмысленном предпринимательстве, аутентичном, осознанном, укорененном в

культуре, но открытым для инноваций. Проект выполняет не только информационную, но и смыслообразующую функцию, фиксируя зарождение актуальных социокультурных кодов. Таким образом, Lenta.ru использует техники сторителлинга не как жесткие схемы, а как гибкий инструментарий, элементы которого интегрируются в мультимедийную среду для создания максимально вовлекающего и информационно насыщенного опыта. Сторителлинг работает на уровне ценностей и эмоций, а не просто фактов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель; вступ. ст. и коммент. С.Ю. Трохачева; пер. с древнегреч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2007. 346, [2] с.
2. Варакин В.С. Сторителлинг как инструмент информационного моделирования социальной действительности // Социальная миссия журналистики: реалии и прогнозы: мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. / сост., отв. ред. О.В. Третьякова. Архангельск, 2014. С. 92–99.
3. Васильева Д. «Мы решили дарить эйфорию». Кто в России делает самую удобную обувь и возрождает любовь к валенкам? / Свежий русский // Lenta.ru. 2024. 21 окт. URL: https://lenta.ru/articles/2024/10/21/shoes/ (дата обращения: 10.10.2025).
4. Васильева Д. Молодые россияне посвящают жизнь тому, чтобы сделать уникальную косметику. Как они совершают прорыв на рынке? / Свежий русский // Lenta.ru. 2024. 2 сент. URL: https://lenta.ru/articles/2024/09/02/cosmetic/ (дата обращения: 10.10.2025).
5. Васильева Д. Они решают, чем пахнет Россия. Как в стране выросло новое поколение парфюмеров и что их вдохновляет? / Свежий русский // Lenta.ru. 2024. 23 сент. URL: https://lenta.ru/articles/2024/09/23/parfum/ (дата обращения: 10.10.2025).
6. Васильева Д. Русская традиция возвращается в моду. Как чепчики и золотная вышивка стали новым трендом, а чокеры заменяют нечокеры? / Свежий русский // Lenta.ru. 2024. 30 сент. URL: https://lenta.ru/articles/2024/09/30/accessories/ (дата обращения: 10.10.2025).
7. Воглер К. Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино / Пер. с англ. Москва: Альпина нон-фикшн, 2019. 608 с. URL: https://nonfiction.ru/media/fragments/puteshestvie_pisatelya_poket.pdf (дата обращения: 01.10.2025).
8. Гузаирова А. «Я делаю только то, что мне хочется». Российские ювелиры создают уникальные украшения. Как они завоевывают сердца россиян? / Свежий русский // Lenta.ru. 2024. 30 сент. URL: https://lenta.ru/articles/2024/10/30/jewellery/ (дата обращения: 10.10.2025).
9. Гузаирова А. В России делают мебель, которая выглядит как произведение искусства. Кто ее создает и как хобби превращается в бизнес / Свежий русский // Lenta.ru. 2024. 9 сент. URL: https://lenta.ru/articles/2024/09/09/mebel/ (дата обращения: 10.10.2025).
10. Дженкинс Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа / Пер. с англ. А. Гасилина. Москва: Рипол-классик, 2019. URL: https://flibusta.su/book/116851-konvergentnaya-kultura-stolknovenie-staryih-i-novyih-media/read/ (дата обращения: 10.10.2025).
11. Качанов Д.Г. Мультимедийный журналистский нарратив: к определению понятия // Меди@льманах. 2021. № 3 (104). С. 20–29. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/multimediynyy-zhurnalistskiy-narrativ-k-opredeleniyu-ponyatiya (дата обращения: 01.10.2025).
12. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой / Пер. с англ. О.Ю. Чекчурина. Санкт-Петербург: Питер, 2018. 347 с. URL: https://www.litres.ru/book/dzhozef-kempbell/tysyachelikiy-geroy-33848058/chitat-onlayn/ (дата обращения: 01.10.2025).
13. Новичкова Д. Мастера из России создают уникальные вещи для дома. Кто они и как посвятили жизнь тому, чтобы радовать людей? / Свежий русский // Lenta.ru. 2024. 16 сент. URL: https://lenta.ru/articles/2024/09/16/decor/ (дата обращения: 10.10.2025).
14. Пономаренко М. «Я не получал таких эмоций 10 лет». Как россияне ради любви к животным бросают работу, чтобы делать для них одежду и корм / Свежий русский // Lenta.ru. 2024. 5 нояб. URL: https://lenta.ru/articles/2024/11/05/pets/ (дата обращения: 10.10.2025).
15. Пономаренко М. «Я хочу менять моду и ценности». Кто в России делает уникальную одежду, в которой вы точно будете выглядеть не как все? / Свежий русский // Lenta.ru. 2024. 14 окт. URL: https://lenta.ru/articles/2024/10/14/clothes/ (дата обращения: 10.10.2025).
16. Свежий русский // Lenta.ru. URL: https://fresh.lenta.ru (дата обращения: 10.10.2025).
17. Симакова С.И., Енбаева А.П., Исакова Т.Б. Мультимедийный сторителлинг – теоретическое осмысление // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. № 1. С. 222–230. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/multimediynyy-storitelling-teoreticheskoe-osmyslenie (дата обращения: 31.09.2025).
18. Сумская А.С. Трансмедиа storytelling в маркетинговых PR-коммуникациях // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «Филологические науки». 2016. Вып. 104. № 13 (395). С. 117–124. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transmedia-storytelling-v-marketingovyh-pr-kommunikatsiyah (дата обращения: 31.09.2025).
19. Улитина Е. Россияне бросают работу в офисе, чтобы делать невероятно красивую посуду. Как керамика помогает им обрести счастье? / Свежий русский // Lenta.ru. 2024. 7 окт. URL: https://lenta.ru/articles/2024/10/07/ceramics/ (дата обращения: 10.10.2025).
20. Miller C.H. Digital Storytelling: A Creator's Guide to Interactive Entertainment. Burlington, MA: Focal Press, 2014. URL: https://archive.org/details/digitalstorytell0000mill_u4l2/mode/2up (дата обращения: 10.10.2025).

© Лапко Анастасия Валерьевна (reddaktor@mail.ru), Айнулова Светлана Евгеньевна (aynulova04@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.29

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПОЭМЫ А. ЕЛЬТМАНА «МУРОМСКИЕ ЛЕСА»: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОМИНАНТНЫХ КОНЦЕПТОВ

CONCEPTUAL SYSTEM OF A. VELTMAN'S POEM "MUROM FORESTS": STRUCTURAL-SEMANTIC ANALYSIS OF DOMINANT CONCEPTS

Lian Bingbing

Summary: The article is devoted to a comprehensive study of the concept sphere of A. Veltman's romantic poem "Murom Forests" (1831) in the context of the Russian Byronic tradition of the first third of the 19th century. The relevance of the work is due to insufficient study of A. Veltman's creativity in modern literary criticism and the need to identify the specifics of the Russian robber poem, which differs from the Western European tradition with its emphasis on Orthodox categories of sin, conscience, and repentance. The problem lies in determining the hierarchy of concepts and their role in the artistic system of the work, where universal romantic values are combined with a national worldview. The purpose of the study is to identify the structural and semantic characteristics of key concepts of the work and determine their hierarchy in the ideological and artistic system of the poem.

Keywords: concept, concept sphere, romanticism, Byronic poem, A. Veltman, Russian literature of the 19th century.

Лянь Бинбин
Аспирант, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
L18714300620@163.com

Аннотация: Статья посвящена комплексному исследованию концептосферы романтической поэмы А. Вельтмана «Муромские леса» (1831) в контексте русской байронической традиции первой трети XIX века. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью творчества А. Вельтмана в современном литературоведении и необходимостью выявления специфики русской разбойничьей поэмы, отличающейся от западноевропейской традиции акцентом на православных категориях греха, совести и покаяния. Проблема заключается в определении иерархии концептов и их роли в художественной системе произведения, где универсальные романтические ценности сочетаются с национальным мировоззрением. Цель исследования — выявить структурно-семантические характеристики ключевых концептов произведения и определить их иерархию в идейно-художественной системе поэмы.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, романтизм, байроническая поэма, А. Вельтман, русская литература XIX века.

Введение

Творчество А.Ф. Вельтмана (1800–1870) занимает особое место в истории русской литературы первой половины XIX века, однако его произведения остаются недостаточно изученными в современном литературоведении [1]. Поэма «Муромские леса», опубликованная в 1831 году, представляет собой яркий образец русской байронической поэмы и отражает характерные черты романтического мировосприятия эпохи [2]. Жанровая специфика разбойничьей поэмы, получившей распространение после выхода пушкинских «Братьев разбойников» в 1825 году, предполагала особую систему ценностей и концептуальных доминант [3].

В отличие от западноевропейской традиции, где образ благородного разбойника окружен романтическим ореолом, русская литература трактовала разбойничью тему через призму нравственно-психологических проблем, связанных с категориями греха, совести и христианского смирения [4]. Эта специфика делает актуальным исследование концептосферы произведения, позволяющее реконструировать авторскую картину мира и выявить национальное своеобразие русского романтизма.

Концептуальный анализ художественного текста как методологический инструмент современного литературоведения позволяет проникнуть в глубинные смысловые структуры произведения [5]. Под концептом понимается многомерное ментально-вербальное образование, включающее понятийную, образную и ценностную составляющие и отражающее этнокультурную специфику языковой картины мира [6]. Концептосфера представляет собой совокупность концептов, образующих целостное семантическое пространство произведения [7].

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составил комплексный подход, интегрирующий методы концептуального анализа художественного текста, семантико-структурного исследования и количественного анализа. Концептуальный анализ проводился в соответствии с трехуровневой моделью описания концепта, включаю-

щей понятийный, образный и ассоциативный компоненты [8]. На понятийном уровне осуществлялась идентификация лексических репрезентантов концептов в тексте поэмы с последующим определением их дефиниционных характеристик. Выявление образной составляющей концептов проводилось через анализ метафорических переносов, символических значений и эпитетов.

Эмпирическую базу исследования составил полный текст поэмы объемом 68 страниц, включающий основное повествование и лирические вставки. Процедура анализа включала несколько последовательных этапов: сплошная выборка лексем, семантически связанных с ключевыми концептами; классификация выявленных единиц по концептуальным полям; статистический подсчет частотности употребления репрезентантов каждого концепта; контекстуальный анализ семантических трансформаций концептуальных единиц; выявление парадигматических связей между концептами; построение структурно-семантических моделей концептосферы произведения.

Для определения ядерных и периферийных зон концептосферы применялся метод полевого моделирования, позволяющий представить иерархическую структуру концептуальной системы произведения [9]. Дополнительно использовались элементы лингвокультурологического подхода для выявления национальной специфики концептуализации ключевых понятий в контексте православного мировоззрения.

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ показал, что концептосфера поэмы А. Вельтмана «Муромские леса» представляет собой сложную иерархическую систему взаимосвязанных концептов, организованных вокруг центрального макроконцепта «счастье/свобода/любовь». Статистический анализ текста выявил 247 лексических единиц, выступающих репрезентантами ключевых концептов, что составляет 8,3% от общего словоупотребления в произведении [10]. Доминирующее положение занимает концепт «счастье», представленный 89 контекстами употребления, что свидетельствует о его центральной роли в идейно-художественной структуре поэмы.

На понятийном уровне концепт «счастье» в поэме реализуется через два взаимосвязанных семантических направления: счастье как обретение свободы и счастье как переживание любви. Семантическое ядро концепта формируют лексемы *счастливец*, *безоблачное счастье*, *дни золотые*, *счастье утратя*, образующие понятийную основу авторского представления о счастье как гармоничном состоянии личности. Контекстуальный анализ показал, что концепт реализуется преимущественно через описание состояния главного героя Лельстана в юные годы и в финале произведения после воссоединения с возлюбленной Мильдой. (Таб. 1.)

Концепт «свобода» занимает второе по значимости место в концептосфере произведения, выступая необходимым условием достижения счастья (табл. 1). Лексические репрезентанты этого концепта встречаются в 62 контекстах, при этом 34 из них непосредственно связаны с концептом «счастье», что подтверждает их тесную взаимосвязь в авторском сознании [11]. Семантическое поле концепта «свобода» включает несколько зон: физическая свобода (освобождение от заточения), социальная свобода (независимость от общественных норм) и духовная свобода (внутренняя независимость личности). Для Лельстана свобода понимается прежде всего как моральное право на честную жизнь и любовь, в то время как для разбойников свобода ассоциируется с вольной жизнью в лесу, вне законов общества.

Концепт «любовь» реализуется через 45 контекстов и тесно связан с концептом «счастье». Семантическое наполнение концепта охватывает как романтическую любовь между Лельстаном и Мильдой, так и дружеские привязанности. В структуре концепта выделяются следующие семантические компоненты: взаимность чувства, преданность, жертвенность, трансформация дружбы в любовь. Особенностью вельтмановской трактовки концепта является его связь с категорией молодости: *Лета*

Таблица 1.

Структура макроконцепта «счастье/свобода/любовь» в поэме А. Вельтмана «Муромские леса».

Уровень концепта	Лексические репрезентанты	Частотность	Семантическая характеристика
Ядро (счастье)	счастливец, безоблачное счастье, дни золотые	27	Состояние гармонии, благополучия, душевного покоя
Ближайшая периферия (свобода)	минута свободы, вольный, не раба, воля	34	Отсутствие внешних ограничений, внутренняя независимость
Дальняя периферия (любовь/дружба)	любовь обратили, в начале любви, друзьями, дружба	28	Межличностные отношения, эмоциональная привязанность
Противоположный полюс	несчастье, оковы, неволя, плен	41	Страдание, лишение свободы, душевная скорбь

Примечание. Представленные данные получены методом сплошной выборки из текста поэмы с последующей классификацией по семантическим полям. Частотность указывает на количество контекстов употребления в произведении.

нашу дружбу в любовь обратили — любовь предстает как естественное развитие юношеской дружбы, что отражает характерное для романтизма представление о любви как высшем проявлении человеческих чувств [12]. (Таб. 2.)

Анализ динамики показывает трансформацию концептуальной структуры образа главного героя. Путь Лельстана от счастья (12 контекстов в начале) через страдание (18 контекстов несчастья в середине) к духовному возрождению (15 контекстов счастья в финале) моделирует романтическую концепцию личности, способной к нравственному преображению через испытания [13]. Концептосфера разбойников, напротив, построена на доминировании концепта «несчастье» (27 контекстов против 4 контекстов счастья), что отражает авторскую позицию относительно невозможности обретения подлинного счастья на пути преступления. Концепт «грех/совесть» является специфическим для русской литературной традиции и отражает православное мировоззрение автора. В поэме он реализуется через 42 контекста, причем 19 из них связаны с прямым обозначением греховности разбойничьей жизни, а 23 — с описанием мук совести персонажей. Семантическое поле концепта включает лексемы *грех, злая совесть, неправое дело, преступление*, которые создают нравственно-психологическую характеристику образов разбойников [4]. Авторская позиция однозначна: разбойничество есть тяжкий грех, не имеющий оправдания даже при наличии социальных причин (бедность, несправедливость). Это отличает поэму Вельтмана от западноевропейской романтической традиции, где благородный разбойник часто предстает борцом против социальной несправедливости. (Таб. 3.)

Концепт «ночь/мрак/тьма» выполняет в произведении особую функцию, создавая атмосферную и символическую рамку повествования. Встречаясь в 56 контекстах, этот концепт реализуется через лексемы *ночь, мрак, темнота, пещера, подземелье, тень, лампа* (табл. 3). На символическом уровне концепт «ночь» ассоциируется с миром разбойников, их темными делами и душевным состоянием [14]. Разбойники действуют ночью, живут в подземной пещере, их лица скрыты во мраке — все это создает образ людей, погруженных не только во внешнюю, но и во внутреннюю тьму греха. Оппозицией выступают образы света, зари, дня, связанные с Лельстаном и возможностью возвращения к праведной жизни. Концепт «судьба» занимает важное место в концептосфере произведения, встречаясь в 38 контекстах. В поэме

Таблица 2.

Концептуальная пара «счастье/несчастье» в судьбах персонажей.

Персонаж/группа	Концепт «счастье»	Концепт «несчастье»	Причина состояния
Лельстан (начало)	12 контекстов	3 контекста	Благополучная семья, любовь, дружба
Лельстан (середина)	2 контекста	18 контекстов	Убийство, тюрьма, разлука с Мильдой
Лельстан (финал)	15 контекстов	1 контекст	Воссоединение с возлюбленной, искупление
Разбойники (общее)	4 контекста	27 контекстов	Преступления, муки совести, скитания
Атаман	0 контекстов	8 контекстов	Месть, одержимость, гибель

Примечание. Таблица демонстрирует динамику концептуальной пары в развитии сюжета. Количественные показатели отражают частотность употребления лексических репрезентантов соответствующих концептов в речи персонажей и авторском повествовании. Антитезой концепту «счастье» выступает концепт «несчастье/несвобода», который в поэме представлен преимущественно через описание состояния разбойников (табл. 2). Этот концепт включает лексемы несчастье, оковы, неволя, плен, тюрьма, совесть (в значении угрызений совести) и реализуется в 73 контекстах. Особенностью концептуализации несчастья в произведении является его связь с моральным аспектом: несчастье разбойников обусловлено не столько внешними обстоятельствами, сколько внутренним конфликтом между стремлением к свободе и осознанием греховности своих деяний.

Таблица 3.

Концептуальная оппозиция «свет/тьма» в пространственно-символической организации поэмы.

Пространство	Концепт	Характеристики	Связанные персонажи	Частотность
Подземелье, пещера	Ночь/тьма/мрак	темнота, скрытость, замкнутость	Разбойники, атаман	34
Лес (ночной)	Ночь	таинственность, свобода-несвобода	Все персонажи	18
Муром (город)	Свет/день	открытость, закон, правда	Отец Мильды, жители	12
Внутренний мир Лельстана	Свет/надежда	стремление к правде, совесть	Лельстан	8
Финальная сцена	Свет/день	венчание, счастье, преодоление тьмы	Лельстан, Мильда	6

Примечание. Пространственная организация поэмы построена на символической оппозиции света и тьмы, которая соответствует моральному противостоянию добра и зла. Подземное жилище разбойников символизирует их падение в бездну греха, в то время как стремление Лельстана выйти на свет соответствует его духовному преображению.

«судьба» понимается в нескольких смысловых аспектах: как рок, предопределяющий жизненный путь; как случайное стечение обстоятельств; как христианское смирение перед волей Провидения [15]. Все персонажи поэмы рефлексируют о своей судьбе, причем для Лельстана судьба предстает как испытание, которое необходимо преодолеть для обретения счастья, в то время как для разбойников судьба часто воспринимается как фатальная предопределенность их несчастного существования. Интегрируя результаты анализа всех выявленных концептов, можно представить концептосферу поэмы как иерархическую структуру с тремя уровнями. Первый уровень (ядро) образует макроконцепт «счастье/свобода/любовь», определяющий идейное содержание произведения. Второй уровень (ближайшая периферия) составляют концепты «судьба», «молодость», «дружба», которые конкретизируют условия и формы проявления счастья. Третий уровень (дальняя периферия) включает концепты «разбой», «грех», «совесть», «ночь», которые создают антитезу счастью и формируют нравственно-психологическую проблематику произведения.

Взаимосвязь концептов в поэме организована по принципу бинарных оппозиций: счастье — несчастье, свобода — неволя, свет — тьма, правда — грех. Эта оппозитивная структура отражает романтическое мировосприятие с его резким противопоставлением идеального и реального, добра и зла, духовного возвышения и падения [16]. При этом концептосфера поэмы сохраняет национальное своеобразие, проявляющееся в акцентировании православных категорий греха, совести, покаяния, которые отсутствуют или минимально представлены в западноевропейской романтической традиции.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить структурно-семантические характеристики концептосферы поэмы А. Вельтмана «Муромские леса» и определить ее специфику в контексте русской романтической литературы первой трети XIX века. Центральное положение макроконцепта «счастье/свобода/любовь» (162 контекста) в идейно-художественной системе произведения отражает характерную для романтизма аксиологическую иерархию, в которой личное счастье, понимаемое как гармоничное сочетание свободы и любви, выступает высшей ценностью человеческого бытия.

Полученные количественные данные о частотности употребления концептуальных единиц подтверждают доминирование этих категорий в авторском сознании и их ключевую роль в организации художественного мира поэмы. Выявленная система бинарных оппозиций в структуре концептосферы свидетельствует о глубоком влиянии романтической эстетики на творческое мышление Вельтмана, при этом специфика авторской концептуализации проявляется в акцентировании нравственно-психологического аспекта проблематики через концепты «грех», «совесть», «судьба» (42 контекста), укорененные в православном мировоззрении.

Анализ концептуальной динамики образа главного героя показал, что путь Лельстана от счастья (12 контекстов) через страдание (18 контекстов) к духовному возрождению (15 контекстов) моделирует романтическую концепцию личности, способной к нравственному преображению через испытания и сохранению верности высшим ценностям. Концептосфера разбойников, построенная на доминировании концептов «несчастье», «неволя», «грех» (73 контекста), отражает авторскую позицию относительно невозможности обретения подлинного счастья на пути преступления, что принципиально отличает русскую разбойничью поэму от западноевропейской традиции идеализации благородного разбойника. Установленные корреляции между частотностью употребления концептуальных единиц и их функциональной нагрузкой в художественной структуре текста позволяют говорить о сознательной авторской стратегии в организации концептуального пространства произведения. Полученные результаты расширяют представления о специфике русского романтизма и вносят вклад в изучение идиостиля А. Вельтмана, творчество которого заслуживает более пристального внимания современного литературоведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, 1978. 424 с. (исправлено на 424)
2. Манн Ю.В. Русская литература XIX века. Эпоха романтизма. М.: РГГУ, 2007. 518 с.
3. Маркович В.М. Русский романтизм в литературном процессе 1800-1840-х годов // Русская литература XIX века: Вопросы сюжета и композиции. Горький: ГГУ, 1975. С. 3–28.
4. Жилина Н.П. Аксиологический дискурс в поэме А. Вельтмана «Муромские леса» // Слово.ру: Балтийский акцент. 2014. № 1. С. 62–68.
5. Пищальникова В.А. Концептуальный анализ художественного текста. Барнаул: АГУ, 1991. 87 с.
6. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 6. С. 47–58.
7. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.
8. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Флинта, 2005. 496 с.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

10. Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2003. 280 с.
11. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
12. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
13. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 740 с.
14. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
15. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
16. Цюньяо Чу. Концепт «природа» в прозе Ю.П. Казакова 1960-х годов // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3. № 6. С. 116–125.

© Лянь Бинбин (L18714300620@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.31

АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В СИТУАЦИИ ЭМОТИВНОЙ КАУЗАТИВНОСТИ

ACTUALIZATION OF THE CATEGORY OF PERSONALITY IN A SITUATION OF EMOTIVE CAUSATION

E. Malakhova

Summary: The article describes the structure of the functional-semantic field (FSF) of personality in the Russian language as a hierarchical system with a core and periphery. Its grammatical core is formed by personal pronouns in the nominative case and the personal verb forms agreeing with them, which function as the subject and predicate (Rank I elements). The periphery of the field (Rank II elements) includes personal pronouns in oblique cases, possessive and reflexive pronouns, as well as impersonal and other syntactic constructions that express the meaning of person indirectly. This field is closely connected with other grammatical categories, such as voice and number.

Keywords: personality, functional-semantic field, functional grammar, Russian language, A.V. Bondarko, grammatical categories, core, periphery.

Малахова Елизавета Вадимовна
аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский университет
lisaveeet@mail.ru

Аннотация: В статье структура функционально-семантического поля (ФСП) персональности в русском языке описывается как иерархическая система с центром и периферией. Её грамматическое ядро образуют личные местоимения в именительном падеже и согласованные с ними личные формы глагола, выполняющие функцию подлежащего и сказуемого (элементы I ранга). К периферии поля (элементы II ранга) относятся личные местоимения в косвенных падежах, притяжательные и возвратные местоимения, а также безличные и другие синтаксические конструкции, выражающие значение лица опосредованно. Данное поле тесно связано с другими грамматическими категориями, такими как залог и число.

Ключевые слова: персональность, функционально-семантическое поле, функциональная грамматика, русский язык, А.В. Бондарко, грамматические категории, ядро, периферия.

Современные лингвистические исследования характеризуются интересом ученых к проблематике функциональной грамматики, в рамках которой анализируется широкий спектр семантических категорий и их языковая репрезентация: когнитивный сценарий прототипической инструментальной ситуации на материале русского глагола пилить [11]; предлоги и отыменные глаголы как средства актуализации категории инструментальности в современном английском языке [7]; аспектуально-таксисные свойства немецких девербативов в аналитических конструкциях [1; 2]; роль нефинитных глагольных форм в актуализации таксиса в романских языках [4]; синкретизм таксисных конструкций на материале французского языка [5]; философские и грамматические основания категории эмотивности [6]; взаимодействие интенсивности и экспрессивности, а также эмотивной валентности [8; 9]. В фокусе настоящей статьи находится категория персональности, рассматриваемая в рамках функционально-семантического подхода. Персональность представляет собой фундаментальную семантическую категорию, которая характеризует участников описываемой ситуации через их отношение к участникам акта речи, прежде всего – к говорящему. Одновременно персональность выступает и как функционально-семантическое поле (ФСП), объединяющее данную категорию со всем многообразием языковых средств, служащих для её выражения. Как ФСП, персональность представляет собой группировку разноуровневых элементов языка – морфологических, синтаксических, лексических и комбинированных (лексико-грамматических), – которые обеспечивают передачу различных вариантов отношения к лицу.

Грамматический центр этого поля образует полифункциональная категория лица, реализуемая в системе личных местоимений и глаголов. Данная категория выполняет три ключевые функции: 1) собственно семантико-дейктическую, устанавливающую соотнесённость (пересечение или непересечение) участников ситуации с участниками речевого акта; 2) семантико-прагматическую, связанную с выражением точки зрения говорящего на соотношение двух планов – обозначаемого события и ситуации речи; 3) структурную (синтаксическую) функцию согласования сказуемого с подлежащим. Таким образом, анализ ФСП персональности позволяет выявить системную взаимосвязь между семантикой, грамматической формой, синтаксической позицией и коммуникативно-прагматическими задачами высказывания [3, с. 7].

Вопрос о структурном типе поля персональности – о его отнесении к моноцентрическим или полицентрическим полям – требует уточнения. Данное поле имеет сложную организацию, опирающуюся на две взаимосвязанные и взаимообусловленные грамматические си-

стемы: систему личных местоимений и систему личных форм глагола, которые совместно образуют его устойчивый центр. А.В. Бондарко подчеркивает единство грамматической категории, лежащей в основе данного центра: «формы лица глаголов и местоимений, образующие центр поля персональности, представляют не разные грамматические категории, а одну и ту же грамматическую категорию лица. Таким образом, персональность рассматривается нами как ФСП моноцентрического типа» [3, с. 19].

В структуре ФСП персональности грамматический центр образует категория лица. Однако и сама эта категория обладает внутренней полевой организацией. В её рамках можно выделить ядро, состоящее из глагольных и местоименных форм 1-го и 2-го лица, непосредственно указывающих на участников коммуникации, и периферию, к которой относятся функционально обособленные формы 3-го лица, не обозначающие прямых участников речевого акта. Эта организация категории лица находит своё отражение в следующем определении: «грамматическая категория лица представляет, с одной стороны (поскольку речь идет о формах 1-го и 2-го лица), центральную сферу семантики персональности, а с другой (в том, что касается форм 3-го лица и форм безличности) – сферу переходную от центра к периферии (при обозначении "третьих лиц") и собственно периферийную (при обозначении предметов и при выражении безличности)» [3, с. 20].

Центр поля персональности охватывает лишь часть парадигмы личных местоимений – а именно, те формы, которые совмещают грамматическое значение лица с определённой синтаксической ролью. К ядру относятся исключительно местоимения в форме именительного падежа, выполняющие функцию подлежащего. Все остальные падежные формы, независимо от их семантики, оказываются за пределами центра: «Формы личных местоимений в косвенных падежах, выступающие в роли дополнений со значением объекта *Скажу тебе*, а также субъекта *Тебе дежурить*, мы относим не к центру поля персональности, а к ближайшей периферии – четкое различие здесь провести трудно» [3, с. 21].

Следовательно, чтобы та или иная форма была отнесена к центру поля персональности, недостаточно лишь её формальной принадлежности к личным местоимениям. Ключевым становится её синтаксическое функционирование. Этот же принцип распространяется и на другие разряды местоимений, например, притяжательные, которые также выражают значение лица: «эти формы мы также относим не к центру, а к ближайшей периферии рассматриваемого поля или к зоне, занимающей промежуточное положение между центром и периферией». Ключевым критерием для отнесения местоименных форм к центру поля персональности выступает их синтаксическая функция в структуре предложения. Центр составляют «формы я, мы, ты, вы, он, она, оно, они, выступающие в роли субъекта-подлежащего при глаголе-сказуемом» [3, с. 21], поскольку они непосредственно соотносятся с личными формами глагола, формируя ядро субъектно-предикатных отношений. Все прочие формы – косвенные падежи личных местоимений, а также возвратные и притяжательные местоимения – лишены такой прямой синтаксической соотнесённости с глагольным предикатом.

А.В. Бондарко различает персональные элементы I ранга, которые выражают отношение к лицу, связанное непосредственно с субъектом-подлежащим (центральным компонентом предложения), и персональные элементы II ранга. Последние находятся за пределами синтаксического ядра и выражают отношение к лицу через другие члены предложения – когда лицо касается субъекта, выраженного дополнением, а также объекта или атрибута [3, с. 21]. В рамках предложенной А.В. Бондарко классификации персональные элементы I и II ранга закономерно взаимодействуют в пределах одного высказывания. Эта возможность наглядно демонстрируется на примерах с ключевым для данного исследования глаголом *тревожить*.

Наиболее показательным является случай, где в структуре высказывания представлены оба ранга. Для демонстрации работы механизмов функционально-семантического поля персональности обратимся к конкретным примерам из художественной литературы: *Я понял, что Варвара Ильинишна не хочет меня тревожить и не будет ни о чем рассказывать*. [М.С. Шагинян. Своя судьба (1916) НКРЯ]. Данное высказывание представляет собой сложноподчиненное предложение, в котором реализуется взаимодействие двух предикативных центров. В главном предложении *Я понял* грамматическое ядро ФСП персональности образует сочетание местоимения *Я* в именительной падеже (подлежащее) и личной глагольной формы *понял* (1-е лицо, ед. ч., прош. вр.). Эта структура, где лицо говорящего выражено через центральную синтаксическую позицию субъекта-подлежащего, согласованного со сказуемым, является примером персонального элемента I ранга, составляющего ядро поля.

В придаточном изъяснительном предложении *что Варвара Ильинишна не хочет меня тревожить и не будет ни о чем рассказывать* формируется второй предикативный центр. Его основу составляет подлежащее, выраженное именем собственным *Варвара Ильинишна*, и согласованные с ним личные формы глаголов *хочет* и *будет* (3-е лицо, ед. ч.). Несмотря на то, что категория лица здесь выражена не местоимением, а личной глагольной формой, данная конструкция, будучи ядром придаточной клаузы, также функционирует как персональный эле-

мент I ранга, хотя и маркирует периферийное в рамках категории лица значение третьего лица, не являющегося непосредственным участником коммуникации.

Особый интерес представляет вторая часть составного сказуемого придаточного предложения – инфинитивная конструкция *меня тревожить*. Местоимение *меня*, выступающее в роли прямого дополнения в винительном падеже, хотя и обозначает то же 1-е лицо говорящего, что и подлежащее *Я* в главном предложении, занимает синтаксически зависимую, периферийную позицию. В соответствии с синтаксическим критерием А.В. Бондарко, такая форма, лишенная функции подлежащего и прямой связи со сказуемым в предикативном ядре, относится к ближней периферии ФСП персональности и классифицируется как элемент II ранга. Лицо говорящего в высказывании представлено дважды, но в принципиально разных статусах: как активный субъект восприятия (элемент I ранга) и как пассивный объект потенциального действия (элемент II ранга). Глагол *тревожить* в инфинитиве семантически связывает агента и пациенса, выступая действием, которое субъект в лице Варвары Ильинишны (3-е лицо) не желает совершать по отношению к объекту-говорящему (1-е лицо).

Мне очень неприятно ***снова*** *вас* ***тревожить****, но вы мне не ответили ясно на один вопрос* [Сергей Довлатов. Армейские письма к отцу (Из сборника «Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба») (1962–1963) НКРЯ]. Первая часть высказывания, *Мне очень неприятно снова вас тревожить,* представляет собой безличную конструкцию, что определяет его положение на дальней периферии ФСП персональности. В безличных предложениях отсутствует грамматическое ядро в виде подлежащего и согласованного с ним личного сказуемого, следовательно, персональные элементы I ранга здесь не представлены.

Персональные элементы II ранга: *Мне* – личное местоимение 1-го лица в дательном падеже. Хотя оно обозначает участника коммуникации (говорящего), оно функционирует не как подлежащее, а как косвенное дополнение. Его синтаксическая периферийность соответствует статусу элемента II ранга: лицо выражено опосредованно, через позицию объекта состояния. *Вас* – личное местоимение 2-го лица в винительном падеже. Оно также находится в зависимой позиции – прямого дополнения при инфинитиве *тревожить*. Это также элемент II ранга, маркирующий второго участника коммуникации (слушающего) исключительно как объект действия.

Предикативные элементы: *Неприятно* – предикативное наречие (категория состояния), выступающее главным членом безличного предложения. Оно не выражает категории лица, что подчеркивает периферийность всей конструкции относительно центра поля персональности. *Тревожить* – инфинитив. Будучи семантическим ядром высказывания, он синтаксически зависим и лишен грамматических признаков лица. В первой части предложения персональность выражена исключительно периферийными средствами II ранга. Это создает эффект дистанцирования: где говорящий и слушающий представлены не как активные субъекты, а как участники, затронутые состоянием и действием. Это стратегия вежливости и косвенного речевого воздействия. Вторая часть предложения: *но вы мне не ответили ясно на один вопрос* формирует грамматическое ядро ФСП персональности.

Персональные элементы I ранга: *Вы* – личное местоимение 2-го лица в именительном падеже, выполняющее функцию подлежащего. *Ответили* – личная форма глагола (2-е лицо, мн. число, прош. вр.), выступающая в роли сказуемого и согласованная с подлежащим *вы*. Сочетание *вы ответили* образует предикативный центр высказывания и является персональным элементом I ранга, непосредственно выражающим отношение к лицу (слушающему) через синтаксическую связь.

Персональные элементы II ранга: *Мне* – личное местоимение 1-го лица в дательном падеже. Оно является косвенным дополнением. Несмотря на то, что обозначает центрального для всего высказывания участника (автора письма), его синтаксическая роль зависима по отношению к ядру *вы ответили*. Следовательно, это элемент II ранга. Иерархия в поле персональности определяется не лексическим значением и не морфологической формой, а синтаксической функцией. Одно и то же лицо *вы* представлено то, как объект на периферии (*вас тревожить*), то как субъект в ядре (*вы не ответили*), что коренным образом меняет его коммуникативный статус.

Несколько месяцев, к моему великому удивлению, меня больше не ***тревожили***, что не мало ***тревожило,*** зато меня. [Г.А. Гершуни. Из недавнего прошлого (1908) НКРЯ]. Первая часть предложения: меня больше не тревожили представляет собой пассивную (страдальную) конструкцию. Ее грамматическую основу образует составное именное сказуемое с глаголом-связкой в форме 3-го лица множественного числа прошедшего времени *тревожили*. Подлежащее в данной конструкции синтаксически не выражено.

Персональный элемент II ранга: В фокусе находится личное местоимение *меня* в винительном падеже. Оно выражает 1-е лицо (говорящего) и выполняет синтаксическую функцию прямого дополнения при пассивном глаголе. В соответствии с теорией А.В. Бондарко, личные местоимения в косвенных падежах, не занимающие позиции подлежащего, относятся к ближней периферии ФСП персональности. Говорящий представлен здесь не как активный субъект, а как объект, на который направлено действие. Вторая часть предложения: *что не мало*

тревожило, зато меня представляет собой двусоставную конструкцию, образующую грамматическое ядро.

Персональный элемент **I ранга:** Грамматическое ядро формирует сочетание подлежащего *что* (местоимение, отсылающее к предыдущей ситуации и принимающее грамматические признаки 3-го лица среднего рода ед.ч.) и согласованной с ним личной формы глагола-сказуемого *тревожило*. Это элементы I ранга, выражающие категорию лица (3-е лицо) через центральную субъектно-предикатную структуру.

Персональный элемент **II ранга:** как и в первой части, местоимение *меня* в винительном падеже выступает в роли прямого дополнения, относясь ко II рангу. Несмотря на тождественность лексической формы и лица, его синтаксическая функция остается периферийной.

Возвратные местоимения *себя, себе* и т.д. следует трактовать как морфолого-синтаксический компонент периферии поля персональности. Отношение к лицу здесь выражается морфологической формой (падежной флексией местоимения), однако сама эта форма способна указывать на лицо только в синтаксической связи с местоимением-подлежащим или личной глагольной формой. Возвратность глагола в русском языке – это грамматическая категория, которая указывает на направленность действия или состояния на субъект. Признак возвратности – постфикс – ся (-сь) в морфемном составе глагола. (Таб. 1.)

Он никогда не позволял себе излишне тревожиться [И.С. Тургенев. Неосторожность (1843) НКРЯ].

Отношение к лицу (3-е лицо, мужской род) задано элементом I ранга – подлежащим *он*. Возвратное местоимение *себе* (дательный падеж) выполняет синтаксическую роль косвенного дополнения. Оно не вводит нового участника, а возвращает действие к уже названному объекту (он → себе), выступая, таким образом, периферийным морфолого-синтаксическим средством выражения того же лица.

По крайней мере обо мне вам не из чего тревожиться [И.С. Тургенев. Холостяк. Комедия в трех действиях (1849) НКРЯ].

Таблица 1.

Значения возвратных глаголов [10, с. 618].

Разряд	Значение	Пояснение	Пример
Собственно-возвратные	Субъект и объект действия совпадают. Субъект направляет действие на самого себя.	Характерна семантическая близость с конструкцией «глагол + себя» (вин. п.). Включает как глаголы со знач. физического действия, так и глаголы со знач. состояния.	Глаголы физич. действия: мыться, умываться, одеваться, причесываться Глаголы состояния: сдерживаться, настраиваться, унижаться.
Взаимно-возвратные	Взаимное действие, направленное друг на друга. Выполняется двумя или более субъектами.	Каждый субъект одновременно является и производителем, и объектом действия. Значение может быть истолковано через конструкцию «друг друга».	целоваться, обниматься, встречаться, ссориться, мириться.
Косвенно-возвратные	Действие совершается субъектом в своих собственных интересах.	Объект действия прямо не выражен, но подразумевается, что он предназначен для субъекта. Значение раскрывается конструкциями с «себе», «для себя».	строиться, укладываться, прибираться, запасаться. «Это бы, расстроило наши планы, а мы уложились» (Толст.).
Активно-безобъектные (потенциально-качественные)	Действие как постоянное, характерное свойство (способность) субъекта.	Употребляется обычно в несовершенном виде, в настоящем времени, для указания на характерную черту, а не на конкретный процесс.	Собака кусается. Крапива жжется. Корова бодается.
Характеризующе-качественные	Способность предмета (субъекта) подвергаться какому-либо воздействию, его пассивное свойство.	Обозначает постоянный признак. Подлежащее является носителем свойства, а не активным деятелем.	Нитки рвутся. Фарфор легко бьется. Кофе плохо растворяется.
Общевозвратные	Действие, замкнутое в сфере состояния субъекта.	Выражает внутреннее эмоциональное или психическое состояние, которое не переходит на внешний объект.	сердиться, радоваться, беспокоиться, веселиться, печалиться. «Не беспокойся, пожалуйста...» (Л. Толст.).
Побочно-возвратные	Действие как непреднамеренное, случайное или вынужденное соприкосновение с объектом.	Объект, выраженный существительным в творительном падеже с предлогом (за, о, об), является источником или причиной действия.	удариться об угол, взяться за ручку, держаться за перила.

Данное предложение представляет собой безличную конструкцию с инфинитивом возвратного глагола, что определяет его положение на дальней периферии функционально-семантического поля персональности. В данном предложении отсутствует грамматическое ядро в виде подлежащего и согласованного личного сказуемого, следовательно, персональные элементы I ранга здесь не представлены.

Персональные элементы **II ранга:** Все средства выражения лица в этом предложении занимают синтаксически зависимые позиции, что соответствует статусу персональных элементов II ранга. *Вам* – личное местоимение 2-го лица в дательном падеже. Оно выражает участниками коммуникации, но функционирует не как подлежащее, а в роли косвенного дополнения – синтаксического субъекта состояния при безличном предикативе и инфинитиве. *Обо мне* – предложно-падежная форма личного местоимения 1-го лица. Оно реализует значение 1-го лица, однако занимает синтаксически зависимую позицию косвенного дополнения.

Предикативные элементы: предикативную основу высказывания составляет безличная модально-оценочная конструкция *не из чего* в сочетании с инфинитивом тревожиться. Конструкция *не из чего* не обладает категорией лица. *Тревожиться* – возвратный инфинитив. Возвратный постфикс *-сь* указывает на направленность действия или состояния на субъект, однако сам инфинитив, как неличная форма, категорию лица не выражает. В данном контексте постфикс соотносится с местоимением вам, что семантически указывает на то, что потенциальное состояние тревоги относится к адресату. К синтаксическим средствам выражения персональности относятся и деепричастные конструкции. Отнесённость действия к лицу передаётся в них опосредованно и синтаксически: поскольку деепричастие подчиняется правилу односубъектности, производитель второстепенного действия всегда совпадает с субъектом главного предложения: *Я иду, оглядываясь по сторонам* оглядываясь получает отношение к 1-му лицу благодаря соотнесенности с 1-м лицом *Я иду* [3, с. 22].

Лексические средства выражения персональности функционируют в сочетаниях с глагольным и местоименным лицом: *наш брат, автор этих строк*, соотнесенные с формами 3-го лица или формами прошедшего времени (а также сослагательного наклонения) и определяющие реальную отнесенность содержания высказывания к говорящему [4, с. 23]. Отдельную группу составляют случаи, где отношение к лицу формируется контекстом и речевой ситуацией. Это наиболее характерно для предложений, требующих ответа да или нет. Без опоры на предшествующую реплику их персональная отнесенность остается невыраженной. Например, в диалоге *Ты выполнил задание? – Да* частица *да* семантически замещает все утверждение *я выполнил задание*, показывая отнесенность ко 2-му лицу из вопроса.

К крайней периферии поля персональности относятся также формы безличности. Их статус в системе категории лица является дискуссионным: одни исследователи полностью исключают безличность из этой категории, тогда как другие, в том числе А.В. Бондарко, считают ее включение в систему форм лица теоретически обоснованным. Согласно этой точке зрения, безличные конструкции, например, *Светает, Темнеет, Похолодало* обладают определенной семантической близостью к формам 3-го лица. Эта близость заключается в отнесенности содержания к внешнему миру, находящемуся за пределами говорящего и слушающего, что сближает их со значением 3-го лица при обозначении предметов. Разумеется, полного тождества здесь нет: в отличие от 3-го лица, безличные формы не содержат указания на конкретный предмет или определенный субъект. Тем не менее, в них присутствует общее указание на внешний, неперсонифицированный источник, что позволяет рассматривать их на периферии категории лица: «Отнесенность содержания рассматриваемых безличных форм к внешней среде четко выявляется в текстах, где формируется общий план среды, внешней по отношению к говорящему и слушающему; содержание форм безличности органично включается в этот план, не обнаруживая каких-либо признаков обособленности. Например: *Вечереет. Начинается метель*.» [3, с. 24].

Персональность как категория проявляется в первую очередь в рамках предикатно-субъектных (и, как следствие, предикатно-объектных) отношений, что особенно наглядно видно при анализе ее взаимосвязи с категорией залога. Сравним два высказывания: а) *Эта команда организует ключевые мероприятия* (актив); б) *Ключевые мероприятия организуются командой* (пассив). В активной конструкции персональное значение является единственным и главным: отношение ко 2-му лицу («вы») выражено непосредственно через местоимение в позиции подлежащего, которое согласуется с личной формой глагола. Пассивная конструкция создает двухуровневую структуру: 1) отношение ко 2-му лицу («Вами») сохраняется, но выражается не через подлежащее, а через дополнение в творительном падеже; 2) В фокусе сообщения оказывается само действие и его объект. Это выражается семантикой 3-го лица, которая формируется сочетанием подлежащего-объекта и пассивной формы глагола-сказуемого.

Связь категорий персональности и количественности заключается в том, что грамматическое число систематически участвует в формировании значений лица. Местоимения *я* и *ты* указывают на единичного участника коммуникации. Их формы множественного числа – *мы* и *вы* – выражают не просто множество, а семантическое

Таблица 2.

Структура функционально-семантического поля персональности в русском языке по А.В. Бондарко.

Зона	Языковые средства	Характеристика
Ядро	Грамматические средства в позиции подлежащего: 1) Местоимения в им. Падеже (я, ты, он) 2) Личные формы глагола (тревожу, тревожишь)	Элемент I ранга. Прямое выражение лица через центральный компонент субъектно-предикатной структуры.
Ближняя периферия	Морфологические средства в зависимой синтаксической позиции: 1) Личные местоимения в косвенных падежах (мне, тебя, вами) 2) Притяжательные местоимения (мой, ваш, его) 3) Возвратные местоимения (себе, -сь в составе личной формы)	Элемент II ранга. Выражение лица связано с подлежащим, но реализовано через дополнение или определение.
Дальняя периферия	Смежные грамматические категории: 1) Залог (актив/пассив: выпускаете/ выпускается вами) 2) Количественность (ед/мн число: я / мы) 3) Посессивность (принадлежность: мой, ваш) 4) Модальность/ Темпоральность и т.д.	Показывает системные связи, определяющие функционирование и семантическое наполнение поля персональности

расширение: *мы* означает я + другие, а *вы* – ты + другие (но не я). Между категориями персональности и посессивности существует семантико-грамматическая взаимосвязь. Отношение принадлежности в языке чаще всего является указанием на принадлежность конкретному лицу – говорящему, слушающему или третьему лицу. Эта связь находит прямое структурное выражение в системе притяжательных местоимений. Категория персональности взаимодействует также и с другими грамматическими категориями. Ее поле имеет сложную организацию, ядро которой дополняется разноуровневыми периферийными средствами выражения. (Таб. 2.)

Ключевым принципом организации поля персональности является синтаксический критерий, предложенный А.В. Бондарко и реализованный в разграничении персональных элементов I и II ранга. Данный подход позволяет объективно дифференцировать ядерные средства, формирующие предикативный центр высказывания, и периферийные, занимающие зависимые синтаксические позиции. Персональность не существует изолированно, а находится в системном взаимодействии с грамматическими категориями – залогом, количественностью, модальностью и посессивностью и другими. Поле персональности выступает как фундаментальный компонент языковой картины мира, обеспечивающий кодирование одного из базовых аспектов человеческого опыта — отношения к лицу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова И.В., Шустова С.В. Таксис псевдоодновременности в функциональных структурах (на материале немецкого языка) // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 44–53.
2. Архипова И.В. Аспектуально-таксисные свойства немецкого девербатива (на примере высказываний с предложными конструкциями) // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 3. С. 33–40.
3. Бондарко А.В., Булыгина Т.В., Вахтин Н.Б., Володин А.П., Гак В.Г. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. Санкт-Петербург: Наука, 1991. 370 с.
4. Ивонина М.Ю. Нефинитные глагольные формы как способ актуализации таксиса в романских языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 75–82.
5. Красноборова Л.А. Синкретизм таксисных конструкций (на материале старофранцузского языка) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 57–63.
6. Лю Шушуай. Категория эмотивности в философии и функциональной грамматике: междисциплинарный анализ // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 23–30.
7. Рябкин С.А. Категория инструментальности: функционально семантический аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 15–22.
8. Сюткина Н.П. Потенциал эмотивных каузативов с позиций функционального подхода // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 54–59.
9. Сюткина Н.П. Эмотивная валентность: синтагматика и парадигматика // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 4. С. 37–42.
10. Шведова Н.Ю., Арутюнова Н.Д., Бондарко А.В., Иванов В.В., Улуханов И.С., Филин Ф.П. Русская грамматика. Том 1. М.: Наука, 1980. 792 с.
11. Яркова В.В. Дефиниционный анализ глаголов инструментальной семантики // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 10–25.

© Малахова Елизавета Вадимовна (lisaveeet@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.33

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЯЗЫКОВОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ АБИТУРИЕНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ МОТИВАЦИОННЫХ ПИСЕМ В НИУ «МЭИ»)

GENDER DIFFERENCES IN THE LINGUISTIC SELF-PRESENTATION OF INTERNATIONAL APPLICANTS: A CASE STUDY OF MOTIVATION LETTERS AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY "MPEI"

M. Plotnikov

Summary: The study aims to analyze gender-related differences in the linguistic representation of educational and career intentions of international applicants. Based on motivation letters submitted to MPEI (National Research University) in 2025, the research identifies lexico-semantic, grammatic and pragmatic features of self-presentation. It was found that male applicants tend to employ rational and goal-oriented strategies, whereas female applicants more frequently rely on value-driven, emotionally expressive, and dialog-oriented forms of communication. The study demonstrates that gender representation is not constructed in a strictly binary way but rather manifests as a variable spectrum shaped by cultural and academic contexts. The findings contribute to a broader understanding of linguistic personalization mechanisms and gender pragmatics in academic communication.

Keywords: gender, self-presentation, motivation letter, pragmalinguistics, lexico-semantic analysis, academic discourse.

Плотников Максим Анатольевич
старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «МЭИ»
maximpl2012@yandex.ru

Аннотация: Исследование направлено на анализ гендерных различий в языковых репрезентациях учебных и карьерных запросов иностранных абитуриентов. На примере мотивационных писем, поданных в НИУ «МЭИ» в 2025 году, выявлены лексико-семантические, грамматические и прагматические особенности самопрезентации. Установлено, что мужские тексты чаще опираются на рационально-целевые стратегии, а женские – на ценностно-эмоциональные и диалоговые формы взаимодействия. Показано, что гендерная репрезентация формируется не бинарно, а вариативно, с учётом культурного и академического контекста. Полученные результаты расширяют представления о механизмах языковой персонализации и гендерной прагматике в академической коммуникации.

Ключевые слова: гендер, самопрезентация, мотивационное письмо, прагмалингвистика, лексико-семантический анализ, академический дискурс.

Введение

Гендерная лингвистика рассматривает язык не только как средство коммуникации, но и как механизм репрезентации субъекта в дискурсе. Гендерная специфика речевого поведения в академической письменной коммуникации является значимым объектом исследования, поскольку она влияет на выбор языковых средств и стратегий самопозиционирования автора в институциональном дискурсе. В условиях роста числа иностранных абитуриентов, желающих обучаться в России, анализ их самопрезентации приобретает особую актуальность.

Цель нашего исследования – выявить особенности гендерной дифференциации в языковой самопрезентации иностранных абитуриентов на материале мотивационных писем, поступивших в НИУ «МЭИ» в рамках приёмной кампании 2025 года. Доступ к корпусу заявлений обеспечен участием автора статьи в работе приёмной комиссии вуза, что позволило осуществить первичный отбор и систематизацию текстов. Обращения в приёмную комиссию как жанр академической письменной коммуникации выступают пространством конструирования авторской идентичности, где языковые средства отражают не только образовательные и профессиональные запросы авторов, но и гендерно обусловленные стратегии самопрезентации.

Задачи исследования заключаются в следующем: 1) определить характерные лексические и модальные средства, используемые авторами разных полов; 2) выделить прагматические стратегии самопрезентации, типичные для мужских и женских текстов; 3) описать соотношение индивидуальных и институциональных факторов в структуре мотивационного письма; 4) установить, какие элементы дискурса отражают гендерные различия в речевом поведении абитуриентов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа способов выражения гендерной идентичности в академическом дискурсе, где языковая самопрезентация выступает важным ин-

струментом достижения коммуникативных целей. Освещение данной проблематики позволяет уточнить механизмы взаимодействия лексических, грамматических и прагматических средств при формировании гендерно маркированного речевого поведения.

В центре внимания нашего исследования – гендерные особенности языковой самопрезентации иностранных абитуриентов, представленных в персонализированных текстах, направляемых в Национальный исследовательский университет «МЭИ».

Научная новизна работы состоит в том, что самопрезентационные тексты иностранных абитуриентов впервые анализируются как материал для выявления гендерно обусловленных стратегий репрезентации автора. Особый интерес представляет анализ лексических, грамматических, а именно модальных, и прагматических средств, через которые заявители формулируют свои образовательные и профессиональные цели. Изучение таких текстов позволяет проследить, как гендерные установки и социальные ожидания отражаются в языке.

Материалом исследования выступили мотивационные письма иностранных абитуриентов, поданные в НИУ «МЭИ» в 2025 году на программы инженерного профиля, связанные с энергетикой. Корпус включает 136 текстов на английском языке, среди которых представлены как мужские, так и женские мотивационные письма. Для анализа применялись методы контент-анализа, прагмалингвистического и лексико-семантического анализа, а также описательный и сопоставительный подходы, обеспечивающие комплексное рассмотрение языковых и коммуникативных особенностей текстов.

Теоретическую основу исследования составляют работы отечественных и зарубежных учёных, посвящённые вопросам гендерной лингвистики, прагматики и дискурсивного анализа. Зарубежная традиция представлена работами Д. Тэннен [15], изучающей различия мужской и женской речи в ситуациях публичного взаимодействия, и Р. Лакофф [12], одной из первых обозначившей понятие «женского языка» как культурного маркера. Концепция перформативности гендера, предложенная Дж. Батлер [1; 9], позволила рассматривать речевое поведение как способ воспроизводства гендерных ролей.

В отечественной лингвистике ключевыми ориентирами послужили труды В.И. Карасика [2; 3], раскрывающего понятие языковой личности и специфику речевых жанров, а также В.Е. Чернявской [8], анализирующей академический дискурс как пространство самопрезентации и механизмы его дискурсивной и жанровой организации. Вопросы гендера в лингвистике обстоятельно рассмотрены в исследованиях А.В. Кирилиной [4], Т.Б. Рябовой [7]. Особенности мотивационного письма как жанра академического дискурса представлены в работе Н.А. Кубраковой [5]. Прагмалингвистические аспекты межкультурного взаимодействия и речевых стратегий описаны Г. Каспер и Ш. Блюм-Кулька [11]. Социально-коммуникативная природа академического письма раскрывается в работах К. Хайланда [10], Дж. Суэйлса [13] и К. Тарди [14]. Совокупность указанных подходов обеспечивает основу для описания гендерно маркированных стратегий самопрезентации в академической коммуникации.

Результаты исследования

Анализ корпуса из 136 мотивационных писем иностранных абитуриентов, поданных в НИУ «МЭИ» в 2025 году, позволил выделить устойчивые стратегии самопрезентации, варьирующиеся в зависимости от гендера, культурного опыта и уровня владения академическим английским языком. Корпус включал 27 писем, написанных женщинами (около 20%), и 109 писем, написанных мужчинами (около 80%), что отражает фактическую гендерную пропорцию заявлений на инженерно-технические направления. Письменные обращения выступают в данном исследовании как проявление социолингвистической и прагмалингвистической компетенции, где языковые формы служат инструментом самовыражения и конструирования идентичности заявителя [10; 13; 14].

Структурно-дискурсивные особенности академических писем

Тексты иностранных абитуриентов преимущественно демонстрируют устойчивую композиционную модель: мотивационный абзац (*Why I am interested in MPEI*), описание академического и профессионального опыта и завершающий блок с выражением благодарности. В рамках анализа установлено, что 92% писем содержат все три обязательных компонента, что свидетельствует о высокой степени жанровой конвенциональности. Практически во всех текстах (около 96% выборки) прослеживается ориентация на академические нормы – вежливость, логическая связность и адресность речи. При этом уровень индивидуализации варьируется: около 58% писем демонстрируют умеренную или высокую персонализированность (личные мотивационные аргументы, биографические детали, индивидуальная тональность), тогда как приблизительно 42% носят стандартизированный характер и опираются на шаблонные риторические формулы без ярко выраженной авторской субъектности.

Для мужских текстов характерна тенденция к логическому и структурно организованному изложению. Например, абитуриент из Индии пишет: *Since my childhood I have been interested in machines, so studying electrical engineering is a logical step for me*. Здесь прослеживается причинно-следственная логика, типичная для рацио-

нального академического дискурса. В женских письмах чаще встречаются нарративные элементы и интонация личного опыта: *My passion for science started when I helped my father repair small electronic devices at home*. Такой приём придаёт тексту экспрессивность и создаёт эффект доверия, что соответствует наблюдениям Д. Тэннен [15] о коммуникативной ориентации женщин на поддержание межличностного контакта.

Лексико-семантические различия. На уровне лексического выбора гендерная дифференциация проявляется в смысловых доминантах, через которые авторы конструируют образ себя в академическом дискурсе. Мужчины чаще употребляют лексемы с семантикой достижения и эффективности (*achievement, responsibility, future, innovation, challenge*), тогда как женщины предпочитают аффективно-оценочные и эмпатийные выражения (*dream, curiosity, inspiration, contribution, opportunity*). Например, абитуриент пишет: *I am determined to achieve excellence in nuclear engineering and to apply my knowledge in real projects.* А студентка формулирует иначе: *I hope to contribute to clean energy and make people's lives safer*. В первом случае реализуется декларативная стратегия самоутверждения, во втором – реляционная стратегия участия. Представление целеустремлённости и эффективности чаще фиксируется в мужских письмах, а эмпатии и социальной ориентированности – в женских [12; 15].

Модальные конструкции. Особое внимание заслуживает использование глагольных форм с модальной окраской. Мужские письма чаще содержат глаголы *will*, *must*, *plan*, выражающие уверенность и целенаправленность: *I will do my best to represent my country and your university.* Женские тексты включают формы *would like, hope, wish*, подчеркивающие вежливую неуверенность и уважение к адресату: *I would like to learn from experienced professors and work in a multicultural team*. Эта закономерность согласуется с выводами В.Е. Чернявской [8] о корреляции между модальностью и риторической позицией субъекта в академическом дискурсе и с теоретическими положениями прагмалингвистики [11].

Стратегии самопрезентации и нарративные модели. Теоретической рамкой для интерпретации стратегий самопрезентации послужили положения гендерной лингвистики и дискурсивного анализа, заложенные в трудах Д. Тэннен [15] и Р. Лакофф [12], согласно которым мужская и женская коммуникативные модели различаются по доминантным риторическим установкам и прагматическим сценариям взаимодействия. Анализ прагматического уровня мотивационных писем как жанра академической коммуникации позволил выделить две доминирующие стратегии. Первая, соотносимая с наблюдениями Р. Лакофф [12] и Д. Тэннен [15], представляет собой рационально-ориентированную модель самопрезентации, в которой автор выстраивает образ через доказательность, апелляцию к фактам и демонстрацию компетенций: *During my internship I developed skills in programming and automation. I believe these abilities will help me succeed at MPEI.* Вторая стратегия, согласующаяся с описанными исследователями Ш. Блюм-Кулька и Г. Каспер прагмалингвистическими моделями кооперативного взаимодействия [11], а также с выводами А.В. Кирилиной [4] и Т.В. Рябовой [7], представляет собой ценностно-коммуникативную модель, где ключевыми становятся эмпатия, межкультурная включённость и настрой на диалог: *I am eager to experience Russian culture and share my own traditions with classmates.* Отдельные письма демонстрируют смешанную стратегию, объединяющую рациональную аргументацию и личностно-эмоциональные мотивы, что коррелирует с концепцией гибкости дискурсивной самопрезентации, описанной в трудах К. Хайланда [10], Дж. Суэйлса [13] и К. Тарди [14]: *Engineering combines logic and creativity, and I wish to develop both at MPEI.* Таким образом, первая модель направлена преимущественно на демонстрацию компетентности и аргументативное убеждение адресата, тогда как вторая – на установление диалогичности, межкультурного контакта и ценностной сопричастности. Обе стратегии подтверждают, что гендерная самопрезентация в академическом письме не жёстко закреплена, а ситуативно варьируется в зависимости от прагматической интенции автора и ожидаемого эффекта коммуникации.

Синтаксические особенности и композиция. Синтаксическая структура мужских писем чаще включает длинные сложноподчинённые предложения с логическими связками *because, therefore, as a result*, отражающие аналитический тип мышления: *Because the energy sector is vital for the future, I decided to specialize in nuclear power engineering to make a difference.* Женские тексты характеризуются короткими синтаксическими периодами и повышенной частотностью местоимений первого лица, что придаёт высказыванию личностный характер: *I love learning new languages. I believe communication opens the door to understanding.* В мужских письмах наблюдается тенденция к унификации композиции: вступление – профессиональные достижения – цель обучения. Женские тексты структурно гибче, чаще содержат вступительный нарратив, описание культурных ожиданий и эмоциональное завершение. Такое противопоставление – логичность и причинно-следственная структура мужских текстов или эмоциональность и персонализация женских – согласуется с концепцией «когнитивных сценариев» Е.С. Кубряковой [6], согласно которой форма высказывания отражает внутреннюю организацию опыта, а также с представлениями о социально ориентированной природе академического письма, представленными в работах К. Хайланда [10], Дж. Суэйлса [13] и К. Тарди [14].

Тематические приоритеты и культурные контексты. Тематика мужских писем чаще связана с техно-

логическим и инженерным развитием, инновациями, будущей карьерой: *My dream is to work at a power plant and help modernize my country's energy system*. Женские письма акцентируют социально-гуманитарные ценности: *I believe that engineering can change people's lives, especially in developing countries*. Такое распределение отражает гендерные предпочтения в интерпретации профессиональной миссии – от прагматически-деятельностной к гуманистически-ориентированной, что согласуется с культурно обусловленными представлениями о гендерных ролях в коммуникации [4; 8]. Интересно, что в письмах обеих групп встречаются маркеры культурного уважения к России и к принимающему вузу, например: *I appreciate Russian scientific tradition and the opportunity to study in such a respected university* или *MPEI's long history and international projects make it an inspiring place for learning*. Эти высказывания демонстрируют наличие институциональной лояльности и осознания межкультурной коммуникации как важной составляющей самопрезентации, что соответствует пониманию академического письма как социально ориентированной и ценностно нагруженной формы взаимодействия [10; 13; 14].

Гендерная вариативность в прагматике и риторике. Сопоставительный анализ позволил выделить различия в риторических целях и прагматических установках текстов. Мужские письма реализуют стратегию убеждения, направленную на доказательство профессиональной состоятельности и соответствия требованиям приёмной комиссии: *I believe my technical background will make me a valuable student.* Женские тексты чаще реализуют стратегию сближения, ориентированную на установление эмоционального контакта с адресатом и демонстрацию личной вовлечённости: *I hope to contribute not only with my knowledge but also with my enthusiasm.*

Обе стратегии эффективны, однако различаются по типу речевого воздействия: первая – рационально-доказательная, вторая – эмоционально-вовлекающая, что подтверждает социально сконструированный характер гендерных коммуникативных моделей и их воспроизводимость в академическом дискурсе [1; 9; 15].

Структурный анализ писем показывает высокую степень жанровой стандартизации: 92% текстов включают обязательную трёхчастную композицию (мотивационный абзац, описание академического пути, благодарность), а 96% писем демонстрируют ориентацию на академические нормы (вежливость, логическая связность, адресность). При этом уровень авторской индивидуализации варьируется: 58% писем содержат персонализированные нарративы, отражающие конкретный опыт и мотивацию, тогда как 42% опираются на шаблонные риторические модели с минимальной степенью проявления авторской субъектности.

Риторико-прагматический профиль самопрезентации также обнаруживает устойчивые гендерно коррелируемые различия. Анализ стратегий показал, что около 48% писем преимущественно реализуют рационально-целевую стратегию (аргументация через достижения, навыки и профессиональные планы), 37% – ценностно-эмоциональную, основанную на выражении межличностной мотивации, культурной включённости и стремлении к академическому взаимодействию, и 15% демонстрируют смешанный тип, сочетающий доказательную риторику с эмпатийными и диалоговыми элементами. Полученные данные подтверждают, что самопрезентация абитуриентов не укладывается в жёсткую бинарную модель, а формируется как гибкий континуум риторических решений.

На уровне лексики и семантики мужские тексты чаще опираются на терминологически точную и профессионально-ориентированную лексику, женские же – на оценочно-позиционирующие и гуманитарно окрашенные языковые средства, создающие эффект диалогичности и вовлечённости. Синтаксически мужские письма демонстрируют стремление к аналитической структурности и причинно-следственной аргументации, тогда как женские чаще выстраиваются через краткие эмоционально окрашенные конструкции, усиливающие персональную тональность и коммуникативную близость.

Прагматический уровень также фиксирует различия в коммуникативной установке: мужские тексты преимущественно ориентированы на убеждающее речевое воздействие и декларацию компетентности, женские – на концептуализацию сотрудничества, обмена опытом и эмоциональной сопричастности. Однако пересечение стратегий внутри смешанного типа (15%) указывает на то, что современная академическая самопрезентация всё чаще формируется как синтез рационального и реляционного дискурсов, а не как их противопоставление.

Суммируя результаты, можно заключить, что гендерные различия в языковых репрезентациях иностранных абитуриентов прослеживаются на всех уровнях – от лексического до композиционного. Мужская самопрезентация строится на уверенности, логике и подчёркивании профессиональной компетентности. Женская – на выражении личных эмоций, эмпатии и стремлении к диалогу. Обе модели отражают культурные представления о гендерных ролях в образовательной коммуникации и подтверждают идею Дж. Батлер [1; 9] о перформативности гендера как социально воспроизводимого речевого действия. При этом в ряде писем наблюдаются гибридные, смешанные стратегии, в которых рациональные и эмпатийные элементы сочетаются в едином дискурсивном пространстве. Такое пересечение риторических установок свидетельствует о вариативности академической самопрезентации в межкультурной среде и гибко-

сти гендерных ролей, отражающейся в отборе языковых средств [10; 14].

Заключение

Проведённое исследование позволило системно рассмотреть, каким образом гендерные особенности отражаются в языковой самопрезентации иностранных абитуриентов, поступающих в НИУ «МЭИ». Анализ мотивационных писем подтвердил, что данный жанр представляет собой не только формальный документ поступления, но и самостоятельное коммуникативное пространство, в котором пересекаются личностные, культурные и институциональные смыслы. Мотивационное письмо выступает площадкой дискурсивной самореализации, где абитуриент демонстрирует владение нормами академического английского, способность к самопрезентации и готовность вступить в диалог с академическим сообществом принимающего университета.

Таким образом, мотивационные письма иностранных абитуриентов становятся зеркалом социокультурной адаптации и средством демонстрации языковой личности в академическом пространстве. Их анализ показывает, что даже в институционально стандартизированном жанре сохраняется индивидуальность, а гендерные различия становятся одним из ключевых факторов, влияющих на прагматику самопрезентации и восприятие заявителя адресатом.

Выявленная вариативность подтверждает, что самопрезентационный дискурс иностранных абитуриентов обусловлен не только гендером, но и образовательным бэкграундом, культурными кодами, академическими ожиданиями и индивидуальными риторическими установками. Гендер в данном случае выступает не жёсткой детерминантой речевого поведения, а одним из факторов, влияющих на выбор коммуникативной стратегии и языкового репертуара.

Перспективы дальнейших исследований видятся в межкультурном сопоставлении риторических моделей абитуриентов разных национальных и академических групп, а также в применении корпусных методов для квантитативной верификации частотности прагматических и модальных маркеров гендерной самопрезентации. Возможным направлением также является сопоставление писем иностранных и российских абитуриентов для выявления глобальных и локальных дискурсивных тенденций академического письма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батлер Дж. «Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности» / Джудит Батлер; перевод с английского: Карен Саркисов. – Москва: V-A-C Press, 2022. – 269 с.
2. Карасик В.И. Речевой жанр и речевое действие / В.И. Карасик, Л.С. Бейлинсон // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2010. – № 1(77). – С. 123-126.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2002. – 477 с.
4. Кирилина А.В. Гендер как интрига познания. – Москва: Центр книги Рудомино, 2000. – 191 с.
5. Кубракова Н.А. Мотивационное письмо как жанр академического дискурса (на материале английского языка) // Жанры речи. – 2019. – № 2 (22). – С. 119–125.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
7. Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы / Т.Б. Рябова // Женщина в российском обществе. – 2001. – № 3–4. – С. 3–12.
8. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В.Е. Чернявская. – Москва: Ленанд, 2024. – 200 с.
9. Butler J. Bodies That Matter: On the Discursive Limits of "Sex". – New York: Routledge, 1993. – 288 p.
10. Hyland K. Disciplinary Discourses: Social Interactions in Academic Writing. – London: Longman, 2000. – 211 p.
11. Kasper G., Blum-Kulka S. Interlanguage Pragmatics. – Oxford: Oxford University Press, 1993. – 253 p.
12. Lakoff R. Language and Woman's Place. – New York: Harper & Row, 1975. – 328 p.
13. Swales J. M. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 260 p.
14. Tardy C. M. Building Genre Knowledge. – West Lafayette: Parlor Press, 2009. – 332 p.
15. Tannen D. You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation. – New York: William Morrow & Co., 1990. – 330 p.

© Плотников Максим Анатольевич (maximpl2012@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.37

ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ИНТЕРАКЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В РАМКАХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

DIALOGIC DISCOURSE AS AN INTERACTION OF VALUES IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

N. Sidorova
N. Laryukhina

Summary: The article reveals the specific characteristics of dialogical discourse that functions within the framework of intercultural communication. Dialogical discourse is a complex and multifaceted phenomenon that closely intertwines linguistic and cognitive aspects with the linguistic and cultural characteristics of the participants. The authors argue that the structure of dialogue is not only determined by the rules of language and the cognitive abilities of the participants, but also by their values, culture, communicative goals, intentions, and social context. The article concludes that the ethnic values of one linguistic culture exist in a communicative relationship with the values of other linguistic cultures that coexist with them, which forms the cognitive and communicative basis of intercultural communication.

Keywords: intercultural communication, values, dialogic discourse, interaction, dialogue.

Сидорова Наталья Анатольевна
доктор филологических наук, профессор, Военный университет, (г. Москва)
natuzz@rambler.ru
Ларюхина Наталья Борисовна
Преподаватель, Общевойсковая академия Вооруженных Сил РФ, (г. Москва)
nat6500@mail.ru

Аннотация: Статья раскрывает особенные характеристики диалогического дискурса, функционирующего в рамках межкультурной коммуникации. Диалогический дискурс представляет собой сложный и многоаспектный феномен, в котором тесно переплетены лингвистические и когнитивные аспекты, соотносимые с лингвокультурными характеристиками участников. Авторы усматривают реализацию структуры диалога не только в правилах языка и когнитивных особенностях участников диалога, но и в их ценностях, культуре, коммуникативных целях, намерениях, а также в социальном контексте. В статье как вывод утверждается, что этнические ценности одной лингвокультуры существуют в коммуникативном сопряжении сосуществующих с ними ценностей иных лингвокультур, что и формирует когнитивно-коммуникативную базу межкультурного общения.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, ценности, диалогический дискурс, интеракция, диалог.

Человек посвящает коммуникативной деятельности практически все активное время. Взаимодействие между людьми в процессе общения включает в себя установление межличностных отношений. Межличностный контакт, который устанавливается в рамках речевой коммуникации, может быть вербальным или невербальным. С точки зрения некоторых учёных, коммуникация — это «способ, с помощью которого мы осмысливаем мир и делимся этим смыслом с другими, создавая его вербальные и невербальные сообщения». [Beebe, Ivy 2001: 7]

Межкультурная коммуникация, как утверждает А.П. Садохин, представляет собой спектр различных способов взаимодействия и обмена информацией между отдельными людьми и группами, которые являются носителями разных культур. [Садохин 2014:52]. Само понятие «межкультурная коммуникация» раскрывает суть явления: это взаимодействие между людьми, представляющими различные культурные традиции. Данный термин обозначает достижение взаимопонимания между двумя сторонами в процессе коммуникации, при условии, что они принадлежат к разным национальным культурам. [Hall 1959:119]

Коммуникант в процессе коммуникативных действий регулирует динамику общения, при этом создавая у собеседника нужные в данный конкретный момент ощущения, впечатления и, в то же время, часто ставят собственные ценности коммуниканта под угрозу, что является коммуникативным барьером, возможно, отрицанием или даже отталкиванием ценностей собеседника. Эти препятствия затрудняют процесс общения или действуют в направлении, невыгодном коммуниканту, как инициатору, так и адресату. В сфере межкультурной коммуникации реализуются культурные ценности различных лингвокультур, в результате чего обнаруживаются очевидные сложности в восприятии и интерпретации ценностей коммуникантами – представителями разных культур. Стоит отметить, что система ценностей любого этноса нуждаются в том, чтобы ее заметили, распознали и считали одной из важных характеристик человека данного общества и культуры.

Значимость ценностей трудно переоценить как для отдельного человека, так и для социума в целом, особенно это актуально в контексте межкультурного взаимодействия. Ценности выступают в роли своеобразного культурного шифра. Каждая система ценностей формировалась на протяжении столетий, претерпевая изменения под влиянием времени и особенностей каждой исторической эпохи. Она задает рамки восприятия человеком окружающего мира, общества и самого себя. Ориентируясь на устоявшиеся нормы, обычаи и тради-

ции своей культуры, личность формирует собственную, уникальную систему ценностей. В связи с этим, можно утверждать, что ценности не относятся ни к физической, ни к психической реальности. Их суть заключается в их значимости, а не в их фактическом существовании как таковом. [Лебедев 2010:41]. Важно понимать, что наряду с личной системой ценностей каждого человека существуют ценности, формирующие основу любой культуры и определяющие её уникальность. Однако, можно выделить и ценности, имеющие общее содержание – универсальные или общечеловеческие ценности. По определению А.П. Садохина, их ключевые характеристики основаны как на биологической природе человека, так и на универсальных аспектах социального взаимодействия между людьми, вне зависимости от культурных особенностей. [Садохин 2014:38]. Ценностная парадигма индивида определяется его когнитивной структурой и культурной принадлежностью.

При изучении межкультурного взаимодействия особое значение приобретает анализ проявления общечеловеческих ценностей. В качестве примера можно привести ценность «воспитание трудолюбия»: в одной культурной среде родители могут активно обучать детей практическим трудовым навыкам, в то время как в другой культуре предпочтение отдается формальному образованию. Таким образом, ключевым является вопрос о специфическом наполнении универсальных ценностей в различных этнических сообществах. Для успешной межкультурной коммуникации крайне важно понимание системы ценностей собеседника, а также знание и принятие собственной культуры. Наличие общих тем и понятий в разных культурах не умаляет важности культурных ценностей, а скорее подчеркивает наличие сходного коммуникативного опыта и поведенческих моделей, формируемых культурой. В этом контексте выявление общих принципов может способствовать объяснению человеческого поведения в различных лингвокультурных средах.

В рамках художественного дискурса участники коммуникации обмениваются культурными знаниями, выражая в словесной форме то, что для них важно. В обсуждении общечеловеческих ценностей и норм поведения в общении принимают участие не только философы, психологи, лингвисты и политики. Русский классик Л.Н. Толстой полагал, что искусство служит средством всеобщей передачи эмоционального опыта. Толстой видел в этом особую стратегию человеческого взаимодействия: общение происходит через речь, через выраженные в словах мысли. [Толстой 1951:30]. «Искусство заключается в способности вызвать в себе ощущение, передать его через движения, линии, краски, звуки, образы и слова, чтобы другие люди испытали то же самое чувство», - писал он. Толстой утверждал, что посредством искусства люди делятся своим культурным наследием и объединяются в общем выражении чувств. Это определение подчеркивает значимость искусства как необходимого элемента человеческого существования, средства межличностного общения.

В священном писании сказано: «…на всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они нашли в Земле Сеннаар равнину и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню, высотою до небес, и сделаем себе имя, прежде, нежели рассеемся по лицу всей Земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же и смешаем там язык их, так, чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей Земле; и они перестали строить город. Посему дано имя ему: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей Земли, и оттуда рассеял их Господь по всей Земле…» [Библия 1989: 10]. В этих глубоко философских строках сосредоточена первоначальная идея межкультурного общения как проблема коммуникации.

В настоящее время, благодаря обширной базе лингвистических, психологических и других научных работ, можно с уверенностью сказать, что межкультурное взаимодействие возможно при условии налаживания диалога между культурами. Этот диалог осуществляется участниками коммуникации, представляющими как минимум две разные культуры и, соответственно, владеющими двумя разными языками. Язык – это хранитель культуры, передающий ее от одного поколения к другому. Он играет ключевую роль в становлении личности, формировании коммуникативных навыков, национального характера, этнической идентичности, народа и нации в целом. Кроме того, язык формирует систему ценностей, общественную мораль, мировоззрение и отношение к другим народам и культурам. К.Д. Ушинский, описывая свою эпоху, отмечал, что в языке отражается вся душа народа и его родины. [Ушинский 1945:35]. В языке воплощаются природные особенности страны, ее климат, ландшафт, а также история духовной жизни народа. Язык становится зеркалом, отражающим не только окружающий мир, но и богатый внутренний мир нации.

Как подчеркивает Ю.Д. Лопатина в своих исследованиях, ценности глубоко укоренены в когнитивной структуре языковой личности и проявляются в процессе речевой деятельности. [Лопатина, Сидорова 2010: 481] Ценностный аспект играет важную роль в формировании речевой коммуникации, определяя семантику высказываний, выбор речевых стратегий и тактик, а также особенности использования лексических и синтаксических средств.

Основываясь на идее интерактивности диалога, можно утверждать, что нормы и ценности являются ключе-

выми элементами речевой коммуникации. Их значимость определяется не только нормами и ценностями говорящего, но и предполагаемыми нормами и ценностями собеседника. Учет этих аспектов представляет собой эффективный инструмент управления поведением собеседника в процессе речевого взаимодействия.

Система ценностей выступает в роли внутреннего ориентира, помогающего человеку осознать свои приоритеты и действовать в соответствии с ними. В контексте диалога между представителями разных культур ценности играют особую роль, определяя взаимопонимание и эффективность коммуникации.

A: What do you consider to be the most important values in life?

B: That's great question. For me, honesty and integrity are paramount. I believe it's crucial to be truthful with oneself and others, to act in accordance with one's principles.

A: I agree. Honesty is definitely a cornerstone of healthy relationships and a good society. What else?

B: I also value compassion empathy. It's important to understand and share the feelings of others, to be kind and supportive, especially when they are struggling.

A: Absolutely. Being able to put yourself in someone else's shoes makes a big difference. Do you think it's important to have a sense of responsibility and accountability?

B: Definitely. Taking ownership of your actions and their consequence is essential for personal growth and building trust.

A: What about things like ambition, success, and wealth? Do you think those are important value?

B: While they can be motivating factors, I don't see them as core values. I think they should be pursued in a way that aligns with one's other values, rather than being the primary driver.

B: That makes sense. It's about finding balance and meaning in life, not just accumulating material possessions or accolades.

A: Exactly. To me, a life well-lived is one where you've stayed true to your values, made a positive impact on the world, and fostered meaningful connections with other. [Адзиева 2023:76].

И как видно из диалога, для **B** самыми важными ценностями являются честность, неподкупность, сочувствие, сострадание, а богатство, амбиции не являются основной движущей силой человека. И как считает **B**, «нужно найти баланс и смысл в жизни, а не просто накапливать материальные ценности и почести». У каждого человека есть свой неповторимый жизненный опыт. Чем сильнее различаются религия, культурные особенности участников коммуникации, тем для них сложнее правильно понять друг друга. Можно заметить, что в данном диалоге коммуниканты общаются на одном языке, однако каждый из них руководствуется разной системой ценностей, что детерминирует их различные вербальные и невербальные стратегии поведения. По мнению Н.А. Сидоровой, «речевое поведение коммуникантов и его вариативности под воздействием фактора ценности раскрывает существенные свойства коммуникативного процесса». [Сидорова 2022: 45].

По утверждению М. Бахтина, «каждое высказывание рассчитано на слушателя, т.е. на его понимание и ответ, на его согласие или несогласие, другими словами на оценивающее восприятия высказывания слушателем». [Бахтин 1979:246]. Таким образом, важно, как человек мыслит, как создает и воспроизводит свои высказывания, и какие его ценностные приоритеты проявляются.

Межкультурный диалог - сложный феномен для исследования эффективного взаимодействия. При этом важным моментом являются коммуникативные правила. Культура и ценности, как фундаментальные компоненты таких правил в межкультурной коммуникации, оказывая влияние на все аспекты взаимодействия, устанавливают границы возможностей для коммуникантов разных лингвокультур. Диалогический дискурс в межкультурной коммуникации является, следовательно, составной и определяющей частью коммуникативных социокультурных целей коммуникантов с сохранением своей национальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адзиева Э.С. Практикум Английский язык: межкультурный диалог. Учебно-методическое пособие – М.: Мир науки, 2023. 76 с.
2. Бахтин М.М., Проблема поэтики Достоевского. Москва: Советская Россия.1979. 246 с.
3. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Москва: Издание Московской патриархии. 1989. 10 с.
4. Лебедев С.А. Многомерный человек: онтология и методология исследования. Москва: Издательство Московского университета. 2010. 41с.
5. Лопатина Ю.Д., Сидорова Н.А., Ценностно-когнитивные основания речевой коммуникации. М: РГСУ. 2010. 481с.
6. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие/ М: КИОРУС. 2014. 38, 52 с.
7. Сидорова Н.А. учебное пособие Межкультурная коммуникация. Природа и сущность. Москва: «Белый Ветер». 2022. 28,45 с.
8. Толстой Л.Н. «Что такое искусство?1897–1898» Полное собрание сочинений Л.Н. Толстого в 90 томах. Государственное издательство художественной литературы, 1928–1958. Серия первая «Произведения». Том 30. Москва: 1951. 30 с.
9. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. Москва: Педагогика. 1974. 35с.
10. Beebe S.A., Beebe S.J., Ivy D.K. Communication: Principles for a lifetime. Boston: Allyn and Bacon, 2001. 7 p.
11. Hall E.T. The Silent Language. Doubleday N.Y., 1959.119 p.

© Сидорова Наталья Анатольевна (natuzz@rambler.ru), Ларюхина Наталья Борисовна (nat6500@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.38

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ ГУСТАВО АДОЛЬФО БЕККЕРА: ОТ РОМАНТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ К МОДЕРНИСТСКОЙ ПОЭТИКЕ

STYLISTIC INNOVATIONS OF GUSTAVO ADOLFO BÉCQUER: FROM ROMANTIC RHETORIC TO MODERNIST POETICS

O. Sokolova

Summary: This article presents a comprehensive analysis of the work of Gustavo Adolfo Bécquer as a transitional phenomenon between Spanish Romanticism and Modernist literature. Usingт comparative stylistic analysis and a historical-literary approach, it examines the uniqueness of Bécquer's artistic writing, which fundamentally differs from that of his contemporaries—José de Espronceda, the Duke of Rivas, and other representatives of the Romantic school. Special attention is given to the analysis of the «prose poem» as an independent literary genre created by Bécquer, characterized by a distinct morphology and internal architecture. The musical organization of Bécquer's texts is explored, highlighting their inclination toward melodic simplicity and virtuosic mastery of assonance techniques. The conceptual revolution in the understanding of the poetic act carried out by Bécquer is analyzed, who transformed the lyrical utterance from a public declaration into an intimate self-revelation. The influence of Bécquer's innovations on the development of 20th-century Spanish literature—including Modernism, the Generation of '98, and the formation of the «pure poetry» aesthetics of Juan Ramón Jiménez—is considered. Particular emphasis is placed on the impact of Bécquer's prose technique on the evolution of the modern Spanish short story. It is concluded that Bécquer's work should be regarded not only as the highest achievement of late Spanish Romanticism but also as a precursor of fundamental trends in 20th-century European literature.

Keywords: Gustavo Adolfo Bécquer, Spanish Romanticism, prose poem, comparative stylistic analysis, musicality of verse, poetic inspiration, genre boundaries, Modernism.

Соколова Ольга Константиновна
старший преподаватель, ФГАОУ ВО Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», (г. Москва)
osok1975@mail.ru

Аннотация: В статье проводится комплексный анализ творчества Густаво Адольфо Беккера как переходного явления между испанским романтизмом и литературой модернизма. На основе сравнительно-стилевого анализа и историко-литературного подхода исследуется уникальность беккеровского художественного письма, принципиально отличающегося от творчества современников — Хосе де Эспронседы, герцога де Риваса и других представителей романтической школы. Особое внимание уделяется анализу «прозаического стихотворения» как самостоятельного литературного жанра, созданного Беккером, который характеризуется особой морфологией и внутренней архитектурой. Исследуется музыкальная организация беккеровских текстов, их тяготение к мелодической простоте и виртуозное владение техникой ассонанса. Анализируется концептуальная революция в понимании поэтического акта, осуществлённая Беккером, который трансформировал лирическое высказывание из публичной декларации в интимное самораскрытие. Рассматривается влияние беккеровских инноваций на развитие испанской литературы XX века, включая модернизм, поколение 1898 года и формирование эстетики «чистой поэзии» Хуана Рамона Хименеса. Особо подчёркивается воздействие беккеровской прозаической техники на эволюцию современного испанского рассказа. Делается вывод о том, что творчество Беккера следует рассматривать не только как высшее достижение позднего испанского романтизма, но и как предвосхищение фундаментальных тенденций европейской литературы XX столетия.

Ключевые слова: Густаво Адольфо Беккер, испанский романтизм, прозаическое стихотворение, сравнительно-стилевой анализ, музыкальность стиха, поэтическое вдохновение, жанровые границы, модернизм.

Творчество Густаво Адольфо Беккера (1836–1870) представляет собой уникальное явление в испанской литературе XIX века, знаменующее переход от классической романтической риторики к новому типу поэтического выражения. Как справедливо отмечает Лаура Эрнандес-Лоренцо, проза Густаво Адольфо Беккера находится на границе поэзии [4], что свидетельствует о принципиально новом подходе автора к литературному творчеству. Севильский поэт сумел преодолеть громоздкость романтической традиции, создав собственную эстетическую систему, основанную на принципах простоты, музыкальности и интимности лирического высказывания.

Значимость беккеровских инноваций становится очевидной при сопоставлении его поэтики с творчеством современников. В то время как большинство романтиков придерживались традиционной декламационной манеры, Беккер избрал путь сдержанности и концентрированности художественного выражения. Эта особенность его творчества требует детального рассмотрения в рамках сравнительно-стилевого анализа, позволяющего выявить индивидуальные черты авторской манеры и проследить эволюцию поэтического языка.

Фундаментальное отличие поэтики Беккера от его современников заключается в радикальном пересмотре взаимоотношений между поэзией и прозой, что представляет собой качественный переход от риторической традиции романтизма к новому типу художественного сознания. Как отмечает сам автор, это происходит «как и со многими другими вещами в мире, где все зависит от расстояния, с которого вы на них смотрите, и в большин-

стве случаев, когда вы до них добираетесь, поэзия становится прозой» [1]. Данное высказывание программно для понимания эстетической концепции Беккера, который стремился к синтезу поэтического и прозаического начал, предвосхищая тем самым модернистские эксперименты XX века.

Источниковедческую базу исследования составляют три основные группы материалов. Первичные источники включают полное собрание поэтических произведений Г.А. Беккера («Рифмы»), его прозаические работы («Легенды», письма из келии, критические статьи), а также сравнительный корпус текстов его современников — Хосе де Эспронседы, герцога де Риваса и других представителей испанского романтизма. Критическая литература представлена фундаментальными исследованиями творчества Беккера, включая работы М. Алонсо, Л. Сернуды, Х. Рубио Хименеса, а также современные работы в области филологии текста. Теоретические источники охватывают труды по поэтике романтизма и модернизма, исследования жанровой специфики «прозаического стихотворения» (М. Агудо Рамирес), а также работы по стилевой индивидуальности художественного текста.

Методология исследования основывается на комплексном подходе, сочетающем традиционные филологические методы с элементами современного текстологического анализа. Историко-литературный метод применяется для выявления эволюции беккеровской поэтики в контексте развития испанского романтизма и предмодернистских тенденций. Сравнительно-типологический анализ используется для сопоставления художественных техник Беккера с творческими методами его современников и последователей.

Сравнительно-стилевой анализ включает морфосинтаксический и лексико-семантический разбор текстов с целью выявления уникальных особенностей беккеровского письма. Жанрово-поэтологический анализ направлен на исследование специфики «прозаического стихотворения» как самостоятельного литературного жанра, созданного Беккером. Метод семантического анализа применяется для выявления концептуальных инноваций в беккеровском понимании поэтического акта и его трансформации от публичной декларации к интимному самораскрытию.

Интеграция количественных (на основе текстовых параметров) и качественных (герменевтических) методов анализа обеспечивает объективность и глубину исследования, позволяя получить комплексное представление о стилистических инновациях Г.А. Беккера и их влиянии на развитие испанской литературы.

Исследования последних десятилетий убедительно демонстрируют, что творчество Беккера характеризуется особым типом лиризма, который Луис Сернуда определил как «поэму в испанской прозе» [8]. Эта характеристика указывает на принципиально новое качество беккеровского письма, где традиционные жанровые границы размываются в пользу создания единого художественного пространства. Сравнительно-стилевой анализ подтверждает наличие в текстах Беккера устойчивых языковых особенностей, отличающих его произведения от работ других романтических авторов [4]. В частности, установлено, что «три текста сгруппированы вместе и появляются с остальной частью „Легенд и Повествований", когда число сообществ сокращается, что, по-видимому, указывает на то, что они ещё больше удалены от лирического жанра», — что свидетельствует о сложной природе беккеровского художественного метода.

Марта Агудо Рамирес в своём фундаментальном исследовании романтической поэтики подчёркивает, что прозаическое стихотворение у Беккера представляет собой самостоятельный литературный жанр, обладающий особой морфологией и внутренней архитектурой [5]. Это наблюдение принципиально важно для понимания инновационного характера беккеровской поэтики, которая не просто заимствует элементы из разных жанров, но создаёт новую художественную форму.

Особого внимания заслуживает музыкальная организация беккеровского текста, которая кардинально отличается от риторических установок его современников. В отличие от напыщенности романтической поэзии, представленной творчеством Хосе де Эспронседы или герцога де Риваса, Беккер тяготеет к мелодической простоте, создавая ритмические структуры, которые приближают его стихи к народной песне. Эта тенденция особенно ярко проявляется в «Рифмах», где поэт демонстрирует виртуозное владение техникой ассонанса и внутренней рифмы, создающих эффект музыкального звучания. Как справедливо отмечает Сернуда, это также согласуется с тем, что, как мы уже знаем, было его намерением при написании стихов: атаковать классическую структуру стиха, делая его более гибким, превращая его в адекватный инструмент для того, что он хотел сделать и сказать с его помощью [8].

При сопоставлении творчества Беккера с произведениями его современников обнаруживаются существенные различия в подходе к художественному материалу. В то время как поэты типа Хосе де Эспронседы или герцога де Риваса тяготели к монументальным формам и патетическому пафосу, Беккер избрал путь камерности и психологической глубины. Роберт Паджард справедливо характеризует этот феномен как «опасную страсть к исследованию», которая проявляется в стремлении поэта к поэзии, прозаическим стихотворениям, критике и журналистскому разнообразию [3]. Такой подход позволил Беккеру выйти за рамки традиционной романтической поэтики и создать предпосылки для развития модернистской литературы.

Принципиальное значение имеет также тот факт, что Беккер сознательно отказывается от костумбристской традиции, что особенно заметно при анализе таких произведений, как «Маэстро Перес Органист» и «Продажа кошек», которые демонстрируют некоторые особенности, наряду с редкостью, по сравнению с другими повествовательными текстами Беккера, причиной чего, по-видимому, является включение костумбристского и народного языка. Этот отказ свидетельствует о стремлении поэта к созданию универсального художественного языка, свободного от локальных и временных ограничений.

Влияние Беккера на литературу XX века оказалось поистине революционным. Его эксперименты с жанровыми формами предвосхитили поиски символистов и модернистов, а принцип синтеза поэзии и прозы стал одним из определяющих для развития современной литературы.

Принципиальное значение имеет беккеровская концепция поэтического вдохновения, радикально трансформирующая романтическую парадигму творчества. В отличие от доминировавшей в испанском романтизме традиции, представленной в творчестве Хосе де Эспронседы и Хосе Соррильи, которая рассматривала поэта как избранника судьбы, наделённого пророческой миссией социального обличения и национального пробуждения, Беккер радикально пересматривает само понимание поэтического акта. Как справедливо отмечает Мартин Алонсо, Беккер является первым поэтом поколения 27 года благодаря своей оригинальности поэтики, поскольку «великая находка, великий дар автора „Рифм" к испанской поэзии состоит в открытии этого нового [способа], что одним лишь прикосновением крыла можно пробудить аккорд в самой глубокой части сердца» [6].

Эта концептуальная революция проявляется в характерной для Беккера тематической переориентации: традиционные романтические топосы — любовь, смерть, природа — трактуются не как объекты декламации или политической аллегоризации, но как сферы сугубо личного переживания, требующие адекватного художественного выражения. Подобная установка кардинально меняет саму природу лирического высказывания, превращая его из публичной декларации в интимное самораскрытие.

Результаты сравнительно-стилевого анализа подтверждают уникальность беккеровского письма. Как демонстрируют данные, полученные при сопоставлении текстов Беккера и его романтических коллег, его произведения формируют отдельную группу по целому ряду морфосинтаксических и лексико-семантических параметров [7]. Исследование Лауры Эрнандес-Лоренцо на примере анализа творчества Беккера показывает, как подходы к стилевому анализу могут способствовать изучению пограничных литературных жанров, таких как стихотворение в прозе [9]. Эти данные свидетельствуют о формировании автором собственной поэтической идеологии, качественно отличающейся от существующих литературных школ и предвосхищающей будущие тенденции развития испанской словесности.

Революционный характер беккеровской эстетики определил её фундаментальное воздействие на магистральные направления развития испанской литературы XX столетия. Представители модернизма, в первую очередь Рубен Дарио, творчески усвоили беккеровский принцип музыкальности стиха и программное стремление к синестезии как основе поэтического образотворчества. Поколение 1898 года восприняло от Беккера не только интимность лирического высказывания, но и принципиально новый психологический подход к традиционным поэтическим темам, позволявший избежать риторических штампов предшествующей эпохи.

Особенно значимым в контексте литературной эволюции представляется влияние Беккера на формирование эстетики «чистой поэзии», получившей классическое выражение в творчестве Хуана Рамона Хименеса [11]. Беккеровская концепция поэзии как пространства «рифмы безудержной любви, страсти к поэзии, свободе, одиночеству, грусти» органично предвосхищает хименесовское понимание лирики как сферы абсолютной художественной правды, освобождённой от внешних идеологических и социальных детерминант.

Не менее революционным является воздействие беккеровской прозаической техники на эволюцию современного испанского рассказа. Его «Легенды» демонстрируют принципиально новый тип повествования, где, по определению исследователей, «сочетание тайны и фантазии» создаёт уникальную атмосферу поэтической недоговорённости и семантической многозначности. Сернуда справедливо отмечает, что именно Густаво Адольфо Беккер предугадал потребность в прозаической поэзии в Испании и откликнулся на неё, придав ей форму в своих «Легендах» [1]. Данный принцип оказался чрезвычайно продуктивным для авторов XX века, стремившихся к созданию прозы лирического типа, способной конкурировать с поэзией в сфере художественной выразительности.

Исследователи констатируют, что беккеровское присутствие лирического, атмосферного и чудесного в повествовательных жанрах прямо предвосхищает фундаментальные эксперименты авангардистской прозы первой трети XX века, направленные на радикальное разрушение традиционных жанровых границ и создание синтетических художественных форм [10].

Таким образом, проведённое исследование позволяет констатировать, что творчество Густаво Адольфо

Беккера представляет собой кардинальный поворотный момент в истории испанской литературы, знаменующий переход от классической романтической парадигмы к модернистской поэтике. Комплексный анализ, включающий сравнительно-стилевой подход и историко-литературную интерпретацию, убедительно демонстрирует уникальность беккеровского художественного метода, радикально отличающегося от творчества его современников — Хосе де Эспронседы, герцога де Риваса и других представителей испанского романтизма.

Ключевым достижением Беккера является создание принципиально нового типа художественного письма, основанного на синтезе поэтических и прозаических элементов. Его «прозаическое стихотворение» представляет собой самостоятельный литературный жанр с особой морфологией и внутренней архитектурой, что подтверждается результатами сравнительно-стилевого анализа. В отличие от монументальных форм и патетического пафоса современников, Беккер избирает путь камерности и психологической глубины, создавая универсальный художественный язык, свободный от локальных и временных ограничений.

Музыкальная организация беккеровского текста, его стремление к мелодической простоте и виртуозное владение техникой ассонанса и внутренней рифмы кардинально трансформируют природу лирического высказывания, превращая его из публичной декларации в интимное самораскрытие. Данная концептуальная революция определила фундаментальное воздействие творчества Беккера на магистральные направления развития испанской литературы XX столетия.

Влияние беккеровских инноваций прослеживается в творчестве представителей модернизма, поколения 1898 года и формировании эстетики «чистой поэзии» Хуана Рамона Хименеса. Особенно значимым является воздействие его прозаической техники на эволюцию современного испанского рассказа, где принцип «сочетания тайны и фантазии» создаёт уникальную атмосферу поэтической недоговорённости и семантической многозначности.

Таким образом, творчество Густаво Адольфо Беккера следует рассматривать не только как высшее достижение позднего испанского романтизма, но и как предвосхищение фундаментальных тенденций литературы XX века. Его эксперименты с жанровыми формами и создание синтетических художественных структур заложили основы модернистской поэтики и определили пути дальнейшего развития европейской словесности. Полученные результаты исследования открывают новые перспективы для изучения пограничных литературных явлений и демонстрируют продуктивность комплексного подхода, сочетающего традиционные филологические методы с углублённым сравнительно-стилевым анализом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беккер Г.А. Избранные произведения / Г.А. Беккер. – Москва: Художественная литература, 1985. – 366 с.
2. Из современной испанской поэзии: Леон Фелипе, Луис Сернуда, Висенте Алейсандре, Глория Фуэртес, Хосе Агустин Гойтисоло, Хосе Анхель Валенте, Анхель Гонсалес: пер. с исп. / сост. А. Мансо, В. Столбова. – Москва: Прогресс, 1979. – 338 с.
3. Pageard R. Bécquer : leyenda y realidad / P. Пажар. – Madrid : Espasa-Calpe, 1990. – 636 с. – (Biografías Espasa).
4. Эрнандес-Лоренцо, Л. Проза Густаво Адольфо Беккера на границах поэзии. Стилометрический анализ / Л. Эрнандес-Лоренцо // apropos [Взгляд на Румынию]. – 2022. – № 9. – С. 37–56.
5. Agudo Ramírez, Marta. La poética romántica de los géneros literarios: el poema en prosa y el fragmento. Situación europea y su especificación en España / Marta Agudo Ramírez. – Alicante : Universidad de Alicante, 2004.
6. Alonso Martín. Segundo estilo de Bécquer (Ensayo biocrítico) / Martín Alonso. – Madrid : Guadarrama, 1972. – 569 p. – (Colección Universitaria de Bolsillo. Punto Omega, v. 147).
7. Calvo Tello, José. What does Delta see inside the Author?: Evaluating Stylometric Clusters with Literary Metadata / José Calvo Tello // III Congreso de la Sociedad Internacional Humanidades Digitales Hispánicas. Sociedades, políticas, saberes. – Málaga, 2017. – P. 153–161.
8. Cernuda, Luis. Invitación a la lectura: Bécquer y el poema en prosa español (1959); seguido de Ocnos y variaciones sobre tema mexicano / Luis Cernuda. – Mexico : Secuencia Ediciones, 2008. – 95 с. – URL: https://archive.org/details/OL23578871M (дата обращения: 04.08.2025).
9. Hernández-Lorenzo, Laura. La prosa de Gustavo Adolfo Bécquer en los límites de la poesía. Análisis estilométrico / Laura Hernández-Lorenzo // apropos [Perspektiven auf die Romania]. – 2022. – № 9. – P. 37-56. – doi: https://doi.org/10.15460/apropos.9.1875
10. Izquierdo, Pascual. Presencia de lo lírico, atmosférico y maravilloso en las Leyendas de Bécquer / Pascual Izquierdo // Bécquer. Origen y estética de la modernidad. Actas del VII Congreso de Literatura Contemporánea, Universidad de Málaga, 9, 10, 11 y 12 de noviembre de 1993 / ред. Cristóbal Cuevas. – Málaga : Publicaciones del Congreso de Literatura Española Contemporánea, 1995. – С. 33–61.
11. Rubio Jiménez, Jesús. Pintura y literatura en Gustavo Adolfo Bécquer / Jesús Rubio Jiménez. – Sevilla : Fundación José Manuel Lara, 2006. – 451 p.

© Соколова Ольга Константиновна (osok1975@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.45

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГИПЕРО-ГИПОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ “УСПЕХ” В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

A COMPARATIVE ANALYSIS OF HYPER-HYPONYMIC RELATIONS IN THE SEMANTIC FIELD “SUCCESS” IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

O. Tsoraeva

Summary: The purpose of the research is to compare and highlight the similarities and differences of hyper-hyponymic relations in the semantic field “Success” in English and Russian languages. The study reveals a similar structural organization of hyper-hyponymic relations in the two languages. The analysis also reveals absolute synonymy and polysemy of certain lexemes.

Keywords: semantic field “Success”, hyper-hyponymic relations, hyponym, hyperonym, co-hyponyms, component analysis, absolute synonyms.

Цораева Олеся Игоревна
Кандидат филологических наук, старший преподаватель, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, (г. Москва)
Olesja-vr15@rambler.ru

Аннотация: Цель исследования состоит в сопоставлении и выделении схожих и отличительных особенностей гиперо-гипонимических отношений в семантическом поле “Успех” в английском и русском языках. Исследование показало схожую структурную организацию гиперо-гипонимических отношений в двух языках. Проведенный анализ также позволил выявить абсолютную синонимию и многозначность некоторых лексем.

Ключевые слова: семантическое поле “Успех”, гиперо-гипонимические отношения, гипоним, гипероним, согипонимы, компонентный анализ, абсолютные синонимы.

Актуальность исследования обусловлена значимостью понятия “успех” в английской и русской культурах, что находит отражение в эволюции исследуемого семантического поля “Успех” в английском и русском языках. **Актуальность исследования** также связана с тесной связью гиперо-гипонимических отношений с синонимическими, что позволяет провести комплексный анализ исследуемого семантического поля.

Научная новизна исследования состоит в том, что комплексное исследование семантического поля “Успех” в английском и русском языках проводится впервые. В работе был выполнен компонентный анализ толкований лексем, который позволил выявить гиперо-гипонимические и синонимические отношения, а также обнаружить скрытую полисемию некоторых лексем.

В работе были использованы следующие **методы исследования:** метод семантического поля, метод терминологической оценки словарных дефиниций; компонентный анализ, метод сопоставительного исследования толкований лексем.

Теоретической базой исследования послужили работы следующих авторов: Дж. Лайонза [4], Е.Л. Гинзбург и Г.Е. Крейдлина [1], А. Вежбицкой [10], Е.Е. Котцовой [3], М.В. Лысяковой [5], С.В. Гринева-Гриневича [2], M.L. Murphy [9].

Практическая значимость работы состоит в том, что проведенное исследование и предложенные методы исследования могут использоваться при исследовании других семантических полей. Материал исследования может служить базой для составления толковых и переводных словарей.

Цель исследования заключается в сопоставительном исследовании гиперо-гипонимических отношений в семантическом поле “Успех” в английском и русском языках.

Цель исследования предполагает решение следующих **задач:**

- изучить понятие “гиперо-гипонимические отношения”, а также подходы к их типологии;
- отобрать лексический материал для исследуемого семантического поля “Успех” с помощью словарей английского и русского языков;
- провести компонентный анализ толкований лексем в двух языках;
- выполнить сопоставительный анализ гиперо-гипонимических отношений в семантическом поле “Успех” в английском и русском языках.

Гиперо-гипонимические (или родовидовые) отношения служат для системной организации словарного состава языка. Дж. Лайонз ввел в научный обиход термины “гипоним” и “гипероним”. Гиперонимом называется сло-

во с более общим, широким значением, а гипонимом – с более частным, узким значением [4]. Согласно С.В. Гриневу-Гриневичу родо-видовые отношения существуют "между родовым, широким по объёму понятием и входящими в него более узкими, видовыми понятиями" [2, с. 82]. Например, названия деревьев *береза, дуб, ива, сосна* являются гипонимами, к слову, *деревья,* которое имеет более широкое значение и является гиперонимом. Гиперо-гипонимические отношения также представлены отношениями равноправия между гипонимами одного гиперонима. Например, слова *береза, дуб, ива, сосна* являются согипонимами [6, с. 86–87]. Гиперо-гипонимические отношения, построенные на равенстве, являются транзитивными. Дж. Лайонз считает, что если *x* – это гипоним *y* и *y* – это гипоним *z*, то *x* – гипоним *z* [4, с. 292]. В цепочке слов *корова – млекопитающее – животное* корова (*x*) – является гипонимом, к слову, *млекопитающее* (*y*), а *млекопитающее* (*y*) – гипонимом, к слову, *животное* (*z*). Из этого следует, что слово *корова* – гипоним к слову *животное*.

Ученые применяют разные подходы к классификации гиперо-гипонимических отношений. Исследованиями гиперо-гипонимических отношений занимались следующие ученые: Е.Л. Гинзбург и Г.Е. Крейдлин [1] и А. Вежбицкая [10]. Рассмотрим классификацию гиперо-гипонимических отношений, предложенную А. Вежбицкой:

1. таксономические отношения (*rose, tulip, astra – a flower; cat, elephant, lion – an animal*);
2. функциональные обобщающие понятия (*ball, doll – toys*);
3. имена совокупностей, основанных на смежности;
4. гетерогенные множества и псевдосчётные имена (*vegetables, vitamins, herbs*) [1].

Рассматривая предложенную классификацию, можно сделать вывод, что эти отношения могут быть размытыми. В некоторых случаях отношения между словами можно отнести к таксономическим или функциональным отношениям.

М. Мерфи также выделяет таксономические и функциональные отношения. Например, слово *cow* к слову *animal* представляет случай таксономической гипонимии, а слово *cow* к слову *livestock* – пример функциональных отношений [9, с. 220].

Гиперо-гипонимические отношения в семантическом поле могут иметь разную структурную организацию: цепочечная структура (гипероним – один гипоним), радиальная структура (гипероним – более одного гипонима), радиально-цепочечная (смешанная структура) [6, с. 87]. В данной статье проведем комплексный анализ гиперо-гипонимических отношений в семантическом поле "Успех" в английском и русском языках с выявлением структуры этих отношений.

Гиперо-гипонимические отношения имеют также связи с синонимическими отношениями, что отражается в схожести некоторых их функций. В работах Е.Е. Котцовой и М.В. Лысяковой представлены текстовые отношения гипонимов и гиперонимов. М.В. Лысякова отмечает, что эти отношения до конца не изучены и возникает необходимость сопоставительного исследования синонимических и гипонимических отношений в языке [5].

Для сопоставительного исследования гиперо-гипонимических отношений в семантическом поле "Успех" в английском и русском языках необходимо собрать лексический материал. Для построения семантического поля "Успех" в английском и русском языках необходимо:

— отобрать толкования лексем "Success" и "Успех" из английских и русских словарей;
— выделить наиболее точное толкование;
— отобрать синонимы к лексемам "Success" и "Успех" для построения исследуемого поля.

В Энциклопедическом словаре 2009 года было взято наиболее точное и употребительное определение: *"Успех – положительный результат, удачное завершение чего-л."* [8]. Для лексического поля "Success" были рассмотрены толкования из разных словарей, но в качестве толкования-эталона используется авторское определение, которое наиболее точно описывает определяемое понятие: "*Success is the achievement of something desired, planned or attempted, favorable but unexpected"* [7].

Для построения семантического поля "Успех" в английском и русском языках были отобраны синонимы к взятым толкованиям-эталонам с помощью словарей синонимов. В лексическое поле "Success" вошли 44 лексемы: *achievement, accomplishment, attainment, fruition, fulfilment, realization, gain, self-actualization, breakthrough, triumph, feat, coup, victory, win, walkover, conquest, winner, fortune, luck, marvel, miracle, wonder, jackpot, fame, glory, renown, eminence, prominence, greatness, celebrity, popularity, honour, prestige, leader, hit, smash, bestseller, blockbuster, prosperity, affluence, wealth, welfare, well-being, riches.* Лексическое поле "Успех" представлено 22 лексемами: *достижение, завоевание, свершение, осуществление, воплощение, реализация, победа, торжество, триумф, фурор, подвиг, удача, везение, признание, слава, известность, популярность, знаменитость, процветание, благосостояние, благоденствие, благополучие* [7].

Следующий этап исследования заключается в проведении компонентного анализа толкований исследуемых лексем с выделением семантических компонентов. Предложенный компонентный анализ толкований также позволил выявить абсолютные синонимы и многозначность некоторых лексем. Проведений анализ показал

сложную структуру гиперо-гипонимических отношений в двух языках. В лексическом поле "Success" гипероним *success* имеет 3 гипонима: *victory, achievement (attainment), luck*. Лексическое поле "Успех" имеет схожую структурную организацию и также представлено 3 гипонимами: *победа, достижение, удача (везение)*. Гипоним *achievement (attainment)* в английском языке и гипоним *достижение* в русском языке имеют ряд согипонимов. В 1 группу согипонимов в английском языке вошли следующие лексемы: *achievement (attainment), accomplishment, fruition, fulfilment, realization, gain, self-actualization, breakthrough, triumph, feat, coup.*

Общим компонентом значения для 1 группы согипонимов выступает выражение "*success + in doing smth*". Компонентный анализ определил абсолютную синонимию лексем *achievement* и *attainment*. Представленные согипонимы имеют дополнительные оттенки значений: *lot of effort and hard work, to reach one's full potential, by planning, by effort, very difficult*. Дополнительные оттенки значения позволяют понять, что понимается под успехом, какие усилия пришлось приложить для его достижения. Например, под лексемой *self-actualization* понимается успех в раскрытии полного потенциала личности. У лексемы *fruition* находим дополнительный оттенок значения *after a long process,* у лексемы *coup* оттенок значения *very difficult,* у лексемы *feat - needing a lot of skill, strength to do.* В толкованиях лексем *accomplishment, breakthrough, triumph* находим семантические компоненты *important, impressive, great,* которые показывают масштаб достижений. Например, рассмотрим компонентный анализ лексемы *accomplishment "success + impressive + in doing smth + lot of effort and hard work"*. Толкование этой лексемы показывает впечатляющий успех после тяжелой работы и приложенных усилий. Компонентный анализ также позволил выявить скрытую полисемию толкований следующих лексем: *fulfilment, realization, gain, triumph*. Представленные лексемы могут отражать разные понятия и имеют два толкования значений. Например, первое толкование лексемы *realization* включает дополнительный семантический компонент *planed to do*, а второе толкование - *hoped for*.

В следующую группу согипонимов вошли следующие лексемы: *fame, glory, renown, eminence (prominence), greatness, celebrity, popularity, honour, prestige, leader.* Наиболее широкое значение имеет лексема *fame* "*success + in being known + of achievements*". Лексемы, входящие в эту группу, включают также дополнительные оттенки значений: *highly respected, admired, important*. Проведенный анализ показывает, что под успехом может пониматься приобретение известности благодаря достижениям, что проявляется в уважении, восхищении и почете. Компонентный анализ лексем *eminence* и *prominence* показывает их абсолютную синонимию: "*success + in being well-known + highly respected + of impressive achievements"*.

Третья группа согипонимов объединена интегральной семой *prosperity* с общим значением *"achievement + resulting in making money"*. В эту группу вошли следующие лексемы: *prosperity, welfare (well-being), wealth (riches)*. Дополнительные оттенки значений показывают, что успех связан с достижениями, результатом которых является материальный достаток и процветание. В этой группе также представлены абсолютные синонимы: *welfare (well-being*) и *wealth (riches)*. Лексемы *welfare (well-being*) и *wealth (riches)* отличаются количеством материальных благ. У лексем *welfare (well-being*) присутствует оттенок значения *"making enough money for living",* а у лексем *wealth (riches) - "making a large amount of money + valuable things"*.

Самая незначительная группа согипонимов объединена лексемой *hit* с общим компонентом значения *"achievement + in sphere of entertainment + very popular"* и включает лексемы *smash, bestseller, blockbuster.*

Кроме гипонима *achievement (attainment)* рассмотрим гипонимы *victory* и *luck*. Под успехом понимается также победа в борьбе за что-либо, поэтому наиболее широкое значение представлено у лексемы *victory "success + in a struggle"*. В эту группу вошли согипонимы *triumph, walkover, win (winner) u conquest*. В толкованиях представленных лексем находим дополнительные оттенки значений: *difficult struggle, dangerous, important*. Успех в значении победа часто сопровождается усилиями и борьбой, а также может включать в себя опасность.

В группу с гипонимом *luck* вошли следующие лексемы: *fortune, marvel (miracle, wonder), jackpot*. Наиболее широкое значение имеет лексема *luck "success + happen by chance"*. У лексемы *fortune* находим дополнительный оттенок значения: *"partially resulting from luck"*. Анализируя это, толкование можно сделать вывод, что успех также может сопровождаться удачными обстоятельства. В толкованиях лексем *marvel (miracle, wonder), jackpot* находим следующие компоненты значений: *very surprising and unexpected*. Из этого следует, что успех может быть чем-то неожиданным и даже удивительным. Лексемы *marvel, miracle u wonder* являются абсолютными синонимами и имеют одинаковый семантический компонент *very surprising and unexpected.*

Далее был проведен гиперо-гипонимический анализ в лексическом поле "Успех" с последующим сопоставительным исследованием в двух языках. В лексическом поле "Успех" по аналогии с лексическим полем "Success" был проведен компонентный анализ толкований лексем, входящих в это поле. В лексическом поле "Успех" в качестве гиперонима выступает лексическая единица *успех,* которая включается три гипонима: *достижение, победа и удача (везение)*.

В качестве основного гипонима выступает лексема

достижение с наиболее общим и широким значением. В первую группу согипонимов вошли следующие лексические единицы: *триумф, воплощение (реализация), осуществление, свершение, завоевание.* Проведенный компонентный анализ позволил выявить абсолютную синонимию у лексем *воплощение (реализация),* в толковании которых находим семантический компонент *"в осуществлении идеи в конкретной форме".* Дополнительные оттенки значений позволяют отличить одно понятие от другого. Например, у лексемы *завоевание* находим семантический компонент *большие усилия*, под *триумфом* понимается выдающееся достижение, *свершение* связано с большими замыслами.

Следующая группа согипонимов объединена интегральной семой *известность* с широким значением "*достижение + широкая популярность".* В эту группу входят лексемы: *популярность, слава, признание, знаменитость.* Компонентный анализ позволяет отличить эти понятия. Например, у лексем *знаменитость* и *слава* в качестве дополнительного оттенка выступает понятие *почета.* Лексема *признание* связана с положительной оценкой, а также уважением.

Третья группа согипонимов имеет наиболее широкое значение у лексемы *благополучие.* Лексическая единица *благополучие* чаще употребляется в языке и имеет большее количество синонимов. В эту группу также вошли лексемы: *процветание, благосостояние* и *благоденствие.* Компонентный анализ толкований лексем этой группы показал, что они отличаются уровнем достатка. Например, у лексемы *благосостояние* находим компонент значения *необходимый достаток, благополучие* имеет значение *гарантированного достатка, благоденствие* включает компонент значения *полный достаток.* Лексема *процветание* связана с развитием, поэтому включает компонент значения *развивающийся достаток.*

У гиперонима успех имеется еще два гипонима: *победа* и *удача (везение).* Гипоним *победа* имеет наиболее широкое значение "*успех в борьбе за что-либо".* В эту группу вошли следующие согипонимы: *подвиг, торжество, триумф, фурор.* Представленные лексемы имеют дополнительные оттенки значения и раскрывают понятие *победы.* Например, *торжество* связано с полной победой, *триумф* показывает масштаб победы, под *фурором* понимается публичное признание победы и восторг. В толковании лексемы *подвиг* находим следующий оттенок значения: *"героическая победа+опасные условия".*

Последний гипоним *удача* является абсолютным синонимом к лексеме *везение,* в толковании которых находим схожий компонент значения: "*успех + благоприятное стечение обстоятельств".*

Сопоставительный анализ гиперо-гипонимических отношений в семантическом поле "Успех" в английском и русском языках показал схожую иерархическую структуру с одинаковым количеством основных гипонимов. Гипероним *success* имеет три гипонима: *achievement, victory* и *luck,* гипероним *успех* также имеет три гипонима: *достижение, победа* и *удача (везение).* Гипоним *achievement* в английском языке представлен большим количеством согипонимов, чем соответствующий гипоним *достижение* в русском языке, что объясняется тем, что в лексическое поле "Success" входит больше лексем, чем в соответствующее лексическое поле "Успех". Как в английском, так и в русском языках дополнительные оттенки значения показывают масштаб достижений, показывают, какие усилия нужно приложить для достижения успеха. Подгруппа согипонимов с интегральной семой *fame* в английском языке и подгруппа согипонимов с интегральной семой *известность* имеют схожие дополнительные оттенки значения. Схожую аналогию можно провести с подгруппой лексемы *prosperity* и лексемы *благополучие,* которые включают лексемы, отличающиеся уровнем дохода. Однако в лексическом поле "Success" была выделена подгруппа согипонимов, объединенная лексемой *hit.* В лексическом поле "Успех" аналогичной подгруппы нет. Следует также отметить, что в подгруппу *luck* в английском языке входят лексемы *marvel (miracle, wonder)*, однако в подгруппе *удача (везение)* в русском языке аналогичных лексем не представлено. В словарях синонимов к лексеме *удача* нет лексем *чудо, волшебство*, что может говорить о менее тесной связи между удачей и чудом в русском сознании по сравнению с англоязычной культурой.

Представленный в работе компонентный анализ позволил также выявить полисемию некоторых лексем в двух языках и связь с синонимическими отношениями. Следующим этапом исследования будет сопоставительный анализ синонимических отношений в семантическом поле "Успех" в английском и русском языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург Е.Л. Родо-видовые отношения в языке (словообразование, таксономия и оценка) / Е.Л. Гинзбург, Г.Е. Крейдлин. – Текст: непосредственный // Научно-техническая информация: сборник ВИНИТИ. – 1983. – № 11.– С. 25–28.
2. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / С.В. Гринев-Гриневич. – Москва: Академия, 2008. – 304 с. – Текст: непосредственный.

3. Котцова Е.Е. Гипонимические связи слов в тексте / Е.Е. Котцова. – Текст: непосредственный // Вестник САФУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 6. – С. 78–84.
4. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика / Дж. Лайонз; перевод с английского В.В. Морозова и И.Б. Шатуновского; под общей редакцией И.Б. Шатуновского. – Москва: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с. – Текст: непосредственный.
5. Лысякова М.В. Синтагматический потенциал русских синонимов и гипонимов / М.В. Лысякова. – Текст: непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2004. – № 6. – С. 143–150.
6. Харитончик З.А. Лексикология английского языка / З.А. Харитончик. – Минск: Вышэйшая школа, 1992. – 229 с. – Текст: непосредственный.
7. Цораева О.И. Антрополингвистические аспекты сопоставительного исследования (на примере семантического поля "Успех" в английском и русском языках): специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Цораева Олеся Игоревна. – Москва, 2022 г. – 212 с. – Текст: непосредственный.
8. Энциклопедический словарь 2009 года. – URL: http://niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/index.htm (дата обращения:10.08.2020). – Текст: электронный.
9. Murphy M.L. Semantic Relations, and the Lexicon / M.L. Murphy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 304 p. – Текст: непосредственный.
10. Wierzbicka A. Apples are not a Kind of Fruit – the Semantics of Human Categarization / A. Wierzbicka. – Текст: непосредственный // American Ethnologist. – 1984. – Vol. 11. – № 2. – P. 313–328.

© Цораева Олеся Игоревна (Olesja-vr15@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.47

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА МОЛОДОСТЬ/青年 В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

A COMPARISON OF THE LINGUOCULTURAL FIELD OF THE CONCEPT YOUTH/青年 IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

Zhang Chentong

Summary: This article constructs a linguocultural field and conducts a comparative analysis of the concept YOUTH in the linguistic consciousness of representatives of Russian and Chinese ethnic groups. This is achieved through an etymological, definitional, and associative analysis of the lexical units denoting the concept YOUTH in the Russian and Chinese languages.

Keywords: youth, association, associative experiment, field.

Чжан Чэньтун
старший преподаватель, Вэйнаньский педагогический университет, КНР;
аспирант, ФГБОУ Московский педагогический государственный университет
zhangchentong1230@163.com

Аннотация: В данной статье на основе этимологического, дефиниционного и ассоциативного анализа лексических единиц, обозначающих концепт МОЛОДОСТЬ в русском и китайском языках, проводится построение лингвокультурологического поля и осуществляется сравнительный анализ этого концепта в языковом сознании представителей русского и китайского этносов.

Ключевые слова: молодость, ассоциация, ассоциативный эксперимент, поле.

Термин «поле» изначально возник в физике, а затем проник в лингвистику, где он породил такие концепции, как семантическое поле, ассоциативное поле, лингвокультурологическое поле и другие. В.В. Воробьев в монографии «Культурологическая парадигма русского языка» определяет лингвокультурологическое поле как сложную многомерную структуру, элементы которой имеют языковое и уникальное внеязыковое измерение [Воробьев 1994, с. 42]. Ученый классифицировал слова и понятия, связанные с культурой и языком, на несколько категорий. Он выделил ключевые слова и понятия, которые остаются неизменными, а также те, которые могут варьироваться в зависимости от контекста. Также он уточнил, как эти слова и понятия взаимодействуют друг с другом. [Ломтев 1969, с. 108; Воробьев 1994, с. 42]. Исследование проводилось с двух подходов: анализ ключевых слов и результаты ассоциативного эксперимента. Основное внимание уделялось второму подходу, который в современной лингвистике изучает, как люди используют язык и как язык помогает понять их. [Бугорская 2004, с. 19].

Для точного выявления культурных особенностей лексических единиц и анализа семантических связей, не имеющих значения для обобщения, использовался метод ассоциативного эксперимента [Леонтьев 1977, с. 14]. Этот метод повышает достоверность проведенного исследования.

В русском и китайском языковом сознании концепт МОЛОДОСТЬ является основным из многочисленных составляющих антропоцентрических фрагментов.

1. Этимологический анализ ключевых слов

Анализ на этимологическом уровне предполагает исследование происхождения номинантов «молодость» и 青年. Истоки образования номинанта «молодость» мы восстановили с опорой на «Этимологический словарь русского языка» под редакцией М. Фасмера. А для анализа номинанта 青年 мы используем словарь «说文解字» под редакцией Сюй Шэна («Толкование китайских иероглифов»). Это первый словарь иероглифов, составленный и упорядоченный по принципу иероглифического «ключа», а также с приведенным анализом строения иероглифического знака.

Лексема «молодость» в русском языке представляет собой суффиксальный дериват от прилагательного имени «молодой». Имя прилагательное «молодой» – славянское по происхождению. Корень слова «молодой» восходит к старославянскому «младъ» [Фасмер т. 2, с. 643]. Это общеславянское слово индоевропейской природы. В древнеиндийском языке «младъ» совпадает со словом «mrdus», которое значит «мягкий» и «нежный». Можно сказать, что в древнерусском языке первоначальное значение слова «молодость» тесно связывается с каче-

ствами «мягкостью» и «нежностью».

В китайском языке слово 青年 происходит от иероглифа 青. Он был впервые найден в костяной письменности оракула, являясь идеограммой, его древняя форма составляет из двух частей: наверху (屮, рождать, родиться, появляться), снизу (丹, киноварь, добываемый из шахты).

Согласно «说文解字» («Толкование китайских иероглифов»), «青，东方色也。木生火，从生丹。凡青之属皆从青。» [Сюй Шэнь 2019, с. 829]. Цин, восточный цвет. Дерево порождает огонь, то есть порождает киноварь. Все слова, включающие в себя 青, используют 青 как ключ иероглифов. В древнем Китае киноварь, минерал сульфида ртути, измельчалась в порошок и использовалась в качестве ценного красящего вещества. Иероглиф 丹 (dān), обозначающий красный цвет, имеет глубокие исторические корни и первоначально символизировал именно этот цвет. В глубокой древности китайцы отождествляли красный цвет с огнем, который представлял собой важный элемент защиты от диких животных для людей, не обладавших достаточными средствами самообороны. В связи с этим, красный цвет стал символом огня в традиционной китайской культуре. В древнекитайском языке иероглиф 丹 также использовался для обозначения процесса возникновения огня.

В древнекитайском языке иероглиф 青 (цин) не имеет фиксированного цветового значения, а представляет собой изменяющуюся цветовую категорию, которая зависит от конкретного объекта, контекста и культурно-символического значения. Ключевая характеристика данного цвета заключается в его способности к слиянию и переходу между синим, зеленым и черным оттенками.

В рамках концепции у син, цвет 青 (цин) ассоциируется с нежно-зеленым оттенком пробивающихся ростков растений и деревьев. Это подтверждается записью в древнем китайском семантическом словаре «释名» (Шимин): «青，生也。象物生时色也。» (цин происходит от слова 生 – рост, жизнь; обозначает цвет объектов в момент их зарождения). Таким образом, данный цвет символизирует процесс жизни и развития.

Кроме того, цвет 青 (цин) также ассоциируется с синим оттенком воды в озере, освобождающегося ото льда и снега. Важно отметить, что в древней китайской философской системе элементы 木 (дерево), 东 (восток), 春 (весна) и 青 (восточный цвет) образуют единую серию, отражающую взаимосвязь между природными явлениями и их символическим значением. В некоторой степени иероглиф 青 может быть интерпретирован как символ востока и весны. В XVIII веке данный иероглиф обладал абстрактным философским значением, связанным с концепцией рождения, и одновременно часто использовался для выражения идеи роста и процветания. Согласно китайскому исследователю 李广元, к эпохам Тан и Сун (VII–XIII вв.) цветовая категория 青 постепенно стала ассоциироваться с молодым поколением. Например, в системе государственных экзаменов термин 青衫 (синие одежды) использовался для обозначения ученых, не достигших чиновничьего статуса, тогда как в народной традиции 青衣 (синие одеяния) ассоциировались с молодыми служанками [李广元 2000, с. 178].

Постепенное отождествление молодости с иероглифом 青 привело к тому, что в китайском языке концепт молодости выражается лексемами 青年 (молодые люди) и 青春 (молодые годы жизни), где иероглиф 青 играет ключевую роль, отражая глубокое соответствие между философией цвета и этапами человеческой жизни на образном уровне. В коллективном культурном сознании китайского общества ключевое слово концепта молодости с помощью цветовой метафоры ярко раскрывает культурную сущность данного концепта, заключающуюся в идее первоначала всех вещей и мощной жизненной энергии.

На основе этимологического анализа ключевых терминов можно сделать вывод о том, что происхождение слова «молодость» является прозрачным, и его первоначальное значение отражает такие характеристики, как мягкость и нежность. Термин 青年 происходит от иероглифа 青, который ассоциируется с символикой весны и востока. Это в определенной степени отражает когнитивное отношение китайской культуры к молодости на протяжении веков.

2. Дефиниционный анализ ключевых терминов

Согласно «Толковому словарю русского языка» под редакцией В.И. Даля, термин «молодость» определяется как «юность, состояние молодого; период жизни до среднего возраста; младенчество, отрочество и юношество, а иногда и начало возмужалости» [Даль, т. 2, с. 332].

В «Толковом словаре китайского языка» термин 青年 имеет следующие определения:

Молодой период жизненного цикла охватывает возраст от 15–16 до 30 лет; молодой человек; юность, возраст, находящийся между отрочеством и зрелостью [Ся Чжэньнун Чэнь Чжили 2010, 1309]. Легко заметить, что в китайском и русском толковых словарях дефиниции слова «молодость» обнаруживают интегральный признак: период жизни, а дифференциальные признаки следующие. Во-первых, в словаре современного китайского языка дефиниция слова 青年 имеет признак «нормальный» / «процесс жизни», а в русском словаре данного признака нет. Во-вторых, в китайском толковом словаре период молодости представляется конкретно: с 15 или

16 лет до 30 лет, а в русском словаре данного конкретного периода нет. В-третьих, в китайском словаре период жизни молодого человека определяется от отрочества до зрелости; а в словаре Даля в значении слова «молодость» обнаруживаются признаки «младенчество» и «начало возмужалости».

3. Ассоциативный анализ на материале ассоциативного эксперимента

«Для описания концепта в его синхронном состоянии необходимо синхронное исследование репрезентации концепта в лексико-семантических системах языка, дополненное по возможности анализом результатов ассоциативных экспериментов и изучением дискурсивного функционирования слов, являющихся лексическими репрезентациями концепта» [Крючкова 2005, с. 23]. Для исследования когнитивных признаков, формируемых в языковом сознании, нами использовался метод свободного ассоциативного эксперимента. Респонденты были разделены на две группы. 120 студентов из России и 128 студентов из Китая в возрасте 18–29 лет. Выбор нижнего возрастного порога обусловлен концепцией Л.С. Выготского, согласно которой полноценные понятия формируются у человека в среднем подростковом возрасте, до этого осознание и оперирование абстрактными категориями невозможно [Выготский 2001, с. 14].

По гендерному признаку две группы были приблизительно равные. Ассоциативный эксперимент проводился путем анкетирования. Анкета содержит следующие вопросы:

1. Какие ассоциации возникают у Вас со словом молодость/青年?
2. Что для Вас является основными символами молодежи?
3. С какого и до какого возраста Вы считаете человека молодым?

Рассмотрим ответы студентов из России на первый вопрос ассоциативного эксперимента – реакции на слово-стимул «молодость». Всего было зафиксировано 188 реакций.

Для удобства анализа ассоциативного поля концепта «молодость» представлена следующая таблица (см. табл. 1).

Таблица 1.

Ассоциативное поле номинанта «молодость».

Частота реакции	Реакция
28	свобода
27	энергия
20	красота
19	веселье
10	возможности
6	выбор, движение, студенчество, юность
5	беззаботность, знакомства, жизнь, сила, перемена
4	здоровье, активность, учеба, выбор
3	любовь, университет, общежитие, работа, весна, свет
2	время, будущее, амбиции, легкость, лето, улыбки, солнце
1	неопределенность, становление, выбор жизненного пути, поиск, много энергии для их воплощения, огромный энергетический потенциал, радость, школа, дружба, юношество, беспечность, счастье, счастливые годы жизни, вера в будущее, риск, приключения, больше цели, предвкушение того, что «вся жизнь впереди», все еще впереди, яркость, наивность, инициативность, ответственность, позитив, бедность, проблемы, новые надежды, эмоции, развитие, самосовершенствование, свежесть, безделье, веселые студенческие годы, агрессия, неопытность, страх, мечты, взросление, прогулки, вечеринки, стройность, любознательность, прогресс, время для погулять, бесшабашность, знания, чистота, девушка, женственность, море по колено, безрассудство

Таблица 1 показывает частоту каждой слова-реакции: 18 реакций составляют ядро, 63 – периферию (менее трех голосов). 22% реакций общие для русскоговорящих, 78% – индивидуальные. Анализ концепта «молодость» в российском сознании показал, что слова-реакции делятся на группы: «свобода» (40%), «энергия» (38,3%), «перемена» (35%), «веселье», «красота» (по 18,3%), «университет» (16,6%), «эмоции», «физические характеристики» (по 13,3%), «отрицательные характеристики» (11,6%), «ранний возраст» (6,6%) и другие.

В группе «свобода» выделены внешние аспекты, такие как «свободное время», «прогулки» и «вечеринки», а также внутренние состояния – «беззаботность». Молодость ассоциируется с энергией, амбициями, активностью и инициативностью. Категория «перемена» включает неопределенность, становление, выбор пути, поиск, движение, риск и приключение, отражая объективные характеристики молодости. Понятия самосовершенствования, развития и взросления имеют позитивную коннотацию. Респонденты часто вспоминают студенчество. 16,6% указали термины: университет, общежитие, учеба, дружба, веселье. Летние каникулы важны для отдыха, упомянуты в двух анкетах. Молодость обогащает внутренний мир эмоциями: любовь, счастье, позитивный настрой.

Молодость ассоциируется с силой, здоровьем и красотой. В ответах также встречаются негативные оценки: проблемы, наивность, неопытность, бедность, агрес-

сия, страх, бесшабашность и безрассудство. Молодость наступает после юности, но в русском языке эти понятия часто взаимозаменяемы, поэтому появились слова «юность» и «юношество».

Слово «символ молодежи» у русских студентов вызывает более конкретные ассоциации, чем «молодость». Основные группы: «образование» (32%), «молодежная речь» (23,4%), «одежда» (19%), «энергия» (17%), «интернет» (10,6%), «яркие эмоции» (10,6%), «музыка» (8,5%), «инновация» (6,3%) и т.д. В группе «образование» упоминаются «общежития», «школа», «университет», «танцы», «вечеринки», «искусство», «обучение», «получение знаний». Речь и одежда молодого поколения отличаются от других. В «молодежную речь» входят слова: «новые слова», «сленг», «толстовки», «джинсы», «стиль», «яркие цвета», «интернет-темы», «ноутбук», «тик-ток», «технологии», «музыка», «рок», «песня», «креативность», «новые идеи».

Последний вопрос: «В каком возрасте человек считается молодым?».

Исследование показало, что 78% опрошенных считают молодость возрастом от 30 до 34 лет. Начальный возраст молодости также вызвал разногласия: 29% считают его с 18 лет, 25% – с 16 лет. Четыре респондента затруднились ответить, выразив мнения: «не могу точно сказать», «пока он сам себя таковым считает», «возраст определяется паспортными данными». В дополнение к возрастным критериям респонденты отметили, что самоощущение играет ключевую роль в определении молодости. Внутренний возраст не зависит от количества прожитых лет, важно не стесняться внутреннего ребенка и быть собой. Некоторые отметили сложность принятия взросления и желание сохранить молодость. Исследование среди 128 китайских студентов включало стандартизированную анкету. На первый вопрос получено 206 реакций, ассоциативное поле представлено в таблице 2.

Таблица 2.

Ассоциативное поле номинанта 青年.

Частота реакции	Реакция
19	活力 – жизненная сила.
16	青春 – расцвет молодости.
12	朝气蓬勃 – полный молодого задора.
9	自由 – свобода, 热血 – горячая кровь.
7	年轻 – молодой, 奋斗 – бороться, 朝气 – бодрость, 希望 – надежда.
6	积极向上 – активно стремиться к прогрессу.
5	年轻人 – молодой человек, 有理想 – имеющий идеалы.
4	未来 – будущее, 好 – хорошо.
3	青年 – молодость, 五四运动 – движение молодежи четвертого мая, 上进 – стремление к прогрессу, 正能量 – позитивная энергия.
2	阳光 – солнечный свет, 青少年 – подросток, 大学生 – студент, 勇敢 – отвага, 充满热情 – прочувствованный, 学习 – учиться, 青年大学习 – мероприятие для молодежи с целью изучения идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи, 拼搏 – сражаться, 砥砺前行 – неуклонное движение вперед, 学生 – ученик, 无限可能 – безграничные возможности, 有志气 – амбициозный, 意气风发 – преисполниться небывалым энтузиазмом, 有所作为 – многообещающий, 有担当 – иметь смелость нести ответственность, 《新青年》 – «новая молодежь», 生命力 – жизнеспособность.
1	时代进步的后浪 – последняя волна прогресса во времени, 后浪 – последняя волна, 有力量 – сильный, 为国家做贡献的青年 – молодежь, вносящая свой вклад в развитие страны, 新时代的奋斗者 – борцы новой эры, 有理想、敢担当的青年 – молодые люди, обладающие высокими идеалами и смело берущие на себя ответственность, 思想 – идеи, 河流 – река, 中国青年 – китайская молодежь, 卷 – жесткая конкуренция, 躺平, 心向党 – всей душой к КПК, 强国 – великая держава, 努力实现自己的目标 – стараться добиться своей цели, 欣欣向荣 – бурно растущий, 快乐 – радость, 无忧无虑 – беззаботный, 青春年少 – молодой человек в расцвете сил, 变化 – изменение, 青年是国家的未来，民族的希望. Молодость является будущим страны и надеждой нации. 书 – книга, 挣钱 – зарабатывать, 热爱 – обожать, 稚嫩 – наивность, 光彩熠熠 – блеск, 《青年报》 – «Молодежная газета», 灿烂 – блестящий, 激情 – пафос, 有干劲 – энергичный, 开朗 – широкая натура, 孤单 – одиночество, 青年人 – молодежь, 无限可能 – безграничные возможности, 进取 – стремиться вперед, 责任 – ответственность, 热情洋溢 – возбужденный, 没有顾忌 – без всякого опасения, 性欲比较旺盛 – повышение сексуального влечения, 上学 – ходить в школу, 努力 – усердие, 生机勃勃 – активность, 看世界 – посещение мира, 祖国的花朵 – цветы родины, 奋发图强 – с энтузиазмом добиваться прогресса.

Рассчитываем согласно вышесказанной классификации, 18% слов-реакций составляет ядро ассоциативного поля концепта МОЛОДОСТЬ в китайском языковом сознании, а обширную периферию – остальные 82% слов-реакций.

Анализ ответов студентов из Китая на первый вопрос анкеты, касающийся ассоциаций, связанных со словом 青年, выявил, что концепт МОЛОДОСТЬ у них вызывает преимущественно положительные коннотации. Среди

наиболее часто упоминаемых ассоциаций можно выделить следующие: «жизненная сила», «отвага», «усердие», «перспективность» и «надежда».

Категория «жизненная сила» включает в себя такие характеристики, как «активность», «энергичность», «бодрость», «горячий темперамент», «стремительное развитие», «активное стремление к прогрессу», «интенсивное стремление к прогрессу», «эмоциональная насыщенность», «восхищение», «возбуждение» и «высокий уровень энтузиазма». Эта категория составила 52,3% от общего числа ответов.

Категория «молодой» включает в себя такие понятия, как «молодой человек», «молодость», «молодой возраст», «молодежь» и «подросток». Эта категория составила 14% от общего числа ответов. Понятие «молодой» также присутствует в ядре ассоциативного поля, занимая второе место по частоте. Это соответствует дефиниции лексемы «молодость» в толковом словаре. Таким образом, связь между словарной семой и компонентом значения слова «молодость» очевидна.

13,2% испытуемых использовали словосочетание «расцвет молодости», а один испытуемый – «молодой человек в расцвете сил». Важно отметить, что в этимологических словарях лексема «молодость» объясняется через набор сем, включающих восток, весну и расцвет, что соответствует компоненту значения слова «молодость» в современном когнитивном сознании носителей китайского языка.

Кроме того, в китайском языковом сознании акцентируется внимание на «усилии». К этой группе относятся следующие ассоциации: «бороться», «стремиться к прогрессу», «с энтузиазмом добиваться прогресса», «усердие», «сражаться», «неуклонное движение вперед» и другие, которые составляют 13,2% слов-реакций. В китайской культуре на протяжении веков пропагандируется стремление к прогрессу и борьба за свои цели в молодости. В ответах респондентов были выявлены две противоположные концепции, связанные с трудовой деятельностью: термин 卷 (букв. «сворачивание», «трудиться») и 躺平 (букв. «лежать горизонтально», «не трудиться»).

Концепция «Родина» (11%) была интерпретирована следующим образом:

«Мероприятие для молодежи с целью изучения идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи»; «молодежь, вносящая свой вклад в развитие страны»; «борцы новой эры»; «молодые люди, обладающие высокими идеалами и смело берущие на себя ответственность»; «китайская молодежь»; «всецело поддерживающие Коммунистическую партию Китая»; «великая держава; молодость как будущее страны и надежда нации».

Эти интерпретации отражают значимость патриотизма и государственного строительства в сознании респондентов, что часто освещается в новостных медиа.

Кроме того, 10% респондентов упомянули о «свободе», «путешествиях», «беззаботности» и «отсутствии опасений», что свидетельствует о стремлении к личной свободе и стремлении к новым впечатлениям и возможностям. С нашей точки зрения, феномен свободы может быть охарактеризован двумя ключевыми аспектами. Во-первых, современный духовный мир молодого поколения характеризуется высокой степенью чистоты, легкости и радости. Молодые люди располагают свободным временем для исследования окружающего мира и реализации своих жизненных амбиций. Во-вторых, 6 человек упомянули историческое событие под названием 五四运动 (движение молодежи четвертого мая) и соответствующую ему газету 《新青年》 («Новая молодежь»).

Понятие «характер молодого поколения» (8%) играет важную роль в данном контексте. Молодые люди описываются набором таких характеристик, как смелость, общительность, сила, амбициозность и ответственность. Следует отметить, что в восприятии молодого поколения присутствуют как положительные, так и отрицательные характеристики. Двое студентов выделили такие негативные аспекты, как «одиночество», «наивность» и «жестокая конкуренция».

Анализ ассоциаций, связанных с термином «символ молодежи», среди носителей китайского языка демонстрирует схожесть с ассоциациями, вызванными словом «молодость». В категорию «Родина» включены следующие ключевые понятия: «надежда страны», «перспективное будущее Родины», «образ страны», «будущее поколение страны», «патриотизм», «опора государства», «новая генерация государства», «основные силы Китая», «надежда нации», «социальный прогресс». Дополнительно два респондента упомянули «членов КПК» и «членов комсомола».

Отрицательные характеристики молодежи определяются такими атрибутами, как «утомленность» и «загруженность». В дополнение к вышеупомянутым шести группам понятий была введена еще одна группа. Понятие «образ молодежи» включает в себя такие символы, как «солнце», «утреннее солнце», «восходящая звезда», «семя», «птенец орла», «весна», «река» и «факел». В китайской культурной традиции солнце символизирует жизненную энергию, силу и надежду. По этой причине высказывания бывшего председателя Коммунистической партии Китая Мао Цзэдуна о молодежи имеют особое значение: «Молодой человек – жизнерадостный, похожий на утреннее солнце в 8 или 9 часов». В рамках исследования были получены следующие данные относитель-

но третьего вопроса: 43,7% респондентов считают, что возраст 18 лет является началом периода молодости. 29,6% опрошенных полагают, что молодость завершается в возрасте от 28 до 30 лет. 35,9% участников опроса относят к категории молодежи лиц в возрасте до 25 лет.

Кроме того, 7% респондентов выразили мнение, что возрастные рамки не должны быть жестко определены, и каждый человек сам вправе решать, причислять себя к молодежи или нет. Также были зафиксированы ответы, отражающие позицию о том, что молодость не ограничивается определенными возрастными категориями, а определяется внутренним состоянием и настроем личности, такие как «вечно в молодости», «любой возраст» и «цифры не важны, а настроение внутри».

Результаты ассоциативного эксперимента, осуществленного среди студентов из России и Китая, предоставили возможность провести сравнительный анализ концепта МОЛОДОСТЬ в контексте русского и китайского языкового сознания.

Во-первых, концепт МОЛОДОСТЬ характеризуется интегральными значениями в языковом сознании представителей обоих народов. Он включает такие категории, как энергия, свобода, надежда, а также связан с концепцией студенческой жизни. Кроме того, данный концепт включает общие характеристики, присущие поколению, такие как активность, смелость, коммуникабельность и наивность. В то же время существуют и дифференциальные аспекты, которые могут различаться в зависимости от культурного контекста. Концепт МОЛОДОСТЬ вызывает у русских респондентов более конкретное и личностно окрашенное восприятие. В ответах на символ молодежи данный концепт выделяется своей специфичностью. В отличие от китайских студентов, у которых МОЛОДОСТЬ ассоциируется с более абстрактными категориями, такими как энергия, расцвет, свобода, родина, история, русские респонденты акцентируют внимание на аспектах личной жизни, таких как сленг, мода, интернет, яркие эмоции и музыка. Это может быть связано с особенностями национального характера. Известно, что китайская культура характеризуется сдержанностью в выражении личных чувств и низкой степенью индивидуализации. В то же время представители русской культуры склонны к более откровенному и открытому выражению своих мыслей.

Кроме того, различия могут быть обусловлены особенностями системы образования. В Китае учащиеся находятся под значительным влиянием идеологических установок, которые государство предъявляет к молодежи. Эти установки включают требования к энергичности, прилежанию, наличию высоких идеалов, патриотизму и участию в построении модернизированного социалистического государства. Даже личные стремления должны быть подчинены интересам и потребностям государства. Поэтому при обсуждении вопросов, связанных с молодостью, у них возникали исключительно абстрактные концепции. В то же время представители русской стороны акцентировали внимание на значимости индивидуализации и личностного подхода.

Во-вторых, понятие патриотизма занимает центральное место в китайской культуре. Оба вопроса имеют тесную связь с выражением патриотизма, которое включает в себя такие аспекты, как Родина, Коммунистическая партия Китая (КПК), идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху и соответствующие концепции.

Это обусловлено тем, что китайская образовательная система оказывает значительное влияние на формирование мировоззрения граждан. В учебных программах всегда присутствует обязательный курс по политике, направленный на углубление понимания и укрепление патриотических чувств у учащихся. С раннего возраста в обществе культивируется чувство патриотизма и преданности Коммунистической партии Китая (КПК). В последние годы государство активизировало меры по идеологическому воспитанию молодежи, особенно студентов. Эти меры оказывают значительное влияние на формирование когнитивного сознания молодых людей.

Анализ ответов респондентов из Китая показал, что многие из них используют выражения, характерные для официальных СМИ. В то же время, ни один из респондентов из России не использовал подобные формулировки. Это свидетельствует о том, что в российском обществе понятие МОЛОДОСТЬ не ассоциируется напрямую с патриотизмом.

В-третьих, концепт усилий занимает важное место в системе языкового сознания китайского этноса. Китайская нация отличается высокой степенью трудолюбия, духом борьбы и ориентацией на прогресс. В китайской культуре не поощряется лень и пассивность среди молодого поколения, что подтверждается следующей пословицей: 少壮不努力，老大徒伤悲 (Тот, кто в молодости не прилагает усилий, будет сожалеть об этом в старости).

Таким образом, в китайском обществе принято стремиться к самосовершенствованию и достижению высоких результатов в профессиональной деятельности. Правительство Китайской Народной Республики также активно пропагандирует развитие духа упорной борьбы среди молодежи. Именно поэтому в китайском сознании усилия тесно связаны с молодостью. В русском языке, напротив, отсутствует аналогичное устойчивое выражение, отражающее данную культурную специфику.

В-четвертых, в русском и китайском языках существуют различные коннотации, связанные с концепцией молодости, которые имеют негативный оттенок. В русском языковом сознании молодежь часто ассоциируется с им-

пульсивностью, неопытностью, безответственностью и недостатком материальных ресурсов, а также с постоянным преодолением различных трудностей. В сравнении с китайским языком, в русском языке частота негативных коннотаций значительно выше. Это указывает на то, что образ молодежи в русском языке не всегда характеризуется положительно. В китайском языке, напротив, такие признаки, как апатия и отсутствие трудовой активности (тангпин), воспринимаются как негативные характеристики молодого поколения. Вероятно, это обусловлено высокой конкуренцией и интенсивным темпом жизни. В Китае значительная численность населения объективно привела к чрезвычайно острой конкуренции. Некоторые молодые люди следуют традиционным установкам, в то время как другие выражают разочарование в образе жизни, ведущемся их родителями. Они стремятся изменить систему гиперконкуренции и трансформировать трудовую культуру страны. Такая ситуация не способствует устойчивому развитию общества.

Проведенное сравнительное исследование концепта МОЛОДОСТЬ/青年 в русском и китайском языковом сознании позволило выявить как общие, так и существенные различия, обусловленные культурно-историческими и идеологическими детерминантами.

Концептуальное поле, репрезентирующее данный концепт в обеих лингвокультурах, включает такие категории, как «энергия», «свобода», «надежда» и «позитивные эмоции». Эти категории ассоциируются с этапом жизни, находящимся между юностью и зрелостью. Ассоциативные поля демонстрируют выраженную специфику: для русскоязычных респондентов характерен личностно-центрированный, эмоционально-насыщенный и порой противоречивый образ молодости, который акцентирует индивидуальную свободу, веселье и сопряженные с возрастом риски. В китайской ментальности доминирует социально-ориентированное восприятие молодости, где она рассматривается через призму коллективного долга, трудолюбия, патриотизма и служения национальным интересам. Это находит непосредственное отражение в частотных ассоциантах, связанных с идеями борьбы, патриотизма и идеологии. Таким образом, концепт МОЛОДОСТЬ – это понятие, которое важно для всех людей. Однако то, как мы понимаем молодость, зависит от нашей культуры и страны. В России и Китае у этого понятия есть свои особенности. Оно не только показывает, какие представления о молодости существуют в обществе, но и помогает понять, какие идеи и ценности важны для молодых людей в этих странах. Исследование показало высокую эффективность метода ассоциативного эксперимента в выявлении скрытых культурных значений. Этот подход важен для анализа межкультурного взаимодействия и изучения языковых структур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев В.В. Культурологическая парадигма русского языка: Теория описания языка и культуры во взаимодействии. - М., 1994.-С. 40,42,46.
2. Ломтев Т.П. Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики // Филологические науки. - М., 1964. №2.-С. 108–120.
3. Бугорская Н.В. Антропоцентризм как категория современного языкознания // Вопросы психолингвистики. - М., 2004. №2.-С. 18–25.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. -М., 1977.-304с.
5. Фасмер М., Этимологический словарь русского языка: В 4т. Т.3. -М., 2004.-830с.
6. 许慎（汉）著，说文解字.-М., 2019.-1629с. Сюй Шэнь (династия Хань). Шуо вэнь цзе цзи (Толкование китайских иероглифов) -М.,2019.-1629с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, -М.,1882.-712с.
8. 夏征农, 陈至立，辞海.-М.,2010.-2800с. Ся Чжэньнун, Чэнь Чжили, Словарь китайского языка. -М., 2010.-2800с.
9. Крючкова Н.В. Лингвокультурное варьирование концептов Саратов: Научная книга, 2005.-165с.
10. Выготский Л.С. Мышление и речь: Психика, сознание, бессознательное. -М.,2001.-366с.

© Чжан Чэньтун (zhangchentong1230@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.01.48

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ НА РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЯХ (НА ПРИМЕРЕ АНТОНИМИИ)

MECHANISM OF FORMATION OF MEANING AT DIFFERENT LANGUAGE LEVELS (BASED ON ANTONYMY)

L. Shakiryanov

Summary: Opposition refers to the most fundamental categories that are constantly used in broad cognitive processes in the physical and mental perception of the world. The concepts of "opposite" and "opposition" can be used in the analysis in a paradigmatic aspect, whereas the use of the concept of "contrast" makes it possible to analyze the contextual realization of meanings as well. The purpose is to identify the features of the hierarchical structure of language (language integrity) using antonymy with a more detailed examination of all levels. The research method is a level analysis, a method of describing a language in which it is believed that the language system consists of several subsystems (levels); at the same time, the features of each level are determined by the set, types and rules of functioning. The study was based on economic realities (Tomakhin, 2000), as well as terms (Anikin, 1977). The results are summarized in theoretical and practical conclusions. According to the conclusions, the meaning under study can be realized at various levels, whose harmonic whole is described in detail in the work. Antonymy is associated with one of the fundamental aspects of being – with the dialectical unity of opposite principles in the very essence of objects, phenomena, and signs of the spiritual and material world; in practical terms, it is implemented in the following form: morphemes / words-parts of speech / words-concepts / words-metaphors / syntactic constructions / nominations / combinations forms and meanings / levels of language.

Keywords: antonymy, language levels, level analysis, morphemes, parts of speech, words, metaphors, syntactic constructions, nominations.

Шакирьянов Лев Морисович
кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», (г. Уфа)
levshakiryanov@gmail.com

Аннотация: Противоположность относится к фундаментальнейшим категориям, которые постоянно используются человеком в широких когнитивных процессах при физическом и ментальном восприятии окружающего его мира. Наблюдения показывают, что, если понятия «противоположность» и «противоположение» могут быть использованы при анализе языковых единиц в парадигматическом аспекте, то использование понятия «противопоставление» дает возможность проанализировать также контекстуальную реализацию значений. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить особенности иерархического устройства языка (целостность языка) с помощью антонимии при более детальном рассмотрении всех уровней, а также смежных областей. Метод исследования – уровневый анализ, метод исследования и описания языка, при котором считается, что система языка состоит из ряда подсистем (уровней); при этом, особенности каждого уровня определяются набором, типами и правилами функционирования языковых единиц. Исследование проводится на материале экономических реалий американского общества лингвострановедческого словаря США учёного-энциклопедиста, д-ра филол. наук Г.Д. Томахина (2000), а также терминов из Англо-русского экономического словаря под ред. проф., д-ра экон. наук А.В. Аникина (1977). Результаты исследования обобщены в теоретических и практических выводах. Согласно выводам, исследуемая область значения может реализовываться на различных уровнях языка, чье гармоническое целое подробно описано в работе. Таким образом, антонимия связана с одной из фундаментальных сторон бытия – с диалектическим единством противоположных начал в самой сущности предметов, явлений и признаков духовного и материального мира; в практическом плане она реализуется в следующем виде: морфемы / слова-части речи / слова-концепты / слова-метафоры / синтаксические конструкции / номинации / комбинации формы и значения / уровни языка.

Ключевые слова: антонимия, уровни языка, уровневый анализ, морфемы, части речи, слова, метафоры, синтаксические конструкции, номинации.

Введение

Понятие слова как элемента номинации традиционно вызывает трудности среди лексикологов. Хотя ученые солидарны в том, что единицей лексики (соответственно: лексикологии) является слово, оно должно быть более тщательно изучено, что могло бы сделать её использование в рамках лингвистического анализа более рациональным [19, с. 36]. Сложность содержательной структуры слова состоит еще и в том, что существующие подходы в лингвистике в исследованиях языка и речи, а также проблемы значения слова, с одной стороны, «признают неразрывную связность языка и мышления, слова и мысли, а, с другой стороны, слово и мысль исследуются как самостоятельные и независимые друг от друга сущности» [7, с. 3].

Слово, представляя собой «утвердившееся в языке общественно признанное, воспроизводимое в речи разными членами соответствующего языкового коллектива единство звучания и значения, содержит отражение реальной действительности. Оно осуществляется через отображаемое в значении этого слова понятие, созданное на основе и при помощи языка и, в той или иной мере, символизирующее какие-то материальные и идеальные моменты в жизни данного общества» [10, с. 95].

Считается, что антонимы придают особую значитель-

ность предметам и понятиям, способствуют раскрытию противоречивой сущности предметов и явлений, помогают показать полноту охвата явлений, а также используются как яркое выразительное средство в художественной речи. На современном этапе намечается тенденция изучения антонимов в конкретных языках (в том числе, диалектах и говорах), а также языках народов Российской Федерации и ближнего зарубежья:

- азербайджанский (М.А. Баширова, А.Н. Шилханова, М.К. Ибрагимов);
- бакинский диалект, дербенский диалект, хачмазский говор, гедабекский диалект, гейчайский диалект, газахский диалект, товузский диалект, евлахский диалект, шекинский диалект азербайджанского языка (Ф.Э. гызы Юсифова);
- греческий (Е.С. Онуфриева);
- грузинский и осетинский (Р.И. Таучелова М.А. Цаликова, Н.Л. Кобесашвили, М.Т. Бекоева);
- даргинский (З.И. Шахбанова, С.М. Рабаданова, С.И. Мутаева, Д.М. Алибекова);
- жестовый (Н.Б. Цибуля, М.Р. Алиева);
- ингушский (Р.М. Галаева, Э.Г. Оздоева, П.М. Алиева);
- кабардино-черкесский (Р.Х. Дзуганова);
- казахский (Н.М. Тукешова);
- каракалпакский (Ф.И. Жуманиязова);
- карачаево-балкарский (Б.А. Берберов);
- кыргызский (Н.А. Кайбылдаева, М.М. Джумаева);
- марийский (Л.А. Абукаева, А.А. Митрускова, А.В. Чемышев);
- русские народные говоры (Т.В. Лысенкова);
- таджикский (Ш.Б. Каримов);
- татарский (М.З. Валиева);
- тувинский (Т.Г. Бочина);
- хакасский (К.А. Покоякова);
- церковнославянский (О.В. Непраш);
- чеченский (Р.С. Ильясова);
- эвенский (С.Н. Саввинова, И.И. Садовникова).

Если говорить о дефинициях антонимов, то они базируются на философских категориях «противоположность» и «противопоставление» [8; 11; 13; 14; 17; 18]. Антонимы появляются в языкознании для того, чтобы разграничить семантически противоположные или противопоставленные слова (обобщающим термином для двух понятий является контраст); в конечном счете они становятся всеобъемлющим языковым и речевым явлением. Антонимы охватывают все уровни лингвистики, а именно морфологию, синтаксис, лингвостилистику [16]. Тем не менее, механизм формирования значения (уровней) можно выявить лишь при более детальном их рассмотрении.

Материалы и методы исследования

В работе применяется многоуровневый анализ, то есть метод изучения и описания языка, при котором считается, что система языка складывается в ряд подсистем (уровней); при этом, особенности уровней (морфология, синтаксис, лингвостилистика, и т.д.) имеют особый набор, типы и правила функционирования языковых единиц.

Исследование проводится на материале экономических терминов, которые были отобраны из Англо-русского экономического словаря под редакцией профессора, доктора экономических наук А.В. Аникина, а также различных экономических реалий лингвострановедческого словаря США учёного-энциклопедиста, доктора филологических наук Г.Д. Томахина (общее число рассмотренных случаев актуализации значения на различных уровнях языка – 2000 терминов). Отметим, что целью исследования является уровневый анализ, который не предполагает непосредственного анализа количественных или других показателей, так как основной задачей было корректно расположить уровни значения.

Теоретические выводы

В ходе исследования установлено, что при формировании уровней анализа, особую роль играет деление элементов языка на словообразовательные и словоизменительные (формообразующие), в результате чего словообразование рассматривается за рамками морфологии, которая, в свою очередь, представляет собой науку о формообразовании. В этой связи словообразование можно рассматривать как самостоятельную лингвистическую дисциплину [2; 6; 15].

По сути, концепция, предложенная Ф.Ф. Фортунатовым, является основополагающим принципом деления уровней языка. В рамках общей теории это позволяет разграничить морфемы, которые позволяют сопоставить слова на уровне аффиксов, а также те, по которым можно выделить различные части речи.

В основу исследования положено фундаментальное различие между «отдельными знаками предметов мысли» (словообразовательные морфемы) и «различного рода частями в предложениях» (словоизменительные морфемы) (Ф.Ф. Фортунатов).

Установим одну из основных закономерностей, которая позволяет выстроить уровневую систему языка. В рамках нее, «иерархически упорядоченные единицы функционируют в языке не только как неделимые элементы в отношении к себе подобным, но и как составные части высших единиц и как совокупности низших единиц; в этой связи, слово – это и неделимое целое, и целое, состоящее из морфем, т.е. комплекс морфем» [1, с. 268; 5]. Данная концепция позволяет выявить в языке слова-концепты.

Система языка – множество языковых элементов, находящихся в закономерных связях и отношениях друг с другом, характеризуемое определённой целостностью. Таким образом, можно выделить и другие уровни языка. Так, тут можно выделить слова-метафоры, синтаксические конструкции, номинации и комбинации формы и значения.

Практические результаты

Изучение словообразовательной системы в рамках современных лингвистических концепций является чрезвычайно актуальным, так как без знания хронологии событий и последовательности формирования отдельных языковых единиц невозможно представить их современное состояние. Как отмечает В.В. Виноградов, «структура слова неоднородна в языках разных систем и на разных стадиях развития языка. Если отвлечься от сложных вопросов истории слова как языковой категории, соотносительно с категорией предложения, в самом описании смысловой структуры слова еще останется много неясного» [3, с. 17–18]. Вопрос структуры слова можно считать одним из наиболее важных при рассмотрении уровней языка, а также его словообразовательной системы.

Иерархическое устройство языка служит его связыванию в единое гармоническое целое, а «гармоническая целостность системы языка, при всей ее сложности и противоречивости, отражается и в целостности языковых знаков» [5, с. 76]. Это выражается в выделении других уровней языка. Все же, как утверждает Н.В. Крушевский, слово «и с внешней, и с внутренней стороны оно составляет одно целое» [9, с. 162].

Как уже было сказано, приведенные аргументы позволяют разграничить морфемы, которые позволяют **сопоставить слова на уровне аффиксов** (*exponential law* «экспоненциальный закон (*распределения*)»/ *hyperexponential law* «гиперэкспоненциальный закон (*распределения*)» (приставка преувеличения); *dependent activity* «зависимая операция»/ *independent activity* «независимая операция» (приставка отрицания, и другие, полный перечень см. в других работах автора), а также те, по которым можно **выделить различные части речи** (*adjustment between demand and supply* (субстантивы); *lend-lease agreement* (вербы); *to jockey back and forth* (адвербы); *odd and even* (адъективы); *to make a bargain all-or-nothing* (местоимения); *first-in-first-out* (предлоги)).

Системность языка и его стремление к гармонии – это итог противоборствующих сил, благодаря которым языковая система остаётся стабильной; благодаря этой концепции, высказанной ранее Н.В. Крушевским, можно **выявить в языке слова-концепты** (*de facto population* «фактическое население»/ *de jure population* «юридическое население»).

Как уже отмечалось ранее, иерархическое устройство языка служит его связыванию в единое гармоническое целое, что выражается в выделении других уровней языка.

Так, в рамках рассматриваемой тематики можно **выделить слова-метафоры** *bulls*/ *bears* «быки»/ «медведи» (см. рисунок 1), *hawks*/ *doves* «ястребы»/ «голуби» (см. рисунок 2), *wolves*/ *sheep* «волки»/ «овцы» (см. рисунок 3), *blue chips*/ *red chips* «голубые фишки»/ «красные фишки», *pigs*/ *chicken* «свиньи, или кабаны»/ «цыплята», *sharks*/ *lemmings* «акулы»/ «лемминги» (в настоящей статье приводится описание только некоторых из них). Метафора проясняет образование характерных для американского общества явлений, которые не только передают отношение к называемому объекту или явлению, но и затрагивают сложный процесс комплексного изучения сознания, культуры и языка.

Рис. 1. Быки и медведи на фондовом рынке - Bears and bulls in the stock market (Источник: “The Wall Street Journal”, URL: https://www.wsj.com/)

Рис. 2. Ястребы и голуби – Hawks and doves (Источник: “Vietstock” (Вьетнам), URL: https://vietstock.vn/)

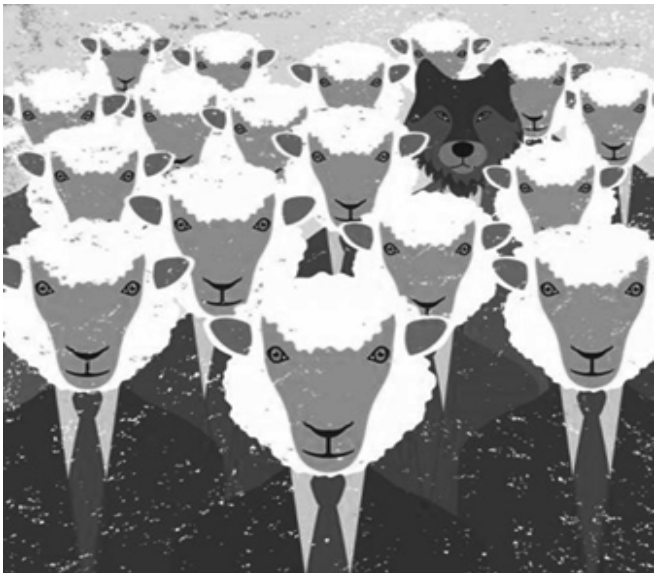


Рис. 3. Волки и овцы – Wolves and sheep (Источник: Блог "MomsRising", URL: https://www.momsrising.org/)

С точки зрения синтаксиса (синтаксического уровня), можно говорить о существовании трех классов антонимов (*asked and bid/ birth-and-death data/ breakeven order*). Формально их можно назвать «противопоставление в рамках одного словосочетания», «противопоставление словах с дефисным написанием» и «противопоставление в одном элементе словосочетания» [16, с. 558].

Понятие номинации в лингвистике связано с познавательной деятельностью человека, в силу чего может сочетать в себе различные аспекты своей реализации [4]. Согласно этой классификации, можно **идентифицировать номинации**; в рамках нее, элементы противопоставляются «в рамках одной номинации», «в рамках двух номинаций» и «в рамках трех номинаций»: (*demand outdistances supply* «спрос опережает предложение» (одна номинация); *apportionable annuity* «делимый (*между наследниками*) аннуитет»/ *nonapportionable annuity* «неделимый аннуитет (*выплачиваемый доход не подлежит делению между наследниками*)»; *to skyrocket* «взлетать, стремительно расти»/ *to rise* «увеличиваться»/ *to fall* «падать» (три номинации)).

Одним из главных показателей самостоятельности слова как единицы языка является вопрос соотношения слова и его части [12, с. 27]. В этой связи с последним положением можно **выделить комбинации формы и значения** (1) *explicit bargaining* «явные (открытые) торги»/ *implicit bargaining* «неявные (скрытые) торги; косвенные переговоры» (нахождение (фиксированная позиция)); 2) *to overproduce* «производить (товары в количестве, превышающем спрос)»/ *to underproduce* «недопроизводить, выпускать продукцию в недостаточном количестве» (пространство, некоторые другие комбинации можно найти в других работах автора)).

Для рассмотрения полной системы языка (его систематизации) целесообразно также рассмотреть полную совокупность всех уровней языка, которая продемонстрирует его строй. В итоге в системе языка можно наблюдать следующие уровни: морфемы, слова-части речи, слова-концепты, слова-метафоры, синтаксические конструкции, номинации, комбинация формы и значения, уровни языка.

Заключение

Данное исследование посвящено описанию способов реализации противоположных лексических единиц (антонимов), которое позволяет выстроить уровневую систему языка. В ходе исследования выявлены уровни языка, которые составляют его устройство, а именно морфемы / слова-части речи / слова-концепты / слова-метафоры/ синтаксические конструкции / номинации / комбинации формы и значения / уровни языка. Исследуемая область значения может реализовываться на различных уровнях языка, чье гармоническое целое подробно описано в работе.

Таким образом, спорные моменты о признании того или иного уровня, подкрепляются авторитетными гипотезами и концепциями, а также сопровождаются примерами употребления. Становление уровней подкрепляется фундаментальными положениями морфемики, морфологии, лексикологии, стилистики и смежными областями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. Т. 2 / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 384 с.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1975. – 559 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
4. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций (Языковая номинация: Общие вопросы) / В.Г. Гак. – М.: Наука, 1977. – 359 с.
5. Зубкова Л.Г. Целостность языка и его детерминанта в трактовке И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н.В. Крушевского / Л.Г. Зубкова // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2006. – 143. –кн. 3. – С. 73–82.
6. Зубова Л.В., Меньшикова Ю.В. Морфемика и словообразование русского языка / Л.В. Зубова, Ю.В. Меньшикова. – СПБ.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – 256 с.
7. Карманова З.Я. Феноменологические аспекты содержательной структуры слова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 56 с.

8. Комиссаров В.Н. Словарь антонимов современного английского языка / В.Н. Комиссаров. – М.: Междунар. отношения, 1964. – 289 с.
9. Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию. – М.: Наследие, 1998. – 293 с.
10. Левковская К.А. Основные проблемы общей теории слова и структурно-семантические особенности лексики конкретного языка в 2-х т.: дис. … д-ра филол. наук. М., 1962. 477 с.
11. Прохорова В.Н. О словах с противоположными значениями в русских говорах / В.Н. Прохорова // Филологические науки. – 1961. – № 1. – С. 122–127.
12. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Омен: МГУ, 1998. – 259 с.
13. Соколова Н.Л. К проблеме определения и классификации антонимов и их стилистического использования / Н.Л. Соколова // Филологические науки. – 1977. – № 6. – С. 60–69.
14. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания / Ю.С. Степанов. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
15. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. / Ф.Ф. Фортунатов. – М.: Учпедгиз, 1956. – 450 с.
16. Шакирьянов Л.М. Логико-семантический анализ контраста (на материале англоязычных экономических терминов) / Л.М. Шакирьянов // Неофилология. – 2023. – Т. 9. – № 3. – С. 553–560.
17. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1964. – 316 с.
18. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.
19. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.

© Шакирьянов Лев Морисович (levshakiryanov@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Abilov Azer Imamverdi Oglu – Candidate of Philological Sciences, editor-in-chief of the Adabiyat newspaper, Republic of Azerbaijan, Baku

Andreev A. – Deputy Director, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MIREA - Russian Technological University, Moscow

Antipov O. – candidate of biological sciences, associate professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine, and Biotechnology – MVA named after K.I. Scriabin

Aynulova S. – student, Pacific National University

Baranova A. – postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Bodrova P. – Assistant, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow)

Bogatyreva T. – Candidate of Philology, Associate Professor, Tula State University, Tula

Cheredova E. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Omsk State Pedagogical University

Evseeva Yu. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Mordovian State Pedagogical University, Saransk

Fakhretdinova G. – Senior Lecturer, Institute of Humanities and Social Sciences Ufa University of Science and Technology

Fedorov N. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor Melitopol State University

Fedorova E. – Candidate of Pedagogical Sciences, Professor Melitopol State University

Frolov V. – Assistant, FGBOU VO Pskov State University

Gavrikov D. – Postgraduate student, Ryazan State University named after. S.A. Yesenina

Gayanov A. – Senior lecturer, Police Lieutenant Colonel, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

Gezha R. – senior lecturer, Moscow State Academy of Veterinary Medicine, and Biotechnology – MVA named after K.I. Scriabin

Gorbatov L. – Candidate of Historical Sciences, Researcher, MAUK Museum-Reserve «Khurtuyah tas»

Our authors

Gordienko T. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-rector, State Budget Educational Institution of Higher Education Republic of Crimea Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Grosheva T. – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Mordovian State Pedagogical University, Saransk

Gurova L. – Surgut State University

Han Xueting – Graduate student, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg

Ionova A. – Senior Lecturer, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don

Ivanova V. – Senior Lecturer, Melitopol State University

Kapustina N. – Senior Lecturer, Volgodonsk Engineering and Technology Institute (Branch) National Research Nuclear University MEPhI

Karpenko A. – Postgraduate Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Donetsk State University

Khalitov A. – postgraduate student, Ufa State Petroleum Technical University

Kolesnik E. – Senior Lecturer, Crimean Law Institute (branch), University of the Prosecutor's office of the Russian Federation

Kulikova M. – Teacher, Moscow State Academy of Veterinary Medicine, and Biotechnology – MVA named after K.I. Scriabin

Kurbanov I. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow Technical University of Communications, and Informatics

Lapko A. – senior lecturer, Pacific National University

Laryukhina N. – Lecturer, Combined Arms Academy of the Russian Armed Forces, Moscow

Li Gengwei – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, China Changchun University

Li Xiaomin – Postgraduate Student, RUDN University, Moscow

Li Yiyao – Institute of Foreign Languages, Heilongjiang University of Science and Technology, Harbin, People's Republic of China

Lian Bingbing – postgraduate student, Immanuel Kant Baltic Federal University

Litvin N. – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Volgodonsk Engineering and Technical Institute (Branch) National Research Nuclear University MEPhI

Liu Yang – Professor, Heilongjiang University of Science and Technology Harbin, People's Republic of China

Losenko I. – Lecturer, Melitopol State University

Lutsyuk V. – candidate of agricultural sciences, associate professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine, and Biotechnology – MVA named after K.I. Scriabin

Ma Yan – Graduate student, Russian State Pedagogical Herzen University

Malakhova E. – Postgraduate student, Perm State National Research University

Nazarova E. – Candidate of Art History, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg

Novikova T. – postgraduate student, Novosibirsk State Pedagogical University; Director, Siberian Institute of Trade Union Movement, Novosibirsk

Plotnikov M. – Senior lecturer, National Research University Moscow Power Engineering Institute

Priladysheva L. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor Melitopol State University

Revunenkova S. – Senior Lecturer, Melitopol State University

Ribalchenko Yu. – Teacher, Melitopol State University

Rudenko V. – Lecturer, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Sadyim K. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kuban State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Krasnodar

Shakiryanov L. – Candidate of Philological Sciences, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education Bashkir State University (Ufa)

Shukshin S. – Candidate in Jurisprudence, Associate professor, First Vice-rector, Saint Petersburg State University of Culture

Sidorova N. – Doctor of Philology, Professor, Military University, Moscow

Sokolova O. – Senior Lecturer, National Research Technological University MISIS, Moscow

Sukhanova E. – Candidate of biological sciences, Associate professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine, and Biotechnology – MVA named after K.I. Scriabin

Sukhareva I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ufa State Petroleum Technical University

Timerbulatov T. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Bashkiria Institute of Social Technologies (branch), Educational institution of trade unions of Higher Education Academy of Labor and Social Relations

Timokhova E. – Postgraduate student, Moscow State linguistic Yniversity

Tsoraeva O. – Candidate of philology, Senior lecturer, National Research University Higher School of Economics, Moscow

Valeev A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, TISBI University of Management (Kazan)

Vasichenko K. – Senior Lecturer, Doctor of Philosophy, Xi'an University of Foreign Languages, China, Shaanxi Province, Xi'an City

Vinokurova N. – Associate Professor, Mordovian State Pedagogical University (Saransk)

Vlasova L. – Adjunct, Military University of the Ministry of Defense

Vostriakov L. – Doctor of political science, Professor, Saint-Petersburg State University of Culture

Wang Anqi – Graduate student, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Wang Lei – Doctor of Philology, senior lecturer, Harbin University of Science and Technology, Harbin, People's Republic of China

Yan Li – Associate Professor, Institute of International Cultural Exchange of Xinjiang Pedagogical University

Yusupov R. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ufa University of Science and Technology

Zemskov A. – Senior Lecturer, Mordovian State Pedagogical University (Saransk)

Zenchenkov I. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Donetsk State University

Zhang Chentong – Lecturer, Weinan Normal University, China; Graduate student, Moscow State Pedagogical University

Zhang Wei – Professor, Heihe University, Heihe, China

Zheng Xianlang – Graduate student, Institute of International Cultural Exchange of Xinjiang Pedagogical University

Zmazhenko I. – Associate Professor, Melitopol State University

Zubkova I. – Postgraduate Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Pedagogical University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).